

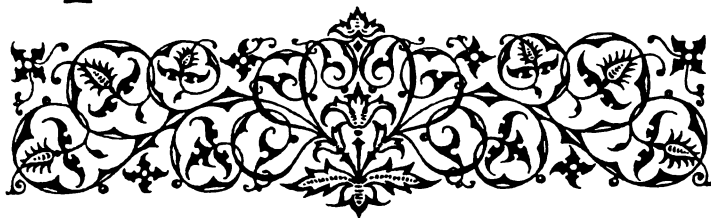
Зарубежная литература средних веков

Хрестоматия

Зарубежная литература средних веков

Хрестоматия

Составитель Б.И. Пуришев

Издание третье, исправленное

*Допущено
Учебно-методическим объединением
по специальностям педагогического образования
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальностям
032900 - русский язык и литература*

Москва «Высшая школа» 2004

УДК 82.09
ББК 83.3(0)4
3 35

Издание подготовлено к печати проф. В. А. Луковым

Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия /
3 35 Сост. Б. И. Пуришев; предисл. и подг. к печати В. А. Лукова. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 2004. — 816 с.; ил.

ISBN 5-06-004477-7

Хрестоматия, составленная и изданная в 1953 г. выдающимся ученым и педагогом Б. И. Пуришевым (1903—1989) и значительно обновленная и расширенная во втором издании (1974—1975), остается лучшим учебным изданием такого рода. В книге собраны произведения и фрагменты, позволяющие отчетливо представить пути развития средневековой литературы на протяжении целого тысячелетия, ее направления (рыцарская, клерикальная, городская литература), жанры (от грандиозных произведений героического эпоса до системы лирических жанров, средневековой драматургии). В хрестоматии раскрывается становление фигуры автора в литературном процессе от безымянных сочинителей раннего средневековья до Данте, Чосера и Вийона.

Новое издание хрестоматии, подготовленное проф. В. А. Луковым, соответствует Государственному образовательному стандарту и учебной программе по истории зарубежной литературы средних веков для педагогических вузов.

Для студентов филологических и исторических факультетов вузов, учащихся лицеев, гимназий, колледжей гуманитарного профиля.

724845

Учебное издание

УДК 82.09
ББК 83.3(0)4

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Составитель Борис Иванович Пуришев

Редактор Т. А. Феоктистова. Художник В. Н. Хомяков. Художественный редактор А. Ю. Войткевич. Технический редактор Л. А. Овчинникова. Корректор Е. И. Борисова.
Набор и верстка Г. А. Шестакова

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01

Изд. № ЛЖ-233. Сдано в набор 07.04.03. Подп. к печати 11.11.03. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. газетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Объем 51,0 усл. печ. л.
51,0 усл. кр.-отт. Тираж 5000 экз. Зак № Я-805

ФГУП «Издательство «Высшая школа», 127994, Москва, ГСП-4, Ул. Неглинная, д. 29/14.
Тел.: (095) 200-04-56

E-mail: info@v-shkola.ru <http://www.v-shkola.ru>

Отдел реализации: (095) 200-07-69, 200-59-39, факс: (095) 200-03-01.
E-mail: sales@v-shkola.ru

Отдел «Книга-почтой»: (095) 200-33-36. E-mail: bookpost@v-shkola.ru

Набрано на персональных компьютерах издательства

Отпечатано в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2

ISBN 5-06-004477-7

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2004

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа» и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Столетний юбилей Бориса Ивановича Пуришева (1903—1989) вновь привлекает внимание к трудам и личности этого выдающегося ученого и педагога, 60 лет преподававшего зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения, XVII—XVIII вв. в старейшем и крупнейшем педагогическом вузе страны, ныне носящем название Московский педагогический государственный университет. Авторитет в науке Б.И. Пуришеву принесли уникальные исследования памятников немецкой литературы. Но не меньшую известность он снискал как составитель хрестоматий, охвативших литературное развитие Европы на протяжении почти полутора тысячелетий от истоков средневековья до конца XVIII в. По этим хрестоматиям постигали историю зарубежной литературы несколько поколений отечественных филологов.

Б.И. Пуришев не стремился сформулировать свои идеи как систему принципов, составляющих в совокупности новый научный подход. В течение всей своей научной и преподавательской деятельности (конец 20-х — конец 80-х годов) он не входил в число специалистов, разрабатывающих социологический, историко-функциональный, структурно-системный, типологический и другие методы литературоведческого исследования, становившиеся на определенном этапе модными. Его интересовала проблема мировой литературы в контексте культуры, и применительно к характеристике этого взаимодействия он одним из первых разработал ряд историко-теоретических понятий (барокко, рококо в литературе и др.), обратился к обширному пласту литературных явлений второго ряда (например, к малоизвестным немецким писателям XV—XVII в.), к тем великим писателям, которые осуществляли в своем творчестве художественный синтез (прежде всего — к Гете). По этому же пути шли соратники и ученики Б.И. Пуришева, составившие мощную научную школу. В итоге Б.И. Пуришева по праву можно считать провозвестником историко-теоретического подхода в литературоведении — одного из самых плодотворных научных подходов последнего времени.

Историко-теоретический подход имеет два аспекта: с одной стороны, историко-литературное исследование приобретает ярко выраженное теоретическое звучание, с другой стороны, в науке утверждается представление о необходимости внесения исторического момента в теорию, осознания исторической изменчивости содержания научных терминов.

В свете историко-теоретического подхода искусство рассматривается как отражение действительности исторически сложившимся сознанием в исторически сложившихся формах.

Сторонники этого подхода стремятся рассматривать не только вершинные художественные явления, «золотой фонд» литературы, но все литературные факты без изъятия. Они требуют отсутствия предвзятости в отборе и оценке историко-литературного материала.

Одно из следствий историко-теоретического подхода заключается в признании того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Более того, применяя современную терминологию к таким явлениям, исследователь должен корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента.

Историко-теоретический подход дал убедительный ответ на вопросы, требовавшие разрешения, он позволил выявить значительный объем данных для создания образа развития культуры как волнообразной смены стабильных и переходных периодов.

Для периодов стабилизации характерна устремленность к системе и систематизации, поляризация культурных тенденций, известная замкнутость границ в сформировавшихся системах, выдвижение какой-либо центральной тенденции и — нередко — альтернативной ей тенденции на центральные позиции (классицизм и барокко в XVII в., романтизм и реализм в XIX в.), что нередко отмечено в названии периода (например, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения).

Напротив, для переходных периодов свойственны необычайная пестрота культурных явлений, быстрые изменения «географии культуры», многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них, известная открытость границ художественных систем, экспериментирование, приводящее к рождению новых культурных явлений, возникновение пред- и постсистем (предромантизм, неоклассицизм и т. д.), отличающихся от основных систем высокой степенью неопределенности и фрагментарности.

Переходность — главное отличительное качество таких периодов, причем лишь последующее развитие культуры позволяет ответить на вопрос, в каком направлении произошел переход, внутри же периода он

ощущается как некая неясность, повышенная изменчивость, заметная аморфность большого числа явлений.

Каждый тип культуры (стабильный или переходный) порождает и свой тип человека и его мировосприятия, а также утверждает свой специфический образ человека в сознании людей. Стабильные и переходные периоды чередуются.

Историко-теоретический подход был положен в основу «Истории всемирной литературы», издание которой осуществляется ИМЛИ РАН с 1983 г. Б.И. Пуришев был одним из авторов этого издания.

Историко-теоретический подход, ни разу не объявленный, тем не менее, лежит в основе и данной хрестоматии.

История ее создания такова. В 1936 г. вышло первое, а в 1938 г. — второе издание «Хрестоматии по западноевропейской литературе. Средние века», составленные проф. Р.О. Шор. Преждевременная смерть Р.О. Шор не позволила ей подготовить новое издание хрестоматии, и тогда издательство Учпедгиз обратилось к Б.И. Пуришеву с просьбой внести в учебное пособие необходимые коррективы. К тому времени он уже снискал авторитет как создатель хрестоматии по западноевропейской литературе XVII в., выдержавшей два издания. Несомненно, это был самый значительный труд такого рода, с блестяще разработанной системой отбора и комментирования литературного материала. Взявшись за усовершенствование хрестоматии Р.О. Шор, Б.И. Пуришев обратился к этой системе — и оказалось, что получилась совсем новая хрестоматия, в которой от старой были сохранены лишь наиболее ценные тексты. Так в 1953 г. появилось первое издание настоящей хрестоматии. В ней собраны произведения и фрагменты, позволяющие отчетливо представить пути развития средневековой литературы на протяжении целого тысячелетия, ее направления (рыцарская, клерикальная, городская литература), жанры от грандиозных произведений героического эпоса до системы лирических жанров поэзии трубадуров и жанров средневековой драматургии. В хрестоматии раскрывается становление фигуры автора в литературном процессе от безымянных сочинителей раннего средневековья до Данте, Чосера и Вийона.

В основу нынешнего, третьего издания положено второе издание, осуществленное в 1974—1975 гг. издательством «Просвещение». Оно было значительно расширено по сравнению с первым, но по чисто техническим причинам разделено на два тома, не имеющие номеров. Так появились книги с пространными названиями: «Зарубежная литература средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы» и «Зарубежная литература средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская,

сербская, болгарская литературы». Мы восстанавливаем единство труда Б.И. Пуришева — замечательного памятника отечественной культуры, до сих пор никем не превзойденного по богатству и уникальности отобранного материала, краткости, информативности и глубине комментариев. Сохраняя последовательность разделов, посвященных литературам разных народов и стран (хотя славянские литературы выглядят более архаичными по сравнению, например, с итальянской, где в XIII в. средневековые сменилось Предвозрождением), мы достигаем того эффекта, на который, очевидно, рассчитывал составитель: если книгу рассматривать как драму, то в месте кульминации окажется «Божественная комедия» Данте, что символично. В текст Б.И. Пуришева внесена минимальная правка технического и конъюнктурного характера, обновлен список изданий средневековой литературы в русских переводах, включен раздел об Августине Блаженном и заменены вступительные статьи о Данте и его «Божественной комедии», которые были совершенно испорчены редакторской правкой в духе не свойственной Б.И. Пуришеву политизированности, — все же после выхода второго издания прошло более четверти века, а книга адресуется сегодняшним студентам и школьникам, должна соответствовать действующим Государственным стандартам и новым учебным программам.

При подготовке хрестоматии к новому изданию использован опыт аналогичного переиздания хрестоматии Б.И. Пуришева «Западноевропейская литература XVII века», осуществленного издательством «Высшая школа» в 2001 г. и получившего самый положительный отклик в вузах страны.

Хрестоматия Б.И. Пуришева «Зарубежная литература средних веков» предназначена для студентов филологических и исторических факультетов вузов, учащихся лицеев, гимназий, колледжей гуманитарного профиля.

В.А. Луков

Латинская литература

Августин Блаженный

У истоков средневековой литературы стоит раннехристианская литература Поздней Античности. Аврелий Августин, прозванный Блаженным (354—430), — наиболее авторитетный из западных «отцов церкви».

Переходность эпохи, в которую он жил, отразилась в его жизни самым непосредственным образом. Его отец был язычником, мать — христианкой. В юности Августин увлекся античной риторикой и философией, его кумиром стал Цицерон. Многие годы Августин был сторонником манихейства, изучал астрологию. Переехав в Медиоланум (Милан), в 387 г. он принимает христианство. Его крестным отцом стал святой Амвросий Медиоланский, соединявший в своих взглядах христианство и неоплатонизм.

Под влиянием Амвросия Августин осудил манихейство, отверг идею Зла как самостоятельной субстанции и рассмотрел его как отсутствие Добра. Отверг он и астрологию с ее идеей предопределенности, выступил против пелагианства — одной из ранних христианских ересей. Пелагий считал, что Бог наделил человека свободой воли и каждый человек волен выбрать себе путь, какой хочет, но на том свете Бог каждому воздаст по справедливости, при этом отрицался первородный грех. В противоположность пелагианцам и астрологам Августин выдвинул идею благодати: Бог по своему произволу возвышает одних (посылает им благодать) и низвергает других вне зависимости от добрых или злых дел человеческих.

В известном противоречии с этой идеей находится учение Августина об аскетизме, которое он изложил в своем главном трактате «О граде Божьем» в 22 книгах, где противопоставлены град земной (империя) и град небесный (души людей, объединенные христианской церковью). В человеческом двуединстве тела (земного) и души (небесного) от тела нужно избавиться и воспарить к граду небесному.

В 397—401 гг. Августин написал «Исповедь» в 13 книгах — рассказ о своей жизни, адресованный Богу. Он пишет эту книгу для верующих, показывая на своем собственном примере, что можно быть большим грешником, нарушать многие заповеди, но, искренно предавшись Богу, избавиться от греховных помыслов. Путь спасения лежит через покаяние, отсюда характерные черты жанра исповеди, введенного в литературу Августином. В его труде сочетаются яркие описания событий личной жизни и их философско-религиозное осмысление. Впоследствии жанр исповеди получил развитие (в том числе и в светской литературе) и дал миру такие выдающиеся произведения, как «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо и «Исповедь» Л.Н. Толстого. Августин открывает сам принцип исповедальности, который свидетельствует об усилении авторского начала в искусстве и позже, в связи с развитием принципа психологизма, формирует целую систему художественных средств для описания

внутреннего мира человека. Августин был признан одним из главных авторитетов в христианстве, что объясняет огромную роль его идей и стиля в последующем развитии литературы.

Приводимый отрывок из 10 книги «Исповеди», раскрывающий философский взгляд Августина на проблему памяти, отразился не только в средневековой философии и литературе, но и в Новейшее время, предвзято одну из главных тем романа одного из «отцов модернизма» М. Пруста «В поисках утраченного времени»^{*}.

ИСПОВЕДЬ

КНИГА ДЕСЯТАЯ

VIII

12. Итак, [...] постепенно поднимаясь к Тому, Кто создал меня, прихожу к равнинам и обширным дворцам памяти, где находятся сокровищницы, куда свезены бесчисленные образы всего, что было воспринято. Там же сложены и все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и, вообще, как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства. Туда передано и там спрятано все, что забвением еще не поглощено и не погребено. Находясь там, я требую показать мне то, что я хочу; одно появляется тотчас же, другое приходится искать дольше, словно откапывая из каких-то тайников; что-то вырывается целой толпой, и вместо того, что ты ищешь и просишь, выскакивает вперед, словно говоря: «может, это нас?» Я мысленно гоню их прочь, и наконец, то, что мне нужно, проясняется и выходит из своих скрытых убежищ. Кое-что возникает легко и проходит в стройном порядке, который и требовался: идущее впереди уступает место следующему сзади и, уступив, скрывается, чтобы выступить вновь, когда я того пожелаю. Именно так и происходит, когда я рассказываю о чем-либо по памяти.

13. Там отдельно и по родам сохраняется все, что внесли внешние чувства, каждое своим путем: глаза сообщили о свете, о всех красках и формах тел, уши — о всевозможных звуках; о всех запахах — ноздри; о всех вкусах — рот; все тело в силу своей общей чувствительности — о том, что твердо или мягко, что горячо или холодно, гладко или шероховато, тяжело или легко, находится вне или в самом теле. Все это память принимает для последующей, если она потребуется, переработки и обдумывания, в свои обширные кладовые и еще в какие-то укромные неопишуемые закоулки: для всего имеется собственный вход, и все там складывается.

^{*} Сост. раздела и вступ. ст. В.А. Лукова.

Входят, однако, не сами чувственные предметы, а образы их, сразу же предстающие перед умственным взором того, кто о них вспомнил. Кто скажет, как они образовались, хотя и ясно, каким чувством они схвачены и спрятаны внутри?

Пусть я живу в темноте и безмолвии, но если захочу, я могу вызвать в памяти краски, различу белое от черного, да и любые цвета один от другого. Тут же находятся и звуки, но они не вторгаются и не вносят путаницы в созерцаемые мной зрительные образы: они словно спрятаны и отложены в сторону. Я могу, если мне угодно, вытребовать и их, и они тут как тут: язык мой в покое, горло молчит, а я пою, сколько хочется, и зрительные образы, которые, однако, никуда не делись, не вмешиваются и ничего не нарушают, пока я перебираю другую сокровищницу, собранную слухом. Таким же образом вспоминаю я, когда мне захочется, то, что внесено и собрано другими моими чувствами; отличаю, ничего не обоняя, запах лилий от запаха фиалок; предпочитаю мед виноградному соку и мягкое жесткому, ничего при этом не отведывая и ничего не ощущая, а только вспоминая.

14. Все это происходит во мне, в огромных палатах моей памяти. Там в моем распоряжении небо, земля, море и все, что я смог воспринять чувством, — все, кроме мной забытого. Там встречаюсь я и сам с собой и вспоминаю, что я делал, когда, где и что чувствовал в то время, как это делал. Там находится все, что я помню из проверенного собственным опытом и принятого на веру от других. Пользуясь этим же богатством, я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды — все это я вновь и вновь обдумываю как настоящее. «Я сделаю то-то и то-то», — говорю я себе в уме моем, этом огромном вместилище, полном стольких великих образов, — за этим следует вывод: «О если бы случилось то-то и то-то!». «Да отвратит Господь то-то и то-то», — говорю я себе, и когда говорю, тут же предстают передо мной образы всего, о чем говорю, извлеченные из той же сокровищницы памяти. Не будь их там, я не мог бы вообще ничего сказать.

15. Велика она, эта сила памяти, Господи, слишком велика! Это святилище величины беспредельной. Кто исследует его глубины! И, однако, это сила моего ума, она свойственна моей природе, но я сам не могу полностью вместить себя. Ум тесен, чтобы овладеть собой же. Где же находится то самое, чего он не вмещает? Ужели вне его, а не в нем же самом? Каким же образом он не вмещает этого? Великое изумление все это вызывает во мне, оцепенение охватывает меня.

И люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звезд, — а себя самих оставляют в стороне! Их не удивляет, что, говоря обо всем этом, я не вижу этого перед собой, но я не мог бы об этом говорить, если бы не видел в себе, в памяти своей, и гор, и волн, и рек, и звезд (это я видел наяву), и океана, о котором слышал, во всей огромности их, словно я вижу их въявь перед собой. И, однако, не их поглотил я, глядя на них своими глазами; не они сами во мне, а только образы их, и я знаю, что и каким телесным чувством запечатлено во мне.

IX

16. Не только это содержит в себе огромноеместилище моей памяти. Там находятся все сведения, полученные при изучении свободных наук и еще не забытые; они словно засунуты куда-то внутрь, в какое-то место, которое не является местом: я несу в себе не образы их, а сами предметы. Все мои знания о грамматике, о диалектике, о разных видах вопросов живут в моей памяти, причем ею удержан не образ предмета, оставшегося вне меня, а самый предмет. Это не отзвучало и не исчезло, как голос, оставивший в ушах свой след и будто вновь звучащий, хотя он и не звучит, как запах, который, проносясь и тая в воздухе, действует на обоняние и передает памяти свой образ, который мы восстанавливаем и в воспоминании; как пища, которая, конечно, в желудке теряет свой вкус, но в памяти остается вкусной; как вообще нечто, что ощущается на ощупь и что представляется памяти, находясь даже вдали от нас. Не самые эти явления впускает к себе память, а только с изумительной быстротой овладевает их образами, раскладывает по удивительным кладовкам, а воспоминание удивительным образом их вынимает.

X

17. В самом деле, когда я слышу, что вопросы бывают трех видов: существует ли такой-то предмет? что он собой представляет? каковы его качества? то я получаю образы звуков, из которых составлены эти слова, и знаю, что эти звуки прошуршат в воздухе и исчезнут. Мысли же, которые обозначаются этими звуками, я не мог воспринять ни одним своим телесным чувством и нигде не мог увидеть, кроме как в своем уме; в памяти я спрятал не образы этих мыслей, а сами мысли. Откуда они вошли в меня? пусть объяснит, кто может. Я обхожу все двери моей плоти и не нахожу, через какую они могли проникнуть. Глаза говорят:

«Если у них есть цвет, то возвестили о них мы». Уши говорят: «Если они звучат, то о них доложили мы». Ноздри говорят: «Если они пахнут, то они прошли через нас». Чувство вкуса говорит: «Если у них нет вкуса, то нечего меня и спрашивать». Осязание говорит: «Если они бестелесны, то нельзя их ощупать, а если нельзя ощупать, то не могу я о них и доложить». Откуда же и каким путем вошли они в память мою, не знаю. Я усвоил эти сведения, доверяясь не чужому разуму, но, проверив собственным, признал правильными и отдал ему как бы на хранение, чтобы взять по желанию. Они, следовательно, были там и до того, как я их усвоил, но в памяти моей их не было. Где же были они и почему, когда мне о них заговорили, я их узнал и сказал: «Это так, это правильно»? Единственное объяснение: они уже были в моей памяти, но были словно запрятаны и засунуты в самых отдаленных ее пещерах, так что, пожалуй, я и не смог бы о них подумать, если бы кто-то не побудил меня их откопать.

XI

18. Итак, мы находим следующее: познакомиться с тем, о чем мы узнаем не через образы, доставляемые органами чувств, а без образов, через внутреннее созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде, — это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросанно и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, но заброшенное и раскиданное, расставить так, чтобы оно находилось в самой памяти как бы под рукой и легко появлялось при обычном усилии ума.

Сколько хранит моя память уже известного и, как я сказал, лежащего под рукой, о чем говорится: «Мы это изучили и знаем». Если я перестану в течение малого промежутка времени перебирать в памяти эти сведения, они вновь уйдут вглубь и словно соскользнут в укромные тайники. Их придется опять как нечто новое извлекать мысленно оттуда — нигде в другом месте их нет, — чтобы с ними познакомиться. Вновь свести вместе, т. е. собрать как что-то рассыпавшееся. [...]

XII

19. В памяти содержатся также бесчисленные соотношения и законы, касающиеся чисел и пространственных величин; их не могло сообщить нам ни одно телесное чувство, ибо они не имеют ни цвета, ни запаха, ни вкуса, не издают звуков и не могут быть ощупаны. Я слышу

звук слов, которыми их обозначают, о них рассуждая, но слова эти — одно, а предмет рассуждений — совсем другое. Слова звучат иначе по-гречески, иначе по-латыни, самый же предмет существует независимо от греческого, латинского и любого другого языка. [...]

XIII

20. Все это я держу в памяти, и как этому выучился, держу в памяти. Множество ошибочнейших возражений на это я слышал и держу их в памяти, и хотя они ошибочны, но то, что я их запомнил, в этом я не ошибаюсь. Я провел границу между правильным и ошибочными противоречиями правильному. И это помню, но вижу теперь, что провести эту границу — одно, а помнить, что я часто ее проводил, часто об этом размышляя, — это другое. Итак, с одной стороны, я помню, что часто приходили мне в голову эти соображения, с другой же, то, что я сейчас различаю и понимаю, я складываю в памяти, чтобы потом вспомнить о том, что сегодня я это понимал. И я помню, что я помнил, и если потом вспомню, что мог сегодня это припомнить, то вспомню об этом, конечно, пользуясь силой моей памяти.

XIV

21. И мои душевные состояния хранит та же память, только не в том виде, в каком их когда-то переживала душа, а в другом, совсем разном и соответствующем силе памяти. Я вспоминаю, не радуясь сейчас, что когда-то радовался; привожу на память прошлую печаль, сейчас не печалюсь; не испытывая страха, представляю себе, как некогда боялся, и бесстрастно припоминаю свою былую страсть. Бывает и наоборот: бывшую печаль вспоминаю я радостно, а радость — с печалью. Нечего было бы удивляться, если бы речь шла о теле, но ведь душа — одно, а тело — другое. Если я весело вспоминаю о прошедшей телесной боли, это не так удивительно. Но ведь память и есть душа, ум; когда мы даем какое-либо поручение, которое следует держать в памяти, мы говорим: «смотри, держи это в уме»; забыв, говорим: «не было в уме»; «из ума вон» — мы, следовательно, называем память душой, умом, а раз это так, то что же это такое? Когда я, радуясь, вспоминаю свою прошлую печаль, в душе моей живет радость, а в памяти печаль: душа радуется, оттого что в ней радость, память же оттого, что в ней печаль, не опечалена. Или память не имеет отношения к душе? Кто осмелился бы это сказать! Нет, память это как бы желудок души, а радость и печаль. — это пища, сладкая и горькая: вверенные памяти, они как бы

переправлены в желудок, где могут лежать, но сохранить вкус не могут. Это уподобление может показаться смешным, но некоторое сходство тут есть.

22. И вот из памяти своей извлекаю я сведения о четырех чувствах, волнующих душу: это страсть, радость, страх и печаль. Все мои рассуждения о них, деления каждого на виды, соответствующие его роду, и определения их — все, что об этом можно сказать, я нахожу в памяти и оттуда извлекаю, причем ни одно из этих волнующих чувств при воспоминании о нем меня волновать не будет. Еще до того, как я стал вспоминать их и вновь пересматривать, они были в памяти, потому и можно было их извлечь воспоминанием. Может быть, как пища поднимается из желудка при жвачке, так и воспоминание поднимает эти чувства из памяти. Почему же рассуждающий о них, т. е. их вспоминающий, не чувствует сладкого привкуса радости или горького привкуса печали? Не в том ли несходство, что нет полного сходства? Кто бы по доброй воле стал говорить об этих чувствах, если бы всякий раз при упоминании печали или страха нам приходилось грустить или бояться? И, однако, мы не могли бы говорить о них, не найди мы в памяти своей не только их названий, соответствующих образам, запечатленным телесными чувствами, но и знакомства с этими самыми чувствами, которое мы не могли получить ни через одни телесные двери. Душа, по опыту знакомая со своими страстями, передала это знание памяти, или сама память удержала его без всякой передачи.

XV

23. С помощью образов или без них? Кто скажет! Я говорю о камне, говорю о солнце; я не воспринимаю их сейчас своими чувствами, но образы их, конечно, тут, в моей памяти. Я называю телесную боль — а ее у меня нет, ничто ведь не болит. Если бы, однако, образ ее не присутствовал в моей памяти, я не знал бы, что мне сказать, и сумел бы, рассуждая, провести границу между ней и наслаждением. Я говорю о телесном здоровье, будучи здоров телом; качеством этим я обладаю, но если бы образ находился в моей памяти, я никак не мог бы припомнить, что значит это слово. И больные не понимали бы значения слова «здоровье», если бы образ его не был удержан памятью, хотя самого здоровья у них и нет.

Я называю числа, с помощью которых мы ведем счет, — вот они в памяти моей: не образы их, а они сами. Я называю образ солнца — и он находится в моей памяти; я вспоминаю не образ образа, а самый образ,

который и предстает при воспоминании о нем. Я говорю «память» и понимаю, о чем говорю. А где могу я узнать о ней, как не в самой памяти? Неужели она видит себя с помощью образа, а не непосредственно?

XVI

24. Далее: когда я произношу «забывчивость», я также знаю, о чем говорю, но откуда мог бы я знать, что это такое, если бы об этом не помнил? Я ведь говорю не о названии, а о том, что это название означает; если бы я это забыл, то я не в силах был бы понять смысл самого названия. Когда я вспоминаю о памяти, то тут в наличии сама память, непосредственно действующая, но когда я вспоминаю о забывчивости, то тут в наличии и память, и забывчивость: память, которой я вспоминаю, и забывчивость, о которой я вспоминаю. Но что такое забывчивость, как не утеря памяти? Каким же образом могу я вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? Но если мы удерживаем в памяти то, о чем вспоминаем, то, не помни мы, что такое забывчивость, мы никак не могли бы, услышав это слово, понять его смысл; о забывчивости, следовательно, помнит память: наличие ее необходимо, чтобы не забывать, и в то же время при наличии ее мы забываем. Не следует ли из этого, что не сама забывчивость присутствует в памяти, когда мы о ней вспоминаем, а только ее образ, ибо, присутствуя она сама, она заставила бы нас не вспомнить, а забыть. Кто сможет это исследовать? Кто поймет, как это происходит? [...]

XVII

26. Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам. Что же я такое, Боже мой? Какова природа моя? Жизнь пестрая, многообразная, бесконечной неизмеримости!

Широки поля моей памяти, ее бесчисленные пещеры и ущелья полны неисчислимого, бесчисленного разнообразия: вот образы всяких тел, вот подлинники, с которыми знакомят нас науки, вот какие-то отметины и заметки, оставленные душевными состояниями, — хотя душа их сейчас и не переживает, но они хранятся в памяти, ибо в памяти есть все, что только было в душе. Я пробегаю и проношусь повсюду, проникаю даже вглубь, насколько могу, — и нигде нет предела; такова сила памяти, такова сила жизни в человеке, живущем для смерти. Что же делать мне, Боже мой, истинная Жизнь моя? Пренебрегу этой силой

моей, которая называется памятью, пренебрегу ею, чтобы устремиться к Тебе, сладостный Свет мой. Что скажешь Ты мне? Я поднимаюсь к тебе душой своей — Ты пребываешь ведь надо мной — и пренебрегу этой силой, которая называется памятью; я хочу прикоснуться к тебе там, где Ты доступен прикосновению, прильнуть к Тебе там, где возможно прильнуть. Память есть и у животных, и у птиц, иначе они не находили бы своих логовищ, гнезд и многого другого, им привычного; привыкнуть же они могли только благодаря памяти. Я пренебрегу памятью, чтобы прикоснуться к Тому, Кто отделил меня от четвероногих и сделал мудрее небесных птиц. Пренебрегу памятью, чтобы найти Тебя. Где? Истинно добрый, верный и сладостный, где найти Тебя? Если не найду Тебя в моей памяти, значит, я не помню Тебя. А как же я найду Тебя, если я Тебя не помню? [...]

XIX

28. [...] А когда сама память теряет что-то, как это когда мы забываем и силимся припомнить, то где производим мы наши поиски, как не в самой памяти? И если случайно она показывает нам что-то другое, мы это отбрасываем, пока не появится именно то, что мы ищем. А когда это появилось, мы говорим: «Вот оно!». Мы не сказали бы так, не узнай мы искомого, и мы не узнали бы его, если бы о нем не помнили. Мы о нем, правда, забыли. Разве, однако, оно совсем выпало из памяти и нельзя по удержанной части найти и другую? Разве память не чувствует, что она не может целиком развернуть то, к чему она привыкла как к целому? Ущемленная в привычном, словно охромев, не потребует ли она возвращения недостающего? Если мы видим знакомого или думаем о нем и припоминаем его забытое имя, то любое, пришедшее в голову, с этим человеком не свяжется, потому что нет привычки мысленно объединять их. Отброшены будут все имена, пока не появится то, на котором и успокоится память, пришедшая в равновесие от привычного ей сведения. А где было это имя, как не в самой памяти? Если даже нам напомним его кто-то другой, оно все равно находилось там. Мы ведь не принимаем его на веру, как нечто новое, но, вспоминая, только подтверждаем сказанное нам. Если же это имя совершенно стерлось в памяти, то тут не помогут никакие напоминания. Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утеряннго, если бы совершенно о нем забыли.

724845

УЧЕНАЯ ПОЭЗИЯ VIII—IX ВВ.

В истории культуры средних веков кратковременным, но весьма примечательным эпизодом явилось так называемое каролингское Возрождение. Его главными представителями были ученые-поэты различных национальностей, собранные при дворе Карла Великого.

В задачу придворных поэтов входило прославление императора и его начинаний, а также прямое содействие этим начинаниям. Стремясь создать централизованное феодальное государство, управляемое посредством имперских чиновников, Карл Великий был крайне заинтересован в организации ряда школ для подготовки необходимых кадров грамотного чиновничества и духовенства, преданных феодальному монарху. Придворные ученые принимали самое деятельное участие в этих мероприятиях. Тем самым и в качестве писателей, и в качестве педагогов они способствовали упрочению каролингской феодальной империи.

Ведущую роль в придворном ученом обществе, по античному примеру названном Академией, играл англосакс Алкуин, один из наиболее образованных людей того времени. Видными писателями были также находившиеся при императорском дворе Павел Диакон из Ломбардии, Теодульф, вестгот из Испании, франк Эйнхард — автор «Жизнеописания Карла Великого». Все они писали свои произведения на латинском языке, который являлся государственным языком имперских учреждений. Это предпочтение латинского языка имело двоякий смысл. Поскольку обширная империя Карла Великого включала многочисленные племена и народности, говорившие на своих языках, латинский язык приобрел большое значение как средство культурного и политического объединения всех имперских земель. Вместе с тем феодальная империя Карла Великого претендовала на то, чтобы выступать в роли прямой наследницы погибшей Римской империи. Карл носил титул «императора римлян» и стремился создать централизованное государство по римскому образцу. В этом плане латинский язык в качестве официального языка культуры и государства приобретал особый смысл: он должен был знаменовать историческое родство обеих империй. Стремление приблизиться к античности было характерно и для ученой литературы каролингского периода. Начитанность в древних авторах почиталась академиками одним из важнейших признаков образованности. Поэты принимают античные прозвища: Алкуин называет себя Горацием, аббат Ангильберт — Гомером и т.п. Изучение античной поэзии подсказывает каролингским поэтам различные литературные формы. В большом ходу классические метры (гекзаметр, элегический дистих, анакреонов стих, ямбический диметр и другие лирические размеры), классические строфы (сапфические, асклепиадовы, архилоховы и другие строфы), классические жанры (панегирики, послания, эпитафии, эклоги, басни и др.). «Возрождение» античности в эстетической сфере должно было санкционировать всесторонние имперские притязания каролингской монархии. «Рим золотой обновлен и опять возродился для мира», — писал один из каролингских поэтов (Муадвин-Назон, «Эклога», 27). Но, конечно, подобно тому как феодально-христианская империя Карла Великого была весьма далека от империи древнеримской, так и литература каролингского Возрождения была весьма далека от литературы античной. В старые классические формы каролингские поэты вливали новое средневековое содержание. Языческие представления древних были им глубоко чужды. Глубоко чужд был им также чувственный элемент, столь характерный для искусства классической древности. Драпируясь в классические одежды, они продолжали оставаться типичными представителями христианской средневековой культуры. Служитель муз был неотделим от

Застежка из слоновой кости. VI в.

служителя церкви. Однако, будучи прежде всего придворными поэтами, академики отнюдь не являлись поэтами церковными в узком смысле этого слова. Они охотно касались самых различных светских тем, начиная с панегирического описания охоты Карла Великого (Ангильберт) и кончая дружескими посланиями и веселыми анекдотами. Со временем церковное начало в ученой поэзии возобладало над светским. Уже при сыне Карла Великого Людовике Благочестивом Академия перестает существовать. С распадом каролингской империи исчезает потребность в универсальной латинской светской литературе. Происходит децентрализация культурной жизни. Возрастает роль монастырей. В то же время традиции каролингского Возрождения угасают не сразу. На это указывает творчество ряда видных поэтов IX в., позднее академиков, вступивших на литературную арену (алеманн Валахфрид Страбон, ирландец Седулий Скотт и др.).

В период глубокого падения западноевропейской культуры поэзия каролингского Возрождения была явлением незаурядным. Конечно, это была поэзия весьма ограниченного социального круга, но она все же не была безжизненной и узко книжной. Она откликалась на текущие события. Ей был подчас присущ подлинный лиризм. Особенно примечательны в этом отношении стихотворения, посвященные дружеским чувствам, заменявшие в то время любовную лирику. О развитом чувстве природы свидетельствуют природоописательные стихотворения. Иногда ученые поэты выступали в роли обличителей и сатириков, нападая на дурных правителей или на пороки католического клира. Порой в некоторых произведениях ученой поэзии даже слышится отзвук народной словесности. Возможно, что к фольклорным мотивам отчасти восходит «Словопрение Весны с Зимой» Алкуина. А побасенка Теодульфа «Об утерянной лошади» весьма напоминает какое-нибудь народное фabelю о спасительной хитрости. Но обращение к фольклору отнюдь не определяет основного характера каролингской поэзии. Последняя прежде всего являлась поэзией придворной. В ней большое место занимали произведения, восхвалявшие царствующий дом, придворных и церковь, а также произведения религиозного характера. При всех своих «классических» тенденциях ученые-поэты были ограничены узким кругом средневекового феодально-теологического мировоззрения.

Алкуин

Алкуин (около 730—804) — англосакс знатного рода. Образование получил в Йоркской епископской школе (на севере Англии). С 778 г. — диакон и учитель. Во время путешествия в Рим в 781 г. встретился в Парме с Карлом Великим, который привлек его к своему двору. С 793 г. Алкуин становится руководителем придворной школы в Аахене и главой Академии. С 796 г. он — аббат монастыря св. Мартина в Туре. Активная деятельность Алкуина во многом способствовала тому, что двор Карла стал главным культурным центром Франкского государства. Основывая образовательные учреждения, Алкуин развил энергичную деятельность и в качестве педагога. Из-под его пера вышли произведения самого разнообразного содержания: богословские трактаты, руководства по философии, математике, астрономии, риторике и грамматике, обширная переписка на личные и научные темы, жития святых, поэма о Йоркской церкви, многочисленные стихотворения. Используя отдельные элементы античной образованности (так, свою поэму о князьях и епископах йоркских Алкуин пишет по образцу произведений Вергилия), Алкуин, подобно другим деятелям каролинского Возрождения, не выходит за пределы религиозного средневекового мировоззрения. Языческая античная культура была для ученого клирика лишь средством истолкования и углубления христианской догматики. Гораздо менее скована догматическими канонами лирическая поэзия Алкуина.

АЛКУИН — КОРОЛЮ

СТИХИ ГЕРОИЧЕСКИЕ^a

- ¹ Пусть прочтает меня, кто мысль хочет древних постигнуть,
Тот, кто меня поймет, грубость^b отбросит навек.
Я не хочу, чтобы был мой читатель лживым и чванным:
Преданной, скромной души я возлюбил глубину.
- ⁵ Пусть же любитель наук не брезгует этим богатством,
Кое привозит ему с родины дальней^c пловец.

СЛОВОПРЕНИЕ ВЕСНЫ С ЗИМОЙ

- ¹ Сразу все вместе в кружок, спустившись со склонов высоких,
Пастыри стад собрались при свете весеннем под тенью
Дерева, чтоб сообща веселых Камен возвеличить.
Юноша Дафнис пришел и с ним престарелый Палемон^d;

^a Очевидно, недоразумение переписчика: стихи элегические.

^b Достаточно постигнуть смысл античных авторов, чтобы перейти в разряд культурных людей.

^c То есть из Англии.

^d Палемон и Дафнис — герои III и VIII эклог Вергилия.

- ⁵ Стали готовиться все сложить славословье кукушке.
Гений Весны подошел, опоясан гирляндой цветочной,
Злая явилась Зима с торчащею мерзлой щетиной;
Спор превеликий меж них возник из-за гимна кукушке.
Гений Весны приступил к хваленью тройными стихами.

В е с н а

- ¹⁰ Пусть же кукушка моя возвратится, любезная птица,
Та, что во всяком доме является гостьей желанной,
Добрые песни свои распевая коричневым клювом.

З и м а

- Тут ледяная зима ответила голосом строгим:
Пусть не вернется совсем, но дремлет в глубоких пещерах,
¹⁵ Ибо обычно она голодовку приносит с собою.

В е с н а

Пусть же кукушка моя возвратится со восходом веселым,
Пусть прогоняет мороз благотворная спутница Феба.
Любит сам Феб ей внимать при ясной заре восходящей.

З и м а

- Пусть не вернется совсем, ибо труд она тяжкий приносит,
²⁰ Войнам начало дает и любимый покой нарушает,
Сеет повсюду раздор, так что страждут и море, и земли.

В е с н а

Что ты, лентяйка Зима, на кукушку хулу воздвигаешь,
Грузно сама ты лежишь в беспамятстве в темных пещерах
После Венеры пиров, после чаш неразумного Вакха.

З и м а

²⁵ Много богатств у меня — так много и пиршеств веселых,
Есть и приятный покой, есть огонь, согревающий в доме.
Нет у кукушки того, но должна она, лгунья, работать.

В е с н а

С песней приносит цветы и медá расточает кукушка,
Сооружает дома и пускает суда в тихих водах,
³⁰ Людям потомство несет и в веселье поля одевает.

З и м а

Мне ненавистно все то, что тебе представляется светлым:
Нравится мне в сундуках пересчитывать груды сокровищ;
Яствами дух веселить и всегда наслаждаться покоем.

В е с н а

Кто бы, лентяйка Зима, постоянно готовая к спячке,
³⁵ Клады тебе собирал и сокровища эти скопил бы,
Если бы Лето с Весной сперва за тебя не трудились?

З и м а

Правда твоя, ибо так на меня суждено им трудиться;
Оба они, как рабы, подвластные нашей державе,
Мне, как своей госпоже, усердно служат работой.

В е с н а

⁴⁰ Где тебе быть госпожой, хвастливая ты побирушка!
Ты и своей головы сама прокормить не способна,
Если тебе, прилетев, кукушка не даст пропитанья.

П а л е м о н

Тут провещал с торжеством с высокого трона Палемон,
Дафнис же вторил ему и толпа пастухов добронравных:
⁴⁵ Будет с тебя, о Зима! Ты, злодейка, лишь тратить умеешь.
Пусть же кукушка придет, пастухов дорогая подруга,

Пусть и на наших полях созревают веселые всходы,
 Будет трава для скота и покой вожденный на нивах,
 Ветви зеленые вновь да прострут свою тень над усталым,
⁵⁰ С выменем полным опять пойдут на удой наши козы,
 Птицы на все голоса будут снова приветствовать Феба.
 Вот почему поскорей вернись, дорогая кукушка,
 Сладкая наша любовь, для всех ты желанная гостя:
 Ждет тебя жадно весь мир. И небо, и море, и земли.
 Здравствуй, кукушка-краса, во веки ты вечные здравствуй!

АЛЬБИН^a КОРИДОНУ^b

¹ Вот твой Альбин восвояси, злых волн избежав, возвратился^c,
 Высокостольный помог путнику благостный бог.
 Ныне он рад тебя при — пилигримским — зывать
 песнопеньем^d,
 О, Коридон, Коридон, о, многосладостный друг.
⁵ Ты же порхаешь теперь по обширным дворцам королевским.
 Напоминая шальной птицы полет над волной,
 Ты, что с младенческих лет, взалкавший Премудрости млека,
 К груди священной приник, знания вбирая из книг.
 Но пока время текло и входил постепенно ты в возраст,
¹⁰ Начал ты сердцем вкушать много питательных яств.
 Крепкий фалернского сок из погреба древности пил ты:
 Все это ты без труда быстрым умом одолел.
 Все, что святые отцы измыслили в давнее время,
 Все благородный тебе разум умел открывать.
¹⁵ Часто в речах разъяснял ты тайны Святого писанья,
 В час, когда в божьих церквах голос твой громко звучал.
 Стану ль теперь вспоминать, певец, твои школьные песни,
 Коими ты побеждал опытных старцев не раз?
 Прежде все пело в тебе. Вся внутренность, волосы даже...
²⁰ Ныне язык твой молчит! Что же язык твой молчит?
 Или, быть может, отвык язык твой слагать песнонепья?

^a Альбин — переименованное Алкуин.

^b Неизвестное лицо.

^c В 793 г. из Англии.

^d Между двумя составными частями сложного слова иногда вставляют другое слово или даже несколько слов. Такая поэтическая фигура называется *тмесис*. Восходит к греческим классикам (например, встречается у Гомера).

Или, быть может, заснул днес твой язык, Коридон?
 Дремлет и сам Коридон, когда-то схоласт многоумный;
 Бахусом он усыплен. Проклят будь, Бахус-отец!
²⁵ Проклят будь, ибо ты рад смущать освященные души,
 И Коридон мой тобой ныне молчать осужден,
 Пьяненьким мой Коридон в покоях дворцовых блуждает,
 Он про Альбина забыл и про себя позабыл.
 Песни своей не послал отцу ты навстречу,
³⁰ Чтобы привет принести. Я же промолвлю: «Прости!»
 Неучем стал Коридон, ибо так в стародавние годы
 Молвил Вергилий-пророк: «Ты селянин, Коридон»^а.
 Лучше же вспомни слова второго Назона^б-пииты:
 «Ты иерей, Коридон!» Будь же во веки здоров.

Павел Диакон

Павел Диакон — лангобард знатного рода (годы рождения и смерти неизвестны). Воспитание и образование получил в Павии. Служил при дворе лангобардского короля Дезидерия. После завоевания Ломбардии Карлом Великим Павел, хлопоча о брате, угнанном в плен, попадает в 782 г. ко двору Карла, где встречает весьма радушный прием. В дальнейшем возвращается в Италию. Главный труд Павла — «История лангобардов» — самый ценный источник по истории лангобардов и их фольклору. Значительный интерес представляют также поэтические творения Павла.

ВО СЛАВУ ЛАРСКОГО ОЗЕРА^с

¹ Как я начну воспевать хвалу тебе, Ларий великий?
 Щедрые блага твои как я начну воспевать?
 С круглым изгибом рога у тебя, как на черепе бычьем.

^а Смысл слов Вергилия (эклога II, 56): «Ты прост, как деревенский парень: не о подарках печется Алексий» и т. д. («Rusticus-es Corydon: nec munera curat Alexis...»). У Алкуина *rusticus* утерало свой идиллический смысл («наивный», «простоватый») и подчинилось каролингскому словоупотреблению, в котором оно всегда противопоставляется «ученому» (*sapiens, sorphus*), «любителю мудрости» (*sophiae*), т. е. человеку, вкушившему от классической и церковной науки, достойному быть принятым в кружок академических любителей мудрости.

^б Второй Назон — автор «Эклог», в которой прославляются царствование Карла, двор и Академия. Его отождествляют с Муадвином (около 840), епископом Августодунским (Autun). Стихотворение, где встречается указанный стих, не сохранилось.

^с Речь идет об озере Лаго ди Комо в Ломбардии.

Дали название тебе с круглым изгибом рога^а.
 Много несешь ты даров, богатый, для божьих приютов,
 Для королевских столов много несешь ты даров.
 Вечно весна над тобой: опоясан ты дерном зеленым.
 Ты побеждаешь мороз! Вечно весна над тобой!
 Средь плодоносных олив окруженный лесистой каймою,
¹⁰ Вечно богат ты листвою средь плодоносных олив.
 Вот поспевают гранат, в садах твоих радостно рдея,
 В зарослях лавра таясь, вот поспевают гранат.
 Мирт благовонных кусты кистями струят ароматы,
 Радуют блеском листвы мирт благовонных кусты.
 Запахом их победил едва появившийся персик,
 Всех же, конечно, лимон запахом их победил.
 Перед тобою ничто, по мне, и Аверн темноводный,
 Гордость Эпирских озер перед тобою ничто:
 Перед тобою ничто хрустальные воды Фукина,
²⁰ Даже могучий Лукрин^б перед тобою ничто.
 Воды б ты все превзошел, когда б ты носил Иисуса,
 Будь в Галилее ты встарь, воды ты б все превзошел.
 Волны свои удержи, чтоб они челноков не топили,
 Чтоб не губили людей, волны свои удержи.
 Этого зла избежав, будешь всегда прославляем,
 Будешь всегда ты любим, этого зла избежав.
 Будь тебе честь и хвала, необъятная Троица, вечно!
 Столько создавшей чудес, будь тебе честь и хвала.
 Ты, прочитавший сие, скажи: «Прости, господи, Павла».
³⁰ Просьбы моей не презри ты, прочитавший сие.

ЭПИТАФИЯ ПЛЕМЯННИЦЕ СОФИИ

¹ Росною стала от слез земля, дорогая София,
 Что поглотила тебя, о, наш лучезарный алмаз...
 Ты украшеньем семьи была, миловидная дева,
 Ибо на этой земле краше тебя не найти.
⁵ Ах, уж с младенческих лет была ты разумницей милой:

^а Лары (домашние, полевые и прочие духи) изображались у римлян всегда с изогнутым рогом в руке.
 Аверн и Лукрин — озера Кампании, Фукин — озеро в Апенниннах; гордость Эпирских озер — озеро Ахерусия, из которого, согласно легенде, течет адская река Ахерон.

- Древние старцы твоим жадно внимали словам.
То, что и в сутки подчас другим не давалось подросткам,
Все это ты без труда сразу могла постигать.
Вслед за кончиной твоей и бабушка жить отказалась:
¹⁰ Ранний конец твой повлек гибель ее за собой.
Ложь тебе и супруг уже уготованы были;
Крепко надеялись мы внука дожидаться от вас.
Горе мне! Ныне тебе, вместо ложа, готовим могилу,
Вместо венчальных огней — скорбный обряд похорон.
¹⁵ В грудь ударяем, увы, вместо всплесков веселых руками,
Вместо кифар и певцов — всюду рыдания звучат.
Пышно расцветшую гроздь сорвала непогода лихая,
Алую розу у нас злая гроза унесла.

Теодульф

Теодульф (?—821) — вестгот из Испании. Образование получил на родине. Был поэтом, богословом, моралистом, князем церкви (архиепископом Орлеанским), покровителем искусств. На него возлагались ответственные административные и дипломатические поручения. В 817 г. Теодульф был заподозрен в соучастии в заговоре против Людовика Благочестивого, сослан в Анжер, где и скончался. Написал обширное обличительное стихотворение «Против судей» — весьма важный памятник для изучения эпохи, а также ряд посланий и других стихотворений научного, богословского и морального содержания, иногда с уклоном к сатире, несколько шуточных стихотворений, панегирические послания, эпитафии и эпитаграфы.

ОБ УТЕРЯННОЙ ЛОШАДИ

- ¹ Ум помогает нам в том, в чем сила помочь не сумеет,
Хитростью часто берет тот, кто бессилен в борьбе.
Слушай, как воин один, у коего в лагерной давке
Лошадь украли, ее хитростью ловко вернул.
⁵ Он повелел бирючу оглашать перекрестки воззванием:
«Тот, кто украл у меня, пусть возвратит мне коня.
Если же он не вернет, то вынужден буду я сделать
То же, что в прежние дни в Риме отец мой свершил».
Всех этот клич напугал, и вор скакуна отпускает,
¹⁰ Чтоб на себя и людей грозной беды не навлечь.
Прежний хозяин коня нашел того с радостью снова.
Благодарят небеса все, кто боялся беды,
И вопрошают: «Что б ты совершил, если бы конь не ссыкался?»

- Как твой отец поступил в Риме в такой же беде?»
¹⁵ Он отвечал: «Стремена и седло взваливши на плечи,
 С прочею кладью побрел, обремененный, пешком;
 Шпоры нося на ногах, не имел он, кого бы пришпорить,
 Всадником в Рим он пришел, а пехотинцем ушел.
 Думаю я, что со мной, несчастным, случилось бы то же,
²⁰ Если бы лошадь сия не была найдена мной».

Валахфрид Страбон

Валахфрид Страбон (808(9)—849) — алеманн^а незнатного происхождения. Образование получил в монастыре Рейхенау. В 829—838 гг. состоял при императорском дворе в качестве воспитателя королевича Карла (Лысого). С 838 г. — аббат в Рейхенау. Писал стихотворные жития святых, поносил за ересь арианина^б Теодориха Великого, в дидактической поэме «Об уходе за садами» дал поэтическое описание отдельных цветов и овощей. Перу Валахфрида принадлежит также ряд мелких стихотворений, из них много посланий и гимнов.

К ЛИУТГЕРУ — КЛИРИКУ^с

- ¹ Нежных достойный услуг и дружественных помышлений,
 О Лиутгер, тебе Страб несколько слов посвятил.
 Может быть, наши места не очень тебе полюбились,
 Все-таки, мнится, меня ты не совсем позабыл.
⁵ Если удачлив ты в чем, порадуюсь всею душою.
 Если тебе нелегко, сердцем скорблю глубоко.
 Как для родимой сынок, как земля для сияния Феба,
 Словно роса для травы, волны морские для рыб,
 Воздух для птишек-певец, журчанье ручья для поляны, —
¹⁰ Так, милый мальчик, твое личико дорого мне.
 Если возможно тебе (нам же кажется это возможным),
 То поскорее предстань ты перед очи мои,
 Ибо с тех пор как узнал, что ты близко от нас пребываешь,
 Не успокоюсь, пока вновь не увижу тебя.
¹⁵ Пусть превосходят числом и росу, и песок, и светила
 Слава, здоровье, успех и долголетье твое.

^а Алеманны — западногерманское племя, подчиненное в V—VI вв. франками.

^б Арианство — христианское вероучение, осужденное как еретическое на соборе
^с 381 г. Известное лицо.

Седулий Скотт

Седулий Скотт (годы рождения и смерти неизвестны) — ирландский поэт, грамматик и богослов. Образование получил на родине. Круг знаний его весьма значителен; между прочим, он обнаруживает основательное знание греческого языка. Возможно, что Седулий Скотт не был клириком. Между 848 и 858 гг. он проживал при дворе льежских епископов — Хартгария и Франкона, ведя переписку со знатными мирянами и князьями церкви. С 858 г. сведения о нем иссякают. Им написаны многочисленные панегирические послания, шуточные послания, эклога, эпиграммы, «Книга о христианских правителях» — поучение князьям (из которой мы приводим отрывок) и др.

О ДУРНЫХ ПРАВИТЕЛЯХ

- ¹ Те цари, что злыми делами
Обезображены, разве не схожи
С вепрем, с тигром и с медведями?
Есть ли хуже этих разбойник
- ⁵ Между людьми, или лев кровожадный,
Или же ястреб с когтями лихими?
Истинно встарь Антиох с фараоном,
Ирод вместе с презренным Пилатом
Утеряли непрочные царства,
- ¹⁰ С присными вглубь Ахерона низверглись.
Так всегда нечестивых возмездье
Постигает и днесь, и вовеки!
Что кичитесь в мире, венками
Изукрасясь, в пурпур одевшись?
- ¹⁵ Ждут вас печи с пламенем ярым;
Их же дождь и росы не тушат.
Вы, что отвергли Господа Света,
Все вы во мрак загробного мира
Снидите; там же вся ваша слава
- ²⁰ В пламени сгинет в вечные веки.
А безгрешных в небе прославят
Высшим венцом и светом блаженным.

БАСНЯ О ЛЬВЕ И ЛИЦИЦЕ

Написанная элегическим дистихом (двустушиями из гекзаметра и пентаметра), обильно украшенным леонинами (рифмованными в цезуре стихами), басня эта вряд ли старше середины IX в., хотя ряд исследователей без достаточных оснований приписывал

ее Павлу Диакону, современнику Карла Великого, автору «Истории лангобардов» (середина VIII в.). «Басня о Льве и Лисице» представляет собой один из наиболее ранних образцов европейского средневекового животного эпоса.

- ¹ Слух пробежал по земле, что лев заболел и свалился
И что последние дни он доживает с трудом.
Только лишь грустная весть облетела звериное царство,
Будто бы терпит король невыносимую боль,
- ⁵ С плачем сбегаются все, отовсюду врачей созывая,
Чтоб не лишиться им зря власти такого царя.
Были и буйволы там, и телом огромные туры,
Тут же и бык подошел, с ним же и жилистый вол.
Барс прибежал расписной, от него не отстали и лоси,
- ¹⁰ Мул по тому же пути не поленился пойти.
Там же вместе сошлись гордые рогом олени,
С ними косули пришли и козловидных стада.
Блещет клыками кабан, и неиступившимся когтем
Тут же кичится медведь. Заяц явился и волк.
- ¹⁵ Рыси спешили туда, и поспешно стекались овцы,
К стаду примкнули и псы вместе с толпою щенят.
Только лисицы одной незаметно в ватаге огромной;
Не соизволила стать подле царева одра.
Басня гласит, что медведь над всеми свой голос возвысил,
- ²⁰ Вновь повторяя и вновь возобновляя хулу:
«Мощный, великий король и добропобедный властитель!
С милостью слух преклони, выслушай речи мои.
Пусть, справедливейший царь, и эта толпа им внимает
Здесь под державой твоей купно живущих зверей.
- ²⁵ Что за безумье лисой овладело? И как это может
Этакий малый зверек злобу такую таить?
Ведь короля, кого мы сошлись навестить всем народом,
Только она лишь одна не пожелала узреть?
Подлинно, сколь велика в лисице продерзостность духа!
- ³⁰ Злейших за это она пыток отведасть должна».
Кончил медведь говорить, а царь возгласил к окружавшим:
«Пусть растерзают ее, скорой кончине предав!»
Единодушно народ до звезд возвышает свой голос,
Все повелителя суд мудрый и праведный чтят.
- ³⁵ Слышит об этом лиса и всячески крутит мозгами,
Много готовя проказ, ей помогавших не раз.
Вот набирает она изорванной обуви груды,

- На плечи ношу взвалив, к царскому стану спешит.
Царь же, завидев ее, премного довольный, смеется
- ⁴⁰ И выжидает, зачем злая плутовка пришла.
Перед собранием вельмож лису государь вопрошает:
«Что ты несешь и чего ты, обреченная, ждешь?»
Долго всем телом дрожа и точно справляясь со страхом,
Речь начинает лиса с приуготованных слов:
- ⁴⁵ «Благочестивейший царь, царь добрый и непобедимый,
Слушай прилежно, прошу, то, что тебе я скажу.
Странствуя многие дни, вот столько сапог я стоптала,
Всюду по свету ища, где только можно, врача,
Чтоб исцеленье принес великой царевой болезни
- ⁵⁰ И облегчил, наконец, горести наших сердец.
Лекаря все же с трудом знаменитого я отыскала,
Только не смею сказать, как он велел поступать».
Царь возгласил: «Говори, о сладчайшая наша лисица!
Слово врача безо лжи нам поскорей доложи!»
- ⁵⁵ Тут отвечала лиса, не забывшая злобы медведя:
«Выслушать, царь, возмоги слово покорной слуги.
Если б я только могла завернуть тебя в шкуру медвежью,
Сразу исчез бы недуг, здоровье вернулось бы вдруг».
Вмиг по приказу царя на земле растянули медведя,
- ⁶⁰ Стая недавних друзей кожу дерет со спины...
Только что хворого льва окутали свежеею шкурой,
Словно рукою сняло оную злую болезнь¹.
А между тем, увидав медведя с ободранной тушей,
Снова душой весела, слово лиса изрекла:
- ⁶⁵ «Кто же вам, отче-медведь, подарил меховую тиару,
Кто вам на лапы надел пару таких рукавиц?»
Эти стихи тебе твой нижайший слуга преподносит.
В чем же сей басни урок, сам, если можешь, пойми.

СТИХ ОБ АББАТЕ АДАМЕ

Анонимное стихотворение каролингской эпохи, во многом предвосхищающее черты поэзии вагартов. Вероятно, относится к IX в.

¹Здесь и далее арабскими цифрами обозначены примечания, данные в конце книги.

- ¹ В Андегавах^а есть аббат прославленный,
Имя носит средь людей он первое^б:
Говорят, он славен винопитием
Всех превыше андегавских жителей,
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.
- ⁷ Пить он любит, не смущаясь временем:
Дня и ночи ни одной не минется,
Чтоб, упившись влагой, не качался он,
Аки древо, ветрами колеблемо.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.
- ¹³ Он имеет тело неистленное,
Умашенный винами, как алоэ,
И как миррой кожи сохраняются,
Так вином он весь набальзамирован.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.
- ¹⁹ Он и кубком брезгует, и чашами,
Чтобы выпить с полным удовольствием;
Но горшками цедит и кувшинами,
А из оных — наивеличайшими.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.
- ²⁵ Коль умрет он, в Андегавах-городе
Не найдется никого, подобного
Мужу, вечно поглощать способному,
Чьи дела вы памятуйте, граждане.
Эйа, эйа, эйа, славу,
эйа, славу поем мы Бахусу.

Эккехарт I

Поэма в латинских гекзаметрах, подражающих «Энеиде» Вергилия, написана около 920 г. монахом Санкт-Галленского монастыря Эккехартом I или, как полагает ряд ученых, неким Геральдом (около середины IX в.), о личности которого нам ничего неизвестно. По-

^а Андегавы — сейчас город Анжер.

^б Первое имя среди людей — Адам (согласно библейскому мифу о первом человеке).

эма разрабатывает сюжет старинного германского сказания, сохранившийся также в двух фрагментах англосаксонского эпоса VIII в. в пересказе исландской «Саги о Тидреке», и в баварско-австрийском эпосе VIII в., дошедшем в двух отрывках. Облаченная в вергилианскую форму, поэма в то же время является выдающимся памятником германского эпоса раннего средневековья, поскольку автор, видимо, близко следовал за древним сказанием, известным ему либо в записи, либо в устной передаче.

ВАЛЬТАРИЙ МОГУЧАЯ РУКА (*Waltarius manu fortis*)

- ¹ Третья доля земли зовется, братья, Европой.
Много живет в ней племен: названиями, нравами, бытом,
Речью и верою в бога они друг от друга отличны.
Есть меж ними народ, заселивший Паннонии область,
Мы называем его — так привыкли мы — именем «гуннов».
Смелый этот народ прославлен доблестью ратной;
Власти своей подчинил он не только ближайших соседей,
Нет, — тех краев он достиг, что лежат на берегах Океана,
С многими в мирный вступая союз, непокорных карая.
- ¹⁰ Более тысячи лет говорят, его длится господство.
Некогда, в давние годы, король Аттила¹ там правил;
Жадно стремился всегда освежить он былые победы.

(Покоренные Аттилой, короли франкский, бургундский и аквитанский отдают ему свои сокровища и заложников: властитель бургундов — свою дочь Хильдегунду, властитель Аквитании — своего сына Вальтера (Вальтария), а король франков — юношу знатного рода — Хагена. Аттила дает юношам достойное воспитание и превращает их в своих военачальников; девушку воспитывает королева. Хагену удается бежать. Одержавший победу над восставшими против Аттилы данниками, Вальтер возвращается домой.)

- Все, кто жил во дворце, навстречу сбежались, ликуя,
Видя его невредимым, коня под уздцы подхватили,
Чтобы с седла боевого он мог удобней спуститься.
Как закончился бой, удачно ли, — спрашивать стали;
Кратко он им отвечал и, войдя в преддверие дома
- ²²⁰ (Битвой он был изнурен), направился к спальне Аттилы.
Вдруг увидал Хильдегунду — одна она в зале сидела, —
Обнял ее он и, нежный даря поцелуй ей, промолвил:
«Дай поскорее напиток! Устал я, мне дышится тяжело».
И поспешила она драгоценный кубок наполнить
Чистым вином и ему подала; крестом осенивши,
Взял он и руку ей сжал; она же застыла в молчанье,
Слова ему не сказала и только в очи смотрела.

Вальтер выпил вино и кубок ей отдал обратно
(Знали и он и она, что с детства помолвлены были)

²³⁰ И обратился к любимой своей с такими словами:
«Слишком долго с тобой мы терпим жизнь на чужбине,
Издавна знаем мы оба, что вместе родители наши,
Между собой сговорясь, нам общий жребий судили.
Долго ли будем с тобой мы молчанье хранить и таиться?»
Но подумалось ей, что Вальтер смеется над нею,
И, помолчавши немного, она ему возразила:
«Вальтер, зачем лицемерно уста твои молвят неправду,
И говорит твой язык то, что сердце твое отвергает?
Верно, теперь ты стыдился б невесты своей нареченной».

²⁴⁰ Вальтер же ей отвечал разумной правдивою речью:
«Слышать такие слова не хочу я; ты правду скажи мне!
Знай, никогда я не стану вести лицемерные речи
Или обманом и ложью тебя смущать и тревожить.
Здесь мы с тобою вдвоем, и никто наши речи не слышит.
Замысел мой, что давно я храню, ты сберечь бы сумела?
Я бы поведал тебе все тайны, скрытые в сердце».
И на колени пред ним тогда Хильдегунда упала:
«Я за тобою пойду, куда бы меня ни повел ты;
²⁵⁰ Все, что прикажешь ты мне, господин мой, исполню усердно».
Вальтер сказал: «Тяжела мне давно наша доля в изгнании,
Часто покинутый край моей родины я вспоминаю,
Тайно бежать я решился туда, и как можно скорее.
Это решение свое не раз я выполнить мог бы,
Если б мне не было больно покинуть здесь Хильдегунду».
Молвила девушка слово, сокрытое в глуби сердечной:
«Воля твоя — это воля моя: одного мы желаем.
Пусть господин мой велит, и что будет — иль радость иль горе, —
Все из любви я к нему претерпеть всем сердцем готова».

(Вальтер и Хильдегунда решают бежать из страны гуннов, прихватив с собой богатую казну Аттилы. Вальтеру удалось во время пира опоить вином властителей страны и их слуг. Очнувшись на другой день после попойки, гунны не посмели его преследовать, и на сороковой день Вальтер с Хильдегундой достигли Рейна.)

Вальтер в пути находился, как я говорил, только ночью.
⁴²⁰ Днем он скрывался в трущобах, в ущельях, поросших кустами;
Ловко приманивал птиц — он знал немало уловов,
Ветки обмазывал клеем, подчас раскалывал сучья.
Если ж ему на пути встречались излучины речек,
Он из подобных глубин извлекал удою добычу.

Так, трудов не боясь, он спасался от смерти голодной.
Но от любовной утехы сближения с девушкой юной
В бегстве, на долгом пути, удержал себя доблестный Вальтер. ˆ

Солнце уже описало кругов четырежды десять
С дня, как ушли беглецы от стен столицы паннонской.
⁴³⁰ Долог был этот срок, но истек наконец — и пред ними
Гладь широкой реки открылась — уж близился вечер.
Это был Рейн, стремивший свой бег к великому граду —
Звался Ворматией² он, — где замок блистал королевский.
Вальтер нашел переправу, и, дав перевозчику плату —
Рыб, что он раньше поймал, — он в путь поспешил без задержки.

Новый день наступил, и тьма ночная бежала.
Ложе покинув, в тот град, что назвал я, пошел перевозчик.
Повар там был королевский, над всеми другими хозяин.
Рыбу, которую в плату от путника взял перевозчик,
⁴⁴⁰ Повар, различной приправой снабдив, приготовив искусно,
Подавал на стол королю; и Гунтер сказал с удивленьем:
«Рыб таких никогда во франкских реках не видал я,
Кажется мне, что они из каких-то краев иноземных.
Ты мне скажи поскорей: ну, кто же тебе их доставил?»
Повар в ответ рассказал, что рыб ему дал перевозчик.
Тот на вопрос короля, откуда взялись эти рыбы,
Дал, не замедлив, ответ и все рассказал по порядку:
«Вечером было вчера — я, сидя у берега Рейна,
⁴⁵⁰ Путника вдруг увидал: приближался он быстрой походкой,
Весь оружием сверкая, как будто готовился к битве —
Был, мой владыка, он в медь закован от пят до макушки,
Щит тяжелый держал и копье с наконечником ярким.
Рыцарем был он, как видно: огромную тяжесть оружия
Нес на себе, но шагал легко он все же и быстро.
Девушка следом за ним, красотой небывалой сияя,
Шла и на каждом шагу ноги его ножкой касалась.

А за собой под уздцы вела коня боевого;
Два ларца на спине он нес, тяжелых, как будто,
⁴⁶⁰ Если он, шею подняв, своею встряхивал гривой
Или хотел побыстрее шагнуть ногою могучей,
Слышался звон из ларцов, будто золото билось о камень.
Путник этот тех рыб королевских и дал мне в уплату».

Речь эту Хаген услышал — он был на пиру королевском;
Сердцем ликуя, воскликнул, из сердца слова зазвучали:
«Радуйтесь вместе со мной, я прошу, этой вести чудесной;
Друг моей юности Вальтер вернулся из гуннского плена!»
Гунтер, напротив, король, безмерно душой возгордившись,
Громко вскричал, и дружина ему ответила криком:
⁴⁷⁰ «Радуйтесь вместе со мной, я велю, ибо выпало счастье:
Много сокровищ отдал Гибихон владыке Востока,
Их всемогущий теперь возвращает в мое королевство».
Это сказав, он вскочил и ногою стол опрокинул,
Тотчас коня приказал оседлать и украсить убором,
Выбрал двенадцать мужей он себе из целой дружины,
С телом могучим и с храброй душою, испытанных в битвах;
Хагену с ними велел в поход немедленно выйти.

Хаген же, старого друга и прежнюю верность припомнив,
Стал убеждать короля начинанье такое оставить.
⁴⁸⁰ Гунтер, однако, и слушать его не хотел и воскликнул:
«Ну же, не медлите, мужи! Мечи на пояс привесьте,
Пусть вашу храбрую грудь покроет чешуйчатый панцирь!
Столько сокровищ какой-то чужак отнимает у франков?»
Взяли оружие бойцы — ведь вела их воля владыки, —
Вышли из стен городских, чтобы узнать, где Вальтер сокрылся:
Думали, верно, они завладеть добычей без боя.
Всячески Хаген пытался им путь преградить, но напрасно, —
Крепко держался за замысел свой король злополучный.

Доблестный Вальтер меж тем побережье Рейна покинул,
⁴⁹⁰ К цепи он горной пришел — уж тогда ее звали Вазагом³, —
Лесом поросшей густым; в берлогах там звери скрывались,
Часто лаяли псы и рога охотничьи пели.
Там две горы, от других в стороне и близко друг к другу:
Горная щель между ними лежит, тесна, но красива;
Сдвинувшись, скалы ее образуют, не стены пещеры.
Все же не раз в ней приют находили разбойничьи шайки.
Нежной зеленой травой порос уголок этот скрытый.
Вальтер, его чуть завидев, промолвил: «Скорее, скорее!
Сладко на ложе таком дать покой истомленному телу!»
⁵⁰⁰ Он с того самого дня, как бежал из края аваров,
Только порою и мог насладиться сном и дремотой,
Как, на щит опершись, едва смежая ресницы.

Тяжесть оружия здесь впервые сложивши на землю,
Голову он опустил на колени девушки: «Зорко, —
Молвил, — гляди, Хильдегунда: коль облако пыли завидишь,
Только рукой меня тронь и сон отгони потихоньку.
Даже если увидишь, что близится сильное войско,
Все же слишком внезапно меня не буди, дорогая!
Вид отсюда широкий, и взор далеко хватает;
510 Глаз не спуская, гляди, следи за всею округой!»
Так он сказал и мгновенно закрыл свои яркие очи,
В сон долгожданный войдя, наконец предался покою.

Гунтер заметил меж тем следы на побережье песчаном,
Разом пришпорил коня и погнал его быстро по следу,
Радостный клик испустил, обманут надеждой напрасной.
«Эй, поспешите, бойцы! Пешехода мы скоро догоним:
Он не спасется от нас и украденный клад нам оставит!»
Хаген, прославленный витязь, ему, возражая, промолвил:
«Только одно скажу я тебе, властитель храбрейший:
520 Если пришлось бы тебе увидеть, как сражается Вальтер,
Так же, как я это видел не раз в убийственных схватках,
Ты б не подумал, что сможешь отнять у него достоянье.
Я же паннонцев видал, как они выступали в походы
Против народов чужих, на севере или на юге;
Всюду участвовал в битвах, блистая доблестью, Вальтер,
Страх внушая врагам и восторг — соратникам верным.
Кто в поединок вступал с ним, тот скоро в Тартар спускался.
Верь мне, король мой, прошу! поверь мне, дружина, я знаю,
Как он владеет щитом, как метко дрот свой кидает!»
530 Но не послушал его безумьем охваченный Гунтер,
Не отступив ни на шаг, вперед он рвался на битву.

Сидя вверху на скале, смотрела кругом Хильдегунда
И увидала, что пыль вдали поднялась; догадалась
О приближенье врагов и, тихонько Вальтера тронув,
Сон его прервала. Он спросил, кого она видит?
И, услышавши ответ, что конница быстрая скачет,
Он, глаза протирая, развеял остатки дремоты,
Мощные члены свои облек доспехом железным,
Снова свой щит приподнял и копьё приготовил к полету.
540 Сильным ударом меча, размахнувшись, разрезал он воздух,
Несколько дротов метнул, к жестокой битве готовясь.

Девушка, вдруг увидав, что близко уж копыя сверкают,
В ужасе вскрикнула: «Гунны! О горе! Нас гунны догнали!»
Пала в отчаянье ниц и воскликнула: «Мой повелитель!
Я умоляю тебя, пусть меч твой мне голову срубит!
Если судьба не велит мне женой твоей стать нареченной,
То никогда и ни с кем терпеть я сближенья не стану».
«Как же могу я себя запятнать невинною кровью? —
Вальтер сказал. — Разве мог бы мой меч сражаться с врагами,

⁵⁵⁰ Если б он был беспощаден к моей столь верной подруге?
Пусть никогда не свершится, о чем ты просишь! Не бойся!
Тот, кто часто меня спасал от опасностей многих,
Сможет, я верю, и ныне врагам нанести поражение».
Так он ответил и, в даль поглядев, сказал Хильдегунде:
«Это же, знай, не авары, а франки, туманные люди,
Жители здешних краев», — и вдруг он увидел знакомый
Шлем, что Хаген носил, и воскликнул тогда, рассмеявшись:
«Хаген с ними едет, мой друг и старый товарищ!»

Это промолвив, он стал, не колеблясь, у входа в ущелье;
⁵⁶⁰ Девушка стала за ним, и сказал он хвастливое слово:
«Здесь, перед этой тесниной, я гордо даю обещанье:
Пусть из франков никто, вернувшись, жене не расскажет,
Будто из наших сокровищ он взял безнаказанно долю!»
Но, произнеся такие слова, упал он на землю
И умолял о прощенье за столь надменные речи.
Вставши потом, он зорко взгляделся в противников лица:
«Мне из тех, кто пред нами, не страшен никто — только Хаген:
Знает он, как я сражаться привык, изучил он со мною
Все искусство войны, хитроумные в битвах уловки.
⁵⁷⁰ Если с помощью божьей искусство мое будет выше,
Жизнь я свою сохраню для тебя, для моей нареченной».

(Тщетно уговаривает Хаген Гунтера не нападать на Вальтера, а покончить дело миром;
Гунтер обвиняет Хагена в трусости. Завязывается бой, в котором гибнут один за другим
все витязи Гунтера.)

Видя такую беду, вздохнул король злополучный,
Быстро вскочил он в седло на коня с разукрашенной сбруей
И поспешил туда, где Хаген сидел оскорбленный,
С просьбой к нему обратился король, умоляя смягчиться —

Вместе с ним выйти на бой. Но Хаген ответил сурово:
«Предков моих опозоренный род мне мешает сражаться:
Кровь моя холодна, мне чужда боевая отвага —
Ведь от испуга немел отец мой, увидя оружие,
1070 В робких речах многословных походы, бои отвергал он.
Вот какие слова ты мне бросил, король, перед всеми —
Видно, помощь моя тебе показалась ненужной».

Но на суровый отказ король ответил мольбами,
Снова пытаясь смягчить упряма речью такую:
«Именем вышних молю, расстанься с бешенством ярим,
Гнев свой забудь — он вызван моею тяжелой виною.
Если останусь в живых и с тобой возвратимся мы вместе,
Я, чтоб вину мою смыть, тебя осыплю дарами.
1080 Иль не позор для тебя скрывать свое мужество? Сколько
Пало друзей и родных! И неужто тебя оскорбила
Больше обидная речь, чем злого врага преступления?
Лучше бы ярость свою на того ты злодея обрушил,
Кто своею рукой опозорил властителя мира.
Страшный ущерб потерпели мы, столько мужей потерявши, —
Франков страна никогда такого позора не смает.
Те, что пред нами дрожали, теперь зашипят за спиною:
«Франков целое войско лежит неотмщенным, убито
Чьей-то рукой неизвестной — о стыд и позор нестерпимый!»

Хаген медлил еще: вспоминал он клятвы о дружбе,
1090 Те, что давал не раз, когда рос он с Вальтером вместе,
Также припомнил подряд и то, что нынче случилось.
Но все упорней просил его король злополучный,
И, поддаваясь мольбам короля, раздумывал Хаген:
Можно ли быть непокорным тому, кому служишь? Подумал
Он и о чести своей: его слава, быть может, увянет,
Если в несчастье таком себя пощадить он решится.

(Хаген дает тогда Гунтеру совет — отойти в сторону и напасть на Вальтера из засады.
Вальтер попадает в расставленную ему ловушку.)

Щит свой тяжелый схватил он, копье держал наготове, —
Нрав чужого коня он хотел испытать под оружием.
В гневě король, обезумев, к нему помчался навстречу.
И, не доехав еще, надменное выкрикнул слово;
1230 «Враг беспощадный, теперь берегись! Ведь дебри лесные

Нынче от нас далеки, в которых, как волк кровожадный,
Зубы ты скалил со злобой и лаял, наш слух оскорбляя.
Если согласен, теперь мы сразимся на поле открытом;
Будет ли битвы исход подобным началу — увидишь.
Подкупом счастье свое ты купил, потому-то, конечно,
Ты и бежать не готов и сдаться на милость не хочешь».

Алфера сын королю не ответил ни словом единым,
Словно не слышал его, лишь к Хагену он обратился:
«Хаген, к тебе моя речь: задержись на миг и послушай!
¹²⁴⁰ Что так внезапно, скажи, изменило столь верного друга?
Ты лишь недавно, когда расставались с тобой мы, как будто
Вырваться долго не мог из дружеских наших объятий.
Чем ты так оскорблен, что на нас ты поднял оружие?
Я же надежду питал — но, вижу, ошибся жестоко, —
Думал, коль вести дойдут о моем возвращении с чужбины,
Сам поспешишь ты мне выйти навстречу приветствовать друга.
В дом свой как гостя введешь, хотя бы о том не просил я,
И добровольно меня ты сам проводишь в отчизну.
Я опасался уже, что подарками слишком богато
¹²⁵⁰ Ты осыплешь меня! Пробираясь по дебрям дремучим,
Думал: «Из франков никто мне не страшен — ведь Хаген
меж ними!»

Я заклинаю тебя: одумайся! детские игры
Наши припомни, как, вместе учась, мы силы и опыт
В них набирали и дружно росли в наши юные годы.
Где же пропала та наша хваленая дружба, что прежде
Верной была и в дому, и в бою и размолвок не знала?
Верь мне, дружба с тобой заменяла мне отчую ласку;
В годы, что жили мы вместе, я редко о родине думал.
Как ты можешь забыть наши частые верности клятвы?
¹²⁶⁰ Я умоляю тебя; не вступай в незаконную битву,
Пусть на все времена нерушим наш союз пребывает!
Если согласен — вернешься домой с дорогими дарами,
Щит твой наполню сейчас же я кучею золота яркой».

Но отвечал ему Хаген со взором суровым и мрачным,
Речь дышала его нескрываемым яростным гневом:
«Первым к насилью прибег ты, теперь же — к хитрым уловкам?
Ты же и верность нарушил — ведь знал ты, что здесь я, и все же
Многих друзей ты убил, и даже родных мне по крови.

Не говори же теперь, что будто меня не узнал ты —
¹²⁷⁰ Если не видел лица, то видел мои ты доспехи,
Были знакомы тебе и они, и мое все обличье.
Впрочем, я все бы простил, если б не было тяжкой утраты:
Был лишь один у меня цветок драгоценный, любимый, —
Он, золотистый и нежный, мечом, как серпом, твоим срезан!⁴
Этим ты первый нарушил друг другу данные клятвы,
И потому от тебя не приму никакого подарка.

Только одно я хочу — испытать твою силу и доблесть,
И за племянника кровь с тебя потребую плату;
Пусть я иль мертвым паду, иль подвиг свершу достославный!»
¹²⁸⁰ Это промолвив, он спрыгнул с коня, приготовился к бою;
Спешился быстро и Гунтер, не медлил и доблестный Вальтер;
Все решились вступить в открытый бой рукопашный,
Стали друг против друга, отбить готовясь удары,
И под ремнями щитов напряглись могучие руки. <...>

¹³⁶⁰ Вальтер, кинув копье, бегом вперед устремился,
Меч обнажил и напал на Гунтера с дикой отвагой.
С правой руки короля он щит сорвал, и ударом
Метким и ловким его поразил с небывалою силой.
Ногу выше колена ему он отсек до сустава.
Гунтер на щит свой упал и у Вальтера ног распростерся.
Видя, как рухнул король, побледнел от ужаса Хаген, —
Кровь от лица отлила. Свой меч окровавленный снова
Вальтер занес над упавшим, удар готовя смертельный.
В миг этот Хаген забыл о прежней обиде — нагнувшись,

¹³⁷⁰ Голову он под удар подставил, и Вальтер с размаха
Руку не смог удержать и на шлем его меч свой обрушил.
Крепок был кованый шлем и украшен резьбою искусной:
Вынес он грозный удар — только искры кругом засверкали.
Но, натолкнувшись на шлем, — о горе! — в куски разлетелся
Меч, и осколки, блестя, полетели в воздух и в траву,
Только лишь Вальтер увидел свой меч, лежащий в осколках,
Он обезумел от гнева: в руке его правой осталась,
Тяжесть меча потеряв, одна рукоятка — блестела
Золотом ярким она и искусной работой литейной.
¹³⁸⁰ Прочь он ее отшвырнул, как ненужный презренный обломок,
Кисть своей правой руки оставив на миг без прикрытья;
Хаген тот миг улутил, и ее отрубил, торжествуя.

Свой не закончив размах, отважная пала десница:
Много народов, племен, королей перед ней трепетало,
В неисчислимых победах ее блистали трофеи.
Но непреклонный боец не хотел уступить неудаче.
Страшную боль победил он своею разумною волей,
Духом не пал ни на миг, и лицо его было спокойным.
Руку с обрубленной кистью в ремень щита он просунул,
¹³⁹⁰ Вырвал рукой уцелевшей тотчас кинжал он короткий —
Тот, что, как сказано раньше, висел на поясе справа, —
И за увечье свое отомстил жестокою карой —
Хагену правое око ударом он выколол метким
И от виска до губы кинжалом рассек ему щеку,
Выбив зубов коренных ему по три и сверху и снизу.

После, как это случилось, жестокая кончилась битва,
Всем не хватало дыханья, и тяжкие раны велели
Всем им оружие сложить. Да и кто бы мог дальше сражаться,
Если такие герои, телесною равные силой,
¹⁴⁰⁰ Равные пламенным духом, сошлись и прошли сквозь сраженье?

Так закончился бой, и стяжал себе каждый награду:
Рядом лежали в траве нога короля и десница
Вальтера, и трепетал еще Хагена глаз. Поделили
Вот как они меж собой золотые наплечья аваров!

Двое присели на траву, а третий лежал без движенья.
Льющейся крови потоки они отирали цветами.
Девушку Вальтер окликнул, еще дрожавшую в страхе.
И подойдя к ним, она перевязками боль утолила.
После ж, как все завершила, велел ей жених нареченный:
¹⁴¹⁰ «Ну-ка, смешай нам вина и подай его Хагену первым!
Он — отличный боец, коли верности клятвы он держит.
Мне ты потом поднесешь — ведь больше я всех потрудился.
Гунтер же выпьет в последний черед — он слаб оказался
В битве, где храбрость и мощь великих мужей проявилась:
Марсу служит он плохо, и нет в нем огня боевого».
Все, как Вальтер велел, исполнила дочь Херирика.
Хаген, однако, не принял вина, хоть и мучился жаждой.
«Прежде, — сказал он, — вино жениху своему и владыке,
¹⁴²⁰ Алфера сыну, подай: признаю, что меня он храбрее,
Да и не только меня — он всех в бою превосходит».

Были язвительный Хаген и Вальтер, герой аквитанский,
Вовсе не сломлены духом, устало лишь мощное тело;
И, отдыхая от шума сраженья и грозных ударов,
В спор шутливый вступили, вином наполнивши кубки.
Франк промолвил: «Мой друг, отныне стрелять на охоте
Будешь оленей одних — тебе нужно немало перчаток.
Правую — вот мой совет — набивай ты шерстью помягче,
Тех, кто увечья не видел, поддельной рукой ты обманешь.
Что же ты скажешь? Увы! Отчизны обычаи нарушив,
¹⁴³⁰ Будешь справа ты меч свой носить, — это всякий увидит.
Если ж захочешь ты вдруг супругу обнять, то неужто
Стан ее охватить придется левой рукою?
Впрочем, короче скажу: за что бы теперь ты ни взялся,
Будешь всегда ты левшой». Но Хагену Вальтер ответил:
«Право, дивлюся, сикамбр⁵ одноглазый, чего ты храбришься?
Буду оленей гонять — ты ж кабаньих клыков опасайся!
Слугам своим отдавать ты, кося лишь, сможешь приказы,
Взглядом косым лишь отряды бойцов ты приветствовать сможешь.
Старую дружбу храня, совет тебе дам я разумный:
¹⁴⁴⁰ Ты, как вернешься домой и очаг свой родимый увидишь,
Кашу сваря из муки с молоком да заправь ее салом:
Будет она и пищей тебе и полезным лекарством».

Так шутливую речью они свой союз обновили.
На руки взяв короля, изнуренного болью от раны,
Подняли вместе его на коня и друг с другом расстались.
Франки вернулись в Ворматий; родной страны аквитанской
Вальтер достиг и встречен там был с ликованием и честью.
Вскоре свою с Хильдегундой он свадьбу справил по чину.
Был он всеми любим, и, когда родитель скончался,
¹⁴⁵⁰ Десятилетия три он счастливо правил народом.
Вел ли он войны, и сколько, и много ль побед одержал он, —
Я написать не могу: перо уж мое притупилось.
Тот, кто это прочтет, милосердным да будет к цикаде⁶:
Голос ее не окреп, и неопытен возраст незрелый,
Не покидала гнезда никогда и ввысь не взлетала.
Вот о Вальтере песнь. Иисус вам да будет спасеньем!

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

Особое место в латинской литературе средних веков занимает поэзия вагантов (от латинского слова: *vagantes* — «бродячие люди»), или голиардов, встречаемых в Германии, Франции, Англии и Северной Италии. Расцвет поэзии вагантов приходится на

XII—XIII вв., когда в связи с подъемом городов в странах Западной Европы начали быстро развиваться школы и университеты. Это поэзия вольнодумная, подчас озорная, далекая от аскетических идеалов средневекового католицизма. Ее широкое распространение в ряде европейских стран свидетельствует о том, что даже в клерикальных кругах (из которых главным образом и выходили поэты-ваганты), начиная с периода раннего средневековья, неизменно жил протест против аскетического изуверства, против алчности, лицемерия, несправедливости и других пороков католической церкви, возглавляемой папской курией. Среди вагантов мы находим студентов (бурсаков), переходивших из одного университета в другой, представителей низшего духовенства, клириков без определенных занятий и др. Будучи тесно связаны с традициями ученой латинской поэзии так называемого каролингского Возрождения, ваганты в то же время гораздо смелее, чем каролингские поэты, идут по пути чисто светской литературы. В звучных стихах воспевают они простые радости земной жизни. Их идеал — беспечное веселье, несомнимое с постной моралью хмурых благочестивцев. Очень громко в поэзии вагантов звучат сатирические антиклерикальные ноты. Ваганты обрушиваются на многочисленные пороки папского Рима или же пародируют библейские богослужебные тексты. Нередко в поэзии вагантов слышатся отзвуки античной языческой поэзии, а также поэзии народной, особенно в песнях, восхваляющих весну, любовь и застольные радости. Вполне понятно, что церковь с глубокой неприязнью относилась к вагантам. Она не устала всячески преследовать «вольнодумных» поэтов за то, что они посмели возвысить свой голос против пороков папской курии, а также в противовес аскетической догме восславить радости здешнего земного мира.

Интересно отметить, что из латинских застольных песен вагантов впоследствии сложились многочисленные студенческие песни, например «Gaudeamus igitur» и др.

КЕМБРИДЖСКИЕ ПЕСНИ

Названы так по местонахождению этой рукописи XI в. Собрание латинских стихотворений, необычайно разнообразное по содержанию, включает вместе с отрывками из классических поэтов и образцами ученой и культовой поэзии ряд стихотворных новелл и любовных песен, предвосхищающих некоторые черты поэзии вагантов. К числу их принадлежит и приводимый фрагмент любовной песни (№ 49), значительная часть которого выскоблена чьей-то рукой из манускрипта и восстанавливается исследователями.

Приходи, мой избранный,	и А и О ¹
С радостью призванный,	и А и О
Ах, я беспокоюся,	и А и О
От тоски изною вся.	и А и О
Если ты придешь с ключом,	и А и О
Без труда войдешь ты в дом.	и А и О

Garmina burana

Составленное в первой четверти XIII в. большое собрание латинских стихотворений — лирических и эротических, дидактических и сатирических, в том числе пародий на культовые тексты, — дает наиболее яркое представление о характере и направленности вагантской поэзии. О том, что собрание составлено в Германии, свидетельствуют сопровождающие некоторые латинские стихотворения строфы на раннем средневерхненемецком языке. Сборник «*Garmina burana*» назван его первым издателем Шмеллером (1847) по месту нахождения рукописи (Бенедиктинский монастырь в Beugen).

ОРДЕН ВАГАНТОВ

«Эй, — раздался светлый зов, —
началось веселье!

Поп, забудь про часослов!

Прочь, монах, из кельи!»

Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.

Будет ныне учрежден
наш союз вагантов
для людей любых племен,
званий и талантов.

Все — храбрец ты или трус,
олух или гений —
принимаются в союз
без ограничений.

«Каждый добрый человек, —
сказано в уставе, —
немец, турок или грек
стать вагантом вправе».

Признаешь ли ты Христа, —
это нам не важно,
лишь была б душа чиста,
сердце не продажно.

Все желанны, все равны,
к нам вступая в братство,
невзирая на чины,
титуты, богатство.

Наша вера — не в псалмах!

Господа мы славим

тем, что в горе и в слезах
брата не оставим.

Кто для ближнего готов
снять с себя рубаху,
восприми наш братский зов,
к нам спеши без страху!
Наша вольная семья —
враг поповской швали.
Вера здесь у нас — своя,
здесь — свои скрижали!

Милосердье — наш закон
для слепых и зрячих,
для сиятельных персон
и шутов бродячих,
для калек и для сирот,
тех, кто в день дождливый
палкой гонит от ворот
поп христоробивый;

для отцветших стариков,
для юнцов цветущих,
для богатых мужиков
и для неимущих,
для судейских и воров,
проклятых веками,
для седых профессоров
с их учениками,

для пропойц и забулдыг,
дрыгнувших в канавах,
для творцов заумных книг,
правых и неправых,
для горбатых и прямых,
сильных и убогих,
для безногих и хромых
и для быстроногих.

Для молящихся глупцов
с их дурацкой верой,
для пропащих молодцов,
тронутых Венерой,
для попов и прихожан,
для детей и старцев,
для венгерцев и славян,
швабов и баварцев.

От монарха самого
до бездомной голи —
люди мы, и оттого
все достойны воли,
сострадания и тепла
с целью не напрасной,
а чтоб в мире жизнь была
истинно прекрасной.

Верен богу наш союз
без богослужений,
с сердца сбрасывая груз
тьмы и унижений.
Хочешь к всенощной пойти,
чтоб спастись от скверны?
Но при этом, по пути,
не минуй таверны.

Свечи яркие горят,
дуют музыканты:
то свершают свой обряд
вольные ваганты.
Стены ходят ходуном,

пробки — вон из бочек!
Хорошо запить вином
лакомый кусочек!

Жизнь на свете хороша,
коль душа свободна,
а свободная душа
господу угодна.
Не прогневайся, господь!
Это справедливо,
чтобы немощную плоть
укрепляло пиво.

Но до гробовой доски
в ордене вагантов
презирают щегольски
разодетых франтов.
Не помеха драный плащ,
чтоб пленять красоток,
а иной плясун блестящ даже
без подметок.

К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны!
Но какая благодать,
не жалея денег,
другу милому отдать
свой последний пфенниг!

Пусть пропьет и пусть проест,
пусть продует в кости!
Воспретил наш манифест
проявления злости.
В сотни дружеских сердец
верность мы вселяем,
ибо козлищ от овец
мы не отделяем.

НИЩИЙ СТУДЕНТ

Ученый клирик — школьный учитель.
По рисунку из французской рукописи
второй половины XIII в.

Я — кочующий школяр...
На меня судьбина
свой обрушила удар,
что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,

не для развлечения —
из-за горькой нищеты
бросил я ученье.

На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,
в драном плащике бреду
под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа,
долго длится месса,
только слушаю попа
я без интереса.

К милосердию аббат
паству призывает,
а его бездомный брат
зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
мне свою сутану,
и тогда я наконец
мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
я поставлю свечку,
чтоб господь тебе в раю
подыскал местечко.

БЕЗЗАБОТНАЯ ПЕСНЯ

АНОНИМНАЯ ПЕСНЯ XI—XII ВВ.

¹ Бросим все премудрости.
По боку учение!
Наслаждаться в юности —
Наше назначение.
Только старости пристало
К мудрости влечение.

⁷ Быстро жизнь уносится;
Радости и смеха
В молодости хочется;
Книги — лишь помеха.

¹¹ Вянут годы вешние,
Близятся осенние;

- Жизнь все безутешнее,
Радостей все менее.
- ¹⁵ Тише кровь играет в жилах,
Нет в ней прежней ярости;
Ратью немощей унылых
Встретят годы старости.
- ¹⁹ Но имеем право мы
Быть богоподобными,
Гнаться за забавами —
Сладкими, любовными.
- ²³ Нам ли, чьи цветущи годы.
- Над книгой сутулиться?
Нас девичьи хороводы
Ждут на каждой улице.
- ²⁷ Их пляской игривою,
Чай, не оскоромисься:
С девой нестропивою
Живо познакомишься.
- ³¹ Я гляжу, как то и дело
Девы извиваются,
И душа моя от тела
Словно отрывается.

Архипиита

Дошедшие под этим псевдонимом поэтические произведения, сохранившиеся в многочисленных рукописях, позволяют установить некоторые обстоятельства жизни генерального ваганта и приурочить ее к середине XII в., но не дают возможности раскрыть псевдоним. Приводимое ниже стихотворение, шутливо использующее формы исповеди, написано около 1161—1162 гг. и обращено к покровителю поэта — архиепископу Кельнскому и имперскому канцлеру Рейнальду.

ИСПОВЕДЬ

- ¹ Осудивши с горечью жизни путь бесчестный,
Приговор ей вынес я строгий и нелестный;
Создан из материи слабой, легковесной,
Я — как лист, что по полю гонит ветр окрестный¹.
- ⁵ Мудрецами строится дом на камне прочном,
Я же, легкомыслием заражен порочным,
С чем сравнюсь? С извилистым ручейком проточным,
Облаков изменчивых отраженьем точным.
- ⁹ Как ладья, что кормчего потеряла в море,
Словно птица в воздухе на небес просторе²,
Все ношусь без удержу я себе на горе,
С непутевой братией никогда не в ссоре.
- ¹³ Что тревожит смертного, то мне не по нраву;
Пуще меда легкую я люблю забаву;

Знаю лишь Венерину над собой державу;
В каждом сердце доблестном место ей по праву.

¹⁷ Я иду широкою юности дорогой
И о добродетели забываю строгой,
О своем спасении думаю не много
И лишь к плотским радостям льну душой убогой.

²¹ Мне, владыка, грешному, ты даруй прощенье:
Сладостна мне смерть моя, сладко умерщвление;
Ранит сердце чудное девушек цветенье;
Я целую каждую — хоть в воображенье!

²⁵ Воевать с природою, право, труд напрасный.
Можно ль перед девушкой вид хранить бесстрастный?
Над душою юноши правила не властны:
Он воспламеняется формою прекрасной...

²⁹ Кто не вспыхнет пламенем средь горящей серы?
Сыщутся ли в Павии чистоты примеры?
Там лицо, и пальчики, и глаза Венеры
Соблазняют юношей красотой без меры.

³³ Ипполита^а в Павии только поселите —
За день все изменится в этом Ипполите;
Башни Добродетели там вы не ищите;
В ложницу^б Венерину все приводят нити.

³⁷ Во-вторых, горячкою мучим я игорной,
Часто ей обязан я наготой позорной,
Но тогда незябнувший дух мой необорный
Мне внушает лучшие из стихов бесспорно.

⁴¹ В-третьих, в кабаке сидеть и доселе было
И дотоле будет мне бесконечно мило,
Как увижу на небе ангельские силы
И услышу пенье их над своей могилой.

^а *Ипполит* (миф.) — сын Тезея, отвергший любовь мачехи.

^б *Ложница* (древнерусск.) — опочивальня.

- ⁴⁵ В кабаке возьми меня, смерть, а не на ложе!
Быть к вину поблизости мне всего дороже;
Будет петь и ангелам веселее тоже:
«Над великим пьяницей смилуйся, о боже!»
- ⁴⁹ Да, хмельными чашами сердце пламенится;
Дух, вкусивший нектара, воспаряет птицей;
Мне вино кабацкое много слаще мнится
Вин архиепископских, смешанных с водицей.
- ⁵³ Вот, гляди же, вся моя пред тобою скверна,
О которой шепчутся вокруг тебя усердно;
О себе любой из них промолчит, наверно,
Хоть мирские радости любви им безмерно.
- ⁵⁷ Пусть в твоём присутствии, не тая навета,
И словам господнего следуя завета,
Тот, кто уберег себя от соблазнов света,
Бросит камень в бедного школяра-поэта³.
- ⁶¹ Пред тобой покаявшись искренне и гласно,
Изрыгнул отраву я, что была опасна;
Жизни добродетельной ныне жажду страстно...
Одному Юпитеру наше сердце ясно⁴.
- ⁶⁵ С прежними пороками расстаюсь навеки;
Словно новорожденный, подымаю веки,
Чтоб отныне, вскормленный на здоровом млеке,
Даже память вытравить о былом калекке.
- ⁶⁹ К кельнскому избраннику просьба о прощенье;
За мое раскаянье жду я отпущенья;
Но какое б ни было от него решение,
Подчиниться будет мне только наслажденье.
- ⁷³ Львы и те к поверженным в прах не без пощади;
Отпустить поверженных львы бывают рады;
Так и вам, правители, поступать бы надо:
Сладостью смягчается даже горечь яда.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Дни светлы, погожи,
О, девушки!
Радуйтесь, ликуйте,
О, юноши!
Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Щекот соловьиный
Разносится,
Сладкою истомой
В сердце просится.
Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Ты всех дев милее,
Желанная!
Ты — лилей лилея,
Благоуханная!
Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Взглянешь благосклонно —
Я радуюсь;
Взглянешь непреклонно —
Я мучаюсь.
Ах, я словно сад цветущий!

Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Ты играешь мною,
Жестокая!
Нет мне дня покоя,
Светлоокая!
Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Пусть умолкнут трели
Соловьиные!
Чу! В душе запели
Песни дивные.
Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

Жду тебя с волнением,
Красавица!
Сердце через мгновенье
Расплавится.

Ах, я словно сад цветущий!
Плоть и душу пожирает
Жар желания;
От любви теряю ум
И сознание.

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЕСНЯ

Радость, радость велия!	Пук тетрадей — в сторону!
День настал веселия.	На съеденье ворону —
Песнями и пляскою	Творчество Назоново,
Встретим залихватскою	Хлама груз ученого!
День освобождения	Пусть, как знают прочие,
От цепей учения.	Мы спешим к Венере
Школяры, мы яростно	И толпой бесчисленной
Славим праздник радостный.	К ней стучимся в двери.

Вальтер Шатильонский

Вальтер Шатильонский (ок. 1135—1200) — один из наиболее образованных латинских поэтов XII в., автор обширной поэмы «Александриада», посвященной деяниям Александра Македонского. В своих стихотворениях он сетует на упадок нравов и знаний и резко нападает на папскую курию, обвиняя князей церкви и их подручных в алчности, мздоимстве и лицемерии.

ОБЛИЧЕНИЕ РИМА

- ¹ Обличить намерен я лжи природу волчью:
Часто, медом потчуя, нас питают желчью,
Часто сердце медное златом прикрывают,
Род ослиный львиную шкуру надевает.
- ² С голубиной внешностью дух в разладе волчий:
Губы в меде плавают, ум же полон желчи.
Не всегда-то сладостно то, что с медом схоже:
Часто подлость кроется под атласной кожей.
- ³ Замыслы порочные скрыты речью нежной,
Сердца грязь прикрашена мазью белоснежной,
Поражая голову, боль разит все тело;
Корень высох — высохнуть и ветвям пришло⁴.
- ⁴ Возглавлять вселенную призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною все полно безмерной.
Ибо заразительно веянье порока,
И от почвы гнилой быть не может прока.

⁴ Послание к Римлянам, 11, 16.

- ⁵ Рим и всех и каждого грабит безобразно;
Пресвятая курия — это рынок грязный!
Там права сенаторов продают открыто,
Там всего добьешься ты при мошне набитой.
- ⁶ Кто у них в судилище защищает дело,
Тот одну лишь истину пусть запомнит смело:
Хочешь дело выиграть — выложи монету:
Нету справедливости, коли денег нету.
- ⁷ Есть у римлян правило, всем оно известно:
Бедного просителя просьба неуместна.
Лишь истцу дающему в свой черед дается —
Как тобой посеяно, так вот и пожнется^а.
- ⁸ Лишь подарком вскроется путь твоим прошениям.
Если хочешь действовать — действуй подношением.
В этом — наступление, в этом — оборона:
Деньги ведь речистее даже Цицерона.
- ⁹ Деньги в этой курии всякому по нраву
Весом и чеканкою и сверканьем сплава.
В Риме перед золотом клонятся поклоны
И уж, разумеется, все молчат законы.
- ¹⁰ Ежели кто взяточю спорит против права —
Что юстиниановы все ему уставы!
Здесь о судьях праведных нету и помина —
Деньги в их суме — зерно, а закон — мякина.
- ¹¹ Алчность желчная царит в Риме, как и в мире:
Не о мире мыслит клир, а о жирном пире,
Не алтарь в чести, а ларь там, где ждут подарка
И серебряную чтят марку вместо Марка.
- ¹² К папе ты направился? Ну, так знай заранее:
Ты ни с чем воротишься, если пусты длани.
Кто пред ним с даянием появился малым,
Взором удостоен он будет очень вялым.

^а Послание к Галатам, 6, 8.

- ¹³ Не случайно папу ведь именуют папой:
Папствуя, он ханствует цапствующей лапой.
Он со всяким хочет быть в пае, в пае, в пае:
Помни это всякий раз, к папе подступая.
- ¹⁴ Писарь и привратники в этом с папой схожи,
Свора кардинальская не честнее тоже.
Если, всех обславивши, одного забудешь, —
Всеми разом брошенный, горько гибнуть будешь.
- ¹⁵ Дашь тому, дашь этому, деньги в руку вложишь,
Дашь, как можешь, а потом дашь и как не можешь.
Нас от многоденежья славно в Риме лечат:
Здесь не кровь, а золото рудометы мечут.
- ¹⁶ К кошельку набитому всем припасть охота:
Раз возьмут и два возьмут, а потом без счета.
Что считать на мелочи? Не моргнувши глазом,
На кошель навалятся и придушат разом.
- ¹⁷ Словно печень Тития, деньги нарастают*,
Расточатся, явятся и опять растут.
Этим-то и кормится курия бесстыдно:
Сколько ни берет с тебя, все конца не видно.
- ¹⁸ В Риме все навыворот к папской их потребе:
Здесь Юпитер под землей, а Плутон — на небе.
В Риме муж достойнейший выглядит не лучше,
Нежели жемчужина средь навозной кучи.
- ¹⁹ Здесь для богача богач всюду все устроит
По поруке круговой: рука руку моет.
Здесь для всех один закон, бережно хранимый:
«Ты мне дашь — тебе я дам», — вот основа Рима!

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКИ СЕРЕБРА

Анонимная прозаическая пародия на евангелие, входившая и в состав пародических месс; приводимый текст (XII в.) представляет своеобразный подбор цитат из библии и евангелия (евангелия от Матфея, от Иоанна, от Марка, деяний апостолов и т. п.).

* Вергилий, «Энеида», книга VI; стихи 595 и сл.

Святого Евангелия от Марки Серебра — чтение.

1. Во время оно ... рече папа к римлянам:

2. «Когда же придет сын человеческий к престолу славы нашей, перво-наперво вопросите:

3. «Друг, для чего ты пришел?»

4. Но если не престанет стучаться, ничего вам не давая, выбросьте его во тьму внешнюю».

5. И было так, что явился бедный некий клирик в курию отца папы и возгласил, говоря:

6. «Помилуйте меня, привратники папские,

7. ибо рука нищеты коснулась меня;

8. я же беден и нищ;

9. а посему прошу, да поможете невзгоде моей и нужде моей».

10. Они же, услышав, вознегодовали зело и рекли:

11. «Друг, бедность твоя да будет в погибель с тобою.

12. Отойди от меня, сатана,

13. ибо не пахнешь ты тем, чем пахнут деньги.

14. Аминь, аминь, глаголю тебе: не войдешь в радость господина твоего, —

15. пока не отдашь последнего кодранта^а».

16. Бедный же пошел и продал плащ и рубаху и все, что имел,

17. и дал кардиналам и остиариям и камерариям^б; но они отвечали:

18. «Что это для такого множества?»

19. И выгнали его вон.

20. Он же, вышед вон, плакал горько, не видя себе утешения.

21. После же пришел к вратам курии некий клирик,

22. утучневший, отолстевший и ожиревший,

23. который во время мятежа соделал убийство.

24. Сей дал, во-первых, остиарию, во-вторых, камерарию, в-третьих, кардиналам.

25. Но они думали, что получают больше.

26. Отец же папа, услышав, что кардиналы и слуги прияли от клирика мзду многую, заболел даже досмерти.

27. Но богатый послал ему снадобие златое и серебряное,

28. и он тотчас же исцелился.

29. Тогда призвал отец папа к себе кардиналов и слуг и вещал к ним:

30. «Смотрите, братие,

31. никто да не обольщает вас пустыми словами,

32. ибо я дал вам пример...

33. дабы так, как я беру, и вы бы брали».

^а *Кодрант* — мелкая монета.

^б *Остиарий* — привратник, чин папского двора. *Камерарий* — ключник, чин папского двора.

ВСЕПЬЯНЕЙШАЯ ЛИТУРГИЯ

Анонимная пародия XIII в. «Всепянейшая литургия», сохранившаяся в лондонской и гальберштадтской рукописях XIV в., точно воспроизводит все моменты мессы, сохраняя не только последовательность, но и самое звучание их, и при этом насмешливо искажая все слова.

Возникновение подобных пародий, примыкавших к озорной литературе вагантов, наглядно свидетельствовало о том, что уже в средние века проявлялось то свободное насмешливое отношение к церковному культу, которое в эпоху Возрождения в новых общественных условиях развилось в жизнерадостное вольномыслие, питавшее антиклерикальную сатиру гуманистов.

Исповедуйтеся Бахусу, ибо благ есть, ибо в кубках и кружках — воспивание его.

Аз же, скверный и недостойный кромешник, исповедуюсь шутейшему Бахусу, и всем кружкам его, и вам, бражникам, яко же аз, бражник, бражничал, многажды в жизни моей выпиваючи, за столами сидючи, кости бросаючи, ризы свои в зернь^а спускаючи.

А посему молю вас, братия бражники, приложите за меня ко бочке и к шутейшему Бахусу, да помилует меня бражного.

Да помилует тебя винососуший Бахус, буде на то воля его, и да поведет тебя в доброе кружало^б, и да велит пропить одеяние твое, и да избавит он тебя от глаз и от зубов, и от рук, и от ног. Он же есть треклятая Зернь, иже хлещет и кости мечет — во веки веков. Опрокинь.

Обнищай и посмеяние, и погубление, и расточение, и всех твоих одежд совлечение, и во всех суетных делах твоих нераскаянное упорство да ниспошлет тебе мордобиющий Бахус, иже есть Зернь злосчастная и своевластная. Опрокинь.

Внидем к бочке нашей во имя Бахуса, иже сотворил и кружку и кружало.

В х о́ д н а я. Восплачем все в бочке, проклинаячи день въздыхания ради безумия одной четверугольной зерни, от ее же метания вопиют неимущие и все поминают имя божие.

П с а л о м¹. Блаженны живущие в кружале твоём, о Бахус. Во шкалики шкаликов восхвалят тебя. Славы ни малой не воздали мне, когда опустела мошна моя.

Пир вам. И со духом свиным.

К ковшику приложимся. Боже, иже три кости игральные, четверугольные, шестьюдесятью тремя очками одарил, подаждь, молим тебя, дабы всяк, кто грузом риз своих отягчен, чрез метание сих костей был

^а Зернь (древнерусск.) — игра в кости.

^б Кружало (древнерусск.) — кабак.

бы разоблачен. Во имя бочонка нашего и прародителя нашего Бахуса, иже с тобою хлещет и кости мечет — во веки веков. Опрокинь.

П о с л а н и е². Чтение послания от бражников к винопьяным. Братие! *Во время оно* собралось множество бражников в кружале, телом же были наги, и рубах никаких. *И никто же от имений своих ничего не называл своим, а все у них было общее.* И кто приносил добычу, выносил ее на бочище перед очами бражников. И был там муж некий по имени Дринк³, крошечник, явственно, из подлейших. Служал он бражников на игру и винопитие по цене одеяния их [и так выжимал из кубков лихву и поживу. И, извергнув его из кружала, побили камнями. И учинилось тут совлечение риз его, и роздано было пойло *коемуждо по потребе его*³].

Г р а д у л е⁴. Возложи на Зернь заботы твои, и она обманет тебя. Это — от бочки, и есть дивно в мошнах наших.

Аллилуйя! Аллилуйя! Из кубка и из кружки, упиваясь, тянул я, и Зернь обчистила меня. Потяну я! потяну я!

Г и м н⁵.

¹ Лишь аббат и приор, двое,
Пьют винцо и недурное,
Но с прискорбием помои
Грустно тянет братия.

⁴ Сколь во рту ты мне приятен,
Сколь горяч и ароматен,
Хоть глагол мой стал невнятен,
Сладким скован зелием.

² Славься сок вина блаженный,
Порожденный гроздью пенной.
Стол, тобой благословенный,
Полон благодатию.

⁵ Молим: лейся изобильно,
Чтоб поднялся гомон сильный,
И запели мы умильно
Всей толпой с веселием.

³ Языку и чреву благо,
Где твоя излита влага,
Когда в глотку всю баклагу
Выльешь без изъятия.

⁶ Мних давно забыл о млеке;
Все на свете человеки
Хлещут присно и вовеки
С ликованием велиим.

Е в а н г е л и е. Пир вам. И со духом свиним.

Свиного евангелия от Бахуса — чтение.

Хула тебе⁶, мужичина.

В круговороте оном говорили бражники друг с другом, глаголючи: «Дойдем до кружала и увидим, правдиво ли слово, что отец целовальник изрек о полном оном бочонке. Вошел же во кружало, обрели цело-

³ Дринк — шутовское имя, образованное от глагола «пить».

вальника, у порога сидяща, и стол убранный, и три кости, возложенны на диск. Кулика же, познали Бахуса и уверовали в слово то, изреченное об оном бочонке. Целовальничиха же помышляла в сердце своем, какова цена одеяниям их. И опьяневши зело, разделили одеяния свои. Возвратилися же бражники вспять, Бахуса славословя и восхваляя, а Зернь проклиная.

Зане евангелъе гласит:
Кто раз упал, тот там лежит⁷.

Пр о с к о м и д я. Пир вам. И со духом свиным. О Бахус, отважнейший бражник, бог, иже из мудрых глупых творишь, и злых из добрых, приди во спаивание нам. Не медли.

П р и с т у п. Во шкалики шкаликов. Опрокинь. Пир вам. И со духом свиным. Вознесем сердца наши к Зерни. Возблагодарим господя врага Бахуса. Пенно и искристо.

Воистину пенно и искристо есть и допьяна напоить нас способно есть. Нам же убо надлежит благодарствовать и во кружале доброе вино восхвалять и благословлять и питье оно проповедовать. Его же насаждают презренные мужланы, его же испивают благородные сеньоры и клирики, его же чтут боголюбивые иереи, от него же проистекают мордобития велие, им же жаждущие утоляются, им же жизнь человеческая ко здравью возвращается, от него же играют неимущие, от него же распевают в духовном звании сущие, каковые, пьяны будучи, непрестанно и ежедневно возглашают, единогласно глаголючи:

«Колик, колик, колик еси, господи Бахус Хапаоф. Наполнены кубки. Во трапезе слава твоя. Осанна в вышних. Проклят, кто лакает и одежду спускает. Осанну возглашаем в вышних».

К ковшику приложимся. Наставлениями отца-целовальника умудренные и добрым вином упоенные, возгласить дерзаем:

«Отче Бах⁸, иже еси в винной смеси. Да изопьется вино твое, да придет царствие твое; да будет неволя твоя, яко же в зерни, и в кабаце. Вино наше насущное даждь нам днесь, и остави нам кубки наши, яко и мы оставляем бражникам нашим, и не введи нас во заушение⁹, но избави сиволапых от всякого блага. Опрокинь».

Во шкалики шкаликов. Опрокинь.

Хула мужику да пребудет с вами вовеки. И со духом свиным. Хозяин Бахусов, иже изъял трезвость из мира, даруй нам пир. Хозяин вина, иже содержишь блудилища мира, даруй нам пир. Хозяин добрый, иже приемлешь заклады от нас, даруй нам пир.

П р и ч а с т и е. Приидите, сыны Бахусовы, да восприимете вино чистое, еже уготовано вам от начала лозы. Пир вам. И со духом свиным.

К ковшику приложимся. Боже, иже вечную распрю меж клириком и мужиком посеял и всех мужиков господскими холопами содеял, подаждь нам, молим тебя, везде и всегда от трудов их питаться, с женами и дочерьми их баловаться и о смертности их вечно веселиться. Во имя бочки нашей и врага Бахуса, иже с тобой хлещет и кости мечет — во веки веков. Опрокинь.

Пир вам. И со духом свиным.

Идите. Час питья вашего настал. Благодарение Бахусу. О влага приятнейшая! Сколь сладка ты для испивания! Ты творишь из простеца мудреца, из смерда осла, из монаха игумена. Приди во спаивание нам и не медли.

ВИДЕНИЯ

До XII в. все видения (кроме скандинавских) написаны по-латыни, а с XII в. появляются видения на народных языках. Наиболее законченная форма видений представлена в латинской поэзии. Жанр этот по своим истокам тесно связан с канонической и апокрифической религиозной литературой и близок по своей целенаправленности к церковной проповеди.

Редакторы видений (они всегда из среды духовенства, и их надо отличать от самого «ясновидца») пользовались случаем от имени «высшей силы», якобы пославшей видение, пропагандировать свои политические взгляды или обрушиться на личных врагов. Возникают и видения — злободневные памфлеты (например, «Видение Карла Великого» и др.).

Однако уже с X в. форма и содержание видений вызывают протест, идущий частью от деклассированных слоев самого духовенства (нищих-клириков и школяров-вагантов). Протест этот выливается в форму пародических видений, особенно удачно используемых позднее революционно настроенным «третьим сословием» в его борьбе с претензиями церкви и монашества (ср. «Пролог судебного пристава» в «Кентерберийских рассказах» Чосера). С другой стороны, формой видения овладевает куртуазная рыцарская поэзия на народных языках: видения приобретают здесь новое содержание, становясь обрамлением любовно-дидактической аллегории; таков знаменитый «Роман о Розе» Гильома де Лорриса — энциклопедия куртуазной любви.

Новое содержание вкладывает в форму видений третье сословие. Так, продолжатель незаконченного романа Гильома де Лорриса — Жеан Клопинель из Мёна превращает изысканную аллегорию своего предшественника в сочетание поучения и сатиры, острие которой направлено против отсутствия равенства, против несправедливых привилегий аристократии и против «разбойничьей» королевской власти. Не менее ярко выражены настроения «третьего сословия» в знаменитом «Видении о Петре-Пахаре» Ленгленда, сыгравшем агитационную роль в английской крестьянской революции XIV в. Величайший памятник литературы средневековья — «Божественная комедия» Данте — тоже построена по принципу видения. Но гений Данте обращает с непревзойденной силой острие выкованного церковью оружия против нее и ее владык — римских пап.

ВИДЕНИЕ ТНУГДАЛА

«Видение Тнугдала» является наиболее популярным произведением этого жанра повествовательной литературы средневековья; об этом свидетельствуют многочисленные рукописи, в которых сохранился латинский текст (свыше 50), и еще более многочисленные пересказы его на всех языках Европы. Написанное в середине XII в., «Видение Тнугдала» состоит из дидактического введения (послания к аббатиссе Гисле), опущенного нами, и самого повествования, написанного простым стилем и кое-где украшенного цитатами из евангелия и библии.

І. НАЧИНАЕТСЯ ВИДЕНИЕ НЕКОЕГО ИРЛАНДСКОГО РЫЦАРЯ ДЛЯ ПОУЧЕНИЯ МНОГИХ ЗАПИСАННОЕ

Итак, Гиберния^а есть остров, на крайнем западе океана расположенный, тянущийся с юга на север, полный озер и рек, покрытый рощами, в злаках плодороднейший, молоком и медом и всяческими видами рыбного промысла и охоты изобильный, виноградников не имеющий, но вином богатый, со змеями, лягушками, жабами и всеми ядовитыми животными настолько незнакомый, что его деревья, кожи, рога и пыль известны как противоядия против всех ядов; духовными мужами и женами он достаточно известен, оружием же могуч и славен; с полуденной стороны он соседит с Англией, с востока — со скоттами, а также с бриттами, коих некоторые называют валлийцами, с севера — Катами и Оркадами^б, напротив же к югу лежит Испания. Этот остров имеет 34 главных города, епископы коих подчинены двум митрополитам. Артимаха^в — метрополия северных ирландцев, южных же — великолепнейший Касель^г, из которого происходил некий муж высокородный по имени Тнугдал, жестокосердие коего или, вернее, то, что сотворило в нем божье милосердие, составляет содержание сего труда нашего.

Был означенный муж летами молод, родом знатен, обликом весел, наружностью красив, воспитан в придворных нравах, в одежде изыскан, образом мысли великодушен, военному делу изрядно обучен, обходителен, учтив и радушен. Однако, о чем я не могу говорить без огорчения, чем больше верил он в красоту тела и храбрость, тем меньше заботился о вечном спасении души своей. Ибо, как он теперь часто со слезами сознается, ему было неприятно, если кто, хотя бы и в немногих словах, хотел поговорить с ним о спасении души. Церкви божьей не почитал, на нищих же Христовых не хотел и смотреть. Бахарям, скоморохам и песенникам, ради бренной славы, раздавал все, что имел.

^а Гиберния — Ирландия; описание ее взято из «Церковной истории английского народа» Беды Достопочтенного (672—735).

^б Каты и Оркады — Шотландские и Оркнейские острова.

^в Артимаха — город Армаг в Ольстере (Северная Ирландия).

^г Касель — Кэшель (Мюнстер, графство Типперэри).

Но поелику божественному милосердию захотелось положить конец такому злу, оно призвало сего мужа, когда пожелало. Ибо, как о том свидетельствуют многие жители города Коркагии^{*}, которые тогда были при нем, он в течение трех дней и ночей лежал мертвым, во время коих он горьким опытом познал то, что прежде с легкостью отметал, так как теперешняя его жизнь показывает, что он выстрадал. Перенес же он многие неприятные и нестерпимые виды пыток, коих порядок и названия нам нетрудно будет описать вам для поднятия вашего благочестия согласно рассказу, услышанному нами из уст того, который видел их и претерпел.

Имел он много друзей-приятелей, а среди них одного, который после какого-то обмена состоял его должником за трех коней. Он же, выждав до назначенного срока, по прошествии положенного времени посетил друга. Радушно принятый, он провел там три ночи и затем заговорил о делах. Когда же тот отвечал, что у него нет под рукой того, что он требовал, он в сильном гневе порешил вернуться тем путем, каким пришел. Должник же, желая смягчить друга, просил его, чтобы он перед уходом соизволил с ним откушать. Не желая отказать ему в просьбе, он сел и, поставив рядом секиру, которую держал в руках, стал вкушать пищу вместо с приятелем. Но божественное милосердие предупредило его намерение. Ибо, не знаю чем внезапно пораженный, он не сумел поднести ко рту протянутой руки. Тогда он стал кричать ужасающим голосом и с такими словами поручил только что оставленную секиру жене своего друга: «Храни,— сказал он,— мою секиру, ибо я умираю». И немедленно вслед за сими словами бездыханное тело упало, точно в нем никогда не было души. Наступают все признаки смерти: волосы белеют, чело застывает, глаза закатываются, нос заостряется, губы бледнеют, подбородок отпадает и все члены тела твердеют. Бегут слуги, уносятся яства, вопиют латники, плачет хозяин, укладывают тело, бьют тревогу, сбегается духовенство, дивится народ, весь город взволнован смертью доброго рыцаря. Что же далее? От десятого часа четвертого признака жизни, за исключением того, что легкое тепло в левой стороне груди ощущалось теми, кто внимательно ощупывал тело. Поэтому, т. е. потому что они чувствовали тепло в этом месте, они не пожелали похоронить тело. Вслед за тем он в присутствии клира и народа, которые сошлись для его похорон, ожил и стал слабо дышать в течение приблизительно одного часа. Изумились все, даже мудрые, говоря: «Это ли дух уходящий и не возвращающийся?» Он же, слабым взором оглядевшись вокруг и спрошенный, хочет ли он что-нибудь сказать, дал понять, что-

^{*} Коркагия—Корк, главный город одноименного ирландского графства.

бы принесли тело господне и, приняв его и вкусив вина, начал с благодарностью восхвалять бога, говоря: «Боже, больше твое милосердие, чем моя скверна, хоть и очень она велика. *Ты послал на меня многие и лютые беды, но и опять оживлял меня, из бездн земли опять выводил меня*».

И, сказав сие, он разделил все имущество свое и роздал бедным, и велел осенить себя знамением креста спасительного, и поклялся во всем бросить прежнюю жизнь. Все же, что он видел и претерпел, он после пересказал нам следующими словами.

II. ОБ ИСХОДЕ ДУШИ

Когда, сказал он, душа моя сбросила тело и познала, что оно мертво, затрепетала она в сознании греховности своей и не знала, что делать. Она страшилась, но, чего страшилась, не ведала. Хотела вернуться к своему телу, но не могла войти в него; хотела удалиться в другое место, но повсюду робела. И так несчастнейшая колебалась душа, сознавая вину свою, ни на что не надеясь, кроме божьего милосердия. После того, как она долго так металась, плача, рыдая и дрожа, и не знала, что ей делать, узрела она такое великое множество приближающихся к ней нечистых духов, что не только они наполнили весь дом и палату, в коей лежал мертвец, но и во всем городе не было улицы и площади, которая не была бы полна ими. Окружив оную несчастную душу, они старались не утешить ее, но еще больше огорчить, говоря: «Споем этой несчастной заслуженную песнь смерти, ибо она — дочь смерти и пища огня неугасимого, возлюбившая тьму, ненавистница света». И все, обратясь против нее, скрежетали на нее зубами и собственными черными когтями терзали щеки: «Вот, несчастная, тот народ, избранный тобою, с которым сойдешь ты для сожжения в глубину Ахерона. Питательница раздоров, любительница распрей, почему не чванишься? почему не прелюбодействуешь? почему не блудодействуешь? где суета твоя и суётная веселость? где смех твой неумеренный? где смелость твоя, с которой нападала ты на многих? что же ты теперь, как бывало, не мигаешь глазами, не топаешь ногой, не тычешь перстом, не замышляешь зла в развращенности своей?»

Испуганная этим и тому подобным, ничего не могла несчастная сделать, разве только плакать, ожидая смерти, грозившей ей от всех окружающих ее. Но тот, *кто не хочет смерти грешника*, тот, кто один может дать исцеление после смерти, господь всемогущий, жалостливый и милосердный, сокровенным решением своим все направляющий ко благу, по желанию своему смягчил и эту напасть.

III. О ПРИШЕСТВИИ АНГЕЛА НА ПОМОЩЬ ДУШЕ

И послал он на помощь ей ангела своего; она же, увидев его, издали к ней направляющегося, подобно звезде лучезарнейшей, непрестанно устремляла на него взоры, надеясь получить от него какой-либо совет. Приблизившись к ней, он назвал ее по имени и приветствовал следующими словами: «Здравствуй, — сказал он, — Тнугдал! Что ты делаешь?» Оный же несчастный, видя прекрасного юношу (ибо он был прекрасен превыше сынов человеческих), слыша, что он называет его по имени, преисполненный одновременно и страхом, и радостью, так возгласил со слезами: «Увы мне, — сказал он, — господи-отче, *муки ада облегли меня и сети смерти опутали меня*». Отвечал ему ангел: «Ныне называешь ты отцом и господином меня, коего прежде всегда и повсюду имел при себе, но никогда не считал достойным такого имени». Он же возразил: «Господи, где я когда-либо тебя видел? или где голос твой сладчайший когда-либо слышал?» В ответ ангел сказал ему: «Я всегда следовал за тобою с рождения твоего, и ты никогда не хотел следовать моим советам». И, протянув руку к одному из нечистых духов, который более других злоязычных нападал на него: «Вот, — сказал он, — с чьими советами ты соглашалась¹, моими же желаниями вовсе пренебрегала. Но так как бог милосердие всегда предпочитает справедливости, то и ты не будешь лишена незаслуженного милосердия. Будь только спокойна и весела, ибо ты претерпишь немного из всего того, что должна была бы претерпеть, если бы не помогло тебе милосердие нашего спасителя. Итак, следуй за мною и все, что я покажу тебе, удержи в памяти, ибо вновь должна ты возвратиться в тело свое».

Тогда душа, безмерно испуганная, присоединилась к нему, оставив тело свое, на котором прежде стояла. Демоны же, слыша сие и видя, что они не могут причинить ей того зла, которым раньше грозили, обратили голос свой против неба, говоря: «О сколь несправедлив бог и жесток, *ибо, кого хочет, умерщвляет и, кого хочет, оживляет*, а не так, как обещал он, *воздаст каждому по делам его* и заслугам: освобождает недостойных освобождения и осуждает недостойных осуждения». И, сказав сие, бросились друг на друга, и поражали друг друга изо всех сил ударами, и, оставив позади себя великое зловоние, с большою печалью и возмущением удалились.

Ангел же, идя впереди, сказал душе: «Следуй за мною». Она же отвечала: «Увы, господин мой, если ты пойдешь впереди, то они увлекут меня назад и предадут огню вечному». Ангел сказал ей: «Не бойся, ибо больше сил с нами, чем с ними. *Ибо падут подле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся, только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.*

Ты же претерпишь, как я уже сказал, немногое из того многого, что ты заслужила». И после этих слов отправились они в путь.

IV. О ПЕРВОМ НАКАЗАНИИ УБИЙЦ

После того как они долго шли вместе и не видели никакого света, кроме сияния ангела, дошли они до долины, весьма ужасной и мрачной и покрытой смертною мглою. Была она очень глубока и полна горящих угольев и покрыта железною крышкою толщиною, как казалось, в шесть локтей, которая раскалением превышала ярко горящие уголья. Зловоние же там превышало все мучения, какие душа до тех пор претерпела. Спускалось на эту доску множество несчастнейших душ, и там сжигались, пока на подобие жира, поджариваемого на сковороде, не растоплялись окончательно и, что хуже всего, не проливались сквозь означенную доску, как воск просачивается сквозь сукно, и возвращались к мучениям на горящих угольях. Увидев такое, душа оная в великом испуге сказала ангелу: «Увы, господин мой, прошу тебя: пожалуйста, скажи мне, какое зло совершили эти души, что они признаны достойными таких мучений?» Ангел ответил ей: «Это,— молвил он,— убийцы, отцеубийцы и братоубийцы. Это первое наказание совершивших такое злодеяние и участвовавших в совершении, а затем они предаются худшим карам, которые ты увидишь». — «А я,— спросила она,— подвергнусь ли сему?» Ангел же отвечал ей: «Ты заслужила это, но теперь не подвергнешься. Ибо хотя ты не отцеубийца, не матереубийца и не братоубийца, однако все же убийца, но ныне не воздастся тебе. В будущем же опасайся, чтобы, вернувшись в тело свое, вновь не заслужить этого или худшего». И прибавил: «Пойдем далее, ибо долгий путь предстоит нам».

V. О НАКАЗАНИИ КОЗНЕДЕЙЦЕВ И ВЕРОЛОМНЫХ

Итак, следуя далее, подошли они к горе изумительной вышины, весьма страшной и пустынной. Проходящим по ней открывалась чрезвычайно узкая тропа. С одной стороны этого пути был огонь зловонный, темный и серный, с другой — холодный снег и ужасный ветер с градом. Ибо была гора эта уготована для наказания душ, полна истязателей, так что ни один проход не являлся безопасным для желающих пройти. Вышесказанные же оные истязатели держали наготове вилы железные раскаленные и трезубцы преострые, коими они кололи души, хотевшие пройти, и гнали их на муки. После того как несчастные, брошенные в сторону серы, долго терпели мучения, их прокалывали вышереченными орудиями и бросали в геенну огненную. Увидев сие и убоявшись, спросила душа ангела, шедшего перед нею: «Спрашиваю тебя, господи, как

смогу я пройти по этой тропе, когда ясно вижу козни, уготованные мне на гибель». Он отвечал ей: «Не бойся, но следуй за мною или иди впереди». И тогда ангел пошел впереди, а она вслед за ним, как прежде.

(Далее душа, сопровождаемая ангелом, созерцает адские муки гордых, скупых, воров и грабителей, обжор и блудников, распутных и порочных священников, великих грешников, наконец, спускается в глубину ада, где ангел показывает ей самого сатану.)

XIV. О САМОМ КНЯЗЕ ТЬМЫ

«Итак, пойдем, — сказал он, — я покажу тебе злейшего врага рода человеческого». И, идя впереди, дошел до врат ада и сказал ей: «Приди и смотри; но узнай, что тем, кто ввергнут сюда, свет вовсе не светит. Ты, однако, сумеешь их видеть, но они не смогут увидеть тебя». И душа, приблизившись, узрела глубину ада, но какие и коликие увидела там мучения, она никак не могла бы пересказать, если бы даже сто голов было у нее, а в каждой голове сто языков. То немногое, однако, что она нам передала, вряд ли будет полезно опустить.

Итак, узрела она самого князя тьмы, врага рода человеческого, дьявола, который величиною превосходил всех тех зверей, которых она ранее видела. Огромность его тела ни сама видевшая его душа не могла ни с чем сравнить, ни мы, не узнавшие этого из ее уст, не можем вообразить, но рассказа в том виде, как мы его слышали, не можем обойти молчанием. Был означенный зверь черен, как ворон, нося человеческое обличие с ног до головы, за исключением того, что имел хвост и множество рук. А именно, было у сего ужасающего чудовища рук не менее тысячи, и каждая рука — длиною около ста локтей, а толщиною в десять. Каждая же рука была снабжена двадцатью пальцами, каковые пальцы были длиною в сто ладоней, а толщиною в десять; когти же были железные и длиннее воинских пик, столько же когтей было на ногах. Клюв у него чрезвычайно длинный и толстый, хвост же весьма жесткий и длинный и для поражения душ усеянный колючими иглами. Лежит же это огромное диво плашмя на железной решетке, под которую подложены раскаленные уголья, раздуваемые мехами бесчисленным количеством демонов. Самого его окружает такое количество душ и демонов, что всякому показалось бы невероятным, чтобы мир от начала своего породил столько душ. Связан же означенный враг рода человеческого по всем членам и суставам цепями железными и медными, раскаленными и очень толстыми. Так-то, корчась на угольях и со всех сторон обжигаясь, распаленный великой яростью, ворочается с боку на бок, простирает все руки свои к толпе душ и, набрав полные пригоршни, сдавливая их, подобно тому, как поселянин, мучимый жаждой, выдавливает гроздь, так что ни одна душа не может уйти невредимой, чтобы не быть разо-

рванной или лишенной головы, рук, ног... Тогда он, точно вздыхая, дует и разбрасывает все души в разные стороны геенны, и тотчас же колодезь, о коем мы говорили раньше, изрыгает зловонное пламя. А когда свирепый зверь снова вдыхает воздух, он стягивает обратно все души, которые только что рассеял, и пожирает попадающихся ему в рот вместе с дымом и серой. Если же кто-либо и избежит его рук, то, ударяя хвостом, несчастный зверь поражает их, поражая постоянно и себя, и, таким образом, причиняя страдания душам, сам мучится.

Видя это, сказала душа ангелу господню: «Спрошу тебя, господин мой: каково имя сего чудовища?» В ответ ангел сказал: «Зверь, которого ты видишь, именуется Люцифером;

он — первое из созданий божиих и обитал среди райских усад. Если бы он был свободен, он потряс бы до оснований и небо, и землю. В этой же толпе часть состоит из духов тьмы и прислужников сатаны, часть же — из сынов адамовых, не заслуживающих милосердия. Это — те, которые и не надеялись на божье милосердие, и в самого бога не верили. И потому они принуждены бесконечно страдать так вместе с самим князем тьмы, что они не пожелали словом и делом примкнуть к господу славы, который воздал бы им за то благом вечным». «Это — те, — сказал он, — которые уже осуждены; они ожидают еще многих других, тех, кто обещает на словах творить добро, а на деле отказывается. Так же, — добавил он, — пострадают те, кои или вовсе отрицают Христа, или творят дело отрицающих, каковы прелюбодеи, человекоубийцы, воры, разбойники, гордецы, не принесшие должного покаяния. Сначала они подвергаются тем более слабым мукам, которые ты видела, а затем приводятся к этим, которых никогда больше не избежит тот, кто однажды попал сюда. Здесь же нескончаемо истязаются прелаты и сильные мира, которые хотят начальствовать не ради пользы, но ради власти, которые не считают, что могущество, данное им для управления подданными и исправления их, вручено им богом, и потому проявляют власть свою над порученными им не так, как должно. Вот почему писание восклицает: *«Сильные сильно будут истерзаны»*. Тогда сказала душа:

Дьявол в модном женском наряде. Рисунок из оксфордской рукописи XIII в.

«Раз ты говоришь, что власть дана им богом, то почему они страдают из-за нее?» И молвил ангел: «Не плоха власть, исходящая от бога, но плохо, когда плохо ею пользуются». И спросила душа: «Почему господь всемогущий не всегда вручает власть добрым, чтобы они исправляли подданных и правили ими, как должно?» Отвечал ангел: «Иногда власть отнимается у добрых ради прегрешений подданных, ибо плохие не заслуживают иметь хороших правителей, иногда же ради самих добрых, чтобы они спокойнее пеклись о спасении душ своих». И сказала душа: «Хотела бы я знать, по какой причине чудовище это именуется князем тьмы, тогда как оно не в силах никого защитить и само себя не может спасти». И молвил ангел: «Князем именуется он не из-за власти, а из-за первенства, которым обладает в царстве тьмы. Хотя ты до сих пор видела много наказаний, но все они считаются ни за что, если сравнить их с этою безжалостной пыткой». И сказала душа: «Это я считаю несомненным, ибо смотреть на этот водоем мне страшнее и выносить его зловоние для меня тягостнее, чем претерпеть все то, что я терпела прежде. Посему я прошу тебя, если возможно, поскорее увести меня отсюда и не дать мне мучиться дольше. Ибо вижу я в муке этой много родичей, друзей и знакомых, с которыми с радостью общалась в миру и коих сообщество теперь весьма мне ненавистно. Ведь я достоверно знаю, что если бы мне не помогло божественное милосердие, то я бы по заслугам моим страдала не меньше, чем они». И сказал ангел: «Приди, о душа блаженная, возвратись к успокоению своему, ибо господь благодетельствовал тебя. Не будешь ты ни терпеть этого, ни дольше смотреть на это, если вновь не заслужишь. До сих пор видела ты темницу врагов господних, теперь увидишь славу друзей его».

(Покинув ад, душа проходит сперва через места наказания и отдохновения «не слишком плохих» и «не слишком хороших», где встречает и королей ирландских, а затем попадает в Серебряный город, где наслаждаются праведные миряне, в Золотой город, где блаженствуют мученики и аскеты, монахи и инокини, строители и защитники церквей, и, наконец, в город Драгоценных камней, где пребывают святые и где она встречает святого патрона Ирландии — Патрика. Получив от ангела приказание вернуться в свое тело, душа раскаявшегося рыцаря заставляет его вести благочестивый образ жизни. На этом кончается видение некоего рыцаря по имени Тнугдал.)

ДИДАКТИКО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА XIII—XV ВВ.

Значительное место в средневековой литературе занимали поучительные повести, притчи и басни, написанные латинской прозой. Многие произведения этого рода были объединены в повествовательные сборники, из которых наибольшей известностью пользовались: «Почтение для духовных лиц» («*Disciplina clericalis*») Петра Альфонса (начало XII в.) и «Римские деяния» («*Gesta Romanorum*», XIV в.). Как по своему происхождению, так и по своему характеру эти произведения не были однородными. Если одни назидатель-

ные рассказы всецело пронизаны религиозными взглядами, то другие имеют преимущественно светский характер. Зачастую назидательные рассказы, восходящие к книжной или устной традиции, использовались в качестве притч (exempla) в церковных проповедях. Подобные притчи нередко представляют собой живые зарисовки средневековых обычаев и нравов, близко напоминая отдельные фавль и шванки.

EXEMPLA

I

[Об отроке, пожелавшем сохранить для отца своего часть сукна]

Притча из собрания проповедей начала XIII в.

Был некий человек добропорядочный, и он, пока в силах был работать, все добро свое отдавал сыну своему единокровному, коего весьма возлюбил. И просил его, да почитает его до самой смерти. Тот же, пока не был женат, укладывал отца спать на печи, когда же взял себе жену, поместил его в сенях, дабы там он спал. И когда усилился хлад зимний, умолял старец сына купить для него какие-либо одежды, дабы не умереть от холода. Тот же ни о чем не заботился. Тогда призвал старец внука своего. «Сынок, — сказал он ему, — ступай к отцу твоему и умоли его, да купит мне что-либо, чем покрываться мне». Отрок пошел и получил разрешение купить четыре локтя сукна. И сын дал два локтя отцу, остальное же велел убрать. Узрев сие, отрок стал плакать, требуя, чтобы дали ему остаток. Отец ему: «К чему оно потребно тебе?» Отрок же, наставленный святым духом: «Для тебя желаю сберечь, когда ты состаришься. А тогда дам тебе не более того, что ныне дал ты деду моему». Услышав сие, возместил тот отцу своему все, в чем ранее утеснял его.

II

[О сыновьях, пронзивших стрелами труп отца]

Притча из собрания поучений начала XV в.

Некий знатный человек имел супругу, втайне распутную, она же, находясь при смерти, по наставлению духовника своего возвестила мужу: из трех сыновей, коих почитал он своими, лишь один рожден от него, двое же остальных зачаты в прелюбодеянии. Словами оными тяжело уязвленный, не успел допросить он, кто же подлинно сын его. И так умерла жена, он же, от скорби иссохнув, через немного дней лег на одр смертный. И, призвав к себе троих сыновей, рек им: «Один лишь среди вас — сын мой, ему оставляю наследство, двух же, в прелюбодеянии

рожденных, наследства лишаю». После кончины отца меж ними начался тяжкий раздор. Ибо каждый говорил, что он есть подлинный сын. И так дело пошло к судье проницательному, он же, коль скоро ни по каким приметам не мог найти подлинного сына, заставил труп мертвеца вырыть из могилы и повелел тем троем стрелами пронзить мертвеца, объявив, — кто-де стрелой пронзит сердце мертвого отца, тот-де и есть подлинный сын. И первый сын и второй нанесли раны мертвецу, но младший сын, залившись слезами: «Отступаюсь, — говорит, — от наследия отцовского, ибо, как другие сыны, возлюбленного отца моего мертвому телу наносить раны не могу». И по той примете почтения стало очевидным, что он один подлинно сын.

III

[Притча о корыстолюбии]³

Притча из собрания поучений начала XV в.

Некий отшельник, пожелав развести в роще сад и роя посему яму, нашел клад и тотчас возопил трижды гласом велиим: «Смерть, смерть, смерть!» Проходившие мимо трое купцов-сотоварищей подошли к нему, говоря: «Где же та смерть, о коей ты возвестил?» И он показал им клад, и тотчас они его оттуда прогнали. Он же, удалившись, вернулся в келию свою.

Они, обсудив, что надлежит делать, распорядились — один из них да пойдет в город и весы принесет. Когда же он удалился, замыслили убить его, когда он спустится в яму. Он же в пути своем тоже замыслил погибель двух остальных и, яду достав, все съестные припасы их отравил и, возвратясь, тем молвил:

«Вкусим ли сперва пищи или клад извлечем?» Они ответствовали: «Сперва клад извлечем». И побудили его спуститься в яму, дабы убить его. Когда же спустился он, убили его, а сами, немного спустя, вкусив пищи, оба умерли; и так клад нетронутым оставили.

Когда же отшельник пришел и их мертвыми узрел: «Во истину, — рек, — не что иное сокровища земные — иже гибель и смерть!»

IV

[О юноше, надевшем перстень на палец статуи Венеры]

Притча из собрания хроник середины XV в.

Во времена папы Льва IX благородный юноша, обручившийся с некоей девой, вышел на игрище со сверстниками и перстень свой, полученный при обручении, надел на палец статуи, там стоявшей. По окон-

чании игр хотел его взять обратно, но не смог снять его. Вернулся ночью с другом своим, но не нашел кольца, ибо было похищено оно. Когда же возлег он с супругою своею, почувствовал он между ними видение некое, как бы из густого тумана, но не видел его, и говорило оно: «Супруг ты мой, ибо обручился ты со мной». Так постоянно поступало оно.

И молодой супруг объявил об этом деле друзьям и родителям, и призвали они Палумбуса, пресвитера-чернокнижника, и сулили ему многое. Он же, призванный ими, написал послание и дал его юноше, говоря: «Ступай и стань в полночь на месте том, где расходятся четыре дороги, и пройдут мимо тебя многие, радостные и печальные, в облициях разных. Ты же ни с кем не говори, но когда прибудет жена, восседающая на звере, одетая одеянием блудницы, подай ей сию грамоту». И когда он так сделал, тотчас найден был перстень и возвращен ему. Но дьяволица, простирая к небу руки, громко возгласила: «О всемогущий, доколе будешь терпеть козни Палумбуса-пресвитера?»

Когда же вопль сей дошел до Палумбуса, почувял он час кончины своей и покался пред лицом всего народа римского, признавшись в злодеяниях неслыханных, и, по желанию его, были отсечены все члены его, и скончался он в ужасных муках пред лицом всего народа, обреченный демонам.

ИЗ «РИМСКИХ ДЕЯНИЙ»

Сборник назидательных рассказов «Римские деяния» («Gesta Romanorum», нач. XIV в.), составленный в Англии, пользовался значительной популярностью. В него вошли старинные анекдоты и легендарные истории, частью из римской жизни, заимствованные из различных западных и восточных источников. В дальнейшем к рассказам сборника обращались многие писатели, в том числе Боккаччо и Шекспир. Был этот сборник известен также и на Руси (конец XVII в.).

33. О тщеславии

Повествует Валерий о том, что некий муж по имени Ператин со слезами сказал своему сыну и соседям: «О горе, горе мне! Есть в саду у меня злосчастное древо, на коем повесилась моя первая жена, потом на нем же вторая, а ныне третья, и посему горе мое неизмеримо. Но один человек, именуемый Аррий, сказал ему: «Удивлен я, что ты при стольких удачах проливаешь слезы. Дай мне, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого из них было дерево, на котором могла бы удавиться его жена». Так и было сделано.

Нравоучение. Любезнейшие! Сие дерево есть святой крест, на коем был распят Христос. Сие дерево должно посадить в саду человека, дондеже душа его хранит память о страстях Христовых. На сим древе повешены три жены человека, как то гордость, вожделение плоти и вожделение очей. Ибо человек, идя в мир, берет себе трех жен: одна — дочь плоти, именуемая наслаждением, другая — дочь мира, именуемая алчностью, третья — дочь диавола, именуемая гордостью. Но если грешник по милости Божией прибегает к покаянию, эти его три жены, не добившись того, чего желали, вешаются. Алчность вешается на вервии милосердия, гордость — на вервии смирения, наслаждение — на вервии воздержания и чистоты. Тот, кто просит дать ему отростки, — добрый христианин, который должен добиваться и просить их не только для себя, но и для ближних своих. Тот же, кто плачет, есть человек несчастный, который больше любит плоть и все плотское, чем то, что от Духа святого. Однако часто и его человек добрый может своими наставлениями повести по верному пути, и войдет он в жизнь вечную.

ХРОНИКИ

Среди памятников средневековой словесности видное место занимают труды историков, созданные первоначально на языке латинском, а затем и на языках туземных. Обилие фактов делает их ценным источником исторического познания. Вместе с тем эти труды еще во многом связаны с литературой, с поэтической фантазией. Авторы охотно обращаются к старинным народным сказаниям, не стремясь отделить в них достоверные факты от вымысла, вкладывают в уста исторических деятелей пространные «речи», прежде всего свидетельствующие о риторической одаренности историографа, и т. п.

Саксон Грамматик

Саксон, прозванный Грамматиком, вероятно, за совершенство стиля, — видный датский историк второй половины XII в. (умер ок. 1216). Был капелланом и доверенным лицом влиятельных советников короля. Его монументальный труд «Деяния датчан» («Gesta Danorum») состоит из 16 книг, в которых излагается история датских королей от древнейших времен до 1187 г. Черпая из самых различных источников, будь то античная словесность или средневековые хроники, языческие скандинавские легенды, исландские саги, датские песни и др., Саксон Грамматик проявляет несомненный литературный талант. Он создает выразительные картины средневековой жизни, а также яркие зарисовки отдельных человеческих судеб. Мы обязаны любознательному историку тем, что он сохранил для последующих поколений многие народные легенды и эпические сказания, бытовавшие в устной передаче. Писатели ряда столетий неоднократно обращались к «Деяниям датчан», заимствуя из них различные сюжеты и образы. Среди этих писателей встречаем мы и У. Шекспира, нашедшего в конце III книги «Деяний» увлекательную сагу о Гамлете, принце ютландском, мстящем за предательское убийство отца. Дальнейшие судьбы Гамлета, излагаемые в IV книге «Деяний», к шекспировской трагедии отношения не имеют.

ДЕЯНИЯ ДАТЧАН

[САГА О ГАМЛЕТЕ ИЗ КНИГИ III]

После трех лет отважнейших военных действий он¹ предназначил Рорику² почетные трофеи³ и лучшую добычу, желая тем завоевать еще большее его расположение. Поощренный дружбой с ним, он в жены испросил себе Геруту⁴, дочь его, и у нее родился сын Гамлет⁵.

Фенгон⁶, снедаемый завистью к такому счастью, решился известить брата кознями. — Столь мало доблесть ограждена от опасностей даже со стороны родственников. — Как только выпал случай для убийства, насытил он кровавою рукой пагубную страсть своего сердца. И овладев затем женой убитого брата, усугубил злодейство кровосмешением. — Ибо всякий, кто предался одному бесчестью, вскоре еще легче бросится к другому; так первое является второму побуждением. — К тому же он прикрыл чудовищность содеянного столь наглой хитростью, что придумал оправдать вину видом доброжелательства и убийство брата скрасить долгом милосердия. Герута, говорил он, хоть так кротка, что никому не причинила и самой маленькой обиды, терпела между тем от мужа лютую ненависть. И брата он убил ради ее спасенья, ибо ему казалось нестерпимым, чтобы нежнейшая, без злобы, женщина страдала от тяжелейшей надменности супруга. И уверение достигло цели. Ибо у вельмож лжи обеспечено доверие, у них шутам порой оказывается милость и честь клеветникам. И Фенгон не колеблясь простер братоубийственные руки к постыдным объятиям, усугубив грех двойного нечестия вторым подобным же преступлением.

Гамлет видел все это, но, опасаясь, как бы слишком большой проницательностью не навлечь на себя подозрений дяди, облекшись в притворное слабоумие, изобразил великое повреждение рассудка; такого рода хитростью он не только ум прикрыл, но и безопасность свою обеспечил. Ежедневно в покоях своей матери, грязный и безучастный, кидался он на землю, марая себя мерзкой слякотью нечистот. Его оскверненный лик и опачканная грязью наружность являли безумие в виде потешного шутовства. Что бы он ни говорил, соответствовало такому роду безумия, что бы ни делал — дышало безмерной тупостью. Чего же более? Не за человека его можно было почесть, а за чудовищную потеху безумной судьбы. Часто сидя у очага, он сгребал руками тлеющую золу, вытаскивал деревянные крючья и обжигал их на огне. Концам их он придавал форму зубцов, желая сделать их еще более прочными в сцеплениях. А когда его спрашивали, что он делает, отвечал, что готовит острые дротики для мести за своего отца. Ответ этот вызывал немало издевок, потому что все с пренебрежением относились к бессмысленности его смешного занятия, хотя оно и помогло впоследствии выполнению его

замысла. Впрочем, у наблюдателей с умом более тонким занятие это возбудило первые подозрения в хитрости Гамлета. Ибо сама по себе ловкость, хотя и в пустяковом деле, выдавала скрытый талант мастера. Невозможно было поверить, что помрачен ум у того, чьи руки способны к столь искусной работе. К тому же он всегда с тщательнейшей заботливостью сохранял грудку своих обожженных на огне крючьев. Вот почему многие уверяли, что он в здравом уме и только прячет его под маской простоватости, и что он прикрывает глубокий умысел ловким притворством; для разоблачения его хитрости, говорили они, ничего не может быть лучше, чем вывести ему навстречу в каком-либо укромном месте красивую женщину, которая воспламенит его сердце любовным желанием. Ибо естественная склонность к любви столь велика, что скрыть ее искусно невозможно; эта страсть слишком пылка, чтобы быть преодоленной хитростью. Поэтому, если тупость его притворна, он не упустит случай и тотчас уступит порыву страсти. И вот поручено было людям проводить юношу верхом на лошади в дальнюю часть леса и провести такого рода испытание. Случилось оказаться среди них молочному брату Гамлета, в душе которого еще не угасло уважение к их общему воспитанию; и он, предпочитая память о прошлой их совместной жизни теперешнему повелению, сопровождал Гамлета среди прочих отряженных спутников скорее из желанья защитить его, чем изловить в сети; потому что он не сомневался, что тот претерпит худшее, если проявит хотя бы слабый признак здравомыслия. Особенно же, если он открыто поддастся Венере. Это и самому Гамлету было совершенно ясно. Ибо, получив приглашение сесть на коня, он умышленно уселся так, что спиной был повернут к его шее, лицом же обращен к хвосту, на который он принялся накидывать узду, как будто и с этой стороны намеревался править конем в его стремительной скачке. Благодаря этой выдумке он избежал ловушки дяди, одолел коварство. Это было презабавное зрелище — бегущий без поводьев конь со всадником, который правил его хвостом.

Продолжая путь, Гамлет в кустарнике встретил волка, и когда спутники сказали, что это выбежал ему навстречу молодой жеребенок, он согласился, добавив, что в стаде Фенгона имеется слишком мало такого рода бойцов; в такой сдержанной и остроумной форме он призвал проклятие на богатства дяди⁷. Когда они в ответ ему сказали, что слова его разумны, он в свою очередь стал уверять, что говорил это нарочно, чтобы никоим образом не подумали, что он склонен ко лжи. Ведь желая казаться чуждым лживости, он смешивал хитрость и прямоту таким образом, что в его словах всегда была истина, однако острота ее не обнаруживалась никакими признаками.

Равным образом, когда он проезжал вдоль берега и его спутники, наткнувшись на руль потерпевшего крушение корабля, сказали, что нашли необычайно большой нож, он ответил: «Им можно резать громадный окорок», разумея под ним море, бескрайности которого под стать огромный руль. Далее, когда они проезжали мимо дюн и предложили ему взглянуть на «муку», имея в виду песок, он заметил, что она намолота седыми бурями моря. Когда спутники осмелили его ответ, он снова стал уверять, что сказанное им разумно. После этого они умышленно оставили его одного, чтобы он мог набраться большей храбрости для удовлетворения своей страсти. И вот он повстречался с женщиной, подосланной дядей и будто случайно оказавшейся на его пути в темном месте, и овладел бы ею, не подай ему безмолвно его молочный брат знака о ловушке. Брат этот, соображая, как бы ему удобнее исполнить свой долг тайной опеки и предупредить опасную выходку юноши, подобрал на земле соломинку и приладил ее к хвосту летящего мимо овода, а овода погнал как раз туда, где, как он знал, был Гамлет. И этим оказал он неосторожному великую услугу: знак был истолкован с меньшим остроумием, чем передан. Ибо Гамлет, увидев овода, сразу заметил и соломинку, что была прилажена к его хвосту, и понял, что это тайное предостережение опасаться коварства. Встревоженный подозрением о засаде, он обхватил девушку и отнес подальше к непроходимому болоту, где было безопаснее. Насладившись любовью, он стал просить ее весьма настойчиво никому не говорить об этом; и просьба о молчании была с такой же страстностью обещана, как и испрошена. Ибо в детстве у обоих были одни и те же попечители, и эта общность воспитания соединила тесной дружбой Гамлета и девушку.

Когда он вернулся домой и все стали его с насмешкой спрашивать, преуспел ли он в любви, он заявил, что так оно и было. Когда его опять спросили, где это случилось и что служило ему подушкой, ответил: конские копытца и петушьи гребешки служили ложем; ибо когда он шел на испытание, то, во избежание лжи, собрал листочки растений, носящих такое название. Ответ его присутствующие встретили громким смехом, хотя шуткой он ущерба истине ничуть не причинил. Девушка, тоже спрошенная об этом, ответила, что ничего подобного он не содейл. Отрицанию ее поверили и притом тем легче, чем меньше, как было очевидно, провожатые об этом знали. Тогда тот, кто метил овода, чтобы подать сигнал, желая показать Гамлету, что он своим спасением обязан его смекалке, стал говорить, что недавно один лишь он ему был предан. Ответ юноши был подходящим; чтобы ясно было, что он не пренебрег заслугой знака, он сказал, что видел некоего носильщика соломы, который вдруг пролетел мимо него с соломинкой, прилаженной к хвосту.

Слова эти разумностью своей обрадовали друга Гамлета, прочих же заставили трястись от смеха.

Итак, все потерпели поражение, и никто не смог открыть секретного замка мудрости молодого человека; но один из друзей⁸ Фенгона, наделенный больше самонадеянностью, нежели рассудительностью, заявил, что непостижимую хитрость его ума невозможно разоблачить какой-то обычной интригой, ибо его упорство слишком велико, чтобы можно было сломить его легкими средствами. Вот почему к его многообразной хитрости следует подступаться не с простым способом испытания. И тогда, продолжал он, его глубокая проницательность натолкнется на более тонкое и разумное средство, которое легко выполнимо и для распознавания сути дела наиболее действенно: Фенгон должен будет нарочно отлучиться, якобы по важному делу, и Гамлет останется наедине со своей матерью в ее опочивальне; но прежде надо будет поручить кому-то притаиться в темной части комнаты, так чтобы остаться незамеченным, и внимательнейшим образом слушать их беседу. Ибо, будь у сына хоть какое-то соображение, он не колеблясь выскажется пред ушами матери и доверится без опасений той, что родила его. В то же время советчик усердно предлагал себя в подслушиватели, дабы не казаться только зачинщиком плана, но и его исполнителем. Обрадовавшись такому плану, Фенгон отбыл, будто бы в дальнее путешествие. А тот, кто дал совет, тайком пробрался в спальню, где Гамлет должен был закрыться с матерью, и расположился под соломенной подстилкой. Однако у Гамлета не было недостатка в средствах против козней. Опасаясь, как бы его не подслушали какие-нибудь скрытые уши, он первым делом прибег к своему обычному приему — прикинулся больным. Он закукарекал, как голосистый петух, и, колотя по бокам руками, как будто хлопая крыльями, вскочил на подстилку и принялся, раскачиваясь, прыгать туда-сюда, намереваясь узнать, не скрывается ли там что-нибудь. И когда ощутил под ногами ком, то, нащупав мечом это место, пронзил лежащего и, вытащив из тайника, убил. Тело его он разрубил на части, ошпарил кипятком и сбросил через открытое отверстие сточной трубы на корм свиньям, покрыв жалкими останками зловонную грязь. Избежав таким способом ловушки, он вернулся в опочивальню. И когда мать с громкими воплями стала оплакивать безумие своего сына при нем же, он ей сказал: «Бесчестнейшая из женщин! Под этим притворным плачем ты пытаешься скрыть тягчайшее преступление? Похотливая, как блудница, не ты ли вступила в этот преступный и омерзительный брак, прижимая к греховой груди убийцу твоего мужа? Не ты ли ласкала с бесстыдно-соблазнительной нежностью того, кто убил отца твоего сына? Так поистине лишь кобылицы сочетаются с победителями их самцов — животным присуще поспешно и без разбора спариваться. Наверное, и у тебя по их

примеру изгладилась память о первом супруге. Что до меня, то я прикинулся умалишенным не без цели, ибо, несомненно, убийца своего брата будет неистовствовать с равной жестокостью и против других своих родичей. Поэтому лучше облачиться в наряд глупости, чем здравомыслия, и защиту своей безопасности искать в видимости полного безумия. Но стремление отомстить за отца еще твердо в моем сердце; я ловлю такой случай, выжидая удобное время. Всею своею место. Против темного и жестокого духа должно напрячь все умственные силы. Тебе же, коей лучше горевать о собственном бесчестье, не к чему лить слезы о моем безумии! Не чужой, а собственной души пороки оплакивать надобно. О прочем помни и храни молчание». Таким упреком терзал он сердце своей матери, призывая ее почитать стезю добродетели и увещевая предпочесть прежнюю любовь теперешним соблазнам.

Фенгон по возвращении, нигде не находя зачинщика коварного плана, продолжал его искать тщательно и долго, но никто не мог сказать, что видел его где-либо. Гамлет тоже был спрошен в шутку, не заметили ли он какого-нибудь его следа, и ответил, что тот подошел к сточной трубе, свалился вниз, и его, заваленного гущей нечистот, пожрали набежавшие отовсюду свиньи. И хотя ответ этот выражал истину, он был осмеян теми, кто его слышал, ибо казался им бессмысленным.

Фенгон же, заподозрив пасынка в несомненной хитрости, захотел убить его; но не осмеливался на это из боязни вызвать недовольство не только деда его Рорика, но и своей супруги; и он решил осуществить убийство с помощью британского короля, так чтобы другой за него сотворил дело, а он бы прикинулся невинным. Итак, желая скрыть собственную жестокость, он предпочел лучше опорочить друга, чем на себя навлечь бесславие. При отъезде Гамлет потихоньку попросил мать увести зал ткаными занавесями и через год справить по нему мнимые поминки. К этому времени он обещал вернуться. С ним отправились в путь два вассала⁹ Фенгона, которые везли с собой послание, начертанное на дереве (это был в те времена обычный способ письма), в коем королю Британии поручалось убить направляемого к нему юношу. Но пока они спали, Гамлет, обыскав их карманы, нашел письмо; прочитав приказ, он тщательно соскоблил написанное и, вписав новые слова, изменил содержание поручения так, что свое собственное осуждение обратил на своих спутников. Не довольствуясь избавлением от смертного приговора и перенесением опасности на других, он приписал под фальшивой подписью Фенгона просьбу о том, чтобы король Британии выдал свою дочь за умнейшего юношу, коего он к нему посылает.

И вот по прибытии в Британию послы пришли к королю и передали ему в письме, которое считали средством гибели другого, собственный смертный приговор. Король, скрыв это, оказал им гостеприимный и

дружелюбный прием. Гамлет, однако, с пренебрежением отверг все великолепие королевского стола, как будто это была самая обыкновенная еда; он отвернулся с удивительной воздержанностью от всего изобилия пира и от питья удержался так же, как от кушаний. Всем было на диво, что молодой чужеземец пренебрегает изысканнейшими лакомствами королевского стола и пышной роскошью пира, словно это какая-то деревенская закуска. А когда пир закончился и король отпустил гостей на отдых, то подосланному к ним в спальню человеку поручил узнать об их ночной беседе. И вот на вопрос спутников, почему он отказался от вчерашнего угощения, будто от яда, Гамлет ответил, что хлеб был обрызган заразной кровью, что питье отдавало железом, что мясные блюда были пропитаны зловонием человеческих трупов и испорчены чем-то вроде могильного смрада. Он добавил еще, что у короля глаза раба и что королева трижды выказала манеры, присущие лишь служанке; так поносил он оскорбительной бранью не только обед, но и тех, кто давал его. Тотчас спутники, попрекая его прежним слабоумием, принялись изводить его разными насмешками за дерзость: что он порицал благопристойное, придирался к достойному, что замечательного короля и женщину столь благородного обхождения оскорбил непочтительной болтовней и тех, кто заслуживает всяческой похвалы, очернил позорящими упреками.

Узнав все это от слуги, король уверенно заявил, что сказавший такое должен быть или сверхчеловечески умен, или вовсе безумен; в этих немногих словах он выразил всю глубину проницательности Гамлета. Потом он осведомился у вызванного управляющего, откуда был получен хлеб. Когда тот заверил, что выпечен он в королевской пекарне, поинтересовался также, где росло зерно, из которого он выпечен, и нет ли там каких-либо признаков человеческого побоища. Тот отвечал, что неподалеку есть поле, усеянное старыми костями убитых, которое и до сих пор обнаруживает следы давней битвы; и что он сам его засеял весенним зерном, поскольку оно было плодороднее других, в надежде на богатый урожай. Вот почему, быть может, хлеб и вобрал в себя какой-то дурной запах крови. Когда король услышал это, то, удостоверившись, что Гамлет сказал правду, постарался также выяснить, откуда были доставлены свиньи. Управляющий сообщил, что его свиньи, по нерадивости пастухов, отбившиеся от стада, паслись на истлевших трупах грабителей, и потому, пожалуй, мясо их приобрело несколько гнилостный привкус. Когда король понял, что и в этом случае суждение Гамлета справедливо, то спросил, какой жидкостью разбавлялся напиток? И, узнав, что приготовлен он был из воды и муки, приказал копать указанное ему место источника в глубину и обнаружил там несколько разъеденных ржавчиной мечей, от которых вода, очевидно, и получила сквер-

ный привкус... Король, видя, что мнение Гамлета об испорченности вкуса справедливо, и, предчувствуя, что неблагородство глаз, в чем попрекал его Гамлет, касается какого-то пятна в его происхождении, украдкой встретился с матерью и спросил у нее, кто был его отцом. Сперва она ответила, что никому, кроме короля, не принадлежала, но, когда он пригрозил, что дознается у нее истины пыткой, то услышал, что рожден он от раба, и через очевидность вынужденного признания узнал о своем позорном происхождении. Подавленный стыдом своего положения, но и восхищенный прозорливостью юноши, он спросил у него, почему он запятнал королеву упреком в рабских повадках. Однако же, пока он еще досадовал о том, что обходительность его супруги была осуждена в ночном разговоре чужеземца, он узнал, что мать ее была служанкой. Ибо Гамлет сказал, что отметил у нее три недостатка, выдающих повадки рабыни: во-первых, что она прикрывает голову плащом, как служанка¹⁰, во-вторых, что при ходьбе подбирает платье, в-третьих, что она выковыривает остатки пищи, застрявшей между зубами, и выковыренное прожевывает снова. Упомянул он также, что мать ее попала в рабство из плена, чтобы ясно было, что она рабыня не только по своим повадкам, но вдобавок и по своей природе.

Король, чтя мудрость Гамлета как некий божественный дар, отдал ему в жены свою дочь. И всякое его слово принимал будто какое-то указание свыше. Как бы там ни было, стремясь исполнить поручение друга, он приказал на следующий день повесить спутников (Гамлета). А он принял эту любезность, словно несправедливость, с таким притворным недовольством, что получил от короля в счет возмещения золото, которое впоследствии, расплавив тайно на огне, велел залить в две выдолбленные трости¹¹.

По истечении года Гамлет испросил у короля позволение на путешествие и отправился на родину, ничего не увозя с собой из всего великолепия королевских сокровищ, кроме тростей, наполненных золотом. По прибытии в Ютландию он сменил свою теперешнюю манеру держаться на прежнюю, что была необходима для достойного дела, и умышленно напустил на себя шутовской вид. И когда он весь в грязи вошел в триклиний, где справляли его собственные поминки, то поразил всех необычайно, потому что ложный слух о его смерти уже разнесся повсюду. В конце концов оцепенение сменилось смехом, и гости в шутку пеняли один другому, что тот, по ком они справляли поминки, стоит живой перед ними. Когда его спросили о спутниках, он, посмотрев на трости, что нес с собой, ответил: «Здесь они оба». Сказал ли это он всерьез или же в шутку — неведомо. Ибо слова его, хотя и были сочтены большинством за бессмыслицу, от истины, однако, не отклонялись: они указывали на плату, полученную им в качестве вознаграждения за убитых. Вслед за

тем Гамлет присоединился к виночерпиям, желая еще больше потешить гостей, и самым усердным образом принялся исполнять обязанность розлива напитков. А чтобы его просторная одежда не стесняла движений, он повязал на боку свой меч, и, умышленно обнажая его время от времени, ранил острием кончики пальцев. Поэтому стоящие рядом позаботились сколотить меч и ножны железным гвоздем. Для обеспечения еще более надежного исхода своего коварного плана он подходил к вельможам с бокалами и вынуждал их пить беспрерывно и до того опоял всех неразбавленным вином, что ноги их ослабели от опьянения и они предались отдыху посреди королевского зала, в том самом месте, где пировали. И вот когда он увидел, что они в подходящем для его замысла состоянии, то, полагая, что представился случай исполнить задуманное, извлек из-за пазухи давно припасенные крючья из дерева и вошел в зал, где на полу там и сям вперемешку лежали тела знатных и изрыгали во сне хмель. Сбив крепления, он стянул занавеси, изготовленные его матерью, что покрывали также и внутренние стены зала, набросил их на храпящих и с помощью крючьев связал столь искусно запутанными узлами, что никто из лежащих внизу не сумел бы подняться, хотя бы и старался изо всех сил. После этого он поджег крышу; разраставшееся пламя, распространяя пожар вширь, охватило весь дом, уничтожило зал и сожгло всех, объятых ли глубоким сном или напрасно силившихся подняться. Потом он пошел в спальню Фенгона, куда того еще раньше проводили придворные, выхватил меч, висевший у изголовья, и повесил вместо него свой собственный. После этого, разбудив дядю, он сказал ему, что гости его сгорели в огне, что здесь перед ним Гамлет, во всеоружии давешних своих крючьев, и жаждет взыскать кару, причитающуюся за убийство отца. При этих словах Фенгон вскочил с кровати, но был убит, прежде чем, лишенный своего меча, тщетно пытался обнажить чужой. Храбрый муж, достойный вечной славы, благоразумно вооружившись притворным безрассудством, Гамлет скрыл под личиной слабоумия поразительное для человека разумение! И не только получил в хитрости защиту собственной безопасности, но с ее помощью нашел способ отомстить за отца! Искусно защитив себя, отважно отомстив за родителя, он заставляет нас недоумевать, храбростью он славнее или мудростью.

Кельтская литература

ИРЛАНДСКИЙ ЭПОС

Древние кельты, в античную пору занимавшие значительную часть Европы, оставили глубокий след в последующей культурной истории европейских народов. Правда, их былое могущество исчезло, не сохранилась и древняя литература континентальных кельтских племен. В средние века лишь на Британских островах преимущественно процветала кельтская словесность: в Ирландии существовал многообразный эпос, в Уэльсе — лирическая поэзия. Затем, когда в XII в. в Европе началось повсеместное увлечение рыцарским куртуазным романом, старинные кельтские (бретонские) сказания приобрели необычайную популярность и с тех пор уже не исчезали из круга зрения европейских поэтов и прозаиков.

Но самым значительным и при этом монументальным памятником кельтской литературы средних веков остается ирландский эпос.

Первоначально зародившиеся примерно во II—VII вв., окончательно оформленные в обширных компиляциях IX—X вв., ирландские саги дошли до нас в многочисленных рукописях XI—XII вв., важнейшими из которых являются «Книга бурой коровы» (названная так по качеству пергамента, нач. XII в.) и «Лейнстерская книга» (сер. XII в.).

В этих сагах, возникших еще во времена язычества, отразилась жизнь Ирландии эпохи родового строя. Во всяком случае, в период раннего средневековья общинно-родовые порядки в Ирландии были еще достаточно прочными. Правда, заметно возросшая имущественная и социальная дифференциация ирландского общества уже свидетельствовала о начавшемся разложении родового строя. Тем не менее обычаи и представления этого строя продолжали оставаться определяющими для ирландских средневековых саг, которые наряду с сагами исландскими являются замечательным памятником народного эпоса дофеодальной эпохи.

Во многом ирландские саги весьма своеобразны. Так, в отличие от эпоса других народов ирландские саги сложились не в стихах, а в прозе. Своеобразен их стиль: очень ясный, четкий и вместе с тем нарядный, украшенный множеством риторических фигур. Характерную особенность ирландских саг составляет также широкая разработка наряду с темой героической темы любовной, а также пристрастие авторов к очень красочным сказочно-фантастическим мотивам.

САГИ ГЕРОИЧЕСКИЕ

ИЗГНАНИЕ СЫНОВЕЙ УСНЕХА

К числу наиболее примечательных памятников эпоса любви, культивировавшегося древними кельтами (ср. сказание о Тристане и Изольде), принадлежит сага «Изгнание сыновей Уснеха». На значительную древность саги указывает то, что в ней еще не появился племянник короля Конхобара, славный Кухулин, занявший впоследствии такое видное место в сагах Уладского цикла. Перевод сделан с наиболее древнего варианта саги X в.

Как произошло изгнание сыновей Уснеха? Нетрудно сказать.

Однажды собрались улады на попойку в доме Федельмида, сына Далла, рассказчика короля Конхобара. Жена Федельмида прислуживала собравшимся, а между тем она должна была вскоре родить. Рога с пивом и куски мяса так и ходили по рукам, и вскоре поднялся пьяный шум.

Наконец всем захотелось спать. Пошла и хозяйка к своей постели. Но в то время как она проходила по дому, дитя в ее чреве испустило крик такой громкий, что он был слышен по всему двору. Все мужчины повскакали с мест и наперебой кинулись на этот крик. Но Сенха, сын Айлиля, остановил их.

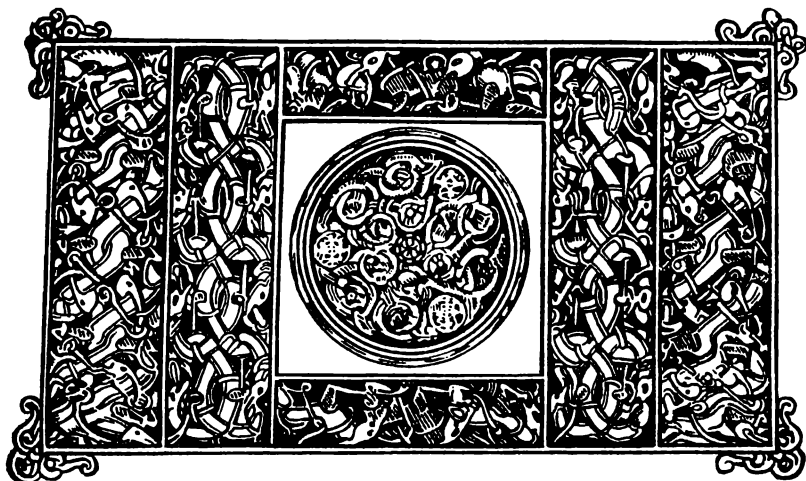
— Ни с места! — сказал он. — Пусть приведут к нам жену Федельмида, и пусть она объяснит нам, что означает этот крик.

— О жена, что за крик жестокий
Раздался в нутре твоём стонущем?
Он пронзил нам слух, всем внявшим ему,
Донесясь из чрева разбухшего.
Окровавил мне сердце он ужасом,
Страхом великим ранил его.

Подошла она к Катбаду¹, мудрецу великому, и сказала:

— Вот кого спросите вы: Катбада,
Что украшен королевским достоинством,
Вознесен друидическим² знанием.

¹ *Друиды* — жрецы у кельтов, предсказатели, толкователи снов и хранители священных писаний.

Орнамент из ирландской рукописи. IX в.

Мне самой не дано того изъяснить,
Что тот крик означал из нутра моего.
Разве женщина знает, что носит она?

Тогда Катбад произнес:

— В твоём чреве девочка вскрикнула
С волосами кудрявыми, светлыми.
Прекрасны глаза ее синие,
Щеки цвета наперстянки пурпурной.

Без изъяна, как снег ее зубы белы,
Как красный сафьян, блестят ее губы.
Знайте ж: много за эту девушку
Будет крови пролито в Уладе.

Будет светлой, стройной, длинноволосой
Девочка, что вскричала в чреве твоём.
К ней короли будут свататься,
За нее бойцы свою жизнь отдадут.

Королевы будут завидовать ей,
Совершенством будет краса ее.

С горьким спутником убежит она .
Из пределов родного Улада.

После этого Катбад положил руку на чрево женщины и ощутил трепет, словно дрожь, под рукой своей.

— Поистине, — сказал он, — здесь девочка. Да будет имя ее подобно трепету: Дейдрре. Много зла произойдет из-за нее.

Вскорé девочка родилась, и тогда Катбад запел:

— О Дейдрре, высокого мужа отвергнешь ты.
Из-за дивной красы лица твоего
Много невзгод принесешь ты Уладу,
О благородная дочь Федельмида!

Будут долгими скорби после тебя,
О женщина, подобная пламени!
При жизни твоей случится изгнание
Трех сыновей благородного Уснеха.

При жизни твоей деянье жестокое
Совершится впоследствии в Эмайн².
Будет долгой память о лице твоём,
Из-за тебя падут сыны королевские.

Из-за тебя, о женщина желанная,
Будет изгнан Фергус из Улада
И свершится гибель горестная
Фиакны, внука Конхобарова.

Ты сама совершишь дело страшное,
В гневе лютом на короля уладов.
О Дейдрре, хоть тесна будет могила твоя,
Будет память о тебе долгою.

— Смерть этой девочке! — воскликнули улады.

— Нет! — сказал Конхобар. — Отнесите ее завтра ко мне. Она будет воспитана, как я прикажу, и, когда вырастет, станет моей женой.

Улады не посмели противоречить ему. Как он сказал, так и было сделано.

Она воспиталась под надзором Конхобара и, когда выросла, стала красивейшей девушкой во всей Ирландии. Она жила все время в отдельном доме, чтобы ни один улад не мог ее увидеть до того часа, когда она должна была разделить ложе Конхобарово. Ни один человек не допускался в дом ее, кроме приемных отца и матери, да еще Леборхам³, этой ничего нельзя было запретить, ибо она была могучая заклинательница.

Однажды зимой приемный отец Дейдрре обдирал во дворе, на снегу, теленка, чтобы приготовить из него обед для своей воспитанницы. Прилетел ворон и стал пить пролитую кровь. Увидела это Дейдрре и сказала Леборхам:

— Три цвета будут у человека, которого я полюблю: волосы его будут цвета ворона, щеки — цвета крови, тело — цвета снега⁴.

— Честь и удача тебе! — воскликнула Леборхам. — Недалек от тебя такой человек, в этом же дворе он. — Найси⁵, сын Уснеха.

— Не буду я здорова, пока не увижу его, — сказала Дейдрре.

Вскоре после этого случилось, что Найси прогуливался один, распевая на валу королевского замка Эмайн. Сладкими были голоса у сыновей Уснеха. Каждая корова или иная скотина, слыша их, начинала давать молока на две трети больше обычного. Каждый человек, слыша их, наслаждался и впадал в сон, как от волшебной музыки. Велико было и боевое искусство их: если б все люди одной из пятин Ирландии ополчились на них, то и тогда, — стоило им лишь сплотиться, упершись друг в друга спинами, — не одолеть было бы их: таково было искусство трех братьев в защите и ловкой помощи друг другу в бою. На охоте же они были быстры, как псы, и поражали зверя, нагнав его.

Так вот, пока Найси гулял один и пел, Дейдрре выскользнула из своей комнаты и пошла по двору, норовя пройти мимо него. Сначала он не узнал ее.

— Красивая телочка прохаживается около нас, — сказал он.

— Телочки остаются телочками, пока около них нет бычков, — сказала она.

Тут Найси догадался, кто она такая.

— Около тебя есть славный бык, повелитель целого королевства, — сказал он.

— Я хочу сама сделать выбор между вами двумя, — отвечала она, — и милей мне молодой бычок — ты.

— Не бывать этому! — воскликнул он, вспомнив предсказание Катбада.

— Значит, ты отказываешься от меня? — спросила она.

— Да! — ответил он.

Она бросилась на него и схватила его за оба уха, говоря:

— Позор и насмешка на твои уши, если ты не уведешь меня с собой!

— Отойди от меня, о женщина! — воскликнул он.

— Будет так, как я хочу, — сказала она.

Тогда он кликнул клич своим звонким голосом. И улады, слышав его, повскакали все, готовые броситься друг на друга с оружием. Оба брата Найси прибежали на клич его.

— Что с тобой? — спросили они его. — Улады готовы перебить друг друга из-за тебя.

Он рассказал, что случилось с ним.

— Большие беды могут произойти от этого, — сказали они, — но, что бы там ни было, тебя не коснутся позор и обида, пока мы живы. Мы уйдем все, вместе с девушкой, в другую область. Нет в Ирландии князя, который не принял бы нас охотно к себе.

Они посовещались и приняли решение. В ту же ночь они выступили в путь. Трижды пятьдесят воинов было с ними, трижды пятьдесят женщин, трижды пятьдесят псов и трижды пятьдесят слуг. И Дейрдре пошла вместе с ними.

Долго блуждали они по Ирландии, переходя из-под охраны одного князя под охрану другого, ибо Конхобар все время пытался погубить их хитростью и предательством. Всю Ирландию обогнули они, начиная от Эрсруайда и далее по южным и восточным областям, вплоть до Бенд-Энгара, что на северо-востоке.

Под конец улады заставили их перебраться в Шотландию, где они поселились в пустынной местности. Когда стало им не хватать дичи в горах, они вынуждены были делать набеги на шотландцев и угонять их скот. Те однажды собрались вместе, чтобы уничтожить их. Тогда изгнанники пришли к королю шотландскому, и тот взял их к себе на службу, сделав своими воинами. Они построили отдельные дома для себя на королевской земле. Сделали они это ради девушки, — чтоб никто не увидел ее, дабы им не погибнуть из-за нее.

Однажды управитель королевского дома, проходя рано поутру мимо их дома, увидел любящих, спавших в объятиях друг у друга. Он тотчас поспешил к королю и разбудил его.

— До этого дня, — сказал он ему, — мы не могли найти для тебя жены, достойной тебя. Но вот, вместе с Найси, сыном Уснеха, живет женщина, достойная короля Западного Мира⁶. Прикажи тотчас убить Найси, и пусть его жена разделит твое ложе.

— Нет, — сказал король, — это не годится. Лучше ходи к ней каждый день тайком и уговаривай полюбить меня.

Тот так и сделал. Но все, что управитель говорил Дейрдре днем, она немедленно передавала своему мужу ночью. Так как она не соглашалась

на желание короля, то он стал посылать сыновей Уснеха на трудные дела, в тяжкие битвы, в опасные предприятия, чтобы они погибли в них. Но они проявляли себя несокрушимыми во всем этом, так что и таким путем король не достиг ничего.

Тогда король созвал шотландцев, чтобы напасть на сыновей Уснеха и умертвить их, после того как Дейдрре притворно дала согласие на это. Она тотчас же предупредила Найси:

— Собирайтесь скорее в путь. Если вы не уйдете этой ночью, то завтра же будете убиты.

Они ушли ночью и удалились на один из островов среди моря. Дошла об этом весть до Улада.

— Горестно будет, о Конхобар, — сказали улады, — если сыновья Уснеха погибнут во вражеской стране из-за одной дурной женщины. Прояви к ним милость: пусть лучше вернуться они в свою землю, чем погибнут от руки врагов.

— Пусть приходят они на мою милость, — отвечал Конхобар. — Мы вышлем заложников навстречу им.

Сыновьям Уснеха сообщили об этом решении.

— Мы рады этому, — сказали они, — и вернемся охотно. Пусть дадут нам в заложники Фергуса⁷, Дубтаха и Кормака, сына Конхобарова.

Эти трое вышли навстречу сыновьям Уснеха и, когда те сошли на берег, взялись с ними за руки.

Жители того места, по наущению Конхобара, стали звать Фергуса на попойку. Он пошел к ним вместе с Дубтахом и Кормаком. Но сыновья Уснеха отказались от приглашения, сказав, что они не примут никакой пищи в Ирландии⁸, прежде чем вкусят пищу за столом Конхобара. И потому, оставив там своих заложников, они пошли в Эмайн-Маху, куда их проводил до самой лужайки замка, Фиаха, сын Фергуса.

Случилось, что как раз в это время прибыл в Эмайн-Маху Эоган, сын Дуртахта, король Ферманага, чтобы заключить мир с Конхобаром, с которым он долгое время перед тем вел войну. Ему-то и поручил Конхобар взять несколько его воинов и убить сыновей Уснеха, прежде чем те успеют дойти до него.

Сыновья Уснеха были на лужайке, а недалеко от них женщины сидели на валу, окружавшем двор замка. Эоган вышел с воинами на лужайку и приветствовал Найси ударом своего мощного копья, раздробившим ему хребет. Сын Фергуса, стоявший неподалеку, успел обхватить Найси сзади руками, прикрыв его собой, и копьё пронзило Найси, пройдя сквозь тело сына Фергуса. Затем были перебиты все пришельцы, бывшие на лужайке, и ни один из них не уцелел, но каждый пал либо от ост-

рия копья, либо от лезвия меча. Дейдре же отвели к Конхобару со связанными за спиной руками.

Как только Фергус, Дубтах и Кормак, бывшие поручителями за убитых, узнали о случившемся, они поспешили в Эмайн; и там они совершили великие дела: Дубтах убил своим копьем Мане, сына Конхобарова, и Фиакну, сына Федельм, дочери Конхобара; Фергус же — Трайгтрена, сына Трайглетана, а также брата его. Великий гнев овладел Конхобаром, и в тот же день произошла битва, в которой пало триста уладов от руки мстителей. Затем Дубтах перебил уладских девушек, а Фергус под утро поджег Эмайн-Маху.

После этого Фергус и Дубтах ушли в Коннахт к Айлилю и Медб⁹, зная, что их там с радостью примут. Три тысячи воинов ушли вместе с ними. Они сохранили великую вражду к уладам, и в течение шестнадцати лет Улад не мог избавиться от стона и трепета: каждую ночь наполнялся он стоном и трепетом от их набегов.

Дейдре прожила год у Конхобара, и за все это время ни разу не шевельнула она губами для улыбки, ни разу не поела и не поспала вдоволь, ни разу не подняла головы своей от колен. Когда приводили к ней музыкантов, она говорила:

— Прекрасной вам кажется рать стальная,
Что возвращается в Эмайн с похода,
Но более гордой вступали поступью
В свой дом три геройских сына Уснеха.

Приносил мой Найси мне мед лесной,
Умывала я милого у очага,
Ташил нам Ардан оленя иль вепря,
На гордой спине нес Андле хворост.

Сладким вам кажется мед отменный,
Что в доме воителя, сына Несс¹⁰, вкушаем мы,—
У меня же часто — прошло то время! —
Бывали яства более вкусные.

Когда гордый Найси костер готовил,
На котором в лесу я жарила дичь,
Слаще меда была мне пища,
Что на охоте добывал сын Уснеха.

Сладостной вам кажется музыка,
Что играют на свирелях и трубах здесь,—

Много сладостней были песни мне
Упоительные сынов Уснеха.

Плеск волны был слышен в голосе Найси,
Этот голос хотелось слушать вечно;
Был прекрасен средний голос Ардана,
Подпевал высоким голосом Англе.

Ушел в могилу мой Найси милый.
Горьких нашел он поручителей!
Увы мне! Не я ль была злым ядом
Напитка, от которого погиб он?

Мил мне был Бертан, страна скалистая,
Милы те люди, хоть и бездомные.
Горе мне, горе! Больше не встану я,
Чтоб встретить на пороге сына Уснеха!

Мил мне был дух его, прямой и твердый,
Мил мне был юноша, прекрасный, скромный.
После блуждания в лесной чаще
Сладок был отдых с ним под утро!

Мил мне был взор его голубой,
Для женщин желанный, для недругов грозный.
Когда возвращался домой он из леса,
Мил мне был голос его, слышный сквозь чащу.

Нынче не сплю я долгие ночи,
Не крашу больше ногтей в пурпур,
Дни мои радости больше не знают,
Ибо нет со мной больше сыновей Уснеха.

Нет мне больше никакой радости
В людских собраниях в высокой Эмайн,
Не мило мне убранство прекрасного дома,
Нет мне отдыха, нет покоя!

Когда Конхобар пытался ее утешить, она отвечала ему:

— О Конхобар, чего ты хочешь?
Ты уготовил мне тоску и стоны.

Пока жива я на этом свете,
Не будет великой моя любовь к тебе.

То, что под небом самым милым мне было,
Что я больше всего любила в мире,
Ты у меня отнял — жестокое дело!
Больше не увижу его на свете.

О горе мне, горе! Краса погибла,
Что являл мне лик сына Уснеха!
Черный камень лежит над белым телом,
Которого никто одолеть не мог!

Красны были губы, пурпурны щеки,
Черны его брови цвета жучка,
Были зубы его — как жемчужины,
Цветом подобные снегу белому.

Памятен мне дивный наряд его,
Выделявший его средь бойцов шотландских!
Прекрасный кафтан, окрашенный в пурпур,
Кайма на нем — красного золота.

Рубашка на нем — дорогого шелка,
В ней было вшито сто ценных камней.
Пятьдесят унций самой светлой бронзы
Блестящей пошло на ее украшение.

Меч в руке его — с золотой рукоятью,
Два копыя у него, острых и грозных,
Борты щита — из желтого золота.
Шишка на нем — серебряная.

На гибель обрек нас Фергус прекрасный,
Убедив вернуться в родную землю.
Свою честь он продал за пиво хмельное,
Потускнела слава былых дел его.

Если б вместе собрать в открытом поле
Всех бойцов Конхобара, воинов Улада,—

Я бы всех отдала их, без изъятья,
За лицо Найси, сына Уснеха.

Не разрывай же вновь мне сердце,
Уже близка к могиле я.
Тоска сильнее, чем полны моря,
Знай это, о Конхобар!

— Кто всех ненавистней тебе из тех, кого ты видишь? — спросил ее Конхобар.

— Поистине ты сам и еще Эоган, сын Дуртахта.

— В таком случае ты проживешь год в доме Эогана, — сказал Конхобар.

И он отдал ее во власть Эогана.

На другой день Эоган выехал с нею на празднество в Эмайн-Махе. Она сидела на колеснице позади него. Но она дала клятву, что у нее не будет на земле двух мужей одновременно.

— Добро тебе, Дейдрде! — крикнул Конхобар, увидев ее. — Ты поводишь глазами меж нами двумя, мной и Эоганом, как овечка меж двух баранов!

В это время колесница проезжала мимо большой скалы. Дейдрде бросилась на нее с колесницы и ударилась о скалу головой. Разбилась голова ее, и она умерла на месте.

САГИ УЛАДСКОГО ЦИКЛА

Из циклов героических саг особенное значение по содержанию и художественному оформлению имеет Уладский цикл — сказание о героях Ульстера (одного из пяти ирландских королевств на севере и северо-востоке Ирландии). Величайшим из уладских героев саги изображают племянника короля Конхобара — непобедимого Кухулина. Отдельные саги описывают: его чудесное рождение девственной сестрой Конхобара от бога света, искусств и ремесел Луга; его детство, когда ему пришлось сидеть на цепи у кузнеца Кулана вместо убитого им сторожевого пса (отсюда его имя Ку-Хулайнд — «пес Кулана»); его сватовство к красавице Эмер, связанное со многими опасными подвигами; многочисленные подвиги его юности и зрелых лет, из которых величайшими являются героическая защита брода в страну уладов от войска коннахтской королевы Медб (сага «Похищение быка из Куальнге»); борьбу за первенство среди уладских героев (сага «Пир у Брикрена») и поход в «страну блаженных» (сага «Болезнь Кухулина»); его доблестную смерть при защите своей родины.

В образе Кухулина ирландский народ воплотил свой идеал доблести и нравственного совершенства. Кухулин рисуется могучим богатырем, справедливым и благородным. «Горд я в мощи и доблести моей, — говорит он Эмер, — и способен охранять рубежи страны от внешних врагов. Я — защита каждого бедняка, я — боевой вал всякого креп-

кого бойца. Я даю удовлетворение обиженному и караю проступки сильного». Никогда поступками Кухулина не движут корыстные намерения. Он горячо предан отчизне. Ей он отдает свою жизнь на поле брани.

Приводимый ниже отрывок «Бой Кухулина с Фердиадом» является эпизодом из упомянутой уже саги «Похищение быка из Куальнге»; отрывок сокращен таким образом, чтобы не нарушить развертывания сюжета.

БОЙ КУХУЛИНА С ФЕРДИАДОМ

Стали мужи Ирландии думать, кто бы мог сразиться и выдержать бой с Кухулином завтра поутру. И сказали все, что способен на это лишь Фердиад, сын Дамана^а, сына Даре, храбрейший герой из рода Домнана. Ибо в битве, в борьбе и в бою они были равны меж собой. У одних воспитательниц обучались они ловким приемам мужества и силы боевой, в школе Скатах, Уатах и Айфе^б. И не было ни у одного из них никакого преимущества перед другим, если не считать удара рогатым копьем, которым владел Кухулин, взамен чего Фердиад имел роговой панцирь для сражения и единоборства с противником у брода.

Послали вестников и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал обратно вестников и послов. Не пошел на их зов Фердиад, ибо он знал, чего хотели пославшие их: чтобы он бился с другом, товарищем, названным братом своим.

Тогда Медб^с послала друидов, заклинателей и злых певцов к Фердиаду, чтобы они спели ему три цепящих песни и три злых заклинания и наслали три нарыва на его лицо — нарывы позора, стыда и поношения, от которых должен был умереть, если не тотчас, то не позже, чем через девять дней, если откажется прийти. И Фердиад пошел с ними,

^а *Фердиад, сын Дамана* — побратим Кухулина, один из витязей соседнего с Ульстером королевства коннахтского (на западе Ирландии).

^б *Скатах* — королева мрачного, окруженного опасностями острова, вероятно (в первоначальной форме предания), царства теней, царства смерти. О воинском воспитании Кухулина у королевы Скатах подробно повествует сага о сватовстве Кухулина к Эмер. *Уатах* — «ужасная» — дочь королевы Скатах, жена Кухулина во время служения его у последней. Об этом говорится в саге о сватовстве Кухулина к Эмер. *Айфе* — враждебная Скатах богатырша; Кухулин вступает с ней в единоборство и побеждает ее; рожденный Айфе от Кухулина и воспитанный вдали от отца сын отправляется на поиски его; при встрече отец с сыном, не признав друг друга, вступают в бой, и сын гибнет от руки отца.

^с *Медб* — могучая и свирепая королева коннахтского королевства, напавшая в союзе с остальными королями на уладов, чтобы похитить чудесного быка из Куальнге. Для нападения Медб выбрала то время, когда наследственная магическая немощ поражает всех мужей уладских, лишая их сил; только Кухулин как сын бога сохраняет свою силу. Остановив заклинаниями войско Медб и ее союзников у брода, Кухулин вызывает на единоборство ее борцов. Против него Медб заставляет выступить лучшего из витязей — Фердиада.

ибо легче казалось ему пасть от копья силы, смелости и ловкости боевой, чем от копья позора стыда и поношения¹.

Немного времени потратил возница Фердиад, чтобы достигнуть брода. И там он увидел прекрасную колесницу с четырьмя осями, несущуюся в стремительном порыве, искусно управляемую, с зеленым пологом, с разукрашенным остовом из тонкого, сухого, длинного, твердого, как меч, дерева, влекомую двумя конями, быстрыми, резвыми, длинноухими, прыгающими, с чуткими ноздрями, широкой грудью, крутыми бедрами, громадными копытами, тонкими ногами, — конями сильными, пылкими, стремительными.

Один из коней был серый, с крутыми бедрами, с длинной гривой, делавший короткие прыжки; другой — черный, с вьющимся волосом, длинным шагом и короткой спиной. Подобны соколам, налетающим на добычу, когда дует резкий ветер, подобны порыву бурного ветра, несущегося по равнине в мартовский день, подобны дикому оленю, почуявшему впервые охотничьих псов, были кони Кухулина. Они казались несущимися по пламенным, раскаленным камням, и земля дрожала, трепетала под ними от неистового их бега.

Кухулин достиг брода. Фердиад ожидал его с южной стороны брода. Кухулин стал на северной его стороне.

Приветствовал Фердиад Кухулина:

— В добрый час явился ты, Кухулин! — воскликнул он.

— Правду сказал ты о добром часе, — отвечал Кухулин, — лишь про это мгновенье нашей встречи. А дальше нет во мне веры словам твоим. Больше пристало бы, Фердиад, чтоб я приветствовал твой приход, чем ты мой, ибо ты вступил в область и королевство, где стою я! И не очень пристало тебе являться сюда, чтобы нападать и биться со мной, а скорей бы мне пристало напасть и биться с тобой, ибо от тебя идет обида нашим женам, сыновьям и детям, нашим коням и табунам, нашему скоту и стадам

— Ладно, Кухулин, — молвил Фердиад. — Что за причина тебе биться-сражаться со мной? Когда мы жили вместе у Скатах, Уатах и Айфе, ты прислуживал мне, готовил копья, стелил постель.

— Правда, что так, — отвечал Кухулин. — По молодости, по юности своей делал я это для тебя, теперь же дело иное. Нет ныне бойца на свете, которого бы я не мог сразить.

И они стали осыпать друг друга горькими упреками за измену былой дружбе. Обменялись они такими речами:

Ф е р д и а д

Что привело тебя, кривоглазый*,
На поединок со мной, могучим?
Все тело твое обольется кровью
Над дымящимися конями твоими!

На горе себе ты выехал нынче!
Ты вспыхнешь, как уголь в горящем доме,
Большая нужда во враче у тебя будет!
Если сможешь только до дома добраться!

К у х у л и н

Я стою впереди молодых воинов,
Как древний вепрь, все крушащий кругом,
Пред войском, пред сотней бойцов,
Чтоб утопить тебя в этой воде,

Чтоб в гневе лютом испытать твою мощь
В бою с сотней разных ударов.
Придется тебе понести потерю:
Тебе сниму я голову с плеч.

Ф е р д и а д

Здесь найдется, кто раздробит тебя,
Я пришел, чтоб тебя убить.
Тебя ждет сейчас от руки моей
Страшная смерть в кровавой схватке,

Перед лицом героев, что здесь собрались,
Пред лицом уладов, глядящих на бой,
Чтоб должную память сохранили они
О том, как мощь моя сокрушила их силу.

К у х у л и н

Как же станем мы биться с тобой?
Тела застонут наши от ран.
Что ж, нет нужды, мы с тобой сойдемся
В поединке у этого брода!

* «Кривоглазым» Фердиад называет Кухулина потому, что, когда он впадал в боевую ярость, у него пропадал один глаз.

Будем ли биться тяжкими мечами
Иль кровавыми остриями копий, —
Сражен ты будешь пред лицом войска,
Ибо настал для этого час.

Ф е р д и а д

До захода солнца, до начала ночи,
Раз суждено мне напасть на тебя,
Будем мы биться у горы Бойрхе.
Вдоволь прольется в этой схватке крови!

На крик твой смертный сбегутся улады.
«Он повалил его!» — воскликнут они.
То, что увидят, тяжело им будет,
Не скоро забудут этот горестный вид!

К у х у л и н

Ты стоишь у гибельной бездны,
Конец твоей жизни уже настал.
Я исторгну ее лезвием меча,
Будут дивиться моему удару.

Будет слава бойцу, что убьет тебя,
Будет долгой о нем людская молва.
Не водить тебе больше воинов в бой
С этого дня до конца времен!

Ф е р д и а д

Прочь от меня с твоим предвещанием,
О величайший болтун на свете!
Не получишь ты ни награды, ни чести,
Не твоему древу вознестись над моим!

Я, что стою здесь, тебя знаю.
У тебя сердце трепетной птицы,
Ты, слабый мальчик, боишься щекотки,
Чужда тебе доблесть, чужда тебе сила.

К у х у л и н

Когда мы вместе жили у Скатах,
У нее обучаясь ловкости в битве,

Всюду мы вместе с тобой бродили,
Рядом стояли в каждой схватке.

Всегда для меня ты был другом сердца,
Мне соплеменный, родной по крови.
Еще не встречал я, кто был бы мне дороже:
Тяжким горем будет мне твоя гибель!

Ф е р д и а д

Слишком же мало дорожишь ты честью,
Коль предлагаешь отказаться от боя!
Прежде чем успеет петух прокричать,
Я вздену твою голову на копье мое!

О Кухулин, боец из Куальнге,
Ярое безумье охватило тебя.
Если погибнешь ты от руки моей,
В этом виновен будешь лишь сам²!

.....
— Поистине, Фердиад, — продолжал Кухулин, — не должен был ты вызывать меня на бой-поединок, после того как, живя у Скатах, Уатах и Айфе, мы вместе ходили в каждую битву и сражение, в каждую схватку и боевую затею, в каждый лес и пустыню, в каждую темь и логовище.

И он прибавил:

Мы были названными братьями,
Товарищами в темных лесах,
Мы всегда делили ложе,
Когда спали глубоким сном
После тяжких боев и схваток
Во многих дальних, чудесных странах!
Всегда вместе мы всюду бродили,
Рыскали в каждом лесу опасном,
Обучаясь у Скатах искусству боя!

Отвечал ему Фердиад:

О Кухулин милый, в приемах искусный,
Подвязались мы вместе с ловкостью равной,
Ныне дружбу нашу договор превозмог
Поделом тебе будут твои первые раны.
Не вспоминай о побратимстве нашем,
О кривоглазый, не поможет тебе это!

Затем он воскликнул:

— Слишком долго медлим мы! С какого оружия начнем мы сегодня, о Кухулин?

— Тебе принадлежит сегодня выбор оружия, — отвечал тот, — ибо ты первый пришел к броду.

— Помнишь ты первые боевые приемы, — спросил Фердиад, — которым мы обучались у Скатах, Уатах и Айфе?

— Конечно, я помню их.

— Если так, начнем с них.

И они приступили к первым приемам боя. Они взяли два равных больших щита, восемь малых щитов с острыми бортами, восемь копий, отделанных рыбьим зубом.

Полетели их дротики и копья вперед и назад, подобно пчелам в ясный день. Не было удара, который не попал бы в цель. Каждый из обоих старался поразить другого, отражая удары противника шишками и бортами щитов; и длилось это от утреннего рассвета до середины дня. Насколько превосходно было нападение, настолько же превосходна была и защита, и ни один из них не мог окровавить другого.

— Бросим эту игру, — сказал Фердиад, — видно, таким путем не решить нам спор.

Они прекратили бой и перекинули свои дротики в руки возниц.

— Каким же оружием станем мы теперь биться? — спросил опять Фердиад.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Кухулин, — ибо ты первый пришел к броду.

— Если так, то возьмемся за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна.

— Возьмемся за них, — сказал Кухулин.

Они схватили два крепких, равных щита и взялись за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна. Каждый стремился поразить копьём другого, и длилось это от середины дня до захода солнца. И хотя превосходна была защита, еще превосходнее было нападение, и ни один из них не мог окровавить и ранить другого.

— Бросим это, Кухулин, — сказал наконец Фердиад.

— Бросим, — сказал Кухулин, — уже пора.

Они прервали бой и перекинули свое оружие в руки возниц. После этого они подошли друг к другу, обнялись за шею и трижды поцеловались.

Эту ночь их кони провели в одном загоне, и их возницы сошлись у одного костра; из свежего тростника они изготовили два ложа с подушками для раненых героев. Знахари и лекари были присланы к ним, чтобы залечить раны и исцелить их; они наложили травы, лекарственные

растения на их раны, язвы, опухоли, больные места и спели целительные заклинания над ними. И от каждой травки, от каждого лекарственного растения, от каждого заклинания на его раны, язвы, опухоли и больные места Кухулин пересылал половину через брод, на запад, Фердиаду, чтоб мужи Ирландии не могли потом сказать, если Фердиад падет от его руки, что Кухулин имел избыток лечебной помощи. А от каждой пищи, от каждого вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии, тот пересылал половину через брод, на север, Кухулину, ибо больше людей доставляло пищу Фердиаду, чем Кухулину. Все мужи Ирландии несли пищу Фердиаду, защищавшему их от Кухулина, а тому носили пищу только люди из Маг-Брега^а, каждую ночь приходившие к нему для беседы.

Так провели Кухулин и Фердиад эту ночь. На другой день рано утром встали они и снова сошлись у боевого брода^б.

Когда настал полдень, распалилась ярость бойцов, и они тесно сошлись. Прыгнул Кухулин со своего края брода прямо на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но Фердиад левым локтем встряхнул свой щит, — и Кухулин отлетел от него, как птица, на свою сторону брода. И снова прыгнул Кухулин со своего края на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но ударом левого колена Фердиад тряхнул щитом своим, — и Кухулин отлетел от него, как маленький ребенок, на свою сторону брода.

Увидел это Лойг^б.

— Горе тебе! — воскликнул он. — Противник наказал тебя, как милая женщина наказывает малого ребенка! Он вымыл тебя, как в лоханке моют чашки! Он размолот тебя, как мельница мелет доброе зерно! Он рассек тебя, как топор рассекает дуб! Он обвинил тебя, как вьюнок обвивает дерево! Он обрушился на тебя, как обрушивается ястреб на малых пташек! Отныне — навеки конец притязаньям и правам твоим на славу и честь боевую, о маленький бешеный гном!

Тогда в третий раз метнулся Кухулин со скоростью ветра, с быстротой ласточки, с порывом заоблачного дракона и обрушился на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но снова Фердиад тряхнул своим щитом, и Кухулин отлетел на середину брода, где был он до своего прыжка.

^а Маг-Брег — область уладского королевства к востоку от места боя.

^б Лойг, сын Риянгабара — возница Кухулина. Перед решительным боем с Фердиадом Кухулин приказывает Лойгу раздражать себя язвительными речами, чтобы впасть в боевую ярость, в «бешенство героя».

Тогда произошло с Кухулином чудесное искажение его⁴: весь он вздулся и расширился, как раздутый пузырь; он стал подобен страшно-му, грозному, многоцветному, чудесному луку, и рост храброго бойца стал велик, как у фоморов^а, далеко превосходя рост Фердиада.

Так тесно сошлись бойцы в схватке, что вверху были их головы, внизу ноги, в середине же, за бортами и над шишками щитов, руки. Так тесно сошлись они в схватке, что щиты их лопнули и треснули от бортов к середине. Так тесно сошлись они в схватке, что копья их согнулись, искривились и выщербились. Так тесно сошлись они в схватке, что демоны *козловидные* и *бледнолицые*, духи долин и воздуха⁵, испустили крик с бортов их щитов, с рукояток их мечей, с наконечников их копий. Так тесно сошлись они в схватке, что вытеснили поток из его русла, из его пространства, так что в его ложе образовалось достаточно свободного места, чтобы лечь там королю с королевой, и не осталось ни одной капли воды, не считая тех, что два бойца-героя, давя и топча, выжали из почвы. Так тесно сошлись они в схватке, что ирландские кони в страхе запрыгали и сорвались с мест, обезумев, порвали привязи и путы, цепи и веревки и понеслись на юго-запад, топча женщин и детей, недужных и слабоумных в лагере мужей Ирландии.

Бойцы теперь заиграли лезвиями своих мечей. И было мгновение, когда Фердиад поразил Кухулина, нанеся ему своим мечом с рукояткой из рыбьего зуба удар, ранивший его, проникши в грудь его, так что кровь Кухулина брызнула на пояс его и брод густо окрасился кровью из тела героя.

Не стерпел Кухулин этих мощных и гибельных ударов Фердиада, прямых и косых. Он велел Лойгу, сыну Риангабара, подать ему *рогатое копьё*⁶.

Пробило копьё крепкие, глубокие штаны из литого железа, раздробило натрое добрый камень величиной с мельничный жернов и сквозь одежду вонзилось в тело, наполнив своими остриями каждый член, каждый сустав тела Фердиада.

— Хватит с меня! — воскликнул Фердиад. — Теперь я поражен тобою насмерть. Но только вот что: сильный удар ты мне нанес пальцами ноги и не можешь сказать, что я пал от руки твоей.

И еще прибавил:

О Пес^в искусный в боевых приемах,
Не должен был ты убивать меня!

^а *Фоморы* — мифические существа, злые демоны, живущие в мрачной обители за морем на севере.
^в *Пес* — Кухулин.

На тебя перейдет вина моя,
На тебя теперь моя кровь падет!

Зол жребий того, кто пал в бою,
Кто низвергнут в бездну предательства!
Слаб голос мой, умираю я,
Увы, отлетает уж жизнь моя!

Перебиты ребра мои насмерть,
Все сердце мое залилось кровью.
Не было мне удачи в бою,
Я поражен тобою, о Пес!

Одним прыжком Кухулин очутился рядом. Обхватив тело обеими руками, он перенес его, вместе с оружием, доспехами и одеждой, через брод, чтобы водрузить этот трофей победы на северной стороне брода, не оставив его на южной, среди мужей Ирландии. Он опустил его на землю, но тут, перед челом убитого Фердиада, свет померк в глазах Кухулина, слабость напала на него, и он лишился чувств.

Принялся Кухулин стонать и оплакивать Фердиада. Говорил он⁸:

— О Фердиад, предали и обрекли тебя на гибель мужи Ирландии, побудив на бой-поединок со мной; ибо не легко вести бой-поединок со мной при похищеньи быка из Куальнге.

И он еще прибавил:

О Фердиад, ты пал жертвой вероломства!
Была горькой встреча наша последняя!
Вот, нынче ты мертв, я ж остался жив.
Будет вечной тоска разлуки вечной!

Когда мы были с тобой вместе
Там, у Скатах, Уатах и Айфе,
Казалось нам — во веки веков
Дружбе нашей конца не будет.

Мила мне алость твоя благородная,
Мил твой прекрасный, совершенный образ,
Милы твои очи синие, ясные,
Мила твоя мудрость и речь складная.

Не ходил еще в бой, рассекая кожу,
Не распался еще боевым пылом,
Не носил щита на плечах широких
Тебе подобный, о красный сын Дамана!

Никогда не встречал я на поле битвы,
С той поры, как пал единый сын Айфе,
Тебе подобного в подвигах ратных, —
Не сыскал я такого, о Фердиад, доньше.

Финдабайр^{*}, дочь королевы Медб,
Со всею дивною красою своей,
Была для тебя, о Фердиад, не больше,
Чем ветка ивы на холме песчаном!

Кухулин устремил свой взор на тело Фердиада⁹.

Увидел Кухулин свое окровавленное, красное оружие рядом с телом Фердиада и сказал такие слова:

О Фердиад, скорбно наше свиданье!
Вот, вижу тебя кровавым и бледным.
Не смыть крови с моего оружия,
Ты же распростерт на смертном ложе!

Если б были мы там, в стране восточной,
Как прежде, у Скатах, Уатах и Айфе, —
Не были б белы теперь твои губы
Предо мною, среди оружия.

Наша наставница нас связала
Славною связью союза дружбы,
Дабы не вставали чрез нас раздоры
Меж племенами светлой Ирландии.

Печально утро, это утро марта,
Принесшее смерть сыну Дамана!
Увы, вот пал мой любимый друг,
Алою кровью напоил я его!

^{*} Финдабайр была обещана Фердиаду королевой Медб за единоборство с Кухулином.

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Я — изранен весь, залит кровью алой,
Ты ж не сядешь на колесницу вновь!

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Я — изранен весь, и кровь запеклась,
Ты же мертв совсем, без возврата, навек!

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Тебя смерть сразила, я ж бодр и жив.
Биться в яром бою — вот удел мужей.

— Ну, что ж, Кукук^{*}, — сказал Лойг, — уйдем теперь от брода.
Слишком долго мы здесь пробыли.

— Да, пойдем, — отвечал Кухулин. — Знай, что играю, легкой забавой были для меня все бои и поединки, которые я выдержал здесь, по сравнению с боем-поединком с Фердиадом.

И еще сказал он — таковы его слова:

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
У нас были с ним ученье общее,
Общая мощь и общая щедрость,
Общая милая учительница,
И он был ее избранником.

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Мы равный ужас вселяли в врагов.
Было равным искусство наше в бою.
Дала нам Скатах два равных щита.
Один — Фердиаду, другой же — мне.

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
О милый друг, о столп золотой,
Поверженный мной в бою у брода!
О вебрь народов, неистовый вебрь,
Ты был смелее, чем все другие!

^{*} Кукук — уменьшительная форма имени Кухулина.

Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Этот пламенный и свирепый лев,
Буйная волна, грозная, как страшный суд.
Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Думалось мне, что милый Фердиад
Будет другом мне навеки-веков.
Вчера он был, как гора, велик,
Сегодня — лишь тень осталась его.

Трижды врагов несметные полчища
Я сокрушил рукой своею.
Сколько быков, коней и воинов
Я разметал здесь во все стороны!

Хоть и бесчисленно было воинство,
Что наслал на нас хищный Круахан*,
Больше третьей части, с половину их
Умертвил я здесь в игре жестокой.
Не бывал в боях тот сын королевский,
Ирландия грудью не вскормила того,
Не являлся еще ни с суши, ни с моря,
Кто бы славою мог превзойти меня!

Здесь кончается повесть о смерти
Фердиада.

САГИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ

ПЛАВАНИЕ БРАНА, СЫНА ФЕБАЛА

Сага эта, не связанная с героическим эпосом, разрабатывает излюбленный в кельтской поэзии сюжет о плавании в «потустороннюю чудесную страну». В основе произведения лежат древние мифологические представления кельтов о «загробной жизни», вместе с тем в саге слышатся также отзвуки христианских воззрений.

* Круахан — столица государства коннахтского.

Двадцать два четверостишия спела женщина неведомых стран, став среди дома Брана^a, сына Фебала, когда его королевский дом был полон королей, и никто не знал, откуда пришла женщина, ибо ворота замка были заперты.

Вот начало повести. Однажды Бран бродил одиноко вокруг своего замка, когда вдруг он услышал музыку позади себя. Он обернулся, но музыка снова звучала за спиной его, и так было всякий раз, сколько бы он ни оборачивался. И такова была прелесть мелодии, что он, наконец, впал в сон. Когда он пробудился, то увидел около себя серебряную ветвь с белыми цветами на ней, и трудно было различить, где кончалось серебро ветви и где начиналась белизна цветов.

Бран взял ветвь в руку и отнес ее в свой королевский дом. И когда все собрались там, им явилась женщина в невиданной одежде, став среди дома. И вот тогда она пропела Брану двадцать два четверостишия, и все собравшиеся слушали и смотрели на женщину:

Она пела:

Ветвь яблочного дерева из Эмайн^b
Я несу, всем вам ведомую.
На ней веточки из белого серебра.
Бровки хрустальные с цветами.

Есть далекий, далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей^c,
Прекрасен бег их по светлым склонам вод.
На четырех ногах стоит остров.

Радость для взоров, обитель славы—
Равнина, где сонм героев предается играм.
Ладья равняется в беге с колесницей
На южной равнине, на Серебристой Поляне.

Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блистающих до конца времен.
Милая страна, вовеки-веков,
Усыпанная множеством цветов.

^a Имя *Брана* не встречается ни в хрониках, ни в других сагах.

^b *Эмайн-Маха*—столица королевства уладского, прославленная своими богатствами (разрушена в 332 г.); здесь это название перенесено на столный град в стране фей (сидов).

^c *Кони морей*—метафорическое обозначение волн.

Есть там древнее дерево в цвету,
На котором птицы поют часы¹.
Славным созвучием голосов
Возвещают они каждый час.

Сияет прелесть всех красок
На равнинах нежных голосов.
Познана радость средь музыки
На южной, туманной Серебристой Поляне.

Там неведома горесть и неведом обман
На земле родной, плодоносной,
Нет ни капли горечи, ни капли зла.
Все—сладкая музыка, нежащая слух.

Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости,
Вот—истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда.

Прекрасна страна чудесная,
Облик ее любезен сердцу,
Ласков для взора вид ее.
Несравненен ее нежный туман.

Взгляни на Страну Благодатную:
Море бьет волной о берег и мечет
Драконовы камни и кристаллы;
Волоски кристаллов струятся с его гривы.

Богатство, сокровище всех красок
Ты найдешь в Милой Стране, прекрасно-влажной.
Там ты слушаешь сладкую музыку,
Пьешь лучшее из вин.

Золотые колесницы на Равнине Моря
Несутся с приливом к солнцу,
Серебряные колесницы на Равнине Игр
И бронзовые, без изъяна.

Желто-золотые кони, там, на лужайке,
Иные — красной масти,
Иные еще с шерстью на спинах
Небесно-голубой масти.

С восходом солнца придет
Прекрасный муж и осветит равнины.
Он едет по прекрасной приморской равнине,
Он волнует море, обращая его в кровь.

Будут плыть мужи по светлому морю
В страну — цель их поездки.
Они пристанут к блистающему камню,
Из которого несется сто песен.

Песнь несется к плывущим,
Несется долгие века, беспечальная.
Звучен напев стоголосых хоров,
Они избыли дряхлость и смерть.

О многовидная морская Эмайн,
И близкая и далекая,
С тысячами женщин в пестрых одеждах,
Окаймленная светлым морем!

Из вечно тихого, влажного воздуха
Капли серебра падают на землю.
Белая скала у морской гряды
Получает свой жар от солнца.

Мчатся мужи по Равнине Игр —
Прекрасная игра, не бессильная.
В цветистой стране, средь красоты ее,
Они избыли дряхлость и смерть.

Слушать музыку ночью,
Гулять в Стране Многоцветной,
В стране цветистой — о венец красоты! —
Где мерцает белое облако!

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана, от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них или втрое.

Пусть же Бран средь мирской толпы
Услышит мудрость, ему возвещенную.
Предприми плаванье по светлому морю:
Быть может, ты достигнешь Страны Женщин.

Вслед за этим женщина покинула их, и они не знали, куда она ушла; и она унесла ветвь с собою. Ветвь выпала из руки Брана и перешла в руку женщины, и в руке Брана не было силы, чтобы удержать ветвь.

На другой день Бран пустился в море. Трижды девять мужей было с ним. Во главе каждого девяти был один его молочный брат и сверстник. После того как он пробыл в море два дня и две ночи, он завидел мужа, едущего навстречу ему по морю на колеснице. Этот муж спел ему двадцать два четверостишия; он назвал себя, — сказал, что он Мананнан, сын Лера^{*}.

Он спел ему:

Чудно, прекрасно Брану
В ладье на светлом море.
Для меня же, едущего на колеснице издалека,
Цветущая долина — то море, где плывет он.

То, что светлое море для Брана,
Плывущего в ладье с кормою, —
Радостная равнина с множеством цветов
Для меня, с моей двухколесной колесницы.

Бран видит множество волн,
Плещущих среди светлого моря, —
Я же вижу на Равнине Забав
Цветы с красными головками, без изъяна.

Кони Лера блистают летом
Всюду, сколько хватает взора Брана.
Реки струят свой медвяный поток
В стране Мананнана, сына Лера.

Блеск зыбей, средь котсрых ты находишься,
Белизна моря, по которому плывешь ты,
Это — расцвеченная желтым и голубым
Земля, — она не сурова.

Пестрые лососи прыгают из недр
Белого моря, на которое глядишь ты:
Это — телята, разных цветов телята,
Ласковые, не бьющие друг друга.

^{*} Мананнан, сын Лера, — первоначально бог моря, в позднейших сагах — король-оборотень.

Хоть видна тебе лишь одна колесница
В Счастливой Стране, обильной цветами, — .
Много коней на ее пространствах,
Хотя для тебя они и незримы.

Велика равнина, много в ней мужей,
Краски блистают светлым торжеством.
Серебряный поток, золотые одежды —
Все приветствует своим обилием.

В прекрасную игру, самую радостную,
Они играют, вином опьяняясь,
Мужи и милые женщины, под листвою,
Без греха, без преступленья.

Вдоль вершин леса проплыла
Твоя ладья через рифы.
Лес с прекрасными плодами
Под кормой твоего кораблика.

Лес деревьев цветущих, плодовых, —
Среди них лоза виноградная, —
Лес не вянущий, без изъяна,
С листьями цвета золота².

Это облик, тобою зримый, —
Он придет в твои края, в Ирландию,
Ибо мне надлежит путь к дому
Женщины из Лине-Мага.

Пред тобой Мананнан, сын Лера,
На колеснице, в обличье человека.
Им будет рожден — на короткую жизнь —
Прекрасный муж с белым телом.

Он будет услугой холмов волшебных,
Он будет любимцем в доброй стране,
Он поведаст тайны — поток мудрости —
В мире, не внушая страха к себе.

Он примет облик всякого зверя
И в голубом море, и на земле.
Он будет драконом пред войсками,
Он будет волком во всяком лесу.

Он будет оленем с серебряными рогами
В стране, где катятся колесницы,
Он будет лососем в глубоком озере,
Он будет тюленем, он будет прекрасным белым лебедем.

Он будет, спустя долгие века,
Много лет прекрасным королем.
Он сокрушит полки — славная ему будет могила,
Он зальет кровью равнины, оставляя след колес.

Среди королей и витязей
Он будет героем прославленным.
На высокой твердыне уготовлю я
Ему кончину достойную.

Высоко я поставлю его средь князей.
Его одолеет сын заблуждения³.
Мананнан, сын Лера, будет
Его отцом и наставником.

Он будет — кратка его жизнь! —
Пятьдесят лет в этом мире.
Драконов камень морской поразит его
В бою при Сенлаборе.

Он попросит испить из Лох-Ло³,
Устремив взор на поток крови.
Белая рать унесет его на колесах облаков
В обитель, где нет скорби.

Пусть усердно гребет Бран,
Недалеко до Страны Женщин.
Эмайн многоцветной, гостеприимной,
Ты достигнешь до заката солнца.

После этого Бран поплыл дальше. Вскоре он завидел остров. Бран стал огибать его. Большая толпа людей была на острове, хохотавших, разинув рот. Они все смотрели на Брана и его спутников и не прерывали своего хохота для беседы с ним. Они смеялись беспрерывно, глядя плывущим в лицо. Бран послал одного из своих людей на остров. Тот

³ Лох-Ло — озеро в Ирландии.

тотчас же присоединился к толпе и стал хохотать, глядя на плывущих, подобно людям на острове. Бран обогнул весь остров. Всякий раз, как они плыли мимо этого человека, его товарищи пытались заговорить с ним. Но он не хотел говорить с ними, а лишь глядел на них и хохотал им в лицо. Имя этого острова — Остров Радости. Так они и оставили его там.

Вскоре после этого они достигли Страны Женщин и увидели царицу женщин в гавани.

— Сойди на землю, о Бран, сын Фебала! — сказала царица женщин. — Добро пожаловать!

Бран не решался сойти на берег. Женщина бросила клубок нитей прямо в него. Бран схватил клубок рукою, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула ладью в гавань. Они вошли в большой дом. Там было по ложу на каждых двоих — трижды девять лож. Яства, предложенные им, не иссякали на блюдах, и каждый находил в них вкус того кушанья, какого желал. Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много, много лет.

Тоска по дому охватила одного из них, Нехтана, сына Кольбрана. Его родичи стали просить Брана, чтобы он вернулся с ними в Ирландию. Женщина сказала им, что они пожалеют о своем отъезде. Они все же собрались в обратный путь. Тогда она сказала, чтобы они остерегались коснуться новой земли.

Они плыли, пока не достигли селения по имени Мыс Брана^{*}. Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран:

— Я Бран, сын Фебала.

Тогда те ему сказали:

— Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о плавании Брана.

Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в груду праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет.

После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствованиях с начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего неизвестно.

^{*} Мыс Брана (ирландск.) — «Клюв ворона» — мыс на западном побережье Ирландии.

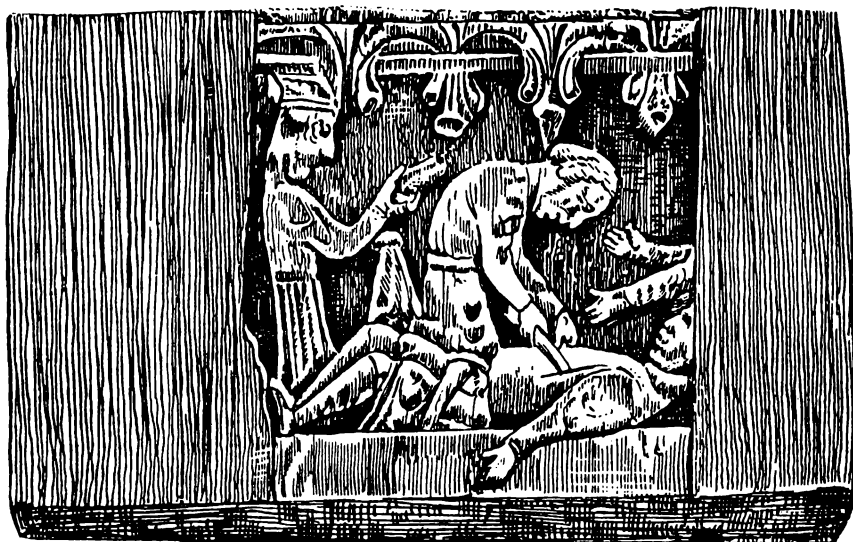
Скандинавская литература

СТАРШАЯ ЭДДА

«Старшая, или стихотворная, Эдда» представляет собой собрание эпических текстов мифологического и героического содержания, в основной своей массе сложенных древнегерманским аллитерационным тоническим стихом и лишь в незначительной части сопровождаемых прозаическими пересказами. В своей основной части тексты «Эдды» (восходящие в своих элементах к глубокой древности) были сложены около X в. н. э., записаны же они были, вероятно, в XII в. Древнейшая из сохранившихся рукописей — пергаментный «Codex Regius» («Королевский список») — относится ко второй половине XIII в. В 1643 г. он был открыт исландским епископом Бринйольфом Свейнсоном, который ошибочно приписал его исландскому ученому XII в. Сэмунду Мудрому (1056—1133) и дал ему укрепившееся за ним название «Эдды» по аналогии с прозаическим трактатом по поэтике Снорри Стурлусона (в XII—XIII вв.), носившим заглавие «Эдда» и теперь называемым «Младшей, или прозаической, Эддой».

В ряду памятников древнескандинавской (точнее, древнеисландской) литературы «Старшая Эдда» занимает особое место. Являясь наиболее значительным образцом скандинавской народной поэзии средних веков, «Эдда» одновременно является единственным в своем роде памятником европейской языческой поэзии названного периода. В то время как в других западноевропейских странах в X—XII вв. древние туземные языческие воззрения были почти полностью вытеснены христианским вероучением, на острове Исландия (впервые заселенном в 870—930 гг.) еще продолжали жить сказания языческой древности. По словам Т. Н. Грановского, «даже по принятии христианства исландцы оставались верны обычаям старины». Эта живучесть старинных обычаев и воззрений объясняется тем, что в средневековой Исландии в этот период в известной мере еще сохранились архаические общественные отношения. В социальном укладе и культуре проявлялись разнообразные пережитки первобытнородового строя. Когда с конца IX в. выходцы из Норвегии начали обосновываться в Исландии, «они принесли с собою в новое отечество вместе с прекрасным и звучным языком целую вымиравшую в собственной Скандинавии мифологию и изумительное богатство героических песен и преданий. Таким образом, Исландии досталось на долю быть последним убежищем скандинавского язычества и связанного с ним гражданского быта» (Т. Н. Грановский. Песни Эдды о Нифлунгах).

Песни «Старшей Эдды» весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию. Всего «Старшая Эдда» содержит более 30 текстов, обычно группируемых в два раздела: 1) песни мифологические, включающие сказания о сотворении мира и о конце мира, а также мифы о божествах древних скандинавов; 2) песни героические, излагающие трагические судьбы знаменитых родов, в том числе рода Волсунгов и Гьёкунгов. Среди мифо-

Атли приказывает вырезать у Хогни сердце. Резьба по дереву
из Аустадской церкви.

логических песен прежде всего обращает на себя внимание «Прорицание вёльвы», помещенное в самом начале древнего («королевского») списка «Эдды». Это патетический, исполненный глубокого драматизма рассказ о сотворении мира, его грядущей гибели и возрождении. Образы этой песни отличаются грандиозностью и могучей, суровой силой. Тема гибели богов переплетается с темой неодолимости всевластной судьбы. Суровость, даже некоторая мрачность мифических представлений «Эдды» коренилась в суровых условиях жизни древних скандинавов периода раннего средневековья. Иной характер носит приводимая ниже. «Песнь о Трюме», не лишенная юмора, отличающаяся стройностью композиции, во многом близкая средневековым балладам. Одно время ученые относили ее к числу древнейших эддических песен, сейчас преобладает мнение, согласно которому названная песнь возникла на рубеже XII и XIII вв. В песне повествуется о том, как могучий Тор, прибегнув к хитрости, вернул свой молот Мьёльнир, похищенный великанами (турсы, ётуны). Отдельные эпические мотивы «Эдды» (в частности, тема гибели богов) были использованы Р. Вагнером в его оперной тетралогии «Кольцо Нибелунга».

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ¹

¹ Внимайте мне, все
священные роды,²
великие с малыми
Хеймдалля дети!³
Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала

о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню.

² Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они

- в давние годы;
помню девять миров
и девять корней
и древо предела⁴,
еще не проросшее.
- ³ В начале времен
не было в мире
ни песка, ни моря⁵,
ни волн холодных,
земли еще не было
и небосвода⁶,
бездна зияла,
трава не росла⁷.
- ⁴ Пока сыны Бора⁸,
Мидгард⁹ создавшие
великолепный,
зёмли не подняли;
солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.
- ⁵ Солнце, друг месяца¹⁰,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей¹¹.
- ⁶ Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали, священные,
ночь называли
и отпрыскам ночи¹² —
вечеру, утру
- и дня середине —
прозвище дали,
чтоб время исчислить.
- ⁷ Встретились асы
на Идавёлль-поле¹³,
капища стали
высокие строить,
сил не жалели,
ковали сокровища,
создали клещи,
орудья готовили.
- ⁸ На лугу, веселясь,
в тавлеи играли¹⁴,
все у них было
только из золота, —
пока не явились
три великанши¹⁵,
могучие девы
из Ётунхейма¹⁶.
- ⁹ Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали, священные:
кто должен племя
карликов сделать
из Бримира¹⁷ крови
и кости Бляина¹⁸.
- ¹⁰ Мотсогнир старшим
из племени карликов
назван тогда был,
а Дурин — вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел¹⁹.
- ¹⁷ И трое пришло
из этого рода

асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
на берегу Аска и Эмблю²⁰,
судьбы не имевших.

в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет.

¹⁸ Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир²¹ — дух,
а Лодур²² — тепло
и лицам румянец.

²² Хейд ее называли,
в домах встречая, —
вещей колдуньей —
творила волшбу
жезлом колдовским;
умы покорялись
ее чародейству
злым женам на радость.

¹⁹ Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль²³,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд²⁴
зеленеет он вечно.

²³ Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали, священные:
стерпят ли асы
обиду без выкупа
иль боги в отмщенье
выкуп возьмут.

²⁰ Мудрые девы²⁵
оттуда возникли
три из ключа
под древом высоким;
Урд — имя первой,
вторая — Верданди²⁶ —
резали руны, —
Скульд²⁷ — имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.

²⁴ В войско метнул
Один копье, —
это тоже свершилось
в дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали.

²¹ Помнит войну она
первую в мире;
Гульвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя

²⁵ Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться,
священные, стали:
кто небосвод
сгубить покусился
и Ода жену
отдать великанам?²⁹

²⁶ Разгневанный Тор
один начал битву —

не усидит он,
узнав о подобном!
крепкие были
попраны клятвы,
тот договор,
что досель соблюдался.

²⁷ Знает она,
что Хеймдалля слух³⁰
спрятан под деревом,
до неба встающим;
видит, что мутный
течет водопад
с залога Владыки³¹, —
довольно ли вам этого?

²⁸ Она колдовала
тайно однажды,³²
когда князь асов
в глаза посмотрел ей:
«Что меня вопрошать?
Зачем испытывать?
Знаю я, Один,
где глаз твой спрятан:
скрыт он в источнике
славном Мимира!»³³
Каждое утро
Мимир пьет мед
с залога Владыки —
довольно ли вам этого?

²⁹ Один ей дал
ожерелья и кольца,
взамен получил
с волшбой прорицанья, —
сквозь все миры
взор ее проникал³⁴.

³⁰ Валькирий видала,
из дальних земель
готовых спешить³⁵,
к племени готов³⁵,

Скульд со щитом,
Скёгуль другая,
Гунн, Хидьд и Гёндуль,
и Гейрскёгуль.
Вот перечислены
девы Одина,
любо скакать им
повсюду, валькириям.

³¹ Видала, как Бадьдр³⁶,
бог окровавленный,
Одина сын,
смерть свою принял;
стройный над полем
стоял, возвышаясь,
тонкий, прекрасный
омелы побег.

³² Стал тот побег,
тонкий и стройный,
оружьем губительным,
Хёд его бросил.
У Бальдра вскоре
брат³⁷ родился, —
ночь проживя,
он начал сражаться.

³³ Ладоней не мыл он,
волос не чесал,
пока не убил
Бальдра убийцу;
оплакала Фригг,
в Фенсалир³⁸ сядя,
Вальхаллы³⁹ скорбь —
довольно ли вам этого?

³⁴ Сплел тогда Вали
страшные узы,
крепкие узы
связал из кишок⁴⁰.

³⁵ Пленника видала
под Хвералюндом⁴¹,

обликом схожего
с Локи зловещим⁴²;
там Сигюн⁴³ сидит,
о муже своем
горько печалась,
довольно ли вам этого?

и породила там
Фенрира род⁵⁰;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.

³⁶ Льется с востока
поток холодный,
мечи он несет, —
Слид⁴⁴ ему имя.

⁴¹ Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов⁵¹;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ли вам этого?

³⁷ Стоял на севере
в Нидавеллир⁴⁵
чертог золотой —
то карликов дом;
другой же стоял
на Окольнир⁴⁶ дом,
чертог великанов,
зовется он Бримир.

⁴² Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великанши,
Эггдер веселый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный,
по имени Фьяляр.

³⁸ Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.

⁴³ Запел над асами
Гуллинкамби⁵²,
он будит героев
Отца Дружин⁵³;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.

³⁹ Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг⁴⁷ глодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ли вам этого?⁴⁸

⁴⁴ Гарм⁵⁴ лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный⁵⁵.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих,
славных богов.

⁴⁰ Сидела старуха
в Железном Лесу⁴⁹

⁴⁵ Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет⁵⁶.

⁴⁶ Игру завели
Мимира дети⁵⁷,
конец возвещен
рогом Гьялялрхорн⁵⁸;
Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира⁵⁹
Один беседует.

⁴⁷ Трепещет Игдрассиль,
ясень высокий,
гудит древний ствол,
турс⁶⁰ вырывается.

⁴⁸ Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
пред каменным входом
в скалах родных —
довольно ли вам этого?

⁴⁹ Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу

судьбы могучих,
славных богов.

⁵⁰ Хрюм⁶¹ едет с востока,
щитом заслонясь;
Ёрмунганд⁶² гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфар⁶³ плывет.

⁵¹ С востока в ладье
Муспелля⁶⁴ люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком⁶⁵
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста⁶⁶ едет.

⁵² Сурт⁶⁷ едет с юга
с губящим ветви⁶⁸,
солнце блесит
на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великанши,
в Хель идут люди,
расколото небо.

⁵³ Настало для Хлини⁶⁹
новое горе.
Один вступил
с Волком в сражение,
а Бели убийца⁷⁰
с Суртом схватился, —
радости Фригг⁷¹
близится гибель.

⁵⁴ Гарм лает громко
У Гнипахеллира,
привязь не выдержит —

вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих,
славных богов.

⁵⁵ Сын тут приходит
Отца Побед⁷²,
Видар, для боя
со зверем трупным⁷³;
меч он вонзает,
мстя за отца, —
в сердце разит он
Хведрунга сына⁷⁴.

⁵⁶ Тут славный приходит
Хлодун потомок⁷⁵,
со змеем идет
биться сын Одина⁷⁶,
в гневе разит
Мидгарда страж⁷⁷,
все люди должны
с жизнью расстаться, —
на девять шагов
отступает сын Фьёргюн⁷⁸,
змеем сраженный —
достоин он славы.

⁵⁷ Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни⁷⁹,
жар нестерпимый
до неба доходит.

⁵⁸ Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,

все я провижу
судьбы могучих,
славных богов.

⁵⁹ Видит она:
вздывается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;
падают воды,
орел пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить.

⁶⁰ Встречаются асы
на Идавёлль-поле,
о поясе мира⁸⁰
могучем беседуют
и вспоминают
о славных событиях
и рунах древних
великого бога⁸¹.

⁶¹ Снова найтись
должны на лугу
в высокой траве
тавлен золотые,
что им для игры
служили когда-то.

⁶² Заколятся
хлеба без посева,
зло станет благом,
Бальдр вернется,
жить будет с Хедом
у Хрофта⁸² в чертогах,
в жилище богов —
довольно ли вам этого?

⁶³ Хёнир берет
прут жеребьевый,
братьев обоих⁸³
живут сыновья

в доме ветров⁸⁴ —
довольно ли вам этого?

⁶⁴ Чертог она видит
солнца чудесней,
на Гимле стоит он,
сияя золотом:
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им.

⁶⁵ Нисходит тогда

мира владыка,
правлящий всем
властелин могучий⁸⁵.

⁶⁶ Вот прилетает
черный дракон,
сверкающий змей
с Темных Вершин;
Нидхёгг несет,
над полем летя,
под крыльями трупы —
пора ей⁸⁶ исчезнуть.

РЕЧИ ВЫСОКОГО

«Речи Высокого» (т.е. Одина) знакомят нас с образцами древнескандинавской гномической поэзии. Строфы 1—95 содержат правила житейской мудрости, видимо, бытовавшие в устной традиции. Они близки к пословицам и поговоркам. Многие строчки этой пространной песни до сих пор живут в Исландии в качестве пословиц и поговорок. Строфы 112—137 представляют собой ряд жизненных советов, даваемых некоему Лоддфафниру.

¹ Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди,—
ибо, как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.

² Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
кто хотел бы скорей
у огня отогреться.

³ Дорог огонь
тому, кто с дороги,
чья застыли колени;
в еде и одежде
нуждается странник
в горных краях.

⁴ Гостю вода
нужна и ручник,
приглашение учтивое,
надо приветливо
речь повести
и выслушать гостя.

⁵ Ум надобен тем,
кто далеко забрел,—
дома все тебе ведомо;
насмешливо будут
глядеть на невежду,
среди мудрых сидящего.

⁶ Умом пред людьми
похваться не надо —
скрывать его стоит;
если мудрец
будет молчать —
не грозит ему горе,

ибо нет на земле
надежнее друга,
чем мудрость житейская.

⁷ Гость осторожный,
дом посетивший,
безмолвно внимает —
чутко слушать
и зорко смотреть
мудрый стремится.

⁸ Счастливы те,
кто заслужил
похвалу и приязнь;
труднее найти
добрый совет
в груди у других.

⁹ Счастливы те,
кто в жизни славны
разумом добрым;
неладный совет
часто найдешь
у другого в груди.

¹⁰ Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская;
дороже сокровищ
она на чужбине —
то бедных богатство.

¹¹ Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская;
хуже нельзя
в путь запастись,
чем пивом опиться.

¹² Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;

чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.

¹⁵ Осторожным быть должен
конунг^{*} отпрыск
и смелым в сраженьи;
каждый да будет
весел и добр
до часа кончины.

¹⁶ Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет,
никто от нее
не сыщет защиты.

¹⁹ Пей на пиру,
но меру блюди
и дельно беседуй;
не прослывешь
меж людей неучивым,
коль спать рано ляжешь.

²⁰ Без толку жадный
старается жрать
себе на погибель;
смеются порой
над утробой глупца
на пиршестве мудрых.

²¹ Знают стада,
что срок наступил
покинуть им пастбища;
а кто неумен,
меры не знает,
живот набивая.

²² Кто нравом тяжел,
тот всех осуждает,
смеется над всем;

^{*} *Конунг* — военный вождь, высший представитель родовой знати.

- ему невдомек,
а должен бы знать,
что сам он с изъяном.
- ²³ Глупый не спит
всю ночь напролет
в думах докучных;
утро настанет —
где же усталому
мудро размыслить.
- ²⁴ Муж неразумный
увидит приятнь
в улыбке другого;
с мудрыми сидя,
глупец не поймет
над собою насмешки.
- ²⁷ Муж неразумный
на сборище людном
молчал бы уж лучше;
не распознать
в человеке невежду,
коль он не болтлив,
но невежда всегда
не видит того,
что болтлив он безмерно.
- ²⁹ Кто молчать не умеет,
тот лишние речи
заводит нередко;
быстрый язык
накличет беду,
коль его не сдержать.
- ³¹ Доволен глумливый,
коль, гостя обидев,
удрать ухитрился;
насмешник такой
не знает, что нажил
гневных врагов.
- ³² Люди друзьями
слывут, но порой
на пиру подерутся;
распри всегда
готовы возникнуть:
гость ссорится с гостем.
- ³⁴ Путь неблизок
к другу плохому,
хоть двор его рядом;
а к доброму другу
дорога пряма,
хоть далек его двор.
- ³⁵ Гость не должен
назойливым быть
и сидеть бесконечно;
даже приятель
станет противен,
коль долго гостит он.
- ³⁶ Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
пусть крыша из прутьев
и две лишь козы, —
это лучше подачек.
- ³⁷ Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
кровью исходит
сердце у тех,
кто просит подачек.
- ³⁸ Муж не должен
хотя бы на миг
отходить от оружия,
ибо как знать,
когда на пути
копье пригодится.

- ⁴⁰ Добра не жалея,
что нажито было,
не скорби о потере;
что другу обещано,
недруг возьмет —
выйдет хуже, чем думалось.
- ⁴¹ Оружье друзьям
и одежду дари —
то тешит их взоры;
друзей одаряя,
ты дружбу крепишь,
коль судьба благосклонна.
- ⁴² Надобно в дружбе
верным быть другу,
одарять за подарки;
смехом на смех
пристойно ответить
и обманом — на ложь,
- ⁴³ Надобно в дружбе
верным быть другу
и другом друзей его;
с недругом друга
никто не обязан
дружбу поддерживать.
- ⁴⁴ Если дружбу ведешь
и в друге уверен
и добра ждешь от друга, —
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.
- ⁴⁴ Но если другому
поверил оплошно,
добра ожидая,
сладкою речью
скрой злые мысли
и лги, если лжет он.
- ⁴⁶ Так же и с теми,
в ком усомнишься,
- в ком видишь коварство, —
улыбайся в ответ,
скрывай свои мысли, —
тем же отплачивай.
- ⁴⁸ Щедрые, смелые
счастливы в жизни,
заботы не знают;
а трус, тот всегда
спасаться готов,
как скупец от подарка.
- ⁵² Подарок большой
не всюду пригоден,
он может быть малым;
неполный кувшин,
половина краяхи
мне добыли друга.
- ⁵³ У малых песчинок,
у малых волн
мудрости мало;
не все мудрецы —
глупых и умных
поровну в мире.
- ⁵⁴ Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
лучше живется
тем людям, чьи знания
не слишком обширны.
- ⁵⁵ Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
ибо редка
радость в сердцах,
если разум велик.
.....

⁵⁷ Головня головне
передать готова
пламя от пламени;
в речах человек
познает человека,
в безмолвьи глупеет.

⁵⁸ Рано встает,
кто хочет отнять
добро или жизнь;
не видеть добычи
лежащему волу,
а победы — проспавшему.

⁵⁹ Рано встает,
кто без подмоги
к труду приступает;
утром дремота —
работе помеха;
кто бодр, тот богат.

⁶¹ Сытым и чистым
на тинг^а собирайся,
хоть и в бедной одежде;
сапог и штанов
стыдиться не надо,
а также коня,
коль он неказист.

⁷⁰ Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой — наживает;
для богатого пламя,
я видел, пылало,
но ждала его смерть.

⁷¹ Ездить может хромой,
безрукий — пасти,

сражаться — глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
что толку от трупа!

⁷⁶ Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.

⁷⁷ Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

⁷⁹ Если глупцу
достается в удел
любовь иль богатство,
не добудет ума он,
но чванство умножит
и спесью прославится.

⁸¹ День хвали вечером,
жен — на костре^б,
меч — после битвы,
дев — после свадьбы,
лед — если выдержит,
пив^в — коль выпито.

.....
⁸⁵ Непрочному луку,
жаркому пламени,
голодному волку,
горластой вороне,

^а Тинг — народное собрание, вече.
^б Т.е. после смерти.

визжащей свинье,
стволу без корней,
встающему валу,
котлу, что кипит,

⁸⁶ летящей стреле,
отходящему валу,
тонкому льду,
змее, что свилась,
жены объяснениям,
с изъязном мечу,
медведя проделкам
и конунга сыну,

⁸⁷ скотине больной,
рабу своевольному,
лести колдуньи,
врагу, что сражен,

⁸⁸ всходам раним
не должно нам верить,
ни сыну до срока:
погоде для сева
и сына уму
доверять не держай.

⁹³ Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной.

⁹⁴ Мужей не суди
за то, что может
с каждым свершиться;
нередко бывает
мудрец безрассудным
от сильной страсти.
.....

¹¹⁵ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
чужую жену
не должен ты брать
в подруги себе.

¹¹⁶ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
в горах ли ты едешь
или по фьордам —
еды бери вдоволь.

¹¹⁷ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с дурным человеком
несчастьем своим
делиться не должно;
ведь люди дурные
тебе не отплатят
добром за доверье.

¹²⁰ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с мужем достойным
мирно беседуй,
добивайся доверья.

¹²¹ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дружбу блюди
и первым ее
порвать не старайся;

скорбь твое сердце
сожжет, коль не сможешь
другу довериться.

¹²⁷ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
злые поступки
злыми зови,
мсти за злое немедленно.

¹²⁸ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дурным никогда
доволен не будь,
дорожи только добрым.

¹³¹ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
будь осторожен,
но страха чуждайся;
пиву не верь
и хитрому вору,
не доверяй
и жене другого.

¹³⁴ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над седым стариком
никогда не смейся;
цени слово старца;
цедится мудрость
из старого меха,
что висит возле шкур,
качаясь средь кож,
с сычугами в соседстве.

¹³⁵ Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над гостями не смейся,
в дверь не гони их,
к несчастным будь щедр.

¹⁶⁴ Вот речи Высокого,
в доме Высокого,
нужные людям,
ненужные ётунам^а.
Благо сказавшему!
Благо узнавшим!
Кто вспомнит —
воспользуйся!
Благо внимавшим!

ПЕСНЬ О ТРЮМЕ

¹ Винг-Тор¹ от сна
разъяренный встал:
увидел, что Мьёлльнира
молот пропал²,
бороною взмахнул,
волосами затряс,

сын Ёрд³ повсюду
искать стал и шарить.

² И речь он такую
повел сначала:
«Слушай-ка, Локи,

^а Ётуны — великаны, силы зла.

тебе я скажу
то, что не знают
ни на земле,
ни в поднебесье:
похищен мой молот!»

(Локи сказал:)

«Неладно у асов!
Неладно у альвов!
Не ты ли запрятал
Хлорриди⁴ молот?»

³ Пошли они к дому
Фрейи прекрасному,
и речь он такую
повел сначала:
«Фрейя, не дашь ли
наряд свой из перьев,
чтоб я свой молот
мог бы сыскать?»

(Трюм сказал:)

⁸ «Да, я запрятал
Хлорриди молот
на восемь поприщ
в землю глубоко;
никто не возьмет
молот обратно,
разве что Фрейю
в жены дадут мне»⁵.

(Фрейя сказала:)

⁴ «Отдала бы его,
будь золотым он;
ссудила б его,
будь он серебряным».

⁹ Полетел тогда Локи —
шумели перья, —
умчался из края,
где ётуны жили,
примчался назад
к жилищу асов.
Тор его встретил
среди строений
и речь он такую
повел сначала:

⁵ Полетел тогда Локи —
шумели перья, —
умчался он прочь
от жилища асов,
примчался он в край,
где ётуны жили.

⁶ Трюм на кургане
сидел, князь турсов,
ошейники псам
из золота плел он
и гривы коням
густые приглаживал.

¹⁰ «Успешны ли были
молота поиски?
Прежде чем сел ты,
скорее поведай!
Бывает, кто сядет,
весть позабудет,
тот же, кто ляжет,
лгать начинает».

(Трюм сказал:)

(Локи сказал:)

⁷ «Что там у асов?
Что там у альвов?
Зачем ты один
В Ётунхейм прибыл?»

¹¹ «Успешными были
молота поиски:
У Трюма он спрятан,

- у конунга турсов^а
никто не возьмет
молот обратно,
разве что Фрейю
в жены дадут ему».
- ¹² Отправились оба
к Фрейе прекрасной,
и речь он такую
повел сначала:
«Брачный убор,
Фрейя, надень!
В Ётунхейм мы
поедем вдвоем».
- ¹³ Разгневалась Фрейя,
зафыркала так,
что затряслись
асов палаты,
с нее сорвалось
ожерелье Брисингов⁶.
«Меня бы распутной
назвать пристало,
коль в Ётунхейм я
поеду с тобою!»
- ¹⁴ Тотчас собрались
все асы на тинг
и асиньи все
сошлись на совет,
о том совещались
сильные боги,
как им вернуть
Хлорриди молот.
- ¹⁵ Хеймдалль⁷ сказал,
светлейший из асов, —
ванам⁸ подобно
судьбу он провидел:
«Тору наденем
- брачный убор!
Украсим его
ожерельем Брисингов!
- ¹⁶ Связка ключей
бренчать будет сзади,
женская скроет
колени одежда,
камней драгоценных
на грудь нацепим,
голову пышным
убором накроем!»⁹
- ¹⁷ Тор отвечал,
отважнейший ас:
«Меня назовут
женовидным асы,
если наряд я
брачный надену!»
- ¹⁸ Локи сказал,
рожденный Лаувей:
«Тор, ты напрасно
об этом толкуешь!
Асгард захватят
ётуны тотчас,
если свой молот
не сможешь вернуть».
- ¹⁹ Тору надели
брачный убор,
украсили грудь
ожерельем Брисингов,
связка ключей
забренчала сзади,
женская скрыла
колени одежда,
камней дорогих
на грудь нацепили,
голову пышным
убором накрыли.

^а *Турсы* — великаны.

²⁰ Локи сказал,
рожденный Лаувей:
«Буду тебе я
служанкой доброй,
вместе поедем
с тобою в Ётунхейм!»

²¹ Пригнали козлов
к дому поспешно
и тотчас впрягли их
для резвого бега..
Горела земля,
рушились горы:
в Ётунхейм ехал
Одина сын.

²² Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Скорей застилайте,
ётуны, скамьи!
Фрейю везут мне,
невесту прекрасную,
Ньёрдом¹⁰ рожденную
из Ноатуна!

²³ Коровы тут ходят
золоторогие,
черных быков
немало у турса;
вдоволь сокровищ,
вдоволь каменьев,
только мне Фрейи
одной не хватало».

²⁴ Путники вечером
рано приехали;
ётунам пиво
подано было.
Гость съел быка
и восемь лососей
и лакомства съел,
что для жен припасли,

и три бочки меду
Тор опростал.

²⁵ Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Где виданы девы,
жаднее жевавшие?
Не знал я невест,
наедавшихся так,
и дев, что по столько
пива глотали!»

²⁶ Рядом сидела
служанка разумная,
слово в ответ
ётуну молвила:
«Восемь ночей
не ела Фрейя,
так не терпелось ей
к турсам приехать».

²⁷ Откинул покров,
поцелуй дать хотел,
но прочь отпрянул
оторопело:
«Что так у Фрейи
сверкают глаза?
Пламя из них
ярое пышет!»

²⁸ Рядом сидела
служанка разумная,
слово в ответ
ётуну молвила:
«Восемь ночей
без сна была Фрейя,
так не терпелось ей
к турсам приехать».

²⁹ Вошла тут проклятая
турсов сестра,
стала просить

даров у невесты:
«Дай мне запястья,
червонные кольца,
коль добиваешься
дружбы моей,
дружбы моей
и приязни доброй».

рассмеялся в груди,
когда могучий
свой молот увидел;
пал первым Трюм,
ётунов конунг,
и род исполинов
был весь истреблен.

³⁰ Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Скорей принесите
молот сюда!
На колени невесте
Мьёлльнир кладите!
Пусть Вар¹¹ десница
союз осенит!»

³² Убил он старуху,
турсов сестру,
что дары у невесты
раньше просила:
вместо даров
ей удары достались,
вместо колец
колотил ее молот.
Так Тор завладел
молотом снова.

³¹ У Хлорриди дух

ПЕСНЬ О ВЁЛЮНДЕ

Жил конунг в Свитьоде, звали его Нидуд. Двое сыновей было у него и дочь по имени Бёдвильд.

Жили три брата — сыновья конунга финнов, — одного звали Слягфид, другого Эгиль, третьего Вёлюнд. Они ходили на лыжах и охотились. Пришли они в Ульвдалир¹ и построили себе дом. Есть там озеро, зовется оно Ульвсъяр². Рано утром увидели они на берегу озера трех женщин, которые пряли лен, а около них лежали их лебяжьи одежды, — это были валькирии. Две из них были дочери конунга Хлёдвера: Хлядгуд Лебяжьебелая и Хервёр Чудесная, а третья была Эльрун, дочь Кьяра из Валлянда. Братья увели их с собой. Эгиль взял в жены Эльрун, Слягфид — Лебяжьебелую, а Вёлюнд — Чудесную. Так они прожили семь зим. Потом валькирии умчались в битвы и не возвратились. Тогда Эгиль отправился искать Эльрун. Слягфид пошел на поиски Лебяжьебелой. А Вёлюнд остался в Ульвдалире. Он был искуснейшим человеком среди всех людей, известных нам из древних сказаний. Конунг Нидуд велел схватить его, как здесь об этом рассказано.

О ВЁЛЮНДЕ И НИДУДЕ

¹ С юга летели
над лесом дремучим
девы валькирии,
битв искавшие;
остановились
на отдых у озера,
лен драгоценный
начали прасть.

² Первая дева, —
нет ее краше, —
на плечи Эгилу
руки вскинула;
Сванхвит³, вторая,
в одежде белой
из перьев лебяжьих;

а третья сестра
Вёлюнда шею
рукой обвила.

ночью поехали,
под ущербной луной
щиты их блестели.

³ Семь протекло
зим спокойных,
а на восьмую
тоска взяла их,
а на девятой
пришлось расстаться;
прочь устремились
в чащу леса
девы-валькирии,
битв искавшие.

⁴ Вернулись с охоты
стрелок зоркоглазый⁴,
Слягфид и Эгиль
в дом опустелый,
бродили, искали,
вокруг озираясь.
За Эльрун к востоку
Эгиль на лыжах
и Слягфид на юг
За Сванхвит помчались.

⁵ А Вёлюнд один,
в Ульвдалире сидя,
каменья вправлять стал
в красное золото,
кольца, как змеи,
искусно сплетал он;
все поджидал —
вернется ли светлая?
Жена возвратится ли
снова к нему?

⁶ Няров владыка
Нидуд проведаль,
что Вёлюнд один
остался в Ульвдалире.
В кольчугах воины

⁷ С седел сойдя
у двери жилища,
внутри проникли,
прошли по дому.
Видят — на лыке
кольца подвешены, —
было семьсот их
у этого воина.

⁸ Стали снимать
их и снова нанизывать,
только одно
кольцо утаили⁵.
Вёлюнд пришел,
стрелок зоркоглазый,
из дальних мест
с охоты вернулся;

⁹ мясо зажарить
медвежье хотел он;
горела как хворост
сосна сухая, —
высушил Вёлюнду
ветер дрова.

¹⁰ Сидя на шкуре,
кольца считал
альвов властитель, —
нет одного —
подумал: взяла его,
в дом возвратясь,
Хлёдвера дочь,
валькирия юная.

¹¹ Долго сидел,
наконец заснул.
Проснулся и видит —
беда стряслась:

крепкой веревкой
руки связаны,
стянуты ноги
путами тесными.

(Вёльунд сказал:)

¹² «Чьи это воины
здесь появились?
Кто меня накрепко
лыком связал?»

¹³ Ньяров владыка
Нидуд крикнул:
«Откуда ж ты, Вёльунд,
альвов властитель,
в краю этом мог
добыть наше золото?»

(Вёльунд сказал:)

¹⁴ «Грани поклажи⁶
здесь ты не встретишь,
Рейна холмы
отселе далёко⁷.
Помню я: больше
было сокровищ
в дни, когда вместе
жили мы, родичи:

¹⁵ Хлядгуд и Хервёр,
Хлёдвера дочери,
и Кьяра дочь —
красавица Эльрун».

¹⁶ В дом войдя,
прошла⁸ вдоль палаты,
стала и молвила
голосом тихим:
«Из леса идущий
другом не станет».

Золотые бляшки с изображением
мужчины и женщины, найденные при рас-
копках жилищ в Швеции
и Норвегии.

Конунг Нидуд отдал дочери своей Бёдвильд золотое кольцо, которое он снял с лыковой веревки у Вёльюнда, а сам он стал носить меч Вёльюнда. Тогда жена Нидуда сказала:

- ¹⁷ «Увидит ли меч он,
кольцо ли у Бёдвильд—
зубы свои
злобно он скалит;
глаза у него
- горят, как драконьи;
скорей подрежьте
ему сухожилья,—
пусть он сидит
на острове Севарстёд!»

Так и было сделано: ему подрезали сухожилья под коленями и оставили его на острове, что был недалеко от берега и назывался Севарстёд. Там он ковал конунгу всевозможные драгоценности. Никто не смел посещать его, кроме конунга. Вёльюнд сказал:

- ¹⁸ «На поясе Нидуда
меч мой сверкает,
его наточил я
как можно острее
и закалил
как можно крепче;
мой меч навсегда
от меня унесли,
не быть ему больше
в кузнице Вёльюнда;
- подстерегало;
много сокровищ
увидели юноши,—
красного золота
и украшений.
- (Бёдвильд сказала:)
- ²² «В другой раз еще
вдвоем приходите,—
золото это
получите оба!
Только молчите;
ни челядь, ни девы
пусть не знают,
что здесь вы были!»

- ¹⁹ вот и у Бёдвильд
кольцо золотое
жены моей юной...
Как отомстить мне!»

- ²⁰ Сон позабыв,
молотом бил он —
хитрую штуку
готовил Нидуду.
Двое сынов
Нидуда вздумали
взглянуть на сокровища
острова Севарстёд.

- ²³ Вскоре позвал
юноша брата:
«Брат, пойдем
посмотрим сокровища!»
К ларю подошли,
ключи спросили,—
коварство их здесь
подстерегало.

- ²¹ К ларю подошли,
ключи спросили,—
коварство их здесь

- ²⁴ Головы прочь
отрезал обоим

и под меха
ноги их сунул:
вковал в серебро,
послал их Нидуду.

²⁵ Ясных глаз
яхонты яркие
мудрой отправил
супруге Нидуда;
зубы обоих
взял и для Бёдвильд
нагрудные пряжки
сделал из них.

²⁶ Бёдвильд пришла
с кольцом поврежденным,
его показала:
«Ты ведь один
в этом поможешь».

(Вёлюнд сказал:)

²⁷ «Так я исправлю
трещину в золоте,
что даже отец
доволен будет;
больше еще
понравится матери,
да и тебе
по душе придется».

²⁸ Пива принес ей,
хитрец и взял ее,
и на скамье
дева уснула.
«Вот отмстил я
за все обиды,
кроме одной
и самой тяжелой».

²⁹ Вёлюнд сказал:
«Теперь взлечу я
на крыльях⁹, что отняли
воины Нидуда!»
Вёлюнд, смеясь,

поднялся на воздух;
Бёдвидьд, рыдая,
остров покинула:
скорбела о милome,
отца страшилась.

³⁰ У дома стоит
жена его мудрая,
в дом войдя,
прошла вдоль палаты;
а он на ограду
сел отдохнуть:
«Спишь ли, Нидуд,
Ньяров владыка?»

³¹ «Нет, я не сплю, —
горе томит меня,
до сна ли теперь, —
сынов я лишился;
губительны были
твои советы!
Сказать бы хотел
Вёлюнду слово.

³² Молви мне, Вёлюнд,
альвов властитель,
как ты сгубил
сынов моих юных?»

(Вёлюнд сказал:)

³³ «Сперва поклянись мне
крепкой клятвой,
бортом ладьи
и краем щита,
конским хребтом
и сталью меча¹⁰,
что не сгубил ты
супруги Вёлюнда,
что не был убийцей
жены моей милой;
другую жену
мою ты знаешь —
дитя родит она
в доме твоём!

Битва, погребение павшего воина, въезд его в Валгаллу.
Изображение на камне.

³⁴ В кузню пойдѣ, —
ты сам еѣ строил, —
кожу с голов
найдѣшь там кровавую:
головы напрочь
сынамъ я отрезал
и под меха
ноги ихъ сунул.

³⁵ Из черепов
чаши я сдѣлал,
вковал в серебро
и Нидуду выслал;
ясныхъ глазъ
яхонты свѣтлыя
мудрой отправил
супругѣ Нидудѣ;

³⁶ а изъ зубовъ
нагрудныя пряжки
я изготавилъ
и Бѣдвильдъ послалъ ихъ.
Бѣдвильдъ теперь
беременной стала,
ваша дочь,
вами рожденная».

(Нидудъ сказал:)

³⁷ «Горше слова
сказать не могъ ты,
не было бъ слово
другое болѣе!
Кто же, могучій,
тебѣ одолеетъ!
Кто же стрелой

пронзить тебя сможет,
когда ты паришь
высоко в небѣ!»

³⁸ Вѣлјундъ, смеясь,
поднялся в воздухъ.
Нидудъ в горѣ
одинъ остался.

(Нидудъ сказал:)

³⁹ «Такрадъ, вставай,
рабъ мой лучшій,
Бѣдвильдъ зови,
свѣтлоокую деву,
пусть придетъ,
с отцомъ побесѣдуетъ.

⁴⁰ Правду ли, Бѣдвильдъ,
повѣдали мнѣ, —
была ли ты с Вѣлјундомъ
вместѣ на островѣ?»

(Бѣдвильдъ сказала:)

⁴¹ «Правду тебѣ,
Нидудъ, сказали:
с Вѣлјундомъ я
была на островѣ,
лучше б не знать мнѣ
этого часа!
Я не смогла
противиться силѣ,
я не смогла
себя защитити!»

МЛАДШАЯ ЭДДА

Написанная около 1222—1225 гг. исландским скальдом (поэтом) Снорри Стурлусоном так называемая «Младшая Эдда» представляет собой своего рода учебник, предназначенный, по словам автора, для «молодых скальдов, пожелавших изучить язык поэзии и оснастить свою речь старинными именами или пожелавших научиться толковать темные стихи». О «старинных именах», т.е. о старинных языческих мифах, к которым еще продолжали обращаться скальды в XIII в., повествуется преимущественно в первой части книги «Видение Гюльви». Конунг Гюльви в обличии странника бесѣдуетъ в Асгардѣ с тремя асами — Высоким, Равновысоким и Третьим, которые рассказываютъ ему о богахъ и собы-

тиях, составляющих содержание древних исландских мифов. Приводимый ниже замечательный миф о гибели Бальдра изложен в «Младшей Эдде» гораздо обстоятельнее, чем в «Старшей Эдде».

...Второй сын Одина — это Бальдр. О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние. Есть растение столь белоснежное, что равняют его с ресницами Бальдра, из всех растений оно самое белое. Теперь ты можешь вообразить, насколько светлы и прекрасны волосы его и тело. Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный...

...Бальдру Доброму стали сниться дурные сны, предвещавшие опасность для его жизни. И когда он рассказал те сны асам, они держали все вместе совет, и было решено оградить Бальдра от всяких опасностей. И Фригг¹ взяла клятву с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей, что они не тронут Бальдра. А когда она это сделала и другим поведала, стали Бальдр и асы забавляться тем, что Бальдр становился на поле тинга, а другие должны были кто пускать в него стрелы, кто рубить его мечом, а кто бросать в него камнями. Но что бы они ни делали, все было Бальдру нипочем, и все почитали это за великую удачу.

Как увидел то Локи, сын Лаувеи, пришлось ему не по нраву, что ничто не вредит Бальдру. Он пошел к Фригг, в Фенсалир, приняв образ женщины. А Фригг и спрашивает, ведомо ли той женщине, что делают асы на поле тинга. Та отвечает, что все, мол, стреляют в Бальдра, но это не причиняет ему вреда. Тогда промолвила Фригг: «Ни железо, ни дерево не сделают зла Бальдру. Я взяла с них в том клятву». Тут женщина спрашивает: «Все ли вещи дали клятву не трогать Бальдра?» Фригг отвечает: «Растет к западу от Вальгаллы один побег, что зовется омелою. Он показался мне слишком молод, чтобы брать с него клятву». Женщина тут же ушла.

Локи вырвал с корнем тот побег омелы и пошел на поле тинга. Хёд стоял в стороне от мужей, обступивших Бальдра, ибо он был слеп. Тогда Локи заговорил с ним: «Отчего не метнешь ты чем-нибудь в Бальдра?» Тот отвечает: «Оттого, что я не вижу, где стоит Бальдр, да и нет у меня оружия». Тогда сказал Локи: «Все же поступи по примеру других и уважь Бальдра, как и все остальные. Я укажу тебе, где он стоит; метни в него этот прут». Хёд взял побег омелы и метнул в Бальдра, как указывал ему Локи. Пронзил прут Бальдра, и упал он мертвым на землю. И так свершилось величайшее несчастье для богов и людей.

Когда Бальдр упал, язык перестал слушаться асов, и не повиновались им руки, чтобы поднять его. Они смотрели один на другого, и у всех была одна мысль — о том, кто это сделал. Но мстить было нельзя: было то место для всех священо. И когда асы попытались говорить, сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому

словами о своей скорби. Но Одину было тяжелее всех сносить утрату, лучше других постигал он, сколь великий урон причинила асам смерть Бальдра.

Когда же боги обрели разум, молвила слово Фригг и спросила, кто из асов хочет снискать любовь ее и расположение, и поедет Дорогою в Хель, и постарается разыскать Бальдра, и предложит за него выкуп Хель², чтобы она отпустила Бальдра назад в Асгард. И тот, кого называют Хермод Удалой, сын Одина, вызвался ехать. Вывели тут Слейпнира, коня Одина, вскочил Хермод на того коня и умчался прочь.

Асы же подняли тело Бальдра и перенесли к морю. Хрингхорни³ звалась ладья Бальдра, что всех кораблей больше. Боги хотели спустить ее в море и зажечь на ней погребальный костер. Но ладья не трогалась с места. Тогда послали в Страну Великанов за великаншей по имени Хюрроккин⁴. Когда она приехала — верхом на волке, а поводьями ей служили змеи — и соскочила наземь, Один позвал четырех берсерков⁵ поддержать ее коня, но те не могли его удержать, пока не свалили. Тут Хюрроккин подошла к носу ладьи и сдвинула ее с первого же толчка, так что с катков посыпались искры и вся земля задрожала. Тогда Тор разгневался и схватился за молот. Он разбил бы ей череп, но все боги просили пощадить ее.

Потом тело Бальдра перенесли на ладью, и лишь увидела это жена его Нанна, дочь Непа, у нее разорвалось от горя сердце, и она умерла. Ее положили на костер и зажгли его. Тор встал рядом и осветил костер молотом Мьёльгнир. А у ног его пробежал некий карлик по имени Лит⁶, и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел.

Множество разного народу сошлось у костра. Сперва надо поведать об Одине и что с ним была Фригг и валькирии и его вороны. А Фрейр ехал в колеснице, запряженной вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Челка. Фрейя же правила своими кошками. Пришел туда и великий народ инеистых исполинов и горных великанов. Один положил на костер золотое кольцо Драупнир⁷. Есть у этого кольца с тех пор свойство: каждую девятую ночь каплет из него по восьми колец такого же веса. Коня Бальдра взвели на костер во всей сбруе.

Теперь надо поведать о Хермоде, что он скакал девять ночей темными и глубокими долинами и ничего не видел, пока не подъехал к реке Ёльль⁸ и не ступил на мост, высланный светящимся золотом. Модгуд — имя девы, охраняющей тот мост. Она спросила, как звать его и какого он роду, и сказала, что за день до того проезжали по мосту пять

² Букв. «С кольцом на форштевне».

³ Букв. «сморщенная от огня».

⁴ Букв. «цветной».

⁵ Букв. «капающий».

⁶ Букв. «шумная».

полчищ мертвецов, «так не меньше грохочет мост и под одним тобою, и не похож ты с лица на мертвого. Зачем же ты едешь сюда, по Дороге в Хель?» Он отвечает: «Нужно мне в Хель, чтобы разыскать Бальдра, да может статься, видала ты Бальдра на дороге в Хель?» И она сказала, что Бальдр проезжал по мосту через Гьёлль, «а дорога в Хель идет вниз и к северу».

Тогда Хермод поехал дальше, пока не добрался до решетчатых ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него, всадил в бока шпоры, и конь перескочил через ворота, да так высоко, что вовсе их не задел. Тогда Хермод подъехал к палатам и, сойдя с коня, ступил в палаты и увидел там на почетном месте брата своего Бальдра.

Хермод заночевал там. А наутро стал он просить Хель отпустить Бальдра назад, рассказывая, что за плач великий был у асов. Но Хель сказала, что «надо проверить, правда ли все так любят Бальдра, как о том говорят. И если все, что ни есть на земле живого иль мертвого, будет плакать по Бальдру, он возвратится к асам. Но он останется у Хель, если кто-нибудь воспротивится и не станет плакать». Тогда Хермод поднялся, а Бальдр проводил его из палат и, взяв кольцо Драупнир, послал его на память Одину, а Нанна послала Фригг свой плат и другие дары, а Фулле — перстень.

Вот пустился Хермод в обратный путь, приехал в Асгард и поведал, как было дело, что он видел и слышал. Асы тут же разослали гонцов по всему свету просить, чтобы все плакали и тем вызволили Бальдра из Хель. Все так и сделали: люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы, и ты видел, что все они плачут, попав с мороза в тепло. Когда гонцы возвращались домой, свое дело как должно исполнив, видят: сидит в одной пещере великанша. Она назвалась Тёкк^{*}. Они просят ее вызвать плачем Бальдра из Хель. Она отвечает:

Сухими слезами
Тёкк оплачет
кончину Бальдра.
Ни живой, ни мертвый
он мне не нужен,
пусть хранит его Хель.

И люди полагают, что это был не кто иной, как Локи, сын Лаувейи, причинивший асам величайшее зло.

САГИ

Наряду с эдической поэзией выдающееся место в скандинавской литературе средних веков занимали исландские прозаические саги. Сложившиеся между X и XIV вв., закреплявшиеся в письменной форме начиная с XII в., исландские саги необычайно разнообраз-

^{*} Букв. «благодарность».

Эпизоды из сказаний о Волсунгах. Изображение на камне.

ны по своему содержанию, они охватывают все виды повествования: исторические предания (саги о колонизации Исландии — Ланднамабок), описания путешествий (открытие Америки — сага об Эрике Красном), семейные предания (сага о Ниале), героический, а позднее и куртуазный эпос.

Как и в песнях «Эдды», в сагах отражена суровая жизнь скандинавского средневековья. По словам Т. Н. Грановского, «в них не должно искать ни изящной формы классического и вообще южного искусства, ни светлого, успокаивающего душу взгляда на жизнь. Зато в сумрачном мире скандинавской поэзии мы встречаем образы, дивно отмеченные трагической красотой страдания, носящие в себе «избыток сил и скорби» («Песни Эдды о Нифлунгах»).

САГА О ВОЛСУНГАХ

Один из важнейших памятников героической саги, сложившаяся в середине XIII в. «Сага о Волсунгах», в значительной своей части (начиная с IX главы) представляет прозаический пересказ героических песен «Старшей Эдды», излагающих трагические судьбы славных родов — Волсунгов и Гьюкунгов. Таким образом, «Сага о Волсунгах» дает в основном скандинавский вариант сюжета, получившего особую известность в его верхненемецкой разработке «Песни о Нибелунгах» (см. раздел «Немецкая литература»). Несмотря на то что «Сага о Волсунгах» возникла позднее «Песни о Нибелунгах», в ней в силу особенностей исторического развития Исландии, не знавшей феодализма, продолжают сохраняться более архаические черты старинного германского сказания. В «Саге о Волсунгах» еще живы языческие мифы, а также обычаи и воззрения родового строя. Трагическим лейтмотивом саги является вера в неодолимость судьбы, столь характерная для языческих воззрений древних скандинавов. В связи с этим большая роль в повествовании отводится проклятому кладу карлика Андвари, приносящему гибель каждому, кто им владеет. В архаические тона окрашена также в исландской саге тема мести Гудруны (Кримхильды). Ее ярость обрушивается не на братьев, умертвивших Сигурда (Зигфрида) (как об этом рассказывается в «Песни о нибелунгах»), но на Атли (Этцеля), ее второго

Эпизоды из сказаний о
Сигурде.
*Резьба по дереву из Сетерсдальской церкви,
начало XIII в.*

мужа, который из алчности погубил ее братьев. Так кровные родовые связи оказываются выше связей супружеских.

В начале саги рассказывается о трагической гибели правнука Одина, конунга Волсунга, и его сыновей; о том, как Сигмунд, сын Волсунга, владелец чудесного меча, дарованного ему Одином, отомстил за гибель отца и как ему в этом помогал его молодой сын Синфйотли; о том, как в свой черед погибли и Сигмунд и Синфйотли; о том, как вторая жена Сигмунда — Хйордис родила, попав в полон после смерти мужа, сына-богатыря Сигурда; о том, как юного Сигурда, воспитанного в чужой семье, его дядька Регин подговаривает вступить в бой с могучим змием Фафни, хранителем драгоценного клада, некогда проклятого карликом Андвари.

XV. РЕГИН ВЫКОВАЛ ГРАМ

Тогда Регин смастерил меч и дает его Сигурду. Тот принял меч и молвил:

— Такова ли твояковка, Регин? — и ударил по наковальне и разбил меч. Он выбросил клинок тот и приказал сковать новый, получше. Смастерил Регин другой меч и дал Сигурду, и тот на него взглянул:

— Этот тебе уж верно понравится, хоть и трудно тебе угодить. Сигурд испытал этот меч и сломал, как и прежний. Тогда молвил Сигурд Регину:

— Видно, ты похож на древних своих родителей и очень коварен.

Тут пошел он к своей матери, и она хорошо его принимает, и вот они друг с другом беседуют и пьют. Молвил тогда Сигурд:

— Правда ли мы слышали, будто Сигмунд-конунг отдал вам меч Грам, надвое сломанный?

Она отвечает:

— Это правда.

Сигурд молвил:

— Отдай его в мои руки! Я хочу им владеть.

Она сказала, что он обещает быть славным воином, и дала ему меч тот. Тут пошел Сигурд к Регину и приказал ему починить меч по своему уменью. Регин рассердился и пошел в кузницу с обломками меча, и думает он, что трудно угодить Сигурду ковкой. Вот смастерил Регин меч, и, когда вынул его из горна, почудилось кузнечным подмастерьям, будто пламя бьет из клинка. Тут

велит он Сигурду взять меч тот, а сам говорит, что не может сковать другого, если этот не выдержит. Сигурд ударил по наковальне и рассек ее пополам до подножья, а меч не треснул и не сломался. Он сильно похвалил меч, и пошел к реке с комком шерсти, и бросил его против течения, и подставил меч, и рассек комок пополам. Тогда Сигурд весело пошел домой. Регин молвил:

— Нужно теперь выполнить наш уговор, раз я сковал меч, и разыскать Фафни.

Сигурд отвечает:

— Выполним мы это; но сперва — другое: отомщу я за отца своего.

Тем дороже был Сигурд народу, чем старше он становился, так что каждый ребенок любил его от всего сердца¹.

XVIII. ВОТ ЕДУТ РЕГИН И СИГУРД

Вот едут Сигурд и Регин в пустынные горы к той тропе, по которой обычно проползал Фафни, когда шел на водопой, и рассказывают, что с тридцать локтей был тот камень, на котором лежал он у воды, когда пил.

Тогда промолвил Сигурд:

— Сказал ты, Регин, что дракон этот не больше степного змея, а мне сдается, что следы у него огромные.

Регин молвил:

— Вырой яму и садись в нее, а когда змей поползет к воде, ударь его в сердце и так предай его смерти: добудешь ты этим великую славу.

Сигурд молвил:

— Как быть, если кровь змея того зальет меня?

Регин отвечает:

— Нечего тебе и советовать, раз ты все пугаешься и не похож ты отвагою на своих родичей.

Тут поехал Сигурд в пустыню, а Регин спрятался от сильного страха. Сигурд выкопал яму; а пока он был этим занят, пришел к

Эпизоды из сказаний о Сигурде. Резьба по дереву из Сетерсдальской церкви, начало XIII в.

нему старик с длинной бородой^{*} и спросил, что он делает, и Сигурд ему сказал. Отвечает ему старик:

— Это дурной совет: вырой ям побольше, чтобы кровь туда стекала, а ты сиди в одной и бей змея того в сердце.

Тут старик исчез, а Сигурд выкопал ямы, как было сказано. А когда змей тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал ядом он из ноздрей по всему пути, но не устрасился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей прополз над ямой той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскакивает Сигурд из ямы той и тянет к себе меч, и руки у него — все в крови по самые плечи. И когда огромный тот змей почуял смертельную рану, стал он бить головой и хвостом, дробя все, что под удар попадало. И когда принял Фафни смертельную рану, стал он спрашивать:

— Кто ты таков, и кто твой отец, и какого ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?

Сигурд отвечает:

— Род мой неведом, и имя мне — Статный зверь, и нет у меня ни отца, ни матери, и один совершил я путь.

Фафни отвечает:

— Если нет у тебя ни отца, ни матери, то от какого же чуда рожден ты? И если ты скрываешь от меня имя свое в смертный мой час, то знай, что ты — лжец.

Тот отвечает:

— Называюсь я Сигурд, а отец мой — Сигмунд.

Фафни отвечает:

— Кто подговорил тебя на это дело и как дал ты себя подговорить? Разве ты не слышал, что все люди боятся меня и моего шлема-страшилища? Остроглазый отрок, отважен был твой отец.

Сигурд отвечает:

— Подстрекнул меня крепкий дух, а совершить помогла эта мощная длань и этот мой острый меч, как ты теперь изведаль; и редко в старости стоек, кто в детстве дрябл.

Фафни говорит:

— Знаю я, что если бы возвращен ты был в роду своем, то умел бы биться грозно; но большое диво, что полоняник отважился биться со мною, ибо редко пленник отважен в поле.

Сигурд молвил:

— Попрекаешь ты меня тем, что возрос я вдали от рода. Но хоть был я взят на войне, никогда я не был рабом, и ты на себе испытал, что я — свободнорожденный.

^{*} Т. е. Один.

Фафни отвечает:

— За обиду принимаешь ты все, что я говорю. Но будет тебе на погибель золото то, которым я владел¹ ... и всякому другому, кто им завладеет.

Сигурд встал и молвил:

— Поехал бы я домой, хоть бы и лишился великого этого богатства, если бы знал, что никогда не умру.

И отважнейший воин властен над золотом

По некий суженый срок.

Ты ж, Фафни, майся в предсмертных муках,

И пусть тебя примет Гэль².

И тут умер Фафни.

ХІХ. РЕГИН ИСПИЛ КРОВИ ФАФНИ

После этого пришел Регин к Сигурду и молвил:

— Благо тебе, господин мой! Великую победу ты одержал, убивши Фафни, и до сей поры никто не дерзал стать ему поперек дороги, и этот подвиг будут помнить, пока свет стоит.

Вот стоит Регин и глядит в землю, а затем говорит в великом гневе:

— Брата моего ты убил, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут берет Сигурд свой меч Грам и вытирает о траву и молвит Регину:

— Далеко ушел ты, когда я совершил это дело и испытал этот острый меч своею рукою; и своей мощью поборол я силу змея, покуда ты лежал в степном кустарнике и не знал, ни где земля, ни где небо.

Регин отвечает:

— Долго пролежал бы этот змей в своем логове, если бы ты не владел мечом, что сковал я тебе своею рукою, и не совершил ты этого один без чужой помощи.

Сигурд отвечает:

— Когда доходит до боя между мужами, лучше тут служит человеку храброе сердце, чем острый меч.

Тогда молвил Регин Сигурду в великой печали:

— Ты убил моего брата, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут вырезал Регин сердце у змея тем мечом, что звался Ридил; тут испил Регин крови Фафни и молвил:

— Исполни мою просьбу; для тебя это — легкое дело: пойдя к костру с сердцем этим, изжарь его и дай мне поесть.

ХХ. СИГУРД СЪЕЛ ЗМЕИНОЕ СЕРДЦЕ

Сигурд пошел и стал жарить на вертеле, а когда мясо зашипело, он тронул его пальцем, чтобы испытать, хорошо ли изжарилось. Он сунул

палец в рот, и едва кровь из сердца змея попала ему на язык, как уразумел он птичий говор.

Услышал он, как сойки болтали на ветвях подле него:

— Вот сидит Сигурд, жарит сердце Фафни, что сам бы он должен был съесть. Стал бы он тогда мудрее людей.

Другая говорит:

— Вот лежит Регин и хочет изменить тому, кто во всем ему доверяет.

Тут молвила третья:

— Лучше бы он отрубил ему голову: мог бы он тогда один завладеть золотом этим несметным.

Тут молвит четвертая:

— Был бы он разумнее, если бы поступил так, как они ему советуют, а затем поехал к логову Фафни и взял несметное то золото, что там лежит, а после поскакал бы на Хиндарфйалл, туда, где спит Брюнхилд, и может он там набраться великой мудрости. И был бы он умнее, если бы принял наш совет и думал бы о своей выгоде, ибо волка я чую, коль вижу уши.

Тут молвила пятая:

— Не так он быстр рассудком, как мне казалось, раз он сразил врага, а брата его оставляет в живых.

Тут молвила шестая:

— Ловко было бы, если бы он его убил и один завладел богатством.

Тут молвил Сигурд:

— Да не будет такой напасти, чтобы Регин стал моим убийцей, и пусть лучше оба брата пойдут одной дорогой.

Взмахнул он тогда мечом тем Грамом и отрубил Регину голову, а затем съел он часть змеиного сердца, а часть его сохранил. После вскочил он на коня своего и поехал по следам Фафни к его пещере и застал ее открытой. И из железа были двери все и также все петли и ручки, и из железа же все стропила постройки, и все это — под землей. Сигурд нашел там многое множество золота и меч тот Хротти, и там взял он шлем-страшилище и золотую броню, и груды сокровищ. Он нашел там так много золота, что, казалось, не снесут ни двое коней, ни трое. Это золото он все выносит и складывает в два огромных ларя.

Вот берет он под уздцы коня того Грани. Конь тот не хочет идти, и понукание не помогает. Тут Сигурд понял, чего хочет конь: вскакивает ему на спину, дает шпоры — и мчится тот конь, словно совсем без ноши.

XXI. О СИГУРДЕ

Вот едет Сигурд по дальним дорогам. И все он ехал, пока не прибыл на Хиндарфйалл и не свернул на юг, к Франкской земле. На горе увидал

он пред собою свет великий, точно огонь горит, и сияние поднималось до неба, а когда он подъехал, встала перед ним стена из щитов, и высилось над ней знамя. Сигурд вошел за ограду ту и увидал, что там спит человек и лежит в полном вооружении. Сигурд сперва снял с него шлем и увидел, что это — женщина: она была в броне, а броня сидела так плотно, точно приросла к телу. И вспорол он броню от шейного отверстия книзу и по обоим рукавам, и меч резал панцирь, словно платье. Сигурд сказал ей, что слишком долго она спала. Она спросила, что за мощное оружие вскрыло броню ту — «и кто разбил мою дрему? разве явился Сигурд Сигмундарсон, что носит на голове шлем Фафни и убийцу его^а в руках?»

Отвечает на это Сигурд:

— От семени Волсунгов тот, кто это сделал; и слышал я, что ты — могучего конунга дочь. И сказывали нам тоже о вашей красе и мудрости, и это мы хотим проверить.

Брюнхилд поведала, как сразились два конунга — одного звали Хйалмгуннар; был он старик и величайший воин, и ему обещал Один победу, а другой звался Агнаром или братом Ауд.

— Я убила Хйалмгуннара в бою, а Один уколол меня сонным шипом в отместку за это и рек, что никогда больше не одержу я победы, и приказал мне выйти замуж³. А я в ответ дала клятву: не выходить за того, кому ведом страх.

Сигурд молвил:

— Научи меня великому веденью.

Она отвечает:

— Вы сами лучше знаете, но с радостью научу я вас, если есть что-либо, что нам известно, а вам может прийтись по сердцу: руны⁴ и прочие знания на всякие случаи жизни. И выпьем мы вместе кубок, и да пошлют нам боги те счастливый день, а ты запомни нашу беседу.

Брюнхилд наполнила кубок, подала Сигурду и промолвила⁵:

¹ Вот кубок браги, вождь бранного веча.
В нем смешана сила с мощной славой,
Полон он песен, письмен на пользу,
Разных заклятий и радостных рун.

² Знай ты руны победы, коль разума жаждешь,
И режь их на ручке оружия,
По краю меча и по кромке стали,
Дважды тайно вызови Тю^б.

^а Убийца Фафни — метафорическое обозначение меча Сигурда.

^б Тю или Тир — однорукий бог войны.

- ³ Руны волн ты ведай, коль вызволить хочешь
Парусных коней^а из пены,
Нарежь их на реи, на руль и штевень
И выжги на веслах огнем.
При быстром прибое, при бурных волнах
Без горя войдешь ты в гавань.
- ⁴ Руны слов ты ведай, чтоб тебе не смели
Злобой воздать за зло.
Их и вьют, их и ткут,
Их всех сразу сводят
На тинге том, куда толпы придут
На самый последний суд.
- ⁵ Руны браги^б ведай, коль веришь чужой жене
И хитрой измены не хочешь.
На роге их режь и на кисти рук
И пометь на ногте «Науд»^с.
Осени свой кубок, хранись от козней
И брось в братину порей^д.
Ведомо мне, что вовек ты не выпьешь
С черными чарами меду.
- ⁶ Руны горные помни, коль помощь хочешь подать
Матери в муках родильных.
На ладони их выведи, вей вокруг тела^е,
Добрым Дисам молись.
- ⁷ Руны леса познай, коль лекарем хочешь стать
И ведать разные раны.
На лыке их режь и на листьях ствола,
Что вытянул ветви к востоку.
- ⁸ Руны мысли ты помни, коль самым мудрым
Хочешь на свете слыть.
Их чертил, их читал,
Измыслил их хитрый Хропт^г.
- ⁹ На щит они были нарезаны, что носит богиня блеска,
На уши Арвака, на бабу Алсвина^з,

^а Парусные кони — метафорическое обозначение корабля.

^б Руны браги, охраняют, очевидно, от отравы на пиру.

^с Науд — букв. «нужда», название руны.

^д Порей (по другим толкованиям — чеснок) считается предохранительным средством от злых чар.

^е Руны писались на камнях в виде длинных извивающихся полос.

^г Хропт или Гроптр — имя Одина.

^з Арвак — букв. «рано просыпающийся», Алсвин — букв. «самый быстрый», здесь: кони в упряжке солнца.

На резвый обод повозки Рогни^а,
 На зубы Слейпни^б и на санный подрез.
¹⁰ На лапу бурого, на язык Браги^с,
 На волчьи когти и на клюв орла,
 На кровавые крылья, на мостовые крепи,
 На ладонь избавителя, на лекаря след.

¹¹ На стекла и золото, на серебро светлое,
 В вина и в солод, на кресло вёльвы,
 На лезвие Гунгни^д и на грудь великанши,
 На ноготь норны и на нос совы.

¹² Все они были соскоблены, те, что были нарезаны;
 В священный замешаны мед
 И посланы в дальний путь:
 Иные — к альфам, иные — к асам,
 Иные — к вещим ванам,
 Иные — к людям людским.

¹³ Это руны бука, это руны берега
 И разные руны браги,
 И славные руны силы.
 Кто помнит, не портя, кто помнит, не путая,
 Тому они будто во благо.
 Коль понял, так пользуйся
 До гибели горни^е.

¹⁴ Выбери ныне (волен твой выбор),
 О, крепких копий клен^г,
 Молчать иль молвить, как сам ты мыслишь,
 Кончена речь о рунах.

Сигурд отвечает:

¹⁵ Не брошусь в бегство, хоть бы близилась смерть.
 Не робким рожден я родом.
 Твой добрый совет хранить я должен,
 Покуда есть в жилах жизнь.

^а *Рогни* — Властитель, одно из имен Одина.

^б *Слейпни* или *Слейпнир* — восьминогий конь Одина.

^с *Браги* — бог песни, обожествленная историческая личность, скальд Браги Боддасон Старый (IX в.).

^д *Гунгни* — копье Одина, скованное для него карлами.

^е *Гибель горни* — кончина мира, описанная в приведенном выше «Прорицании вёльвы».

^г *Крепких копий клен* — метафорическое обозначение воина.

Сигурд молвил:

— Нет человека мудрее тебя, и в том я клянусь, что женюсь на тебе, ибо ты мне по сердцу.

Она отвечает:

— За тебя я пойду охотнее всего, хоть бы пришлось мне выбирать между всеми людьми.

И так обменялись они клятвами.

[Дальнейшая часть саги ближе к разворачиванию сюжета в «Песни о Нибелунгах». Принужденный расстаться с Брюнхилд, ибо «не судила судьба, чтобы они жили вместе», Сигурд поддается чарам Гримхилд-волшебницы, которая женит его на дочери своей Гудрун, сестре короля Гуннара. Для Гуннара же Сигурд добывает Брюнхилд, совершая все необходимые для этого подвиги в обличье Гуннара. Спор королев (ср. «Песнь о Нибелунгах») разоблачает обман.]

XXXI. РАЗРОСЛОСЬ ГОРЕ БРЮНХИЛД

После того ложится Брюнхилд в постель, доходит весть до Гуннара-конунга, что Брюнхилд хворает. Он едет к ней и спрашивает, что с ней приключилось, но она не отвечает ни слова и лежит словно мертвая. А когда он стал спрашивать настойчиво, она ответила:

— Что сделал ты с перстнем тем, что я дала тебе, а сама получила от Будли-конунга^а при последнем расставании? Вы, Гьёкунги^б, пришли к нему и грозили войной и огнем, если вам меня не отдадут. В ту пору позвал меня отец на беседу и спросил, кого я выберу из тех, что прибыли; а я хотела оборонять землю и быть воеводой над третьей дружины. Он же велел мне выбирать: либо выйти за того, кого он назначит, либо лишиться всего имения и отцовой приязни. Говорил он, что больше будет мне пользы от любви его, чем от гнева. Тут я стала размышлять про себя — должна ли я исполнить его волю или убить многих мужей. Решила я, что не в силах бороться с отцом, и кончилось тем, что обрекла я себя тому, кто прискачет на коне том Грани с наследием Фафни, и проедет сквозь полымя мое, и убьет тех людей, которых я назначу. И вот никто не посмел проехать, кроме Сигурда одного. Он проскакал сквозь огонь, потому что хватило у него мужества. Это он убил змея и Регина и пятерых конунгов, а не ты, Гуннар, что побледнел, как труп: не конунг ты и не витязь. Я же дала зарок у отца моего в доме, что полюблю лишь того, кто всех славнее, а это — Сигурд. А теперь я — клятвопреступница, потому что не с ним я живу; и за это замыслила я твою смерть, и должна я отплатить Гримхилд за зло: нет женщины бессердечнее ее и злее.

^а Будли-конунг — отец Брюнхилд.

^б Гьёкунги — дети Гьёки, в имени которого сохранилось воспоминание о погибшем во время нашествия Атилы бургундском короле Гибике.

Гуннар отвечал так, что никто не слышал:

— Много остудных слов ты молвила, и злобная же ты женщина, если порочишь ту, что много лучше тебя: не роптала она на судьбу, как ты, не тревожила мертвых, никого не убила и живет похвально.

Брюнхилд отвечает:

— Я не совершала тайнодействий и дел нечестивых; не такова моя природа, но охотнее всего я убила бы тебя.

Тут она хотела убить Гуннара-конунга, но Хогни^а связал ей руки.

Она сказала:

— Брось думать обо мне, ибо никогда больше не увидишь ты меня веселой в своей палате: не стану я ни пить, ни играть в тавлеи, ни вести разумные речи, ни вышивать золотом по добрым тканям, ни давать вам советы.

Почитала она за величайшую обиду, что не достался ей Сигурд. Она села и так ударила по своим пальцам, что они разлетелись, и приказала запереть теремные двери, чтобы не разносились далеко горестные ее речи. И вот настала великая скорбь, и узнал об этом весь дом. Гудрун спрашивает девушек своих, почему они так невеселы и хмуры — «что с вами деется, и отчего ходите вы, как полоумные, и какая бука вас испугала?»

Отвечает ей одна челядинка по имени Свафрлод:

— Несчастный нынче день: палата наша полна скорби.

Тогда молвила Гудрун своей подруге:

— Вставай! Долго мы спали! Разбуди Брюнхилд, сядем за пьальцы и будем веселы.

— Не придется мне, — сказала та, — ни разбудить ее, ни говорить с нею; много дней не пила она ни вина, ни меда, и постиг ее гнев богов.

Тогда молвила Гудрун Гуннару:

— Пойди к ней, — говорит она, — скажи, что огорчает нас ее горесть.

Гуннар отвечает:

— Запрещено мне к ней входить и делить с ней благо.

Все же идет Гуннар к ней и всячески старается с ней заговорить, но не получает ответа; возвращается он и встречает Хогни и просит его посетить ее; а тот отвечал, что не хочет, но все-таки пошел и ничего от нее не добился. Разыскали тогда Сигурда и попросили зайти к ней; он ничего не ответил, и так прошел день до вечера. А на другой день, вернувшись с охоты, пошел он к Гудрун и молвил:

— Предвижу я, что не добром кончится гнев этот и умрет Брюнхилд.

^а Хогни — младший брат Гуннара.

Гудрун отвечает:

— Господин мой! великая на нее брошена порча: вот уже проспала она семь дней, и никто не посмел ее разбудить.

Сигурд отвечает:

— Не спит она: великое зло замышляет она против нас.

Тогда молвила Гудрун с плачем:

— Великое будет горе — услышать о твоей смерти; лучше пойдй к ней и узнай, не уляжется ли ее гордыня; дай ей золота и умягчи ее гнев.

Сигурд вышел и нашел покой незапертым. Он думал, что она спит, и стянул с нее покрывало и молвил:

— Проснись же, Брюнхилд. Солнце сияет по всему дому, и довольно спать. Отбрось печаль и предайся радости.

Она молвила:

— Что это за дерзость, что ты являешься ко мне? Никто не обошелся со мной хуже, чем ты, при этом обмане.

Сигурд спрашивает:

— Почему не говоришь ты с людьми и что тебя огорчает?

Брюнхилд отвечает:

— Тебе я поведаю свой гнев.

Сигурд молвил:

— Околдована ты, если думаешь, что я мыслю на тебя зло. А Гуннар — твой муж, которого ты избрала.

— Нет! — говорит она. — Не проехал Гуннар к нам сквозь огонь, и не принес он мне на вено^а убитых бойцов. Дивилась я тому человеку, что пришел ко мне в палату, и казалось мне, будто я узнаю ваши глаза, но не могла я ясно распознать из-за дымки, которая застилала мою хамингью^б.

Сигурд говорит:

— Не лучшие мои люди, чем сыны Гьюки: они убили датского конунга и великого хофдинга^с, брата Будли-конунга.

Брюнхилд отвечает:

— Много зла накопилось у нас против них, и не напоминай ты нам о наших горестях. Ты, Сигурд, победил змея и проехал сквозь огонь ради меня, а не сыны Гьюки-конунга.

Сигурд отвечает:

— Не был я твоим мужем, ни ты моей женой, и заплатил за тебя вено славный конунг.

Брюнхилд отвечает:

— Никогда не смотрела я на Гуннара так, что сердце во мне веселилось, и злобствую я на него, хоть и скрываю перед другими.

^а Вено (древнерусск.) — брачный дар, приносимый мужем жене или ее родичам.

^б Хамингья — дух-хранитель, помогает видеть будущее и сущность явлений. Дымка, застилающая хамингью, вызывает помутнение разума.

^с Хофдинг — «главарь», крупный землевладелец, глава знатного рода.

— Это бесчеловечно, — сказал Сигурд, — не любить такого конунга. Но что всего больше тебя печалит? Кажется мне, что любовь для тебя дороже золота.

Брюнхилд отвечает:

— Это — самое злое мое горе, что не могу я добиться, чтобы острый меч обагрился твоею кровью.

Сигурд отвечает:

— Не говори так. Недолго осталось ждать, пока острый меч вонзится мне в сердце, и не проси ты себе худшей участи, ибо ты меня не переживешь, да и мало дней жизни осталось нам обоим.

Брюнхилд отвечает:

— Ни малой беды не сулят мне твои слова, ибо всякой радости лишили вы меня своим обманом, и не дорожу я жизнью.

Сигурд отвечает:

— Живи и люби Гуннара-конунга и меня, и все свое богатство готов я отдать, чтобы ты не умерла.

Брюнхилд отвечает:

— Не знаешь ты моего нрава. Ты выше всех людей, но ни одна женщина не так ненавистна тебе, как я.

Сигурд отвечает:

Обратное — вернее: я люблю тебя больше себя самого, хоть я и помогал им в обмане, и теперь этого не изменишь. Но всегда с тех пор, как я опомнился, жалел я о том, что ты не стала моей женой; но я сносил это, как мог, когда бывал в королевской палате, и все же было мне любо, когда мы все сидели вместе. Может также случиться, что исполнится то, что предсказано, и незачем о том горевать.

Брюнхилд отвечает:

— Слишком поздно вздумал ты говорить, что печалит тебя мое горе; а теперь нет нам исцеления.

Сигурд отвечает:

— Охотно бы я хотел, чтоб взошли мы с тобой на одно ложе и ты стала моей женой.

Брюнхилд отвечает:

— Непристойны такие речи, и не буду я любить двух конунгов в одной палате, и прежде расстанусь я с жизнью, чем обману Гуннара-конунга. Но ты вспомни о том, как мы встретились на горе той и обменялись клятвами; а теперь они все нарушены, и не мила мне жизнь.

— Не помнил я твоего имени, — сказал Сигурд, — и не узнал тебя раньше, чем ты вышла замуж, и в этом великое горе.

Тогда молвила Брюнхилд:

— Я поклялась выйти за того, кто проскачет сквозь полымя, и эту клятву я хотела сдержать или умереть.

— Лучше женюсь я на тебе и покину Гудрун, лишь бы ты не умерла, — молвил Сигурд, и так вздымалась его грудь, что лопнули кольца брони.

— Не хочу я тебя, — сказала Брюнхилд, — и никого другого. Сигурд пошел прочь, как поется в Сигурдовой песне:

Скорбно с беседы Сигурд ушел,
Добрый друг доблестных дышит тяжело.
Рвется на ребрах у рьяного к битвам
Свита^а, свитая из светлой стали.

И когда вернулся Сигурд в палату, спрашивает его Гуннар, знает ли он, в чем горе, и вернулась ли к ней речь. Сигурд отвечал, что она может говорить. И вот идет Гуннар к ней во второй раз и спрашивает, какая нанесена ей обида и нет ли какого-либо искупления.

— Не хочу я жить, — сказала Брюнхилд, — потому что Сигурд обманул меня, а я тебя, когда ты дал ему лечь в мою постель: теперь не хочу я иметь двух мужей в одной палате. И должен теперь умереть Сигурд, или ты, или я, потому что он все рассказал Гудрун, и она меня порочит.

[С помощью своего скудоумного брата Готторма^б Гуннар убивает Сигурда. Брюнхилд сжигает себя на его погребальном костре.]

XXXIII. ПРОСЬБА БРЮНХИЛД

— Прошу я тебя, Гуннар, последнюю просьбой: прикажи воздвигнуть большой костер на ровном поле для всех нас — для меня и для Сигурда, и для тех, что вместе с ним были убиты. Вели устлать его тканью, обогрелой человеческой кровью, и сжечь меня рядом с гуннским конунгом, а по другую сторону — моих людей (двоих в головах, двоих в ногах) и двух соколов; так будет все по обряду. Положите между нами обнаженный меч, как тогда, когда мы вошли на одно ложе и назвали именем супругов, и не упадет ему тогда дверь^в на пятки, если я за ним последую, и не жалкая у нас будет дружина, если пойдут за нами пять служанок и восемь слуг, что отец мой дал мне, да еще сожжены будут те, кто убит вместе с Сигурдом. Больше хотела бы я сказать, если бы не была ранена; но теперь рана прорвалась и вскрылась. Сказала я истину.

Снарядили тут тело Сигурда по старинному обычаю и воздвигли высокий костер, а когда он слегка разгорелся, возложили на него тело Сигурда Фафниробойцы и сына его трехлетнего, которого Брюнхилд велела убить, и Готторма. Когда же запылал костер сверху донизу, взошла на него Брюнхилд и сказала своим девушкам, чтобы они взяли золото то, что она им подарила. И тут умерла Брюнхилд и сгорела вместе с Сигурдом, и так завершился их век.

^а Свита из стали — метафорическое обозначение брони.

^б Речь идет о двери подземного царства мертвых.

[Вторичное замужество Гудрун с Атли (Аттилой), приезд к ней братьев и их гибель даны в ином освещении чем в «Песни о Нибелунгах». Гудрун не только не предает братьев, но выступает мстительницей за них, убивая Атли и сжигая его дружину. Последние главы саги посвящены трагической гибели детей Гудрун: растоптанной конями прекрасной Сванхилд и побитых камнями братьев ее.]

САГА О ФРИДТЙОФЕ¹

Сложившаяся в конце XIII — начале XIV в. «Сага о Фридтйофе Смелом» относится к ряду более поздних скандинавских саг. Сага сохранилась в двух редакциях — более древней и краткой (А) и более поздней и распространенной (В); именно в последней редакции особенно ярко выступают черты художественного метода, выделяющие «Сагу о Фридтйофе» среди «саг былых времен»: реалистичность изображения, четкость и стройность композиции, строгость стиля. Эта редакция и дана в предлагаемом переводе.

[О СМЕРТИ КОНУНГА БЕЛИ И ТОРСТЕЙНА ВИКИНГССОНА И ИХ ДЕТЯХ]²

Так начинают эту сагу: Бели-конунг правил Сюгнафюльки². У него было трое детей. Хельги звали одного сына, другого — Хальфдан, а дочь — Ингибйорг. Ингибйорг была хороша собой и разумна. Она была лучшее дитя конунга.

Вдоль фьорда по западной стороне тянулся берег. Там было большое селение. Это селение называлось Бальдрсхаги³. Там было мирное убежище и обширный храм и высокий тын вокруг. Там было много богов, всех же более чтили Бальдра. Язычники так уважали святость этого места, что там нельзя было причинять вреда ни животным, ни людям. Никаких сношений не смели мужчины иметь там с женщинами.

Сюрстрандом назывался участок, которым владел конунг, а по ту сторону фьорда стояло селение, и называлось оно Фрамнес. Там жил муж, которого звали Торстейн, и был он сыном Викинга. Его селение стояло против конунгова. Торстейн от жены своей имел сына, которого звали Фридтйоф. Он был из всех мужей самый рослый и сильный и был хорошо подготовлен к доблестным делам уже в юности. Его прозвали Фридтйофом Смелым. Он был так любим, что все желали ему добра.

Дети конунга были еще малолетни, когда скончалась их мать. Хильдингом звали доброго бонда⁴ в Согне. Он вызвался взять на воспитание дочь конунга. Была она воспитана у него хорошо и заботливо. Ее прозвали Ингибйорг Прекрасной. Фридтйоф был также на воспитании у бонда Хильдинга³, и стал он (по воспитанию) побратимом дочери конунга, и выделялись они из всех детей.

У конунга Бели стало убывать движимое добро, потому что он состарился. Торстейн имел в своем ведении треть государства, и был он

¹ Для удобства анализа текст обычно разбивается на главы подзаголовками, отсутствующими в рукописях.

² Букв. «роща Бальдра».

³ Бонд — свободный землевладелец незнатного рода.

главную опору конунга. Торстейн давал конунгу роскошный пир каждый третий год, а конунг давал пир Торстейну каждые два года. Хельги Белесон^{*} рано сделался великим жрецом. Не были он и брат его любимы народом.

У Торстейна был корабль, который звали Эллиди. Там гребли пятнадцать человек на каждом борту. У него были круто выгнутые штевни, и был он крепок, как морское судно. Борт был обит железом. Так силен был Фридтйоф, что он греб двумя веслами на носу Эллиди, а каждое было длиною в тринадцать локтей; а за каждое из прочих весел бралось по два человека. Фридтйоф считался первым из молодых мужей того времени. Завидовали сыновья конунга, что его хвалили более их.

Вот Бели-конунг занемог, и когда стал терять силы, призвал он сыновей своих и молвил им: «От этой болезни будет мне смерть. А потому прошу вас, сохраняйте дружбу с теми, кто были мне друзьями, потому что мне кажется, что отец с сыном, Торстейн и Фридтйоф, будут вам нужны и для совета, и для дела. Курган должны вы насыпать надо мной». После того Бели умер.

После этого занемог Торстейн. Тогда он молвил Фридтйофу, сыну своему: «Прошу тебя, оказывай покорность сыновьям конунга, так как это подобает их сану; впрочем, я предчувствую, что ты будешь счастлив. Желаю, чтоб меня похоронили против самого кургана Бели, по сю сторону фьорда, у моря. Будет нам тогда привольно переключаться о предстоящих событиях».

Бйорном и Асмундом звали побратимов Фридтйофа. Они были рослые мужи и сильные.

Вскоре Торстейн скончался. Он был похоронен, как он приказал, а Фридтйоф наследовал его землю и движимость.

[ФРИДТЙОФ СВАТАЕТСЯ ЗА ИНГИБЙОРГ, СЕСТРУ КОНУНГОВ]

Фридтйоф стал знаменитейшим мужем и вел себя храбро во всех воинских делах. Бйорн, побратим его, был ему особенно дорог; Асмунд же служил им обоим. Корабль Эллиди был лучшим сокровищем, доставшимся ему после отца, и вторым сокровищем было золотое кольцо. Не было другого дорожее в Норвегии.

Фридтйоф был так щедр, что большинство людей ставило его не ниже обоих братьев, находя, что ему недоставало только сана конунга. За это Хельги и Хальфдан прониклись ненавистью и враждой к Фридтйофу и досадовали, что молва отдавала ему преимущество перед ними; притом же казалось им, что Ингибйорг, сестра их, и Фридтйоф имели склонность друг к другу.

^{*} Сын Белли.

Случилось, что конунги поехали на пир к Фридтйофу во Фрамнес, и он, по обыкновению, угостил их лучше, чем они были достойны. Ингибйорг также была там, и Фридтйоф долго разговаривал с нею. Дочь конунга молвила ему: «Ты имеешь хорошее золотое кольцо». — «Верно это», — сказал Фридтйоф. После того братья отправились домой, и росла их зависть к Фридтйофу.

Вскоре Фридтйоф стал очень грустен. Бйорн, побратим его, спросил, какая тому причина. Он сказал, что у него на сердце разыгралось желание свататься за Ингибйорг; «хотя я и ниже по званию, чем братья ее, все же мне кажется, что я не ниже по достоинству». Бйорн сказал: «Сделаем так». Потом поехал Фридтйоф с несколькими из своих мужей к братьям. Конунги сидели на кургане своего отца. Фридтйоф приветствовал их учтиво и потом высказал свою просьбу, сватался за сестру их Ингибйорг. Конунги отвечают: «Неразумно ты требуешь, чтоб мы выдали ее за незнатного мужа, отказываем мы в этом решительно». Фридтйоф отвечает: «В таком случае скоро сделано мое дело. Но это отплатится тем, что я никогда уже не окажу вам помощи, хотя бы вы в ней и нуждались». Они сказали, что не будут тужить о том. Поехал Фридтйоф домой после этого и стал снова весел.

[КОНУНГ ХРИНГ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ СЫНОВЬЯМ БЕЛИ]

Хрингом звали одного конунга. Он правил Хрингарики; это было в Норвегии. Он был могущественный областной конунг и доблестный муж, к тому времени достигший уже преклонного возраста. Он молвил своим мужам: «Я слышал, что сыновья конунга Бели поссорились с Фридтйофом, одним из славнейших мужей. Теперь хочу отправить послов к конунгам и объявить им, что или они должны покориться мне и платить дань, или я пойду на них войною. И это будет мне легко, так как они не могут сравниться со мною ни числом войска, ни разумом. Все же мне было бы великою славою на старости лет победить их». После того отправились послы конунга Хринга к братьям и сказали так: «Хринг-конунг велит вам объявить, чтобы вы прислали ему дань, а не то он опустошит ваше государство». Они отвечали, что не намерены в молодые годы учиться тому, чего не желают знать в старости, — позорно служить ему. «Нужно ныне собрать рать, какую можем добыть». Так и было сделано. Но когда им показалось, что рать их мала, послали они воспитателя Хильдинга к Фридтйофу, и должен он был просить его приехать на помощь к конунгам.

Фридтйоф сидел за игральной доской⁴, когда Хильдинг вошел. Он молвил так: «Конунги наши шлют тебе поклон и хотят твоей помощи в войне против Хринга-конунга, который хочет нагло и несправедливо вторгнуться в их государство». Фридтйоф не отвечает ему ничего и молвил Бйорну, с которым играл: «Слабое место вот здесь, побратим. Но ты не переменай хода. Лучше я нападу на красную шашку и посмотрю,

защищена ли она». Хильдинг молвил тогда снова: «Хельги-конунг просил сказать тебе, Фридтйоф, чтобы ты также шел в поход, иначе тебе будет плохо, когда они воротятся». Бйорн молвил тогда: «Тут сомнительно, как поступить, побратим, и сыграть можно двояко». Фридтйоф сказал: «Тогда разумнее напасть прежде на главную шашку, и сомнению будет конец». Не получил Хильдинг иного ответа. Он поспешно поехал назад к конунгам и передал им речи Фридтйофа. Они спросили Хильдинга, как он разумеет эти слова. Хильдинг сказал: «Говоря про слабое место, он намекал, конечно, на свое неучастие в вашем походе. А когда собирался напасть на красную шашку, то выразил намерение идти к Ингибйорг, сестре вашей. Берегите же ее хорошенько. Когда я грозил ему вашим гневом, то Бйорн увидел в деле сомнение, а Фридтйоф сказал, что лучше прежде напасть на главную шашку. Тут он разумел конунга Хринга».

После того они стали снаряжаться и велели заблаговременно отправив Ингибйорг с восемью девушками в Бальдрсхаги. Сказали, что Фридтйоф не может быть таким дерзким, чтобы он поехал туда на свидание с нею: «ибо нет никого столь дерзкого, чтобы делать там зло». И братья отправились на юг к Ядару и нашли Хринга-конунга в Сокарсунде. Конунг же Хринг был особенно раздражен тем, что братья сказали, что им казалось позорным сражаться с таким старым человеком, который не может сесть верхом на лошадь, если его не подсаживают.

[ПОЕЗДКИ ФРИДТЙОФА В БАЛЬДРСХАГИ]

Только что конунги отправились, Фридтйоф надел свое парадное платье, а на руку свое доброе золотое кольцо. Потом побратимы пошли к морю и спустили Эллиди. Бйорн молвил: «Куда держать путь, побратим?» Фридтйоф молвил: «К Бальдрсхаги, чтоб весело провести время с Ингибйорг». Бйорн молвил: «Не следует накликать на себя гнев богов». Фридтйоф отвечает: «Отважусь на это; мне важнее ласка Ингибйорг, чем гнев Бальдра». После того они переправились на веслах через фьорд и пошли в Бальдрсхаги в палату Ингибйорг. Она сидела там с восемью девушками. Их было тоже восемь. Когда они вошли туда, все было там убрано паволоками и дорогими тканями. Ингибйорг встала и молвила: «Как ты столь дерзок, Фридтйоф, что приходишь сюда вопреки запрещению моих братьев и тем раздражаешь против себя богов?» Фридтйоф сказал: «Что бы ни случилось, твоя любовь мне важнее, чем гнев богов». Ингибйорг отвечает: «Будь тогда моим дорогим гостем со всеми твоими мужами». Потом она посадила его возле себя и пила за его здоровье лучшее вино, и так они сидели и весело проводили время. Тут увидела Ингибйорг доброе кольцо на руке его и спрашивает, ему ли принадлежит сокровище. Фридтйоф сказал, что ему. Она много хвалит кольцо. Фридтйоф промолвил: «Я дам тебе кольцо, если ты обещаешь

не выпускать его из рук и прислать мне назад, когда не захочешь более иметь его. И таким образом мы дадим друг другу обет верности». При этой помолвке они поменялись кольцами. Фридтйоф часто бывал по ночам в Бальдрсхаги и между тем ездил туда каждый день и весело проводил время с Ингибйорг.

[Меж тем братья Ингибйорг, увидев перевес сил у Хринга, решили покончить с ним дело миром, выдав за него сестру. Вернувшись в свои владения, Хельги и Хальфдан устали Фридтйофа собирать дань на Оркнейские острова, поклявшись охранять его имение; когда же он уехал, они спалили его добро и призвали колдуний, чтоб «накликать на Фридтйофа и мужей его такую непогоду, от которой бы все погибли в море».]

[ПЛАВАНЬЕ ФРИДТЙОФА К ОРКНЕЙСКИМ ОСТРОВАМ]

Только что Фридтйоф со своими людьми вышел из Согна, посвежел ветер и сделалась сильная буря. Поднялась тогда большая волна. Понесся корабль очень быстро, ибо он был легок на ходу и лучшего не могло быть на море. Тогда Фридтйоф запел песню:

«Выбежал в волны из Согна
Ветра конь^а осмоленный,
А в Бальдрсхаги брагу
Белые пили невесты.
Вот свирепеет ветер;
Пусть вал чрез Эллиди хлещет,—
День вам добрый все же,
Девы, что ласковы с нами!»

Бйорн промолвил: «Лучше бы тебе заняться другим делом, чем петь о девах Бальдрсхаги». — «От того не стало бы тише», — сказал Фридтйоф. Вот их понесло на север к проливу между островами, которые называются Солундами. Был тогда ветер всего сильнее. Тогда запел Фридтйоф:

«Мощно вздулось море, Мечет волны к тучам, Действуют древние чары, Движут глубь морскую.	С Эгием ^б буйным биться В бурю такую не буду, Лучше в Солундах льдистых Людам укрыться ныне».
---	---

Они пристали к Солундским островам и решились там обождать, и тогда погода утихла. Тогда они переменили намерение и отчалили от острова. Плавание казалось им приятным, ибо ветер сначала был попутный. Но вот ветер стал крепчать. Тогда запел Фридтйоф:

^а *Конь ветров* — корабль.

^б *Эгир (Эгий)* — бог моря.

«В Фрамнесе прежде
 Чрез фьорд я ездил,—
 Чтоб Ингибйорг видеть,—
 На веслах, бывало,

Парусом в стужу
 Правлю ныне,
 Гоню по зыби
 Зверя морского».

И когда они отплыли далеко от земли, море во второй раз сильно взволновалось, и сделалась великая буря с такою снежною метелью, что от одного штевня не виден был другой. И так стало заливать корабль, что нужно было беспрестанно черпать воду. Тогда запел Фридтйоф:

«Даже друг друга не видно,
 В диком море ныне
 Мы, дружинники-мужи,—
 Во мгле колдовской погоды.

Торопятся вычерпать воду
 Воины, все восемнадцать,
 Славные Эллиди стражи;
 Солунды из виду скрылись».

Бйорн молвил: «Многое увидит, кто далеко поедет». — «Правда, обратим», — сказал Фридтйоф и запел:

«Вызваны волей Хельги
 Волны с инеем в гривах.
 То не в Бальдрсхаги
 Белой девы лобзанья!

Менее Ингибйорг, мнится,
 Милостив с нами конунг;
 Если б мог, то ей лишь
 Я б свое счастье вверил».

«Может быть, — говорит Бйорн, — она желает, чтоб тебе было лучше теперешнего. Все же и это теперь неплохо». Фридтйоф сказал, что представился случай испытать добрых спутников, хотя приятнее было бы в Бальдрсхаги. Они принялись за работу бойко, ибо тут сошлись все могучие мужи, и корабль был из лучших, какие виданы в северных странах. Фридтйоф запел песню:

«Даже друг друга не видим;
 В дальнем мы западном море.
 Так стало, точно сеют
 Тлеющий пепел по водам.

Волн лебединые взлеты
 Все выше курган вздымают.
 Вот бурей Эллиди брошен
 На буйный вал отвесный».

[Буря продолжала бушевать со страшной силой, но ничто не могло сломить стойкости Фридтйофа и его мужей. Наконец, храбрые витязи благополучно пристали к одному из Оркнейских островов. Здесь они были радушно встречены ярлом^{*} Ангантюром, другом покойного отца Фридтйофа. Они остались у него на зиму и были хорошо почтены ярлом.]

^{*} Ярл — у древних скандинавов человек знатного рода; позднее (с конца IX в.) — наместник короля в большой области.

[КОНУНГ ХРИНГ ПОЛУЧАЕТ ИНГИБЙОРГ]

Теперь нужно сказать о том, что происходило в Норвегии после отъезда Фридтйофа. Братья велели сжечь все строения во Фрамнесе; между тем колдовавшие сестры свалились с колдовских подмоствок и обе переломили себе спину. В ту осень конунг Хринг приехал на север в Согн, чтобы жениться, и был великолепный пир, когда он праздновал свою свадьбу с Ингибйорг. Он спрашивает Ингибйорг: «Как тебе досталось доброе кольцо, что у тебя на руке?» Она сказала, что оно прежде принадлежало отцу ее. Конунг сказал: «Это дар Фридтйофа, и ты его сейчас же сними с руки: у тебя не будет недостатка в золоте, когда ты приедешь в Альфхейм». Тогда она отдала кольцо жене Хельги и просила передать его Фридтйофу, когда он воротится. Хринг-конунг отправился тогда домой с женою своею и очень полюбил ее.

[ФРИДТЙОФ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ДАНЫЮ]

Следующею весною уехал Фридтйоф с Оркнейских островов, и расстались они с Ангантюрором в дружбе. Хальвард отправился с Фридтйофом. А когда они прибыли в Норвегию, узнал он, что жилье его сожжено, и когда он прибыл во Фрамнес, молвил Фридтйоф: «Почернело мое жилище, и недруги побывали здесь», — и он пропел песню:

«Во Фрамнесе раньше
Ратные мужи
С отцом моим пиво
Пили, бывало.

Вижу двор тот
Выжженным ныне:
Воздать за ковы
Я конунгам должен».

Тогда он стал советоваться со своими мужами, что ему предпринять; но они просили, чтоб он сам подумал о том. Он сказал, что прежде всего хочет вручить дань. Они поплыли на веслах через фьорд в Сюрстранд. Там услышали они, что конунги Бальдрсхаги при жертвоприношении Дисам^а. Фридтйоф отправился туда с Бйорном, Хальварду же и Асмунду поручил потопить между тем все суда, большие и малые, стоявшие поблизости; так они и сделали. Потом Фридтйоф и Бйорн пошли к воротам Бальдрсхаги. Фридтйоф хотел войти. Бйорн просил его поступать осторожно, когда он захотел войти один. Фридтйоф попросил его остаться перед входом на страже и запел:

^а Дисы — женские божества.

Во дворе к владыкам
Днесь один я
— Помощь излишня —
Путь свой направлю.

Киньте огня вы
На княжеский двор,
Коль вечером к вам я
Не выйду боле».

Бйорн отвечал: «Хорошо сказано!» Здесь Фридтйоф вошел и увидел, что в палате Дис немного народу. Конунги были при жертвоприношении Дисам, сидели и пили. На полу был разложен огонь, а перед огнем сидели женщины и грели богов; другие мазали их и тканями вытирали. Фридтйоф подошел к конунгу Хельги и сказал:

«Теперь ты, конечно, желаешь получить дань». Тут он замахнулся кошельком, в котором было серебро, и ударил конунга по носу так сильно, что у него вывалилось изо рта два зуба, а сам он упал с седалища в беспамятстве. Хальфдан подхватил его так, что он не упал в огонь. Тогда Фридтйоф пропел песню:

«Зубами взять ты,
Вождь дружины,
Передними должен
Дань дорогию!

Кошель сей светлым
Серебром полон,
Что добыто было
Бйорном и мною».

В той палате было немного людей, потому что пили в другом месте. Отходя от стола, Фридтйоф увидел дорогое кольцо на руке у жены Хельги, которая грела Бальдра перед огнем. Фридтйоф схватил кольцо, но оно крепко держалось у нее на руке, и он потянул ее по полу к двери; тогда Бальдр упал в огонь. Жена Хальфдана быстро схватила ее, и тогда бог, которого она грела, также упал в огонь. Пламя охватило обоих богов, перед тем обмазанных, и потом ударило в крышу, так что весь дом запылал. Фридтйоф завладел кольцом, прежде чем он вышел. Тогда Бйорн спросил его, что случилось при нем в храме, а Фридтйоф поднял кольцо и пропел песню:

«В нос негодному Хельги
Нанес удар кошелем я, —
Разом Хальфдана родич
Рухнул с почетного места.

Пал сам Бальдр тут в пламя,
Но прежде взял я запястье.
Головню из пламени после
Поднял, нагнувшись быстро».

Люди говорят, что Фридтйоф закинул горящую головню на покрытую берестой кровлю, так что зал запылал весь. И он запел песню:

«Пустимся ныне к берегу;
Мы после предпримем подвиг;
Резво синее пламя
Роется в Бальдрсхаги».

[Оскорбленный Фридтйоф покидает отчизну и становится морским воителем — викингом; но память об Ингибйорг не оставляет его, и через четыре года он тайно приходит во владение Хринга.]

[ФРИДТЙОФ У КОНУНГА ХРИНГА И ИНГИБЙОРГ]

Осенью Фридтйоф поехал в Упланд, так как он хотел увидеть любовь Хринга-конунга и Ингибйорг. Перед приездом туда он надел сверх платья широкую шубу и был весь космат; у него были две палки в руках, а на лице маска, и он притворился очень старым. Потом встретил он мальчиков-пастухов, приблизился нерешительно и спрашивает: «Откуда вы?» Они ответили: «Мы живем в Стрейталанде, близ конунгова жилища». Старик спрашивает: «Что, Хринг — могущественный конунг?» Они отвечали: «Нам кажется, ты уже так стар, что мог бы и сам знать все, что касается конунга Хринга». Старик сказал, что он более заботится о выварке соли, чем о делах конунгов. Потом он отправился к палате и под вечер вошел в палату и представился очень жалким и, заняв место у двери, надвинул капюшон на голову и спрятался под ним. Хринг-конунг молвил Ингибйорг: «Там вошел в палату человек, ростом гораздо выше других». Королева отвечает: «Тут нет ничего необыкновенного». Тогда конунг сказал молодому служителю, стоявшему у стола: «Поди спроси, кто этот человек в шубе, откуда он и какого он рода». Юноша побежал к пришелице и сказал: «Как тебя зовут, старик? Где ты ночевал, откуда ты родом?» Человек в шубе отвечал: «Много зараз ты спрашиваешь, юноша, но сумеешь ли отдать отчет во всем, что я тебе скажу?» — «Сумею», — отвечал тот. Человек в шубе сказал: «Вором^{*} меня зовут; у Волка был я этой ночью, а в Скорби был я вскормлен». Слуга побежал к конунгу и передал ему ответ пришелицы. Конунг сказал: «Ты хорошо понял, юноша! Я знаю округ, который зовут «Скорбь», возможно также, что этому человеку невесело жить на свете. Он, наверное, умный человек и мне нравится». Королева сказала, что странен такой обычай, «что ты столь охотно разговариваешь со всяким, кто сюда придет. Чего же в этом человеке хорошего?» Конунг молвил: «Тебе это не лучше известно. Я вижу, что он думает про себя более, чем говорит, и зорко осматривается кругом». После того конунг велел позвать его к себе, и человек в шубе приблизился к конунгу, совершенно сгорбившись, и приветствовал его тихим голосом. Конунг сказал: «Как зовут тебя, великий муж?» Человек в шубе в ответ пропел песню:

«Как Фридтйоф ведом
Викингам был я,

Но как Хертйоф — слезы
Слал я вдовам,

^{*} Непереводимая игра слов: «вор» по-древнеисландски — «тйоф».

По шхерам грабить.
 Как Хунтйоф^a — хватал я
 Зверенышей хищных,
 Как Вальтйоф — был я.
 Как Гейртйоф — метал я
 Грозные копыя.
 Как Гунтйоф — нес я

Гибель ратям,
 Как Эйртйоф — шел я
 В битвах страшен.
 Но с солеварами, старый,
 Странствовать стал я,
 Беспомощный, прежде
 Чем прибыл сюда.

Конунг молвил: «От многого принял ты название вора, но где ты ночевал и где твое жилище? где ты вскормлен и что привело тебя сюда?» Человек в шубе отвечает: «В Скорби я вскормлен, у Волка я ночевал, желание привело меня сюда, жилища не имею». Конунг ответил: «Может быть, ты несколько времени питался в Скорби, но возможно также, что ты родился в Мире^b. Ты должен был ночевать в лесу, ибо здесь поблизости нет поселянина, которого звали бы Волком. А что ты говоришь, будто у тебя нет жилища, так это, может быть, потому, что оно для тебя мало имеет цены в сравнении с желанием, привлечшим тебя сюда». Тогда промолвила Ингибйорг: «Поди, Тйоф, на другое угощение или в гридню^c». Конунг сказал: «Я уж достиг таких лет, что сам могу назначать место своим гостям. Скинь с себя шубу, пришелец, и садись по другую сторону возле меня». Королева отвечает: «Да ты от старости впал в детство, что сажаешь нищих подле себя». Тйоф молвил: «Не подobaет, государь; лучше сделать так, как говорит королева, ибо я более привык варить соль, нежели сидеть у вождей». Конунг сказал: «Сделай, как я приказываю, ибо хочу поставить на своем». Тйоф сбросил с себя шубу, и был под нею темно-синий кафтан, и на руке доброе кольцо; стан был обтянут тяжелым, серебряным поясом, за которым был большой кошель с светлыми серебряными деньгами, а на бедре висел меч. На голове он носил большую меховую шапку; у него были очень глубокие глаза и все лицо обросло волосами. «Вот так лучше, — говорит конунг. — Ты, королева, припаси ему хороший и приличный плащ». Королева сказала: «Ваша воля, государь! а мне дела нет до этого вора». Потом ему принесли прекрасный плащ и посадили его на почетное место возле конунга. Королева покраснела, как кровь, когда увидела доброе кольцо; однако же не захотела ни единым словом обменяться с гостем.

^a Ответ Фридтйофа построен на неперебиваемой игре слов; заменяя первую часть своего имени «мир» (fridh) словами «рать» (her), «копье» (geir), «битва» (gipn), «остров» (ey), «медвежонок» (hun), «павшие в битве» (Val), он намекает на совершенные им подвиги.

^b Неперебиваемая игра слов (мир — «фрид»), которой Хринг дает понять Фридтйофу, что он узнан.

^c Буквально gestaskali — особое строение, бывшее у богатых людей, куда отсылались незначительные гости, которых не принимали в главной палате.

Конунг же был очень ласков к нему и молвил: «У тебя на руке доброе кольцо, и, конечно, ты долго варил соль, чтобы добыть его». Тот отвечал: «Это — все мое наследство после отца». — «Может быть, — сказал конунг, — у тебя не более этого, но я думаю, что мало равных тебе солеваров, если только старость не слишком затемняет глаза».

Тйоф прожил там всю зиму и был радушно угощаем и всеми любим; он был ласков и весел со всеми. Королева редко с ним говорила, но конунг всегда был к нему приветлив.

[КОНУНГ ХРИНГ ЕДЕТ В ГОСТИ]

Случилось однажды, что Хринг-конунг собрался ехать на пир, а также и королева, со многими мужами. Конунг сказал Тйофу: «Хочешь ли ты ехать с нами или останешься дома?» Тот отвечал, что лучше поедет. «Это мне более нравится», — сказал конунг. Они отправились и в одном месте должны были ехать по льду. Тйоф сказал конунгу: «Лед кажется мне ненадежен, и мы здесь неосторожно поехали». Конунг сказал: «Часто бывает видно, что ты о нас заботишься». Вскоре лед под ними проломился. Тйоф подбежал и рванул к себе повозку со всем, что было на ней и внутри ее. Конунг и королева сидели в ней оба; все это и лошадей, запряженных в повозку, он вытащил на лед. Хринг-конунг сказал: «Ты славно вытащил нас, и сам Фридтйоф Смелый не сильнее потянул бы, если б он был здесь; вот какво иметь удалых спутников». Приехали они на пир; там ничего особенного не случилось, и конунг отправился домой с почетными дарами.

[КОНУНГ ХРИНГ В ЛЕСУ]

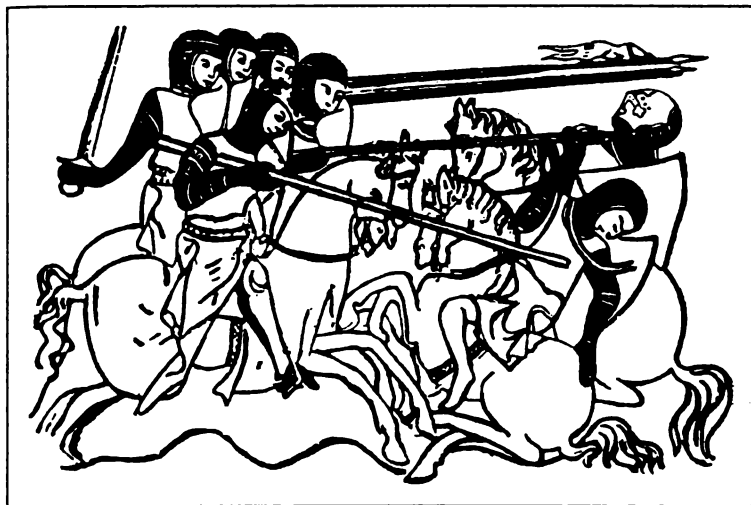
Проходит зима, и когда наступает весна, погода начинает улучшаться и лес зеленеть, а трава расти, и корабли могут ходить между странами.

Однажды конунг Хринг говорит своим людям: «Желаю, чтобы вы сегодня поехали со мною в лес погулять и полюбоваться прекрасными местами». Так и сделали; множество людей отправилось с конунгом в лес. Случилось, что конунг и Фридтйоф очутились вместе в лесу вдаль от других мужей. Конунг говорит, что чувствует усталость: «Хочу соснуть». Тйоф отвечает: «Поезжайте домой, государь! Это знатному мужу приличнее, чем лежать под открытым небом». Конунг молвил: «Этого бы мне не хотелось». Потом он лег на землю и крепко уснул и громко захрапел. Тйоф сидел около него и вынул меч из ножен и бросил его далеко прочь от себя. Через несколько мгновений конунг приподнялся и сказал: «Не правда ли, Фридтйоф, что многое приходило тебе на ум, против чего ты однако ж устоял? За это будет тебе у нас большой

почет. Я тотчас же узнал тебя в первый вечер, когда ты вошел в нашу палату, и мы не скоро тебя отпустим; может быть, тебе предстоит здесь что-нибудь великое». Фридтйоф сказал: «Угощали вы меня, государь, хорошо и приветливо, а теперь мне в путь пора скорее, так как дружина моя придет вскоре ко мне навстречу, как я раньше распорядился». Затем они верхом поехали домой из лесу. К ним присоединилась челядь конунга, и они возвратились в палату и пировали вечером. Тогда народу стало известно, что Фридтйоф Смелый прогостил у них зиму.

[Тронутый верностью Фридтйофа, престарелый Хринг завещает ему свое королевство и жену, поручая ему и опеку над своими несовершеннолетними сыновьями. Фридтйоф побеждает братьев Ингибйорг и в счастье проводит конец своей жизни.]

И здесь заканчивают ныне сагу о Фридтйофе Смелом.

Провансальская литература

ЛИРИКА ТРУБАДУРОВ

В XI—XII вв. Прованс переживал большой экономический и культурный подъем. Именно в Провансе при дворах феодальных сеньоров впервые возникла куртуазная поэзия, представлявшая собой характерное выражение новой, светской рыцарской культуры, которая требовала от феодальной аристократии «куртуазного» (изысканного, вежливого) поведения, воспитанности и умения служить «прекрасным дамам». Культ дамы занимает центральное место в творчестве провансальских поэтов — трубадуров (от прованс. *trobar* — находить, изобретать, сочинять), среди которых преобладали рыцари и представители феодальной знати. Певец признавал себя вассалом дамы, которой обычно являлась замужняя женщина, жена его сеньора. Он воспевал ее достоинства, красоту и благородство; он прославлял ее господство и «томился» по недостигаемой цели. Его «любовь» была неотделима от «страдания», но это было «сладостное» страдание. Конечно, во всем этом было много условного, куртуазное «служение» зачастую оказывалось лишь проявлением придворного этикета. Однако нередко за условными формами рыцарского служения таилось неподдельное индивидуальное чувство, которое в условиях феодального быта, когда заключение брака основывалось на материальных, сословных и фамильных интересах, могло найти себе выражение лишь за пределами брачных отношений.

В качестве лирики индивидуального чувства поэзия провансальцев проторяла путь поэзии «Нового сладостного стиля» (см. раздел «Итальянская литература») и лирике эпохи Возрождения. Возникла поэзия трубадуров, видимо, из народных провансальских хороводных песен, широко разрабатывавших любовную тему. На связь с народной поэзией указывают, например, обычные в лирике трубадуров «природные зачины» (описание весны, возрождающей природы). Однако со временем поэзия трубадуров далеко отошла от простоты и безыскусственности народной песенной лирики. Трубадуры хотели быть виртуозами стиха. Они умножали строфические формы, большое внимание уделяли искусству рифмовки. По словам А. С. Пушкина, «поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке, сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов... Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы» («О поэзии классической и романтической», 1825). Результатом этого явилась большая вычурность провансальской поэзии, чрезмерное нагнетание стихотворной формы при известной ограниченности поэтического содержания. Зародившись в конце XI в., поэзия трубадуров наивысшего расцвета достигла в XII в. В начале XIII в. начался ее упадок, усугубленный так называемыми альбигийскими войнами (1209—1229), приведшими к завоеванию Прованса французскими феодалами.

Важнейшими жанрами, культивировавшимися трубадурами XI—XIII вв., являются: **кансона** (или **канцона**) (*cansos* или *chansons*) — песня, ограниченная в своей тематике любовными или религиозными темами и отличающаяся изысканным и сложным строением строфы, соединяющей часто стихи различной длины;

сирвента (*sirventes*) — строфическая песня, разрабатывающая темы политические или общественные, а также часто содержащая личные выпады поэта против его врагов;

плач (*planh*), приближающийся к сирвенте, выражает печаль поэта по поводу смерти какого-либо важного сеньора или близкого ему человека;

альба (*alba* — «утренняя заря») — строфическая песня, рисующая расставание влюбленных утром, после тайного свидания; часто альба получает форму диалога;

пасторела (*pastorela* или *pastoreta*) — лирическая пьеса, изображающая встречу рыцаря с пастушкой и их спор; чаще всего пасторела представляет стихотворный диалог, которому предпослано небольшое введение, описывающее ситуацию встречи;

тенсона (*tensos* — «спор» или *joc pastitz* — «разделенная игра», или *partimens* — «раздел») является стихотворным диалогом двух поэтов и представляет собой диспут на темы любовные, поэтические или философские;

баллада (*balada*) — плясовая песня, обычно сопровождаемая припевом.

Формы провансальской лирики отличаются большой изысканностью; стих построен на определенном числе слогов и ритмическом движении, создаваемом распределением ударений (чаще всего встречается ямбический ход); рифма — притом рифма точная — обязательна, причем она может связывать между собой как стихи одной строфы, так и соответствующие стихи разных строф; строфика необычайно разнообразна, число стихов в строфе и строф в стихотворении не ограничено никакими правилами.

Большая часть лирических произведений, дошедших до нас, приписывается определенным трубадурам; в общем рукописи сохранили около 500 имен, из них около 40 — наиболее знаменитых. Однако о большей части этих поэтов не сохранилось точных сведений: так называемые биографии трубадуров, которые начинают составляться в XIII в., представляют в значительной своей части художественный вымысел.

АЛЬБА

Анонимная песня XII в.

Боярышник листвою в саду поник,
Где донна с другом ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

— Ах, если б ночь господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж^{*} забыл свой утренний сигнал...
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

* Страж (*gaita*) — обязательное действующее лицо альбы; иногда (как в данном случае) это сторож замка, пробуждающий своей утренней песней его жителей, иногда это верный друг рыцаря (как в альбе Гираута де Борнейля), напоминающий влюбленным о необходимости расстаться.

Под пенье птиц сойдем на этот луг.
Целуй меня покрепче, милый друг, —
Не страшен мне ревнивый мой супруг!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Продолжим здесь свою игру, дружок,
Покуда с башни не запел рожок:
Ведь расставаться наступает срок.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

Как сладко с дуновеньем ветерка,
Струящимся сюда издалека,
Впивать дыханье милого дружка!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

Красавица прелестна и мила.
И нежною любовью расцвела,
Но, бедная, она невесела, —
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

БАЛЛАДА

Анонимная песня XII в.

Баллада связана с весенними обрядами — с выборами в качестве «королевы весны» самой красивой из девушек и с плясками вокруг майского (апрельского в Провансе) дерева.

¹ Все цветет! Вокруг весна!
— Эйя! —
Королева влюблена
— Эйя! —
И, лишив ревнивца сна,
— Эйя! —
К нам пришла сюда она,
Как сам апрель, сияя.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

² Ею грамота дана,
— Эйя! —

Чтобы, в круг вовлечена,
— Эйя! —
Заплясала вся страна
— Эйя! —
До границы, где волна
О берег бьет морская.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс!

³ Сам король тут, вот те на!
— Эйя! —
Поступь старца неверна,
— Эйя! —
Грудь тревогою полна,
— Эйя! —
Что другому суждена
Красавица такая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

⁴ Старца ревность ей смешна,
— Эйя! —
И любовь его скучна,
— Эйя! —
В этом юноши вина,
— Эйя! —
У красавца так стройна
Осанка молодая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

⁵ Хороша, стройна, видна, —
— Эйя! —
Ни одна ей не равна
Красавица другая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Маркабрюн

Вымышленные биографии подчеркивают неаристократический характер поэтических произведений, связанных с именем этого трубадура (около 1140—1185); особенно характерно для него отрицательное отношение к куртуазному служению даме, как к делу безнравственному и постыдному.

ПАСТОРЕЛА

Приводимая пасторела, представляющая спор рыцаря с пастушкой, является наиболее типической для жанра; встречаются, однако, и другие формы, более дидактические, где рыцарь ведет беседу не с пастушкой, а с пастухом.

Встретил пастушку вчера я,
Здесь, у ограды, блуждая.
Бойкая, хоть и простая,
Мне повстречалась девица,

Шубка на ней меховая.
И кацавейка цветная,
Чепчик — от ветра прикрыться.

К ней обратился тогда я:
— Милочка!* Буря, какая!
Вьюга взметается злая!

— Дон! — отвечала девица, —
Право, здорова всегда я,
Сроду простуды не зная.
Вьюга пускай себе злится!

— Милочка! Лишь за цветами
Шел я, но вдруг будто в раме
Вижу вас между кустами.
Как хороши вы, девица!

Скучно одной тут часами,
Да и не справитесь сами —
Стадо у вас разбежится!

— Дон! Не одними словами,
Надо служить и делами
Донне, восславленной вами.
Право, — сказала девица, —
Столько забот со стадами!
С вами пустыми речами
Тешиться мне не годится.

— Милочка, честное слово,
Не от виллана простого,
А от сеньора молодого
Мать родила вас, девица!
Сердце любить вас готово,
Око все снова и снова
Смотрит — и не наглядится.

— Дон! Нет селенья такого,
Где б не трудились сурово
Ради куска трудового.
Право, — сказала девица, —

* Милочка (Тоza) — «девушка», «молодка», обращение к молодой женщине не рыцарского звания. Речи рыцаря типичны для так называемой *fol amor* — любви только чувственной, которая и почиталась единственной, приличествующей рыцарю формой общения с женщинами низших сословий.

Всякий день, кроме седьмого —
Дня воскресенья святого,
Должен и рыцарь трудиться.

— Милочка, феи успели
Вас одарить с колыбели, —
Но непонятно ужели
Вам, дорогая девица,
Как бы вы похорошели,
Если с собой бы велели
Рядышком мне приютиться!

— Дон! Те хвалы, что вы пели,
Слушала я еле-еле, —
Так они мне надоели!
Право, — сказала девица, —
Что бы вы там ни хотели,
Видно, судьба пустомеле
В замок ни с чем воротиться!

— Милочка, самой пугливой,
Даже и самой строптивой,
Можно привыкнуть на диво
К ласкам любовным, девица;
Судя по речи игривой,
Мы бы любовью счастливой
С вами могли насладиться.

— Дон! Говорите вы льстиво,
Как я мила и красива,

Что же, я буду правдива;
Право, — сказала девица, —
Честь берегу я стыдливо,
Чтоб из-за радости лживой
Вечным стыдом не покрыться.

— Милочка! Божье творенье
Ищет везде наслажденья,
И рождены, без сомненья,
Мы друг для друга, девица!
Вас призываю под сень я, —
Дайте же без промедленья
Сладкому делу свершиться!

— Дон! Лишь дурак от рожденья
Легкой любви развлеченья
Ищет у всех в нетерпенье.
Ровню пусть любит девица.
Истари общее мненье:
Если душа в запустенье,
В ней лишь безумство плодится.

— Милочка! Вы загляденье!
Полно же без сожаленья
Так над любовью глумиться.

— Дон! Нам велит Провиденье:
Глупым — ловить наслажденье,
Мудрым — к блаженству
стремиться!

РОМАНС

Образец этого, мало разрабатываемого трубадурами лиро-эпического жанра интересен еще и по тем страстным выпадам против крестовых походов, которые поэт вложил в уста своей героине.

В саду, у самого ручья,
Где плещет на траву струя,
Там, средь густых дерев снуя,
Сбирал я белые цветы,

Звенела песенка моя.
И вдруг — девица, вижу я,
Идет тропинкою одна.
Стройна, бела, то дочь была

Владельца замка и села.
И я подумал, что мила
Ей песня птиц, что в ней мечты
Рождаст утренняя мгла,
Где песенка моя текла,—
Но тут заплакала она.

Глаза девицы слез полны,
И вздохи тяжкие слышны:
«Христос! К тебе нестись должны
Мои рыдания,— это ты
Послал мне горе с вышины.
Где мира лучшие сыны?
Не за тебя ль идет война?

Туда ушел и милый мой,
Красавец с доблестной душой.
О нем вздыхаю я с тоской,
И дни безрадостно пусты,—
Проклятье проповеди той,

Что вел Людовик^а сам не свой!
Во всем, во всем его вина!»
И вдоль по берегу тотчас
Я поспешил на грустный глас
И молвил: «Слезы скорбных
глаз —

Враги цветущей красоты.
Поверьте, бог утешит вас!
Он шлет весну в урочный час —
И к вам придет души весна!»

«Сеньор, — она тогда в ответ, —
Господь прольет, сомненья нет,
На грешных милосердный свет
Небесной, вечной чистоты, —
Но сердцу дорог здешний свет,
А он любовью не согрет,
И с другом я разлучена».

Бернарт де Вентадорн

Сын бедного министеряла Бернарт де Вентадорн (около 1140—1195) является одним из наиболее ярких певцов *fin amor* — любви-служения, обращенной к знатной даме.

КАНСОНА

¹ Нет, не вернусь я, милые друзья,
В наш Вентадорн: она ко мне сурова.
Там ждал любви — и ждал напрасно я,
Мне не дожидаться жребия иного!
Люблю ее — то вся вина моя,
И вот я изгнан в дальние края,
Лишенный прежних милостей и крова.

² Как рыбку мчит игривая струя

^а Король Людовик VII — один из организаторов второго крестового похода (1137—1180).

К приманке злой, на смерть со дна морского,
Так устремила и любовь меня
Туда, где гибель мне была готова.
Не уберег я сердце от огня,
И пламя жжет сильнее день ото дня,
И не вернуть беспечного былого.

³ Но я любви не удивлюсь моей,—
Кто Донну знал, все для того понятно:
На целом свете не сыскать милей
Красавицы приветливой и статной.
Она добра, и нет ее нежней,—
Со мной одним она строга, пред ней
Робею, что-то бормоча невнятно.

⁴ Слуга и друг, в покорности своей
Я лишь гневил ее неоднократно
Своей любовью,— но любви цепей,
Покуда жив, я не отдам обратно!
Легко сказать: с другою преуспей,—
Но я чуждаюсь этаких затей,
Хоть можно все изобразить превратно.

⁵ Да, я любезен с каждою иной —
Готов дарить ей все, что пожелала,
И лишь любовь я посвятил одной,—
Все прочее так бесконечно мало.
Зачем же Донна столь строга со мной?
Зачем меня услала с глаз долой?
Ах, ждать любви душа моя устала!

⁶ Я шлю в Прованс привет далекий мой,
В него вложил я и любви немало.
Считайте чудом щедрым дар такой:
Меня любовью жизнь не наделяла,
Лишь обольщала хитрою игрой,—
Овернец, правда, ласков был порой,
Очей Отрада^{*} тоже обласкала.

Очей Отрада! Случай мой чудной,
Все чудеса затмили вы собой,
Вы, чья краса столь чудно воссияла!

* Обращаясь с любовными песнями к знатной даме, часто супруге своего сеньора, трубадур обычно называет ее вымышленным именем; так Бернарт де Вентадорн воспевает под именем Очей Отрада или супругу виконта Вентадорнского — Агнесу де Монлюсон, или какую-либо другую покровительницу.

Джауфре Рюдель

Мотив «любви издалека», проходящий через лирику этого знатного трубадура (Джауфре Рюдель, около 1140—1170, происходил из рода графов Ангулемских и владел княжеством Блая), послужил основанием для создания легенды о любви Джауфре к Мелисанде — графине Триполитанской (графство Триполитанское существовало от 1103 до 1200 г.). Эта легенда разрабатывается и в вымышленных биографиях.

КАНСОНА

Мне в пору долгих майских дней
Мил щебет птиц издалека,
Зато и мучает сильней
Меня любовь издалека.
И вот уже отрады нет,
И дикой розы белый цвет,
Как стужа зимняя, не мил.

Мне счастье, верю, Царь царей
Пошлет в любви издалека,
Но тем моей душе больней
В мечтах о ней — издалека!
Ах, пилигримам бы вослед,
Чтоб посох страннических лет
Прекрасною замечен был.

Что счастья этого полней —
Помчаться к ней издалека,
Усесться рядом, потесней,
Чтоб тут же, не издалека,
Я в сладкой близости бесед,
И друг далекий, и сосед,
Прекрасной голос жадно пил!

Надежду в горести моей
Дарит любовь издалека,
Но грезу, сердце, не лелей —
К ней поспешить издалека.
Длинна дорога — целый свет,

Не предсказать удач иль бед,
И будь, как бог определил!
Всей жизни счастье — только
с ней,

С любимую издалека.
Прекраснее найти сумеи
Вблизи или издалека!
Я бы, огнем любви согрет,
В отрепья нищего одет,
По царству сарацин бродил.
Молю, о тот, по воле чьей
Живет любовь издалека,
Пошли мне утолить скорей
Мою любовь издалека!
О, как мне мил мой сладкий бред:
Светлицы, сада больше нет —
Все замок Донны заменил!

Слывет сильнейшей из страстей
Моя любовь издалека,
Да, наслаждений нет хмельней,
Чем от любви издалека!
Одно молчанье — мне в ответ,
Святой мой строг, он дал завет,
Чтоб безответно я любил.

Одно молчанье — мне в ответ.
Будь проклят он за свой завет,
Чтоб безответно я любил!

*Любовь наставляет влюбленных. Верхняя часть оправы зеркала.
Резьба по слоновой кости. Прованс.*

Бертран де Борн

Три приводимые пьесы связываются с именем Бертрана де Борна, небогатого лимузинского барона (около 1140—1215; расцвет творчества между 1180—1195), видного поэта своего времени. Будучи типичным представителем феодально-рыцарских кругов, Бертран де Борн принимал деятельное участие в феодальных распрях, прославлял войну, а также не скрывал своей ненависти к крестьянам и горожанам. Вымышленные биографии объединяют вокруг его имени ряд легенд, приписывающих ему едва ли не руководящую роль в войнах его времени, в частности в войнах короля английского Генриха II Плантагенета со своими сыновьями. Эта вымышленная биография вдохновила и Данте, поместившего Бертрана де Борна, «ссорившего короля-отца с сыном», в ад («Божественная комедия», песнь 28-я «Ада»).

ПЛАЧ

«Плач» посвящен младшему сыну Генриха II Плантагенета — Джефри, герцогу Бретонскому, возглавившему восстание лимузинских баронов против своего отца — их сеньора. В самом разгаре междоусобной войны Джефри неожиданно умер от горячки (1183).

¹ Наш век исполнен горя и тоски,
Не сосчитать утрат и грозных бед.
Но все они ничтожны и легки
Перед бедой, которой горше нет,—
То гибель Молодого Короля.
Скорбит душа у всех, кто юн и смел,
И ясный день как будто потемнел,
И мрачен мир, исполненный печали.

- ² Не одолеть бойцам своей тоски,
Грустит о нем задумчивый поэт,
Жонглер забыл веселые прыжки, —
Узнала смерть победу из побед,
Похитив Молодого Короля.
Как щедр он был! Как обласкать умел!
Нет, никогда столь тяжко не скорбел
Наш бедный век, исполненный печали.
- ³ Так радуйся, виновница тоски,
Ты, смерть несытая! Еще не видел свет
Столь славной жертвы злой твоей руки, —
Все доблести людские с юных лет
Венчали Молодого Короля.
И жил бы он, когда б господь велел, —
Живут же те, кто жалок и несмел,
Кто предал храбрых гневу и печали.
- ⁴ В наш слабый век, исполненный тоски,
Ушла любовь — и радость ей вослед,
И люди стали лживы и мелки,
И каждый день наносит новый вред,
И нет уж Молодого Короля...
Неслыханной отвагой он горел,
Но нет его — и мир осиротел,
Вместилище страданья и печали.
- ⁵ Кто ради нашей скорби и тоски
Сошел с небес и, благостью одет,
Сам смерть принял, чтоб, смерти вопреки,
Нам вечной жизни положить завет, —
Да снимет с Молодого Короля
Грехи и вольных, и невольных дел,
Чтоб он с друзьями там покой обрел,
Где нет ни воздыханья, ни печали!

СИРВЕНТА

Мила мне радость вешних дней,	Звучанье чистых голосов,
И свежих листьев, и цветов,	Там птиц ютится стая [*] .
И в зелени густых ветвей	Еще милее по лугам

^{*} Описание весны (так называемый весенний запев) обычно для любовной кансоны, но неожиданно для боевого сирвентеса.

Считать шатры и здесь и там
И, схватки ожидая,
Скользить по рыцарским рядам
И по оседланным коням.
Мила разведка мне — и с ней
Смятенье мирных очагов,
И тяжкий топот лошадей,
И рать несметная врагов.
И весело всегда я
Спешу на приступ к высотам
И к крепким замковым стенам,
Верхом переплывая
Глубокий ров, — как горд и прям
Вознесся замок к облакам!

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцаая.
Я ничего за тех не дам,
Чей меч в бездействии упрям,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам.

Вот, под немолчный стук мечей

О сталь щитов и шишаков
Бег обезумевших коней
По трупам павших седоков!
А стычка удалая
Вассалов! Любо их мечам
Гулять по грудям, по плечам,
Удары раздавая!
Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и
срам.

Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед!
Смелей!» —

И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь!
К нам!»

Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая,
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...

В бой, все бароны края!
Скарб, замки — все в заклад, а
там

Недолго праздновать врагам!

СИРВЕНТА

Сирвента эта, направленная не только против крестьян, но и против горожан, отражает настроения разоряющегося в эпоху роста городов мелкого феодала — его неистовую зависть и злобную ненависть к богатеющей буржуазии.

В переводе рифмы подлинника упрощены.

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищии мне любы!
Любо видеть мне народ

Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!
Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!

Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнет.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Всех держать их в черном теле.
Кто своих вилланов холит,
Их ни в чем не обездолит
И им головы позволит
Задирать, — безумен тот.

Ведь виллан, коль укрепитя,
Коль в достатке утвердится,
В злости равных не найдет, —
Все разрушить он стремится.
Если причинят виллану

Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану, —
Недостойн он забот.
Если кто о нем хлопочет,
Он тому помочь не хочет,

Хоть немножко, в свой черед,
Злобой он себя порочит.

Люд нахальный, нерадивый,
Подлый, скаредный и лживый,
Вероломный и кичливый!
Кто грехи его сочтет?
Он Адаму подражает,
Божью волю презирает,
Заповедей не блюдет.
Пусть господь их покарает!

Пе́йре Вида́ль

Вымышленные биографии подчеркивают романтический характер поэзии этого трубадура (около 1175—1215), объединяя вокруг его имени ряд авантюрных новелл.

КАНСОНА

Предлагаемая кансона посвящена Адалазии де Рокемартин, супруге виконта марсельского Барраля, покровителя поэта.

Жадно издали впивая
Провансальский ветер милый,
Чувствую, как полнит силой
Грудь мою страна родная.
Без конца я слушать рад,
Чуть о ней заговорят,
Слух лаская похвалю.

По бокам пределы края
Рона с Венсой оградила,
С гор Дюранса путь закрыла,
С юга — глубь и зыбь морская.

Но для мысли нет преград,
И в Прованс, — сей дивный
сад! —
В миг переносусь душою.

Сердце, Донну вспоминая,
О печалях позабыло, —
Без нее же все уныло.
Речь моя — не лесть пустая:
Я не славлю донн подряд:
Нет, хвалы мои летят
К лучшей, созданной землею.

В ней одной искал всегда я
Правды верное мерило.
Жизнь она мне обновила,
Даром песен награждая.

Славных дел свершил бы ряд
За единый только взгляд
Той, что стала мне судьбою.

Гираут де Борнейль

(расцвет творчества 1175—1220)

и

Рамбаут III, граф Оранский

(правил в 1150—1173)

ТЕНСОНА

Темой этого поэтического диспута двух трубадуров (родовитого и незнатного) является один из центральных вопросов поэтики провансальских трубадуров — вопрос о так называемом *trobar clus* («замкнутой манере») — томном, затрудненном стиле поэзии. Рамбаут выступает в защиту этого стиля, тогда как Гираут высказывается в пользу простого и ясного, всем понятного языка.

— Сеньор Гираут, да как же так?
Вы утверждали, слух идет,
Что песням темный слог нейдет, —
Тогда я вам
Вопрос задам:

Ужель, избрав понятный слог,
Себя я показать бы мог?

— Сеньор Линьяуре^{*}, я не враг
Затей словесных, — пусть поет
Любой, как петь его влечет, —
Но все же сам
Хвалу воздам

Лишь простоте певучих строк:
Что всем понятно — в том и
прок!

— Гираут, зачем тогда, чудак,
Трудиться, зная наперед,
Что труд усердный попадет
Не к знатокам,
А к простакам,

И вдохновенных слов поток
В них только вызовет зевок?
— Линьяуре, я — из работяг,
Мой стих — не скороспелый
плод,

Лишенный смысла и красот.
Вот и не дам
Своим трудам

Лишь тешить узенький мирок.
Нет, песни путь — всегда широк!

— Гираут! А для меня — пустяк,
Широко ль песня потечет.
В стихе блестящем — мне почет.
Мой труд упрямым,
И — буду прямым, —

Я всем свой золотой песок
Не сыплю, словно соль в мешок!

— Линьяуре! Верьте, много благ
Спор с добрым другом принесет,

^{*} *Линьяуре* — поэтический псевдоним графа Рамбаута.

Коль бог от ссоры упасет.
Что здесь и там
По временам
Я допускал на вас намек, —
Поставлю сам себе в упрек!

— Гираут! И мне понятен смак
Задорных шуток и острот —
Нет! Вам их не поставлю в счет,
Вес не придам
Таким словам.
В другом — тревог моих исток:
Люблю я, сердцем изнемог!

— Линьяуре! Хоть отказа знак
Красавица нам подает,
Бывает смысл совсем не тот;
И по глазам
Дано сердцам
Узнать, что это все — предлог
Раздуть любовный огонек!

— Гираут! Сочельник недалек,
Зачем спешите за порог?
— Линьяуре, вдаль я не ездок,
Да сам король на пир повлек,

Гираут де Борнейль

АЛЬБА

¹ «О царь лучей, бог праведный и вечный,
Свет истинный, единый, бесконечный,
Молю тебя за друга моего.
Уж с вечера не видел я его,
И близок час денницы!

² Предшественница утренних лучей
Давно горит во всей красе своей.
Товарищ мой, усталые ресницы
Откройте вы, — как утро, молода
Вдали горит восточная звезда,
И близок час денницы!

³ О милый друг, услышьте песнь мою:
Приветствуя пурпурную зарю,
Уже давно в лесу щебечут птицы,
О горе вам, настал ваш смертный час!
Соперник ваш сейчас застанет вас, —
Уж брезжит луч денницы!

⁴ Забылись вы — и плач напрасен мой.
Внемлите мне, товарищ дорогой,
И сонные свои откройте очи:
На небесах бледнеют звезды ночи,
И брезжит луч денницы!

- ⁵ Прекрасный друг, товарищ милый, где вы?
Расстались мы, и сына приснодевы
За вас всю ночь я пламенно молил
И, на коленях стоя, слезы лил, —
Уж блещет луч денницы!
- ⁶ Вас сторожить просили вы вчера,
И простоял я с ночи до утра;
Напрасно все: и плач мой, и моление!
Соперник ваш свое готовит мщенье, —
Зарделся свет денницы!»
- ⁷ «Мой верный друг, могу ли вам внимать я,
Когда подруги жаркие объятья
Заставили меня забыть весь свет,
И до того мне вовсе дела нет,
Что рдеет луч денницы!»

Беатриса, графиня де Диа

По преданию, героем лирики этой знатной поэтессы — супруги графа Гилельма из дома Пейтьёу (Пуатье) — является трубадур Рамбаут III, граф Ауренга (Оранский). Сохранилась тенсона Беатрисы и Рамбаута, в которой она упрекает его в чрезмерной осторожности и расчетливости в любви.

КАНСОНА

- ¹ Повеселей бы песню я запела,
Да не могу — на сердце наikipело!
Я ничего для друга не жалела,
Но что ему душа моя и тело,
И жалость, и любви закон святой!
Покинутая, я осиротела,
И он меня обходит стороной.
- ² Мой друг, всегда лишь тем была горда я,
Что вас не огорчала никогда я,
Что нежностью Сегвина превзошла я,
В отваге вам, быть может, уступая,
Но не в любви, и верной, и простой.
Так что же, всех приветом награждая,
Суровы и надменны вы со мной?

- ³ Я не пойму, как можно столь жестоко
Меня предать печали одинокой.
А может быть, я стала вам далекой
Из-за другой? Но вам не шлю упрека,
Лишь о любви напомним молодой.
Да охранит меня господне око:
Не мне, мой друг, разрыва быть виной.
- ⁴ Вам все дано — удача, слава, сила,
И ваше обхождение так мило!
Вам не одна бы сердце подарила
И знатный род свой тем не посрамила, —
Но позабыть вы не должны о той,
Что вас, мой друг, нежнее всех любила,
О клятвах и о радости былой!
- ⁵ Моя краса, мое происхождение,
Но больше — сердца верного влечение
Дают мне право все свои сомненья
Вам выразить в печальных звуках пенья.
Я знать хочу, о друг мой дорогой,
Откуда это гордое забвенье:
Что это — гнев? Или любовь к другой?
- Прибавь, гонец мой, завершая пенье,
Что нет добра в надменности такой!

КАНСОНА

Мне любовь дарит отраду!
Чтобы звонче пела я,
И заботу и досаду
Прочь гоню, мои друзья.
И от всех наветов злых
Ненавистников моих
Становлюсь еще смелее —
Вдесятеро веселее!

Строит мне во всем преграду
Их лукавая семья, —

Добиваться с ними ладу
Не позволит честь моя!
Я сравню людей таких
С пеленою туч густых,
От которых день темнее, —

Я лукавить не умею.
Злобный ропот ваш не стих,
Но глушить мой смелый стих
Лишь напрасная затея.
О своей пою весне я!

Ук де ла Баккалариа

(XIII в.)

АЛЬБА*

Вместо нежного привета
 Ей, царице всех усад,
 Чтоб забыться, песнь рассвета
 Я сложу на новый лад.
 Лунный свет забрезжил где-то,
 В птичьих трелях дремлет сад, —
 Так мне тяжело бденье это,
 Что заре я был бы рад.
 О боже, как
 Наскучил мрак!
 Как я жду рассвета!

Хоть Евангелием осмелюсь
 Я поклясться: ни Андрей^b,
 Ни Тристан^c или Амелис^d
 Даме не были верней.
 Строки «Pater poster»^e пелись
 Наново душой моей:
 «Господи, Qui es in coelis»^f
 Дай увидеться мне с ней!
 О боже, как
 Наскучил мрак!
 Как я жду рассвета!

Среди гор, в морской стихии
 Не умрет любовь моя,
 И, наветчики лихие,
 Верить вам не буду я!
 Провожу уныло дни я,
 Без еды и без питья.
 К ней от стен Антиохии
 В смертный час помчался б я!
 О боже, как
 Наскучил мрак!
 Как я жду рассвета!

Брал я с бою замок грозный,
 Мне не страшен был медведь,
 Леопард неосторожный
 Попадал мне часто в сеть, —
 Пред любовью же ничтожна
 Мощь моя досель и впредь:
 Трепет сердца невозможно
 Ни унять, ни одолеть!
 О боже, как
 Наскучил мрак!
 Как я жду рассвета!

АЛЬБА

Альба эта, изысканная по строению строфы, приписывается то Бертрану, барону Аламанскому, то Гаусельму Файдиту.

* Совершенно своеобразная трактовка жанра, заменяющая монологом несчастного в любви поэта обычные жалобы счастливых влюбленных на разлучницу зарю.

^b Андрей — Андривет, герой не дошедшего до нас романа об Андрее Французском.

^c Тристан — герой знаменитого романа «Тристан и Изольда» (см. раздел «Французская литература»).

^d Амелис — герой романа об Амисе и Амелисе.

^e Начало молитвы «Отче наш».

^f «Иже еси на небесех...»

Отогнал он сон ленивый,
 Забытье любви счастливой,
 Стал он сетовать тоскливо:
 — Дорогая, в небесах
 Рдеет свет на облаках.

Ах!

Страж кричит нетерпеливо;
 — Живо
 Уходите! Настает
 Час рассвета!

— Дорогая! Вот бы диво,
 Если день бы суетливый
 Не грозил любви пугливой
 И она, царя в сердцах,
 Позабыла вечный страх!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
 — Живо
 Уходите! Настает
 Час рассвета!

— Дорогая! Сколь правдиво
 То, что счастье — прихотливо!
 Вот и мы — тоски пожива!
 Ночь промчалась в легких снах —
 День мы встретили в слезах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо;
 — Живо
 Уходите! Настает
 Час рассвета!

— Дорогая! Сиротливо
 Я уйду, храня ревниво
 В сердце образ горделивый,
 Вкус лобзаний на устах, —
 С вами вечно я в мечтах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
 — Живо
 Уходите! Настает
 Час рассвета!

— Дорогая! Сердце живо —
 В муке страстного порыва —
 Тем, что свет любви нелживой
 Вижу я у вас в очах.
 А без вас я — жалкий прах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо!
 — Живо
 Уходите! Настает
 Час рассвета!

БИОГРАФИИ ТРУБАДУРОВ

Написанные в первой половине XIII в., биографии эти представляют собой интересные образцы повествовательной (новеллистической) прозы; композиция их и тематика во многих случаях предвосхищают формы позднейшей новеллы и в некоторых случаях составляют ее основу (биография Гильома де Кабестань и новелла о графе Руссильонском в «Декамероне» Боккаччо).

Историческая ценность этих биографий незначительна; в настоящее время можно считать доказанным, что составители их опирались почти исключительно на самые тексты произведений трубадуров, свободно истолковывая встречающиеся в них намеки и указа-

ния и вплетая в ткань своего повествования эпизоды преимущественно романтического содержания.

Маркабрюн

Маркабрюн был гасконец, сын бедной женщины по имени Мария Брюна, как он сам говорит в своей песне: «Маркабрюн, сын Брюны, родился под такой звездой, что знает, как любовь губит человека. Он никогда не любил ни одну женщину и ни одною не был любим». Он был один из первых трубадуров, слагал стихи и сирвенты, полные зла и обид, о женщинах и о любви.

Джауфре Рюдель

Джауфре Рюдель де Блая был очень знатный человек — князь Блаи. Он полюбил графиню Триполитанскую, не выдав ее никогда, за ее великую добродетель и благородство, про которые он слышал от паломников, приходивших из Антиохии, и он сложил о ней много прекрасных стихов с прекрасной мелодией и простыми словами. Желая увидеть графиню, он отправился в крестовый поход и поплыл по морю. На корабле его постигла тяжкая болезнь, так что окружающие думали, что он умер на корабле, но все же они привезли его в Триполи, как мертвого, в гостиницу. Дали знать графине, и она пришла к его ложу и взяла его в свои объятия. Джауфре же узнал, что это графиня, и опять пришел в сознание. Тогда он восхвалил бога и возблагодарил его за то, что он сохранил ему жизнь до тех пор, пока он не увидел графиню. И таким образом, на руках графини, он скончался. Графиня приказала его с почетом похоронить в доме триполитанского ордена тамплиеров, а сама в тот же день постриглась в монахини от скорби и тоски по нем и из-за его смерти.

Гильом де Кабестань

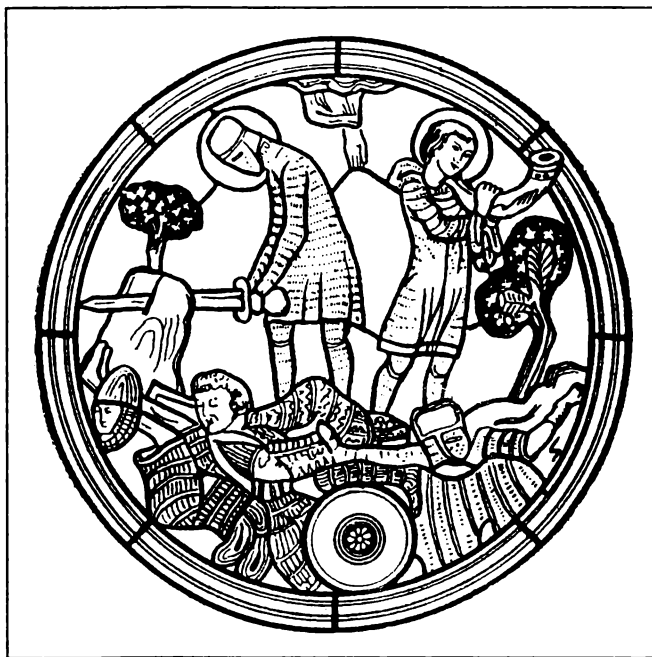
Гильом де Кабестань был рыцарь из графства Руссильон, которое граничит с Каталонией и Нарбонной. Был он очень строен станом и умел ловко обращаться с оружием и служить дамам и был благовоспитан. В его крае была дама Соремонда, супруга сеньора Раймона Руссильонского, человека очень знатного и богатого, но дурного, грубого, свирепого и гордого. Гильом де Кабестань полюбил эту даму, стал петь о ней и слагать свои песни, вдохновляясь любовью к ней. Соремонда, ко-

торая была молода, весела и прекрасна, полюбила его больше всего на свете. О том рассказали Раймону, и он, как человек гневный и ревнивый, разузнал дело и убедился, что это правда. Тогда он приказал стеречь жену, а когда однажды встретил Гильома де Кабестань, шедшего в одиночестве, он убил его, приказал вынуть у него сердце из груди, отрезать голову и голову и сердце отнести в свой замок. Сердце он приказал приготовить с перцем, изжарить и подать это блюдо жене. Когда она съела его, Раймон спросил ее: «Знаете ли вы, что вы съели?» Она ответила, что не знает, кроме того, что съеденное было очень вкусно. Тогда Раймон сказал ей, что съеденное ею блюдо было сердцем Гильома де Кабестань, и, чтобы убедить ее окончательно, приказал принести ей его голову. Увидав голову Гильома, она тотчас лишилась чувств, когда же пришла в себя, то промолвила: «Государь, вы, конечно, дали мне столь прекрасное блюдо, чтоб я никогда не ела другого». Услышав эти слова, Раймон бросился на жену со шпагой и хотел поразить ее в голову, но она подбежала к балкону и, бросившись вниз, таким образом лишила себя жизни. По Руссильону и всей Каталонии разошлась весть о том, что Гильом де Кабестань и Соремонда так ужасно погибли, что Раймон Руссильонский дал съесть сердце Гильома своей жене. И повсюду была великая скорбь и печаль от этого. Жалобы дошли до короля Аррагонского, который был сеньором Раймона Руссильонского и Гильома де Кабестань; он прибыл в Перпиньян в Руссильоне и приказал Раймону явиться к нему. Когда тот явился, король приказал его схватить, отнял у него все замки, приказав их разрушить, и лишил его всего имущества, а самого посадил в темницу. Прах Гильома де Кабестань и Соремонды король приказал перевезти в Перпиньян и похоронить в могиле пред входом в церковь и сделать надпись на могиле о том, как они умерли. Потом он распорядился по всему графству Руссильонскому, чтобы все рыцари и дамы приходили ежегодно на могилу справлять память о них. Раймон Руссильонский умер жалким образом в темнице короля Аррагонского.

Бертран де Борн

Бертран де Борн был рыцарь в Пейрегосском епископстве, владелец замка, называвшегося Латуфорт. Вечно он воевал со своими соседями: графом Пейрегосским, виконтом Лиможским, своим братом Константином и Ричардом, пока тот был графом Пейт्यू. Бертран де Борн был доблестный рыцарь и воин, умел прекрасно служить дамам и сла-

гать песни, был умен, хорошо говорил и был способен на дурное и хорошее. Он был вассалом короля Генриха Английского и его сына, но всегда он желал, чтобы они вели войну против брата, всегда он желал, чтобы король Франции и король Англии воевали друг с другом. И если между ними бывал мир или заключалось перемирие, Бертран очень бывал недоволен и стремился своими сирвентами расстроить мир, убеждая каждого, что мир лишает его чести. Таким образом, он испытывал много хорошего и плохого, оттого что сеял вражду меж ними, и оттого же он сложил много хороших сирвент.

Французская литература

ПЕСНЬ О СВ. ЕВЛАЛИИ

Гимн, написанный двустишиями, связанными ассонансами (в переводе — рифмами), и представляющий пересказ жития Евлалии, испанской мученицы IV в., является первым художественным текстом на французском языке; записан в начале IX в. в бенедиктинском монастыре Эльнон.

- ¹ Добрая девушка была Евлалия,
Прекрасна и телом и душой была.
- ² Хотели ее божьи враги победить,
Заставить диаволу послужить.
- ³ Не слушает дева, что враг говорит,
Чтоб оставила бога, что в небе царит.
- ⁴ Ни нарядом, ни золотом, ни серебром,
Ни угрозой, ни лаской, ни злом, ни добром,
- ⁵ Ничем заставить ее не могли,
Чтобы богу она не служила все дни.
- ⁶ Идти ей к царю приказ был дан.
Царем тогда был царь Максимиан.
- ⁷ Уговаривал он, чтоб послушна была,
Чтоб от бога — Христа отречение дала.
- ⁸ Она собирает все силы свои
И хочет лучше оковы нести,
- ⁹ Чем отречься и девство потерять свое.
И честно скончала она бытие.
- ¹⁰ Костер развели и ввергли туда,
Но не сделал огонь невинной вреда.
- ¹¹ Не хотел тому верить царь Максимиан
Отрубить ей голову приказ был дан.
- ¹² Дева не сказала при этом: нет!
Для Христа согласилась покинуть свет.
- ¹³ Белой голубкой отлетела с земли.
Просим Евлалию: Дева, внимли!
- ¹⁴ Пусть нас Христос по смерти простит.
Своими молитвами в рай нас введи
По милости божией.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Величайший памятник французского народного героического эпоса (так называемых *chansons de geste*) — «Песнь о Роланде» в своей древнейшей редакции (оксфордский текст, записанный около 1170 г. в Англии) возникла, видимо, в конце XI или в начале XII в. В основе поэмы лежит исторический факт, отмеченный Эйнхардом в «Жизнеописании Карла Великого» (около 830). По сообщению летописца, в 778 г. аррьергард армии Карла Великого был уничтожен басками в Пиренейских горах, причем среди погибших именитых франков находился «Хруодланд (Роланд), начальник бретонской марки». В народной поэме это трагическое событие приобрело несколько иные очертания (баски заменены «неверными» сарацинами, испанский поход Карла, начавшийся и закончившийся в 778 г., превратился в семилетнюю войну и пр.), а главное — оно приобрело совсем новый социальный смысл.

В «Песни» франки оказываются жертвой низкого предательства графа Ганелона, который свои личные пристрастия и интересы ставит выше интересов империи и безопасности франков.

Преступному эгоизму Ганелона в поэме противопоставлен безаветный патриотизм Роланда, для которого служение императору и «милрой Франции» является высшей жизненной целью. Роланд — наиболее патетический образ поэмы. В нем французский народ воплотил свой героический идеал. Ради вящего прославления Роланда автор поэмы даже заставляет ангела слететь с небес на поле брани, чтобы принять богатырскую перчатку умирающего героя. Тем самым христианская мифология служит в «Песни» не церковной, но чисто светской, гражданской идее. ореолом эпического величия окружен в поэме также образ Карла. В нем воплощается идея государственного единства, несовместимого с принципами феодального своеволия. В период крестовых походов весьма злободневной являлась также тема борьбы христианского воинства против «неверных».

По своей художественной природе «Песнь о Роланде» является ярким образцом героического эпоса с присущими ему монументальными фигурами, тяготением к гиперболлизму, повторением излюбленных (главным образом батальных) мотивов, эпическими вариациями и т. п. Поэма сложена в строфах — лессах, или тирадах, — соединенных ассонансами, из десятистопных стихов с обязательной цезурой; число стихов в тираде колеблется от семи до семнадцати, иногда доходя до 35 стихов. В конце значительной части тирад стоит «Аой», толкуемый одними исследователями как припев, другими — как условное обозначение какого-нибудь музыкального мотива.

[«Песнь» начинается перечнем великих побед Карла в Испании. Лишь в Сарагосе укрепился «богопротивный Марсилиус», царь сарацинский; он созывает совет своих васалов, на котором решает обмануть франков: заключить с ними перемирие и затем нарушить его, когда франки выведут войска. Он отправляет торжественное посольство ко двору Карла.]

8

Доволен Карл, великий император¹:
Его войсками Кордова взята.
Камнями катапульт разбиты башни,
И стены все повергнуты во прах.

Битва норманнов. *Ковровая ткань. Байе. XI в.*

Добыча рыцарей его богата:
 Доспехи, утварь, серебро и злато.
 Язычников² там больше не осталось,
 Все крещены, кто от меча не пал.
 В саду вокруг императора собрались
 Роланд и Оливер, два смелых графа;
 Самсон и Ансейс, и Жофруа —
 Носитель королевской орифламмы,
 Жерэн, Жерэр, еще других немало³,
 Пятнадцать тысяч воинов отважных
 Из милой Франции собрались там.
 В саду на белых шелковых коврах
 Цвет рыцарства французов отдыхает.
 Постарше кто, те в шахматы играют,
 Воителям младым — мечи забава;
 Среди диких роз — тенистая сосна;
 Под нею трон, весь сделанный из злата;
 На нем — владыка Франции державный.
 Седые борода и голова,
 Прекрасен телом он, горда осанка, —
 Его узнает всякий без труда.
 Послы⁴ пред императором предстали
 И говорят приветные слова.

⁴ Послы царя Марсилия.

Воображаемые портретные статуи Роланда и Оливера.
С портала Веронского собора, XII в.

9

И первым Бланкандрин заговорил:
«Господь всевышний вас благослови,
Да будьте неизменно им хранимы!
Велел вам передать король Марсилий,
Что, христианства правоту постигнув,
Он хочет вас дарами наделить.
Пришлет их вам в великом изобилие:
Семьсот верблюдов и медведей диких,
Свирепых львов и соколов ловитвы^{*};
Четыре сотни мулов привезти
Должны вам серебро и злата слитки, —
Богатства этого вам бы хватило
С наемным войском щедро расплатиться.
В Испании вы долго загостились,
В Аахен, вашу тронную столицу,

* Соколы высоко ценились как охотничьи птицы.

Пришло теперь вам время возвратиться.
За вами вслед туда же поспешит,
Как ваш вассал, мой славный властелин».
Подъемлет руки к небу Карл великий;
Поник головой, в раздумье погрузился.
Аой.

10

В молчанье император пробыл долго, —
Поспешным не бывало Карла слово.
Но наконец поднял свое лицо
И, на посла взглянувши гордо,
Сказал ему: «Вы очень хорошо
Сейчас здесь говорили предо мною.
Но ведь король Марсиль до сих пор
Непримиримым был моим врагом.
Что обещания его не ложны,
Чем поручиться мне Марсиль мог бы?»
Ответил сарацин: «Он даст в залог
Вам десять, двадцать рыцарей иль больше.
Я сына выставить готов родного;
Других даст царь — по крови благородней.
В Аахене у вас, в дворце высоком —
— В день Михаила, кто хранит на водах —
Марсиль явится пред вашим троном,
Чтоб получить крещенья дар святой
В ключах^а, что созданы вам богом».
Посланнику тогда сказал король:
«Крещением спастись ему не поздно».
Аой.

11

Светило солнце в этот вечер чудный.
Поставлены в конюшни десять мулов;
Посланникам шатер разбит в саду,
Где ночь они в покое проведут,
Двенадцать лучших слуг служить им будут.
Поднялся император рано утром.

^а Теплые ключи близ Аахена уже в средние века славились своей целебной силой.

Заутреню и мессу он прослушав,
Баронов^а всех сзывает под сосну.
Узнать он хочет мнение французов
И, лишь узнав его, вопрос рассудит.
Аой.

12

На троне под сосною Карл сидел.
Вокруг него собрались для совета
Турпин-архиепископ⁴, граф Ожэр,
Ришар-старик, его племянник Генрих,
И храбрый граф Гасконский Аселэн,
Милон и брат его Тедбальд из Реймса;
Пришел сюда Жерэр, пришел Жерэн
И граф Роланд, а с ним и Оливер,
Его товарищ доблестный и смелый.
Французов больше тысячи собралось вместе.
И Ганелон пришел, в душе изменник.
И злополучный начался совет.
Аой.

13

«Бароны-господа! — промолвил Карл, —
Марсилий-царь своих послов прислал мне.
Ему угодно из своих богатств
Меня обильно наделить дарами:
Медведей, львов, верблюдов обещает,
И соколов — охоты украшение;
И сотни мулов с аравийским златом,
И серебро к нему еще впридачу.
Взамен он хочет, чтобы я оставил
Испании пределы тот же час,
Во Францию к себе ушел обратно.
За мною он последует в Аахен,
В моем дворце крещенья примет дар,
И будет он — отныне мой вассал —
Владеть Испанией как ленной маркой^б».

^а «Барон» здесь не титул, а синоним «рыцаря».

^б *Ленная марка*. — *Лен* — земельное владение, получаемое вассалом за службу от сеньора. *Марка* — пограничная область; управляющий ею вассал носил имя маркграфа (маркиза).

Так чрез послов своих он обещал,
Но что на сердце у него, не знаю».
Тогда французы Карлу отвечают:
«Здесь очень осторожными быть надо!»
Аой.

14

Свою закончил император речь.
Она пришлась Роланду не по сердцу,
И на нее он так тогда ответил:
«Вы не должны Марсилию поверить!
Ведь мы в Испании уже семь лет.
Я вам завоевал за это время
Комибль и Нопль и кроме них Вальтерну,
Сезилию, Туэлу, Балагер
И Пинскую завоевал вам землю^а.
Тогда король Марсиль, лжец презренный,
Своих послов отправил к вам с приветом.
И каждый нес оливковую ветку,
И каждый лгал посулом примиренья.
Своих французов вы созвали на совет, —
Посланникам врага он оказал доверье.
Базанта с Базилисом, графов смелых,
Послами вы отправили к неверным, —
Марсиль-царь им головы отсек.
Воюйте ж с ним, как воевали прежде.
Вы осадите с армией своею
Его столицы Сарагосы стены.
Хотя б осада длилась весь ваш век,
Вы отомстить должны за графов смерть!»
Аой.

15

Поникнул император головой,
Седую бороду свою потрогал;
Ни слова доброго, ни слова злого
Племяннику в ответ он не промолвил.

^а *Нопль* — Напаль, город на пути в Сарагосу. *Комибль* — местность не установленная. *Вальтерна* — замок на пути в Сарагосу. *Пинская земля* — область между Ронсевалем и Сарагосой. *Туэла* и *Балагер* — местности между Ронсевалем и Сарагосой. *Сезилия* — Седиль, в горах Сиерра-Севиль.

Французы все молчат, лишь Ганелон,
Поднявшись, к императору подходит
И держит перед ним такое слово:
«Когда исполните совет дурной,—
— Его подам ли я, иль кто другой,—
То так поступите нам всем на горе.
Марсилий обещает с этих пор
Вассалом вашим сделаться покорным,
Владеть Испанией по вашей воле,
Принять и нашу веру, и закон.
Тому, кто подал бы совет вам злой
Отринуть соглашение такое,
Никто из нас, мой государь, не дорог.
Отвергните пустой гордыни довод,—
Вы мудрых слушайте, а не глупцов!»
Аой.

16

Заговорил премудрый Нэм тогда
(Вассала лучше не было у Карла):
«Вы Ганелона здесь слова слыхали;
Совет благоразумный он вам дал.
Его исполнить, несомненно, надо.
Ведь вами побежден Марсилий-царь.
Вы взяли крепости его и замки,
Лежат во прахе стены их и башни;
Сгорели города, в плену вассалы,
И если просит он у вас пощады,
Грешно ему в пощаде отказать.
Готов он вам заложников представить,—
Зачем же воевать еще напрасно?»
«Он хорошо сказал!» — решили франки.
Аой.

17

«Бароны-господа, кого могли бы
Отправить мы послом к царю Марсилью?»
Тут Нэм, премудрый герцог, говорит:

«Поеду я, когда вы мне велите.
Перчатку мне и жезл^а свой вы вручите».
Ему отвечивал король: «Приличней
В моем совете вам дела вершить,
А не послом в далекий путь идти.
Не звали вас и потому садитесь».

18

«Бароны-господа, послать кого же
К Марсилию, что правит в Сарагосе?»
Сказал Роланд: «Отправлюсь я охотно».
Граф Оливер здесь перебил его:
«Неукротим ваш нрав и сердце гордо.
Недолго вам с Марсилием повздорить.
Отправлюсь я, когда король позволит».
Воскликнул гневно Карл: «Молчите оба!
Обоим вам при мне остаться должно.
Клянусь вот этой белой бородой,
Что наживет себе беду и горе,
Кто пэров⁵ Франции в послы предложит!»
Французы все молчат, смущенья полны.

19

Тогда Турпин, архиепископ реймский,
С такою обратился к Карлу речью:
«Тревожить ваших франков вам зачем?
Уже семь долгих лет в стране враждебной
Труды и тягости они терпели.
Вручите мне перчатку вы и жезл,
И я к царю Марсилию поеду,
О нем узнать и все там поразведать».
Ответил Карл ему, зардевшись гневом:
«Идите, сядьте на ковре том белом.
Пока не спросят, говорить не смейте!»
Аой.

^а Перчатка и жезл — нечто вроде верительных грамот посла.

20

«Так назначайте ж, рыцари-французы,—
Карл император говорит,— кому же
К Марсилию поехать как послу?»
И так Роланд отвечивал ему:
«Вам графа Ганелона предложу».
«В том прав Роланд,— все франки судят,—
В послы вам не найти умнее мужа».
Граф Ганелон всем телом содрогнулся.
Он сбросил мантию на мехе куньем,—
Под ней была одежда на шелку.
Его глаза расцветки изумрудной,
Дороден телом и с широкой грудью,—
Все пэры смотрят на него любуясь.
Такая мысль пришла тебе на ум?
Роланду крикнул он: «Скажи, откуда
Тебе ведь отчимом⁶ я прихожусь,
В послы назначить как меня дерзнул?
Но знай! коль бог вернуться мне присудит,
За выбор твой тебе я отомщу,
И месть мою вовек ты не забудешь!»
Роланд в ответ: «Вот гордость и безумье!
Известно всем, угрозы я не страшусь.
Посол же должен быть благоразумным,
И если королю угодно будет,
Я вместо вас отправиться могу».
Аой.

21

«Взамен меня,— ответил Ганелон,—
К Марсилию поехать ты не сможешь:
Ты не вассал, а я не твой сеньор.
Я сам послом отправлюсь в Сарагосу.
Но знай, что нанесенную тобою
Обиду я отмщу тебе жестоко».
Роланд в ответ лишь рассмеялся громко.
Аой.

22

Граф Ганелон, Роланда смех услышав,
Едва ума от злобы не лишился,

И гнев его едва не задушил:
«Ты на меня навлек неправый выбор,
Тебя я ненавижу от души!
Вам, государь, меня угодно было
Избрать к царю Марсилию в послы,
И я готов в дорогу поспешить.
Аой.

23

Отправлюсь в Сарагосу, долгу верный;
Оттуда никому возврата нет.
На Карла я женат родной сестре,
И от нее имею Бодуэна —
Прекрасней не было детей на свете,
Возросши, будет рыцарем отменным.
Я завещать хочу ему в наследство
И титулы мои, и все владенья.
Оставлю вам его на попечение.
Не видеть больше сына мне вовек».
Ответил Карл: «Вы слишком мягки сердцем.
Но ехать должно вам, раз я велел».
Аой.

24

«Так подойдите, Ганелон, сюда,
Принять посольский жезл и с ним перчатку,
Сказал король. — Вы здесь слышали сами:
На вас баронов франкских выбор пал».
«Все это сделано одним Роландом! —
Воскликнул Ганелон. — Он навсегда
Мне ненавистным будет оставаться.
Враги мне — Оливер, его товарищ,
И Франции двенадцать пэров славных
За то, что он так дорог их сердцам.
Пред вами, сир^{*}, я вызов им бросаю!»
«Вы в ярости, — ответил император, —
Но ехать должно вам, раз я сказал».
«Поеду я, но, верно, без возврата,
Как было с Базилисом и Базантом».
Аой.

* Сир — обращение вассала к государю.

25

Перчатку император дал ему, —
Хотел бы граф не быть там в ту минуту! —
Едва перчатки Ганелон коснулся,
Как наземь выронил ее из рук.
Зловещий знак французов ужаснул:
«Он возвещает нам беду какую?»
На это Ганелон промолвил хмуро:
«Пусть весть о ней сеньоры вскоре ждут!»

26

«Позвольте, государь, отправиться в дорогу, —
Так обратился к Карлу Ганелон, —
Зачем я медлю, если ехать должно?»
«Пускаю вас, — сказал ему король, —
Да будет это господу угодно».
Посланника он осенил крестом,
И грамоту и жезл ему он отдал.

[Разгневанный Ганелон, поклявшись отомстить Роланду, направляется с посольством сарацинов в Сарагосу; по дороге он вступает в беседу с главой посольства Бланкандрином о том, как погубить Роланда.]

31

Там долго ехали дорогой длинной
Чрез горы Ганелон и Бланкандрин.
В дороге меж собой они решили,
Как им верней Роланда погубить.
И Сарагосы наконец достигнув,
Они с коней своих сошли под тисом.
Испанского владыки трон стоит
Там под сосною вместо балдахина,
Александрийским шелком весь расшит.
У трона двадцать тысяч сарацинов
Ответа Карла ждут нетерпеливо.
И вот послы явились перед ними.

32

К Марсилью Бланкандрин подходит,
Ведя с собою графа Ганелона.
Так говорит, склонившись перед троном:
«Храни вас Магомет и Аполлон,
Да будут нерушимы их законы!
Мы Карлу передали ваше слово, —
Он поднял руки к небесам высоким
И молча своего восславил бога,
Ответа нам не давши никакого.
Но к вам прислал он своего барона:
Во Франции он всеми чтим глубоко.
Войны иль мира ждать, вам скажет он».
Король в ответ: «Ему внимать готов я».
Аой.

33

Заране Ганелон обдумал речь.
Заговорил хитро он и умело,
Как тот, кто словом хорошо владеет:
«Пусть бог-творец, единый и предвечный,
Дарует вам свое благословенье!
Вам передать великий Карл велел,
Чтоб христианскую приняли веру,
И пол-Испании вам во владенье
Он предоставил бы тогда как лен.
Когда б условие вы вздумали отвергнуть,
Готовьтесь встретить Карла грозный гнев:
В Аахен вас, закованного в цепи,
Отправит он на суд и осужденье,
И ожидает вас на плахе смерть».
Марсиль-царь весь задрожал от гнева.
Он дротик в золотистом оперенье
Готов метнуть в посла за эту речь.
Аой.

34

Лицо Марсилья смертной белизны,
И дротик в кулаке его дрожит.

При виде этом меч из ножен вынуть
Граф Ганелон тогда спешит:
Не больше, чем на два перста длины
Из ножен острый меч им вынут был.
И Ганелон сказал мечу: «Доныне
Вы при дворе исправно мне служили.
Не скажут пусть, что я в краях чужих
Погиб, как трус, бесчестьем покрытый.
Ни жизнь мою, ни меч за полцены
Пусть здешние не купят храбрецы!»
Тут говорят друг другу сарацины:
«Мы столкновенью помешать должны!»

35

Молениям сарацинов уступая,
Король Марсилий гнев тогда сдержал.
Премудрый альгалиф^{*} ему сказал:
«В порыве ярости посла ударив,
На нас могли бы вы навлечь несчастье.
Его должны дослушать до конца».
И Ганелон коварный продолжал:
«Ваш гнев, о государь, снести согласен.
Но мне никто не сможет помешать,
Не соглашусь за ваши все богатства
О том я перед вами умолчать,
Что Карл, король могучий, передал мне
Для своего заклятого врага».
На Ганелоне был соболий плащ
На драгоценной шелковой подкладке.
Он Бланкандрину плащ отдал,
Но с рукоятки золотой меча
Не отпустил своей руки он правой,
И крепко меч в руке его зажат.
«Храбрец!» — язычники о нем сазали.
Аой.

(Однако Ганелон быстро примиряется с маврами и дает им совет напасть при отступлении франков из Испании на их арьергард. Осыпанный подарками, предатель возвращается к Карлу и заверяет его в миролюбивых намерениях мавров. Карл решает вывести войска из Испании, но всю ночь его тревожат зловещие сны.)

^{*} *Альгалиф* (искаженное арабское «ал халифа») — халиф, преемник пророка. Автор «Песни о Роланде» принимает это слово за один из титулов мавританских феодалов.

58

Зарею утренней сменилась ночь.
Карл-император едет перед войском,
К нему с таким он обратился словом:
«Взгляните, господа мои бароны!
Достигли мы Испании ворот.
В теснинах этих горного прохода
Надежный арьергард оставить должно.
В наш арьергард назначим мы кого?»
Граф Ганелон ответил на вопрос:
«Роланд, мой пасынок, прекрасно сможет
Остаться сторожить в ущельях горных, —
Отважнее у вас ведь нет барона».
Великий Карл взглянул ему в лицо.
«Вы дьявол, — говорит ему сурово, —
Когда на ум приходит вам такое.
А в авангард назначу я кого же?»
И отвечает тотчас Ганелон;
«Ожэр-Датчанин, как никто другой,
Ваш авангард возглавит хорошо».

59

Когда Роланд свое услышал имя,
Он отвечал, как рыцарю прилично:
«Спасибо, отчим! вы меня почтили,
Сочтя достойным арьергард вести.
Я обещаю Карлу-властелину,
Ничто не пропадет в его пути:
Ни вьючный мул, и ни лошак единый,
Ни боевой скакун по крови чистый,
Пока с мечом я буду сторожить».
Граф Ганелон Роланду говорит:
«Что будет так, никто не усомнится».
Аой.

60

Роланд сдержать не в силах гневный пыл,
Воскликнул он от сердца полноты:
«Жестокий Ганелон, злодей бесстыдный!
Что Карла дар, быть может думал ты,
Я уроню, как то с тобою было,
Когда он назначал тебя в послы?»
Аой⁷.

61

«Великий Карл! — сказал Роланд-барон, —
Мне лук вручите собственной рукою.
И упрекнуть меня никто не сможет,
Что дар ваш уронил, как Ганелон⁸,
Когда его избрали вы послом».
Поникнул император головою,
Седую бороду свою потрогал,
Не в силах слез сдержать, заплакал горько.

62

Здесь выступает герцог Нэм премудрый —
Вассала не было у Карла лучше. —
«Вы видите, — сказал, — Роланда грудь
Припадок ярости сейчас волнует.
Но франков арьергард ему поручен,
И ничего нельзя поделать тут.
Ему отдайте королевский лук
И ваших самых доблестных французов».
И Карл свой лук Роланду протянул.

63

Сказал Роланду-графу император:
«Хочу я здесь, племянник мой прекрасный,
Вам половину войск моих оставить —
Защитою надежной будут вашей».
Ответил императору Роланд:
«Мне половины ваших войск не надо.
Позорить род я славный мой не стану.
Вполне и двадцати мне тысяч хватит.
Идите чрез Испании врата.
Пока я жив, нет лучшей вам охраны!»

64

И на коня Роланд отважный сел.
К нему спешат явиться Оливер,
Жерэн, а с ним и храбрый граф Жерэр,
И Ансеис, Астор и Беренжэр,

Отон и славный герцог Гайфиэр,
Жерар — граф Русильонский — с ними вместе.
«Клянуся головой, и я поеду!» —
Сказал Турпин, архиепископ реймский.
«И я пойду! — воскликнул граф Гвальтер —
Роланду я вассал и долгу верен»⁹.
Так двадцать тысяч рыцарей отменных
Составят франков арьергард надежный.
Аой.

65

Гвальтеру граф Роланд тогда велит:
«Французов тысячу с собой возьмите,
Проходы горные вы с ними сторожите,
Из Карла войск никто чтоб не погиб».
Гвальтер в ответ: «Исполню, как велите».
И с тысячью французов он спешит
Занять тропы меж гор и скал нагих...

66

Долины мрачны и высоки горы.
Среди стремнин и пропастей глубоких
С усилием и трудом проходит войско.
На много лье слышна французов поступь.
Недалеко уж до земли родной —
Владенья императора, Гаскони.
На память им тогда приходят
И предки славные, и их феоды;
Невесты, жены, ждущие их дома.
И каждый был тогда до слез растроган.
Но больше всех сам Карл томим тоскою:
Племянника оставил своего
Он сторожить Испании ворота.
О нем тревожась, слез сдержать не может.
Аой.

67

Двенадцать пэров между горных круч
Испанскую границу стерегут.
И с ними двадцать тысяч там французов.

Неведом смерти страх им малодушный.
Во Францию свершает Карл свой путь,
Под мантией тревогу пряча хмуро.
С ним рядом едет герцог Нэм премудрый.
«Что, государь, — спросил он, — вас так мучит?»
Ответил Карл ему: «Вопрос ненужный!
Как о моей печали умолчу?
Мне ангел показал в виденье чудном,
Что Ганелон всю Францию погубит:
Приснилось мне, что Ганелоном будто
Копье мое изломано, согнуто.
Его совет коварный я послушал:
Оставлен мной Роланд в пределах чуждых.
Коль сгинет он, других таких не будет».
Аой.

68

Великий Карл не может слез сдержать.
Французы тронуты его печалью,
И за Роланда страх им сжал сердца.
Роланда предал Ганелон коварный.
Изменника богатыми дарами
За это наградил Марсилий-царь:
И серебром, и золотом, и шелками,
Верблюдами, и лошадьми, и львами.
Со всей Испании своих вассалов¹⁰ —
Эмиров, командоров, адмиралов,
И альмансоров, герцогов и графов —
Марсилий-царь тогда к себе призвал.
Четыре сотни тысяч их собралось.
Гремят по Сарагосе барабаны.
Там Магометов лик взирает с башни¹¹;
Пред ним склоняется язычник каждый.
Затем пошла в поход неверных рать.
Она, долин и гор пройдя немало,
Увидела вдали знамена франков.
Двенадцать храбрых пэров не откажут
Сражение дать бесчисленным врагам.

79

Готовятся на бой полки неверных:
Доспехи сарацинские надели
И сарагосские надели шлемы.
У них у всех мечи из стали вьенской¹,
А копья — валёнсийского железа.
Взвились знамена — алы, сини, белы.
Они с коней дорожных, с мулов слезли,
Взяв скакунов арабских им взамену¹².
День ясный, и сияет солнца свет;
В его лучах горят огнем доспехи.
И сотни труб военных загремели, —
Их грозный звук до франков долетел.
Сказал тогда Роланду Оливер:
«Товарищ боевой, сдается мне,
Что с сарацинами нас ждет сражение».
«Пусть бог его пошлет, — Роланд в ответ, —
Здесь Карл-король нам сторожить велел.
Для императора вассал примерный
И жар и холод должен претерпеть,
Ни волоса, ни кожи не жалеть.
Пусть каждый франк в бою разит отменно, —
Про нас чтоб не сложили злую песню.
Ведь правда с нами, ложь — врага удел.
Я франкам не подам дурной пример».
Аой.

80

Восходит Оливер на холм высокий.
Глядит с него на дол, травой поросший;
Несметных видит приближение полчищ.
С холма кричит Роланду-другу он:
«С испанской стороны сюда подходят
Язычники в порядке боевом.
Их брони и щиты блестят на солнце.
Над франками смертельная угроза!
Об этом знал предатель — Ганелон, —
Нас в арьергард он предложил нарочно».

¹ Вьена — город во Франции на берегу Роны.

Роланд в ответ: «Ах, Оливер, ни слова!
Ты не забудь, что Ганелон — мне отчим.
Я слышать не хочу о нем дурного».

81

Там на холме граф Оливер стоит.
Ему все войско видно сарацинов,
Как приближается оно лавиной.
Шлем не один камнями унизан,
Они горят в лучах и сыплют искры.
Щиты резные, копья и мечи
Сверкают в блеске солнца золотистом,
И веют знамена, надеты на древки;
Полки язычников неисчислимы.
Граф Оливер тогда душой смутился.
С холма высокого он вниз спешит
Французам рассказать о том, что видел.

82

Сказал им Оливер: «На нас идут
Язычники, их тысяч сто, сужу:
Огромней войск не видеть никому.
При них щиты, закованы в кольчуги,
А шлемов их отделку золотую
И сталь мечей ласкает солнца луч.
И бой, досель невиданный, здесь будет.
Да ниспошлет вам силы бог, французы,
Себя не дайте одолеть врагу!»
И франки так отвечают ему:
«Позор тому, о бегстве кто б подумал —
Мы встретим все врага лицом к лицу».
Аой.

83

Тут говорит Роланду Оливер;
«Нас мало, а врагов число несметно.
Роланд, товарищ мой, настало время
Вам в Олифант^{*} трубить — ваш рог заветный.
Услышав зов, вернуться Карл успеет».

^{*} Олифант — «слоновая кость», название рога Роланда.

«Безумцем был бы я, — Роланд в ответ, —
Пред Францией себя бы обесчестил,
Когда бы внял я вашему совету.
Для Дюрендаля^{*} срок настал теперь:
До рукоятки самой добрый меч
От крови вражеской весь заалеет.
Язычники спешат к своей беде, —
Погибнут все они, поверьте мне».

Аой.

84

«Роланд, товарищ мой, трубите в рог!
Чтоб Карл призывный звук услышать мог,
К нам поспешит с баронами на помощь».
Сказал Роланд: «Да не допустит бог,
Чтоб род я свой покрыл позором,
На Францию мою навлек укор.
Зачем я Дюрендаль надел на пояс?
Увидите теперь, как вражьей кровью
Я обагрю мой доблестный клинок.
Язычники пришли себе на горе.
Я вам клянусь: погибнуть всем им вскоре».

Аой.

85

«Роланд, товарищ мой, пора трубить!
Помочь успеет Карл нам, может быть, —
Он к нам сюда с войсками возвратится».
«Да не допустит бог, — Роланд твердит, —
Чтоб труса именем меня клеймили
За то, что сарацинов устранился.
Не запятнаю честь моей родни.
Хочу, как только битва разгорится,
Я тысячи ударов нанести.
Пусть Дюрендаль от крови заблестит.
Французы наши славно будут биться,
И не спастись от смерти сарацинам».

^{*} Дюрендаль — имя меча Роланда (в подлиннике женского рода). В героическом эпосе не только кони, но и мечи имеют имена собственные.

86

«Никто бы вас не осудил напрасно, —
Граф Оливер Роланду отвечал, —
Неверных рать несметная сюда
Идет чрез холмы, доли и луга.
Так мало нас в сравнении с врагами!»
Роланд в ответ: «Ну что ж! моя отвага
От этого лишь больше возросла!
Избавь нас ангелы и бог-создатель
Навлечь на Францию позор и срам!
Мне будет смерть бесчестия желанней.
И чем отважней станем мы сражаться,
Тем больше нас полюбит Карл».

87

Роланд горяч, а Оливер разумен.
Они отвагою друг другу не уступят:
Раз севши на коня и взяв оружие,
Пред битвою не дрогнут малодушно.
Их благородна речь, высок их дух.
Подходит враг, как грозовая туча.
Роланду Оливер сказал: «Мой друг!
Враг близок, но далек наш Карл могучий.
Меня не захотели вы послушать,
И в Олифант трубить сочли ненужным.
А между тем на зов король вернулся б
И отвратил теперь от нас беду.
Взгляните вверх, на горные уступы,
Где в арьергарде франки стерегут —
В последний раз несут для Карла службу».
Роланд ответил другу своему:
«Зачем вы говорите безрассудно?
Позор тому, чье сердце сжал испуг!
Мы твердо устоим в сражение трудном;
Атаковать врага мы сами будем».
Аой.

88

Пред битвой неизбежной стал Роланд
Свирепей льва пустынь иль леопарда.
Он к Оливеру так тогда воззвал:

«Мой друг, не надо сетовать напрасно!
Французов император в арьергард
Отборных двадцать тысяч нам назначил.
Что ни один из них не трус, он знал.
Ведь для сеньора доблестный вассал
Обязан претерпеть великие страдания:
Снести и холод, и палящий жар,
И за него и плоть и кровь отдать.
Своим копьём ты наноси удары,
Я Дюрендалем стану бить врага —
Мечом, что получил из рук я Карла.
И если в битве суждено мне пасть,
То пусть про Дюрендаль мой всякий скажет:
Вот меч, служивший доброму вассалу».

89

Тогда Турпин, архиепископ реймский,
На холм высокий въехал на коне.
С холма он обратился к франкам с речью:
«Бароны-господа, остаться Карл велел нам —
За короля принять должны мы смерть.
Христьянской веры славу мы поддержим!
Вы видите, что битва неизбежна, —
Сюда подходят полчища неверных.
Грехам своим у бога отпущенье
Теперь просить для вас настало время.
И если вам придется умереть,
Ждет ваши души райское блаженство»¹³;
Французы слезли с боевых коней.
Епископ дал им всем благословенье
И повелел, грехам во искупленье,
Врагов исправнее разить в сраженье.

90

Французы поднимаются с земли.
Господним именем благословив,
Им отпустил грехи архиепископ,
Вновь на коней своих они вскочили.
При них щиты, и копыя, и мечи,
Как должно рыцарям, готовым к битве.

Роланд тут Оливеру говорит:
«Товарищ мой, вы правильно решили,
Что Ганелон нас предал сарацинам,
За наши жизни взявши злато с них.
Так пусть великий Карл за нас отмстит!
Купил король Марсильи наши жизни,
Но лишь мечом их сможет получить».
Аой.

91

Испании врата Роланд проехал
На Вельянтифе, верном скакуне.
Облекся он в нарядные доспехи
И острие копья направил кверху.
Надет красивый белый стяг на древко
В убранстве бахромы и длинных лент.
Прекрасен граф Роланд, могуч он телом,
Улыбка у него на лице светлом.
Соратники спешат за ним вослед.
Взглянув на сарацинов приближенье,
На франков перевел свой взгляд затем,
И взгляд его стал ласковым и нежным.
Им говорит с учтивостью отменной:
«Бароны-господа, мы шаг замедлим.
Язычники найдут здесь свой конец.
Еще спуститься не успеет вечер,
Как соберем от боя мы трофеи,
Каких у франкских нету королей».
Сближались оба войска между тем.
Аой.

92

Граф Оливер сказал: «Речей довольно.
Вы в Олифант не протрубили в срок.
К нам император не придет на помощь —
Он о беде не знает ничего.
В том нет вины ни Карла, ни баронов.
А нам пора ударить на врагов.
Французы-господа, держите поле!
Я заклинаю вас во имя бога

Удар врагу отплачивать с лихвой,
И вспомним Карла клич мы боевой!»
Едва граф Оливер сказал то слово,
Как «Монжу!»^а вскричали франки громко.
И кто хоть раз слышал сей возглас грозный,
Французскую всегда тот доблесть вспомнит.
Коней своих пустив во весь опор,
Они торопят их ударом шпор.
Как хороши они, великий боже!
Лететь вперед — иного нет исхода.
Их сарацины встретили без дрожи;
Язычников и франков начат бой...¹⁴

110

Чудесен бой, и грозен он, и страшен.
Роланд и Оливер разят исправно,
Архиепископ им не уступает,
И с ними пэров Франции двенадцать;
Французы все сражаются в согласье.
Там тысячи неверных умирают:
И кто спасенья в бегстве ни искал бы —
Не уходил от франкского меча.
Французов тоже полегло немало;
Им не видать родных, не встретить Карла,
Кто за испанскими их ждет вратами.
Над Францией чудесная гроза:
Низринутись с небес и дождь, и град,
И грома оглушительны раскаты,
И ослепляют вспышки молний частых,
И от толчков земля заколебалась.
От церкви Сен-Мишеля и до Санса,
От Безансона вплоть до Гуйтсанда^б
Повсюду в трещинах стоят дома.
Среди полудня полный мрак настал,
Его лишь вспышки молний освещают.

^а *Монжуа* (монжой) — боевой клич французов, исторически засвидетельствованный с 1119 г. Происхождение его неясно.

^б Церковь *Сен-Мишель* — церковь «Михаила-спасителя на водах» на скале в Нормандии. *Санс* — город во Франции. *Безансон* — главный город Франш-Коте, *Гуйтсанд* — гавань близ Калэ.

Объемлет ужас франкские сердца:
«Последние приходят времена,
Для страшного суда пора пришла».
Так люди говорят; они не знают,
Что та гроза и буря предвещают
Кончину графа храброго Роланда.

111

Разят французы с яростью и пылом.
Врагов побито ими много тысяч.
Не уцелел там ни один язычник.
Архиепископ хвалит от души
Баронов Франции неустрашимых:
«Кому из королей еще даны
Вассал вернее и отважней рыцарь?
И будут подвиги, что совершили,
В анналы Франции занесены»¹⁵.
Над павшими друзьями и родными
Не могут франки удержать слезы.
Меж тем король Марсиль с сарацинов
Ведет на них огромные дружины.
Аой.

112

Подходит с новым войском по длине
На место битвы сам король Марсиль.
На двадцать он колонн разбил полки.
Под солнечным лучом играет искрой
В златой оправе шлем, червлёный щит.
Семь тысяч труб атаку возвестили,
И далеко кругом их звон гремит.
Роланд тут Оливеру говорит:
«Товарищ мой, соратник, друг любимый!
Нам Ганелон-злодей готовил гибель, —
В его измене можно ль усомниться?
Но император нашу смерть отметит.
Пора готовиться нам к новой битве,
Какой наверно мир еще не видел.
Врагов я Дюрендалем буду бить,

Вы вашим Альтеклером^а их разите.
Нам долго эти славные мечи
В походах дальних и в боях служили
И не одну победу принесли.
Пусть песни злой не пропоют про них». ¹⁶
Аой...

125

Чудесен бой, час от часу он злее.
Французы бьют, ударов не жалея.
Насквозь пронзив тяжелые доспехи,
Их копья входят в плоть живую тел.
Мечи крушат хребты и рубят плечи.
Трава вокруг от крови заалела.
Меж сарацинов стон пошел и скрежет:
«О Франция! Проклятье Магомета
Тебе, земля героев беспримерных!
Марсилий-властелин, приди скорее!
Погибнем мы без помощи твоей!»

126

Чудесен бой и стал еще жесточе.
Разят язычников французов копья.
Не увидеть нигде страданий больше.
Как много тел валяется кругом,
Убитых, раненых, залитых кровью!
Они лежат кто вверх, кто вниз лицом.
Неверным не сдержать врага напор:
Хотят иль нет, но отступают с поля,
И франки их преследуют и гонят.
Аой.

127

Роланд средь боя Оливеру крикнул:
«Собрат и друг! должны вы согласиться,
Что воин славный наш архиепископ;
Таких героев где еще найти?»

^а Альтеклер — название меча Оливера.

С каким искусством он врагов разит!»
Ответил Оливер: «Давайте ж с ним
Ударим вместе мы на сарацинов!»
И снова грозно закипела битва.
Удары страшны в этой сечи дикой.
Французы сарацинами теснимы.
Роланд и Оливер неустрашимы,—
Пример отваги рыцарской их вид.
Турпин-архиепископ бьется с ними.
Число врагов, там франками убитых,
Анналы Франции нам сохранили:
Четыре раза в бой они ходили,
Четыре тысячи врагов сразили.
На пятом счастье франкам изменило.
Убиты все, лишь шестьдесят из них
Господь благой от смерти сохранил.
И дорогой ценой за эти жизни
Язычникам придется заплатить!

Аой.

128

Роланд взглянул на трупы франков павших
И к Оливеру так тогда воззвал:
«Товарищ мой, соратник мой отважный!
Как много на земле простерто наших!
Как не жалеть о Франции прекрасной,
Что здесь баронов лучших лишена!
О Карл, наш друг, зачем вас нету с нами?
Ах, Оливер, как весть ему подать?»
Ответил Оливер ему: «Не знаю.
Но отступать — позорно для вассала.
Чем стыд такой принять, не лучше ль пасть?»

Аой.

129

В свой Олифант Роланд трубить решил.
Сказал он: «Карл наверно зов услышит,
И возвратятся Франции сыны».
«На помощь звать теперь — для нас постыдно! —
Воскликнул Оливер, от гнева вспыхнув.—
Ваш славный род позором вы покрыли б,

Послав сейчас о помощи призыв.
Совет отвергли мой в своей гордыне,
Когда трубить вы были бы должны.
Мне будет очень горько и постыло
Сейчас звук рога вашего услышать.
Мой бог! как кровью вы обагрены!»
Роланд в ответ: «Рубил я много нынче».
Аой.

130

Сказал Роланд: «Сражаться франкам трудно,
Я, затрубивши в Олифант мой гулкий,
Теперь на помощь Карла призову».
Так Оливер здесь возразил ему:
«Не храбрым совершать такой поступок!
Меня не захотели вы послушать,
Когда трубить вам было бы к лицу.
Привел бы наш король назад французов
И отвратил бы он от нас беду.
Но павших франков не в чем упрекнуть.
Клянусь, будь мне дано живым вернуться,
Увидеть Альду^{*} вновь, мою сестру,—
Вам ни за что не дам ее в супруги!»
Аой.

131

Роланд спросил: «Чем вызван гнев ужасный?»
И Оливер в ответ: «Роланд, на вас
За гибель нашу падает вина.
Ведь безрассудство и отвага — разны,
И меру знать должна любая храбрость.
Как много из-за вас здесь франков пало,—
Не одного оплачет Карл вассала.
Исполни вы совет, что дал я вам,
Король вернулся бы сюда с войсками;
Кровавый бой остался бы за нами;
В плену бы был иль мертв Марсилий-царь.
Явили удаль вы не в добрый час.

* *Альда* — сестра Оливера и невеста Роланда; ее образ, чуть намеченный в «Песни о Роланде», получает яркое освещение в позднейших chansons de geste XII в.

Сегодня Карл, великий император
(Подобного не будет никогда),
Роланда своего навек утратит.
Здесь ждет вас смерть, а Францию — печаль.
Пришел конец и дружбе нашей ратной:
Еще и вечер нынче не настанет,
Как нам навек разлука суждена».

Аой.

132

Архиепископ их услышал ссору.
Коня пришпорив шпорой золотою,
Подъехал к ним тотчас и их обоих
Упреками осыпал за раздор:
«Роланд и Оливер! Во имя бога
Я умоляю вас окончить спор!
Трубить уже нам больше не поможет,
И все ж, Роланд, вы протрубите в рог!
Вернется нашу смерть отмстить король,
Не даст врагам уйти с победой гордо.
Своих коней французы остановят,
Нас подберут и увезут с собою,
И под церковным сводом похоронят,
Смочив слезами жалости и скорби.
Ни своры псов, ни кабаны, ни волки
Убитых христиан пожрать не смогут».
Роланд в ответ: «Сказали хорошо».

Аой.

133

Свой Олифант он вкладывает в губы
И, силы все собрав, в него он дует.
Звучит в горах призывный рога звук,
На тридцать лье слышать его в округе.
Достиг до Карла голос рога гулкий,
И Карл сказал: «Сражаются французы».
Предатель Ганелон иначе судит:
«Кому другому бы на речь такую
Сказал бы я, что он — презренный лгун».

Аой.

134

С большим трудом, с усилием великим
В свой верный Олифант Роланд трубит.
Из уст его кровь светлая струится,
От напряженья лопнули виски^{*}.
И далеко кругом призыв звучит.
Донесся он до Карла на границу.
Ему внимают франкские полки.
Сказал король: «Роланд в свой рог трубит!
Не стал бы он трубить, не будь там битвы!»
«Там битвы нету, — Ганелон твердит, —
Хоть голова у вас и вся в сединах,
Но как дитя сейчас вы говорите.
Известен вам Роланда нрав кичливый.
Дивлюсь, как богом только он терпим.
Не он ли Нопль хотел взять самочинно¹⁷?
На вылазку язычники пошли,
Роланда славного они разбили.
Тогда водой он приказал своим
Залить луга, чтоб скрыть число убитых.
Гонясь за зайцем, он, в пылу ловитвы,
Готов хоть целый день в свой рог трубить.
Он, верно, шутит с пэрами своими.
Кто битву предложить ему решится?
Зачем вы стали? Путь пред нами длинный,
Еще далеко до родной земли».

Аой.

135

Уста Роланда кровью все покрыты
И на висках его глубок разрыв.
Трубит он в рог, страдая, как на дыбе.
Карл слышит зов, французы зов тот слышат.
Сказал король: «Как долго звук призыва!»
«Роланд в беде! — тут герцог Нэм решил, —
Изменник, кем Роланд ваш предан был,
Нас хочет обмануть советом лживым.
К племяннику теперь спешить должны вы.
К оружию, и киньте клич призывный.

^{*} Как в этом, так и в некоторых стихах в дальнейшем отразились неточные представления средневековья о строении и работе человеческого тела.

Роланд взывает к вам из злой беды!»
Аой.

136

Велел трубить великий император.
Французы все спешат облечься в латы,
Берутся за мечи в отделке злата;
У них щиты в искуснейших оправках,
И копий длинных их хорош металл.
Полотна белых, голубых и алых
Знамен над ними вмиг заколыхались.
Среди теснин, среди ущелий мрачных,
Торопят острой шпорой конский скач.
И говорит дорогой франку франк:
«Когда в живых Роланда мы застанем,
С ним вместе на язычников ударим!»
К чему слова? Они спешат напрасно¹⁸.
Аой.

138

Высоки горы, мрачны и суровы;
Клокочут воды в пропастях глубоких.
И спереди и сзади франков войска,
Ответствуя на Олифанта зов,
Рогов и труб звучит согласный хор.
Карл едет в гневе и тревоги полный;
Она терзает и сердца баронов,—
Ни одного нет, кто б не плакал горько.
Молитву шлют, прося, чтоб всеблагой
Роланда сохранил до их прихода:
Чтоб вместе им с врагом закончить бой.
К чему мольба? Успеть они не смогут.
Аой.

139

Карл едет на коне, исполнен гнева;
Седая борода* поверх доспехов.

* Борода, выпущенная поверх доспехов, означала вызов врагу.

Бароны шпорят боевых коней,
В сердцах своих терзаясь сожаленьем,
Что их с Роландом храбрым вместе нет,
Когда он сарацинам дал сражение.
Из этой битвы выйдет ли он цел?
Великий бог! Баронов франкских цвет
Погибнуть должен там в кровавой сече!
Ни у кого еще из королей
Вовек героев не было отменней.

Аой.

140

Роланда взор холмы и дол окинул;
Кругом он франков увидал убитых.
По ним слезы не мог он не пролить:
«Бароны Франции, пусть божья милость
В чертоги рая души ваши примет,
Среди святых цветов покоит их!
Вассалов лучших мир еще не видел,
Своим мечом вы долго мне служили,
Земель немало с вами покори́л.
Себе на горе Карл вас возрастил!
О Франция моя, ты край счастливый!
Какой удар тебя теперь постиг!
Бароны франкские, кончину
Пришлось из-за меня вам здесь найти.
Вас защитить, увы! я не был в силах.
Господь возьмет вас, вечно справедливый!
Мой Оливер, соратник, брат мой милый!
Я не оставлю вас в разгаре битвы.
Давайте ж снова мы врагов разить!»

[Вновь продолжают франки бой; но на них наступают все новые и новые силы сарацин. Падает в бою Оливер, оплаканный Роландом, падает израненный архиепископ Турпин. Но и сарацины обращены в позорное бегство.]

161

Язычники бегут в бессильном гневе,
Их путь — назад, в испанские пределы.
Роланду не дано погнаться вслед:
Под ним пал Вельянтиф, его конь верный.
Теперь ему придется биться пешим.

Помочь архиепископу хотел он.
Снял с головы его тяжелый шлем,
И снял с него он легкий панцырь белый;
Его одежду на куски разрезал,
На раны наложил ему отрезки.
Взял на руки и бережно и нежно
Его на мягкой положил траве.
Затем просил его о позволенье^{*}
Отправиться искать тела друзей:
«Тела всех тех, кто дороги так сердцу,
Я разыщу и соберу их вместе,
Чтоб вы могли им дать благословенье».
«Идите же, — Турпин ему в ответ, —
Хвала творцу, — за нами поле сечи:
Принадлежит оно лишь вам и мне».

162

Роланд на месте битвы павших ищет,
По склонам гор он ищет и в долине.
И вот Жерэн с Жерэром перед ним,
Атон, и Беренжэр, и Ансеис,
Самсон, Жерар де Русильон старик.
Несет их одного он за другим
Туда, где ждет его архиепископ.
Пред ним все в ряд сложил тела убитых.
Архиепископ слез сдержать не в силах.
Он всех благословил своей десницей
И так сказал: «Пусть души ваши примет
В свой светлый рай господь наш вседержитель!
Среди святых цветов покоит их.
И мой конец, я чувствую, уж близок.
Мне больше Карла славного не видеть».

163

Вернулся вновь Роланд на место боя.
Он Оливера-друга труп находит.
К груди своей прижал, смочив слезою.

^{*} Формула средневековой вежливости, согласно которой первый из покидающих беседу просит разрешения на это у собеседника.

К архиепископу донес, как смог.
На щит кладет убитого барона,
И пастырь осенил его крестом.
Сказал Роланд, терзаясь скорбью злою:
«Ах, Оливер, соратник дорогой!
Вы были славным рождены отцом,
Владения его в Рюньерском доле.
И лучше герцога Ренье кто мог бы
Сломить копье иль щит пробить насквозь,
Смирить в бою надменных гордецов
Иль поддержать вассалов благородных?
Нигде бы не нашлось ему подобных...»

164

Двенадцати увидя пэров трупы
И мертвым видя Оливера-друга,
Роланд не в силах удержать слезу.
Бледнеет лик его, и взор стал мутным.
Под ним от горя ноги подогнулись,
На землю он упал, лишившись чувств.
Архиепископ поспешил к нему,
Хотел он облегчить Роланду муку.

165

Роланда распростертого увидев,
Турпин глубокой скорбью был пронизан,
Какой не знал до этого он мига.
Взял рог он из Роландовой руки
И с ним хотел он вниз к ручью спуститься
(В ущелье Ронсевала ключ струится^а),
Роланду в роге воду принести.
Шатаясь, он отходит шагом тихим.
Но слишком слаб, не вмоготу идти.
Потерей крови очень обессилен,
И самой малой пяди он не смог пройти.
Вперед лицом упал архиепископ,
Почуял сердцем: смерть неотвратима.

^а В Ронсевальской долине есть два ручья: Урроби и Эрро.

166

Сознание вновь в Роланде просветлело.
Поднялся он, мучимый болью прежней.
Взглянул вокруг себя и вниз и вверх,
И зрит: Турпин, архиепископ реймский,
Меж павших распростерся на траве.
Барон отважный, господа наместник,
Сложивши руки вместе, их он к небу
С молитвой покаянною воздел:
Грехам своим просил он отпущенье.
И умер он, воитель Карла смелый,
Кто словом пастырским и бранным делом
Всю жизнь противоборствовал неверным.
Господне будь над ним благословенье!
Аой.

167

Архиепископ мертвым там лежит.
Из живота все внутренности, выпав,
Траву вокруг убитого покрыли,
И вытекает мозг из головы;
А руки несравненной белизны
Он посреди груди своей сложил.
Роланд излил над ним всю скорбь души,
Как то велит его страны обычай:
«Сеньор любезный, благородный рыцарь!
Да примет вас теперь господь всевышний.
Никто так не служил ему, как вы,
Как вы не пекся о его святыне,
Со времени апостолов доныне.
Блаженство вечное вы заслужили,
Да будет божий рай для вас раскрыт!»

168

Роланд почувствовал: подходит смерть.
Сочится мозг сквозь рассеченный череп.
Он молится творцу за души пэров,
Святого Гавриила же смиренно
Защитой просит быть его душе.

Рог Олифант зажат в одной руке,
В другой же Дюрендаль, его меч верный.
Чуть дальше, чем на выстрел арбалета,
Прошел к испанским он пределам^{*}.
Близ четырех сверкающих камней
Упал без чувств он навзничь на траве,
Жестокой мукой одолен предсмертной.

169

Высоко взнесены деревьев главы.
Четыре глыбы каменных сверкают.
Близ них без чувств лежит Роланд.
Его заметил сарацин коварный:
Он, мертвым притворившись, меж телами,
Весь кровью перепачканный, лежал.
Поднявшись, до Роланда он добрался.
Могуч он был, красив, душой отважен.
Возникло в нем предерзкое желанье
Взять Дюрендаль и Олифант.
Воскликнул он: «Здесь пал племянник Карла!
Я меч его возьму с собой к арабам!»
Но в этот миг Роланд открыл глаза.

170

Роланд почувствовал, как кто-то меч
Его берет. С трудом приподнял веки
И так сказал, язычника заметив:
«Ты не из наших, как сдается мне!»
Держал он Олифант в своей руке,
Язычника ударил им по шлему.
Пробил насквозь и шлем золотой, и череп,
И оба глаза выпали на землю.
У ног Роланда мертвым пал неверный.
Сказал Роланд: «Презренный раб! как смел ты
Меня коснуться только, дерзкий нехристь?
Судил бы всякий про тебя: глупец!
Увы! расколот Олифант мой верный,
Разбит хрусталь, оправа отлетела».

^{*} Как победитель, Роланд идет умирать на отвоеванной земле; по той же причине он ложится лицом к «земле враждебной» (тирада 174).

171

Роланд почувствовал, как меркнул взоры;
Лицо покрылось смертной белизною.
Подняться на ноги он все же смог,
И темный камень видит пред собою,
Ударил он, печали злой исполнен,
О камень десять раз своим мечом;
И каждый раз, не согнут и не сломан,
От камня меч отскакивал со звоном.
Воскликнул граф: «Ко мне на помощь
Приди теперь, святая мать Христова!
Мне жалко вас, о Дюрендаль вы мой!
Здесь вашей службы верной срок окончен.
Я с вами одержал, о меч мой добрый,
Победу не одну на бранном поле,
И не одною овладел страной,
Где ныне правит Карл седобородый.
Пусть не владеет вами недостойный,
Кто от врага в бою бежать готов.
Вассалу честному служили долго,
И нет во Франции мечей подобных!»

172

Мечом по камню граф ударил.
Со звоном меч от камня отлетает,
Но неведима и не гнется сталь.
Роланд увидел: не сломить меча.
Излил над ним поток он скорбных жалоб:
«Мой ясный Дюрендаль, мой меч-красавец!
Как ты сверкаешь в солнечных лучах!
В Морьенском доле Карл стоял однажды,
Когда к нему с небес спустился ангел
И божью волю Карлу передал:
Чтоб отдал Дюрендаль свой император
Вождю, кого почтет он всех отважней.
Великодушный наш король тогда
Меня тобою, Дюрендаль мой, опоясал.
И с той поры я разных стран немало
С тобою королю завоевал:
И Мэн, и Пуатье, Анжу, Бретань,
Нормандию, Прованс и Аквитанию,

Ломбардию и целую Романью,
И обе Фландрии, и всю Баварию,
Бургундию, и Польши дальний край;
Константинополь Карлу платит дань,
И вся Саксония ему подвластна.
Завоевал я Англию с Шотландьей
(Своею вотчиной зовет их Карл);
Завоевал с тобой я столько стран,
Где Карл седобородый нынче правит!¹⁹
Тебя, мой меч, мне несказанно жаль.
Умру, но не отдам тебя неверным псам!
Ты Францию, господь, избавь от срама!»

173

Роланд ударил вновь мечом о камень,
И повторил удар он много раз.
Звенит металл и искры рассыпает,
Но крепкий меч не сломится никак.
Увидел граф, что тщетны все старанья
И своему мечу тогда сказал:
«Ах, Дюрендаль, мой верный меч прекрасный!
На рукоятке у тебя в оправе
Святыня не одна заключена^a:
В ней вложен зуб апостола Петра,
Святого Дионисия^b власа,
Василия святого крови капли,
Кусок одежды матери Христа.
Владеть тобой язычнику пристало ль?
Служить ты должен только христианам.
Не смеет трус в руке тебя держать.
Завоевал с тобою много стран —
Они седому Карлу все подвластны,
От них могуч король наш и богат».

174

Роланд почувствовал: подходит смерть,
От головы спускается на сердце.
Добаться до сосны большой успел он,

^a В шарообразном грифе меча часто помещались реликвии.

^b Святой Дионисий (Дени) почитался как патрон французов.

Под нею на зеленой лег траве.
Свой меч и Олифант покрыл он телом,
Лицо же повернул к земле враждебной:
Увидит Карл, что он не оробел,
Врагов не устрасился перед смертью;
Что умер он, увенчанный победой,
Любезный граф Роланд, воитель смелый.
Перчатку он протягивает к небу^{*},
Чтоб бог простил ему все прегрешенья.
Аой.

175

Роланд почувствовал: подходит срок.
К Испании лицом, на жестком холме,
Лежит и в грудь себя он бьет рукой:
«Грехам моим и в малом и в большом
Дай отпущенье мне, великий боже!
Прости мне все, в чем пред тобой виновен
С рожденья до моей кончины горькой!»
Он протянул свою перчатку к богу,
И ангелов к нему спустился сонм.
Аой.

176

Там под сосною граф Роланд лежит,
К Испании лицом оборотившись.
О многом вспомнил он перед кончиной:
Он вспомнил славных родичей своих,
О многих землях, что он покорил,
О Франции своей он вспомнил милой;
О Карле, императоре любимом,
Кто с детских ранних лет его растил.
Он слез и вздохов удержать не в силах.
Но не забыл он и своей души:
Пред богом признает свои грехи
И молит им прощение и милость:
«Отец небесный, вечно справедливый,

* Перчатка служит залогом явки. Роланд подает ее богу как вассал своему будущему сеньору.

Кто Лазаря из мертвых воскресил,
Кем ото львов спасен был Даниил²⁰,
Моей душе ты будь теперь защитой!
Мне отпусти, в чем согрешил я в жизни!»
И он перчатку со своей десницы
Подъемлет к богу в тот последний миг.
Архангел Гавриил перчатку принял.
Сложивши руки, головой поникнув,
Принял тогда Роланд свою кончину.
К нему послал всевышний херувима,
Защитника от вод святого Михаила,
Архангел Гавриил¹ явился с ними,
И душу графа в рай они взнесли.

177

На небесах Роландова душа.
А Карл меж тем достигнул Ронсевалья.
Земли там нету пяди самой малой,
Что не покрыта мертвыми телами, —
Язычники и франки там смешались.
«Где вы, Роланд? — воскликнул император, —
Где Оливер, отважный ваш собрат?
Архиепископ мой, что стало с вами?
А где Жерэн? Жерэр, его соратник?
Где Беранжэр? Отон, могучий граф?
Ивон и Ивуар, что мне желанны?
А что с Гасконцем Энжелэром стало?
Что с Ансеисом и Самсоном храбрым?
И где Жерар из Русильона старый?
Где пэры Франции, что здесь оставил?»
Ответа нет, взывает он напрасно.
«Мой бог! — сказал король, — зачем в начале
Сраженья этого я не был с вами!»
Рвет бороду от горя и печали.
Все рыцари его, бароны, плачут;
На землю двадцать тысяч их упало.
И Нэму-герцогу их очень жаль.

¹ Архангел Гавриил — обычный посредник между богом и людьми в представлении средневековья — и популярный в Нормандии «начальник небесных воинов» Михаил принимают душу храбрейшего из рыцарей.

Нет рыцаря средь них, барона нет,
Кто б слез тогда не пролил безутешных.
Они любимых братьев, сыновей,
Соратников, своих сеньоров ленных
Оплакивали там, припав к земле.
Сказал тут Карлу Нэм, премудрый герцог;
«Взгляните, государь, как вдалеке
Дымится пыль под поступью неверных.
Спешите ж им вослед за правой местию!»
«Их не догнать, — король ему в ответ, —
Как поступить, вы дайте мне совет.
У милой Франции, к ее беде,
Они цветок сорвали несравненный».
Тедбальду Реймскому и Гебуэну,
Милону и Отону Карл велел:
«В долинах и в горах настороже
Остаться вам на месте этой сечи.
Но вы не троньте бездыханных тел,
Чтоб слуги наши тронуть их не смели,
Чтоб к ним не прикоснулся дикий зверь,
Тела героев павших мне сберечь
До моего должны вы возвращенья».
Они ему в ответ сказали нежно:
«Любимый государь наш несравненный!
Исполним все, как вы нам повелели»,
И тысяча там рыцарей отменных
Осталась поле бранное стеречь.

Аой.

Трубить Карл император приказал
И с войском на язычников ударил.
Не устояла перед ним неверных рать —
Бежит назад, в предел земли испанской.
Преследуют их франки неустанно.
Карл видит: солнце близится к закату.
Он на лугу с коня тогда слезает;
С молитвою к земле сырой припав,
У бога просит солнце задержать,
Чтоб длился день и ночь не наступала.

И тут к нему с небес спустился ангел
И так он императору сказал:
«Преследуй, Карл, по-прежнему врага!
Задержит солнце для тебя создатель.
Известно богу, что тобой утрачен
Земли французской цвет прекрасный.
Тебе господь в отмщенье не откажет».
Так ангел рек, и на коня сел Карл.
Аой.

180

Свершил тогда для Карла чудо бог:
Среди небес остановилось солнце^а.
Бегут язычников смятенных толпы.
Французы гонят их чрез Темный Дол^б;
Неверных рать уходит к Сарагосе;
Спасенья нет для сарацинских полчищ:
Им ровные отрезаны дороги;
И перед ними Эбро плещут воды,
Стремительны, и грозны, и глубоки.
Нет лодки там, ни челна, ни парома.
Воззвав к своим богам в напасти злой,
Они бросались в пенистые волны.
Но Тервагант²¹, их бог, им не поможет.
Плывущих шлемы тяжкие и брони
Влекут с неумолимостью на дно;
Других теченьем бурным понесло,
А третьи захлебнулись вмиг водою,
Из них не переплыл реки никто.
Роланда встретили себе на горе!
Аой.

181

Увидел Карл: враги истреблены —
Одни мечей французских став добычей,
Другие же волной поглощены.

^а Мотив, заимствованный из библии, где бог, по молитве Иисуса Навина, останавливает солнце, пока израильтяне поражают амореев.
^б Темный Дол — возможно, имя собственное.

К земле припал; из сердца глубины,
За милость, что явил ему всевышний,
Благодаренья им принесены.
Когда он встал с земли, уж солнце скрылось.
«Вернуться в Ронсеваль нам поздно нынче,
Здесь лагерь на ночлег разбить должны.
Пусть кони отдохнут и поостынут;
Свободны от седла и от узды,
Пасутся пусть среди травы душистой».
«Король наш прав!» — ответил каждый рыцарь.
Аой.

182

Там император лагерь свой разбил
И с войском ночь провел в пустыне дикой.
От седел и уздечек золотистых
Коней своих французы облегчили,
Им дали вольно на траве пастись,
Заботы лучшей уделить не в силах.
В глубокий сон все войско погрузилось,
И часовые сон не стерегли.

184

Свет лунный озаряет ночи сумрак,
Не может император Карл заснуть.
Роланда смерть как позабыть ему,
Двенадцать пэров как забыть французских,
Чьи в Ронсевале он оставил трупы?
Молитву воссылает Карл творцу,
Проя погибших упокоить души.
Печалью безутешною измучен,
Уснул он, обессилевши от мук.
Спят франки верные его вокруг.
И коням на ногах держаться трудно,
Улегшись на земле, жуют траву:
Ведь страда злая многому научит...²²

203

Едва забрезжил в небе свет зари,
От сна Карл-император пробудился.
Архангелу святому Гавриилу
Господь велел его в ту ночь хранить,
Наутро ангел к небу воспарил.
Доспехи ратные с себя Карл скинул,
И все французы так же поступили.
Сев на коней, их вскачь они пустили,
И мчатся через холмы и долины,—
На Ронсеваль, на место страшной битвы
Воителей французских путь лежит.
Аой.

204

Достиг до Ронсеваля император.
При виде стольких павших он заплакал.
«Убавьте шаг,— своим тогда сказал он,—
А я вперед теперь отправлюсь сам,
Сам отыщу племянника Роланда.
Я помню, раз в Аахене был праздник.
Победы там вассалы вспоминали,
Что для меня в походах одержали.
И помню, как Роланд тогда сказал,
Что, если б смерть в бою его застала,
Он впереди своих солдат лежал бы,
Лицо бы повернул к земле врага,
И умер бы, победою венчанный».
И на длину копейного броска
Отходит Карл вперед, своих оставив.

205

Роланда труп Карл, может быть, отыщет.
Вокруг него и травы, и цветы
Его баронов кровью все покрыты.
Такой печали он не знал доньше,
И горьких слез сдержать не в силах был.
Подъехал Карл-король под две сосны,
Взглянул он на три каменные глыбы,—

На них меча Роландова следы.
И видит Карл: Роланда труп лежит.
Плачевный вид ужасней всякой пытки!
Сойдя с коня, к Роланду Карл спешит.
Его обнял и сам от мук избытка
На труп упал, мгновенно чувств лишившись.

206

Приходит снова император в чувство.
Граф Анселэн и герцог Нэм премудрый,
А с ними Генрих, Жофруа Анжуйский,
Его подняв, сажают под сосну.
На землю пред собой взглянувши,
Роланда милого он видит труп.
С печалью нежною сказал ему:
«Мой друг Роланд! Таких, как ты, не будет.
Кто одержал побед так много чудных?
Господь твою пусть примет душу!
Отныне честь моя пойдет на убыль».
И снова Карл упал, лишившись чувств.
Аой.

207

Пришел опять в сознание Карл-король.
Его подняли четверо баронов.
На землю бросил взгляд он снова
И видит труп Роланда своего:
Красив, как был, но бледное лицо,
И смерти пеленой оделись очи.
Над ним заплакал император горько:
«Мой друг Роланд, пусть милосердный бог
Твой дух в селеньях райских упокоит!
В Испанию тебя привел злой рок!
И каждый новый день несет мне горе,
Отныне мощь моя склонилась долу!
Для чести нет надежного оплота.
Мне кажется, я в мире одинок,—
Родные есть, но нет тебе подобных».
Рвет волосы на голове седой.
Сто тысяч верных франков скорби полны
И ни один слезы сдержать не может.
Аой»

208

«Мой друг Роланд! Вернись обратно
В пределы Франции моей желанной.
Ко мне в Лаон* из королевств и царств
Сберутся чужеземные вассалы.
«Где полководец ваш?» — они мне скажут.
Отвечу им: «В Испании он пал.
А мне в печали злой осталось править
И слезы каждодневно проливать».

209

«Мой друг Роланд! прекрасный, юный, смелый!
В Аахен люди явятся ко мне
Узнать, какие я привез известия.
О горе злом придется им поведать:
«Роланд, племянник мой, похищен смертью,
Герой, что столько покорил земель».
Восстанут Саксы, и Болгары, Венгры,
И множество других племен неверных:
Романья, Апулия и Палермо,
И житель Африки и Калиферны,
Неся мне много трудностей и бед²³.
Кто войско Карла поведет в сражение,
Когда в живых Роланда больше нет?
О Франция, как ты осиротела!
Мне лучше самому бы умереть!»
Седую бороду свою он треплет,
На голове рвет волосы в тоске.
Сто тысяч франков на землю поверглось.

210

«Мой друг Роланд! Да будут пусть раскрыты
Ворота рая для твоей души!
Убийцы, кем вы были сражены,
Подвергли франков скорби неизбывной.
Хотел бы жизни я и сам лишиться!

* *Лаон (Лан)* — столица западной франкской державы в эпоху последних Каролингов (конец IX и начало X в.).

Бароны верные, мой каждый рыцарь,
Здесь за меня вы головы сложили!
Пока я не достиг ворот заветных Цизры*,
Пусть даст Христос, святой Марии сын,
Чтоб души наши в небе вместе были
И вместе бы тела схоронены!»
Карл плачет громко, волосы седые
В отчаянье он рвет из бороды.
Нам говорит: «Терзается владыка!»

Аой.

/

211

«Мой государь, — промолвил Жофруа, —
Не предавайтесь так своей печали!
Теперь собрать тела всех тех нам надо,
Что были сражены в бою врагами.
В могиле общей пусть они лежат».
«Трубите в рог!» — король тогда сказал.

Аой.

212

И Жофруа Анжуйский в рог трубит.
Исполнить долг французы поспешили.
Тела друзей и родичей своих
Они несут к одной большой могиле.
При войске находился не один
Епископ и аббат благочестивый;
Священники в тонзурах там нашлись;
Каноники, монахи были с ними.
И божьим именем благословили
Они тела воителей убитых.
Душистый ладан, мирру воскурили
И с честью их великой погребли.
Что сделать большее они могли?

Аой.

* *Ворота Цизры* — горный проход у северного склона Пиренеев, примыкающих к Ронсевалю.

213

Готовит Карл Роланда погребенье,
Турпина с ним и друга Оливера.
В своем присутствии король велел
Из груди каждого исторгнуть сердце
И, спеленавши шелком драгоценным,
Три сердца в урне мраморной беречь.
Затем тела баронов убиенных
Душистому подвергли омовенью
И обернули шкурою оленьей.
Тедбальду Реймскому и Гебозну,
Милону и Отону с ними вместе
Везти тела великий Карл доверил.
На три возка положены три тела,
Галатскою покрыты тканью сверху.
Аой.

[Карл хочет продолжать отступление, но его вызывает на бой Балигант со своими полчищами. В великой битве между франками и сарацинами Карл разбивает наголову Балиганта, убивает его самого в стычке, берет Сарагосу, Марсилий умирает в отчаянии, и обращает в христианство всех оставшихся в живых.]

268

Вернулся из похода император.
В Аахене он в городе прекрасном
Вступил под сень высокого дворца.
Красавица к нему явилась Альда,
Спросила императора она:
«Где полководец храбрый ваш Роланд,
Кто взять меня в супруги клятву дал мне?»
От этих слов великий Карл заплакал,
Принялся бороду седую рвать.
«О девушка, о мертвом вопрошаешь!
Тебе другого я супруга дам:
Женою моего Луи* ты станешь,
Кто после примет от меня державу.
Сказала Альда: «Странные слова!
Не дайте, ангелы и бог-создатель,
Чтоб я жила, когда Роланд скончался!»

* Луи-Лодевис — будущий император Людовик Благочестивый (814—840 гг.).

И побледнев, у Карла ног упала.
Она мертва, — господь над нею сжался!
По ней французские бароны плачут.

269

Так Альда приняла свою кончину.
Подумал Карл, что чувств она лишилась,
Спешит поднять красавицу с земли.
Но голова безжизненно поникла, —
Что умерла она, король увидел. /
Тогда велел он четырем графиням
В святую монастырскую обитель
Усопшую торжественно свезти.
Всю ночь они над телом сторожили,
Когда ж занялся первый свет зари,
При алтаре ее похоронили.
Высоко Альду-деву Карл почтил.

Аой.

270

В Аахене на площади дворцовой
Стоит, к столбу привязан, Ганелон.
На нем тяжелые лежат оковы.
Ремнями из оленьей крепкой кожи
Рабы связали руки у него
И принялись плетью стегать жестоко.
Такой злодей не заслужил иного.
Там в муках ждет суда он над собой.

271

Так говорят анналы старины:
Вассалов — и не из одной страны —
К себе в Аахен император вызвал
Над Ганелоном правый суд свершить.
И в день, когда справлялся праздник пышный,
Как будто бы Сильвестра день то был —
Его судьба должна была решиться.
И Ганелон предстал перед владыкой.

Аой.

272

«Мои бароны, — Карл сказал, — вам в руки
Вручаю я над Ганелоном суд!²⁴
Примкнув коварно к войску моему,
Сгубил мне двадцать тысяч он французов;
Племянник мой Роланд был им погублен;
И Оливер, учтивый, храбрый муж;
Двенадцать пэров предал он врагу!»
«Бесчестье на меня, когда солгу! —
Ответил Ганелон. — Скрывать не буду:
Вражда к Роланду мне терзала душу,
И я погибели хотел ему.
Но я упрек в измене не приму».
Сказали франки: «Дело мы рассудим».

273

Могуч был Ганелон, дороден телом,
Красив румянец на его лице;
Бароном почитался бы примерным,
Когда б не запятнал свою он честь.
Представ пред королем, он огляделся:
Среди баронов — тридцать человек
Его родни и преданных друзей.
С такой он к судьям обратился речью:
«Бароны — господа, внимлите мне!
Сражался я за Карла на войне,
Служил ему и преданно, и верно.
Но граф Роланд, мне исстари враждебный,
Меня послом назначив в край неверных,
Тем обрекал на гибель и на смерть.
Лишь ловкостью я гибели избегнул.
В присутствии Карла и баронов всех
Я вызов бросил мой Роланду смело,
Его соратникам и Оливеру.
И я ответил, но не ценой измены».
Сказали франки: «Мы рассудим дело»...²⁵

.....

276

Вернулись к императору бароны
И говорят: «Мы, государь, вас просим

Об оправдании графа Ганелона,
Чтоб он служить и впредь вам верно мог.
Оставьте жить достойного сеньора.
Ведь не под силу никакой ценою
Вам воскресить Роланда своего.
«Ваш суд неправ!» — отвечивал король.
Аой.

277

Увидел Карл, его не поддержали.
Поникнул головой седой печально
И про себя сказал: «Ах, я несчастный!»
Но рыцарь тут один пред ним предстал:
Тьерри — Анжуйца Жофруа он брат.
Проворный, телом гибкий, худощавый,
На волос темен, смуглый цвет лица,
И ростом не велик, не слишком мал.
С такою речью обратился к Карлу!
«Вы не печальтесь, мой король прекрасный!
Известно вам, что я слуга ваш давний.
Мне предков честь велит теперь сказать:
Пред Ганелоном если был бы даже
Роланд хотя бы в чем-нибудь неправ,
Роланд был императора вассалом,
И служба та — ему была охраной.
Но все же Ганелон его предал,
Тем оскорбивши вашу честь и право.
А потому, сужу, достоин казни
Граф Ганелон, изменник и предатель.
Повешен должен быть он без пощады.
Когда найдется здесь, кто пожелал бы
Мое суждение опровергать,
То я готов мечом вот этим правду
В честном бою отстаивать всегда».
«Он хорошо сказал!» — решили франки.

278

Вперед выходит храбрый Пинабель.
Велик он ростом, силен беспримерно;
Удар его меча всегда смертелен.

Сказал он Карлу: «Государь, зачем
Шуметь и спорить будем мы бесцельно?
Мечам мы предоставим здесь решение.
Слова Тьерри в бою я опровергну».
Перчатку дал из кожи он оленьей.
«Залог мне лучший нужен», — Карл ответил.
Тут Ганелона родичи немедля
Себя дают в его распоряжение.
«Залог приму», — сказал король, велел
Под стражу взять все тридцать человек.
Аой.

279

Тьерри увидел, будет поединок.
Перчатку снял он со своей десницы,
Ее залогом император принял.
Четыре установлены скамьи,
На них противники расположились;
Тот и другой готовятся на битву.
Оружье и коней они спросили.
Ожэр-Датчанин будет бой судить.
Аой.

280

Бойцы закончили приготовления.
Грехи свои пред богом исповедав,
Причастье приняли они за мессой.
Богатый вклад тем и другим завещан
Для храмов божьих и монастырей.
Пред Карлом вновь Тьерри и Пинабель:
Стальные шпоры на ногах надеты,
Кольчуги белые легки, но крепки,
Забрала спущены у ясных шлемов,
На поясах мечи в золотой отделке,
Щиты подвешены у них на шеях,
И копья острые у них в руке.
Сто тысяч франков плачут безутешно:
Тьерри заранее они жалеют.
Лишь богу всемогущему известно,
Какой у битвы будет той конец.

281

Вблизи Аахена есть луг просторный.
На нем решат бароны бранный спор.
Они душой отменно храбры оба,
И горячи их боевые кони.
Подпруги лопнули на крупах конских,
Тьерри и Пинабель вступили в бой.
Разрублены щиты, летят осколки,
О панцирей металл сломились копья.
Подпруги лопнули на крупах конских,
И седла с лошадей упали прочь.
Сто тысяч человек там плачут горько.
Аой.

282

Упали оба рыцаря с коней,
Но тут же поднялись они поспешно.
Стремителен и легок Пинабель.
Тот и другой сражаться будет пешим.
Теперь настал черед для их мечей.
Удару каждому удар ответный, —
Недолго выдержат стальные шлемы.
Все рыцари кругом полны волненья.
Взмолился Карл: «Великий царь небес,
Ты сделай так, чтоб правда одолела!»

283

Воскликнул Пинабель, смиряя пыл!
«Постой, Тьерри! Клянуся я служить
Как преданный вассал тебе отныне,
Моим богатством наградить в избытке,
Добейся лишь у нашего владыки,
Чтоб славный Ганелон прощен им был!»
Тьерри в ответ: «Вступивши в торг постыдный,
Себя навек позором я покрыл бы.
Кто прав из нас, пусть бог теперь решит!»
Аой.

284

Так Пинабелю говорит Тьерри:
«Известно всем ведь, Пинабель, отлично,
Что благородный, смелый ты воитель.
Пока еще не поздно, откажись
Неправому служить своей защитой.
Тебе смогу вернуть я Карла милость.
Но графу Ганелону не уйти
От кары за злодейство справедливой,
Какой доселе мир еще не видел».
«Избави бог! — здесь Пинабель воскликнул, —
Чтоб я отрекся от моей родни!
Я предпочту скорей в бою погибнуть,
Чем родичам позорно изменить!»
И тут свой бой они возобновили.
По шлемам бьют тяжелые мечи,
Взлетают к небу огненные искры.
Теперь уже никто их не разнимет:
Смерть одного из них — исход единый.
Аой.

285

Противника тут Пинабель Соранский
По шлему провансальскому ударил:
От искр занялась пламенем трава.
Еще один удар обрушил страшный
Могучий Пинабель на храбреца:
Кровь льется сквозь разбитое забрало,
Залита ею правая щека.
Но богом сохранен Тьерри отважный,
И не смертельной оказалась рана.
Аой.

286

Что смерть ему грозит, Тьерри почуял.
Покрыта кровью вся трава вокруг.
Он, силы все собрав, удар могучий
На Пинабеля темный шлем обрушил.
Рассек мечом всю голову ему,
И вытекли мозги его наружу.
Тьерри тогда из раны меч рванул —

И мертвым Пинабель на землю рухнул.
 «Явил нам чудо бог! — кричат французы, —
 Теперь пусть Ганелон повешен будет,
 И вместе все, кто был его порукой».
 Аой...²⁶

289

Совет закончив, судьи к Карлу вышли.
 Баварец, Алеманн, Нормандский рыцарь,
 Бретонец, Пуатинец, Франк решили,
 Что Ганелону умереть в жестокой пытке.
 На луг конюшими приведены
 Четыре жеребца горячих, пылких.
 Злодея руки к ним и ноги были
 Ремнями натуго прикреплены.
 Вблизи паслась кобыла средь травы.
 Погнали слуги жеребцов к кобыле,
 Быстрее вихря мчатся все четыре.
 Тут лопнули у Ганелона жилы,
 И вмиг он на куски разорван был.
 Такой конец изменник заслужил:
 Злодейства своего пожал плоды.

291

Так совершил возмездье император
 И утолил великий гнев свой правый.
 Минует день, и ночи мрак настал.
 Король ложится в сводчатой палате.
 Посланец бога, Гавриил-архангел,
 К нему тогда спустился и сказал:
 «Свои войска теперь ты собирай,
 Идти ты должен в Биры дальний край,
 Помочь царю Вивьену в Инфе-граде^а,
 Язычники ведут его осаду.
 К тебе из бед зывают христиане».
 Вновь на войну идти не мило Карлу.
 «О боже! — молвил он, — как жизнь трудна!»
 Рвет бороду свою и горько плачет.
 Устал Турольдус²⁷, и конец рассказу.

^а *Инфа* — может быть, город Нимфа, который Карл отвоевал у лангобардов.

ДУХОВНАЯ ДРАМА

ДЕЙСТВО ОБ АДАМЕ

Сохранившееся в англо-нормандской рукописи рождественское действо середины XII в. отражает тот этап развития литургической драмы, когда она переносится из церкви на паперть. «Действо об Адаме» состоит из трех частей: грехопадения (занимающего около 600 стихов); убийства Каином Авеля (около 150 стихов) и явления пророков (около 200 стихов). Весь текст — уже на народном языке (рифмованные восьмисложные двустишия, кое-где перебиваемые десятисложными четверостишиями); только сценические ремарки, весьма подробные и дающие ясное представление о театральном оформлении пьесы, а также литургические тексты, читаемые клириком, написаны по-латыни.

«Действо об Адаме» примечательно тем, что в нем уже проявляется известная свобода поэтических характеристик, обычно отсутствовавшая в более ранних литургических драмах. Мы находим в пьесе живой диалог, попытку индивидуализации действующих лиц, ряд комических черт. «Действо» подготавливает дальнейший подъем средневековой французской духовной драмы, все более и более выходившей за пределы собственно клерикальной (культовой) литературы, наполнявшейся бытовыми, реалистическими деталями. Эта эволюция духовной драмы была тесно связана с ростом средневековых городов, ставших средоточием новой литературы, тяготевшей к реальной жизни. Выйдя со временем на городскую площадь, духовная драма уже прямо превратилась в один из видов литературы городского сословия.

Приводимые отрывки все взяты из первой части пьесы. В переводе текст местами сокращен.

Б о г^{*}

А д а м

Адам!

Нет, буду верен до конца,
Всегда лишь слушаться творца.

А д а м

Господь?

Б о г

Б о г

Подругу дал тебе одну;
Чти Еву, как свою жену.

Я создал плоть

Она, жена, тебе равна;
Будь верен ей, как и она.

Твою из глины.

А д а м

Как и она, люби ее,
И благом будет бытие.

Так, Господь.

Пусть повинуется тебе,
Вы ж оба — мне в своей судьбе.

Б о г

Она из твоего ж ребра,
Родна должна быть и добра.

Я сотворил по своему
Тебя подобью. Потому
Блюди, чтоб мысли мне твои
Противоречить не могли.

Она из тела твоего,
А не извне, — у вас родство.
Разумно ею управляй;

^{*} Бог в оригинале назван «Образ» (Figura).

Дух несогласья удаляй;
 В великой дружбе и любви
 Ты с ней в саду моем живи.
 (он обращается к Еве:)
 К тебе, о Ева, речь моя.
 Запомни все, что молвлю я.
 Коль хочешь ты к добру идти,
 Мою ты волю только чти;
 Люби и чти меня, творца,
 Как господина и отца.
 Служи мне мыслию своей,
 Всем сердцем и душою всей.
 Знай — ты жена, а он твой муж;
 Любовь к Адаму не нарушь.
 Под волю ты его клонись,
 От противленья охранись.
 Люби его без всякой лжи,
 Ему без ропота служи,
 Коль будете в любви семья,
 Обоих вас прославлю я.

Е в а

Господь, закон твой нерушим,
 И против мы не погрешим.
 Ты — повелитель мне один;
 Он равен мне, но господин.
 Мне дорог будет мой Адам,
 Совет всегда ему подам.
 И мне не надо лучшей доли,
 Я из твоей не выйду воли.

Д ь я в о л

Пришел я, Ева, в твой эдем.

Е в а

Скажи, о Сатана, зачем?

Д ь я в о л

Тебе открою славы путь.

Е в а

Господня воля.

Д ь я в о л

Страх забудь.

К тебе приход мой не случаен.
 В раю узнал я много тайн
 И часть открыть тебе спешу.

Е в а

Я внимлю, говори, прошу.

Д ь я в о л

Ты внимлешь?

Е в а

Да. Не огорчу
 Отказом, я внимать хочу.

Д ь я в о л

Ты не расскажешь?

Е в а

Нет. Открой.

Д ь я в о л

Но разгласится все...

Е в а

Не мной...

Д ь я в о л

Порукой слово. Не изменишь
 Ты мне и речь мою оценишь?

Е в а

Доверься же, я не предам.

Д ь я в о л

Ты знаешь: не умен Адам.

Е в а

Он строг, суров.

Д ь я в о л

Он будет слаб.

Е в а

Чистосердечен.

Д ь я в о л

Больше раб^а.

Не мысля о своей судьбе,
Хотя б подумал о тебе.
Ведь ты слаба, нежна ведь ты,
Как розы вешние листы;
Свежее снега ты, белей
Чуть распутившихся лилей.
Творец вас дурно согласил:
Ты — нежность, он же —

грубость сил.

Но лишь тебе желаю я
Открыть всю тайну бытия,
Затем что ты мудрей, чем муж.
Так не расскажешь ты?

Е в а

Кому ж?

Д ь я в о л

Расскажешь, тайну не храня,
Узнают все.

Е в а

Не от меня.

Д ь я в о л

Так слушай. В мире мы во всем
С тобою будем знать вдвоем:
В незнание пусть живет Адам.

Е в а

Ни слова я не передам.

Д ь я в о л

Тебя к познанию веду.
Вы здесь обмануты, в саду.
В плодах, что вам вкушать дано,
В них соков слабое вино.
Лишь те, что вам запрещены,
Всей силой жизненной полны,
Одна б лишь мягкость их дала
Познания вам добра и зла.
Дала б могущество и власть.

Е в а

А вкус?

Д ь я в о л

Божественная сласть.
Твоей достойно красоте
Дерзнуть вкусить плоды бы те.
Владела б, этою ценой,
Ты высотой и глубиной.

^а В оригинале непереводимая игра слов: «franc» — «чистосердечный» и «свободный».

Плода запретного поестъ, —
И ты б познала все, что есть.

Е в а

Исполню я.

Е в а

Д ь я в о л

Ужели плод таков?

Когда?

Д ь я в о л

Е в а

О, да.

Пусть с глаз

*(Ева внимательно взирает на све-
сившийся плод и, взирая, говорит:)*

Уйдет Адам сперва от нас.

Д ь я в о л

Е в а

Такие видела всегда.

Прошу, отведай же теперь,
Смешна медлительность,

поверь...

Д ь я в о л

Вкусив, уверишься вполне.
Я прав.

*(Дьявол удаляется от Евы и ухо-
дит в ад. Подходит Адам, недоволь-
ный, что с Евой беседовал Дьявол, и го-
ворит ей:)*

Е в а

А д а м

Как знать?

Какое зло, открой, жена,
Тебе внушал здесь Сатана?

Д ь я в о л

Е в а

Не веришь мне?

Достигнуть славы он учил.

Адаму дашь. С ним примешь ты
Венец небесный с высоты,
И будете творцу равны,
Прияв познания глубины.
Плода лишь вкусите, тотчас
Сердца изменятся у вас.
Сравнились бы, когда б вкусили,
Вы с богом в благости и силе.
Вкуси плода!

А д а м

Не верь, он имя получил
Предателя — враг бытия!

Е в а

Откуда знаешь?

Е в а

А д а м

Запрет на нем.

Слышал я.

Д ь я в о л

Е в а

Не верь Адаму ты ни в чем.

Что в том? Поговорил бы с ним,
Твой стал бы приговор другим.

Адам

Нет, не поверю я ему,
Он сеет только зло и тьму.
Не позволяй, приди в себя!
Влечет он, души все губя.
Врагом создателя он стал,
На господу он клеветал;
Того, кто поступает так,
Всегда беги, тому 'я враг!

(Змей, искусно сделанный, выползает по стволу запретного дерева, Ева преклоняет к нему ухо, как бы прислушиваясь к советам. Она берет яблоко и протягивает Адаму, но Адам не принимает его, и Ева говорит:)

E v a

Таких не приходилось есть.
Возьми, пока возможность есть.

А д а м

Так хороши?

E в а

Оценишь вкус, лишь дав устам.
Попробуй сам.

А д а м

Страшусь.

Е в а

Как?

Адам

Взять — не взять, когда б...

E B a

Колеблешься... ужель так слаб?

Адам

Дай!

E v a

Съешь! И станет все светло,
Познаешь ты добро и зло,
Все, что от нас таит эдем.
Ты — после, я сперва поем.

(Ева съдава частъ яблока и говори
Адаму:)

E B a

О дивный вкус! Никто плода
Не ел такого никогда.
О сладость небывалых нег!

Адам

Каких же?

E v a

Я не знала ввек.
Вся тайна стала мне ясна,
Как будто богу я равна.
Я знаю все, чем я была,
Чем быть должна; вся глубь
светла.

Не медли же, вкуси, Адам.
Тебе я тем блаженство дам.

А д а м.

Тебе поверю: ты жена.

E v a

Вкуси же. Прав был Сатана.

(Адам съедает часть яблока и познает, что согрешил; он опускает глаза, снимает пышные одежды и надевает одежду бедную, шитую из фиговых ли-

стьев, и, являя вид великой скорби, начинает сетовать:)

А д а м

Увы! увy! Я согрешил,
Я счастья сам себя лишил.
Увы, жалка судьба моя,
И смерть за грех познаю я.
Наказано мое дерзанье,
Блаженство перешло в страданье.

Сгубил меня совет жены,
От бога мы удалены.
Что делать мне? Как прежним
стать?

Как буду господау внимать?
Как бога мне внимать словам?
От бога отошел Адам.
Лишен невинных я утех,
Познал я, что такое грех.
Когда ж я в смерти взор смежу,
Мир от себя освобожу?
Что тяготить я буду мир?
Тьму ада зреть мне — не эфир.
В аду ждать буду, взаперти,
Того, кто может извести.
Вся будет адом жизнь моя.
Кто из него спасет меня?
Кто мне бывшее возвратит
И от скорбей освободит?

Зачем творца я оскорбил?
Кто, как не он, меня любил?
Меня спасет какой же друг?
Иду в путь гибели и мук.

Б о г

Идите вон. Сменить вам рай
Придется не на лучший край.
Вот ставьте хижину свою:
Не нужно было то в раю.
Вы не измените суда,
Нет возвращенья вам сюда,
Не ваше все, что здесь окрест,
Себе других ищите мест!
Идите ж вон. Запрет вам тут;
Ждет вас отныне глад и труд,
Ждет скорбь, усталость и
нужда

Дни, и недели, и года.
И вам страдать отныне впредь,
А наконец и умереть.
А завершивши лет чреду,
Потом жить будете в аду.
И будут изгнаны тела,
А души сгибнут властью зла;
У Сатаны быть — ваш удел.
И нет того, кто б пожалел,
Кто б вам помог хотя словами,
Коли не сжалюсь сам над вами.

ЛИРИКА XII—XIII ВВ.

В Северной Франции куртуазная лирика возникла несколько позднее, чем в Провансе. И здесь она была тесно связана с феодально-рыцарской средой. Во всяком случае, почти все известные нам труверы (так назывались французские поэты; слово это имеет то же значение, что слово «трубадур») принадлежали к кругам феодальной знати. Правда, подчас в поэзии труверов слышатся отзвуки народной поэзии. На это указывают, например, распространенные во французской куртуазной лирике так называемые ткацкие песни (см. ниже), представляющие собой переработку старых французских трудовых песен, распевавшихся девушками или женщинами из народа во время тканья. На связь с народной поэзией указывают также излюбленные труверами рефрены, столь характерные для

народной песенной лирики. К традициям французской народной поэзии были, видимо, особенно близки произведения ранних труверов. В дальнейшем труверы усваивают аристократическую концепцию куртуазной любви, сложившуюся в Провансе, а также используют в своих произведениях основные жанры провансальской поэзии, уступая, однако, провансальским поэтам в творческой самобытности и поэтической яркости.

С жанрами провансальской лирики совпадают следующие жанры французской куртуазной лирики XII—XIII вв.: провансальской кансоне соответствует французская *chanson*, провансальской альбе — французская *aubade*, провансальской пастореле — французская *pastourelle*, провансальской тенсоне — французская *tenson* или *jeu parti* и т. д. Поэтому в характеристике этих жанров можно ограничиться сказанным во вводной заметке к провансальской лирике.

Однако наряду с этими жанрами, усвоенными рыцарской поэзией Франции от поэзии провансальского рыцарства, во французской лирике XII—XIII вв. широко представлены жанры, мало распространенные или совсем отсутствующие в провансальской лирике. Таковы: *chansons de toile* — ткацкие песни, лиро-эпические романсы, за исключением нескольких поздних произведений начала XIII в., неприязательные в своей художественной форме (простые строфы из стихов, соединенных ассонансами, с припевом из более короткого стиха или двух-трех стихов); *chansons de mal-mariée* — песни о несчастном замужестве, с определенной тематикой (жалоба молодой жены на мужа), часто весьма изысканные по форме; *chansons de croisade* — песни о крестовом походе, пропагандирующие идею организации крестового похода.

Дошедшие до нас произведения французской куртуазной лирики приписаны определенным авторам. Напротив, ткацкие песни и песни о крестовом походе по большей части анонимны.

ТКАЦКИЕ ПЕСНИ

I

Анонимная *chanson de toile*, засвидетельствованная в одной только рукописи XIII в., но относимая исследователями к значительно более раннему времени.

¹ Май возвращается с долгими днями.

Едут, могучими правя конями,
 Рыцари Франции, — первым Рейно.
 Дом Эрамбор проезжая с друзьями,
 Он никогда не посмотрит в окно.
 Ах, Рейно, мой друг!

⁶ А в окне — Эрамбор. Она шьет шелками
 Пестрый узор на святой орифламме^а.
 Видит она — проезжают рядами
 Рыцари Франции, — первым Рейно.

^а *Орифламма* — знамя императора Карла Великого, а впоследствии каролингских и капетингских королей Франции.

Не молчит в ней сердце — кричит оно:
Ах, Рейно, мой друг!

- ¹¹ «Если когда-то, о рыцарь мой, с вами
Я не могла обменяться словами,
Как в этот день тосковали вы, граф*!»
«Кесаря дочь, изменили вы сами,
Верного друга забвенью предав...»
Ах, Рейно, мой друг!

- ¹⁶ «Разве, Рейно, изменила я вам?
Пойду на мощах поклясться во храм
В присутствии ста благородных дам:
Лишь вы прикасались к моим устам.
Покайтесь, и сердце я вновь отдам».
Ах, Рейно, мой друг!

- ²¹ Быстро Рейно побежал по ступеням,
Мощный, как лев, и стройнее оленя,
Кудри — парчи золотой драгоценней,
Кто на земле красотой совершенней?
Пред Эрамбор он упал на колени...
Ах, Рейно, мой друг!

- ²⁶ Сам он на башню пришел к своей даме,
Сел он под полог, расшитый цветами^b,
Вновь Эрамбор он коснулся устами,
Прежней любви загорелось в них пламя.
Ах, Рейно, мой друг!

II

Анонимная *chanson de toile*, засвидетельствованная в рукописи XIII в., но возводимая исследователями к XII в.

- ¹ Прекрасная Доэтта у окна
Книгу читает, но книга ей скучна,
Друга Доона вспоминает она,
Он в дальних краях, где идет война.
И вот в сердце — боль...

* Характерная для *chanson de toile* ситуация, где инициативу объяснения в любви берет на себя женщина.

^b Одна из форм средневековой вежливости — усадить гостя на постель.

- ⁵ Оруженосец у лестницы зала
Остановился, и коня разнуздал он,
Прекрасная Доэтта к нему сбежала,
Еще она вести злой не слыхала.
И вот в сердце — боль...
- ⁹ Прекрасной Доэтты слова звучат:
«Когда господин мой вернется назад?»
Но скорбно гонец опускает свой взгляд,
Упала Доэтта без чувств у врат.
И вот в сердце — боль...
- ¹³ К прекрасной Доэтте вернулись силы,
К концу она очи свои обратила,
А сердце обидою горько заныло
О том, что уже не вернется милый...
И вот в сердце — боль...
- ¹⁷ Прекрасная Доэтта гонцу говорит:
«Где тот, кого сердце любить мне велит?»
«О дама, пусть бог вас от бед сохранит,
Господин мой умер, в бою убит...»
И вот в сердце — боль...
- ²¹ Прекрасной Доэтты душа томится:
«Зачем уезжали, милый мой рыцарь?»
Отныне навек облекусь власяницей,
Сброшены с плеч горностаи и куница.
И вот в сердце — боль,
Ради вас постригусь я в церкви Сен-Поль.
- ²⁵ Ради вас я построю такой храм,
Что в день, когда праздник торжественный там,
Изменник, любовь отвергающий сам,
Дороги не сыщет к его вратам.
И вот в сердце — боль,
Ради вас постригусь я в церкви Сен-Поль».
- ²⁹ Прекрасной Доэтты обет свершится:
Высок ее храм и все выше стремится;
В него каждая дама и каждый рыцарь
От мук любовных придут исцелиться.
И вот в сердце — боль,
Ради вас постригусь я в церкви Сен-Поль.

III

Анонимная *chanson de toile* XIII в.

- ¹ Месяц май пришел, с розовых кустов
Для возлюбленной я нарвал цветов:
Долетел ко мне чей-то нежный зов
Из рощи у монастырской границы...
 «Сердце болит под моей власяницей,
 Проклят тот, кто сделал меня черницей!
- ⁵ Проклят тот, кто привел меня сюда;
Целый день молись — нет скучней труда,
А я ведь совсем еще молода,
Негой любви я хочу насладиться...
 Сердце болит под моей власяницей,
 Проклят тот, кто сделал меня черницей!»
- ⁹ Плачет она: «О, какая печаль!
Четки порву я, сниму вуаль,
Нашу обитель мне бросить не жаль.
Клянусь Пречистой, — не стану молиться...
 Сердце болит под моей власяницей,
 Проклят тот, кто сделал меня черницей!
- ¹³ Другу скажу о решение моем,
В нашу обитель придет он тайком,
Прямо в Париж мы уедем вдвоем,
Молоды мы и хотим веселиться...
 Сердце болит под моей власяницей,
 Проклят тот, кто сделал меня черницей!»
- ¹⁷ Милый узнал, что она его ждет,
Весь задрожал он от счастья, — и вот,
Встретив подругу свою у ворот,
Он ее ночью увез из темницы...
 Сердце болит под моей власяницей,
 Проклят тот, кто сделал меня черницей!

Конон де Бетюн

Конон де Бетюн (вторая половина XII в.), родом из Пикардии (сохранилось предание, что его пикардское произношение вызывало насмешки при парижском королевском дворе), был участником третьего и четвертого крестовых походов. Из дошедших до нас десяти

его песен наиболее оригинальны песни о крестовом походе, рисующие конфликт любви и долга; остальные его любовные песни выдержаны в духе куртуазной лирики. Подражание песне Конона де Бетюна о крестовом походе — песня немецкого миннезингера Фридриха фон Хаузена — см. раздел «Немецкая литература».

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

- ¹ Увы! Любовь, зачем ты мне велела
В последний раз переступить порог
Прекраснейшей, которая умела
Так много лет держать меня у ног!
Но вот настал разлуки нашей срок...
Что говорю? Уходит только тело,
Его призвал к себе на службу бог,
А сердце ей принадлежит всецело.
- ⁹ Скорбя о ней душой осиротелой,
В Святую Землю еду на Восток,
Не то спаситель горшему уделу
Предаст того, кто богу не помог.
Пусть знают все, что мы даем зарок:
Свершить святое рыцарское дело
И взор любви, и ангельский чертог,
И славы блеск стяжать победой смелой!
- ¹⁷ Мы восхваляем наши имена,
Но станет явной скудость суесловий,
Когда поднять свой крест на рамена
Мы в эти дни не будем наготове.
За нас Христос, исполненный любви,
Пюгиб в земле, что туркам отдана.
Зальем поля потоком вражьей крови,
Иль наша честь навек посрамлена!
- ²⁵ Земная жизнь была забот полна,
Пускай теперь при первом бранном зове
Себя отдаст за господу она.
Войдем мы в царство вечных славословий.
Не будет смерти. Для прозревших внове
Блаженные наступят времена,
А славу, честь и счастье уготовит
Вернувшимся родимая страна.

- ³³ Те, кто остался дома поневоле:
 Священники, творящие обряд
 За упокой погибших в бранном поле,
 И дамы те, которые хранят
 Для рыцарей любви заветный клад, —
 Все к нашей славной приобщатся доле,
 Но низким трусам ласки расточат
 Те дамы, что себя не побороли!
- ⁴¹ Господь сидит на царственном престоле, —
 Любовь к нему отвагой подтвердят
 Все те, кого от горестной юдоли
 Он спас, прияв жестокий смерти хлад.
 Простит он тех, кто немощью объят,
 Кто в бедности томится иль в неволе,
 Но все, кто молод, волен и богат,
 Не смеют дома оставаться в холе.
- ⁴⁹ Потоки слез мне щеки бороздят, —
 Я еду вдаль, предавшись божьей воле,
 Я не боюсь страданий и преград,
 Одна любовь причина тяжкой боли...

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Рукописи этой песни предпосланы слова: «Мастер Рено сложил ее для господа нашего». Установить историческое лицо этого Рено исследователям не удалось, хотя язык его указывает на северо-восточную часть Франции, а начитанность в библии — на клирика. Простота языка и строфики песни, отсутствие изысканной рифмы, пользование припевом свидетельствуют о том, что песнь предназначалась не для аристократических кругов, а для народной массы.

¹ Чтoб вновь был светом oсиян
 Во тьму повергнутый народ, —
 Спою о том вам, сколько ран
 Земля господняя несет,
 Какой она от басурман
 Испытывает тяжкий гнет.
 Должны добиться мы тех стран,
 Куда в день оный всяк пойдет^а.

Иерусалим рыдает^б
 О помощи вызывает.

¹¹ В день оный? Разве кто узнал,
 Когда те сроки подойдут?
 Когда наступит страшный суд
 Все, кто крещение приял,
 Наследуют и обретут

^а Намек на библейский миф о долине Иосафатской, где соберутся в день страшного суда все воскресшие мертвецы.

^б Образ, взятый из библейских пророчеств.

Гас Брюле

С именем этого шампанского поэта (конец XII—начало XIII в.), пользовавшегося в свое время большой известностью (так, например, составитель романа «Guillaume de Dole» начала XIII в. говорит о Гасе как о знаменитом поэте), традиция связывает более пятидесяти песен, но по отношению к доброй трети их авторство Гаса является спорным. Песни Гаса изображают различные стадии любви — радость тайных свиданий, скорбь разлуки, гнев отвергнутого влюбленного. Предлагаемая песня представляет оригинальную разработку альбы в виде монолога влюбленной.

ПЕСНЯ

¹ Мне ничего противней нет,
Чем видеть утра алый цвет:
Прочь гонит от меня рассвет
Того, кто мне всего милей.
День ненавижу от души:
Нас разлучает он, злодей.

² Сиянью дня мой взор не рад,
За нами люди днем следят;
Боюсь бесчисленных засад
Завистливой я черни всей.
День ненавижу от души:
Он разлучает нас, злодей.

³ Когда в постели я лежу
И вокруг себя с тоской гляжу,
Я вас, мой друг, не нахожу.
Кто наших недругов подлей?
День ненавижу от души:
Он разлучает нас, злодей.

⁴ Друг милый, вам пора уйти.
Храни всевышний вас в пути!
Прошу вас память унести
С собою о любви моей.
День ненавижу от души:
Он разлучает нас, злодей.

⁵ Любовников прошу я впредь
Повсюду эту песню петь.
Не нам завистников жалеть
И злобных в ревности мужей!
День ненавижу от души:
Он разлучает нас, злодей,

ПЕСНЬ О ЗАРЕ

(AUBADE)

Анонимная песня этого жанра (XIII в.) дает очень сложное и своеобразное развертывание обычной ситуации. Вместо традиционного диалога рыцаря и его верного друга, стоящего на страже (ср. альбу Гираута де Борнеля), первая часть этой песни представляет спор двух стражей: первый, ничего не подозревающий о тайном свидании влюбленных, обеспокоен появлением рыцаря, которого он принимает за разбойника (строфы 1-я и 2-я); он готов поднять тревогу, но его успокаивает второй страж — друг рыцаря, разъясняя ему, в чем дело (строфы 3-я и 4-я), после чего он обращается с приветной речью к рыцарю (строфа 5-я); последние строфы представляют ответ рыцаря (строфы 6-я и 7-я).

¹ Страж башни, эй!
 Дремать не смей,
 Глаз не спускай с ограды.
 Сеньор за ней
 С дамой своей,
 А вокруг — воров засады.
 Э-гой, э-гой! Один такой
 Замечен мной
 В зеленой чаще сада.
 Ужо его — э-гой,
 Э-гой!
 Я проучу, как надо.

² Любовный лей
 Пропеть, ей-ей,
 Душа была бы рада,
 Когда бы ей
 Не был злодей
 Пугающей преградой.
 Э-гой, э-гой! Один такой
 Замечен мной
 В зеленой чаще сада.
 Ужо его — э-гой,
 Э-гой! —
 Я проучу, как надо.

³ Друг, в башне сей
 Вздремнуть, ей-ей,
 Мне было бы усладой.
 Страху не сей,
 В виду имей:
 Не вор прошел по саду.

Э-гой, э-гой,—
 товарищ мой,
 Храни покой
 И не питай досады.
 Э-гой, я поделюсь с тобой
 Предчувствием отрады.

⁴ Пойми скорей:
 Один злодей
 Переступил ограду;
 Он в башне сей;
 Лежит он в ней
 Без верхнего наряда.
 Э-гой, э-гой —
 товарищ мой,
 Храни покой
 И не питай досады.
 Э-гой, я поделюсь с тобой
 Предчувствием отрады.

⁵ О свет очей
 Своих друзей!
 Спокойно за оградой
 Зари лучей
 Ты жди и пей
 Из родника улады.
 Э-гой, э-гой, товарищ мой,
 Храни покой
 И не питай досады.
 Э-гой, я поделюсь с тобой
 Предчувствием отрады.

⁶ О страж ночей,
Я в башне сей
Услышал спор из сада.
Любви моей
Я в жизни всей
Ценней не знал награды.
И все ж — э-гой!
 э-гой, э-гой!
Был краток мой
Глоток из чаш улады.
Э-гой, э-гой! Дня
 вестник злой
Влил в эту чашу яду.

⁷ Творец людей!
Будь я смелей,
Сказал бы я, что надо
Чреду ночей
Создать из дней;
Мне только ночь — улада.
Э-гой, э-гой, в тиши ночной
Был познан мной
Венец земной отрады.
Э-гой! Теперь, страж
 верный мой,
Нам распроститься надо.

Тибо, граф Шампанский

Для более поздней куртуазной лирики произведения Тибо, графа Шампанского (1201—1253 гг., с 1234 г. — король Наваррский), необычайно типичны и по своей тематике (любовь — служение знатной даме, не названной поэтом и отождествленной современниками с Бланкой Французской), и по изысканности форм. Первая пьеса представляет собой так называемое *jeu parti* на типичную тему любовной схоластики средневековья — смертность и бессмертие любви.

Вторая пьеса носит название песни. Следует обратить внимание на сложное строение этой песни, сближающее ее с ронделями позднейшей эпохи.

Третья пьеса представляет собой куртуазную переработку тематики «песен о крестовых походах».

ПРЕРЕКАНИЕ

¹ — Владычица, дадите ли ответ?
Вот мой вопрос... Все смерть поглотит пастью.
Умрем: я — скоро, вы — чрез много лет.
(Ведь к жизни не подвержен я пристрастью;
Затем, что к вам горю напрасной страстью.)
Умрет ли и любовь за нами вслед?
Мир будет предан хладному ненастью?

⁸ — О нет, Тибо! Любовь бессмертна. Нет!
Вы шутите, страша такой напастью.
И в вас не вижу смерти я примет,
Вы по лицу своей довольны частью.
Но коль умрем мы с вами (да, к несчастью),
Любовь, как прежде, будет мучить свет
И прежней в мире пользоваться властью.

¹⁵ — Владычица, лишь страсть меня живит,
Хоть каждый взор ваш сердце мне и ранит;
Счастливый, что люблю, счастлив на вид,
Наружностью своей для вас я занят.
В прекрасных недостатка никогда нет,
Но лучше вас уж бог не сотворит.
Да, да! Умрем, и уж любви не станет.

²² — Тибо, молчите! Бог вас да хранит,
Коль вправду вашей жизни цвет так вянет.
Но знаю я, что кто так говорит,
Тот нас на состраданье только манит.
Но речь меня такая не обманет.
(Хоть сердце в нас не камень, не гранит!)
О нет, в небытие любовь не канет.

²⁹ — Владычица, со мной любовь умрет.
Не языка искусное проворство
Так говорит. Пусть в мысль вам западет,
Что тяжко мне любви единоборство.
Любовь умрет, иль пусть, полна упорства,
Приют столь тайный в вас она найдет,
Что думать будут все: в вас сердце черство.

³⁶ — Тибо, приятно ваше мне покорство.
Любовь, когда она мне грудь зажжет,
Не затаится, — чуждо мне притворство.

ПЕСНЯ

¹ О если бы мог позабыть я о ней,
С чарующим образом этим расстаться,
Не видеть исполненных неги очей —
Я мог бы здоровым назваться.

⁵ Но сердцу не сладить со страстью своей...
И все же безумие — думать о ней!
Но с мыслью о милой
Сбираюсь я с силой,
И жизнь мне милей...

- ¹⁰ Так как же могу позабыть я о ней,
 С чарующим образом этим расстаться,
 Не видеть исполненных неги очей?..
 Уж лучше больным оставаться...

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

- ¹ Будь милостив, господь, к моей судьбе.
 На недругов твоих я рати двину.
 Воззри: подьему меч в святой борьбе.
 Все радости я для тебя покину, —
 Твоей призывной внемлю я трубе.
 Мощь укрепи, Христос, в своем рабе.
 Надежному тот служит господину,
 Кто служит верой, правдою тебе.

- ⁹ Я покидаю дам. Но, меч держа,
 Горжусь, что послужу святому храму,
 Что вера в бога сил в душе свежа,
 Молитвенно летя вслед фимиаму.
 Дороже вера золота: ни ржа,
 Ни огонь ее не ест; кто, дорожа
 Лишь ею, в бой идет, не примет сраму
 И встретит смерть ликуя, не дрожа.

- ¹⁷ Владычица! Покровом окружа,
 Дай помощь! В бой иду, тебе служа.
 За то, что на земле теряю даму,
 Небесная поможет госпожа.

ЛЭ (LAIS)

Мария Французская

Из произведений этой поэтессы, жившей при английском дворе во второй половине XII в., до нас дошли: двенадцать лэ, сложенных в середине 60-х годов, сборник басен, частью переводных, частью оригинальных, под названием «Эзоп», и религиозно-дидактическое «Чистилище св. Патрика», приближающееся к жанру видений (ср. выше «Видения»).

Лэ Марии Французской являются первым образцом этого жанра куртуазной литературы — небольших лиро-эпических рассказов о необычайных приключениях, сюжеты которых большей частью заимствовались из кельтских преданий (отсюда и название жанра — *lais bretons*). Из лэ Марии Французской часть разрабатывает сказочные сюжеты

Мария Французская. По рукописи конца XIII в.

(как «Об оборотне», «О ясене», «Об Ионеке», сюжет которого совпадает с французской народной сказкой «L'oiseau bleu»), часть же тесней примыкает к так называемому бретонскому циклу куртуазных романов (как «Об Эллидюке», «О Милуне» и приводимое здесь лэ «О жимолости»). При этом собственно куртуазный элемент выражен в произведениях Марии Французской еще довольно слабо. Ее не привлекает роскошная придворная жизнь. Любовь в ее изображении — это не галантное служение знатной даме, но естественное нежное человеческое чувство. Всякое насилие над этим чувством глубоко печалит Марию Французскую. В этом она сближается с народной поэзией. Обработывая бретонские народные сказания, она сохраняет их задушевность и вложенный в них глубокий человеческий смысл. Язык ее лэ очень прост, поэтическая форма лишена вычурности.

Высокого мнения о произведениях Марии Французской был Гете, заметивший, что «отдаленность времени делает для нас их аромат еще прелестнее и милее».

О ЖИМОЛОСТИ

(CHIEVREFUEIL)

Древнейшая из дошедших до нас разработок знаменитого сюжета о Тристане и Изольде (полное изложение см. ниже), лирическая повесть Марии Французской предполагает известным слушателю все содержание романа — историю о том, как добывал Тристан Изольду в жены дяде своему — корнвалийскому королю Марку; как выпитый ими нечаянно любовный напиток заставил их нарушить долг рыцарской и супружеской верности; как, убедясь в измене, разгневанный король изгнал племянника и жену, но, смягчившись, вернул к своему двору Изольду, оставив Тристана в изгнании.

⁶⁵ Как ждал ее он много дней,
Стремясь к желанной встрече
с ней.

Ей отдал сердце он свое
И жить не может без нее.
Орешник, вырезанный здесь,

⁷⁰ Обвитый жимолостью весь,
От самой кроны до корней,
Навеки тесно связан с ней.
Но чуть их разлучит беда,
Они погибнут навсегда.

⁷⁵ Орешник станет вмиг сухим,
И жимолость зачахнет с ним.
«Мой друг, так оба мы, увы,
Умрем в разлуке я и вы!»
Вот королева к тем местам

⁸⁰ Подъехала, где был Тристрам,
И на орешнике тотчас
Заметил буквы острый глаз.
За нею вскачь лесной тропой
Несутся рыцари толпой.

⁸⁵ Она велит сойти с коней:
Покой и отдых нужен ей.
Приказ исполнен, и она
Без свиты в лес идет одна.

⁹⁰ Служившая ей много лет,
Идет Брентен за нею вслед.
Свернув с дороги, в глубь лесов

Спешит Изольда в лес на зов
Того, кто ей прислал привет,
И счастью их — предела нет.

⁹⁵ Он сердце ей открыл до дна,
И, светлой радости полна,
Она с ним говорит о том,
Как примириться с королем:
Его изгнав, познал король

¹⁰⁰ И сожаление, и боль.
Всему виною клевета!
Без друга жизнь ее пуста...
Но расставанья пробил час,
И слезы катятся из глаз.

¹⁰⁵ Тристрам в Уэльс идет опять,
Чтоб приглашенья дяди
ждать.

Их встречу хочет он воспеть,
Подругу в лэ запечатлеть:
Она просила спеть о том,

¹¹⁰ Как ветку сделал он письмом.
Тристрам искусный был певец,
И лэ готово наконец!
Так создавалось это лэ
И называлось на земле

¹¹⁵ «Goteeef» у английских морей,
А у французов «Chievrefueil».
И я правдиво, без прикрас,
Передала о нем рассказ.

КУРТУАЗНАЯ ПОВЕСТЬ И РОМАН

Кретъен де Труа

Кретъен де Труа (вторая половина XII в.) — виднейший французский куртуазный эпик, создатель так называемого артуровского романа. Был, видимо, связан с дворами графини Марии Шампанской и графа Филиппа Фландрского. Испробовал свои силы в различных поэтических жанрах (жизне святого, лирика, пересказы Овидия), однако наибольшего мастерства достиг в жанре куртуазного рыцарского романа. Еще в молодости он написал роман о Тристане (не дошедший до нас), за которым последовал ряд других рома-

Посвящение в рыцари. По средневековой миниатюре.

нов («Эрек и Энида», «Клижес», «Ланселот, или Рыцарь Телеги», «Ивен, или Рыцарь Льва», «Персеваль, или Повесть о Граале»), относящихся к лучшим образцам европейского куртуазного эпоса. Используя бретонские сказания (о короле Артуре и его палadini), Кретьен, в отличие от Марии Французской, далеко отходит от их фольклорной основы. Под пером Кретьена король Артур из незначительного кельтского князька превращается в могущественного властелина необъятной феодальной державы. При его дворе царят самые утонченные куртуазные обычаи и нравы. Сюда стекаются храбрые рыцари со всех концов земли. Здесь они служат прекрасным дамам, участвуют в турнирах и празднествах; отсюда они отправляются на поиски рыцарских приключений. Кретьен стремится поэтизировать мир феодально-рыцарских отношений. Он изображает только его блестящую, парадную сторону, вовсе умалчивая о многочисленных преступлениях этого мира, державшегося на крови и насилии. Зато все нарядное, праздничное, великолепное находит в лице Кретьена своего выдающегося живописца. В прихотливые, нарядные узоры складываются также излюбленные Кретьеном сказочные образы и мотивы (фен, волшебные источники, подводные замки, благодарные львы и т. п.), превращающие рыцарский мир в некую куртуазную феерию. Но Кретьен отнюдь не замыкается в этом очень условном фантастическом мире. В сущности, у него довольно трезвый ум и наблюдательный глаз. Его прежде всего занимают вполне реальные житейские проблемы (об обязанностях рыцаря в семье и обществе, о любви и куртуазии и пр.), и в связи с этим романы Кретьена имеют обычно проблемный характер. Все остальное, как, например, занимательные рыцарские приключения или сказочная фантастика, играет лишь подсобную роль. При этом Кретьен обнаруживает интерес к переживаниям личности и незаурядный аналитический дар при изображении этих переживаний. Достаточно показателен в этом отношении приводимый ниже эпизод из романа «Ивен, или Рыцарь Льва» («Yvain ou le chevalier au lion», около 1175), в котором Кретьен стремится раскрыть противоречия человеческого чувства, проследив, как из ненависти рождается любовь. Романы Кретьена имели большой успех и вызвали множество подражаний. Их успеху в немалой степени способствовало выдающееся поэтическое мастерство Кретьена (богатый, точный и гибкий язык, искусство диалога, виртуозное стихосложение).

РЫЦАРЬ ЛЬВА

Со временем пройдет, быть может
О да, тоска пройдет потом —
Безумье сомневаться в том!
Бог обратит в весну ненастье,
И я вверяюсь дивной власти,
Коль хочет этого любовь.
Любви вовек не прекословь:
Иль ты ее покорный пленник,
Иль вероломный ты изменник, —
Тогда, клянусь (и всяк мне верь),
Тебе закрыта к счастью дверь.
Но я — я верен ей, волшебной:
Люблю, хоть дама мне враждебна.
Врагом ей стать и не страдать —
Не значит ли Любви предать?
Да, я люблю, Любви покорен,
И, так как в страсти я упорен,
Из уст ее услышу «друг».
Но нет!.. Убит ее супруг,
Она во мне убийцу видит
И справедливо ненавидит...
Но разве я и впрямь ей враг?
Я друг ее, да, это так!
Я мук таких не ведал страстных:
Мне жаль ее волос прекрасных,
Что ярче золота блестят, —
Тоска и грусть меня томят,
Когда она их рвет в безумье.
Я полон горького раздумья,
Когда, безмерен и глубок,
Из глаз ее течет поток,
Струятся слезы дни и ночи...
И все ж моей любимой очи
Прекрасны — лучших в мире нет,

Их слезы мне затмили свет...
 Меня не столь бы огорчали
 Ее рыдания, но в печали
 Терзает все лицо она,
 А в чем же, в чем его вина?
 Я тоньше черт, свежее кожи
 Не видел никогда, мой боже!
 Мне больно, не могу вздохнуть,
 Когда она, сжимая грудь,
 Ее терзает, не жалея,
 А грудь, прелестная лилея,
 Блестит, как перлы, как хрусталь...
 Какая буйная печаль!
 Мой бог, зачем безумства эти?
 Ведь рук ее нет краше в свете,
 Зачем же их ногтями рвать
 И, в грудь вонзая, изнывать?
 Как в радости она прекрасна,
 Раз так мила в печали страстной!
 Да, я клянусь, — ее черты
 Таят безмерность красоты!
 То истина, а не химера:
 Превзойдена природой мера!
 Иль без природы обошлось?
 Откуда ж это все взялось?
 Ах, совершенство форм такое
 Бог создал собственной рукою,
 Чтоб поразить природу им,
 Природа ж мастерством своим,
 Пускай бы напрягла все силы —
 Не повторила б образ милый.
 А если б вздумал сам творец
 Создать такой же образец,
 То повторить свое создание
 И он бы не был в состоянии».
 Так думал сир Ивен о той,
 Что страстной мучилась тоской.
 Мне не могло б вовек и сниться,
 Чтоб тот, кто заточен в темнице,
 Как сир Ивен, и головой
 Мог заплатить за подвиг свой,
 Любил безумною любовью,
 Что он не смел ни вылить в слове,
 Ни даже выразить письмом.

Так он стоял перед окном,
 А дама между тем вернулась,
 И вновь двойная дверь замкнулась
 За нею на двойной замок.
 Другой бы пленник изнемог
 И страстно рвался б из неволи
 На свет к бывлой свободной доле,
 Но рыцарю равно теперь,
 Открыта иль закрыта дверь.
 Он не ушел бы на свободу,
 Хоть не было б преград к уходу,
 Хоть и позволила б ему
 Вдова уйти, забыв тюрьму,
 Его б на волю отпустила
 И мужа смерть ему простила:
 Он в этот день был с двух сторон
 Стыдом и страстью осажден.
 Ждал рыцаря позор за дверью,
 И потерял бы он доверье
 К тому, что подвиг им свершен.
 Вдобавок был бы он лишен
 И лицезрения прекрасной —
 Одной надежды в муке страстной.
 Вот чем ему мила тюрьма,
 Желанней воли смерть сама!
 Меж тем, к нему придя, девица
 Утешить рыцаря стремится,
 Развлечь и принести в тюрьму
 Все то, что нравится ему,
 Чего он только пожелает
 Но страстью рыцарь так пылает,
 Что он рассеян и угрюм...
 «Чем, сир Ивен, ваш занят
 ум?» —
 Девица рыцаря спросила.
 Ответил он, исполнен пыла:
 «Приятной мыслью». — «О мой
 бог,
 Кто б этому поверить мог?
 Ведь смерти радоваться странно,
 Иль смерть, мессир, вам так
 желанна?
 «Нет, — он сказал, — мой
 нежный друг»

Сцены из романов цикла короля Артура. По французской рукописи 1286 г.

Я не хочу погибнуть вдруг,
 Но что я видел, бесконечно
 Мне нравится и будет вечно
 Приятно сердцу моему». —
 «Довольно, сир, я все пойму, —
 Ему девица отвечала, —
 Не так глупа я, хоть молчала,
 Не так безумна, чтоб не знать
 Того, что вас должно пленять.
 Но следуйте сейчас за мною:
 Я мыслью занята одною —
 Как вывести из этих стен
 Вас нынче ль, завтра ль,
 сир Ивен,
 Да, я избавлю вас от плена,
 Лишь следуйте за мной
 мгновенно».

Но он ответил: «Верьте мне,
 В ночной не выйду тишине
 Я, крадучись, подобно вору:
 Нет, в раннюю уйду я пору.
 Когда толпа шумит волной,
 Достойней мне, чем в час ночной
 Отсюда будет удалиться».
 И он пошел вслед за девицей
 К ней в комнатушку, где она,
 Бретонских доблестей полна,
 Ему усердно послужила,
 На стол все мигом положила,
 В чем рыцарю была нужда.
 И вспомнила она тогда
 Слова его недавней речи:
 Он говорил о некой встрече,
 Весьма приятной для него,
 В тот самый час, когда его
 Искали, чтоб казнить. Девица
 Решила к даме обратиться:
 Вопрос был важен, спору нет,
 Но так как даме много лет
 Она была служанкой верной,
 То госпожу в тоске безмерной
 Утешить вздумала она.
 Люнетта, рвения полна,
 Сказала: «Госпожа, ужели

Вы мужа воскресить хотели?
 Зачем в безумье ночью, днем
 Вы убиваетесь по нем?
 Ведь этим не вернуть супруга!»
 «Ах, — дама ей в ответ, — без
 друга
 Не жить хочу, а умереть!»
 «Зачем?» — «Чтоб с мужем быть
 и впредь».
 «С ним быть? Но упаси вас боже!
 Делить вам с новым мужем ложе,
 И будет столь же он хорош».
 «Твои слова — прямая ложь:
 И богу не найти такого».
 «Ах, лучшего, даю вам слово,
 Клянусь, господь вам даст его!»
 «Молчи — нет лучше никого!»
 «Он есть, осмелюсь вас уверить.
 Вы это можете проверить:
 Кто б ваш прекрасный край
 сейчас

От короля Артура спас?
 А он придет спустя неделю
 К источнику со страшной целью.
 От девы дикой вам давно
 Предупреждение дано:
 Она вам обо всем писала,
 Но, видно, этого вам мало...
 О, госпожа, пора решать,
 Как свой источник защищать,
 А вы без счета слезы лете,
 Пути к спасенью не найдете,
 Хоть времени нельзя терять...
 Я не устану повторять:
 Не стоит ни один ваш рыцарь
 Любой прислужницы-девицы:
 В беде он, госпожа моя,
 Щита не схватит и копыя.
 У вас трусливых есть немало,
 Но нет ни одного, пожалуй,
 Что смело вскочит на коня.
 И войско короля в два дня
 Возьмет в сраженье верх над
 нами»,

Хотя бы только одного,
Кто с мужем в доблести
сравнится».

«Боюсь, вы будете сердиться
И, дерзость новую кляня,
Возненавидите меня».

«О нет, даю тебе я слово!»
«Счастливой станете вы снова,
Вернется к вам любовь опять,
Коль вы ей захотите внять, —
Пришелся б только вам по нраву
Тот рыцарь, я ж могу по праву
Все вам сказать: никто сейчас
Не видит и не слышит нас.
Пусть это дерзость —
все открою!

На бой выходят два героя.
Коль победит один из них,
Кого, скажите, из двоих
Храбрейшим назвали б вы сами?
Я — победителя, и зная,
Как приз, вручила бы ему».

«Так говоришь ты потому,
Что ловишь госпожу на слове».

«Божественной клянусь любовью
Вы знаете, что я права
И что не лгут мои слова:
Хотите вы иль не хотите,
А доблестнее победитель,
Что сира одолел в бою,
Преследовал в его краю
И осадил в его же доме».

Но молвит госпожа в истоме:
«Я слышу глупости одни.
Прочь мысли гнусные гони!
Ах, ты безумна и несносна,
Ступай же вон, пока не поздно!
Ко мне ты с этим не ходи,
Речей о нем не заводи!»

«О, госпожа, я угадала,
Что вам не ужогу нimalo,
И вас предупредила я,
Но, гнев суровый затая,
Вы обещали не сердиться,

И, право, это не годится,
Что, обещанья не сдержав,
Сорвали вы на мне свой нрав
И все у нас пошло сначала...
Уж лучше бы я промолчала!»
Тут девушка ушла в придел,
Где сир Ивен один сидел.
Она его развлечь хотела,
Но удручен был рыцарь смелый,
Что даму не увидит он.
Ведь рыцарь не был посвящен
В то, что задумала Люнетта.
Меж тем до самого рассвета
С собою спорит госпожа:
Своим владеньем дорожа,
Спаси источник хочет страстно,
Раскаиваясь, что напрасно
Бранила девушку она, —
Ведь ей Люнетта так верна!
Достойны полного доверья
Ее слова о кавалере:
Не любит девушка его,
Не ждет в награду ничего,
Ей дама рыцаря дороже,
Она ее предать не может,
Обречь не хочет на позор —
Не лжет Люнетты чистый взор.
Так дама сразу изменилась,
Переложила гнев на милость
И размышляла все нежней
О деве, что служила ей.
И рыцаря она простила,
Его уже не находила
Виновным в совершение зла,
И оправдание нашла,
И в спор вступила с ним, краснея,
Так, словно был он перед нею.
Ее допрос был очень строг:
«Ужель ты отрицать бы мог,
Что моего убил сеньора?»
А он в ответ: «Убил, без спора,
Я признаюсь». — «За что ж убил,
За что меня ты погубил?
Из ненависти иль из мести?»

«Пускай умру на этом месте,
Коль повредить хотел я вам!»
«Но если так, обоим нам
Ты вовсе не желал дурного:
И он не сделал бы иного,
Когда бы мог. Как погляжу,
Я верно обо всем сужу».

Так, убедив себя лукаво,
Она нашла и смысл и право
На милость ненависть сменить,
Искусную сплетая нить
Из ей угодных рассуждений,
И вспыхнула в одно мгновенье,
Как тлеющая головня,
Что пышет жаром без огня.
Когда б сейчас пришла девица,
Она могла б всего добиться,
Хоть, неудачу потерпев,
До сих пор вызывала гнев.

И утром вновь она явилась,
И проповедь возобновилась,
Что раньше дева начала.
А дама, не подняв чела,
Но, ощущая сожаленье,
Себе призналась, к удивленью,
Что неправа была. Просить
Прощенья хочет и спросить,
Кто рыцарь и какого рода,
Как женская велит природа.
Сказала дама: «Я у вас
Прошу прощения сейчас
За гордость и за оскорбленья,
Что я в безумье, к сожаленью,
Вам нанесла. Я отдаю
Отныне вам судьбу мою.
Но рыцарь — кто он и какого
Происхожденья? Я готова,
Коль мы с ним оба одного
Сословья, выйти за того,
О ком вы просите: для края
Сеньора в нем я избираю.
Но это надо сделать так,
Чтоб осудить меня за брак
Никто не смел, сказав: «Убийцу

Взяла себе в мужья вдовица!»
«Так не случится, видит бог,
Никто б сравниться с ним не мог:
В потомстве Авеля едва ли
Прекрасней и храбрей бывали».
«Скажи мне имя». — «Сир

Ивен»,

«Не посрамит он этих стен:
Ведь благороден, несомненно,
Наследник короля Урьена».
«Мадам, вы правы, как всегда».
«Когда ж прибудет он сюда?»
«Спустя пять дней!» — «Но долго

это!

Поздней, чем завтра до рассвета,
Не в силах дожидаться я!»
«Так быстро, госпожа моя,
Не может долететь и птица.
Но мальчуган один помчится
К нему и завтра ввечеру
Прибудет, верно, ко двору
Артура — он ездок прекрасный,
И лучшего искать напрасно
Никто бы раньше быть не мог»,
«Ах, это слишком долгий срок!
Дни так длинны!.. Пусть

обернется

Быстрее и завтра же вернется.
Пускай прищипорит он коня,
И не нужны ему два дня:
В один доскачет, коль захочет.
Луна выходит нынче ночью,
Так в день пусть ночь он
превратит.

Когда ж обратно прилетит,
Что хочет, — все получит

смелый».

«Мне предоставьте это дело,
И будет здесь в трехдневный
срок

Сам кавалер у ваших ног.
Пока ж людей вы созовите —
Подумать вместе о защите
Источника, — ведь нападет

На нас король, когда придет.
Спросите, кто желает честно
Источник защищать чудесный.
Клянусь я, — рыцарь ни один
Не выступит, ни паладин.
Тут напрямик скажите свите,
Что выйти замуж вы хотите,
Что рыцарь доблестный у вас
Просил руки, но вы отказ
Пошлете, если несогласны
Они на брак. И так как ясно,
Что в малодушии своем
Они мечтают лишь о том,
Как от забот освободиться,
Жить в праздности и не

трудиться,

То будет каждый браку рад
И все вас возблагодарят.
Кто собственной боится тени, —
Стремится избегать сражений.
Игра забрала и копья
Для трусов, госпожа моя, —
Игра плохая». Молвит дама:
«Согласна я, скажу вам прямо,
С суждением вашего ума,
Я так же думаю сама.
План этот выполним мы точно.
Но что ж вы здесь стоите?

Срочно

Вам надо действовать сейчас,
Идите, умоляю вас!
Я ж созову к себе мой двор».
Так был закончен разговор:

И, сделав вид, что шлет

мгновенно

Гонца в страну мессир Ивена,
Следит девица, чтобы он
Был чисто вымыт, надушен,
Причесан, и велит прекрасный
Сшить плащ ему пурпурно-
красный
И чтоб подпушкой плащ имел

Мех белки, где белеет мел^а.
 Ей ничего не жаль для друга:
 Вот пряжкой золотою туго
 Заколот плащ. А кошелек
 Расшит камнями, чтоб привлечь
 К себе любовь и милость рыцарь^б.
 Из ткани дорогой струится
 Широкий пояс вниз. Когда
 Люнетта даму без труда
 Уверила, что это дело
 Провел гонец весьма умело,
 «Какую же принес он весть?» —
 Спросила дама. «Рыцарь здесь».
 «Как? Прибыл он? Ему скажи

ты, —

Пускай, пока я здесь без свиты,
 Придет немедля. И потом
 Следи, чтоб были мы втроем —
 Четвертый гость меня пугает».
 Люнетта тотчас убегает
 От дамы к гостю своему,
 Но все ж не выдает ему
 Она ни взором, ни словами
 Удачи, говоря, что даме
 Известно, кем он спрятан был,
 Что гнев прекрасной не остыл.
 «Теперь мне незачем таиться, —
 Раз дама все узнала, рыцарь,
 Что до сегодняшнего дня
 Хранили в тайне мы. Меня
 Бранит она за преступленье,
 Но все ж дала мне позволение
 Вас привести к ней, обещав,
 Что не сорвет на вас свой нрав.
 Не сделает, я полагаю,
 Она вам зла. Но, не пугая,
 Хочу предупредить я все ж
 (Сейчас была б изменой ложь),
 Что в даме этой вы найдете
 Тюрьму для сердца и для плоти!»

«Ну что ж, — сказал он,
 я приму

Такие цепи и тюрьму, —
 Я в плен ее попасть мечтаю!»
 «Исполнится мечта святая —
 Я в этом руку вам даю.
 Но просьбу помните мою:
 Так скромно вы себя держите,
 Чтоб стали крепкой цепью нити,
 Которые вас свяжут с ней:
 Надеюсь, что ярма страшней
 Вам нечего бояться, право».
 То утешая, то лукаво
 Пугая рыцаря, она,
 В речах шутливых неясна,
 Ему твердила о темнице,
 Где будет он в цепях томиться, —
 Слова ж таили мысль одну:
 Кто любит, тот всегда в плену.

И за руку мессир Ивена
 Люнетта вводит в сокровенный
 Покой, где сира дама ждет.
 Он думает — его приход
 Желанной даме быть не можѣт,
 И смутный страх его тревожит.
 На красном бархате она
 В молчании сидит одна.
 И рыцаря безмолвье это,
 Взамен учтивого привета,
 К порогу приковало: он
 Еще сильнее был смущен
 И заподозрил на мгновенье
 Люнетту верную в измене.
 Тут, чтоб молчание пресечь,
 Люнетта начинает речь:
 «Возьмут пятьсот чертей

и дьявол

Пусть душу той, кто против
 правил,
 Хоть не желая даме зла,
 К ней рыцаря в покой ввела!»

^а Речь здесь идет о меле, которым пудрили меха: если в мехе еще белеет мел, значит, это новый мех.

^б Намек на поверье, что камни привлекают симпатию.

Ведь словом он не разрешился,
Как будто языка лишился...»
«Растерянный и глупый вид, —
Она шепнула, — вам вредит.
Ну, подойдите же, упрямый,
Поверьте мне, не съест вас дама!
Эскладос Рыжий — муж ее,
Убитый вами. У нее

Просите же скорей прощенья.
Я умолю, чтоб вместо мщенья
Она простила вас». И он,
Преодолев свой страх, влюблен,
Упал пред дамой на колени
И к ней вознес свои моленья:
«Я не прошу, о госпожа,
Прощенья, — нет, но, вам служа,
Любую кару, не пощаду,
От вас приму я, как награду!»
«Да, сир? А вдруг я вас убью?»
«Благодарю за смерть мою —
Ответа я не дам иного».

«Но странно мне, даю вам слово:
Вы власть над вашею судьбой
Вручить готовы мне одной,
Хоть я об этом не просила».

«О госпожа, какая сила
Могущественней той, что мне
Велит покорным быть вполне
Желанью вашему! Поверьте,
Хотя я невиновен в смерти,
Но если б воскрешать я мог,
То был бы муж у ваших ног».

«Как, — молвит дама, —
невиновны?»

Вы так сказали это, словно
В убийстве вашей нет вины:
Вы это доказать должны!»

«Но сами, госпожа, скажите,
Какая же вина в защите?
Ну, разве же преступник тот,
Кто, отражая смерть, убьет
Противника, что в исступленье
Напал? И в чем тут
преступленье?»

«Вы правы — да, вины здесь нет.
К тому ж я не исправлю бед
Тем, что сейчас предам вас казни.
Но вы признайтесь без боязни,
Откуда сила та взялась,
Что нынче заставляет вас
Во всем моей предаться воле?
Я здесь остаться вам позволю
И вас прощу, но вы должны
Сказать, чем вы побеждены».
«Ах, — отвечал он, — эта сила
Идет из сердца — опалило
Его желание огнем».

«Но кто же пламя высек в нем?»
«Мои глаза». — «А в них чье
пламя?»

«Его зажгли красой вы сами».

«Что ж сделала моя краса?»

«Любви открыла небеса».

«Любви к кому же? — «К вам,
прекрасной!»

«Ко мне?» — «Да, вас люблю
я страстно».

«Но как?» — «Так, что любви
такой

И нет, и не было другой.

Да, так, что, — я скажу
неложно, —

Любить сильнее невозможно,
Что сердце каждый миг и час
Уже не покидает вас,
И жребий жизни или смерти
В руках у вас одной, поверьте».
«И мой источник храбрый рыцарь
Оборонять не побойтся?»

«От всех людей, — отвечаю даме».

«Итак, да будет мир меж нами».

Они к согласию пришли.

С баронами своей земли

Она совет уже держала

И молвила: «Пойдемте в залу,

Где ждет меня придворных круг,

Твердя, что нужен мне супруг,

Нужду большую видя в этом,

И я воспользуюсь советом:
Я ваша — так мне долг велит,
А раз мой жребий с вашим слит,
Сын короля и славный рыцарь,
Могу ль от брака отступить?»
Так дева, мудрости венец,
Всего достигла наконец.
А тот, кто без ума влюбился,
О чем мечтал, того добился.
И дама в зал его ввела,
Где показать ему могла
Баронов и придворных свиту.
Так благороден был он с виду,
Что рыцарей в восторг привел.
Все встали, чуть он в зал вошел,
Приветствуя мессир Ивена,
И высказались откровенно:
«С ним госпожа вступает в брак.
Кто помешает им, тот враг:
Сомненья нет, он — славный
рыцарь.

И римская императрица
Избрала бы его в мужья.
И, если, страсти не тая,
Он с госпожою объяснился,
Пусть хоть сегодня бы женился».
Так все они твердили вслух,
А дама, посмотрев вокруг,
Уселась на скамье открыто,
Чтоб видела ее вся свита.
Хотел у ног ее он сесть,
Но, оказав мессиру честь,
Она его сажает рядом
И сенешалу властным взглядом
Велит, чтоб он пересказал
Ее слова на целый зал.
И сенешал (он не заика)
Поведал с важностью великой:
«Сеньоры, нам грозит война,
Уже объявлена она.
Король, готовясь к нападению,
Не тратит дня на промедленье
И в две недели, присягну,
Разрушит нашу всю страну,

Раз не имеем мы защиты.
Муж дамы, рыцарь знаменитый,
Кого она назад семь лет
Взяла, исполнив ваш совет,
Погиб, и госпожа в печали.
Страна, обширная вначале,
Совсем невелика теперь.
Не возместив земли потерь,
К несчастью, рано сир покойный
Оставил свет. Он жил достойно.
Страна не вооружена, —
Ведь не в ладах с копьем жена.
Она искупит слабость эту,
Когда, по вашему совету,
Достойного в мужья возьмет,
Не нарушая в час невзгод
Ни нашей пользы,

ни приличий —
Ни давней старины обычай».
И все решили, что она
Супруга взять себе должна,
И пав пред дамой на колени,
Просили выполнить решение,
К которому в мечтах своих
Она стремилась больше их.
А дама, сделав вид, что с болью
Лишь уступает общей воле,
Сказала: «Раз хотите вы,
Признаюсь — у меня, вдовы,
Просил руки вот этот рыцарь,
Что за меня готов сразиться.
Я благодарность приношу
Ему и вас о том прошу.
Хотя его я знаю мало,
Не раз расскажам я внимала
О славе сира. Наконец,
Король Урьен — его отец.
Но он не только родом знатен,
Он так умен, и так приятен,
И обходителен к тому ж,
Что это лучший в мире муж.
Вы все слыхали, без сомненья,
О доблестном мессир Ивене.
Ему должна я стать женой,

И пусть он вступит в брак
со мной,
Мне лучше не найти сеньора».
И все в ответ: «В том нету спора,
Коль вы поступите умно:
Замужество вам суждено,
И, помня о мессир Ивене,
Безумье вам терять мгновенье».
Устроив так свои дела,
Как будто к просьбам снизошла,
Она, одной любви покорна,
Шла к цели сладостной упорно.
Но ей еще дороже тот,
Кого избрал ее народ.
Мольбы ее не охладили,
Лишь больший пыл в ней
породили
Свое желанье утолить:
Так, если шпорой разозлить
Коня, еще быстрее он мчится.

И с дамой обручился рыцарь.
Одобрили бароны план,
И рыцарю сам капеллан
Вручил тогда Ландюк Лодину,
Дочь Лодюнета-паладина,
Чье лэ поют по всей стране.
И в тот же день, известно мне,
Сыграли свадьбу их богато.
На ней епископы, аббаты
Блистали в митрах, в клобуках,
И каждый — с посохом в руках.
Разнообразие развлечений,
Гостей веселых посещенья,
Великолепие пиров —
Мне описать не хватит слов.
Молчу, чтоб здесь не ошибиться...
Стал господином замка рыцарь,
А мертвый был совсем забыт...

(стихи 1406—2165)

МУЛ БЕЗ УЗДЫ

Куртуазная повесть, сложенная в конце XII в. анонимным подражателем Кретьена де Труа [имя автора Пайен де Мезьер, явно вымышленное, построено на игре слов: Кретьен (христианин) — Пайен (язычник)], по своей тематике входит в круг романов, разрабатывающих так называемые бретонские сюжеты, примыкая к циклу короля Артура и «Круглого стола». Об относительной древности повести свидетельствует то обстоятельство, что в ней, как и в «Персевале», воплощением рыцарского вежества выступает Говэн, а не Ланселот, как в более поздних романах. С другой стороны, слегка ироническое отношение автора к сюжету и героям сближает эту повесть с куртуазным фавлю «О плохо сшитом плаще», осмеивающим нравы при дворе Артура, и заставляет исследователей видеть в ней преломление сюжеттики рыцарского романа в иной — нерыцарской, городской среде.

Крестьяне часто говорят,
Что мы имеем лучший клад
В вещах, испытанных годами.
А потому должны мы сами
Свое имущество хранить.
Придет пора — и, может быть,
Оно нам пригодится снова.
Но нынче ценят то, что ново,
Примеров старых не хотят,

Затем что кажется на взгляд
Все новое всегда прекрасней.
Однако часто безопасней
Уже испытанный пример.
И вот, *Пайен де Мезиер*
Идти советует недаром
Путем испытанным и старым.
О том пойдет теперь рассказ,
Как ко двору Артура раз

Рыцарь в бою со львом. Изображение на печати
Роджера де Куинси, графа Винчестерского.

На муле девушка явилась.
Однажды в Троицу случилось,
Что собран был в Кардойле^а двор.
Король Артур назначил сбор
Всем рыцарям отважным,
знатным,
И те потоком необъятным
На зов его явились вмиг.
Вкруг королевы, как цветник,
Собрались дамы и девицы,
Все пожелавшие явиться,
Чтобы собой украсить двор,
И шел веселый разговор.
Потом наверх ушли бароны,
Чтоб посмотреть на луг зеленый
И на густой, тенистый сад.
И из окна они глядят
На зеленеющие дали.
И вот, когда они стояли,

То чрез окошко видят вдруг,
Что прямо к замку, через луг,
На муле крупной рысью скачет
Красавица и горько плачет;
Но странно: для такой езды
На муле вовсе нет узды,
А едет девушка свободно.
Бароны долго и бесплодно
Между собою говорят,
Толкуют, судят и рядят,
И вот приходят все к решению:
Об этом странном приключеньи
Все королеве рассказать.
— Вы, Кей^б, должны ее
позвать, —
Сказал Говэн, — и пригласите
С ней короля; скажите свите,
Пускай поднимутся в наш зал».
И поспешает сенешал

^а Кардойль или Карлейль — главный город графства Кумберлендского, резиденция короля Артура во многих романах. Сбор вассалов к королю на рождество, пасху и троицын день — бытовая черта средневековой Франции.

^б Сенешал («кравчий») Кей выступает в романах Круглого стола в качестве комической и даже отрицательной фигуры; его хвастовство, трусость и незадачливость служат фоном для доблестей положительных героев, в данном случае — Говэна.

Вниз в королевские покои.
— «У нас волнение такое,—
Он молвит,— что мы просим вас
Прийти и рассудить всех нас».
«Что там стряслось?» —
спросил сначала
Король, и вот от сенешала
Ответ он слышит: «В зале там
Я покажу картину вам,
Что нас повергла в изумление».
А девушка через мгновение
Остановилась под окном.
Говэн навстречу ей бегом,
А вслед за ним и все бароны
Ей низко отдают поклоны.
Но было видно, что она
Тоской глубокой смущена,
Ее глаза полны слезами.
Король Артур прекрасной даме
К нему приблизиться велит.
Она с поклоном говорит:
«Мне, сир, вам объяснять
не надо,
Что в сердце у меня досада,—
Печаль моя и так видна.
Могу ли я не быть грустна,
Пока назад мне не вернули
Уздечки, что была на муле?
Я с ней утратила покой.
Но, может быть, здесь есть такой
Великодушный к горю рыцарь,
Который сам не побоится
Уладить горькую беду;
А если он найдет узду,
То я его с любовью встречу
И буду без противоречий
Его покорною женой.
И если сыщется такой,
Пускай на мула он садится,
Пускай, не медля, в путь
стремится.
Мул к замку приведет его.
Но не добьется ничего
Он в замке мирными путями».

Тут Кей, склонясь, промолвил даме,
Что он поедет за уздой
В какой угодно край чужой;
Пусть только поцелует дама
Его — и он поедет прямо.
И хочет Кей ее обнять. —
Нет,— говорит она,— вам дать
Не соглашусь я поцелуя,
Пока узды не получу я;
Но привезете вы узду,
Тогда на все для вас пойду
И вам отдам я во владенье
Себя и все свое имяне».
И должен Кей был отойти.
Она ж велит ему в пути,
Не опасаясь заблудиться,
Во всем на мула положиться.
И вот решает сенешал
Покинуть королевский зал.
Тотчас же — драгоценно
время! —
Он продевает ногу в стремя
И шпоры мулу он дает.
И видят все, как он вперед
Поехал быстро одинокий,
Лишь меч на поясе широкий.
А девушка дрожит от слез;
Она не верит, чтоб привез
Уздечку рыцарь ей обратно.
Не слышит Кей мольбы
невнятной,
И быстро едет он вперед,
А мул уверенно идет
Дорогой хорошо знакомой,
Как будто направляясь к дому.
И долго шел долиной мул,
Но наконец он в лес свернул
Большой, таинственный,
дремучий.
Дорога становилась круче.
И вдруг из чащи, из кустов
Идет толпа ужасных львов,
И леопарды, и тигрицы,

И это все зверье стремится
Туда, где рыцаря шел путь,
И некуда ему свернуть!
Ему зверями — так их много! —
Совсем заграждена дорога,
И рыцаря объемлет страх.
Звон поднялся в его ушах,
Судьбу клянёт он, что велела
Ему за это взяться дело, —
Из-за него ведь сенешал
В дремучий лес к зверям попал.
Но звери из почтения к даме
Упали на колени сами
Пред мулом, что ее носил
И неизменно ей служил.
Зверей коленопреклоненье
Являло к даме уваженье,
И по опасному пути
Спокойно может мул пройти:
Так уважают даму звери.
Но Кей едва спасенью верит,
И хочется ему скорей
Убраться от лесных зверей.
Уходят звери всей толпою,
Кей едет узкою тропою,
Которой мул его понес;
Вокруг кустарник дикий рос,
Но это все не отпугнуло
Знакомого с тропинкой мула,
И выбрался из леса он,
Где Кей зверьем был утрашен.
Лесная кончилась дорога;
Проехал дальше он немного,
И вот ущелье перед ним
Открылось черное, как дым,
И сенешалу стало ясно,
Что путь пред ним лежит опасный,
И вряд ли в мире кто-нибудь,
Свершая этот страшный путь,
Не размышлял о смерти грозной.
Но отступать уж было поздно,
В ущелье должен он войти,
Ему иного нет пути.
И вот, от страха цепenea,

Он едет вниз и видит — змеи,
Тарантулы и пауки,
Ужей огромные клубки,
И, потрясая головами,
Все гады извергают пламя.
И страхом рыцарь был объят,
Но был всего ужасней смрад,
Что испускали эти гады.
Столь отвратительную пададь
Впервые видел сенешал,
И хорошо, что не упал
Он от зловония на месте;
Он думает: с зверями вместе
В лесу остаться б я был рад:
Ведь здесь невыносимый смрад!
Здесь в глубине ущелья смрадной
Зимы дыханье безотрадной,
Здесь посреди ужасной тьмы
Царит ненастие зимы,
Здесь никогда не будет зноя,
Здесь ветер, непрестанно воя,
Несет в дыхании зиму,
И прямо в грудь летит ему
Зловоньем напоенный ветер.
Не знаю, кто и где бы встретил
Так много мерзости зараз.
И вот, не поднимая глаз,
Проехал все же он ущелье —
И на душе опять веселье.
Пред ним зеленый ровный луг,
И душу отпустил испуг;
Он знает, что уже не надо
Бояться умереть от смрада;
Вокруг и чисто, и светло.
Снимает с мула он седло,
Чтоб дать для отдыха свободу.
И на лугу он видит воду —
Глубокий, старый водоем.
Все небо отражалось в нем,
А над его водою чистой
Боярышник расцвел душистый,
А средь травы росли цветы.
Отводит мула он в кусты,
Чтоб дать ему воды напиться,

И сам, желая прохладиться
(Так водоем его влечет!),
Из горсти жадно воду пьет.
Затем он мула вновь седлает
И ровной рысью мул шагает.
Еще не кончен трудный путь,
Еще не скоро отдохнуть
Удастся им, достигнув цели.
Но к вечеру они успели
Доехать до большой реки.
Не переброшено доски
Через бушующие волны,
И ищет Кей, тревоги полный,
Желанной переправы след.
Но ни моста, ни лодки нет.
И, грустно берег объезжая,
Он увидал, что небольшая
Лежит доска*. Он перейдет
По ней, коли ступить дерзнет.
Хотя доска была железной,
Но перейти над черной бездной
У рыцаря не хватит сил.
И вот тогда он рассудил,
Что лучше, если он вернется, —
Иначе умереть придется;
Нет, он вернуться принужден.
«Черт побери, — промолвил он, —
Идти чрез узкую дощечку
Из-за какой-то там уздечки,
И так погибнуть ни к чему!..»
Опасной кажется ему
Уже пройденная дорога,
Зато опаснее намного
Чрез эту реку переход.
Нет, лучше он назад пойдет.
И повернул обратно рыцарь
И тою же дорогой мчится,
Какой вперед проехал он.

[Так Кей с позором возвращается назад.]

Как только прибыл сенешал,

Король за девушкой послал.
«Спешите, — говорят бароны, —
Въезжает Кей на луг зеленый,
И за обещанную мзду
Он вашу вам отдаст узду».
Но нет узды, — бароны лгали,
И говорит она в печали:
«Так скоро он не мог домой
Вернуться с добытой уздой».
И рвет волос кудрявых пряди, —
И, видя столько мук во взгляде,
Кто б вместе с ней не зарыдал?
«О если б бог мне смерть
послал!» —

Она, рыдая, восклицает.
Говэн с улыбкой заявляет:
«Прошу подарка я у вас».
«Какого же, мессир?» —

«Сейчас

Слова мои должны вы слушать,
Не плакать, постараться кушать,
Я вашу разрешу беду
И привезу для вас узду».
«О, неужели, милый рыцарь,
Моя узда мне возвратится?»
«Даю вам слово». — «Ну, и вам
При всех я обещаю дам
И есть, и спать, и улыбаться».
И тут Говэн ей начал клясться,
Что он, не побоясь преград,
Узду ей привезет назад.

[Без малейшего колебания преодолевает Говэн первые препятствия по пути и доезжает до реки.]

Говэн доехал до доски,
Лежавшей над ужасной бездной.
Досочка та была железной,
Но все ж она ему страшна:
Уж очень узкая она.
И вновь он понимает ясно,
Что Кей на этот путь опасный

* Мотив опасного моста широко используется в романах Круглого стола.

Никак осмелиться не мог.
 Но для Говэна помощь — бог,
 И, управляя ловко мулом,
 Его на доску повернул он.
 Но до того была узка
 Для мула с рыцарем доска,
 Что над водой висели ноги;
 И сердце рыцаря в тревоге;
 Вся выгибаясь, от копыт
 Доска трясется и дрожит.
 Но вот свершилась переправа,
 И в переезде этом, право,
 Говэну много мул помог:
 Он без него б упал в поток.
 Но в этот раз была удача,
 И он поспешно дальше скачет,
 Своей обласканный судьбой.
 Он едет узенькой тропой,
 Его ведущей прямо к замку,
 Как будто вставленному в рамку
 Благоухающих садов.
 Вкруг замка был широкий ров,
 Весь до краев водой налитый,
 Служа надежною защитой.
 И этот ров был окружен
 Шестами с четырех сторон,
 А каждый шест был очень
 страшен:
 Он головою был украшен,
 Всего один лишь был пустой.
 Говэн не оробел душой.
 Но как войти? Хоть нет затвора,
 Но замок тот вертелся скоро,
 Как будто мельница в ходу
 Или волчок на поводу
 Веревки на потеху детям.
 Хотел бы въехать он, но этим
 Вращеньем замка поражен,
 Его оглядывает он
 И размышляет: «Что за чудо?»
 Но нет ответа ниоткуда.
 Наверно, был ответ прост.

И, въехав на подъемный мост,
 Говэн стоит пред воротами,
 И слово, данное им даме,
 Отвагу пробуждает в нем:
 Пусть замок вертится волчком,
 Говэн теперь совсем уверен,
 Что чрез его проникнет двери.
 Но только лишь стена, где вход,
 К нему, вращаясь, подойдет,
 Как в тот же миг она отходит.
 Свой острый взгляд на этом
 входе

Остановил Говэн и ждет,
 Чтобы проникнуть вглубь ворот,
 А дальше не его забота.
 И лишь приблизились ворота,
 Он мула сильно подстегнул,
 И проскочил в ворота мул;
 Но, проходя под воротами,
 Брыкнул он задними ногами,
 И половина от хвоста
 Висеть осталась в воротах.
 Проезд их все же был удачен.
 И мул, неся Говэна, скачет
 Вперед по улицам пустым,
 Где никого не видно им,
 Ни войск, ни женщин, ни ребенка.
 Стучат копыта мула звонко;
 Весь замок спит, иль пусто в нем.
 Говэн увидел чей-то дом
 И мула привязал под крышей,
 И смотрит рыцарь: быстро вышел
 Какой-то карлик, шляпу снял
 И, поклонясь, ему сказал:
 «Добро пожаловать,
 мой рыцарь!»

Говэн с ним хочет объясниться
 И отвечает на привет:
 «Мой милый карлик, дай ответ, —
 Кто господа твои, кто дама?»
 Но карлик замолчал упрямо,
 Скорей спеша уйти вперед.
 Говэн никак не разберет,

Зачем ушел так торопливо
И молча карлик неучливый:
Не нужно ли его схватить,
Его заставить говорить?
Но почему-то недвижимым
Остался он, и карлик мимо
Прошел, а рыцарь увидал
Под домом каменный подвал,
Лежащий под землей глубоко.
И вот, в одно мгновение ока,
В душе решается Говэн
Вперед через ограду стен
Пройти во что бы то ни стало.
Но тут он видит, из подвала
Виллан оборванный глядит.
Он волосами весь покрыт.
Его увидя, не на шутку
Лишиться можно бы рассудка.
Он выше, чем густая ель,
Он выше, чем святой Марсель.
Висит, как будто у злодея,
Топор отточенный на шее.
Вилланом очень поражен,
Глядит Говэн. И сходство он
Находит с маврами в виллане
Или с крестьянами Шампани:
Они черны от солнца там.
Меж тем виллан к Говэну сам
С поклоном подошел учтивым,
Сказав: «Желаю быть
счастливым».
И на его ужасный вид
Говэн внимательно глядит.
«Ты вправду хочешь мне удачи?»
«Да, — тот ответил, — это значит,
Что буду я считать всегда
Отважным твой приезд сюда.
Но все ж приехал ты напрасно, —
Добраться до узды опасно.
Надзор за нею ведь большой,
И вынесешь ты тяжкий бой,
Сражаясь за нее, ей-богу».

«Брось, милый друг, свою
тревогу, —
Сказал Говэн, — поможет бог!
А я скорей бы мертвым лег,
Чем отказался от уздечки».
Не молвит больше ни словечка
В ответ на эту речь виллан.
Ночной спускается туман.
Говэн уснуть с дороги хочет,
Виллан о рыцаре хлопочет,
Его в гостиницу ведет,
Оставя мула у ворот;
Несет неведомо откуда
Говену два больших сосуда
С водой для умыванья рук.
Других не видно было слуг.
И вот Говэн за стол садится,
Чтобы едою подкрепиться,
И подает виллан ему,
Как господину своему.
Когда Говэн окончил ужин
И больше стол ему не нужен,
Виллан опять его убрал;
Чтоб вымыть руки, воду дал,
Затем Говэну стелет ложе,
Где тот заснуть спокойно может, —
Так он заботится о нем.
И говорит ему потом:
«Говэн, на мягком ложе этом
Один проспшишь ты до рассвета.
Но прежде, чем ты ляжешь спать,
Хотелось мне тебя позвать
Игрой друг друга позабавить.
Я о твоей наслышан славе, —
Великий подвиг ты сверши,
Но только ото всей души,
А потому решай свободно!»
И тотчас рыцарь благородный
Ему согласие дает.
Он говорит ему: «Идет!
Не отступлю я, мать божья,
Себя не запятнаю ложью.

Здесь ты хозяин, здесь твой дом».
И молвит тот: «Ты топором
Мне голову срубить обязан;
Ведь рыцарским ты словом связан;
А я, лишь утром возвращусь,
Твою срубить не откажусь.
Ну, принимайся же за дело».
«Идет! — Говэн воскликнул
смело, —

Я поступлю, как обещал,
Какой бы рок меня ни ждал,
И голову я непременно
Сейчас срублю. Тебе ж Говэна
Наутро будет голова».
«Вот превосходные слова!
Сказал виллан. — Начнем же,
рыцарь!»

И на землю виллан ложится,
И голова удара ждет.
Говэн топор его берет
Немедленно, не зная страху,
И рубит голову с размаху.
Тогда виллан встает опять,
Чтоб голову свою поднять,
И сам уходит вглубь подвала.
Говэн же, от пути усталый,
Ложится спать, пока рассвет
В окно не бросил первый свет.
Пора вставать, уже не рано,
И снова видит он виллана,
Как будто не был тот убит.
И на груди топор висит.
Говэн глазам своим не верит,
Но нет! Виллан стоит у двери
И с головою на плечах.
Но незнаком Говэну страх.
И вот виллан к нему навстречу
Подходит с ласковою речью:
«Говэн, ты слово дал вчера,
Теперь твоя пришла пора».
«Ну, что ж! Я не нарушу слова;
Вот голова моя готова.

А жаль, что невозможен бой,
Я поборолся бы с тобой.
Однако рыцарь — не предатель».
И, быстро соскочив с кровати,
Говэн идти за ним готов.
«Ну, что ж, начнем без лишних
слов».

И на бревно он, не бледнея,
Кладет, не размышляя, шею.
Виллан же на него кричит
И вытянуть ее велит.
«Как мог, так вытянул, ей-богу!
Да ты руби, не думай много!»
Как было б жалко, если б он
Был тут вилланом поражен!
А тот уж свой топор подымлет —
Не опуская вниз на землю:
Хотел он только поугасть
И не желает убивать
За то, что рыцарь держит слово,
За то, что так всегда готов он
Свершить обещанное им.
И, встав, Говэн толкует с ним,
Как он узду себе добудет.
«Об этом речь попозже будет, —
Сказал виллан, — а раньше ты
До наступленья темноты,
Не отдыхая, должен драться.
И надлежит тебе сражаться
Сначала с львами на цепях.
В надежных, знающих руках
Твоя уздечка, иль над нами
Пусть адское зажжется пламя.
И так ужасны эти львы,
Что не снесли бы головы
Пятнадцать рыцарей и боле,
И львов они б не побороли.
Но буду я твоим слугой,
Ты подкрепишь сперва едой,
Чтобы в бою не утрашиться:
Ведь целый день ты будешь биться
И сытым должен быть вполне».

Лев выбивает и шестой.
Последний щит есть у Говэна,
И гибель будет несомненна,
Коль щит отдаст на этот раз.
Но прямо между злобных глаз
Говэн мечом пронзает зверя.
И вот, едва глазам он верит:
Лев мертвым перед ним лежит.
«На этот раз уж он убит,—
Сказал Говэн,— теперь ты тоже
Отдать мою уздечку можешь,
И поскорей, прошу о том».
«Нельзя, клянусь святым

отцом,—

Сказал виллан,— уже скорее
В твой панцирь от локтей до шеи
Багряная нальется кровь.
Тебе советую я вновь
Поесть и снять вооруженье,
Чтоб сил набраться для
сраженья».

Говэн не хочет отдыхать.
Тогда виллан ведет опять
Его чрез ряд богатых комнат,—
Проходы тайные он помнит,—
Пока не входит в зал, а в нем
Какой-то рыцарь под окном
Лежит, и кровь из ран струится.
«Добро пожаловать, мой
рыцарь! —

Говэну громко крикнул он,—
Я от болезни исцелен,
И твой приход сюда удачен.
Час нашей битвы
предназначен,—

Ведь ты, надеюсь, не труслив?»
Говэн отступит, лишь свершив
Все, что положено судьбою,—
И рыцарь встал, готовясь к бою.
Берет кольчугу, щит и шлем...
(Однако я забыл совсем
Вам рассказать о том, что важно:

Зачем он бился так отважно,
Не замечая как бы ран?
Сейчас ответ вам будет дан.
Обычай там велся жестокой,
Что если из страны далекой
Приедет рыцарь за уздой,
Он с ним вступал сейчас же в бой
И, никогда не уступая,
Всех в поединке убивая,
Он головы рубил врагам
И их прилаживал к шестам,
Стоявшим около ограды.
Но если б запросил пощады
Сам рыцарь замка, то и он
Был головы своей лишен,
И новый победивший рыцарь,
Как тот, с другими стал бы биться.)
Оделись рыцари и ждут,
Пока коней им приведут.
Виллан коней ведет горячих,
И через миг уж каждый скачет,
В седло поднявшись без стремян.
И два копыя тогда виллан,
Необходимые для боя,
Приносит рыцарям обоим.
У каждого на шее щит,
И каждый бой начать спешит.
Они сначала отъезжают,
Потом, столкнувшись, поднимают
Копье, чтоб поразить сильнее,
И чуть не падают с коней.
И копыя их совсем разбиты.
И седла сзади сильно сбиты,
И поломались стремяна,
И пополам рассечена
От натиска узда из кожи,
И ни один уже не может
Сражаться на коне, и вот
Их битва на земле идет.
Закрывшись крепкими щитами,
Так сильно бьют они мечами,
Что искры брызжут из щитов.

И много маленьких кусков
От их ударов отлетают.
Они в бою не уступают
Один другому ни на пядь,
Никто не хочет отступить.
Говэну нестерпимо стало,
Что столько времени пропало,
И он одним ударом шлем
Рассек на рыцаре совсем
И разрубил его забрало,
И сил у рыцаря не стало,
И оземь грузно он упал;
Его собой прикрыл вассал.
Говэн толкнул его и снова
Уж поднял меч разить готовый,
Но рыцарь сам сдается в плен,
Крича: — «Прости меня, Говэн!
Я был безумцем, храбрый рыцарь,
Что захотел с тобой сразиться,
Но до сегодняшнего дня
Никто не побеждал меня.
Лишь ты меня сильнее, право,
За это ты стяжаешь славу.
А я-то думал, что тебе
Висеть придется на столбе,
Который все стоит, пустуя;
Ведь головы-то сам рублю я
Всем приезжающим сюда,
Чья цель — пропавшая узда,
Их головы торчат на палках.
Мне и твоей не стало б жалко.
Но только ты меня сильнее».
Говэн уходит поскорей,
С себя снимает меч и латы
И говорит слуге: — «Лохматый,
Пора б теперь узду отдать!»
«С уздой придется подождать, —
Виллан в ответ сказал Говэну, —
Двух змей я приведу на смену.
Себя к сраженью приготовь.
Из них порой струится кровь.

И пламя в их клокочет пасти,
Но коль на них готов напасть ты,
То панцирь ты сними-ка свой;
Я принесу тебе другой,
Покрепче и из лучшей стали.
Поблизости хранится в зале
Немало шлемов, копий, лат
От тех, чьи головы торчат
Там на шестах у нас при входе».
И вот виллан ему находит
Кольчугу новую и шлем
(Они пришлись ему совсем),
И, крепкий щит надев на шею,
Говэн кричит слуге: «Скорее
Своих чудовищ приводи!»

.....
А тот твердит: — «До полдня надо
Тебе прикончить этих гадов,
Но только к ним ведь ни за что
Не приближается никто;
Один лишь я приставлен
к змеям».

«Ну, что ж, и я тогда
посмею
На них взглянуть», — Говэн
сказал.

Тогда немедленно вассал
За злыми гадами уходит
И в зал обеих змей приводит,
И у Говэна тотчас щит
От их огня кругом горит.
Говэн, отвагою пылая,
Мечом им головы пронзает
(Об этом книги говорят),
И головы долой летят.
Не знаю, что сказать об этом,
Полуденным сияло светом
На небе солнце, а в пыли
Две мертвых корчились змеи,
Разрубленные им на части.
Ему на лоб из мертвой пасти
Попали смрадный гной и кровь.

И вот виллан уж хочет вновь
Убрать оружие из зала
(Его снимал Говэн усталый),
Как вдруг к ним карлик входит
в зал,
Который рыцаря встречал
Намедни у ворот приветом,
Но, рыцаря вопрос ответом
Не удостоив, был таков.
«Говэн, — сказал он, — будь
готов,
Ждет госпожа тебя к обеду.
Ты угощения отведай,
А с нею разделив еду,
Получишь ты свою узду
И без помехи, и без боя».
На предложение такое
Говэн согласие дает,
Но пусть виллан его ведет, —
Ему во всем он крепко верит.
И вот они подходят к двери,
Его слуга ведет вперед.
Чрез много комнат он идет
И, наконец, вступает прямо
В ту залу, где сидела дама,
Та, от которой к ним посол
К обеду звать его пришел.
Говэна на пороге зала
Увидев, дама тотчас встала,
Сказав Говэну: «В добрый час!
Хоть и пришлось мне из-за вас
Такие претерпеть потери, —
Ведь из-за вас погибли звери,
Все звери из-за вас мертвы,
Но все ж хочу я, чтобы вы
Со мной обед мой разделили,
Я не слыхала, чтобы были
На свете рыцари храбрей».
На ложе он садится с ней
И здесь поверить мне должны
вы
Что было ложе не из ивы,

Не из осины сплетено:
Сверкало серебром оно
С узором тонкой позолоты;
На нем бесценнейшей работы
Сукно, расшитое шелками,
И золотом, и жемчугами;
Но, чтобы все изобразить,
Мне надо было б говорить
Без усталости в течение года.
Виллан и карлик даме воду,
Чтоб вымыть руки, подают
И ценный золотой сосуд,
И полотенце в зал приносят.
Присесть Говэна дама просит.
Им карлик служит за столом,
И со слугой они вдвоем
Их угощают молчаливо.
А дама кажется счастливой.
С собою рыцаря она
Сажает, ласкою полна,
С ним пьет из одного сосуда,
Из одного вкушает блюда.
Радущье оценил барон.
Здесь замолчать я принужден
И больше не скажу ни слова.
И вот, когда уж все готово,
Уносит стол один из слуг,
А дама требует для рук
Воды, — виллан приносит воду.
Говэн давно уж на свободу
Из замка рвется убежать
И просит даму он отдать
Ему уздечку во владенье.
«Сир, — говорит она, — именье
И всю себя я вам отдам
За то, что приходилось вам
Из-за моей сестры сражаться:
Мы — сестры, я могу признаться,
А если б вы остались здесь,
Я б отдала вам замок весь,
Вы мне бы господином стали,
Вам замки б все принадлежали,

А их, должно быть, пятьдесят». Говэн в ответ: «Я был бы рад; Но должен я, клянусь вам честью, О всем случившемся известье Скорее к королю принести, Была тому порукой честь. И потому прошу вас, дама, Узду мне возвратите прямо, Я в вашей долго был стране, Нельзя здесь дольше медлить мне; Но я за ваше предложенье Благодарю вас без сомненья». «Не будем спорить об узде; Вон на серебряном гвозде Она висит», — сказала дама. Узду Говэн снимает прямо, И мула вновь ведет вассал. Говэн тотчас его взнуздal И с дамой хочет попрощаться. Тогда виллану постараться Она велит, чтобы Говэн Спокойно выехал из стен; Чтоб лучше выехать Говэну, Пускай он остановит стены. Говэн свой подвиг совершил, И вот виллан остановил Вращенье замка. Недвижимо Он стал. Говэн проехал мимо Ворот и, посмотрев назад, Увидел: улицы кишат Веселым пляшущим народом; Как будто получив свободу, Танцует радостно народ И песни громкие поет, И даже ангельские рати Наверно не могли б сдержать их: Весельем каждый обуян. На воротах сидит виллан И смотрит он вослед Говэну. Его Говэн спросил чрез стену, Откуда взялся весь народ:

Ведь первый раз он у ворот Не встретил малого ребенка; Теперь там распевают звонко, Как будто собрались на пир. Виллан в ответ ему: «Мессир, Их раньше так пугали звери, Что прятались они в пещере От этих диких, злых зверей, А если был кто похрабрей И выходил наверх работать, То было трудною заботой Его заставить не сбежать, Уговорить, что разорвать Не могут львы его на части. Но вы спасли их от напасти, Пришли вы злых зверей убить И ярким светом озарить Людей, томившихся в потемках, — И вот они смеются громко, И радости предела нет». Весьма понятно, что ответ Говэну был большой утехой, И по дороге он поехал, Что привела его к реке, К железной узенькой доске. Ее он переехал с мулом; Потом дорога повернула В ущелье, где среди камней Гнездилося много страшных змей, Но, миновав ущелье смрада, В лесную въехал он прохладу, Прибежище лесных зверей, И, мула увидав, скорей Они бегут встречать Говэна, И припадает на колена Толпа зверей, чтоб каждый смог И рыцаря, и мула ног Коснуться нежными губами. Говэн спешит скорее к даме, (Быть со зверями — недосуг), И выезжает мул на луг

Зеленый, солнцем весь залитый.
А в это время вышла с свитой
И королева, — все хотят
Из окон поглядеть на сад.
И вот, смотря из окон зала,
Толпа придворная болтала,
А королева видит вдруг:
Говэн уж проезжает луг.
Сказала рыцарям и дамам;
Они бегут навстречу прямо
К нему, и каждый очень рад
Тому, что едет он назад.
Но больше всех известью рада
Та девушка, которой надо
Обратно получить узду,
И вот она кричит ему
(А он стоит у входа в залу):
«Пусть вам пошлет господь

немало

Каких желаете утех
И днем, и ночью без помех».
«И вам того же я желаю»,
Говэн ответил ей, слезая.
Она ж, припав к его устам,
Ему промолвила: «Я вам
Отдать поистине б хотела
В награду душу всю и тело, —
Ведь я же знаю, что узда
В мои бы руки никогда
Через другого не попала,
Ведь рыцарских голов немало
Торчит на палках над водой, —
Никто не овладел уздой».
И тут Говэн ей без смущенья
Свои поведал приключения:
Про лес и про долину змей,
Про удивительный ручей,
Где рос боярышник душистый,
Где было все светло и чисто,
Про реку, цветом как свинец,
И про вертящийся дворец,

Про то, как были львы убиты
И рыцарь свержен знаменитый,
Как он побился об заклад,
Как двух он змей убил подряд,
Про то, как карлик поклонился,
А после молча удалился,
Про то, как снова он пришел
Звать к госпоже своей за стол, —
А госпожа была сестрою
Той, что послала за уздой, —
Про то, как он добыл узду,
Про то, как видел на мосту,
Когда из замка уезжал он,
Толпу, которая плясала,
И как назад проехать мог
Он без задержек и тревог.
Он рассказал все приключения,
А дама просит разрешенья
Уехать наконец домой.
Король и рыцари толпой,
И королева с ними вместе,
Ей говорят, что в этом месте
Она бы с ними жить смогла
И среди Круглого стола
Найти по сердцу господина,
«Господь свидетель мой единый,
Так отвечает им она, —
Я здесь остаться не вольна,
Как я сама бы ни хотела».
И мула привести велела,
И села на седло опять.
И сам король сопровождать
Ее хотел; но провожатых
Не хочет девушка. Заката
Приходит время, мрак встает.
Она прощается, и вот
Она и мул уж в лес свернули,
Рассказ про *Девушку на муле*,
Покинувшую вдруг дворец,
Здесь обретает свой конец.

ОКАССЕН И НИКОЛЕТ

Сложенная в начале XIII в. эта песня-сказка (*chante — fable*) по своеобразной форме изложения (проза, чередующаяся с отдельными стихотворными тирадами) стоит особняком среди дошедших до нас памятников и является, очевидно, продуктом жонглерского (а не рыцарского) творчества. На нерыцарское происхождение песни-сказки указывает также ее содержание. Она весьма далека от того, чтобы прославлять типично феодальные «добродетели». Рыцарь Окассен менее всего напоминает средневекового рыцаря, для которого требования сословной рыцарской чести обычно стояли на первом месте. Горячо любя пленную сарацинку Николет, он нимало не смущается неравенством их общественного положения. Его не прельщают ни воинские подвиги, ни рыцарская слава. Ради того чтобы вечно быть с Николет, он даже готов пренебречь райским блаженством. Автор не без иронии пишет о феодальных войнах и стычках. Его симпатии всецело на стороне чистых сердцем любовников, мечтающих о мирной, счастливой жизни. Естественное человеческое чувство торжествует в повести над сословными феодальными предрассудками. С необычной для рыцарских романов теплотой относится автор также к простолюдинам. Он знает об их горькой доле и вовсе не стремится ее приукрасить (беседа Окассена с пастухом, глава 24). Стиль повести подкупает своей задушевной наивностью и безыскусственной грацией. Написана песня-сказка на пикардском наречии.

1.

Кто услышать хочет стих
Про влюбленных молодых,
Повесть радостей и бед:
Окассен и Николет —
Как жестоко он страдал,
Храбро подвиги свершал
Для любимых ясных глаз?
Чуден будет мой рассказ,

Прост и сладостен напев.
И кого терзает гнев,
Злой недуг кого томит, —
Эта песня исцелит.
Радость будет велика,
И рассеется тоска
От песни той^а.

2.

Говорят рассказывают и повествуют,

что граф Бугар Валенский вел с графом Гареном Бокерским войну, великую, жестокую и кровопролитную, и не проходило дня, чтобы он не стоял у ворот, укреплений и стен города с сотней рыцарей и десятком тысяч воинов, конных и пеших. При этом он опустошал огнем страну графа Гарена, грабил его землю и убивал его людей.

Граф Гарен Бокерский был стар и слаб — прошло его время. И не было у него других наследников, ни сыновей, ни дочерей, кроме одного только мальчика. Я вам опишу, каков он был.

^а Форма стихотворной тирады передана неточно — в подлиннике она построена на одном ассонансе.

Окассеном звали графского сына. Он был красивый юноша, высокий ростом; стройны были его ноги, руки и тело. Волосы у него были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, лицо приветливое и правильное, нос прямой и тонкий¹. И столько в нем было добрых качеств, что не было ни одного дурного, все только одни хорошие.

Но был он охвачен любовью, которая все побеждает, не желал рыцарствовать, ходить вооруженным на турниры, не хотел делать того, что ему подобало². Отец и мать говорили ему:

— Сын, бери оружие, садись на коня, защищай свою землю и помогай своим подданным. Когда они тебя увидят рядом, они будут лучше защищать свою жизнь, и имущество, и нашу землю

— Отец, — отвечал Окассен, — что вы там говорите? Пусть бог не даст мне того, о чем я прошу его, если я стану рыцарем, сяду на коня, пойду в сражение и в битву, чтобы там разить врагов и отражать удары, а вы мне не дадите Николет, мою нежную подругу, которую я так люблю.

— Сын мой, — отвечал отец, — оставь и думать о Николет. Она ведь пленница, привезенная из чужой страны; там ее купил виконт нашего города у сарацин и привез ее сюда. Здесь он ее вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу. Теперь он даст ей в мужа какого-нибудь молодого человека, который честно будет зарабатывать для нее хлеб. Тут тебе нечего делать, а если ты желаешь жениться, то я дам тебе в жены дочь короля или графа. Нет такого важного человека во Франции, который бы не отдал за тебя свою дочь, если бы ты захотел ее иметь.

— Увы, отец! Где на земле такая высокая честь, которой бы не стоила Николет, моя нежная подруга? Если бы даже она была императрицей Константинополя или Германии, королевой Франции или Англии, всего этого было бы для нее мало — так хороша она и благородна, и приветлива, и полна достоинства.

3.

Здесь поется.

Окассена знатный род
В замке де Бокер живет.
Без прекрасной Николет
Для него ничтожен свет.
Но отец неумолим,
Мать во всем согласна с ним.
— Николет, мой милый сын,
Куплена у сарацин,
Где она была в плену.

Ты же должен взять жену
Рода знатного, как ты.
Брось безумные мечты!
— Мать, я не согласен, нет!
Кто прекрасней Николет?
Ясный взор и стройный вид
Сердце светом мне живит.
Мне любовь ее нужна,
Что так нежна.

4.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Когда граф Гарен Бокерский увидел, что не удастся ему отвлечь Окассена от любви к Николет, он отправился в город к виконту, который был его вассалом, и сказал ему так:

— Господин виконт, удалите вы отсюда Николет, вашу крестницу. Пусть будет проклята земля, откуда вы ее привезли в нашу страну. Ведь из-за нее я теряю Окассена; он не хочет рыцарствовать, не хочет исполнять своего долга. Так знайте, что, если бы она была в моих руках, я бы ее сжег в огне, да и вы сами должны тоже меня остерегаться.

— Господин мой, — ответил виконт, — мне и самому очень не нравится, что он к ней ходит и разговаривает с нею. Я ведь ее купил на свои деньги, вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу; теперь я дам ей в мужа какого-нибудь молодого человека, который будет для нее честно зарабатывать хлеб. Тут вашему Окассену нечего делать. Но если такова ваша воля и ваше желание, то я ее отошлю в такую страну, где он ее никогда и в глаза не увидит.

— Так берегитесь! — сказал граф Гарен. — А то вам плохо придется.

Они расстались.

А виконт этот был очень важный человек, и был у него пышный дворец, а позади дворца — сад.

И приказал он посадить Николет в комнату наверху, а с нею вместе старушку для общества и компании и велел дать им хлеба, мяса, вина и все для них необходимое.

Потом приказал запечатать все двери, чтобы ниоткуда не было к ним ни входа, ни выхода. Оставалось у них снаружи только одно маленькое окошечко, откуда проникало к ним немного свежего воздуха.

5.

Здесь поется.

В тесной комнате одна
Николет заключена.
Свод искусно в ней сложен
И хитро расписан он.
Вот, на мрамор у окна
Опершись, стоит она.
Волны светлые кудрей,

Дуги стройные бровей,
И в лице сияет свет,—
Нет прекрасней Николет!
Вот она взглянула в сад:
Птички весело кричат,
Роза пышно расцвела.
И сиротка начала:

— Горе мне, зачем должна
Я в тюрьме сидеть одна?
Окассен, мой господин,
Вы милы мне; вы один
Были ласковы всегда.
Я заключена сюда

Ради вас, под этот свод.
Здесь так грустно жизнь идет.
О святая божья мать,
Я не стану здесь страдать,
Я уйду!

6.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Николет была в заточенье, как вы уже слыхали, в комнате. И пошел по всей земле и по всей стране слух, что она исчезла. Одни думали, что она сбежала в чужие страны, а другие полагали, что граф Гарен велел ее убить.

Если кого-нибудь эта весть и обрадовала, то Окассену совсем не было весело.

Он отправился к виконту в город и спросил его:

— Господин виконт, что вы сделали с Николет, моей нежной подругой, с той, кого я любил больше всего на свете? Вы отняли ее от меня, украли! Так знайте же, что, если я умру с горя, вам будут за меня мстить, и это будет только справедливо. Ведь вы меня убили собственными руками, отняв от меня ту, которую я любил больше всего на этом свете.

— Господин мой, — ответил виконт, — оставьте вы это. Николет — пленница, которую я привез из чужой земли, купив ее на собственные деньги у сарацин. Я ее вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу; я ее кормил, а теперь найду ей в мужа какого-нибудь молодого человека, который будет для нее честно зарабатывать хлеб. Вам тут совсем нечего делать, а вы лучше возьмите себе в жены дочь короля или графа. Да и в самом деле, что вы выиграете, если сделаете Николет своей любовницей и она будет спать с вами? Мало будет от этого проку, так как на все дни вашей жизни вы будете опозорены, а душа ваша пойдет потом в ад, так как рая-то вам уж никогда не видать.

— Что мне делать в раю? Я совсем не желаю туда идти; мне нужна Николет, моя нежная подруга, которую я так люблю. Ведь в рай идут только те люди, которых я вам сейчас назову. Туда идут старые попы, убогие и калеки, которые день и ночь томятся у алтарей и старых склепов, и те, кто ходит в лохмотьях, истрепанных капюшонах, и те, которые босы и наги, и оборваны, кто умирает от голода, холода, жажды и всяких лишений. Все они идут в рай, но мне с ними там нечего делать. Я

хочу попасть в ад², куда идут добрые ученые и прекрасные рыцари, погибшие на турнирах или в славных войнах, и хорошие воины и свободные люди. С ними хочу быть и я. Туда же идут и нежные, благородные дамы, у которых два или три возлюбленных, кроме их собственного мужа; идет туда золото, серебро и цветные меха; идут туда музыканты и жонглеры и короли мира. С ними хочу быть и я, пусть только Николет, моя нежная подруга, будет со мною.

— Напрасно вы все это говорите, — ответил виконт, — вы больше ее никогда не увидите. А если б вы с ней поговорили и отец ваш узнал бы об этом, он бы сжег и ее, и меня в огне, да и вам самому было бы чего бояться.

— Тяжко мне это, — сказал Окассен и, печальный, ушел от виконта.

7.

Здесь поется.

И вернулся Окассен
Тяжким горем удручен.
Кто подаст ему совет?
От прекрасной Николет
Кто бедняжку отвлечет?
Вот он во дворец идет,
Возвращается домой,
Поднялся к себе в покой
И, печалью омрачен,
Горько плакать начал он:
— Николет, чья речь сладка,

Поступь гордая легка,
Чьи движенья так плавны,
Так объятия нежны,
Весел нрав и смех игрив,
Стан и строен, и красив, —
Ради вас страдаю я,
И терзают все меня.
Умереть пришла пора,
Друг мой, сестра³!

11.

Здесь поется.

Видит старый граф Гарен,
Что не может Окассен
Сердцу милую забыть,
Взор прекрасный разлюбить.
Сына он в тюрьму послал,
В темный мраморный подвал,
В погреб мрачный под землей.
Полон юноша тоской,
Стал печальнее, чем был;

Плача, так он говорил:
— Дорогая Николет!
Друг мой нежный, лилий цвет,
В чаше спелых гроздий сок
Быть нежней тебя не мог.
Видел раз я, как один
Пилигрим из Лимузин
На одре лежал без сил,
Злой недуг его томил.

И была болезнь тяжка —
Изнуряла старика;
Только мимо ты прошла,
Легкий плащ приподняла,
Мех соболей дорогой
И рубашки край льняной, —
Ножку старец увидал,
В тот же миг здоровым стал².
От болезни исцелен,
Крепче прежнего стал он
И отправился один
В свой далекий Лимузин,

Позабыв про злой недуг.
Лилий цвет, мой нежный друг,
Ваша поступь так легка,
Речь отрадна и сладка,
Ласка и любовь нежны,
Смехом, радостью полны.
Как вас можно не любить?
Ради вас я должен жить
В келье тесной под землей.
Здесь погибну смертью злой,
Близок мой последний час,
Умру за вас!

12.

/

Говорят, рассказывают и повествуют.

Окассен был заключен в темницу, как вы уже слышали, а Николет сидела взаперти в комнате. Это было летом, в мае месяце, когда дни стоят теплые, длинные и ясные, а ночи тихи и прозрачны.

Однажды ночью Николет лежала в своей постели, и увидела она, что луна светит в окошко, услышала, что в саду поет соловей. Вспомнила она об Окассепе, своем милом друге, которого она так любила. И стала она думать о графе Гарене Бокерском, который смертельно ее ненавидел, и решила, что ни за что больше здесь не останется. Ведь если бы ее кто-нибудь выдал и граф Гарен узнал, где она, он бы предал ее злой смерти.

Услышав, что старушка, которая была с нею, заснула, она встала, надела красивый шелковый блио³, потом взяла простыни и полотенца, связала их вместе и сделала из них веревку, такую длинную, как только могла. Привязала ее к подоконнику и спустилась вниз в сад.

Она подобрала свои одежды, одной рукой спереди, а другою сзади, и пошла через сад по траве, обильно смоченной росой. Волосы у нее были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, продолговатое лицо, прямой и тонкий нос, а губы алее, чем вишня или роза летнею порою, зубы мелкие и белые, а упругие груди приподнимали ее одежду, как два маленьких волошских ореха. Она была стройна в бедрах, и стан ее можно было обхватить пальцами.

³ Блио (bliant) — короткая одежда, большей частью из шелка, не доходившая до колен.

Цветы маргариток, которые она топтала своими ножками и которые ложились под ее стопами, казались совсем черными по сравнению с ними, — так бела была эта девушка.

Она подошла к калитке, открыла ее и пошла по улицам Бокера, держась в тени, так как луна светила очень ярко, и шла она до тех пор, пока не достигла башни, где сидел ее друг. Башня эта была местами в трещинах; она прислонилась к одному из столбов, плотно завернулась в свой плащ, просунула голову в одну из расселин башни, старой и ветхой, и услышала, как скорбел и плакал Окассен, сожалея оставленную подругу свою, которую он так любил. Когда она его выслушала, она начала говорить сама.

13.

Здесь поется.

Та, чьи очи так ясны,
Стала тихо у стены.
Окассена горек стон,
О подруге плачет он.
И в ответ он слышит вдруг:
— Мой возлюбленный, мой друг
Храбрый, честный мой герой —
Ни слезами, ни тоской
Вам меня не возвратить,
И счастливым вам не быть!
Ненавидит ведь меня

Ваш отец и вся родня.
Через море в край чужой
Я уйду, любимый мой.
И красавица ему
Локон бросила в тюрьму.
Окассен густую прядь
Нежно начал целовать.
Даром милой упоен,
Скрыл его на сердце он,
После новых слез поток
Сдержать не мог.

14.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Когда Окассен услышал, что Николет собирается бежать в чужие края, очень он рассердился.

— Милая подруга моя, — сказал он, — вы никуда не уйдете отсюда, потому что иначе я умру. Первый, кто вас увидит, если только сможет, овладеет вами, положит вас в свою постель, сделает своей любовницей. И если вы ляжете в чью-либо постель, кроме моей, не думайте, что я буду ждать, пока найдется нож, которым я могу ударить себя в сердце и убить. Нет, в самом деле, долго ждать я не буду, и, если увижу издали крепкий камень или каменную стену, я разобью об него свою голову, так что глаза выскочат и мозги вывалятся наружу. Лучше уж умереть такою жестокою смертью, чем узнать, что вы лежали в чьей-либо постели, кроме моей.

— Ах, — молвила она, — я никогда не думала, что вы меня так сильно любите, но я-то вас люблю еще больше, чем вы меня.

— Увы, — ответил Окассен, — друг мой нежный, не может этого быть, чтобы вы любили меня так, как я вас. Женщина не может так любить мужчину, как он ее. Ведь любовь женщин живет в ее глазах, в кончиках груди и в пальцах ног, а любовь мужчины заключена в его сердце, откуда она уйти не может.

Пока Окассен и Николет так разговаривали, городская стража внезапно появилась на улице; под плащом у стражников были спрятаны обнаженные мечи. Ибо граф Гарен приказал им, если они встретят Николет, схватить ее и убить.

А сторож на башне видел, как они шли, и слышал, как они говорили между собою о Николет и грозили убить ее.

— Боже, — сказал он себе, — как будет жалко, если они убьют эту славную девушку! Будет добрым делом — предупредить ее так, чтобы они не заметили, и помочь ей спастись от них. Иначе они ведь убьют ее, и от этого умрет Окассен, мой молодой господин, а это будет большая беда.

15.

Здесь поется.

Сторож этот был герой,
Храбрый, с честною душой,
Был он ловок и умен,
Песню чудную им спел:
— Девушка, ты так смела
И красива, и мила,
Золотистая, в кудрях,
Смех в сияющих глазах.
Видю я, хоть ты молчишь,

Ты с любимым говоришь.
Умереть он рад, любя.
Я ж хочу спасти тебя.
Слушай. Осторожна будь!
К вам солдаты держат путь.
Взять тебя они должны,
Их мечи обнажены,
Чтоб убить тебя верней.
Беги скорей!

16.

Говорят, рассказывают и повествуют.

— Ах, — сказала Николет, — пусть покоятся в блаженном мире души твоих родителей за то, что ты так благородно и ласково меня предупредил об опасности. Если богу угодно, я уберегусь от них, и пусть он мне в этом поможет!

Она закуталась в свой плащ и укрылась в тени столба, пока они проходили мимо, потом простилась с Окассеном и пошла, пока не достигла стены замка. Стена эта была в одном месте разрушена и наскоро заделана. Николет перелезла через нее и очутилась между стеной и рвом. Взглянула она вниз, видит — ров глубокий и крутой, и стало ей страшно.

— Создатель милосердный, если я упаду, то сломаю себе шею, а если я здесь останусь, меня найдут завтра и сожгут в огне. Пусть уж лучше я умру, а то завтра весь город будет на меня дивиться.

Она перекрестилась и стала скользить вниз по склону рва, а когда достигла дна, ее нежные руки и ноги, которые до сих пор не знали ран, были все исцарапаны и исколоты, и кровь шла, наверно, в двенадцати местах, а она не чувствовала ни боли, ни страданий, — так ею владел страх.

Но если трудно было спуститься в ров, то выйти оттуда было еще труднее. Но она подумала, что там оставаться ей не годится, и, найдя заостренный кол, который горожане бросили сюда, защищая замок, она шаг за шагом стала с большим трудом подниматься и наконец вышла наверх.

Там был лес на расстоянии двух выстрелов из лука, и тянулся он на добрых тридцать миль в длину и в ширину, и были в нем дикие звери и всякие гады.

Она боялась идти туда и думала, что там ее съедят, но потом вспомнила, что если ее здесь найдут, то отведут в город и сожгут там.

17.

Здесь поется.

Перейти глубокий ров
Многих стоило трудов.
Николет, что так чиста,
Молит вся в слезах Христа:
— Царь небес, куда идти!
Мне закрыты все пути.
Если в темный лес пойду —
Смерть сейчас же там найду:
Стану пищей я волкам,
Львам и диким кабанам.

Если ж я останусь тут, —
На заре меня найдут,
И тогда, несчастной, мне
Предстоит сгореть в огне.
Боже мой, спаси меня!
Лучше пусть достанусь я
На съедение волкам,
Львам и диким кабанам,
Чем опять в Бокер идти
И смерть найти.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Долго жаловалась так Николет, как вы уже слышали. Она поручила себя богу и пошла, пока не достигла леса. И не смела она войти в глубь его, так как боялась диких зверей и гадов, и спряталась под тень густого куста. Там ее охватил сон, и она проспала так до ранней зари следующего дня, когда пастухи вышли из города и привели свои стада пастись на опушке леса у реки.

Там они отошли в сторону, сели на берегу славного ручейка, который протекал на опушке леса, разостлали на траве плащ и положили на него хлеб. Пока они ели, Николет проснулась от пения птиц и говора пастухов и подошла к ним.

— Милые дети, — сказала она, — бог вам на помощь!

— Бог да благословит вас, — ответил тот, который был поразговорчивее других.

— Милые дети, — продолжала Николет, — не знаете ли вы Окассена, сына графа Гарена?

— Конечно, знаем, даже очень хорошо.

— Если бог вам поможет, милые дети, — сказала она, — передайте ему, что в этом лесу водится зверь; пусть он придет охотиться на него, и если ему удастся его захватить, то ни одного кусочка этого зверя он не отдаст и за сто марок золотом^a даже и за пять сотен, и за все свое имущество не отдаст.

Они смотрели на нее и были поражены ее красотой.

— Передать ему это? — ответил тот, который был поразговорчивее других. — Будь проклят тот, кто скажет и передаст ему это. Это все выдумки, что вы говорите; в этом лесу нет ни одного зверя — ни оленя, ни льва, ни кабана, — который был бы так дорог, что один кусочек его стоил бы дороже двух или самое большее трех денье^b, а вы говорите о таких больших деньгах! Будь проклят тот, кто вам поверит и ему скажет об этом! Вы фея, нам вас совсем не надо, идите своею дорогой.

— Милые дети, — сказала она, — сделайте то, о чем я говорю! У этого зверя есть такое лекарство, что Окассен сразу излечится от своего недуга. Вот у меня в кошельке есть пять су^c, возьмите их себе, если вы согласны передать ему то, что я прошу. Пусть он охотится здесь в течение трех дней, а если он не найдет ничего за три дня, то ему больше никогда не видать этого зверя и не вылечиться от своего недуга.

^a Марка золотом — полфунта золота.

^b Денье — медная монета.

^c Су — монета в 12 денье.

— Честное слово, — воскликнул пастух, — деньги-то мы возьмем и, если он сюда придет, мы ему все скажем, но сами не пойдем его искать!

— Ну, хорошо, — ответила девушка. Она простилась с пастухами и ушла.

19.

Здесь поется.

Пастухам послав привет,
Удалилась Николет,
Трудный путь направив свой
Через темный лес густой.
И тропинкой вековой
В край пришла она глухой.
Семь дорог скрестилось тут,
Что по всей стране идут.
Вдруг ей мысль пришла одна:
Хочет испытать она,
Любит Окассен иль нет?

Собирает Наколет
Белой лилии цветы,
Травы, свежие листы,
И из веток и цветов
Чудный уголок готов.
— Боже правый, мне внемли!
Друга ты сюда пошли.
Если мимо он пойдет,
Здесь хоть миг не отдохнет,
Значит, я не друг ему,
Конец всему!

[При встрече с Окассеном, которого отец выпустил из тюрьмы, пастухи передают ему слова Николет.]

23.

Здесь поется.

Окассену речь ясна:
Передать она должна
О подруге милой весть.
На коня спешит он сесть
И въезжает в лес густой.
Верный конь летит стрелой.
Быстро юношу он мчит.
Вот как рыцарь говорит:
— Мне олень и кабаны

Для охоты не нужны.
Ясноокой Николет
Здесь в лесу ищу я след.
Стройный стан и светлый взор,
Смех и нежный разговор
Сердце мне навек пленил.
Если так господь сулил,
Вас еще увижу я,
Любовь моя!

24.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Едет Окассен по лесу с дороги на дорогу, и конь несет его быстрым ходом. Не думайте, что его щадили шипы и колючки. Ничуть не бывало! Они рвали его одежды, так что скоро не осталось на нем ни одного целого куска, и в крови были его руки, грудь и ноги. Кровь шла из тридцати или сорока мест, так что можно было видеть на траве следы крови, которая капала из его ран. Но он так глубоко задумался о Николет, своей нежной подруге, что не чувствовал ни боли, ни страданий, и ехал все дальше в лес, но никаких вестей о ней не было.

И когда он увидел, что приближается вечер, он стал плакать о том, что не смог найти ее.

Проезжая по старой, заросшей травой дороге, он взглянул перед собою и увидел вдруг человека, вот такого, как я вам сейчас опишу.

Он был высок ростом, дикий с виду и чудовищно безобразный. Голова у него была огромная, чернее угля, расстояние между глаз — с добрую ладонь, щеки толстые, огромный плоский нос с широченными ноздрями, губы толстые, краснее сырого мяса, зубы длинные, желтые и безобразные. На ногах у него были гамаши, и обут он был в сандалии из воловьей кожи, обмотанные лыком и завязанные веревкой до самых колен. Он был закутан в плащ на подкладке и опирался на большую дубину.

Когда Окассен вдруг его увидел, охватил его сильный страх².

— Бог в помощь тебе, братец!

— Бог да благословит и вас, — ответил тот.

— Послушай-ка, что ты тут делаешь?

— А вам-то какое до этого дело?

— Никакого, я просто спросил по-хорошему.

— О чем это вы плачете, — сказал тот, — и что вас так печалит? Если бы я был таким важным человеком, как вы, никто в мире не мог бы заставить меня плакать.

— А! Так ты меня знаешь? — спросил Окассен.

— Да, я знаю, что вы Окассен, графский сын, и, если вы мне скажете, о чем вы плачете, я вам скажу, что я здесь делал.

— Ну, что же, — ответил Окассен, — я тебе скажу охотно. Сегодня утром я приехал в этот лес поохотиться, и со мною была белая левретка, самая прелестная в мире, и вот я ее потерял, потому и плачу.

— Бог мой, — воскликнул тот, — и чего только ни выдумают эти господа! И вы плачете из-за какой-то вонючей собачонки!

Будь проклят тот, кто вас за это похвалит. Нет в вашей стране такого важного человека, который, получив приказание вашего отца достать

их десять, пятнадцать или двадцать, не исполнил бы этого с большой охотой и не был бы этому рад. Вот я так действительно могу плакать и печалиться.

— А ты о чем же, братец?

— Сударь, я расскажу вам почему. Я был нанят одним богатым крестьянином, чтобы ходить за плугом с четырьмя волами. Три дня тому назад со мной случилось большое несчастье, я потерял лучшего из моих волов — Роже, самого сильного. И теперь хожу и ищу его. Я ничего не ел и не пил три дня, а в город вернуться не смею: там меня посадят в тюрьму, так как мне нечем заплатить за вола. Во всем мире у меня нет никакого имущества, кроме того, что вы на мне видите. У меня есть бедная мать, у нее ничего не было, кроме старого тюфяка, да и тот теперь вытащили у нее из-под спины, и теперь она спит на голой соломе. И вот это-то и печалит меня больше, чем мое собственное горе. Потому что ведь деньги приходят и уходят. И если я теперь потерял, я выиграю в другой раз и заплачу за своего быка. Ради этого одного я бы не стал плакать. А вы убиваетесь из-за какой-то паршивой собачонки. Будь проклят тот, кто вас за это похвалит.

— Славно ты меня утешил, братец! Пошли тебе бог удачи. Сколько стоил твой вол?

— Сударь, с меня спрашивают двадцать су, а у меня не найдется и одного гроша.

— Вот возьми, у меня тут есть двадцать су, ты и заплатишь за своего вола.

— Сударь, — сказал крестьянин, — спасибо вам за это, пусть бог поможет вам найти то, что вы ищете.

Он уходит дальше, а Окассен продолжает путь. Ночь была ясная и спокойная, он ехал долго, пока не достиг того места, где расходились семь дорог. Здесь он увидел беседку, которую, как вы знаете, устроила Николет; она была вся разубрана цветами и листьями внутри, и снаружи, и сверху, и спереди и была так красива, что трудно себе представить что-нибудь лучшее. Когда Окассен ее увидел, он сразу остановился, а на беседку упал луч луны.

— Боже мой, — сказал он, — ведь это сделала Николет, моя нежная подруга! Она устроила это своими прекрасными руками. Ради нежности и любви моей к ней я сойду с коня и отдохну здесь сегодня ночью.

И он вынул ногу из стремени, чтобы сойти с коня, а конь его был высокий и большой. И так задумался он о Николет, своей подруге нежной, что упал на землю так тяжело, что ударился о камень и вывихнул себе плечо.

Он почувствовал себя сильно раненным, но употребил все старания и привязал лошадь здоровой рукой к кусту шиповника, потом повернул-

ся на боку и растянулся в беседке на спине. И, глядя в отверстие над головою, он видел звезды. Одна из них казалась ярче других, и Окассен начал говорить так:

25.

Здесь поется.

— Звездочка, ты мне видна, Привлекла тебя луна. Там с тобою, знаю я, Светлокудрая моя, Друг мой нежный Николет. Бог зажег вечерний свет, И, чтоб ярче он сиял, Он к себе ее позвал.	Ах, как бы хотелось мне Там, в небесной вышине, Мою милую ласкать! (Пусть я упаду опять!) Если б царским сыном был, Я б, как равную, любил, Милая, тебя!
--	--

26.

Говорят, рассказывают и повествуют.

Когда Николет услышала Окассена, она подошла к нему, потому что была недалеко. Она вошла в беседку, бросилась в его объятия и стала его ласкать и целовать.

— Милый, нежный друг мой, наконец-то я нашла вас!

— И я вас также, милая, нежная подруга!

И снова они обнимались и целовались, и велика была их радость.

— Подумайте, моя нежная подруга,— сказал Окассен,— я вывихнул себе плечо, а теперь не чувствую ни боли, ни страданий, потому что вы со мною.

Она его потрогала и увидела, что плечо вывихнуто. Тогда она стала растирать своими белыми ручками, и с помощью бога, который любит влюбленных, она вправила ему плечо. А потом она нарвала цветов, свежих трав и зеленых листьев, привязала их к его плечу лоскутком своей рубашки, и Окассен стал здоровым.

— Окассен, милый и нежный друг мой, теперь послушайтесь моего совета. Если ваш отец пошлет искать вас завтра в этом лесу, меня найдут и, что бы ни случилось с вами, меня-то убьют наверно.

— Моя дорогая, нежная подруга, это причинило бы мне большое горе. Но если я смогу, я вас никому не отдам.

Он сел на коня, посадил перед собою свою подругу, целуя ее и обнимая, и они выехали в открытое поле.

27.

Здесь поется.

Светлокудрый Окассен
Ясным счастьем упоен.
Он оставил лес густой
И в седле перед собой
Свою милую везет.
Белый лоб, и нежный рот,
И глаза целует ей,
Полный радости своей.
— Друг мой, — говорит она, —
Где, скажите, та страна,

Куда мы направим путь?
— Все равно, куда-нибудь!
Чрез равнину, лес густой.
Лишь бы ты была со мной.
По полям, среди холмов,
Мимо замков, городов
Вихрем быстрый конь летел.
Берег моря — их предел.
Там кончен путь⁴.

РОМАН О ТРИСТАНЕ

Принадлежащий к кругу бретонских (кельтских) сказаний сюжет о любви Тристана и Изольды, засвидетельствованный в многочисленных разработках с середины XII в. (древнейшая — лэ «О жимолости» Марии Французской), представлен двумя версиями: жонглерской, более примитивной и архаической (обработки французского жонглера Беруля и немецкого поэта Эйльхарта фон Оберге), и изысканной куртуазной (обработки англо-нормандского поэта Томаса, немецкого поэта Готфрида Страсбургского и некоторых других). В своем дальнейшем развитии сюжет в середине XIII в. становится предметом прозаического романа, постепенно включаемого в цикл романов «Круглого стола». Из прозаического романа XIII в. и взяты приводимые ниже отрывки.

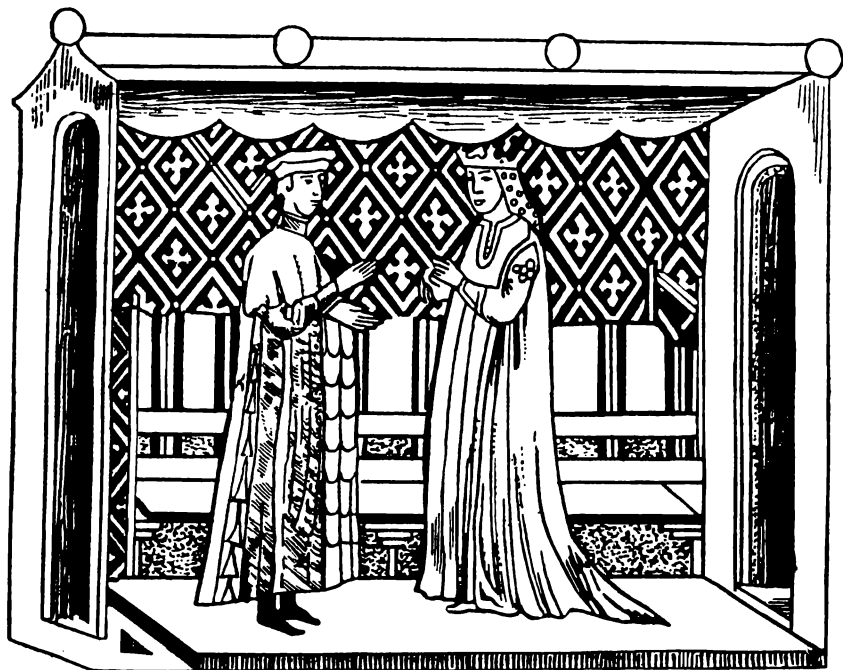
Популярность сказаний о любви Тристана и Изольды в европейской литературе XII—XIII вв. (а также в последующие столетия) объясняется прежде всего тем, что в них центральное место отводится теме земной, человеческой любви, которая со времен трубадуров привлекала внимание многих средневековых поэтов. При этом если в более архаических версиях любовь Тристана и Изольды рисуется как некая «демоническая» страсть, порожденная колдовским, «дьявольским» зельем, то в версиях куртуазных роль любовного напитка заметно уменьшена и любовь изображена как всепоглощающее естественное чувство.

В романах изображается также конфликт между любовным влечением Тристана и его вассальным долгом, между большим человеческим чувством и обычаями феодального общества (см. заметку о Готфриде Страсбургском в разделе «Немецкая литература»).

[Истории Тристана в романе предшествует история сватовства отца его Ривалина, короля Лоона, к Бланшефлер, сестре Марка, короля корнвалийского. Ривалин добывает руки Бланшефлер, увозит ее в свое королевство; через несколько времени она родит сына и умирает в муках.]

Весь день и всю ночь мучилась королева, и на рассвете разрешилась она прекрасным сыном, по воле господ нашего. И когда она разрешилась, то сказала своей придворной даме:

— Покажите мне мое дитя, я поцелую его, ибо я умираю.

Тристан и Изольда. Миниатюра из рукописи прозаического романа XIV в.

И та исполнила ее желание. И когда королева взяла его на руки, увидела, что был он самым прекрасным созданием в мире, и сказала:

— Сын мой, — говорит она, — велико было желание мое иметь тебя, и вижу я, что ты прекраснее всех созданий, которых когда-либо породила женщина, но от красоты твоей мало мне проку, ибо умираю от мук, которые претерпела за тебя. В печали пришла я сюда, в печали родила я, в печали обрела тебя, и первая радость, которую я познала от тебя, была печалью, и из-за тебя умираю в печали. И так как в печали пришел ты на эту землю, имя тебе Тристан Печальный. Пусть же господь даст тебе прожить жизнь твою в большей радости и удаче, чем принесло твое рождение.

И когда она это сказала, целует она его, и как только она его поцеловала, душа рассталась с ее телом, и умерла она.

Таким, как я вам рассказываю, было рождение Тристана, прекрасного и доблестного рыцаря, который претерпел потом столько страданий из-за Изольды.

[Осиротевшего Тристана король поручает воспитать доблестному рыцарю Гуверналю, который обучает его всем рыцарским наукам. После ряда приключений юный Тристан

поступает на службу к королю корнвалийскому — Марку, своему дяде. Чтобы освободить Корнвалис от позорной дани королю Ирландии, Тристан вступает в единоборство с рыцарем ирландским Морольтом. Он побеждает Морольта, но сам ранен его отравленным мечом. Рана никак не может залечиться, и измученный ею Тристан просит короля Марка положить его в ладью и пустить в море на волю волн.]

Видит король, что нельзя поступить иначе, и приказал приготовить суденышко так, как просил об этом Тристан. Когда корабль был снаряжен всем нужным, отнесли они туда Тристана и положили его туда. И никогда вы не видали нигде столь великой печали, какая была при расставании с Тристаном. Когда Тристан увидел столь великую скорбь по себе, горестно было ему долгие медлить, и велел он пустить себя в море с распушенным парусом, и спустя немного времени так удалился от них, что не видел более ни дяди, ни друзей, ни они его.

Так отправился Тристан в море и пробыл там пятнадцать дней или более, пока не доплыл в некий день до Ирландии, к замку Эсседот. Был там король ирландский и королева, сестра Морольта, и была там Изольда, дочь их, и там они проводили время. А Изольда эта была самая прекрасная женщина в мире, и была она более сведущей в лечении, чем кто бы то ни был в те времена, и знала все травы и их силы, и не было ни одной столь тяжелой раны, которую бы она не могла вылечить, а было ей только 13 лет.

Когда Тристан доплыл до гавани и увидел землю, которой не знал, сердце его возликовало при виде новой страны, и так как господь спас его от опасности морской, он берет свою арфу и настраивает ее и начинает играть на арфе столь радостно, что всякий, услышавший его, охотно внимал ему. Король сидел у окна и слышал звуки эти, и увидел суденышко столь прекрасно убранное, что подумал, что это феи, и показал его королеве.

— Государь, — говорит она, — да поможет вам бог, пойдем посмотрим, что это такое.

И вот спускаются одни из замка, без свиты, король с королевой и приходят к берегу, и слушают, как Тристан играет на арфе, пока он не окончил всех своих песен и не поставил арфы рядом с собой. Потом он спрашивает у короля:

— Что это за земля, к которой я приплыл?

— Клянусь верой, — говорит король, — это Ирландия.

Тут стало Тристану хуже, чем раньше, ибо знал он: если узнают его, придется умереть ему за Морольта, которого он убил. Король его спрашивает, кто он такой.

— Государь, — говорит он, — я из Лоонойса, близ города Альбисмы, человек несчастный и больной. И пустился я наудачу в это море, и

так прибыл я сюда, чтобы узнать, смогу ли я исцелиться от моей болезни; ибо столько я страдал от ужаса и от муки и столько страдаю еще, что никто не может более страдать чем я, и лучше предпочту я умереть, чем дольше томиться в этой муке.

— Рыцарь ли вы? — спрашивает король.

— Да, государь, — говорит Тристан.

Тогда говорит ему король:

— Не беспокойтесь более, ибо прибыли вы к такой гавани, где вы найдете исцеление; есть у меня дочь весьма мудрая, и если только кто-либо может вас исцелить, она исцелит вас в кратчайший срок, и я попрошу ее, чтобы занялась она этим ради господина и ради милосердия.

— Государь, да вознаградит вас бог, — говорит Тристан.

Тогда уходит король с королевой в свой дворец. Король зовет служителей своих и приказывает им, чтобы они пошли к гавани за больным рыцарем и чтобы они принесли его сюда, и сделали ему прекрасную постель, и уложили его. И делают, как он им приказал.

Когда Тристана уложили, король говорит Изольде, дочери своей, чтобы она позаботилась о рыцаре. И она это сделала с великой нежностью, и исследовала раны его, и положила на них травы, и говорит ему, чтобы он не беспокоился, и что она его исцелит с божьей помощью в короткое время.

И прибыл в этой комнате Тристан десять дней больным, и королева каждый день заботилась о нем.

[Исцеленный Тристан в благодарность спасает Ирландию от опустошавшего ее дракона, после чего возвращается в Корнвалис, в замок Тинтанель к королю Марку.]

Случилось, что король сидел среди своих баронов, и Тристан был там вместе с ними. Бароны говорили, что дивятся они, почему король не женился. И Тристан сказал, что хотелось бы, чтобы король взял себе жену. Тогда сказал король:

— Тристан, — говорит он, — я возьму себе жену, когда вам будет угодно, ибо от вас зависит, достать мне ее, такую прекрасную, какой я хочу ее иметь, как вы знаете.

— Государь, — говорит Тристан, — если дело за мною, вы ее получите, ибо скорее я умру, чем не достану ее для вас.

— Как же я вам поверю? — говорит король.

И Тристан протягивает руку к часовне и клянется: если бог и святые помогут ему, он приложит все свои силы. Король его весьма благодарит.

— А теперь я скажу вам, — говорит король, — кто та, кого я хочу. Много раз вы говорили мне, если я женюсь, взять бы мне жену такую, чтоб я мог наслаждаться и радоваться ее красотой, а за красоту вы мне хвалили только одну женщину, и о той вы свидетельствовали, что она прекраснейшая женщина в мире. Ее хочу я и ее возьму в жены, если во-

обще я женюсь. И это Изольда Белокурая, дочь короля Анжина ирландского. Ее вам надлежит доставить мне, как вы мне обещали. Возьмите же из замка моего такую свиту, какая вам понадобится, и отправляйтесь в путь и добейтесь того, чтобы я получил ее¹.

Когда Тристан слышит эту новость, думает он, что дядя посылает его в Ирландию не за Изольдой, а за смертью, но не осмеливается отказать ему. А король, который более желает зла ему, чем добра, говорит ему льстиво:

— Мой прекрасный племянник, разве вы мне ее не добудете?

— Государь,— говорит Тристан,— я сделаю все, что могу, хотя бы пришлось мне за то умереть.

— Мой прекрасный племянник, великая вам благодарность,— говорит король,— теперь нужно вам двинуться в путь, ибо не узнаю я радости до тех пор, пока вы не вернетесь и не приведете мне Изольду Белокурую.

[После ряда приключений Тристан действительно добывается руки Изольды для своего дяди и увозит Изольду из Ирландии в Корнвалис.]

Король и королева плачут при расставании. И зовет королева Бранжьену и Гуверналя и говорит им:

— Вот сосуд чистого серебра, полный чудесного напитка, который сделала я своими руками. И когда Марк ляжет с Изольдой в первую ночь, дайте испить его королю Марку, затем Изольде и потом выплесните остатки и берегитесь, чтобы никто больше не испил его, ибо великое зло может произойти от того. А этот напиток называется любовным напитком, и как только король Марк изопьет его и дочь моя вслед за ним, они полюбят друг друга так сильно и так чудесно, что никто никогда не сможет разлучить их обоих. И сделала его я для них двоих. Берегитесь же, чтобы никто не испил его².

И они говорят, что будут беречь его.

Итак, они отправились в путь.

И Тристан и свита его выходят в море и держат путь в великой радости. Три дня был у них попутный ветер, а на четвертый день играл Тристан в шахматы с Изольдой, и была тогда слишком большая жара. Тристан захотел пить и попросил вина. Гуверналь и Бранжьева пошли за вином и нашли любовный напиток среди другой серебряной посуды, куда они его поставили, и ошиблись они, и не остереглись. Бранжьена берет золотую чашу, а Гуверналь наливает в чашу напиток, который был светел, как вино, и действительно был он вином, но были к нему подмешаны другие вещи.

Изоolda играет на арфе.
Миниатюра из рукописи прозаического романа XV в.

Тристан испил полную чашу и потом приказал, чтобы дали ее Изоолде. И ей подают, и Изоолда пьет.

— О боже, какой напиток!

Так вступили они на путь, с которого не сойти им во все дни их жизни, ибо испили они свою гибель и свою смерть, а напиток этот показался им добрым и весьма сладостным, но никогда сладость не была куплена столь дорогой ценой, как эта. Изменились сердца их и забились, как только испили они, и глядят друг на друга в изумлении, и думают о дру-

гом, чем раньше. Тристан думает об Изольде, Изольда о Тристане. Забыли они о короле Марке. Тристан думает лишь о любви к Изольде, а Изольда лишь о любви к Тристану. И так согласуются их сердца, что они будут любить друг друга всю свою жизнь. И если Тристан любит Изольду, то такова его воля, ибо более прекрасной не мог он отдать свое сердце. И если Изольда любит Тристана, то такова ее воля, ибо ни к кому более прекрасному и более доблестному не могла она обратить свою любовь. Он прекрасен, и она прекрасна, он благороден, и она знатного рода. Так согласуется в них красота и благородство. Пусть же король Марк ищет теперь другую королеву, ибо эту хочет Тристан, а Изольда хочет его. И так долго глядели они друг на друга, что каждый узнал волю другого. Тристан узнал, что Изольда любит его от всего сердца, а Изольда узнала, что она ему по душе. РадуетсЯ он этому и в великом волнении говорит, что он самый счастливый рыцарь, когда-либо живший, ибо любит его самая прекрасная благородная дева, какая есть на свете.

Когда они испили любовного напитка, о котором я вам рассказал, Гуверналь узнал сосуд и пришел в великое изумление. В таком он был унынии, что хотел бы умереть, ибо знает он теперь, что Тристан любит Изольду и Изольда Тристана, и знает, что этому виной он и Бранжьена. Тогда зовет он Бранжьену и говорит ей, как они ошиблись по недосмотру.

— Как? — говорит Бранжьена.

— Клянусь верой, — говорит Гуверналь, — дали мы Тристану и Изольде испить любовного напитка, и такова сила его, что полюбили они друг друга. — И показывает ей сосуд, в котором был напиток. И когда Бранжьена увидала, что это правда, заговорила она вся в слезах:

— Плохо мы поступили, и только зло может произойти от этого.

— Потерпим, — говорит Гуверналь, — посмотрим, чем дело это кончится.

Гуверналь и Бранжьена в печали, те же, кто испил любовного напитка, в радости. Тристан глядит на Изольду и воспламеняется страстью, так что не желает он ничего, кроме Изольды, а Изольда — кроме Тристана. Тристан открывает ей свое сердце и говорит, что любит ее больше всего на свете, а Изольда говорит ему, что так и она его.

Что вам рассказывать?

Тристан видит, что Изольда готова исполнить волю его, и они наедине друг с другом, и никто их не беспокоит, и не страшатся ни тот, ни другая. И поступает он с ней по воле своей, и теряет она имя девственности.

И, как я вам рассказываю, полюбил Тристан Изольду так, что более в жизни своей не разлучался он с ней и другой не любил, и другой не знал. И из-за того напитка, которого он испил, терпел он муки и страдал

более, чем кто-либо другой, и не было никогда рыцаря, который более страдал бы ради любви, чем Тристан.

[Однако долг верности требует, чтобы Тристан отдал Изольду королю. Король Марк женится на Изольде. В первую же брачную ночь верная Бранжьена заменяет собой Изольду, чтобы король не узнал об обмане. Но ни Тристан, ни Изольда не могут преодолеть овладевшей ими любви.]

Ежедневно бывали Тристан и Изольда наедине в опочивальне короля Марка³. Сандрет, который ненавидел Тристана, заметя любовь их, пошел к королю Марку и сказал ему, что он самый опозоренный и самый несчастный человек в мире, раз он терпит в замке своего того, кто позорит его с женой его.

— Кто же он? — говорит король.

— Государь, — говорит Сандрет, — это Тристан.

— Как же, — говорит король, — я узнаю об этом?

— Ступайте, — говорит Сандрет, — в вашу опочивальню, там их найдете наедине друг с другом.

[Разгневанный король, убедившись после ряда испытаний в неверности жены и измене племянника, приказывает их схватить.]

На следующее утро пришел Сандрет к королю и сказал ему:

— Государь, мы схватили Тристана и Изольду.

— Как вы нашли их? — говорит король.

И Сандрет рассказывает ему.

— Во имя господне, — говорит король, — позор этот лежит на мне, никогда не смогу я носить венец, если я не отомщу. Ступайте, приведите их.

И так тот делает.

Когда друзья Тристана услышали об этом, они пошли к Гуверналю и рассказали ему весть о Тристане. Гуверналь был от того в великой скорби. Тогда договорились они, что они спрячутся поблизости от того места, где казнят преступников, и если туда приведут Тристана, они его спасут или умрут. Тут вооружаются они, и Гуверналь вместе с ними, и отправляются в засаду. А Тристана и королеву привели к королю.

— Тристан, — говорит король, — я тебя осыпал почестями, а ты меня покрыл позором, и если я тебя обещу, никто не должен меня порицать, а расправляюсь я с тобой так, чтобы ты не причинял более зла ни мне, ни кому другому.

Тогда приказывает король, чтобы раздули костер на берегу моря и чтобы их сожгли на нем.

— Ах, государь, — говорят корнвалийцы, — отомстите королеве иным способом, не сжигайте ее. Отдайте ее прокаженным. Там она испытает большую муку, чем если бы ее сожгли. А Тристана пусть сожгут.

И король говорит, что он дает на это свое согласие⁴.

Развели огонь близ того места, где были четыре друга Тристана. Король приказал Сандрету сжечь Тристана, а королеву отдать прокаженным. И тот говорит, что он сделает это с охотой. И поручают Тристана охране десяти солдат, а Изольду — десяти других слуг.

Когда король видит, как уводят Тристана и Изольду, испытывает он великую скорбь, так что не может смотреть на них, и входит в опочивальню свою, предаваясь скорби, и говорит:

— Я самый подлый король и самый несчастный, который когда-либо был, ибо приказал загубить таким способом Тристана, моего племянника, который рыцарством превышал всех в мире, и супругу мою, которая красотой превышала всех в мире.

И тогда он проклял Сандрета и всех, кто дал этот совет, ибо лучше бы хотел ее сохранить, чем отдать прокаженным.

Так безумствовал король. А те приводят Тристана и Изольду. Народ, который видит, как ведут Тристана на смерть, говорит:

— Ах, Тристан, — говорят они, — если бы король вспомнил те страдания, которые испытал ты в борьбе против Морольта за освобождение Корнвалиса, он не отдавал бы тебя на смерть, но почитал бы и берег тебя.

Так они ведут Тристана, пока не пришли к старой церкви, стоявшей на берегу морском. Тристан глядит на нее и говорит: если попасть ему туда, бог бы помог ему. И разрывает и развязывает свои узы и веревки, которыми он был связан, и бросается на одного из солдат, который держал его и у которого был меч, отнимает у него меч и отрубает ему голову, и тот падает мертвым; и когда остальные увидели Тристана освобожденным от оков и с мечом в руках, не осмелились они бороться с ним, но обратились в бегство и бросили его, а Тристан кинулся в церковь и поднялся на окно, обращенное к морю, и видит, что море под ним на сорок аршин глубины. Говорит тогда, что он не боится подлых корнвалийских рыцарей, ибо он скорее бросится в море, чем даст им себя погубить.

И вот идет Сандрет, а с ним двадцать рыцарей. И он говорит:

— О Тристан, это вам не поможет, ибо вы не сможете ускользнуть.

— Конечно, — говорит Тристан, — обжора! Если я умру, это не будет от руки таких подлецов, как вы. Скорее я брошусь в это море!

Тогда они подходят к нему с обнаженными мечами в руках и Тристан ударяет одного так, что он падает мертвым, но другие теснят его. Три-

стан видит, что не сможет долго сопротивляться, ибо он — нагой, а они вооружены, и бросился он в море из одного из окон.

Когда они это видят, говорят они, что он, наверно, утонул. И прыжок этот должен быть назван Тристановым прыжком. Затем они идут в жилище прокаженных, и королева говорит Сандрету:

— Ах, ради бога, убейте меня, прежде чем отдадите меня столь подлому люду! Или дай мне твой меч, и я убью им себя.

— Госпожа, — говорит Сандрет, — вам надлежит здесь остаться. И прокаженные берут Изольду и уводят ее силой.

[Но Тристан отбивает Изольду у прокаженных и уводит ее с собой в Моройский лес, который был величайшим лесом Корнвалиса.]

И когда размыслил Тристан, говорит он королеве Изольде:

— Госпожа моя, — говорит он, — что нам делать? Если я вас уведу в королевство Логрское, назовут меня изменником, а вас бесчестной королевой. Если же я отведу вас в Лоонойс, весь свет меня будет осуждать и говорить, что я держу у себя супругу дяди моего.

— Тристан, — говорит Изольда, — поступите по желанию вашему, ибо я сделаю все вам угодное.

— Госпожа моя, — говорит Тристан, — я скажу вам: есть здесь поблизости старый замок, принадлежавший мудрой деве, и если мы останемся в нем, вы и я, никто не посмеет лишить нас нашей радости, а когда мы проживем год или два, может, бог пошлет нам какой-либо выход.

— Ах, Тристан, — говорит Изольда, — мы будем здесь как потерянные, ибо не увидим мы никого: ни рыцаря, ни дамы, ни знатной девицы и никого другого.

— Конечно, — говорит Тристан, — но раз я вижу вас, не хочу я видеть ни знатной дамы, ни девицы и никого другого на свете, кроме вас, и ради вас я хочу покинуть этот свет и хочу, чтобы мы остались в этом лесу.

— Государь, — говорит Изольда, — я поступлю по вашему желанию.

[Так Тристан и Изольда живут в диком лесу, добывая средства к жизни охотой. Но король Марк узнает об их убежище и похищает⁵ Изольду. Одиноким Тристан принужден удалиться в изгнание в Бретань и здесь встречается с королевой бретонской — Изольдой Белокурой. В надежде забыть Изольду Белокурую Тристан берет в жены другую Изольду. Однако любовь Тристана неисцелима. Снова и снова он делает попытки встретиться с Изольдой Белокурой⁶ и, наконец, получив смертельную рану во время одного из своих рыцарских приключений, посылает корабль в Корнвалис за королевой Изольдой.]

Вспомнил он, что был у него в городе кум-моряк, по имени Женес. Приказал он позвать его, чтобы поговорить с ним без промедления. И Женес пришел и сел около него.

— Женес, — говорит Тристан, — любезный мой куманек, позвал я вас для того, чтобы вы вернули мне здоровье, если захотите. Очень я вас люблю и знайте: если я спасусь, то выдам я замуж с большим приданым Изольду, вашу дочь, а мою крестницу, и окажу вам много всякого почета.

— Государь мой, — говорит Женес, — прикажите мне, и я исполню ваше приказание и на море, и на суше.

— Женес, — говорит Тристан, — тысячу раз благодарю вас. Вы отправитесь отсюда в Корнвалис, к королеве Изольде, моей возлюбленной, и скажите ей, что я прошу ее приехать исцелить меня, и скажите ей, как я ранен, и передайте ей этот перстень в знак того, чтобы она могла вам довериться. И если она приедет с вами, оставьте паруса белыми, если же не привезете ее, то смените их на черные.

[Женес удачно выполняет поручение Тристана, и королева Изольда, забыв обо всем, бежит с ним в Бретань. Но ревнивая жена Тристана узнала о тайном поручении, и, когда видит она, что приближается корабль с белыми парусами, она приходит к Тристану.]

И вот вам, приходит эта злая женщина, которая приносит ему злую весть, и говорит:

— Ах, господин, я прихожу из гавани и видела я там корабль, который несется сюда с большой быстротой, и полагаю я, что этой ночью будет он у пристани.

Когда Тристан услышал, что жена его говорит о корабле, открыл он глаза свои и повернулся с великим трудом и сказал:

— Ради господа, прекрасная сестра моя, скажите мне, каковы паруса корабля.

— Клянусь верой, — говорит она, — они чернее тутовых ягод. Увы, зачем ему сказала это она!

[Утратив последнюю надежду, Тристан умирает, и прибывшая Изольда находит лишь его труп, который обмывают для погребения.]

Когда Изольда увидела тело Тристана, друга своего, приказала она оставить всем опочивальню и упала без чувств на тело его, а когда пришла в себя от обморока, пощупала ему пульс и жилы, но было это ни к чему, ибо дух уже покинул его. Тогда сказала:

— Сладостный друг мой, Тристан, сколь тяжка эта разлука и для меня и для вас. Прибыла я сюда, чтобы исцелить вас, и тщетен был мой путь, и вы страдали, и вас я потеряла. И, разумеется, раз вы умерли, не

хочу я жить без вас, ибо какой любовь была в вас и во мне при жизни, такой она должна быть в смерти.

Тут обнимает она его руками своими изо всех сил и падает без чувств на тело его, и выпускает вздох, и сердце ее разрывается, и душа ее покидает ее.

Так умерли эти двое влюбленных — Тристан и Изольда.

[Король Марк приказывает положить их тела в каменные саркофаги и похоронить по разным сторонам часовни.]

И из могилы Тристана поднялась ветвь прекрасная, и зеленая, и пышнолиственная, и перекинулась через часовню, и опустился конец ветви на могилу Изольды и врос в нее.

Увидели это жители и рассказали королю. Король три раза приказывал ее срезать, и каждый раз на следующий день она являлась столь же прекрасной, какой была до того.

Таково было чудо о Тристане и Изольде.

Аминь.

Здесь конец романа о Тристане и Изольде.

ПОЭЗИЯ ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ

ФАБЛИО

В XII и XIII вв. во Франции (как и в ряде других европейских стран) происходил быстрый подъем городов. Широкий характер приобрела торговля, росло цеховое ремесло. Подъем городов заметно обострил социальные противоречия средних веков. Горожане вели с соседними феодалами успешную борьбу за свою вольность. Подчас эта борьба принимала весьма ожесточенный характер. Значительную роль сыграли города в создании централизованного государства, оказывая деятельную поддержку королевской власти в ее столкновении с мятежными феодалами. Успехи городов влекли за собой глубокие сдвиги в культурной истории средних веков. Городские коммуны стали очагами новой литературы, отразившей возросшее самосознание молодого третьего сословия. В противоположность рыцарской поэзии, витавшей в призрачном царстве идеальной куртуазии, литература горожан тяготела к реальной повседневной жизни. Ее привычной средой была мастерская ремесленника, городская площадь, ярмарка, ратуша или таверна. Возникая на широкой демократической основе, она усердно черпает из фольклора материал и сама нередко является литературой собственно народной. У ней своя особая родословная, отнюдь не похожая на родословную рыцарскую. Она множеством нитей связана с трудовой средой. Поэтому городские поэты ценят трудолюбие, практическую сметку, народную смекалку. Ценят они также лукавство, хитроумие и проницательность как верный путь к материальному довольству. На смену закованному в латы странствующему рыцарю, ломающему копыя во славу прекрасной дамы, приходит новый литературный герой — смысленный

виллан, разбитной жонглер или лукавый поп, — который без особого труда оставляет в дураках власть имущих, полагающихся на свое сословное превосходство. Особенно достается монахам и князьям церкви, которые чаще всего рисуются алчными тунеядцами, причиняющими немалый вред окружающим людям.

Наиболее популярным жанром городской литературы является жанр реалистической стихотворной новеллы, называемый во Франции *фаблио*, в Германии *шванк*. Возникновение фаблио относится, видимо, к середине XII в. По своему характеру фаблио весьма отличны как от церковной легенды, так и от куртуазного лэ. Свыше полутора ста дошедших до нас фаблио разрабатывают ситуации и сюжеты обычно комического или авантюрного характера, никогда не выходя за пределы реалистического бытового изображения, нередко заостряемого сатирически. Конечно, реализм фаблио еще сильно ограничен возможностями средневекового развития. Фаблио нередко лубочны, примитивны, их комизм грубоват. Зато они подкупают своим плебейским задором, своей молодой веселостью, непринужденностью своего повествовательного тона.

Из приводимых ниже фаблио три (как и большая часть их) анонимны; «Завешание осла» принадлежит Рютбёфу (см. ниже); фаблио «О сером в яблоках коне» — Леруа Гугону. Последнее фаблио, переносимое читателями в феодальную среду и отличающееся более изысканным характером, в неприглядном свете выставляет дела и дни могущественных аристократов. Это увлекательный рассказ о вознагражденной любви и наказанном феодальном высокомерии, алчности и вероломстве.

О БУРЕНКЕ, ПОПОВСКОЙ КОРОВЕ

- ¹ Расскажу я вам про виллана.
В день приснодевы утром рано
Пошел с женою в церковь он.
Перед службой, взойдя на амвон,
⁵ Поп стал проповедь говорить:
Дары, мол, нужно приносить,
Чтоб не была молитва лишней;
Воздаст вдвойне тому всевышний,
Чей дар от сердца принесен.
¹⁰ «Слышь, сестрица^а, наш поп умен, —
Говорит виллан, — ей же ей!
Даруй по совести своей,
И добро твое бог умножит;
Отлично пригодиться может
¹⁵ Корова наша в дар для бога:
Молока не приносит много;
Отдадим попу ее, а?»
«Что ж, сударь, — молвила жена, —
Дадим, пожалуй, я согласна».

^а Обращение к жене, принятое обычно у низших сословий.

- ²⁰ И, не тратя слов понапрасну,
Едва домой прийти успев,
Виллан направился в свой хлев;
Из хлева корову выводит,
К попу с коровою приходит.
- ²⁵ А поп их был большой хитрец...
Руки сложил виллан: «Отец,
Примите богу в дар коровку».
И передал попу веревку,
Клянясь, что отдал все, что мог.
- ³⁰ «Ты мудро поступил, дружок, —
Сказал отец Констан учтивый,
Изрядно жадный до наживы. —
Ступай, похвально твое рвенье;
Будь столько у всех разуменья,
- ³⁵ С прихода я б набрал скота
Наверно целые стада!»
Виллан в обратный путь идет.
А поп слуге приказ дает:
Чтоб к дому могла привыкать,
- ⁴⁰ Белянку с Буренкой связать,
Своею собственной коровой
(Та паслась в саду поповом).
Слуга Белянку в сад отводит
И, связав коров, сам уходит.
- ⁴⁵ Осталась пара на лугу. }
Буренка шею гнет в дугу,
Есть траву она продолжает;
Белянка пастись не желает:
Вережку тянет во всю мочь
- ⁵⁰ И из сада уходит прочь.
Ведет Буренку по полям,
По пастбищам и деревням,
Пока ее не притащила,
Хотя и нелегко ей было,
- ⁵⁵ К виллану — прямо к самой двери.
Виллан глядит — глазам не верит;
В душе рад-радешенек он.
«Ого, — он молвил, поражен, —
И впрямь, дорогая сестрица,
- ⁶⁰ Господь воздает нам сторицей:
За Белянкой пришла Буренка,

Стало сразу две коровенки;
Чай, тесен будет хлевушок».
В сей сказке вот какой урок:
⁶⁵ Мудрый себя вверяет богу,
Бог пошлет — и получит много;
А глупый — и копит и прячет, —
Не разбогатеть без удачи!
Все счастливый случай решает:
⁷⁰ Двух коров виллан получает,
А поп и одну потерял.
Подняться думал — ан упал!

ЗАВЕЩАНИЕ ОСЛА

¹ Кто желает в довольстве жить
И дни свои так проводить,
Чтоб росло его состоянье —
Ждут того всегда нареканья
⁵ И злословья клеветников.
Каждый вредить ему готов,
Злой завистью одолеваем.
Как ни любезен будь хозяин,
Из десятка гостей его
¹⁰ Шесть найдет ся клеветников.
Завистников же — сам-девятый;
За спиной он им враг заклятый,
А перед ним гнут низко шею
И быть приятными умеют.
¹⁵ Раз нету постоянства в том,
Кто сидит за его столом,
Кроме зависти — что другого
Ожидать ему от чужого?
На что рассчитывать ему?
²⁰ А речь веду я вот к чему.
В селе богатом жил священник;
О том лишь думал, как бы денег
Для церкви побольше собрать
Да самому богаче стать.
²⁵ Платья, монет нажил немало.
Зерном закрома наполнял он:
Для продажи поп выбрать мог
И выждать наилучший срок —
С сентября ждал до самой пасхи.

- ³⁰ Гроша не даст он без опаски,
Хоть лучший друг проси о том,
А кто и возьмет — лишь силком!
Осла он у себя держал,
Какого вряд ли свет видал;
- ³⁵ Попу слугою был примерным;
Двадцать лет служил ему верно,
Богатства умножать помог,
Пока от старости не сдох.
Поп так сильно осла любил,
- ⁴⁰ Что шкуру драть не разрешил,
А зарыл его на кладбище.
Теперь о другом слов поищем.
У епископа — нрав иной,
Он — не жадный и не скупой,
- ⁴⁵ Он добр, любезен в обхожденье,
И, видя гостя появленье,
Уговоров слушать не станет —
Даже больной с постели встанет;
Средь добрых христиан побыть —
- ⁵⁰ Вот чем привык себя лечить.
Дом народу всегда был полон;
Слуг неплохих себе нашел он:
Приказ своего господина
Исполнит каждый в миг единый.
- ⁵⁵ Утварь — вся в долг была взята:
Кто щедр, в долги войдет всегда.
Раз гости за его столом
Рассуждали о том, о сем.
И речь зашла о богачах —
- ⁶⁰ О клириках, скупых попах.
Епископ иль сеньор едва ли
Уваженье от них видали.
Тут же лихом помянут был
Поп, что столько богатств нажил,
- ⁶⁵ Так всю жизнь его расписали,
Словно по книге прочитали,
Достатком наделив таким,
Что было б много и троим.
Ведь люди с охотой болтают
- ⁷⁰ О том, чего толком не знают!
«Такой поступок им свершен,

Что будет щедро награжден
Тот, кто делу дать ход захочет, —
Начал льстец (подслужиться хочет), —
⁷⁵ Деньги можно извлечь из дела!»
Епископ спросил: «Что ж он сделал?»
«Безбожник хуже бедуина,
Осла своего Балдуина
Зарыл в земле священной он».
⁸⁰ «Да будет громом поражен, —
Сказал епископ, — коли так.
Богатство его — тлен и прах.
Готье, за ним без промедленья!
На столь тяжкое обвиненье
⁸⁵ Посмотрим, что сказать он сможет;
Клянусь — господь мне да поможет!
Коль правда все — взять штраф могу».
«Повесьте меня, если лгу:
Правда все, что я говорил —
⁹⁰ Как правда, что вас он не чтил».
Попа позвали, поп приходит,
Пришел, ответ держать выходит,
За вину свою отвечать,
От епископа кары ждать.
⁹⁵ «Нечестивец, служитель зла,
Куда вы зарыли осла?
Вы церкви святой оскорбленье
Нанесли своим поведением.
Кто слыхал о подобном деле:
¹⁰⁰ Похоронить осла сумели
Там, где прах христиан почитет.
Клянусь Египетской Марией,
Коль правда то, что говорят,
И люди случай подтвердят,
¹⁰⁵ Посадить вас велю в тюрьму
За неслыханную вину».
Поп ему: «Отец преподобный!
Говорить можно, что угодно;
Но день прошу на размышленье,
¹¹⁰ Ибо, с вашего разрешенья,
Лучше дело обмозговать,
Чем потом на суде зевать».
«На размышленье дам вам срок,
Но знайте — я буду жесток,

- ¹¹⁵ Коль подтвердится обвиненье».
«Отец мой, в этом нет сомненья!»
С попом епископ расстаётся —
Шутить, как видно, не придется;
Но поп не боится ничуть:
- ¹²⁰ Знает — выручит как-нибудь
Добрый друг, кошель. Денег хватит,
Штраф ли, выкуп ли — все заплатит.
Пусть спит глупец, но срок подходит,
Срок подходит, и поп приходит.
- ¹²⁵ 20 ливров принес в мошне,
20 добрых звонких монет:
Ведь нечего ему бояться,
Что без хлеба может остаться.
Увидав, что поп уже близко,
- ¹³⁰ Не выдержал, крикнул епископ:
«Размышляли долго, отец;
Что ж придумали наконец?»
«Владыко, я обдумал все,
Но раздражение свое
- ¹³⁵ Лучше вам сдержать, полагаю,
Мирно беседовать желаю;
Все по совести вам скажу,
И, если каре подлежу,
Имуществом моим иль телом
- ¹⁴⁰ Меня наказать — ваше дело».
Ближе к попу епископ стал,
Чтоб говорить из уст в уста,
А поп голову поднимает,
Скарденность свою забывает;
- ¹⁴⁵ Под рясой держит кошелек, /
Чтобы видеть никто не мог.
Начал повесть свою украдкой:
«Ваша милость, скажу вам кратко —
Осел у меня долго жил,
- ¹⁵⁰ Много денег я с ним нажил;
Честно служил осел мой славный
20 лет как слуга исправный,
И — я клянусь души спасеньем! —
20 су добывалось в день им,
- ¹⁵⁵ В год 20 ливров добывал.
Чтоб в ад не попасть, отказал

Он вам их в своем завещанье». —
«Бог наградит его старанье, —
Сказал епископ, — и простит
¹⁶⁰ Все преступленья и грехи!»
Теперь вы слышали о том,
Как сладил с попом-богачом
Епископ и как он добился,
Чтоб тот почтенью научился.
¹⁶⁵ Рютбёф нам скажет в назиданье:
Не страшно тому наказанье,
Кто с деньгами на суд пришел;
Христианином стал осел,
За грех свой щедро заплатив.
Здесь кончу, стих о нем сложив.

О ВИЛЛАНЕ, КОТОРЫЙ ТЯЖБОЙ ПРИОБРЕЛ РАЙ

¹ В писанье мы с вами найдем
Чудесную повесть о том,
Что случилось с одним вилланом.
Помер в пятницу, утром рано,
⁵ И тут вот что с ним приключилось:
В час, как с телом душа простилась
И виллан лежал уже мертв,
Не пришел ни ангел, ни черт,
Дабы душе вопрос задать
¹⁰ Иль что-нибудь ей приказать.
Знайте — робость душа забыла
И радость она ощутила:
Взглянув направо, в небе зрит —
Архангел Михаил летит,
¹⁵ К блаженствам душу восхищает;
За ангелом путь направляет
Душа вилланова — и вот
Перед ними уж райский вход.
Святой Петр, врата охранявший,
²⁰ От ангела душу приявший,
Возвратился снова к вратам.
Найдя виллана душу там,
Спросил, зачем она одна
И кем была приведена.

- ²⁵ «В приют сей тот войти лишь смеет,
Кто приговор на то имеет.
И нам ли нянчиться с вилланом?
Нет, я клянусь святым Аланом,
Подлому люду здесь не быть».
- ³⁰ «Кто ж подлей вас может быть?
Почтенный сударь Петр, ей-ей,
Были вы тверже всех камней,
И бог — вот те крест — сплоховал,
Что апостолом вас избрал;
- ³⁵ Толку было от вас немного —
Отреклись от господа бога;
Так мало веры было в вас,
Что отреклись и в третий раз^а,
Вам-то уж совсем не под стать
- ⁴⁰ У бога в раю пребывать».
«Ступай сейчас же прочь, неверный!
Я — апостол честный и верный;
Здесь, в раю мне быть надлежит».
Но, почувствовав странный стыд,
- ⁴⁵ Петр стопы назад обращает
И святого Фому встречает.
Поведал ему все как есть —
Что пришлось ему перенести,
Свою обиду и тревогу.
- ⁵⁰ Фома сказал: «Именем бога
Ему велю убраться вон».
И подошел к виллану он.
«Виллан, — апостол говорит, —
Рай только нам принадлежит:
- ⁵⁵ Святым и угодникам светлым;
Творил дела благие где ты,
Что думаешь здесь пребывать?
Нет, тому никак не бывать —
Для верных лишь эта обитель».
- ⁶⁰ «Уж больно вы, Фома, спешите
Законы ваши изъяснять;
А кто посмел не доверять
Апостолам — мы все слыхали —
В том, что бога они видали

^а Ироническое изложение эпизодов из евангелия и деяний апостольских.

- ⁶⁵ В самый день его воскресенья?
Кто клятвой подтвердил сомненья:
Чем веру, мол, словам давать,
Хочу сам раны осязать;
Так вы низки и маловерны!»
- ⁷⁰ Святой Фома устал, наверно,
Длитель спор и головой поник;
К Павлу он идет напрямик,
Рассказывает про беду.
Тот ему: «Сейчас я пойду,
- ⁷⁵ Ответит он за дерзновенье».
Душа не боится мученья,
Любуется раем она...
«Душа, кем ты приведена? —
Ей Павел, — где ты плоть смиряла,
- ⁸⁰ За что ко входу в рай попала?
Рай очисти, виллан негодный!»
«Как? Лысый Павел преподобный,
Да вы ль так бойко говорите,
Вы — злейший тиран и мучитель,
- ⁸⁵ Какого только свет рождал?
Это святой Стефан узнал —
Из-за вас был побит камнями.
Знаком я с вашими делами!
Сколько честных людей сгубили!
- ⁹⁰ Не вы ль от бога получили
Пощечины звонкий удар?
Шли вы в дом и шли на базар,
Чтобы хлебнуть винца разок?
Хорош святой, хорош пророк!
- ⁹⁵ Думаете, мы вас не знаем?»
Павел, смущением терзаем,
Торопится скорей уйти.
Встречает Фому на пути;
Тот совещается с Петром;
- ¹⁰⁰ Павел сказал им шепотком,
Что он вытерпел от виллана:
«На рай оспаривал так рьяно
Мои права, что сдался я».
Пошли к богу — он им судья.
- ¹⁰⁵ Святой Петр ему рассказал,
Как виллан их всех отчитал:

«Он всех нас сразил словопреньем.
Я сам ушел в таком смятенье,
Что прямо слова не найду!»
¹¹⁰ Говорит господь бог: «Иду,
Желаю сам услышать все».
Придя к душе, зовет ее
И спрашивает — как случилось,
Что без спроса сюда явилась:
¹¹⁵ «Без приговора никогда
Душа не вступала сюда.
Моих апостолов бранил
И упрекал, и поносил,
И думаешь здесь оставаться?»
¹²⁰ «Коль здесь они — могу остаться
Я и подавно, полагаю:
Не отрекался от тебя я,
И верил плоти воскресенью,
И не гнал людей на мученье;
¹²⁵ Они же в этом провинились,
А ныне в раю очутились!
Пока я телом в мире жил,
Порядочным и честным слыл:
Беднякам свой хлеб отдавал,
¹³⁰ Днем и ночью дверь открывал,
У огня их отогревал,
До кончины их призревал
И после в церковь шел за прахом,
Жертвовал портки и рубаху —
¹³⁵ Все, в чем нуждался человек;
Иль это не добро, а грех?
Исповедовался не ложно
И плоть твою вкушал, как должно.
Кто помер так, тому, как слышно,
¹⁴⁰ Отпускает грехи всевышний.
Знаете — правду ль я сказал;
Без помех я сюда попал;
Раз я здесь — зачем уходить?
Или ваши слова забыть —
¹⁴⁵ Ибо вы сказали, конечно:
Вступивший здесь пребудет вечно.
Не ломать же мне ваш устав!»
«Виллан, — бог говорит, — ты прав.
Вел спор за рай с большим уменьем,

¹⁵⁰ Тяжбу выиграл словопреньем;
В хорошей школе был, наверно,
Слова найти умеешь верно,
Умеешь дело защитить».

Притча хочет вас научить:

¹⁵⁵ Часто зря страдает тот,
Кто тяжбой свое не берет.
Ведь хитрость правду исказила,
Подделка естество сразила,
Кривда все пути захватила,
Ловкость стала нужней, чем сила.

ТЫТАМ

Два бедных брата вместе жили,
Сиротами круглыми были;
Бедность — одна подруга их —
Часто в гости к ним заходила,
А нет на свете такой силы,
Чтоб больше мучила людей:
Бедность — всех болезней лютей.

Так жизнь и коротали братья.
О них хочу вам рассказать я.
Томили ночью их однажды
Холод сильный, голод и жажда
(Вся вереница этих бед
Идет за бедностью вослед) —
И братья начали гадать,
Как им с бедностью совладать,
Что так тяжело их угнетала
И так скудно жить заставляла.
От них близехонько совсем
Жил богачей, известный всем,
В огороде его капуста,
И в овчарне его не пусто.
Глуп богач, а братья бедны...
И решили идти они
(С бедности легко одуреешь):
Один брат взял мешок на шею,
Нож схватил другой, торопясь,
Оба двинулись в путь тотчас.

Ни минуты даром не тратя,

В огороде один из братьев
Ножом срезать капусту стал;
В овчарню дверцу открывал
Этим временем брат другой:
Впотьмах он шупает рукой,
Хочет взять пожирней барана.
Но в доме ложились не рано
И слышали, когда вор
Дверь открывал. «Ступай во
двор! —

Обратился хозяин к сыну, —
Человека или скотины
Какой там нет — увидишь сам.
Да покличь дворового пса!»
Звали ихнего пса Тытам;
Только так повезло вора,
Что во дворе не оказалось
Пса в ту ночь. Прислушался
малый

И, дверь приотворив во двор,
Зовет: «Тытам! Тытам!» — а вор,
Что в овчарне был, очень внятно
Кричит в ответ: «Я тут, понятно!»
Но сквозь ночную темь и мрак
Того, кто отвечает так,
Парень не разглядел, конечно;
Думал он в простоте сердечной,
Что и впрямь с ним пес говорил.

Обратно в дом он поспешил;
От страха бледен и смущен,
Явился к родителю он.
«Что с тобой, сынок?» Тот ему:
«Покойной матушкой клянусь,
Тытам наш говорил со мною».
«Кто? Пес наш?!» — «Клянусь
головой,

А коль верить мне не хотите,
Бродягу сами позовите».
И хозяин во двор идет,
Хочет видеть чудо, зовет
Он Тытама, пса своего,
А вор, не зная ничего,
«Понятно, тут я!» — отвечает.
И, дивясь, богач восклицает:
«О чудесах слышал я много,
Но о подобных, сын, ей богу,
Не слыхивал я отродясь.
Беги и Расскажи тотчас
Попу об этом: приходи
Сюда с ним вместе; да гляди,
Пускай возьмет стихарь с собою
И святую воду». Стрелю
Летит парень к дому попа,
Не ждет он, позовут пока.
Пришел к попу; «Пойдемте к нам,
Увидите, какие там
Творятся чудеса; едва ли
В жизни о подобных слышали.
Берите свой стихарь — и в путь!»
«С ума сошел! Иль отдохнуть
Мне и ночью даже нельзя?
Не пойду, уж разулся я».
«Нет, пойдите! Вот что скажу —
На закорки вас посажу».
И, прихватив стихарь, священник
На паренька без возражений
Тотчас уселся; в путь-дорогу
Отправились. Пройдя немного,
Парень путь сократить желал
И как раз на тропку попал,

По которой раньше спускались
Те, что поживиться старались.
Вор, что капустой занят был,
Завидя белое, решил,
Что это брат идет
И добычу свою несет.
Довольный, он спросил тогда:
«Ну что, несешь?» — «Конечно,
да!»

Парень в ответ ему кричит
(Думал, с ним отец говорит).
«Постой-ка, наземь его сбрось!
Остер мой нож, его, небось,
Наточил я в кузне здорово,
Перережет вмиг ему горло!»
Наш поп, слова услышав эти,
Подумал, что попал он в сети:
В страхе с парня он соскочил —
И ну бежать что было сил.
Но стихарь за кол зацепился,
Поп даже не приостановился,
Отцепить его не посмел —
Так он на колу и висел...
А кто капустой занимался,
Сам не меньше перепугался,
Чем удиравший от него —
Не понимал он ничего.
К колу приблизился он все же
Взять, что белело там, — и что же
Попов стихарь он увидал...
Из овчарни меж тем шагал
Вор другой, барана таща.
Окликнул он брата тотчас
(Тот уже, как я говорил,
Свой мешок капустой набил),
И, время на слова не тратя,
К себе добычу тащат братья —
Был близехонько домик их.
Тут показал один из них
Стихарь — и вот была потеха
Сколько было шуток и смеха
Не знали веселья давно,

Жонглеры на пиру. Миниатюра из рукописи XIV в.

Себя хоть этим утешал
 Среди лишений и забот.
 Был невелик его доход,
 Скудна была его земля,
 Не прокормили бы поля:
 Они от силы ливров двести
 Давали в год, сказать по чести.
 И он был рад лесной добыче, —
 Кругом водилось много дичи:
 В то время заросли и пуши
 По всей Шампани были гуще, —
 Не то что в наши времена!

Была душа его полна
 Любовью преданной и страстной
 К девице юной и прекрасной.
 Ее отец, суровый князь,
 Жил в замке, с ней уединясь.
 Хранили каменные стены
 Немало роскоши бесценной,
 И ливров тысячи доходу
 Земля давала. Год от году
 У дочки больше женихов, —
 К ней каждый свататься готов,
 Пленясь красой ее лица,

Да и богатствами отца:
В то время князь уже вдовел
И сам к тому же в гроб глядел.

Был замок, где он жил с
княжною,
Чашобой окружен лесною.

Тому, о ком идет рассказ,
Девушка по сердцу пришлась,
Да и девушке стал он мил.
Но князь за дочкою следил:
Держал ее он взаперти, —
Суров был, господи прости!

Прекрасный рыцарь — всем
знаком

Он был под именем Гильом —
Жил в старом замке одиноко
От тех же мест неподалеку,
Где, преисполненный гордыни,
Засел старик в своей твердыне, —
Два лье их земли разделяли.

Девушка с юношей не знали,
Как им перенести разлуку.
Любовь их обращалась в муку,
Тоскою горькою томила.
Бывало, заскував по милой,
Которую всем сердцем чтит,
Как я уже вам сообщил,
Пускался рыцарь в лес густой,
Разросшийся в округе той.

Тропинка узкая ему
Была знакома одному
Да верному коню. Тайком
Один, без спутников, верхом
На сером в яблоках коне
В лесной зеленой гущине
До замка пробирался он.
Но замок весь был огражден,
Друг к другу и не подойдешь, —
Обоим это — вострый нож!
Была ограда заперта, —
Как проскользнуть за ворота,
Не знала робкая девушка

И вот решила исхитриться:
В ограде камень вынув ловко,
Могла хоть высунуть головку.
Но ров вокруг замка был глубок,
Шиповник, буен и жесток,
Грозил пришельцу болью жгучей.
Сам замок высился на круче,
А к круче подступ был не прост.
К воротам вел подъемный мост.
И старый князь, как ни был плох,
Не слеп с годами и не глож,
За всем опасливо глядел,
Когда, уйдя от ратных дел —
С трудом держался он в седле, —
Засел на родовой земле
И время с дочкой коротал.
Он глаз почти что не спускал
С своей утехи, хоть не раз
Бедняжка дочь так и рвалась
К тому, кого она любила.

Меж тем ее избранник милый
Дороги к ней не забывал:
Он у стены подолгу ждал
Иль возвращался ежечасно,
Томясь надеждою напрасной
К девушке ближе подойти.
Ему заказаны пути,
И не узнать ему отрады
С ней повстречаться без преграды.
Все ж приезжал он раз за
разом —

Взглянуть хотя одним бы
глазом!

Но часто и взглянуть не мог:
Ей все не выпадал часок
С ним свидеться хоть издалека,
И сердце ныло в них жестоко,
А рыцарь все сильнее любил
Ту, кому свет не находил
Нигде соперницы достойной,
Столь же прекрасной, столь же
стройной.

У рыцаря, известно нам,
Был конь. То конь был всем коням:
Весь в яблоках, красивой масти, —
Таких оттенков хоть отчасти
И у цветка не увидеть, —
Их на словах не передать.
Все королевство обойдете,
Коня нигде вы не найдете,
Чтоб мягче всадника носил
И даже глазом не косил.
И холил юноша коня,
Его достоинства ценя
Превыше злата, вот вам слово!
Верхом красавца молодого
Не раз видали в той округе.
Частенько он к своей подруге
На славном ездил скакуне.
Сквозь глушь лесную в тишине,
Тропой извилистой и тесной,
Ему с конем давно известной,
И в нетерпенье, и в тревоге
Он пробирался. По дороге
Все озирался, хоронясь, —
Чтоб часом не проведал князь,
Что он с девицею встречался.
И долог путь ему казался.

Так грустно время проходило.
Желанье их одно томило —
Своей любовью наслаждаться,
Друг с другом нежно миловаться,
И я скажу вам: без помехи
Уста к устам прижав, утехи
Не знала б слаще эта пара.
Пылающего в них пожара
Иначе бы не угасить.
Одно им нужно — вместе быть.
Им только бы в объятье слиться,
Им только бы наговориться!
При долгожданной этой встрече
У них бы распрямились плечи,
Они б забыли все печали,
Поверьте, радость их едва ли

Кто омрачить бы мог тогда.
Однако то-то и беда,
Что юный рыцарь и девица
Должны без радости томиться.
Одну лишь ведали отраду —
Словцо-другое сквозь ограду,
Но и такие встречи даже
Бывали редки из-за стражи.
Робела девушка, боясь,
Что может догадаться князь
Про их любовь и, раздраженный,
Отдать ее другому в жены.
И рыцарь помышлял с опаской,
Как бы нечаянной оглаской
Любви не повредить пока.
Таился он от старика:
Богатый князь, крутой и властный,
Ему преградой был опасной.

Но как-то над своей судьбой
Гильом подумал день-другой
И снова, раз, быть может в сотый,
Все перебрал свои заботы,
То радуясь, а то тоскуя,
И возымел он мысль такую:
Спросить уж лучше напрямик,
Не согласится ли старик
Отдать девицу, — будь что будет!
Ведь жизни иначе не будет
Для них обоих, в самом деле,
Ведь с каждым часом все тяжеле
Тоска их будет угнетать.
Так надо счастья попытать!

И вот собрался он в дорогу.
Туда, где жил владетель строгий.
Поехал прямо в те места,
Где дочь у князя заперта.
Прием почетен был и пышен:
О рыцаре был князь наслышан,
И слуги все, и домочадцы —/
Да и чему тут удивляться?
Про славные его дела
Молва недаром всюду шла.

Сказал он князю: — Буду прям!
К бесхитростным моим словам
Прислушаться благоволите,
И, даст господь, вы захотите
Исполнить сразу то, о чем
Пришел просить я в этот дом. —
Но старый смотрит на него,
Не понимая ничего:
— О чем же речь? Мне

невдомек.

Я вам охотно бы помог,
Но все мне растолкуйте ясно!
— Мой господин, один вы
властны,

Когда бы только захотели,
Согласье дать в подобном деле!
— Дам, коли мне по нраву
будет,

А не по нраву — не принудит
Меня никто согласье дать.
Зачем напрасно обещать!
Пустой надеждою не муча,
Вам сразу откажу я лучше.
— Пора, — тот молвил, —
объяснить,

О чем я вас пришел просить.
Вам ведомы мои владенья,
Да и мое происхождение,
Вам ведомы мои доходы,
Мои дела, мои походы,
Заслуги и обычай мой.
У вас я милости одной
Прошу — отдать мне вашу дочь.
Коли захочет бог помочь,
Тогда он ваш наставит разум,
Чтоб на мольбу мою отказом
Вы не спешили отвечать.
Еще хочу я вам сказать, —
Вблизи не виделись мы с ней.
По мне отрады нет полней,
Как повидать во всей красе
Ту, что согласно славят все,

К ней обратиться с речью честной.
Ведь вашу дочь весь люд
окрестный

Прекраснейшею величает,
Другой такой найти не чает, —
Так говорят и стар и мал.
Но ваша дочь, как я слыхал,
Совсем затворницей живет.
Набрался духу я и вот
Отважился вас умолять
Мне в жены дочь свою отдать.
Весь век я вам служить берусь,
Коль на красавице женюсь.
Итак, мой князь, я жду решенья!

Тогда старик без промедленья,
Не дав труда себе как будто
Поразмышлять хотя б минуту,
Ответил: — Выслушал я вас,
И вот каков мой будет сказ.
Пригожа дочь, юна, умна,
И рода славного она.
Да, знатное ношу я имя,
Владею землями большими:
В год тыщи ливров постоянно
Они приносят. Только спьяна
Возьму я зятя, чей обычай —
По свету рыскать за добычей!
Нет у меня других детей.
Коли покорна будет, ей
Хочу все земли отказать,
И не такой мне нужен зять.
До Лотарингии отселе
Князья любые, в самом деле,
Мечтали о такой невесте, —
Уж вы поверьте слову чести!
Да вот, чтоб не ходить далеко,
Еще и месяца нет срока,
Как приезжал сюда жених —
Пять тысяч ливров золотых
Доход. Я б не чинил помеху,
Но замуж дочери не к спеху,
И сам я так богат к тому же,
Что, право, от богатства мужа

Ей не прибудет, не убудет.
А вот когда постарше будет,
Любого, дочка, выбирай
По всей земле, из края в край:
Пусть это граф иль сам король,
Француз ли, немец ли — изволь!

Обиды полный и стыда,
Собрался юноша тогда,
Не мешкая, в обратный путь.
Любовь ему терзает грудь.
Беде не в силах он помочь,
И стон сдержатъ ему невмочь.

Деввица слышала тайком
Весь разговор со стариком, —
Печаль сердечко ей щемила:
Ведь не на шутку полюбила,
А полюбив, была она
Душою милому верна.
И не успел он от ограда
Отъехать, полный злой досады, —
Его окликнула девица:
Мол, надо горем поделиться.
Он сетовал о неуспехе
Своей затеи, о помехе,
Которую чинил отец.

— Так что ж мне делать,
наконец! —
Воскликнул рыцарь, сам не
свой. —

Навек оставлю замок свой
И буду по свету блуждать, —
Увы, мне счастья не видать
И вас мне в жены не добыть.
Да как теперь я буду жить!
Судьба не в добрый, видно, час
Богатством наделила вас.
Уж лучше были б вы беднее,
Тогда бы мужа познатнее
Отец не вздумал вам искать
И не отверг меня, — как знать? —
Поверьте мне, — она сказала, —
Бедней охотно я бы стала,

Когда б моя на это воля!
О, боже, если б только боле
Смотрел отец на сердце ваше,
Чем на богатство, зятя краше
Ему и не сыскать бы, право,
Пришлись бы вы ему по нраву,
Умей ценить он не именья,
А доблесть, он бы, нет сомненья,
Ударил с вами по рукам.
Но изменяет старикам
Их разум. Дум моих унылых
Родной отец понять не в силах,
Ведь чувствуй он со мной

согласно,

И все бы сладилося прекрасно.
Но старику нас не понять,
У нас совсем иная статья.
Нет, слишком пропасть велика
Между сердцами старика
И молодого. Как вам быть,
Вас постараюсь научить —
И слушайтесь без дальних слов!
— Я, госпожа моя, готов
Исполнить ваши повеленья! —
Воскликнул он в одушевленье.
Тогда красавица сказала:

— Я долго выхода искала,
Но, кажется, не безуспешно,
Ну вот! Вы знаете, конечно,
Как старый дядя ваш богат,
Богатством, люди говорят,
Они с отцом моим равны.
А нет ни братьев, ни жены
У дяди. Вас лишь одного
Сочтут наследником его
Немедля по его кончине.
Пускай узнает о причине
Отказа резкого отцова, —
Не ждать решения иного,
Коль дядюшка не похлопочет,
Ведь если только он захочет
Свои вам земли передать,

То можно свататься опять.
Иной посредник тут не нужен:
Отец мой с дядей вашим
дружен,
К тому же оба — старики,
Друг другу, стало быть, близки.
Отец мой крепко верит дяде.
Так пусть, удачи вашей ради,
Отдаст вам дядюшка хитро
На время все свое добро,
Для виду сделав вас богатым,
Пускай поедет вашим сватом:
Лишь захотел похлопотать бы —
И он добьется нашей свадьбы!
Коль о богатстве вашем скажет,
То просьбу мой отец уважит.
А только повенчают нас,
Вы земли дядины тотчас
Ему вернете без обмана.
Как эта свадьба мне желанна,
Вам передать бессильно —
слово! —

Он отвечал: — И я другого
На свете счастья не хочу!
Немедля к дяде поскачу,
Авось, уладим как-нибудь. —
Простился с милою — и в путь.

В обиде на отказ жестокий,
Спешит он тропкой одинокой
На сером в яблоках коне.
И славный рыцарь в тишине
То слезы льет, то веселится:
Что за разумная девица!
Какой совет она дала!
Дорога прямо привела
К владеньям дядиным, в Медет.
Племянник грустен — силы нет
С сердечной совладать тоской.
И, с дядей удалясь в покой,
Прочь от чужих ушей и глаз,
Он о себе повел рассказ
И о своей печальной доле. —
Но все же, дядя, в вашей воле

Свои мне земли передать,
А там и князя уломать,
Хоть несговорчив он пока.
Вот вам на том моя рука:
Когда я на своей княжне
Женюсь,—уж вы поверьте
мне,—

Я, дядюшка, беспрекословно
Все возвращу вам в срок
условный!

На вас надеяться позвольте.
— Племянник, — тот сказал —
извольте!

Женитьба ваша мне по нраву.
Гордиться будете по праву
Женой прекрасною своею.
Я помогу вам, как умею.
— Тогда за дело принимайтесь,—
Сказал племянник — постарайтесь

Скорее князя повидать,
А я, чтоб время скоротать,
Тем часом на турнир поеду —
Уж там-то одержу победу.
Назначен в Галардоне он,
Что ж, Галардон, так Галардон!
Бог руку укрепит мою,
Чтобы не дрогнула в бою.
Вернусь домой — и под венец,
Коль не откажет князь-отец. —
И дядя отвечал: — Мне лестно
Родство с девицею прелестной,
Ну, что же, ладно! Пособлю!

Мессир Гильом как во хмелю,
Прощается — и снова в путь.
Теперь так вольно дышит грудь!
Ведь крепко обещает дядя,
На все препятствия не глядя,
Жену племяннику добыть, —
Возможно ли счастливей быть?
И, полон радости сердечной,
Он на турнир спешит беспечно, —
Ему привычно это дело.

И только день забрезжил белый,
 Сам дядюшка покинул двор,
 Погнав коня во весь опор.
 И борзый конь домчал проворно
 Его до самой кручи горной,
 Где обретался князь надменный,
 Отец девицы несравненной.
 Но ласков был на этот раз он, —
 Он к гостю, видно, был привязан,
 Они с ним были однолетки,
 Друзья же старые так редки!
 Вдобавок был сосед богат.
 Хозяин бесконечно рад,
 Приездом гостя восхищен,
 Его вниманием польщен,
 Теперь он не глядит сурово.
 — Здорово, друг вы мой,

здорово!

Добро пожаловать,

сосед! —

Обильный подают обед:
 Ведь надо старого почтить,
 Его вниманием польщен,
 А как пошли из-за стола,
 Рекой беседа потекла,
 И вспоминают старики
 Щиты, и копыя, и клинки,
 И юных дней былые сечи —
 И долго не смолкают речи...

Но дядя рыцаря меж тем
 Сюда явился не затем,
 И, улучив удобный миг,
 Он объяснился напрямик:
 — Зачем приехал я сюда?
 Я встрече с другом рад всегда,
 Вы это знаете и сами.
 Но нынче я хотел бы с вами
 Поговорить о важном деле.
 Дай бог, чтоб только захотели
 Вы благосклонно просьбе внять
 И мне подмогу оказать,
 Тогда бы цели я достиг. —

И гордый отвечал старик:
 — Клянусь вам головой своей,
 Вы мне милее всех друзей.
 О чем бы вы ни попросили,
 Исполню, если буду в силе,
 Ни в чем не встретите отказу,
 На все согласен буду сразу.
 — Я вам обязан бесконечно
 И вас благодарю сердечно, —
 Ответил гость, а самому
 Уже не терпится ему. —
 Я к вам приехал, чтоб узнать,
 Согласны ль вы мне дочь отдать.
 К ней, если за меня пойдет,
 Мое богатство перейдет,
 А это, знаете, немало!
 Наследников давно не стало,
 Как вам известно, у меня:
 Вся вымерла моя родня.
 Привыкнув тестя уважать,
 Жену не буду обижать, —
 От вас мы не уедем прочь:
 С именем вашим я не прочь
 Свое объединить именье.
 Возьмем мы в общее владенье
 Богатства, данные от бога. —
 Был князь расчетлив — и

премного

Прельстился выгодой большой.

— Я рад, — сказал он, — всей
 душой

Вам дочь свою отдать в супруги.
 Мне ваши ведомы заслуги.
 Прекрасней не найдется зять, —
 Я лучший фризский замок взять
 Не соглашусь за эту честь.
 Кого бы здесь ни перечесть,
 Вы из соседей всех моих
 Наидостойнейший жених!

Так обернулось сватовство,
 Хоть дочь держала не того,
 Совсем другого, на примете.

Вот услышала вести эти
Девушка в горести и гнев
И пресвятой клянется Деве,
Что этой свадьбе не бывать,
И не перестает рыдать
И причитать о тяжелой доле:
— Мне, бедной, нет и жизни
боле.

Подлей возможна ли измена?
Достоин смерти лжец
презренный:
Родной племянник дядей предан.
Прекрасный рыцарь столь мне
предан,
Столь юн, столь доблестен и
мил, —

А тот старик меня добыл,
Богатством соблазнив отца.
Зову в свидетели творца,
Безумны стариковы козни:
Конца не будет нашей розни,
Коль совершится этот брак.
Клянусь, лишь как смертельный
враг

Вступлю я к мужу на порог.
Увы, ужель допустит бог
До этой свадьбы мне дожить?
Все буду плакать и тужить, —
Несносен мне жених презренный!
Когда б вокруг не эти стены,
Когда б за мною не глядели,
Своей бы я добилась цели.
Но нет, не выйти из темницы!
Для виду нужно подчиниться
Приказу отчему пока,
Хоть участь эта и горька!
Как быть, что делать, боже мой?
Скорей бы приезжал домой
Гильом, обманутый бесчестно!
Я знаю, будь ему известно,
Как подло дядя поступил,
Каким коварным сватом был,

Так свату бы несдобровать
И жизни больше не видать.
Я головой ручаюсь смело —
Сумел бы взяться друг за дело,
Все по-иному бы пошло.
О, как на сердце тяжело!
Мне жизнь теперь страшнее
гроба.

Какой обман! Какая злоба!
И что старик задумал мерзкий!
Но нет отпора воле дерзкой, —
Отец доходов ищет новых,
О чувствах позабыв отцовых.
А у любви закон таков:
Долой богатых стариков!
Коль с мужем счастлива жена,
Богаче всех тогда она.
На что пошел старик бесстыжий!
Ужель я друга не увижу?
Ужель навеки жить нам розно,
Не одолев судьбины грозной?
И горько плакала она,
Разлукою удручена.

Тоску о суженом, о милом
Забыть ей было не по силам.
Красавица страдала тяжело,
Но из последних сил бедняжка
Скрывала, как душа болит,
Как жениха противен вид —
Того, что князь ей выбрал старый.

И впрямь, красавице не пара
Презренный этот человек:
Из-под нависших дряблых век
Глаза краснеют воспаленно;
Да, от Бовэ и до Шалона
Дряхлее сыщется навряд, —
Но и богаче, говорят,
Не сыщется до самой Сены.
Своею подлостью отменной
Старик прославлен повсеместно.
Девушка же, как всем известно,
Красой неслыханной сияет,

А по учтивости не знает
Себе соперницы опасной
И в целой Франции прекрасной!
Он ей неровня — спору нет:
Там — черный мрак, здесь —
ясный свет,

Но мрак не может засиять
И свет не может темным стать.
Любви и верности полна,
О рыцаре грустит она.

А рыцарь, о любви мечтая,
Надежды нежные питая,
Окончил все дела удачно
И в мыслях пир готовил брачный.
Он был далек от подозрений,
Не знал о дядиной измене,
Не знал, в какой тоске жестокой
Душа девицы одинокой.
Вы обо всем уже слыхали,
Но догадаетесь едва ли,
Какой конец тут уготован.

Не умолить отца — суров он,
Спешит он выдать дочку замуж,
Три дня лишь сроку дал, а там уж
Сзывает в замок он гостей —
Кто поседей и полысей,
Поименитей, познатнее,
Кто побогаче, посильнее.
На свадьбу просит их прибыть.
А дочь не может позабыть
О рыцаре своем прекрасном,
К нему стремится сердцем
страстным,

Его лишь любит одного.
Но понапрасну ждет его —
Нет, не приходит избавленье!
Два старых друга — в восхищенье:
Немало соберется люду,
Обоих стариков повсюду
В округе почитала знать.
Одних соседей только, знать,
Наедет больше тридцати.

Ни одного ведь не найти,
Кто с князем чем-нибудь не
связан, —
Так каждый побывать обязан.

На общем решено совете
Девицу завтра, на рассвете,
Со старым рыцарем венчать.
И вот невесту убирать
Уже велят ее подругам.
А те и с гневом, и с испугом
Все медлят, будто ждут чего-то,
На лицах тайная забота.
Со свадьбой торопился князь.
К одной девице обратясь,
Спросил ее, готова ль дочь,
Мол, если надо в чем помочь,
Так пусть осведомят его. —
Нет, нам не надо ничего!

— Ему девица отвечала. —
Вот лишь коней как будто мало,
Чтоб всех везти к монастырю,
А много дам, как посмотрю,
Из очень близкого родства
Здесь собралось на торжества. —
И князь сказал ей: — Ну, тогда
Невелика еще беда:
Прибегнем мы к простому
средству! —

И за конями по соседству
Послал не медля господин.

Вот за конем слуга один
Явился в замок родовой
К тому, кто славой боевой
Сиял всегда и повсеместно,
Чье сердце преданно и честно.

А верный, доблестный Гильом
И не подозревал о том,
Как обернулось сватовство.
Одна любовь гнала его
И в путь обратный торопила.
Одна лишь дума и томила,
Одна забота и была —

Любовь в душе его цвела.
С турнира ехал храбрый воин
И был доволен и спокоен,
Мечтая милой обладать
(Ему бы милой не видать,
Когда б десницею могучей
Бог не послал счастливый
случай).

Все думал рыцарь о невесте,
От дяди поджидая вести,
Готовый тотчас в путь собраться
И ехать с милою венчаться.
По замку ходит он, поет,
И менестреля он зовет
Той песне вторить на виоле, —
Счастливой радуется доле,
Да на турнире был он рад
Немало получить наград.

Но час за часом ждет и ждет,
Глаз не отводит от ворот
И все досадует тоскливо,
Что долго вести нет счастливой.
Вот даже петь он перестал:
Так ожидать гонца устал.
И овладело им сомненье.
Но вдруг в то самое мгновенье
Слугу увидел он чужого, —
И сердце выпрыгнуть готово
От нетерпенья и любви.

Тот молвил: — Бог благослови!
Богат наш князь, да вот беда —
Пришла ему в конях нужда,
А ваш скакун, клянусь,
прекрасен,

Он хоть резов, да не опасен.
Послушней в целом мире нет!
Вас просит знатный ваш сосед
Ему в нужде его помочь
И дать коня на эту ночь.
— А для кого, дружок, скажи?
— Для дочери, для госпожи,
Чтоб завтра, чуть взойдет заря,
Добраться до монастыря,
— Зачем же это госпоже?

— Да ведь просватана уже
За дядю вашего она
И завтра на заре должна
В лесной часовне с ним
венчаться.

Туда далеко добираться.
Но я замешкался у вас,
Так дайте же коня тотчас
Для свадьбы дяди своего;
Ну, конь, скажу вам, — о-го-го!
Неутомимый и могучий,
Он в королевстве — самый
лучший!

В смятенье понимал едва
Мессир Гильом его слова.
— Как! — он воскликнул. — О,
создатель!

Ужели дядя мой — предатель,
А я не ведал ничего
И положился на него!
Нет, на дела его без гнева
Взирать не может приснодева.
Но я не верю! Лжешь ты, лжешь!
— Нет, это правда, а не ложь!
Церковный завтра будет звон,
К нам рыцари со всех сторон
Уже съезжаться нынче стали.
— Увы, — сказал Гильом в
печали, —

И как я обмануться мог!.. —
Едва не падает он с ног,
Готовый горько разрыдаться.
И если б только домочадцы
На несчастливца не глядели,
Он зарыдал бы в самом деле.
И что сказать? И как тут быть?
И как печаль свою избыть?
И где отчаянью конец?
Но недогадливый гонец,
Знай, только и твердит опять:
— Велите же коня седлать, —
Он всех достойнее, скажу,

Везти в часовню госпожу.

Эх, что за стати, что за масть!

А рыцарь над собою власть
При этом должен сохранять,
Да и коня еще отдать,
Забыв обиду, точно другу,
Такую оказать услугу
Лжецу, предателю, тому,
Кто ненавистней всех ему.
Но все ж решает: «Дам коня,
Напрасно милой не вина,
В своей судьбе она не властна,
Самой несладко ей, несчастной!
Нет, я в коне не откажу —
Хоть чем-нибудь ей отслужу
За всю любовь ее былую.
Винить могу лишь долю злую.
Сама судьба решила, знать,
Что счастья с милой мне не
знать...

На что хотел я согласиться?

Да, видно, разум мой мутится.

Кому готов я дать коня?

Тому, кто, чести изменя,
Сам нынче счастлив и доволен,
Тому, кем был я обездолен
И разлучен с моею милой!
Нет, человеку не под силу
Добром предателю платить!
И он посмел меня просить,
Чтоб я коня дал своего
Ему для свадьбы, — каково!
Он обманул меня бесстыдно,
Да так коварно, так обидно —
Ведь завладел христопродавец
Красавицею из красавиц!
Уж я ли не служил ей верно?
И впрямь мне отплатили скверно,
Коли награды самой лучшей
Был удостоен наихудший.
Мне больше радости не знать.
Ужель коня хотел я дать?

Подлец мне перешел дорогу,
А я пошлю ему подмогу?

Нет, никогда! Но что со мной?

Ведь не ему, а ей одной

Пошлю я своего коня!

Конь ей напомнит про меня,

Как только встанет перед ней.

А я о счастье прежних дней

Навеки память сохраняю.

О нет, я милой не виню

И ей останусь верным другом.

Пускай же со своим супругом

Она счастливой даже будет

И прежнюю любовь забудет...

Но муж-предатель не по ней:

Дела изменника черней,

Чем Каиново злодеянье!

Приходит сердце в содроганье,

Когда подумаю о милой!»

Его тоска не проходила,

Но он велел коня седлать

И князю гонцу отдать.

И вот гонец — с его конем! —

Обратным поспешил путем.

Гильом урочать не мог

Своих страданий и тревог,

Один, час от часу печальней,

Сидел в своей опочивальне.

А челяди был дан наказ;

Мол, если кто-либо хоть раз

Посмеет песню затянуть,

На том веревку затянуть.

Ему теперь уж не до песен, —

Стал мир его отныне тесен,

И жить безвестно, одиноко

Он будет в горести жестокой,

В печали тяжелой день за днем.

А между тем с его конем

Слуга уехал в замок тот,

Где без печалей, без забот,

На пышной свадьбе веселясь,

Сидит с гостями старый князь.

Ночь ясная уже настала.
Соседних рыцарей немало
Князь нынче усадил за стол.
Но вот и пир к концу пришел.
И строго замковому стражу
Тогда приказ был отдан княжий,
Всех разбудить еще чем свет,
Чтоб к утру каждый был одет,
Чтоб конюхам не опоздать
Коней взнуздать и оседлать.

Все удалились на ночлег.
Однако не смыкает век,
Вздыхает и дрожит девица
И участи своей страшится,—
Уж тут бедняжке не до сна.
Все спит кругом. Не спит она.
Не позабылось сердце сном
И все горюет об одном.
Когда б ей волю только дать,
Не стала бы рассвета ждать,
Уехала бы княжья дочь
Куда угодно — только прочь!

Едва лишь за полночь зашло,
Но на дворе совсем светло:
Луна сияет в небесах;
А сторож дремлет на часах
(Хмелек вчерашний бродит в нем);
Открыл глаза — светло, как днем,
Подумал, — день то в самом деле.
«Пора — решил он. — Мне

велели

С рассветом рыцарей будить».
И ну кричать, и ну вопить! —
Сеньоры! Рассвело! За дело! —
Всех будит сторож, ошалелый
Ото вчерашнего вина.
А те, ни отдыха, ни сна
Отведать вволю не успев,
Вскочили, тоже ошавев.
Тут конюхи седлать коней
Бегут, увидя, что ясней
Как будто стало на дворе.

Все так, но рано быть заре:
Пока она еще взойдет,
Пять лье, не меньше, конь
пройдет.

Торопит князь: живей! живей!
Почтеннейшие из гостей,
Назначенные в поезд брачный,
К часовне, в лес густой и мрачный,
Везти красавицу вскочили
В седло. Невесту поручили
Тому, что всех почетней был.
Подпруги конюх укрепил
На сером в яблоках коне
И к ней ведет его, — вдвойне
Ей горше и тяжелее стало,
Но старикам и горя мало:
Не знают, как ей тяжело
И что на память ей пришло,
А думают, что коли плачет,
Так оттого, что жалко, значит,
Невесте дом покинуть отчий.
И невдомек им, что жесточе
На сердце горе быть могло, —
Едва и вспрыгнула в седло.

До леса ехали все вместе,
Не забывая о невесте, —
Я это от людей слышал, —
Но путь в лесу так узок стал,
Что рядом не проедут двое.
И вот тогда, ряды расстроя,
Один немного отстает,
Другой торопится вперед.
Почетный спутник, даже он
Был от девицы оттеснен.
К тому ж дорога так длинна,
А ночь прошла почти без сна,
Гостей порядком утомила
И головы им замутила,
Да и признаться, старики
Плохие были ездоки!
Со сном бороться нелегко:
Ведь до рассвета далеко.

Склонившись к шеям лошадиным,
И по холмам, и по долинам
Они плетутся все дремотно.
И спутник позабыл почетный,
Что он с невестой быть обязан.
Ведь нынче не сомкнул и глаз он,
Так рано поднят был с постели,
Не мудрено, что одолели —
Его дремота и усталость, —
В седле бы подремать хоть
малость!

Девушка на коне сидит,
Но ни на что и не глядит, —
Любовь на сердце и тоска.
Дорога, я сказал, узка
Была в той заросли густой,
И по дороге чередой
Тянулись рыцари, бароны,
Все головой кивая сонно.
Иные пусть и не дремали,
Но где-то стороной скакали,
Пошли в обгон по разным тропам,
Чтобы не ехать целым скопом
И не толкаться, не тесниться.

Горюет между тем девушка,
Бежать бы, — на душе одно, —
В Винчестер, в Лондон, все равно!
А конь с своей прекрасной ношей
Идет тропой полузаросшей,
Привычной издавна ему.
Они спустились по холму
Туда, где лес темней и чаще,
Где не видать в дремучей чаще
И света лунного. Ветвиста
Была там пуща и тениста.
Долина залегла глубоко.
Немолчный шум стоял от скока.
Одни совсем уж задремали,
Другие весело болтали.

Так подвигались понемногу.
А той же самую дорогой
И серый конь бежит вперед,

В седле красавицу несет.
Но вдруг, оставив главный путь,
Он вздумал в сторону свернуть:
Привычкой давнею влекомый,
Он побежал тропой знакомой,
Что прямо к рыцарю вела, —
Самим конем она была
Давно утоптана отлично,
И он пустился в путь обычный,
Других оставив лошадей.
А сон так одолел людей
И так все рыцари устали,
Что у иных и кони стали
То там, то сям, на полпути.
Девушку некому блюсти,
Как только господу. Вздыхает
Она смиренно и пускает
Коня по воле через лес.
Хоть конь с красавицей исчез,
Никто, — и лье проехав даже, —
Не спохватился о пропаже.
Те, что в почетной были свите,
Конечно, как ни говорите,
Невесту плохо стерегли,
Но оплошать бы не могли,
Когда б девушку хоть немного
Заботила ее дорога
И было б ей не все равно,
Куда ей ехать суждено.
Конь далеко успел уйти,
Но не сбивается с пути:
Не раз и летом и зимой
Он той дорогой шел домой.
Наездница вокруг глядит, —
А лес густой как будто спит,
Не видно меж лесистых склонов
Ни рыцарей и ни баронов.
Она пугается все пуще
В лесной непроходимой пуще.
Красавица удивлена,
Что вдруг оставлена одна.
Ей страшно — и не мудрено, —

1

А вместе с тем ей так чудно:
Ведь поезд свадебный исчез-то —
Теперь без спутников невеста!
Но не беда, что все отстали,
Она подумала в печали.
Зато с ней милосердный бог
Да конь, который смело вбок
Свернул на узкую дорогу.
Свою судьбу вручая богу,
Коню доверилась она;
Сердечной горести полна,
Она поводья опускает,
Молчит, коня не понукает,
Чтоб часом кто не спохватился,
За ней вдогонку не пустился:
Уж лучше смерть в лесу найти,
Чем за немилого идти!
Об участи своей тяжелой
Она грустит, а конь веселый,
Неутомимый, быстроногий,
Бежит привычною дорогой.
Так иноходь была быстра,
Что незадолго до утра
Девицу вынес конь из пущи.
Вот впереди ручей, бегущий
Струей прозрачной по оврагу.
Конь даже не замедлил шагу —
Он без труда находит брод
И мчится дальше, все вперед.
По счастью, не был тот поток
И ни широк, и ни глубок.
Но звук рожка вдруг раздается
Оттуда, где для иноходца
Кончался путь его всегдашний.
Там сторож замковый на башне
Стоял, играя громко зорю.
И, к замку подъезжая вскоре,
Глядит девица молодая,
Смущенно взорами блуждая:
Ведь если сбился кто с дороги,
То озирается в тревоге,
Кругом ища кого-нибудь,

Кто указал бы верный путь.
А конь нимало не смущен.
Уже на мост вступает он,
И смотрят все, изумлены,
И сторож с башенной стены,
Хотя играл он на рожке,
Услышал шум невядалеке,
И конский храп, и стук копыт...
К воротам строгий страж бежит,
Забыв про утренний рожок,
Не чуя под собою ног,
И окликает торопливо;
— Кто смеет так нетерпеливо
Без спроса к замку подъезжать?
Красавица спешит сказать:
— Та, горестней которой нет
Среди родившихся на свет!
Пусти в ограду, ради бога,
Пока не рассветет немного,
А то опять собьюсь с пути.
— Нет, госпожа, уж ты прости,
Я никого пускать не волен,
И въезд в ворота не дозволен.
Дозволить может лишь сеньор,
Но никого с недавних пор
К себе пускать не хочет он,
Изменой подлой удручен.
Тут сторож выглянул в бойницу,
Чтоб лучше разглядеть девицу.
При лунном свете без помехи, —
Хоть на бегу он в этом спехе
Не захватил с собой огня —
Узнал он серого коня.
Тот конь знаком ему давно,
Но только сторожу чудно:
Откуда мог бы конь явиться
Потом, что эта за девица
Сидит, поводьями играет?
И при луне он различает
Богатство пышного убора.
Да, нужно известить сеньора.
Он в спальню побежал поспешно,

Где тот томился неутешно.
— Сеньор, без зова я вхожу,
Но молодую госпожу,
Печальных полную забот,
Сейчас я видел у ворот.
И разглядел я, что наряд
На ней и пышен и богат;
Широкий плащ искусно шит
И мехом дорогим подбит;
Одежды цвет, сдается, алый;
Сидит уныло и устало
На сером в яблоках коне
И смотрит, словно бы во сне.
Скажу не ложно, до сих пор
Такой обычай, разговор,
Красу подобную едва ли
Во всей стране у нас знавали!
Нет, это фею, без сомненья,
Господь послал нам в утешенье,
Чтоб вы не убивались боле
В своей злосчастной, тяжкой доле.

Вам уготована отрада
И за страдания награда!
Услышав то, мессир Гильом
Вскочил в волнении большом.
Двумя прыжками в тот же миг
Ворот он замковых достиг,
Ворота настежь открывает,
И к рыцарю тогда взывает
Девушка в горе и слезах
И говорит, вздыхая: —
Ах! Как я устала в эту ночь!
Молю вас, рыцарь, мне помочь,
Пустите в замок, ради бога,
У вас пробуду я немного.
Я опасуюсь, что за мной
Уже дорогою лесной
Несется свадебная свита
И во всю прыть стучат копыта.
Видать, сама рука господня
К вам привела меня сегодня!

Внимает ей мессир Гильом,
О горе позабыв своем.
Тот конь знаком ему, — немало
Носил он рыцаря, бывало.
Красавицу узнал он сразу.
Не радовался так ни разу
Еще никто до этих пор.
И вводит он коня во двор,
Красавицу с седла снимает,
Ей руку правую сжимает,
Затем в уста десятикратно
Целует — это ей приятно:
Ведь и она его узнала.
Так радостно обоим стало —
Друг друга видят наконец!
Ушла печаль из их сердец.
С девицы плащ дорожный сняли.
Сев на богатом покрывале,
Расшитом золотом по шелку,
Болтают оба без умолку,
Себя раз двадцать осенили
Крестом: уж не пустые сны ли
Им грезятся — понять не чают.
А лишь минуту улучают,
Когда вся челядь прочь пошла, —
И поцелуям нет числа!
Но не было, даю вам слово,
Греха меж ними никакого,
Она поведала тогда,
Как чуть не вышла с ней беда, —
Но случай выручил счастливый,
И сам господь помог на диво
С Гильомом ей соединиться.
Когда б не господи десница,
Она уж, верно, не могла б
От дядиных укрыться лап.
Чуть солнце глянуло на двор,
Мессир Гильом надел убор
И повелел просить девицу
Идти в домашнюю каплицу.
Туда же, по его приказу,
И капеллан явился сразу.

Сильнее прежнего пылала,
И стал мессир Гильом славней
Могучих графов и князей.
Прошло три года, и скончался
Отец красавицы. Достался
Тогда Гильому замок княжий
И вся земля вокруг, — она же
Была, вы помните, обширна.
Вослед за тем скончаться мирно

Пришла и дяде череда.
Гильом, который никогда
Не нарушал законов чести,
Был чужд и зависти и лести,
Наследовал его богатства, —
Нет, не питаю я злорадства,
Но рад развязкой справедливой
Закончить свой рассказ
правдивый.

САТИРИЧЕСКИЙ ЖИВОТНЫЙ ЭПОС

РОМАН О ЛИСЕ

В основе «Романа о лисе» (*Roman de Renart*), который составлялся рядом авторов на протяжении почти полутора веков (XII—XIII вв.), лежат народные сказки о животных, с древнейших пор бытовавшие среди европейских народов. Примерно с середины XII в. эти сказки начали объединяться в обширный эпический цикл, как об этом свидетельствует немецкий пересказ Генриха Лицемера (около 1180). Одновременно авторы романа использовали также различные книжные источники, восходящие к греко-римской басенной традиции. На это указывает хотя бы наличие в романе экзотической фигуры царя зверей льва, отсутствующей в европейских народных сказках о животных. Еще в IX—X вв. ученые поэты обнаруживали интерес к животному эпосу. К IX в. относится латинская «Басня о Льве и Лисице», разрабатывающая сюжет из Эзопа (см. раздел «Латинская литература»). С Эзопом связана также латинская поэма «Бегство пленника» (X в.), в которой повествуется о том, как хитроумный лис излечил льва с помощью шкуры, содранной с волка. С отражением местных народных сказаний встречаемся мы в латинской поэме «Изенгрим» (около 1150).

Подъем городской культуры в XII—XIII вв. создал благоприятные условия для дальнейшего развития животного эпоса. Вокруг фигурымышленного лиса (во многом родственной героям фавлю и шванков) группируются многочисленные эпизоды, в которых в иносказательной форме изображена жизнь тогдашней средневековой Европы. Так возникает французский «Роман о лисе», состоящий из двадцати шести эпизодов, или «ветвей» (*branches*).

Основной темой романа является успешная борьба лиса Ренара, олицетворяющего собой находчивость, ловкость и лукавство, с тупым, кровожадным волком Изенгрином. Роман изобилует яркими бытовыми деталями. Его действие протекает при королевском дворе, то в монастыре, то в рыцарском замке. По мере развития событий в романе все громче начинают звучать сатирические мотивы. Авторы «Ренара», выражая интересы поднимающегося третьего сословия, обрушиваются главным образом на феодально-клерикальные круги. Они насмеваются над различными средневековыми предрассудками, обличают феодальные порядки как царство грубого насилия и произвола. Их симпатии всецело на стороне умного, находчивого лиса, торжествующего над крупными хищниками. Когда же Ренар сам превращается в хищника, когда он посягает на жизнь и достояние «меньшей братии» (куры, синицы, зайцы и пр.), то удача нередко его покидает. Испытанный хитрец попадает впросак. Врожденная смекалка и энергия какой-нибудь мирной синицы помогает ей избежать пасти лукавого Ренара. В этом очень ярко проявляется лежа-

шая в основе романа народная мудрость, осуждающая алчность и кровожадность больших господ, какими бы личинами они ни прикрывались.

Роман имел огромный успех. Он вызвал ряд подражаний. Им зачитывались не только миряне, но и клирики. Недаром клирик Готье де Куанси (начало XIII в.) жаловался на то, что монахи читают побасенки о Ренаре охотнее, чем библию. В XV в. в Германии возник немецкий вариант животного эпоса — поэма «Рейнеке-лис», обработанная впоследствии Гете (1793).

ВСТУПЛЕНИЕ

Вы, сударь, слышали не раз
От нас, сказителей, рассказ,
Как похищал Парис Елену,
Но был наказан за измену.
Вы часто слышали от нас
Печальный, трогательный сказ
О славном рыцаре Тристане
И о его смертельной ране.
Сегодня я для вас начну
Рассказ веселый про войну.
Что продолжалась сотни лет
(Конца ей и доселе нет).

Ренар и волк ее вели,
И примирить их не могли
Другие звери. Лис прослыл
Отменным плутом. Да и был
Он вправду хитрым, что скрывать,
И волка он одолевает
Привык не силой, а умом.
Я много расскажу потом
Историй разных, а сейчас
Позвольте позабавить вас
Рассказом первым. Я готов
Начать его без лишних слов...

РЕНАР И СИНИЧКА

Синичка, выводя птенцов,
В дупле сидела и была
С утра свежа и весела.
Ренар тропинкою бежал
И, видя птичку, закричал:
«Привет вам, кумушка моя!
Давненько вас не видел я.
Спуститесь, дайте вас обнять!»
«К чему, Ренар? Пора бы знать,
Что никакой вам веры нет, —
Синичка молвила в ответ. —
Вы столько всем чинили зла,
Что, верно б, дурой я была,
Когда бы ласковым словам
Я вашим верила. Нет, вам
Меня никак не обмануть,

Так продолжайте же свой
путь!»
«Помилуйте! — воскликнул
лис. —
Не бойтесь и спускайтесь вниз,
Ведь вам всегда я другом был,
Не правда ль?.. Да! Совсем
забыл
Сказать вам новость! Потому,
Должно быть, к нраву моему
Вы недоверчивы... Со львом,
Беликим нашим королем,
Я мир недавно заключил.
Неужто вам не сообщил
Никто о том? Не ожидал.
Так вот послушайте. Я дал

Blue nobles le lion
Et sei auon tuit delvout
Iol iol on saron reueue
en on liuon meureme

Король Лев и его вассалы. Из рукописи «Романа о Лисе» XIII в.

Недавно клятву мир хранить,
 Чтоб меж зверями устранить
 Вражду навеки. Если ж я
 Нарушу клятву, то меня
 Пусть судит Нобль*, король
 зверей,
 Верховной властью своей».

Смеясь, синичка говорит:
 «Признаться честно, весь ваш вид
 Внушит доверье хоть кому,
 Да непонятно мне, к чему
 Мир мне-то с вами затевать,—
 Чтоб только вас поцеловать?..»

«Да, вижу я, мне веры нет;
 Я натворил немало бед,—
 Сказал Ренар, потупя взор.—
 Но изменился я с тех пор,
 Как отпущенье получил
 И мир великий заключил...

Спуститесь же, кума моя,
 Свои глаза закрою я,
 Чтоб убедились вы вполне,
 Что нынче можно верить мне».

«Ну что ж, согласна я, скорей
 Глаза закройте-ка плотней!»
 «Пожалуйста!» — ответил лис.

Тогда синичка камнем вниз
 Слетела. Веточкой слегка
 Она коснулась волоска
 Усов Ренара и легко
 Опять вспорхнула высоко.
 (Теперь мы видим, кто хитрей,
 Но дальше слушайте скорей.)

Ренар разинул было пасть,
 Чтоб насладиться птичкой
 властью,

Да промахнулся. «Вот так
 раз! —

Раздался голос. — Вы сейчас
 Клялись, что мир оберегать
 Решили вы... Зачем же лгать?

К чему?..» Ренар решил
 схитрить,

И так он начал говорить:
 «Да я хотел вас напугать,
 Зачем же, кумушка, мне лгать?
 Спуститесь! Я на этот раз
 Не испугаю больше вас».
 «Что ж, я согласна!» — и

стремглав
 Слетела птичка вниз, не дав
 Ренару точно рассчитать
 Удара, и тотчас опять
 Взвилась и села на сучок.
 И снова лис ее не смог
 Схватить, он только пасть

раскрыл,
 Но вновь хитро обманут был.
 «Поверь я вам, мой кум

Ренар, —
 Услышал он, — и адский жар
 Меня теперь бы охватил!..»

«Кума, да я опять шутил!
 Как вы трусливы, боже мой!
 Да я клянусь вам головой,
 Что в мыслях даже не имел
 Зла причинить вам; я посмел
 Лишь поугагать вас, и вина
 Моя, ей-богу, не страшна.
 Во имя бога вас молю:
 Простите шуточку мою!»

Но был у хитрой птички вид,
 Что лис наскучил ей, что спит
 Она, уткнув свой клюв в пушок.

Тут вдруг охотничий рожок
 Оповестил охоты час,
 И раздались в лесу тотчас
 Свист, лай собачий, топот, крик...

Обманщик-лис мгновенно
 сник,
 Поджал свой хвост и поскорей

* Нобль — царь зверей, лев.

«Спасибо, кум, спасибо,
брат!» —

Примо был несказанно рад.
Он разом все сожрал. — «Пока
Хоть заморил я червячка».
«Давай, Примо, с тобой вдвоем
К монастырю сейчас пойдем.
Дыру в стене я видел там,
Через нее мы в божий храм
Проникнем; у монахов есть
Всегда, что выпить и поесть»

Примо был счастлив. «О,
идем! —
Воскликнул он. — С тобой

вдвоем
Хоть прямо в пекло, к черту в ад
Пойти пожрать я буду рад:
С тобой нигде не пропадешь!..»

Уже совсем стемнело, все ж
Ренар окольный выбрал путь,
Чтоб ненароком где-нибудь
Не напороться на крестьян.
У церкви лис и волк, в бурьян
Забравшись, стали выжидать
И из-за листьев наблюдать...

Вот заскрипела дверь...

Замок
Пружиной взвизгнул и
замолк...

Поп ключ засунул под полу
И зашагал, крестясь, к селу.
Путь в церковь был теперь
открыт.

В стене действительно пробит
Был кем-то превосходный лаз.
Должно быть, лис уже не раз
Бывал здесь: волк был поражен,
Как хорошо все знал здесь он.

Они забрались на алтарь,
И здесь Примо увидел ларь
Точь-в-точь как тот, что был
во рву,

Побольше только. «Дай сорву, —
Сказал Примо, — с него замок.
Облагодот этих я бы мог,
Ей-богу, съесть хоть пять пудов!»
«Дурак, ты думал у попов
Тут тесто пресное одно?
Эх ты!.. На кой им черт оно!
Скорей срывай замок, чудак!
Сильнее дергай! Ну! Вот так...»
«Ого! — вскричал Примо. —

Ну, брат,
Да тут, я вижу, целый склад!
Поп, зная, запасливый мужик!»
«Да, любит сытно есть старик!
Мирянам эти кругляши
Из теста — только для души,
Но падох ведь на них народ,
И оттого растет доход
У церкви. Дурни и глупцы!
Попы, обжоры-подлецы,
Крестьян доверчивых всегда
В церквях проводят без труда».

И вот уже извлечены
Хлеб из ларя и ветчины
Изрядный окорок, вино...
А чтобы не было темно,
Ренар лампадки снял с икон
И поместил их на амвон.

Сказать по правде, волк
давно

Уже отпробовал вино,
И не замедлил результат
Сказаться сразу. (Виноват
желудок был его пустой.)
Что за беда!.. Все ж пир горой
Они устроили. Волк пел,
Плясал... (Ну, словом, опьянел
Он через несколько минут.)
«Пей, друг Ренар, пей, нас
ведь тут

Немного... трое... Ничего!
(В глазах двоилось у него.)

Ступай, зови сюда народ!
Обедню буду я служить...
Хочу народ я п... просветить...
Чем не священник я, скажи?..
Стой, друг, меня ты поддержи
Сперва... О чем, бишь, я? Ах, да!
Я помню, в юные года
Умел я петь... Ты не слышал?
Эх, как я прежде распевал...
Сегодня я хочу для всех
Исполнить мессу...» — «Это
грех!

Ведь ты еще не посвящен
В духовный сан, не пострижен
В монахи, а чтоб мессу петь,
Тонзуру^{*} надобно иметь...»
«Тонзуру?» — «Символ есть
такой,

Чтоб знали все, что ты святой».
«Ты прав, Ренар, но как же
быть,

Кто б мог в монахи посвятить
Меня, чтоб раз и навсегда?»
«Да я бы мог!» — «Ты мог
бы?» — «Да,

Что ж тут мудреного: раз,
два —

И все. Да, надобно сперва
Найти, чем брить, вот в чем
секрет,

Других препятствий вроде нет.
Идем, поищем бритву». —

«Что ж,
Неужто бритвы на найдешь?»

Лис рыскать стал, и наконец
Он отыскал в шкафу ларец,
В котором были бритва, таз
И ножницы. «Ну, словно нас
Все дожидалось здесь, Примо!
Я знаю, сам святой Ремо

Тебе сопутствует, ей-ей!
Быстрее за дело, будь смелей!
Все это мелочи одни,
Ведь ждут тебя иные дни,
Когда ты сделаешься вдруг
Самим епископом, мой друг.
Ты по природе наделен
Всем тем, чем обладает он:
Ты честен, бескорыстен, ты
Умен... Все это не мечты,
Поверь, я знаю, что синод
Тебя главою изберет!»

Примо был очень возбужден.
С большим трудом ступая, он
Поднялся на алтарь, где лег,
Чтобы Ренар намылить мог
Ему макушку. Лис тотчас
Намылил от ушей до глаз
Всю волчью голову и стал
Скоблить ее. Он так устал,
Окончив свой великий труд,
Что после нескольких минут,
Весь потный, он едва дышал;
Зато в душе он ликовал.

Волк молча боль переносил,
И лишь в конце концов спросил:
— «Ну, все в п...

порядке?» — «Да, поверь,
Ты стал священником теперь!
И знай, Примо, духовный сан
Тебе заслуженно был дан.
Ну кто бы мог из нас другой
О чести помышлять такой?»
«Ты прав... Я к ризнице пойду...
Должно быть, ризу я найду,
Епитрахиль и прочий хлам,
Необходимый только там...
Я спел бы так, да ведь народ,
Сам понимаешь, заорет,
Чего, мол, голый он залез,

^{*} Тонзура — выстриженное на макушке место у католических духовных лиц.

Ведь божий храм тут, а не лес...»
 «Ты рассуждаешь, как мудрец, —
 Сказал Ренар, — ты молодец!
 Идем, тебе я, чем смогу,
 И в этом деле помогу».

И вот Примо одет: на нем
 Вся вышитая серебром
 Надета риза кое-как,
 Крест, черный бархатный кушак,
 И в довершение всего
 Ренар натянул на него
 Епитрахиль. «Ну, я готов, —
 Сказал Примо, — без дальних

слов
 Я начинаю службу...» — «Стой!
 Не торопись так, бог с тобой.
 А как же звон?» — «Звон?..»

«Да. Так вот,
 Ударить надо нам вперед
 В церковный колокол... Затем
 Ты сможешь по законам всем
 И к службе сразу приступить».
 «Ну, значит, так тому и быть...
 Люблю, когда в церквях
 звонят!...»

Он ухватился за канат,
 Который сверху спущен был
 От колокола; что есть сил
 Рванул его, и дивный звон
 Услышал над собою он.
 Лис ликовал. «Сильней!

Сильней! —
 Кричал он. — Так! Теперь
 скорей
 Ступай петь мессу на алтарь! —
 А про себя подумал: — Шпарь,
 Мой друг! Пускай теперь народ
 Тебя послушает придет!
 По крайней мере, черт возьми,
 Впервые будет пред людьми

Петь не обжора-лицемер,
 Как их священник, например,
 Не хитрый плут, а просто так,
 Довольно искренний дурак...»

Ренар однако как-нибудь
 Решил теперь улепетнуть.
 Покуда волк, шатаясь, шел
 Петь на алтарь, Ренар нашел
 В стене свой лаз, в него пролез,
 Но прежде чем умчаться в лес,
 Дыру землею завалил.
 Послушал, как Примо вопил,
 Воображая, что поет,
 И про себя сказал: «Ну вот,
 Сейчас сюда придут, дурак,
 Ты запоешь тогда не так!»
 И он умчался в лес стрелой...

Звон колокола, волчий вой
 Попа, конечно, разбудил.
 Босой, он тут же соскочил
 С постели и, крестя, живот,
 Стал, весь дрожа, сзывать народ.
 На зов сбежались клерк Гилян,
 Жена попа и капеллан.
 Вооружившись кто чем мог,
 Они со всех пустились ног
 Туда, откуда волчий вой
 Гремел надтреснутой трубой.

Дрожа, косясь по сторонам,
 Они на цыпочках к дверям
 Церковным робко подошли...
 Прислушались... Но что могли
 Они со сна сообразить?
 Кого решили поразить
 Они в стенах монастыря
 С душою в пятках?.. Видно, зря
 Они с бесстрашием таким
 Сразиться вздумали с самим...
 С самим!^{*} О, боже! Кто ж иной
 Посмел бы в церковь в час
 ночной

^{*} С самим Сатаной.

Лис со слезами на глазах.
«О, наконец-то милый кум! —
Вскричал Ренар. — Ты так угрюм,

О, что с тобой, скажи скорей...»
 «Пошел отсюда прочь, злодей! —
 Прямо сквозь зубы процедил. —
 Ты мне, предатель, изменил!
 Ты завалил землею лаз,
 И я был вынужден сейчас
 Сразиться с множеством врагов.
 Я уцелел, но я готов
 Теперь свести с тобою счет!
 Так знай же, злобный ты урод,
 Что если я не первым был,
 Кому ты, изверг, досадил,
 То буду я, проклятый лис,
 Последним! Да! Теперь держись!
 Я проучу тебя, бандит!»
 «О, стой, Прямо! Так ты избит?
 Ах, боже мой, не может быть!..
 Кто б это мог предположить!..
 Ты в заблуждении большом:
 Ведь лаз заделан был... попом!
 Да, да, попом. Я умолял
 Оставить лаз. Но поп не внял,
 Да, да, не внял мольбе моей!
 Меня убить хотел, злодей!
 И я был вынужден сбежать.
 Однако здесь я обождать
 Решил тебя. За жизнь твою,
 Тебе я слово в том даю,
 Я не боялся. Я был рад,

Что совершили мы обряд,
 Что ты был нынче посвящен
 В духовный сан: я знал, что он
 Не мог с попом вас не сроднить,
 Не мог вас не объединить
 Друг с другом, кум. И вдруг!..
 О, нет!

Какой-то в этом есть секрет!
 Быть может, поп тебя впотьмах
 Не опознал, и дикий страх
 Его толкнул на этот шаг?
 Нет, верь мне, он тебе не враг!»

Ренар умолк и так вздохнул,
 Так сокрушенно вдруг взглянул
 На волка, что Прямо опять
 Не смог пред лисом устоять.
 «Быть может, ты, Ренар, и прав...
 Конечно, поп, не разобрав,
 Что я был так же, как и он,
 В попы сегодня посвящен,
 Созвал людей. Ну, ничего,
 Я все же проучу его!»
 «Да, проучи! Всегда ведь так:
 Коль ты тупица и дурак,
 То на себя, брат, и пеняй!
 Пусть помнит это... Ну, прощай!»

.....
 На этом мы прервем сейчас
 О хитром лисе наш рассказ.

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ЭПОС

Наиболее значительное произведение аллегорической поэзии средних веков, «Роман о Розе» (*Roman de la Rose*), состоит из двух разнородных и разновременных частей. Первая часть романа (около четырех тысяч стихов), написанная около 1230 г. рано умершим рыцарем Гильомом де Лорисом, представляет собой куртуазно-любовную аллегорию. Все здесь очень изысканно и нарядно. Юный поэт во сне влюбляется в прекрасную Розу. Это дает автору возможность проследить самые различные оттенки любовного чувства. И он делает это с большим аналитическим мастерством. С не меньшим мастерством описывает он также чудесный сад, в котором произрастает дивная Роза. Его пленяют многоцветный наряд весны, журчание ручья, звонкие голоса птиц. Он любит чувственным великолепием природы, ее ароматами, звуками, красками. Даже аллегорические фигуры под пером Гильома приобретают живописные очертания.

Бог любви пронзает сердце поэта. Из рукописи «Романа о Розе» конца XIII в.

Совсем иной характер имеет вторая часть романа (около 18 тысяч стихов), написанная через сорок лет после смерти Гильома ученым горожанином Жаном Клопинелем, обычно называемым Жаном де Мён. Заканчивая сюжетную линию, оборванную смертью Гильома, Жан де Мён в то же время далеко отходит от куртуазных традиций своего предшественника. Он прежде всего дидактик и сатирик. Выражая освободительные искания поднимающегося третьего сословия, он решительно обрушивается на феодально-церковные порядки, а также пропагандирует новые философские и социальные идеи. Любовная фабула отходит на второй план. В романе появляется ряд новых персонажей (Разум, Природа, Лицемерие), которые произносят пространные тирады, отражающие заветные взгляды самого автора. Жан де Мён ополчается против духовенства и не щадит даже самого папу. Он смеется над теми, кто приписывает королевской власти божественное происхождение и тем самым оправдывает самодержавный деспотизм. Он влагает в уста Природы речи против феодальных прерогатив, основанных на знатности происхождения.

Предвосхищая взгляды гуманистов эпохи Возрождения, автор развивает мысль, что истинное благородство заключается не в знатных предках, но в личных достоинствах человека (см. приводимый отрывок). Не менее радикальны взгляды Жана де Мёна и по ряду других вопросов. Так, он полагает, что сущность религии состоит в честной жизни, а не в пышных обрядах либо теологических хитросплетениях. Подлинным источником бытия является Природа, которая в своей дивной мастерской создает все многообразие живых существ, которая в человека вкладывает стремление к продолжению рода и, таким образом, несовместима с принципами аскетизма. Нет ничего выше Природы, поэтому задача искусства заключается в том, чтобы следовать за ней. Природа создает всех равными. Однако люди, одержимые алчностью и властолюбием, извращают ее мудрые законы. Алчность открыла путь угнетению, обману и коварству. Власть имущие и богатые присвоили себе

Так хороша, добра! Должна
Быть Розой названа она.

Мне кажется, лет пять назад
Я увидел во сне тот сад;
Цветущий май узрел во сне,
Когда все радо так весне,
Когда в восторге все и вся:
И все пичужки, пух нося,
С листвою новой все дубравы,
И все сады, кусты и травы.
Стоял сухим зимою лес, —
Как пышен в нем теперь навес;
Гордится новою красою
Земля под вешнею росой,
Забыв, что, бедная, зимой
Была одета мглой и тьмой...
Земля столь жалкой в зиму
стала,

Что обновить наряд взалкала:
Ей скоро был наряд готов,
Горящий тысячью цветов, —
Май платье сшил ей, подобрав
Живой узор цветов и трав;
Зазеленели все поля,
Закрасовалась земля.
Молчали птицы все, когда
В лесах царили холода
И ветер дул зимы ненастной, —
Теперь же, в дни весны

прекрасной
Все песням предались невольно;
Уж соловей в долине дольной
Всю ночь звучащий бисер мечет,
И ласточка, вясь, щебечет,
И молодежь с огнем в крови
Сгорают грезами любви.
Но есть жестокие, — в дни мая,
Тревог любви не понимая,
Они не внемлют птичек хору.

В блаженную такую пору,
Когда покорно все весне,
Раз спал я ночью; снилось мне,
Когда я спал в тиши ночной,
Что встало утро над страной;
Поднявшись, я (сон рисовал)
Лицо и руки умывал,
И весел был и рад, как

школьник;

Открыл узорный я игольник
И нить потом, присев к столу,
В серебряную вдел иглу,
Хотел я за город идти,
Послушать птичек на пути
И посмотреть на деревья;
И, расшивая рукава^а,
Я весело тогда один
Пошел бродить среди равнин,
Где почва вся озеленилась;
И радость в грудь мою
теснилась;
И направлялся я к реке,
Чей ток журчал невдалеке.
Я знал, — лик вешний самый

нежный

Там, где простерся луг
прибрежный;
И вниз спустился я с холма,
Где вокруг реки кустов кайма;
Свежее, чем вода колодца,
Блистающая, вижу, льется
Широкой лентой вода, —
Такой не видел никогда.
Налюбовавшись видом, стал
В лицо плескать себе кристалл;
Потом смотрел я вглубь реки:
Песок, цветные камешки
Лежали в ясной глубине,
И наблюдал я там, на дне,

^а В модном наряде XIII в. рукав платья ниспадал ниже кисти руки; отсюда — распространенная среди молодых щеголей забава, описанная автором.

И блеск, и нити перламутра;
Кругом сиянье было утра;
И вдоль реки пошел я той
Тогда с подругою-мечтой.

*Здесь автор скажет, как во сне
Он семь портретов на стене
Узрел садовой—без движений
Семь, как живых, изображений,
В великой созданных красе;
Он имена их скажет все,—
Он ряд тех образов постиг.
Лик первый — Ненависти лик.*

Вдруг я увидел: со стеной
Зеленой сад передо мной.
В стене и на стене фигуры;
Мощь живописи и скульптуры
Дала изображений ряд
Так живо — будто говорят.
О всем, что видел в том саду,
Рассказ подробно поведу,
Насколько мне вести сказанье
Возможность даст воспоминанье...

[Поэт подробно перечисляет семь образов на стене: Ненависти, Предательства, Жадности, Скупости, Зависти, Печали и Старости.]

И рядом с Жадностью другое
Изображенье роковое
Узрел я: Скупости то лик.
Пред ней мой ужас был велик;
О, как страшна, как непригожа!
Худая, кости лишь да кожа;
Грязна, и нет лица старей,
И зелена вся, как порей.
Питаюсь хлебом и водой,
Она казалась столь худой
И бледной, как бы уж мертва;
Лохмотьем стан прикрыт едва,
Как будто платье все в клочки
Ей растерзали псов клыки;
На ней вся юбка, боже мой,
Висела грязной бахромой;
Поверх накинуто манти,

Как будто с нищего снято.
И не куница, просто смех,
Был выпущен овечий мех,
И той одежде двадцать лет.
Считает худшею из бед
Ведь Скупость платье сшить
свое.

До смерти носит все старье.
Мешок зажат у ней в руке,
Она умрет на том мешке,
Измучена стяжанья злом;
Завязан он таким узлом,
Что если надо вынуть грош,
Концов и в час не разберешь.

Вблизи был Зависти портрет.
Веселья доброго ей нет.
Она смеется, лишь когда
Падет на ближнего беда;
Дает ей радость только весть,
Что у того погибла честь,
А у другого все богатство;
В ней загорается злорадство,
Когда пред нею на глазах
Страдает кто-нибудь в слезах;
Ей радость, если знатный род
Погубит счастья поворот.
Но коль удачи кто достиг,
Стал или знатен, иль велик,
Тогда ей горе и тоска;
Так Зависть зла и так жестка,
Что коротает жизнь без друга;
Нет у нее отца, супруга;
Отец достигнет коль венца,
Возненавидит и отца.

И скоро взоры повстречали
Там на стене портрет Печали.
Судя по бледности ланит,
Тоска давно ее томит;
В лице заметна желтизна;
Подобна Скупости она
По бледности и худобе,
В своей безрадостной судьбе.

Тоскуя ночь, тоскуя день,
 Как будто обратилась в тень
 И потеряла цвет лица
 В скорбях, что длятся без конца.
 Такого нет нигде страдания,
 Такого нет негодованья,
 Которым мучилась она,
 И никакая не властна
 Развеселить ее удача.
 Она отвергла б, горько плача,
 Все, что утешить бы могло;
 И так ей было тяжело,
 Что лик она терзала свой;
 Томясь от муки роковой,
 Как будто в гневе иль со зла
 Она одежду порвала.
 Власы, запутанные ею,
 Космами падали на шею,
 И лился горьких слез поток.
 Никто без жалости б не мог
 Зреть, как, исполненная муки,
 Бьет в грудь она, ломая руки.

Вблизи был Старости

портрет:

Кто стар, уж тот анахорет.
 Она в своем уединенье
 В таком томилаcь расслабленье,
 Что пищу взять могла едва.
 Вся без волос почти глава;
 Былой давно нет красоты,
 И безобразны все черты.
 Потери б не было большой,
 Когда бы, мертвая душой,
 Она и телом умерла:
 Жизнь прожитая извела.
 А было время — щеки рдели,
 И очи пламенно глядели,
 Свежи, как вишни, были губы,
 Сверкали ровным рядом зубы.
 Теперь их нет; висит губа;
 И не прошла бы, так слаба,
 Кряхтя, вздыхая и скуля,
 И двух шагов без костыля.

Проходит время, день и ночь

И без стоянки мчится прочь
 Но столь украдчиво стремится
 Оно от нас, что людям мнится
 Оно стоящим недвижимо,
 Меж тем как мчится, мчится
 мимо,

Струится время, как вода,
 Не возвращая никогда
 Ни капли ни одной назад.
 Немыслим прошлого возврат!
 Ничто, ничто не пребывает, —
 Утесы время вывевает,
 И всем оно овладевает;
 Оно питает, одевает,
 И всех растит, и всех живит,
 И всех и портит, и мертвит;
 Оно отцов похоронило,
 Оно царям грозит могилой,
 И всех схоронит в свой черед,
 Навек в могилу подберет.
 Вот злые времени дары:
 Мы так со временем стары,
 Что нам не в мочь себе помочь,
 И мы становимся точь-в-точь,
 Как дети; время очищает
 И вновь нас в детство возвращает,
 Затем что в возрасте мы хилом,
 По чувству, разуму и силам
 Становимся детьми вполне.
 Таков был образ на стене;
 То Старость дряхлая сама,
 Уже лишенная ума,
 Согбенная, полуживая;
 На ней одежда меховая
 Была накинута, — и в ней
 Она продрогнет до костей:
 Ужасно зябки старики
 И часто дуют в кулаки.

[Рассмотрев начертанные на стене картины, поэт входит в сад; его встречает Праздность и объявляет ему, что сад принадлежит Наслажденью. Миновав хоро- вод, который ведет Веселье и где Амур пляшет с Красотой, Щедростью и другими прекрасными дамами, поэт подходит к фонтану Любви.]

Когда сказала надпись мне,
Что здесь в кристальной глубине
Нарцисс, себе на гибель, лик
Свой увидал, — так был велик.
Мой страх, что долго

над фонтаном

Боялся я нагнуться станом;
Но наконец я превозмог
Свой страх и у фонтана лег...
И стал смотреть я в водоем
И на песок столь чистый в нем,
Что был светлей он серебра;
Дивился, как была игра
Отображенья в нем чиста.
Все повторялось; все места,
И все, что близ, что вдалеке,
Легло в сияющей реке, —
Была, прозрачная до дна,
Портретом сада глубина.
Передо мной воды стекло
Опасным зеркалом текло.
В нем, в нем когда-то, жизнь

глубя,

Гордец Нарцисс узрел себя,
Свое чело, свои глаза;
То — роковая бирюза,
И гибель в ней себе нашли
Немало юношей земли,
Немало мудрых, славных,
сильных,

Затем что силой чар обильных
Здесь изменяются сердца;
Ни ум, ни слово мудреца
Предела страсти не положит,
И лучший врач уж не поможет;
Любви здесь воля и закон;
И сын Венеры, Купидон,
Здесь вокруг бассейна издавна
Любви рассеял семена;
На то зерно Амур не птиц
Влечет, а юношей, девиц.
И тот фонтан заморожен,

Любви фонтаном назван он;
В романах всяческих не раз
Уже вели об нем рассказ.
Нет в мире лучшего бассейна,
Над ним прохлада тиховейна.
И день, и ночь течет вода,
Не иссякая никогда,
Отрада взору и губам,
По двум широким желобам;
И вечно зелен, свеж вокруг
Водою той поимый луг;
Он и зимой не увядает,
Вода ж и летом не спадает.
Во глубинах же водоемных
Лежат кристалла два огромных.
И с восхищением большим
Я долго дивовался им.
Лишь солнце встанет в высоте
И свет прольет в кристаллы те,
Тогда зажгутся в них цвета,
И всех цветов там больше ста;
Зеленый, красный, голубой, —
Окраскою тогда любой
Кристалл потопленный сквозит,
И, как зеркало, отразит
Он ясно в светлой глубине
Все, что свершается вовне...
Я пролежал всю жизнь бы там,
Дивясь волшебным красотам;
И жадным взором бы держал
Все, что кристалл отображал.
Но в час недобрый (я потом
Не раз, не раз жалел о том,
Так много причинили зла
Волшебные те зеркала,
И если б только знать я мог,
Бежал, бежал со всех бы ног!),
В недобрый час я в лоне вод,
Среди других живых красот,
Куст розовый заметил вдруг.
В шипах вся изгородь вокруг,
Но к ней приблизиться поближе

За все сокровища в Париже
Не мог бы отказаться я.
И вот, дыханье затая,
Я подошел, и в этот миг
Волшебный запах роз проник
В ненарушаемой тиши
До самых недр моей души...
Я, наконец, дрожа, дерзнул;
Тихонько руку протянул,

Но уколол тут, как иглой,
Меня волчец, так больно, злой
Что руку я отдернул живо.
Колючим тернием, крапивой
Все заросло вокруг куртины.
Везде заострены щетины,
И к Розе не было тропы,
Где б не грозили мне шипы...

Жан де Мён

ИСТИННОЕ БЛАГОРОДСТВО

*Вот поучает как Природа
Тех, кто кичится славой рода,
И вот как мудро говорит,
В чем благородство состоит.*

Привычно слушать от людей,
Надутых важностью своей,
Что человек, чей знатен род
(Как говорит о нем народ),
По праву самого рожденья
Заслуживает предпочтенья
Пред тем, кто на земле корпит
И, не трудясь, не будет сыт.
По мне же благороден тот,
Кто добродетелью живет,
А подлым я б назвать могла
Того лишь, чьи дурны дела.
Все благородство — в поведении,
А знатное происхождение
Не стоит ровно ничего,
Коль сердце подло и черство!
Чтоб благородство сохранить,
Достойным предков надо быть,
Что славное снискали имя
В свой век заслугами своими.
Но предки, век окончив свой,
Заслуги унесли с собой,
Оставив лишь богатство детям.

Они ж довольствуются этим,
И, кроме этого, у них
Заслуг нет вовсе никаких,
Когда достойными делами
Они не вознесутся сами.

Кто ищет благородства, тот
Пусть лень и гордость отметет;
Пусть будет грамотей иль воин
Пусть будет честен и достоин;
Пусть будет скромнен, не кичлив,
Со всеми и всегда учтив,
Но только не с врагом, когда
Еще не кончена вражда;
Пусть дам прекрасных уважает,
Но им не слишком доверяет,
Чтоб уберечь себя от бед,
Которых полон этот свет.
Такому человеку надо
Почтенье воздавать в награду;
Он всех превыше вознесен,
И благороден только он.

А кто делами не своими
Свое украсить хочет имя,
А подвигов не совершил —
Тот почести не заслужил.
Его я подлым и негодным
Считаю, а не благородным,
И сын бродяги больше чтим
Быть должен по сравнению с ним.

Они надменно полагают,
Что их над всеми возвышают
Их предков славные дела,
А также псы и сокола.
В том их дворянское отличие,
Чтоб рыскать целый день за дичью
В лесной глуши и по лугам,
И по возделанным полям.
А между тем они подлы
И по своей природе злы,
Чужою доблестью богаты,
От предков по наследству взятой,
И этим краденым добром

Кичатся, лжи не видя в том,
Людей я равными рождаю
И всем возможность открываю
К тому, чтоб благородства честь
Себе по праву приобрести.
Все от рождения благородны
И все по естеству свободны,
И разумом наделены
От бога все его сыны.
Людей их разум возвышает
И ангелам уподобляет.
И только смертностью одной
От них отличен род людской.
Лишь тот, кто подвиг совершил,
Впрямь благородство заслужил.
Но быть тот подвиг должен свой,
Им совершенный, не чужой.
И герцогам, и королям
Честь воздают по их делам.
И если отпрыск королей
Исполнен низменных страстей, —
В том больший стыд,
чем если б он
От свинопаса был рожден.

МИРАКЛЬ

Рютбёф

Горожанин (вероятно, родом из Парижа), принимавший деятельное участие в политических событиях своего времени, в частности в знаменитом споре университета с монашескими орденами в 50-х годах XIII в., Рютбёф (около 1230—1285 гг.) разрабатывает почти все жанры литературы своего времени, за исключением героического и куртуазного эпоса. Яркий противник духовенства, для разоблачения которого он не жалеет красок (ср. приводимое выше «Завещание осла»), Рютбёф использует в целях антиклерикальной пропаганды и форму духовной драмы — миракля, противопоставляя (как это типично для критических выступлений того времени, идущих под прикрытием мистических, а иногда и еретических исканий) божественное начало его грешным служителям.

Легенда о Теофиле-управителе, несправедливо отстраненном от своей должности и продавшем за власть свою душу дьяволу, а затем спасенном заступничеством богоматери, известна в ряде разработок, начиная с латинской поэмы Хротсвиты Гандерсгеймской (X в.). Но разработка Рютбёфа насыщает старый сюжет новым социальным содержанием. Обращает на себя также внимание стремление Рютбёфа преодолеть примитивизм более ранней духовной драмы, в которой характеры людей изображались обычно достаточно плоскими и внутренне не раскрытыми. Рютбёф делает попытку ближе подойти к жизнен-

ной правде. Его Теофил — фигура более сложная. В нем подчас борются различные чувства. Одно настроение сменяется другим. То он готов впасть в отчаяние, то исполняется надежды, то он надменен и зол, то охвачен глубоким раскаянием. Отдельные сценки миракля окрашены в бытовые тона. Сквозь старинную восточную легенду очень ясно проступают очертания французской жизни XIII в.

Текст миракля несколько сокращен.

ЧУДО О ТЕОФИЛЕ

Теофил

Мой господин^{*}! В моей мольбе
Я столько помнил о тебе!
Все роздал, раздарил, что мог,
И стал — совсем пустой мешок.
Мой кардинал сказал мне: «Мат».
Король мой загнан в угол, взят,
А я вот — нищенствую сам...
Подрячник свой к ростовщикам
Снесу, иль жизни я лишусь...
И как с прислужгой разочтусь?
И кто теперь прокормит их?
А кардинал? Ему до них
Нет дела... Новым господам
Пусть служат... Он к моим

мольбам

Не снизойдет... Чтоб он издох!
Ну, хорошо! Я сам неплох!
Будь проклят верящий врагу:
Сам провести его могу.
Чтобы свое вернуть, готов
Пойти на все, без дальних слов.
Его угрозы не побоюсь...
Повешусь, что ли? Утоплюсь?
Отныне с ним я вовсе квит,
Путь для меня к нему закрыт...
Эх, славный бы провел часок
Тот, кто его бы подстерег,
Чтобы посечь, пообтесать!
Вот только как его достать?

Он забрался так высоко,
Что нам добраться нелегко,
Его нельзя и палкой вздуть.
Сумеет быстро улизнуть...
Ах, если б только удалось,
Ему бы солоно пришлось...
Смеется он моим скорбям...
Разбилась скрипка пополам,
И я совсем безумным стал!
Смотри, что слух пойдет, —
скандал!

Меня прогонят от людей,
Запрут, не пустят к ним, ей-ей!
И всякий словом попрекнет,
Укажет пальцем, скажет: «Вот
Как с ним хозяин поступил».

Здесь идет Теофил к Саладину, который говорил с дьяволом, когда хотел.

Саладин

Эге! Что с вами, Теофил?
Во имя господа! Ваш лик
Печален, гневен... Я привык
Всегда веселым видеть вас...

Теофил

Ты знаешь сам: в стране у нас
Я господином был всегда.
Теперь — богатства нет следа,

^{*} В подлиннике ясно, что Теофил обращает свои упреки к богу («Увы! о боже, царь славы»).

Всего ж грустней мне, Саладин,
Что я, как верный паладин,
Не забывал латинских слов
И по-французски был готов,
Без всякой усталы, хвалить
Того, кто по миру ходить
Заставил нагишом меня.
И потому решаюсь я
По непривычному пути
К делам неслыханным идти,
Затем, чтоб только как-нибудь
Свое достоинство вернуть.
Его терять — позор и стыд.

И поделом, нечистый дух,
Затем, что на ухо ты туг,
Когда я здесь.

Я вот собою с тебя всю спесь,
Не станешь больше спорить

здесь.

Эй, слушай весть:

У нас ведь клерк послушный
есть,

Ты должен, черт, из шкуры
лезть,

Чтоб залучить
Его к себе чертям служить,
Как полагаешь поступить?

Дьявол

Зовется как?

Саладин

Зовется Теофил. Был враг
Чертям — и вовсе не дурак
В юдоли сей.

Дьявол

Я с ним боролся много дней,
Но он бежал моих сетей.

Пусть он приходит без друзей

И без коня

В сей дол, чтоб увидеть меня
На утре завтрашнего дня:

Не тяжек труд.

И Сатана, и я — все тут

Его охотно приберут

К своим рукам,

Но только, чтоб святой свой
храм

В пути к моим пустым местам

Не вспомнил вдруг,

Не то — помочь мне недосуг,
Со мной повежливей будь, друг,
И больше не терзай мне слух.

Теперь прости,
Хоть на недельку отпусти.

[По указанию Саладина Теофил приходит к дьяволу.]

Дьявол

Приблизься. Сделай два шага.
Не будь похож на мужика,
Который жертву в храм принес.
Теперь ответь мне на вопрос:
Твой господин с тобой жесток?

Теофил

Да, господин. Он слишком строг.
Он сам высокий сан приял,
Меня же в нищету вогнал.
Прошу вас, будьте мне оплот

Дьявол

Меня ты просишь?

Теофил

Да.

Дьявол

Так вот:

Тебя приму я, как слугу,
Тогда и делом помогу.

Теофил

Вот, кланяюсь я, господин,
Но с тем, чтоб вновь высокий
чин

Мне получить, владеть им мне.

Дьявол

Тебе не снился и во сне
Тот чин, который я, клянусь,
Тебе добыть не откажусь.
Но раз уж так, то слушай: я

Беру расписку от тебя
В умно расставленных словах.
Не раз бывал я в дураках,
Когда, расписок не беря,
Я пользу приносил вам зря.
Вот почему она нужна.

Т е о ф и л

Уже написана она.

Тогда Теофил вручает расписку дьяволу, и дьявол велит ему поступать так:

Д ь я в о л

Мой друг и брат мой, Теофил,
Теперь, когда ты поступил
Ко мне на службу, делай так;
Когда придет к тебе бедняк,
Ты спину поверни и знай —
Своей дорогою ступай.
Да берегись ему помочь.
А кто заискивать не прочь
Перед тобой — ты будь жесток:
Придет ли нищий на порог —
Остерегись ему подать.
Смиренье, кротость, благодать,
Пост, покаянье, доброты —
Все это мне тошней креста.
Что до молитв и благостынь,
То здесь ты лишь умом раскинь,
Чтоб знать, как это портит кровь.
Когда же честность и любовь
Завижу, — издыхаю я
И чрево мне сосет змея.
Когда в больницу кто спешит
Помочь больным, — меня мутит,
Скребет под ложечкой — да как!
Делаю я добрым — злейший враг.
Ступай. Ты будешь сенешал,
Лишь делай то, что я сказал:
Оставь все добрые дела
И делай только все для зла,

Да в жизни прямо не суди,
Не то примкнешь, того гляди,
Безумец ты, к моим врагам!

Т е о ф и л

Исполню долг, приятный вам.
В том справедливость нахожу,
Что этим сан свой заслужу.

Тогда кардинал посылает искать Теофила.

К а р д и н а л

Эй, ты, Задира, плут, вставай!
За Теофилом поспешай!
Ему вернуть решил я сан.
Кто ввел меня в такой обман?
Ведь он честнее всех других.
Среди помощников моих
Достоин сана он один.

З а д и р а

Святая правда, господин.

Здесь Задира говорит с Теофилом.

Кто здесь?

Т е о ф и л

Ты сам-то кто, злодей?

З а д и р а

Я — клерк.

Т е о ф и л

Ну, я-то поважней.

З а д и р а

Мой господин высокий, я
Прошу вас не судить меня.
Меня прислал мой господин,

Он хочет возвратить вам чин,
 Богатство ваше и почет.
 Веселья вам пришел черед.
 Отлично заживется вам.

Т е о ф и л

Чтоб черт побрал вас всех!
 Я сам
 Давно хозяином бы стал,
 Когда б умнее поступал!
 Я сам его вам посадил,
 А он меня богатств лишил,
 Послал на улицу нагим.
 Прогнал меня, так черт же с ним
 За ссоры, ненависть, вражду!
 А впрочем, так и быть, пойду,
 Послушаю, что скажет он.

З а д и р а

Отдаст с улыбкой вам поклон.
 Он думал вас лишь испытать,
 Теперь начнет вас награждать.
 Опять вы будете друзья.

Т е о ф и л

Недавно сплетни про меня
 Мои друзья пустили тут!
 Пусть всех их черти подерут!

*Тогда кардинал встает навстречу
 Теофилу. Он возвращает ему сан и го-
 ворит:*

К а р д и н а л.

Привет мой вам, честнейший
 клерк.

Т е о ф и л

Я искушенью не подверг
 Своей души — и духом здрав.

К а р д и н а л

Пред вами, друг, я был неправ.
 Моя к вам давняя любовь
 Загладит все. Примите вновь
 Ваш сан. За честность вашу —
 мне
 Угодно наградить вдвойне:
 Мы будем с вами все делить.

Т е о ф и л

Теперь мне выгодней твердить
 Свои молитвы, чем тогда.
 Теперь десятками сюда
 Крестьяне будут притекать.
 Я их заставляю пострадать:
 Теперь я вижу в этом прок,
 Дурак, кто с ними не жесток,
 Отныне буду черств и горд.

К а р д и н а л

Мой друг, иль вас попутал черт?
 Вам надо помнить, Теофил,
 Чтоб строгий долг исполнен был.
 Итак, теперь и вы, и я
 Здесь поселимся, как друзья.
 Согласно дружбе, будем впредь
 Сообща поместьями владеть.
 Теперь я больше вам не зраг.

Т е о ф и л

Мой господин! Да будет так.

Здесь рассказывает Теофил, он приходит в капеллу мадонны и говорит:

Безумец жалкий я! Куда теперь пришел?
 О, расступись земля! Я в ад себя низвел,
 Когда отрекся я и господином счел
 Того, кто был и есть источник всяких зол!

Я знаю, согрешив, отверг святой состав.
Я бузины хлебнул взамен целебных трав.
Над хартией моей злой дьявол тешит нрав,
Освободит меня, живую душу взяв.
Меня не примет бог в свой светлый вертоград,
Душа моя пойдет к чертям в кипучий ад.
О расступись земля! Там каждый дьявол рад,
Там ждут они меня, клыки свои острят!
Господь, что делать мне, безумцу, научи!
Всем миром надо мной занесены бичи,
Всех адских глаз в меня направлены лучи,
Все двери предо мной закрылись на ключи!
Сойду ль когда с пути моих безумных дел?
За малое добро я господу презрел,
Но радости земли, которых я хотел,
Закинули меня в безрадостный предел!
Семь лет идти тропой твоею, Сатана!
Трудна моя вина от хмельного вина;
Расплата за грехи мне скоро суждена,
Плоть плотникам-плутам в аду обречена.
Больной душе моей возлюбленной не стать,
Мадонну за нее не смею умолять.
Плохие семена пришлось мне рассевать:
В аду придется им расти и созревать.
Безумен я, увы! Темна судьба моя!
В отчаянии и я, и ты душа моя!
Когда бы смел просить святой защиты я,
Тогда спаслись бы мы — моя душа и я.
Я проклят и нечист. В канаве место мне,
Я знаю, что сгорю на медленном огне.
Такой ужасной смерть не снилась и во сне!
Я мукою своей обязан Сатане.
Уже ни на земле, ни в небе места нет.
Где черти обдерут несчастный мой скелет?
В крошечный ад идти совсем охоты нет,
А господа я враг, — закрыт мне райский свет,
Не смею умолять святых мужей и жен:
Я к дьяволам ходил нечистым на поклон;
Проклятый свиток мой моим кольцом скреплен!
В несчастный день я был богатством искушен...
Святых мужей и жен не смею я молить,
Мадонну, кроткую не смею я любить,
Но чистоту ее осмелюсь восхвалить,
Я знаю: за хвалу нельзя меня хулить.

Вот молитва, которую Теофил говорит перед мадонной:

Мадонна святая,	Тебе моление,
Дева благая,	Тебе служенье —
Твоей защиты молю я,	Сердцу в уладу.
Тебя призывая,	Но искушенье
В нужде изнывая	Несет сомнение,
И сердце тебе даруя.	Уносит отраду.
Сойди, врачуя,	Я предан аду,
Радости чуя	но сердцу надо
Вечного рая,	Твое утешенье.
Тебя молю я,	О дай в награду
О сыне тоскуя,	Жалкому гаду
Дева святая!	Твое прощенье!

[Мадонна прощает раскаявшегося Теофила, отбирает собственноручно у дьявола его расписку и возвращает ему. Кардинал возвещает о случившемся с Теофилом чуде народу. Миракль заканчивается словами:]

Te Deum laudamus,
Explicit miraculum*

ЗАЧАТКИ СВЕТСКОГО ТЕАТРА

Адам де ла Аль

Родом из богатого Арраса, горожанин Адам де ла Аль, по прозвищу Горбун (около 1238—1286 гг.), человек бывалый, живший и в Париже (1262—1263 гг.), и при дворах графа д'Артуа (с 1272 г.) и Карла Анжуйского (с 1283 г.), является автором первых светских пьес на народном языке: «Игры под листвою» (*Jeu de la feuillie*) и «Игры с Робене и Марион». Первая пьеска — сатирическое изображение горожан из родного поэту города — приближается к позднейшим фарсам и соти (*soties*); вторая, рассчитанная на музыкальное исполнение, является по существу драматизированной пастурелью. В этой пьесе, написанной очень просто и живо, довольно правдиво изображаются обычаи и нравы французских поселян. Автор с нескрываемым сочувствием относится к молодым простолюдинам, на счастье которых посягает самонадеянный кичливый рыцарь.

Конец «игры», изображающей возвращение назойливого рыцаря, похищающего Марион, освобождение ее крестьянами и игры крестьян, нами опущен.

ИГРА О РОБЕНЕ И МАРИОН

М а р и о н	Меня всем сердцем полюбил
Робен в меня, в меня влюблен,	Мой ненаглядный, мой дружок,
Ко мне уж сватается он.	Мне платье алое купил

* Тебя, бога, хвалим! Кончилось действие о чуде.

И поясок.
Робен в меня, в меня влюблен.
Ко мне уж сватается он.

Рыцарь

Домой с турнира возвращаясь,
Я здесь с прелестной Марион
Наедине встречаюсь.

Марион

Робен мой! если любишь,—
Возьми меня к себе.

Рыцарь

Пастушка! бог тебя храни!

Марион

И ваши пусть продлит он дни!

Рыцарь

Красотка-девушка! Ответь,—
Ужель не надоело петь
Все ту же песенку тебе:
«Робен мой, если
любишь —
Возьми меня к себе»?

Марион

Я, сударь, оттого пою,
Что я любима и люблю.
Робен мой так со мною мил:
Он мне и ножик подарил,
И сумку, чтоб в ней хлеб носить,
И палку, чтоб овец хранить.

Рыцарь

Скажи, здесь водится ли птица?

Марион

Ну как же, сударь, не водится?

В кустах, что видите вы тут,
Щеглы и зяблики поют
Так восхитительно и мило.

Рыцарь

Господь меня храни и милуй!
А ты красавица моя,
Пойми, что спрашиваю я:
На речке ты видела ль уток?

Марион

Они кричат, и крик их жуток.
Вчера, я видела. Мешки
На них возили мужики^а
О них ли вы спросить хотели?

Рыцарь

Ну, и подвинулся я к цели!
Скажи, а цапли есть у вас?

Марион

Я видела в последний раз,
Как цаплю ели за столом
У бабушки моей постом^б.

Рыцарь

Клянусь честью! Надо мной
Она смеяться захотела.

Марион.

Скажите, что за птица села
Вам на руку, как на насест?

Рыцарь

Мой это сокол.

Марион

Хлеб он ест?

^а Употребленное рыцарем слово — «утка» — Марион поняла в значении «осел».

^б Употребленное рыцарем слово — héron — «цапля» — Марион поняла как название какой-то рыбы, вероятно — hareng.

Рыцарь

Нет, только мясо.

Марион

Вот чудной!

Рыцарь

Смотри, он в шапочке какой.

Марион

А едете сейчас куда вы?

Рыцарь

К реке.

Марион

Робен иного нрава.

Забавнее и веселей,

И тешит наших всех людей

Он, на волыночке играя.

Рыцарь

Скажи, пастушка дорогая,

Могла бы рыцаря любить?

Марион

Скромней прошу вас,

сударь быть!

Я вовсе рыцарей не знаю.

Робена я предпочитаю

Всем людям. Любит он меня.

Ни одного не знаю дня,

Чтоб он ко мне не приходил,

Чтоб он мне сыру не носил.

Вот и сейчас его сырок

И хлеба небольшой кусок

Держу за пазухою я.

Рыцарь

Пастушка милая моя!

Не хочешь ли со мной вдвоем

По той поляночке верхом

проехать на моем коне?

Марион

Ваш, конь, признаться, страшен

мне:

Того гляди, меня лягнет.

Робенов конь ногой не бьет,

Когда за ним иду у плуга.

Рыцарь

Пастушка, стань моей подругой,

Не откажи моим мольбам.

Марион

Ах, сударь, здесь не место вам!

Оставьте — вас прошу — меня,

Боюсь я вашего коня.

А имя ваше как?

Рыцарь

Альберт.

Марион

Напрасно, господин Альберт,

Вы трудитесь: мне мил Роберт.

Рыцарь

Взаправду ли, пастушка?

Марион

Да.

Рыцарь

Ты что-то чересчур горда.

Ведь рыцарь я, и почему б

Не стал тебе я мил и люб?

Марион

Не полюблю вас никогда.

Ведь мой дружок,

Мой пастушок —

И весел, и учтив всегда.

Рыцарь

Пастушка! счастья жди от бога!

Поеду я своей дорогой

И больше слова не скажу.

М а р и о н

Трейри, делюрьо, делюрьо,
делюрьеле,
Трейри, делюрьо, делюрьо,
делюро.

Р ы ц а р ь

Пришлось лесной опушкой
Мне нынче проезжать
И встретиться с пастушкой,
Что лучше не сыскать.
Эй трейри, делюрьо, делюрьо,
делюрьеле,
Трейри, делюрьо, делюрьо,
делюро.

М а р и о н

Робен мой, эй! лёр-лёре-ва!
Иди ко мне! лёр-лёре-ва,
Пойдем играть в лёр-лёре-ва,
В лёр-лёре-ва.

Р о б е н

Эй, Марион! лёр-лёре-ва!
Иду к тебе! лёр-лёре-ва!
Пойдем играть в лёр-лёре-ва,
В лёр-лёре-ва!

М а р и о н

Робен!

Р о б е н

Марота!

М а р и о н

Милый мой

Где был?

Р о б е н

Я заходил домой,
Чтоб войлочный кафтан
накинуть:
Боялся, как бы не простынуть.
Тебе принес я яблок — вот!

М а р и о н

Я угадала твой приход,
Заслышав голос твой далече.

Р о б е н

Мечтая о желанной встрече,
Я шел сюда — на голос твой.

М а р и о н

Робен, ты знаешь, дорогой,
Какой-то повстречался мне
Тут незнакомец на коне,
И у него на рукавице
Сердитая сидела птица.
Со мной он долго говорил,
Его любить — меня просил.
Но я тебе не изменила.

Р о б е н

Марота! Ты б меня убила.
Поспел бы если раньше я
Иль были б здесь мои друзья —
Готье Упрямый и Бодон, —
Без драки не ушел бы он,
Отведал бы он наших рук.

М а р и о н

Не горячись, мой милый друг!
Давай-ка лучше пировать.

Р о б е н

Мне сесть велишь или стоять?

М а р и о н

Робен, сядь рядышком со мной.
Покушаем.

Р о б е н

Сидеть с тобой
Всегда, подруженька, я рад.

Но пред тобой я виноват,
Что не принес тебе поесть.

М а р и о н

Робен, не беспокойся. Есть
За пазухой моей сырок.
И хлеба вот большой кусок,
И яблоч ты принес немного.

Р о б е н

Как вкусен этот сыр, ей-богу!
Сестрица, кушай.

М а р и о н

Кушай ты.
Захочешь ежели воды,
Так рядом здесь течет ручей.

Р о б е н.

Нам сальца бабушки твоей
Покушать бы: вот благодать!

М а р и о н

Робен! его нам не достать:
Оно подвешено к стропилу.
Но ведь позавтракать, мой милый,
Мы можем тем, что есть у нас.

Р о б е н

В лапту играя прошлый раз,
Я видно надорвал живот.

М а р и о н

Господь тебя пусть бережет!
Так ты играл в лапту опять?

Р о б е н

Об этом все, красотка, знают,
И как тебе не знать!

М а р и о н

Не хочешь больше есть дружок?

Р о б е н

Я сыт.

М а р и о н

Так спрячу я сырок
И хлеб за пазуху опять,
Чтобы им зря не пропадать.

Р о б е н

Их лучше в сумку положи.

М а р и о н

Робен! что хочешь, прикажи, —
Покорна воле я твоей.

Р о б е н

Марота! Докажи скорей,
Что ты мне верная подружка,
Что я любезный твой дружок.

Пастушка,

Милая резвушка,

Подари мне твой венок,
Подари мне твой венок!

М а р и о н

Робен! Позволь, чтоб на тебя
Его надела я, любя.

Р о б е н

Надень. А я, моя подружка,
Тебе дарю мой поясок,
И пряжку, и мой кошелек.

Пастушка,

Милая резвушка,

Подари мне твой венок!

КОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР XIV—XV ВВ.

ФАРС

Наиболее характерным и вместе с тем наиболее устойчивым комическим жанром этой эпохи является фарс; зачатки его засвидетельствованы еще в XIII в., но расцвета этот жанр достигает в XIV — начале XV в., когда он выступает как острое орудие политической и социальной сатиры; популярность фарса была столь велика, что его не смогла уничтожить даже комедия Ренессанса, сразу же вытеснившая моралитэ и соти (середина XIV в.). Фарс продолжает существовать на протяжении всего XVI в. и оказывает влияние на классическую комедию XVII в. (Мольер). Фарс — наиболее реалистический жанр средневековой драматургии. Подобно фавлю (с которыми фарс имеет много общего), он обращался к повседневной действительности (семейные отношения, плутни в суде и торговле, проделки попов и пр.), перенося из жизни на сцену те или иные забавные происшествия. При этом испытанным оружием фарса была насмешка, определявшая структурные особенности этого жанра (комические преувеличения, буффонные сцены и пр.).

Приводимый ниже в отрывках фарс "Господин Пьер Пателен" ("Maistre Pierre Pathelin"), сложенный в середине XV в., направляет свою сатиру против судейского крючкотворства; изображенная в нем фигура пройдохи-крючкотвора Пателена приобрела столь большую популярность, что вызвала создание ряда фарсов, изображающих другие проделки того же героя (фарс "Завещание Пателена" и др.).

ГОСПОДИН ПАТЕЛЕН

[Проныра-стряпчий Пателен сумел ловко выманить у богатого суконщика шесть локтей сукна; вместе с тем он подслушал перебранку купца с его батраком Тибо-пастухом, потихоньку воровавшим из доверенного ему стада овец. Услышав, что хозяин хочет подать на нерадивого батрака в суд, Пателен пригласил последнего к себе домой и предложил ему защищать его на суде; пастух согласился на предложенные ему условия.]

П а т е л е н

...Согласен ли во имя блага
Ты врать под строгою присягой,
Чтоб обмануть коронный суд?
Во-первых, как тебя зовут?

П а с т у х

Тибо, а кличка — Козопас.

П а т е л е н

А сколько взял ты про запас
Всего овец из поголовья?

П а с т у х

Я брал, что нужно для здоровья,

В три года только тридцать штук,
Не больше.

П а т е л е н

Верно, милый друг,
Процент законный и
приличный;

Дело твое пойдет отлично,
Ты сможешь ли начистоту
Свою заверить правоту?
Найдется ль у него свидетель?

П а с т у х

Святой Марии добродетель!
В свидетелях нет недостатка!

**Vous feriez bien de la tendre
Le iuge
He dea ie ailleurs a entendre
se vostre partie est presente
deliures vous sans plus d'attente
et nestes vous pas demandeur
De l'arpiet**

Sifuls

Сцена суда из "Господина Пателена".
Рисунок из издания конца XV в.

И не один, а два десятка,
Все на меня покажут смело.

П а т е л е н

Вот это портит твое дело.
Ты должен притвориться так,
Что ты, Тибо, круглый дурак
И что со мной ты не знаком.

П а с т у х

Упаси бог!

П а т е л е н

И стой на том!

Молчи, не то, брат, худо будет:
Сболтнешь — и в миг тебя
засудят.

У нас судейские не шутят.
Сам не заметишь, как обкрутят.
Пойми ты, голова баранья,
Ты должен приложить старанья,
Чтобы ни слова не сказать.
А если станут напирать,
То ты на каждый их вопрос
Молчи, как пень, как стоерос.
А если очень уж к тебе
Пристанут — ты одно лишь «бе»
Тверди, как твой баран! На случай,
Коль скажут вдруг: «Козел
вонючий,

Ужели насмех добрым людям
Глумишься ты над правосудьем!
Ведь это нагло и зазорно!» —
Так ты все «бе» тверди упорно!
Тогда-то слово я возьму
И объясню им, что к чему:
Что он, живя в среде овечьей,
Отвык от речи человеческой
И выступает пред судом,
Как будто пред своим скотом.

П а с т у х

Понять не трудно, в чем тут
суть.

Я с делом справлюсь
как-нибудь,
Уж как смогу, так постараюсь!

П а т е л е н

А за удачу я ручаюсь!
И даже, если я тебе
Скажу что-либо, только «бе»
Ты отвечать мне будешь!

П а с т у х

Чудно!

С у к о н щ и к

Я стараюсь!

Сударь! Простое ль дело?
 Меня оно совсем заело!
 Не скажу вам лишнего слова,
 И рассказ начинаю снова.
 История вполне ясна:
 Дело в шести локтях сукна,
 И за правду вам я ручаюсь...
 Простите меня... я сбиваюсь...
 Шесть баранов, прошу покорно...
 Ваша честь, поступок позорный...
 Этот бездельник, вор и плут,
 Что обмануть желает суд,
 Служить мне верно обещался,
 За шесть монет, как нанимался;
 Три года протекло с тех пор,
 Как стал слугой мне этот вор;
 Был договор у нас, отец
 Моих он как родной отец
 Должен беречь и за убытки
 Нести ответ; но все попытки
 Напрасны; ни денег, ни шерсти
 Я не видал, скажу по чести.
 Он стриг себе всю шерсть овечью.
 И овцам наносил увечья,
 Им палкой череп расшибал,
 И резал их, и мясо жрал,
 Мозги им выбивал нещадно,
 А как сукна накрал изрядно,
 Скрылся и с шерстью,
 и с деньгами,
 А я за ним целыми днями
 Бегаю, но не тут-то было...

С у д ь я

Не понять ни уха, ни рыла!
 Ты околесицу несешь!
 Тут капли смысла не найдешь...
 То так, то сяк... Скажи яснее,
 Сам черт себе сломает шею
 С таким рассказом: то сукно,

То овцы... Ясно мне одно, —
 Что это все весьма неясно.

П а т е л е н

Мне ж истина видна прекрасно:
 Он хочет пастуха обмерить!

С у к о н щ и к

Не надо негодяю верить!
 Мои слова честней молитв —
 Я знаю сам, где что болит,
 Никто не знает так, как я!
 Сукно ты спрятал у себя...

С у д ь я

Да что с ним?

С у к о н щ и к

Больше ничего,
 Как ложь, грабеж и воровство!
 Довольно, я теперь решил
 Молчать, покуда хватит сил.
 А вы судите, как хотите!

С у д ь я

Нет, показанье вы дадите!

(К Пателену.)

А вы готовы заключенье!

П а т е л е н

Пастух несчастный, к сожаленью,
 Умалишенному подобен
 И отвечать нам неспособен.
 Но я затем пришел сюда,
 Чтоб с позволения суда
 Встать за него...

С у д ь я

Вы за него
 Ответите? Но для чего?
 Ведь это дело небольшое.
 Какая польза вам?

П а т е л е н

Душою
Клянусь, пусть бедная душа
Не принесет мне ни гроша,
Но я распутать мешанину
Возьмусь, как должно
христьянину,
А то несчастный дуралей
Погрызнет в глупости своей.
Не защити его закон,
Издержки все заплатит он.
Скажи, мой друг...

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Что такое?
Спаси нас небо пресвятое!
Он ничего не понимает.

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Только по-бараньи блеет!
Дай хоть какой-нибудь ответ!

П а с т у х

Бе!

[Судья следует совету адвоката и отказывает суконщику в иске против «слабоумного». Обиженный и дважды обманутый купец уходит ни с чем, но, когда Пателен хочет получить гонорар от своего подзащитного, он узнает, что имел дело со способным учеником.]

П а т е л е н

Ну-с, Аньодле?

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Все в порядке!

П а т е л е н

Говори да или нет!
Ну понял? говори теперь?

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Но от слов твоих, поверь,
Зависит дела разрешение!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Слабоумный от рождения!
Дурня терпеть нельзя в собрание!
В стадо прогнать его баранье,
Оно так правильное будет!

С у к о н щ и к

Он дурачок? Пусть бог рассудит,
Он, кажется, умнее многих!

П а т е л е н

Пусть стережет четвероногих
Среди скотов он точно свой,
А меж людей совсем чужой,
Прошу туда его отправить!..

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Дело ясно — взятки гладки.
Что ж ты все блеешь, как баран?
Скажи, удачен был мой план?
Суконщик навсегда запомнит!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Уж никто тебя не тронет...
Ты можешь больше не бояться.

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Не к чему тебе ломаться.
Плати!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Мы никак не скроем,
Что ты был истинным героем!
Уж как противник ни старался,
Ты превосходно отпирался.
Не прыснул со смеху ни разу.

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Давай кончим без отказа!
Я тороплюсь — платить изволь!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Он вошел, однако, в роль!
Хоть блеешь ты весьма чудесно,
Но расплатиться нужно честно,
Мне твои овцы надоели —
Плати!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Что ты, в самом деле?
Ты шутку хочешь продолжать?
Клянусь, что я не стану ждать,
Ты слышишь! Деньги нужны
к спеху,

Давай!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Вот нашел потеху!
Ужель мне толку не добиться?

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Жулик! Мог бы
постыдиться!
Пред кем ты строишь дурака там?
Не пред судьей, пред адвокатом!
Плати без "бе" и без заминки.

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Брось дурацкие ужимки!
Опомнись — я ведь твой
спаситель!
Я твой заступник, твой
учитель!
Так где же выполнение сделки?

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Нет, меня с моей тарелки
Он кормит! До чего дошел

Я! Чтоб меня учил козел
Блудливый, чтобы надо мной
Глумился он!

П а с т у х
Бе!

П а т е л е н

Боже мой!

А, впрочем, все теперь
понятно,
Ты пошутил! Очень приятно!
Пойдем поужинаем вместе!

П а с т у х
Бе!

П а т е л е н

Он трижды прав, клянусь
я честью!
Что делать! Яйца учат кур.

Я самый хитрый бедокур,
Пройдоха, ярмарочный плут,
Что обманул бы страшный суд,
Я над сутягами сутяга,
И вдруг — такая передряга!
Последний шут меня дурачит!
Ты знаешь ли, что это значит?
Сюда! Эй, стража городская!

П а с т у х

Бе!

П а т е л е н

Повешен буду пускай я,
Если сержант не заберет
Тебя, в тюрьму не отведет,
И там тебя сгноят, схоронят!

П а с т у х (убегая).

Сначала пусть меня догонят!

ЛИРИКА XIV—XV ВВ.

Основными жанрами французской лирики XIV—XV вв. являются строгие по своему строению:

б а л л а д а — стихотворение из трех строф с последующим более коротким посланием (epou), написанных на три рифмы с обязательным рефреном; число стихов в строфе должно совпадать с числом слогов в строке (8—10);

р о н д е л ь (или рондо) — строфическое стихотворение с обязательным повторением первого стиха в середине и в конце и с ограниченным количеством рифм (2—3);

в и р е л ь — строфическое стихотворение, начинающееся заключительными стихами своих строф. У поэтов XIV в. эти жанры иногда встречаются в более свободной форме.

Наряду с этим особое развитие получают большие по размерам произведения лирико-дидактического характера, таковы: с к а з (dit), ж а л о б а (complainte), з а в е щ а н и е (testament).

Э. Дешан

Эташ Дешан (Eustache Deschamps, 1340—1406) — горожанин, занимавший видные должности (королевский курьер, судейский чиновник), один из наиболее плодотворных поэтов своего времени; ему принадлежит около 1100 баллад, около 200 ронделей, много мелких пьес, два больших дидактико-аллегорических произведения — «Видение Льва» и «Зерцало брака» — и первый французский трактат по поэтике (1392).

Э. Дешан преподносит королю Карлу VI книгу своих стихов.
Миниатюра из рукописи конца XIV в.

Э. Дешан принадлежит к той группе поэтов-горожан XIV в. (Машо, Фруассар, Христина Пизанская, Ален Шартье и др.), которые подвизались при различных влиятельных дворах, внося в придворную поэзию привычки и вкусы, характерные для выходцев из третьего сословия. Эти поэты заметно расширили тематический диапазон французской средневековой лирики.

Не ограничиваясь (подобно более ранним куртуазным поэтам) узким кругом любовных переживаний, они наполняли свою поэзию дидактическими, сатирическими или религиозными мотивами. Они охотно откликались на злобу дня (например, стихи Христианы Пизанской, посвященные победам Жанны Д'Арк), тяготели к реалистическим бытовым зарисовкам, обличали социальные язвы своего времени (см. приводимую балладу Дешана). Вместе с тем названные поэты стремились облечь свои произведения в очень стеснительную стихотворную форму. Чем более затейливой была эта форма, тем выше ее ставили поэты XIV в., усматривая в ней образец поэтического мастерства (ср. Поэтику Дешана). Для последователей Гильома де Машо поэзия была родной сестрой риторики. Они даже называли поэзию "второй риторикой", полагая, что у нее так же, как у риторики, есть свои правила и законы, которым обязан учиться поэт, если он хочет стать мастером своего дела.

Так, формалистические традиции куртуазной поэзии своеобразно сочетались с практицизмом и рассудочностью, характерными для мировоззрения и творчества поэтов-горожан позднего средневековья.

БАЛЛАДА

В полях, где воздуха отрада,
Вдвоем с мечтою мы бродили.
Вдруг вижу: некая ограда;
Скотинку звери там теснили;

Медведи, волки в страшной силе,
Лисицы с хитростью, все там
У бедного скота просили:
«Ну, денег нам, ну, денег нам!»

Овца сказала: «Дать бы рада,
 Но уж описывать ходили
 Меня не раз». И тут из стада
 Колена бык и конь склонили,
 Телушки телом затрусили,
 Мычат коровы к господам,
 Но те себе не изменили:
 «Ну, денег нам, ну, денег нам!»
 Оброки собирать как надо,
 Где этих бестий научили?
 Грозились звери: вокруг без лада
 Бедняжки робко голосили.
 Сказала козочка: «Скосили
 Мой корм чужие по лугам.
 О, если б вы оброк простили!»
 «Ну, денег нам, ну, денег нам!»
 «Еще не вырыла я клада,—

Сказала свинка.— Прокормили
 Едва детей; уж и не рада,
 Что в этот год мы поросили».
 В ответ ей волк: «Где б мы ни
 были,
 Не жить в богатстве там скотам;
 А жалость... это мы забыли,
 Ну, денег нам, ну, денег нам!»
Послание
 Что за видение-шарада?..
 И вдруг разгадку получили
 Мои сомнения. Из сада
 Слова мне феи объяснили.
 Они сказали: «Приходили
 К двору нередко звери,— там,
 Не мудрено, что затвердили:
 Ну, денег нам, ну, денег нам!»

ВИРЕЛЭ

Ни друга, ни подруги нет.
 На слово доброе в ответ
 Давно не слышу добрых слов,
 И всяк угрюм, и всяк суров,
 И всюду ожиданье бед.
 И всяк теперь душою сед
 Уже на раннем утре лет.
 И нет ни песен, ни пиров;
 Подставить ногу всяк готов,
 Наносят все без дальних слов
 Друг другу зло, другу другу вред.
 Любовь, и честь, и правды свет
 Погибли в суете сует:
 Не безопасен каждый кров;
 Ждут без заслуг себе даров.

Добра не вижу и примет.
 Ни друга, ни подруги нет.
 И вот, предвижу я, поэт,
 Наш век пройдет, как темный
 бред,—
 Нам жить без праведных умов.
 В тряпье мудрец теперь одет,
 А напоен и обогрет
 Лъстец, иль злодей, иль суеслов.
 Надежды юной гибнет цвет.
 Нет светлых разума побед.
 Мир ослабел, мир нездоров,
 И мы стремимся в некий ров,
 А время замечает след.
 Ни друга, ни подруги нет.

Карл Орлеанский

Карл Орлеанский (1390—1465) — один из крупнейших феодалов Франции — в битве при Азинкуре попал в плен к англичанам и провел 25 лет в заключении. Преимущественно на этот период падает его лирическое творчество, давшее значительное количество произведений.

Карл Орлеанский связан с «риторической» школой. Только поэзия его ограничена узким кругом чисто личных переживаний, среди которых любовь, как некогда у трубадуров, занимает господствующее место. Зато в качестве лирического поэта Карл Орлеанский превосходит многих французских стихотворцев XIV—XV вв. Его лучшие произведения, хотя и заключены в сложную поэтическую форму, отличаются большой задушевностью и неподдельным изяществом.

ПЕСНЯ

Во сне, в мечтах вас вижу я	Все прелести соединя,
День и ночь пред собой так ясно,	Вы — совершенство, друг
Но желаньем томлюсь	прекрасный!
напрасно —	Во сне, в мечтах вас вижу я
Ведь вы далеко от меня!	День и ночь пред собой так ясно.

Изнемогая и любя,
Я думаю о вас всечасно.
Клянусь, люблю всем сердцем страстным
Вас одну, госпожа моя!
Во сне, в мечтах вас вижу я.

РОНДО

Проси огня, огня зимой,	Не плут я, не игрок лихой,
Питья, питья ты требуй летом.	Послушай доброго совета:
Не забываем мы об этом,	Проси огня, огня зимой,
Куда бы ни пришли с тобой.	Питья, питья ты требуй летом.

Приятно зимнею порой
Горячим, вкусным пообедать,
В жару — прохладный плод отведать, —
Нам дал сам бог приказ такой!
Проси огня, огня зимой.

РОНДО

Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей.
Как парча, на природе всей
Солнца радостное сиянье.

Всюду жизнь, везде ликование —
Щебет птиц и крики зверей.
Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей.

Струй серебряных трепетанье
И река течет, и ручей,
В каждой капле — отблеск лучей,
Полон снова мир обаянья!
Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей.

БАЛЛАДА

На берегу морском близ Дувра стоя,
Я к Франции свой жадный взор стремил.
Я вспомнил, сколько счастья и покоя
Там некогда мне каждый день сулил.
И вздохи удержать не стало сил:
Я чувствовал — всем сердцем я люблю
Мою отчизну, Францию мою!

Нет, сердце вздохами томить не стоит —
Подумал я и про себя решил:
Ведь к миру путь, что все блага откроет,
Уж начат, я на этот путь вступил...
И в этой мысли я отраду пил.
Твердило сердце — о, как я люблю
Мою отчизну, Францию мою!

И вот корабль Надежды мной построен,
В него я все желанья погрузил,
Послал его туда, за море злое,
Плыть к берегам родным его просил.
Скорее мир даруй нам, боже, сил!
И да увижу вновь ту, что люблю —
Мою отчизну, Францию мою!

Мир — самый ценный дар и есть, и был.
Война мне враг, войну я не хвалил:
Мешала видеть ту, что я люблю —
Мою отчизну, Францию мою!

РОНДО

Вы, Старость, мне обузой стали,
Вконец измучили меня.
Отныне, видно, жизнь моя —
Лишь гнев да скорби и печали.

Хочу, чтобы вы твердо знали:
Любить вас не намерен я!
Вы, Старость, мне обузой стали,
Вконец измучили меня.

Вы Молодость мою прогнали!
Живу я, дни свои кляня.
Могу ли, правды не тая,
Вас, мать всех зол, хвалить? —
Едва ли.
Вы, Старость, мне обузой стали.

Вийон

Франсуа Монкорбье, по прозвищу Вийон (Villon) — наиболее самобытный и талантливый французский поэт позднего средневековья. Родился в 1431 г. в бедной семье, много испытал на своем веку. Еще будучи парижским школяром, Вийон во время драки убил ударом кинжала одного священника (1455). Вскоре его арестовывают за кражу. Он бежит из Парижа. С этого времени начинается его скитальческая жизнь. В 1457 г. он на краткий срок появляется при дворе Карла Орлеанского, где, между прочим, принимает участие в поэтическом состязании, устроенном владельцем замка. В дальнейшем Вийон сближается с ватагой бродяг и грабителей, не раз попадает в тюрьму, приговаривается к смертной казни. После 1463 г. его след теряется.

Творчество Вийона с большой поэтической силой отразило кризис традиционного средневекового мировоззрения. Оно отразило также глубокие социальные противоречия, раздиравшие Францию, которая только что вышла из опустошительной Столетней войны с Англией (1337—1453), осложненной крестьянскими и городскими восстаниями. Нищета широких народных слоев, голод и эпидемии сопровождали зарю нового времени. Продолжала бесчинствовать феодальная знать. Рушилась вековая мораль. Бродяжничество и разбой стали повседневным явлением.

Поэзия Вийона впитала в себя горечь тогдашней французской жизни. Она вся основана на резких диссонансах. Из царства аристократической куртуазии мы переносимся в шумный мир, наполненный терпкими запахами городской жизни, плебейским задором, гононом улиц и разгулом кабака. Вийон разрушает традиционное благолепие куртуазной поэзии. Он с беспощадным реализмом показывает изнанку жизни, ее закоулки и мрачные углы. Нередко лиризм его окрашен в трагические тона. Многие стихотворения Вийона — это вопль человека, истерзанного превратностями судьбы и всяческими злоключениями. Вийон любит говорить о власти смерти, о бренности и быстротечности всего земного. В поисках утешения обращается он к мадонне. Однако менее всего Вийон был аскетом и праведником. Он не отвергает греховного мира и его соблазнов. Его влекут женская любовь, сытная пища и пьянящее вино. При этом его любовные порывы весьма далеки от

платонических воздыханий куртуазных поэтов. Его любовь такая же бурная и неумная, как и вся его жизнь. Да и среда Вийона совсем иная. Его прекрасные дамы — это дебелие трактирщицы и красотки притонов. Подчас Вийон, прикрываясь личиной скомороха, глумится над собой и над миром, но за гротескным сарказмом злополучного школяра все же таится мечта о простом человеческом счастье.

Вийоном написаны: «Малое завещание» («Lais», 1456), «Большое завещание» («Testament», 1461) и ряд отдельных баллад, в том числе несколько баллад на воровском жаргоне. Глубокий лиризм Вийона, поиски им новых художественных путей делают его предшественником поэтов эпохи Возрождения. В XVI в. творения Вийона высоко ценил великий французский гуманист Ф. Рабле.

ИЗ «БОЛЬШОГО ЗАВЕЩАНИЯ»

XXX

Из тех, кто жив, одни в чинах —
Мошна туга и чести много,
Другие — в продранных штанах
Объедков просят у порога,
А третьи прославляют бога,
Под рясами жирок тая,
И во Христе живут не строго, —
Судьба у каждого своя.

XXXI

Ты знатным дал, господь, немало:
Живут в достатке и в тиши,
Им жаловаться не пристало —
Все есть, живи да не греши!
У бедных же — одни шиши.
О господи, помягче с нами!
Над теми строгий суд верши,
Кого ты наделил харчами.

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архилла^а где? Таида^б с ней,

^а В подлиннике — *Архипиада*, возможно, искаженное имя *Алкивиада*, которого наш школяр принял за женщину.

^б *Таида* (Таис) — христианская святая, покаявшаяся куртизанка, легенда о которой пользовалась большой популярностью в средние века.

Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил когда-то тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Элоиза^a, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где ты, царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта?^b — чей
Призыв был крепче клятвы лэнной?
Где Жанна^c, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

Послание

О государь! с тоской смиренной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

XXVI

Затем я тело завещаю
Праматери, земле сырой.
Червям пожива небольшая —
Я съеден голодом живой!

^a Элоиза — монахиня, трагическая любовь которой к Пьеру Абеляру, знаменитому проповеднику и мыслителю, привлекала внимание поэтов.

^b Героини сказаний и поэтических произведений.

^c Жанна — Иоанна д'Арк, героиня Столетней войны, сожженная англичанами в Руане.

Легко расстанусь я с душой,
Из глины сделан, стану глиной;
Кто сыт по горло нищетой,
Тот не стремится к жизни длинной.

CXLVII

Затем мой дар слепцам Парижа,
Мне прочим нечего подать,
Но парижан я не обижу, —
Так вот, чтоб легче разобрать
Могли на кладбище, где тать,
А где святой гниет в гробу,
Слепым прошу я передать
Мои очки — носить на лбу.

CXLVIII

Я не шучу, помилуй боже!
Их распознать — не легкий труд.
При жизни спят на мягком ложе
Одни, другие пьют и жрут,
А третьи пляшут и поют, —
Но всех уравнивает тленье,
И кто, и где тут — разберут
Лишь по грехам в день воскресенья.

CXLIX

Я вижу черепов оскалы,
Скелетов груды... Боже мой,
Кто были вы? Писцы? Фискалы?
Торговцы с толстою мошной?
Корзинщики? Передо мной
Тела, истлевшие в могилах...
Где мэтр, а где школяр простой,
Я различить уже не в силах.

CL

Здесь те, кто всем повелевал,
Король, епископ и барон,

И те, кто головы склонял, —
Все равны после похорон!
Вокруг меня со всех сторон
Лежат вповалку, как попало,
И нет у королей корон:
Здесь нет господ, и слуг не стало.

CLI

Да вознесутся к небесам
Их души! А тела их сгнили,
Тела сеньоров, знатных дам,
Что сладко ели, вина пили,
Одежды пышные носили,
В шелках, в мехах лелея плоть...
Но что осталось? Горстка пыли.
Да не осудит их господь!

CLII

Сей скорбный дар — для мертвецов,
Чтоб рыцарь и скупой монах,
Владельцы замков и дворцов
Узнали, как, живым на страх,
Свирепый ветер сушит прах
И моет кости дождь унылый
Тех, кто не сгинул на кострах, —
Прости их, боже, и помилуй!

CLXIV

Пусть над могилою моею,
Уже разверстой предо мной,
Напишут надпись пожирнее
Тем, что найдется под рукой,
Хотя бы копотью простой
Иль чем-нибудь в таком же роде,
Чтоб каждый, крест увидев мой,
О добром вспомнил сумасброде.

CLXV

ЭПИТАФИЯ

Здесь крепко спит в земле сырой,
Стрелой Амура поражен,
Школяр, измученный судьбой,
Чье имя — Франсуа Вийон.
Своим друзьям оставил он
Все, что имел на этом свете.
Пусть те, кто был хоть раз влюблен,
Над ним читают строки эти.

РОНДО

Да внидет в рай его душа!
Он столько горя перенес,
Безбров, безус и безволос,
Голее камня-голыша,
Не накопил он ни гроша
И умер, как бездомный пес...
Да внидет в рай его душа!
Порой на господу греша,
Взывал он: «Где же ты, Христос?»
Пинки под зад, тычки под нос
Всю жизнь, а счастья — ни шиша!
Да внидет в рай его душа!

БАЛЛАДА ПРИМЕТ

Я знаю, кто по-щегоольски одет,
Я знаю, весел кто и кто не в духе,
Я знаю тьму кромешную и свет,
Я знаю — у монаха крест на брюхе,
Я знаю, как трезвонят завирухи,
Я знаю, врут они, в трубу трубя,
Я знаю, свахи кто, кто повитухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю летопись далеких лет,
Я знаю, сколько крох в сухой краюхе,
Я знаю, что у принца на обед,
Я знаю — богачи в тепле и в сухе,
Я знаю, что они бывают глухи,

Я знаю — нет им дела до тебя,
Я знаю все затрешины, все плюхи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, кто работает, кто нет,
Я знаю, как румянятся старухи,
Я знаю много всяческих примет,
Я знаю, как смеются потаскухи,
Я знаю, проведут тебя простухи,
Я знаю — пропадешь с такой, любя,
Я знаю — пропадают с голодухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

БАЛЛАДА

поэтического состязания в Блуа'

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не вижу я, кто бродит под окном,
Но звезды в небе ясно различаю.
Я ночью бодр и засыпаю днем.
Я по земле с опаскою ступаю.
Не вехам, а туману доверяю.
Глухой меня услышит и поймет.
И для меня полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

БАЛЛАДА — ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ²

Ответьте горю моему,
Моей тоске, моей тревоге.
Взгляните: я не на дому,
Не в кабаке, не на дороге
И не в гостях, я здесь — в остроге.
Ответьте, баловни побед,
Танцор, искусник и поэт,
Ловкач лихой, фигляр хваленый,
Нарядных дам блестящий цвет,
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Не спрашивайте почему,
К нему не будьте слишком строги,
Сума кому, тюрьма кому,
Кому роскошные чертоги.
Он здесь валяется, убогий,
Постится, будто дал обет,
Не бок бараний на обед,
Одна вода да хлеб соленый,
И сена на подстилку нет.
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Скорей сюда, в его тюрьму!
Он умоляет о подмоге,
Вы не подвластны никому,
Вы господа себе и боги.
Смотрите — вытянул он ноги,
В лохмотья жалкие одет.
Умрет — вздохнете вы в ответ
И вспомните про время оно,
Но здесь, средь нищеты и бед,
Оставьте ль вы здесь Вийона?

Живей, друзья минувших лет!
Пусть свиньи вам дадут совет:
Ведь, слыша поросенка стоны,
Они за ним бегут вослед.
Оставьте ль вы здесь Вийона?

**ЧЕТВЕРОСТИШИЕ,
КОТОРОЕ НАПИСАЛ ВИЙОН,
ПРИГОВОРЕННЫЙ К ПОВЕШЕНИЮ**

Я — Франсуа, чему не рад.
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Немецкая литература

ЗАКЛИНАНИЯ

Приводимые ниже два заклинания записаны в X в. в одной рукописи богословских сочинений, принадлежавшей капитулу Мерзебургского собора. Сложены эти заклинания древним аллитерирующим ударным стихом: первое является заговором на удачное освобождение из плена, второе — на излечение от вывиха.

В одной трирской рукописи примерно в это же время записан христианизированный вариант второго заклинания, где Водан^а и Бальдер^б заменены Иисусом Христом и св. Стефаном. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, в основе заговора лежит латинское заклинание, возникшее в христианской среде и видоизмененное лишь при переходе к германцам.

ПЕРВОЕ МЕРЗЕБУРГСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Древле сели девы^с семо и овамо^д.
Эти путы путали, те полки пятили,
Третьи перетерли твердые оковы.
Верви низвергни, вражых пут избегни.

ВТОРОЕ МЕРЗЕБУРГСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Пфол^е и Водан выехали в рощу.
Тут Бальдеров жеребчик вывихнул бабку.
Заклинала Синтгунт с Сунною-сестрицей^г;
Заклинала Фрия^в с Фоллою-сестрицей^ж
Заклинал и Водан; заговор он ведал

^а Водан (Вотан) — старший среди богов, бог бури и битвы, соответствует скандинавскому Одину.

^б Бальдер — бог весны, соответствует скандинавскому Бальдру.

^с Девы, по мнению некоторых исследователей, — валькирии, так как «пять полков» (передвигать войска) свойственно именно этим женским божествам германского пантеона.

^д Здесь и там.

^е Пфол — одно из имен Бальдера.

^г Синтгунт — богиня, сестра Сунны, богини солнца.

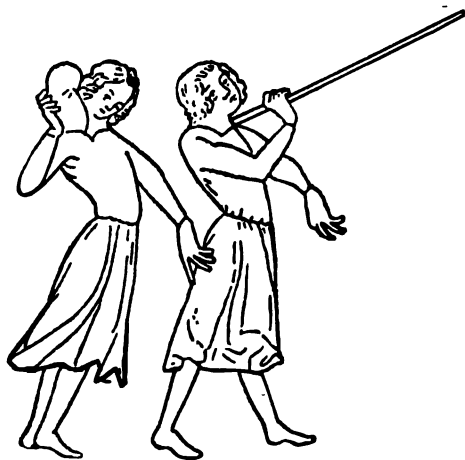
^в Фрия — богиня домашнего очага, соответствует скандинавской Фригг.

^ж Фолла — в скандинавских источниках служанка Фригг.

От полома кости, от потока крови, от вывиха членов.
Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью,
К суставу сустав, как слепленный, пристань.

ПЕСНЬ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ

«Песнь о Хильдебранде» — древнейшее произведение германской героической поэзии, единственный памятник немецкого эпоса в песенной форме. Героическое содержание древнегерманской поэзии, порожденной эпохой язычества, послужило причиной преследования ее со стороны католической церкви. В результате от богатого песенного творчества южных германских племен, образовавших позже немецкую нацию, сохранился лишь фрагмент «Песни о Хильдебранде», случайно уцелевший на страницах обложки трактата богословского содержания. Рукопись найдена в Фульде, она относится к началу IX в. и представляет собой копию более древнего оригинала, выполненную двумя не весьма искусными переписчиками. События «Песни о Хильдебранде», как и всего немецкого эпоса, относятся к бурной эпохе «великого переселения народов», когда германские племена вторглись в Италию и основали на обломках рухнувшей Римской империи свои первые варварские королевства. Историческая основа «Песни о Хильдебранде» — борьба основателя остготского государства в Италии Теодориха Великого (ок. 452—526 гг.), которого немецкий эпос воспеваеt под именем Дитриха Бернского, с Одоакром, низложившим в 476 г. последнего западноримского императора. Упоминающийся в песне властитель гуннов — Атила, их знаменитый предводитель (с 433 по 453 г.). В «Песни о Хильдебранде» искажены отношения между историческими персонажами и нарушена хронология, но произведение хранит дух той грозной эпохи. По «Песни о Хильдебранде» Отакр (Одоакр) изгоняет Дитриха. Вместе с Дитрихом уходит в изгнание предводитель его дружины Хильдебранд, покидая на родине жену и маленького сына. Они отправляются на восток и попадают к гуннам, поступая на службу к Атиле. Такова предыстория событий, изображаемых в «Песни о Хильдебранде». Через 30 лет, проведенных на чужбине, Хильдебранд, богато награжденный властителем гуннов, появляется вновь у границ отечества, чтобы с помощью войска гуннов прогнать Одоакра и вернуть Дитриху его владения. По обычаю, сражению между войсками предшествует единоборство их лучших воинов. Так встречаются на поединке Хильдебранд и Хадубранд, бойцы враждебных ратей. Задав по старшинству первым вопрос о роде-племени, Хильдебранд узнает из ответа противника, что перед ним собственный сын. Тема битвы отца с сыном — широко распространенный у различных народов эпический сюжет. Своеобразие его разработки в «Песни о Хильдебранде» состоит в обострении драматизма ситуации. Трагична судьба Хадубранда, не узнавшего отца и не поверившего ему. Еще трагичнее фигура старого Хильдебранда, вынужденного сражаться с людьми своего народа. Ре-

Упражнения в бросании камня и метании дрота. Из мюнхенской рукописи «Романа о Тристане».

шаясь на смертельный поединок с сыном, Хильдебранд должен порвать узы кровного родства. Он остается верен Дитриху, с которым его связывают обязанности приближенного.

Таким образом, в «Песни о Хильдебранде» первый закон зарождающихся феодальных отношений — закон верности князю — вступает в резкий конфликт с моральными нормами общества, основанного на кровнородственных связях. Утверждая победу новой морали и показывая в то же время, в каком глубоком противоречии с человеческими чувствами находятся ее требования, «Песнь о Хильдебранде» отражает перспективу общественного развития в восприятии народных масс.

Эпический сюжет «Песни о Хильдебранде», образы героев, фаталистическая концепция судьбы, эпические мотивы и вся система художественных средств (традиционный зачин, богатство синонимии, умеренное применение вариации, лаконизм языка, стремительное развитие сюжетного действия, подвижного речами героев, преобладание диалогической формы над повествовательной, аллитерационный стих) делают «Песнь о Хильдебранде» образцом древнегерманской героической песни^а.

Я вести внимал, что поведала,
как витязи кликали клич:
на бой, в поединке сразиться,
вызывали друг друга они —
то Хильдебранд с Хадубрандом
меж войск повстречались своих.
Сын и отец осмотрели
доспехи свои, на чреслах
по кольцам кольчуги крепили
на поясе крепком мечи.
Снаряжались к сраженью герои,
пред полки поскакали они.
Хильдебранд речь повел первым,
старше годами и опытом мудр,
юношу он вопрошал:
«Какого ты племени роду,
кличешь отцом ты кого?
Среди соплеменников славны
родичи, чаю, твои.
Имя одно назови мне,
скажу остальные я сам:
мне ведом народ сей, дитя».
Хадубранд речь повел, сын Хильдебранда:
«Мне мудрые старцы поведали,
что давние помнят дела:
Хильдебранд звался отец мой,
Хадубранд я зовусь.

^а Вступ. статья и коммент. Т. Сулиной.

Отправился он на Восток,
гнева Отахра бежал,
с Дитрихом и с дружиной.
В отечестве он покинул
жену и младенца-сына,
наследья лишенных^а, и прочь
к восточной земле устремился.
Нуждался в нем Дитрих древле,
бедный друзьями изгнанник,
к Отарху он гневом пылал.
Дитриха воин любимый
в битву водил дружину,
в сече всегда был первым,
славен меж храбрых мужей».
Хильдебранд молвил тут, сын Херибранда:
«Бог в небе свидетель, доселе
тебя не сводила судьба
с родичем, юноша, кровным,
более близким тебе».
Тут Хильдебранд снял с руки
ковки отменной запястье,
дар золотой, что пожаловал
гуннов властитель ему:
«Прими в знак приязни его».
Хадубранд молвил тут, сын Хильдебранда:
«Копьем, острием к острию,
воин приемлет награду^б.
Старый гунн, твои речи лукавы,
копье твое смертью грозит.
Оттого до седин ты дожил,
что к обману и лести привык^с.
Люди бывалые весть
мне привезли из-за моря:
Хильдебранд в битве пал,
мертв Херибранда сын!
По кольчуге сверкающей вижу;
одеянье богато твое,

^а По германским обычаям того времени, у беглеца отнимались его владения и все его достояние.

^б Такой воинский обычай действительно существовал: традиционный дар — золотое подносился и принимался на острие копья.
^с Хильдебранд опасается коварной уловки: когда он спешится и протянет руку за подарком, Хадубранд пронзит его своим копьем.

знать, хорошего князя ты воин
и изгнанником вряд ли слывешь».
Хильдебранд молвил тут, сын Херибранда:
«Боже всесильный, поистине злая
ныне вершится судьба:
тридцать лет я в земле
чуждедальней скитался,
бился в первых рядах
и метал я копье
с той поры, как дружинником стал,
но у стен крепостных не единожды
не был в битве кровавой сражен.
Ну, а ныне родимое чадо
пронзит мне кольчугу железом,
изрубит меня секирой,
или сам его стану убийцей.
Ты же сможешь, однако,
коль силы достало,
старца доспехи добыть,
павшего панцирь получишь,
коли право свое утвердишь»^a.

.
«Тот презреннейший трус
из восточных земель,
кто от битвы теперь уклонится»^b.
«Не избежать сраженья,
что любо тебе.
Испытаем, который из нас
похвалиться добычею сможет,
снимет латы и поле покинет,
оружьем двоих нагружен».
Прежде дротики с силой метнули,
те вонзились, застряли в щитах.
Тут сошлись, зазвенело железо.
Вот щиты их изрублены светлые
и сломлено древко копья...

^a Оружие, доспехи, конь и драгоценности побежденного были законной добычей победителя.

^b По свидетельствам хронистов, подобное оскорбление неминуемо влекло за собой поединок или выплату денежной компенсации. Это правило внесено в свод законов короля лангобардов Ротара (эдикт 643).

ПЕСНЬ О ЛЮДВИГЕ

«Песнь о Людвиге» (рукопись IX в.) написана рифмованным стихом (причем рифмуется конец первого и второго полустишия длинной строки) на рейнско-франкском диалекте по случаю победы Людовика III над норманнами 3 августа 881 г. Она представляет собой сплав духовного стиха эпической песни, будучи создана в стиле фольклорной традиции, по образцу не сохранившихся хвалебных песен, о которых до нас дошли лишь исторические и литературные свидетельства.

«Песнь о Людвиге» написана по горячим следам исторического события: воздавая хвалу Людвигу, автор желает ему многие лета, в то время как уже через год после битвы при Сокуре молодой король умер, по всей вероятности, от ран, полученных в сражении. Нашествие норманнов, о котором идет речь в «Песни», было обычным набегом викингов, а сражение — основная ее тема — небольшим столкновением, победа в котором не положила конца пиратским походам скандинавов в прибрежные области Германии. Став темой «Песни», битва при Сокуре изображается гиперболизированно, средствами эпической стилизации. Это жаркая схватка, в которой франки проявляют отменную храбрость, боевое воодушевление и другие воинские доблести. На их стороне бог, он помогает франкам одержать победу над язычниками. Художественная функция придания Людвигу черт христианина состоит в создании героической идеализации. Отсутствие трагической коллизии в песне приводит к исчезновению драматизма повествования, что отражается на композиции произведения: резко уменьшается доля диалога по сравнению с героической песнью. Трагический драматизм поэзии периода крушения родового строя («Песнь о Хильдебранде») сменился историческим оптимизмом побеждавшей государственности в «Песни о Людвиге». Вместо концентрации драматической напряженности «Песни о Хильдебранде» всей системой композиционных и стилистических средств, структурой фразы «Песни о Людвиге» достигается настроение победной бодрости, впечатление ясной четкости, легкости. Немало способствует мажорному звучанию песни замена аллитерационного стиха конечной рифмой*.

Короля довелось мне знать,
которого Людвигом звать.

В служенье он богу усерден,
за то к нему бог милосерден.

Сиротой во младенчестве был,
отца ему бог заменил.

Господь за лишенья воздал
и отрока сам воспитал.

Дружину дал Людвигу он,
у франков он дал ему трон.

Продлится пусть многие лета
правление славное это!

С Карлеманом тотчас поделил
он все, чем господь одарил.

Несть благам числа, что они
с братом вкушали в те дни.

Конец ему вскоре настал:
господь испытать пожелал,

Сможет ли бремя невзгоды
снести он в столь юные годы.

Послал он язычников рать,
франков народ покарать,

Коль франки погрязли в грехах,
забыли пред господом страх.

* Вступ. статья Т. Сулиной.

Кто душу свою загубил,
теперь о спасенье молил.

Кто в мире несправедно жил,
тот кару теперь заслужил.

Распутничал в жизни земной,
был вор и насильник иной.

Но ныне раскаялся тать,
на всех снизошла благодать.

Вдали и король, и дружина,
лишилась страна господина.

Прогневался бог, и тогда
пришла к ним лихая беда.

Но бог их страданья узрел,
и Людвигу он повелел

В отчизну немедля скакать,
от недруга землю спасать:

«Король мой, послушай меня!
Седлай сей же час ты коня!

Ты людям моим помоги:
теснят их норманны-враги».

Ответствует Людвиг ему:
«Так быть же, господь, посему!

Исполню, что ты повелел,
коль жив я останусь и цел».

И Людвиг послушен был богу,
к франкам избрал он дорогу.

Он знамя берет боевое,
готовится с ворогом к бою.

Хвалу они богу воздали,
когда короля увидали.

Вскричали тут все, как один:
«Нужда нам в тебе, господин!»

Тут добрый король им сказал:
«Конец вашим бедам настал.

Утешьтесь, соратники, други!
Минуют все ваши недуги.

Все горести ведомы богу,
меня он послал на подмогу,

И если на то ваша воля,
чтоб бился на бранном я поле,

Чтоб я живота не щадил,
от врага вас защитил,

Последуйте все вы за мной,
как богу угодно, на бой!

Срок жизни своей не продлить,
но можно его сократить,

Наш жребий в земной нашей
доле
зависит от божеской воли.

Коль гибель в бою суждена,
ниспослана богом она.

И если кто храбро и смело
исполнит здесь божие дело,

Воротится здоров, невредим
с брани он к чадам своим

И будет еще награжден за
подвиги ратные он».

Тут меч свой подьѣмлет и щит,
вперед он отважно спешит.

Людвиг с врагом не боится
за правое дело сразиться.

И срок лишь недолгий прошел,
как Людвиг норманнов нашел.

Тут богу хвалу он воздал,
что скоро врага повстречал.

И скачет он смело вперед
и песню святую поет,

И Kyrie eleison^a едино
запела с ним вместе дружина.

Лишь песня у них отзвучала,
как битве тут было начало.

Щеки их кровью пылали —
франки со смертью играли.

Каждый геройски сражался,
но Людвиг средь всех отличался.

Бился он лихо и смело,
ратным умением владел он.

Иного разит он мечом,
иного валит он копьем.

Норманну вино подносил,
враг горькую чашу испил.

Будь славна, господняя воля!
Людвиг с победой на поле.

Слава будь днесь всем святым!
Победа осталась за ним.

Хвалу тебе, Людвиг, пою!
Удачлив король наш в бою.

Коль франкам нужда в нем
придет,
готов защитит он народ.

Храни своей милостью, боже,
за это

Нам Людвига славного многие
лета!

ВЕССОБРУНСКАЯ МОЛИТВА

«Вессобрунская молитва» (рукопись последней трети VIII в. или начала IX в.) обращает на себя внимание сходством с эддической песней мифологического цикла «Прорицание вёльвы», рисующей космогоническую картину: изначальное состояние мира. Духовная литература раннего средневековья приобрела своеобразные черты, отражая переосмысление христианства в духе мифологических представлений. Она представляет собой смесь христианской дидактики с элементами народной поэзии. В палитре безымянных мастеров слова есть краски, исчезнувшие в последующие столетия средневековья.

В первой части стихотворения, условно названного «Вессобрунской молитвой», перечисляются части окружающего мира, притом традиционные для языческого культа (земля и небо, солнце, луна и звезды), а также картины родной природы: лес, горы и прекрасное море. Здесь царит настроение радости познания и восприятия зримого мира. Вводная формула представляет собой традиционный эпический зачин. Не из церковных

^a *Kyrie eleyson* — Господи помилуй! (греч.).

книг узнал безымянный автор «Вессобрункой молитвы» древнюю историю земли, ему поведали это мудрые люди.

Всей своей гармонией и поэтичностью стихотворение обязано традиционным художественным приемам народной поэзии*.

Весть мне поведали люди,
дивную мудрость великую:
что не было древле земли,
ни выси небесной, ни древа,
ни гор, ни звезды,
велелепного моря,
и солнце еще не сияло,
луна не светила допреж...

Когда было ничто
без конца и без краю,
был лишь только
господь всемогущий.
И с господом вкупе
ангелы славные
встарь пребывали.
И бог наш святой...

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

«Песнь о Нибелунгах» (около 1200 г.) — крупнейший памятник немецкого народного героического эпоса. Сохранившиеся 33 рукописи представляют текст в трех редакциях: «А» — самой сжатой, «В» и «С» — самой распространенной. Это расхождение редакций вызвало в свое время спор между исследователями о наиболее древней редакции. Известный немецкий филолог К. Лахман (1793—1851) отстаивал наибольшую достоверность «А». Новейшие исследователи высказались за наибольшую близость «В» к прототипу. С редакции «В» сделан и русский перевод.

В основе «Песни о Нибелунгах» лежат древние германские сказания, восходящие к событиям периода Варварских нашествий.

Исторической основой поэмы является гибель Бургундского царства, разрушенного в 437 г. гуннами. В поэме, сложившейся около 1200 г., эти события получают новое осмысление, да и весь бытовой колорит «Песни» в гораздо большей мере связан с феодально-рыцарской Германией XII в., чем с жизнью варварских племен V в. Рыцарские обычаи, как это изображается в поэме, царят при дворе бургундских королей. В облике юного рыцаря выступает храбрый и великодушный Зигфрид, полюбивший прекрасную Кримхильду по слухам о ее красоте. Поэт не упускает случая сообщить о пышных рыцарских празднествах и забавах, о рыцарском придворном вежестве, о роскошных нарядах дам и т. п.

При всем том блестящие картины рыцарского быта — это только внешняя сторона «Песни». Под этой блестящей оболочкой таятся события, исполненные глубокого трагизма. Трагична судьба «молодого героя» Зигфрида, который становится жертвой подлого предательства. Трагична судьба Кримхильды, счастье которой грубо разрушают Гунтер, Брюнхильда и Хаген. Трагична судьба бургундских королей, погибающих на чужбине, а также ряда других персонажей поэмы. Цепь кровавых событий начинается с гибели Зиг-

* Вступит. статья Е. Сулиной.

фрида, который падает жертвой феодального самоуправства, не брезгающего никакими средствами. Характерно, что подлое убийство совершает Хаген фон Тронье — преданный вассал бургундских королей, не преследующий в данном случае никаких личных целей. Он только выполняет долг вассала. В «Песни о Нибелунгах» мы находим правдивую картину злодеяний феодального мира, предстающего перед читателем как некое мрачное разрушительное начало, а также осуждение этих столь обычных для феодализма злодеяний. И в этом прежде всего проявляется народность немецкой поэмы, тесно связанной с традициями немецкого былевого эпоса. В поэме выступает ряд персонажей (Хаген, Дитрих Бернский, Хильдебранд, Этцель), известных нам по другим средневековым героическим поэмам.

С народным героическим эпосом связывают «Песнь о Нибелунгах» также и могучие монументальные образы, которыми так восхищался Г. Гейне. В то же время как в языке (наличие галлицизмов), так и в поэтической форме уже сказываются веяния куртуазно-рыцарского периода. Поэма сложена не древним аллитерирующим стихом, а строфами из четырех стихов, рифмующихся попарно; каждый стих распадается на два полустихия, первое из которых всегда четырехударно со спондеическим (двухударным) исходом, второе же имеет три ударения в трех первых стихах и четыре — в четвертом. Подобная строфа встречается у ранних миннезингеров (см. ниже лирику Кюренбергера).

А в е н т ю р а I

¹ Полны чудес сказанья давно минувших дней
 Про громкие деянья былых богатырей.
 Про их пиры, забавы, несчастья и горе
 И распри их кровавые услышите вы вскоре.

² Жила в земле бургундов девица юных лет.
 Знатней ее и краше еще не видел свет.
 Звалась она Кримхильдой и так была мила,
 Что многих красота ее на гибель обрекла.

³ Любить ее всем сердцем охотно б каждый стал.
 Кто раз ее увидел, тот лишь о ней мечтал.
 Наделена высокой и чистою душой,
 Примером быть она могла для женщины любой.

⁴ Взрастала под защитой трех королей она.
 Бойцов смелей не знала бургундская страна.
 То были Гунтер, Гернот, млад Гизельхер удалый.
 Сестру от всех опасностей любовь их ограждала.

⁵ Всем взяли — и отвагой, и щедростью — они,
 И род их достославный был знатен искони.
 Владели эти братья Бургундией втроем,
 И многих гуннов Этцеля сразил их меч потом.

- ⁶ На Рейне в Вормсе жили с дружиной короли,
И верность нерушимо вассалы их блюли:
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам.
- ⁷ Была в крещение Утой их мать наречена.
Отец их Данкрат умер, и перешла страна
По праву и закону под власть его сынов.
А смолоду он тоже был грозою для врагов.
- ¹³ И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,
Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,
Но был двумя орлами заклеван перед нею.
Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее.
- ¹⁴ Про сон свой вещий Уте поведала девица,
И мать ей объяснила, какой в нем смысл таится:
«Тот сокол — славный витязь. Пусть бог хранит его,
Чтоб у тебя не отняли супруга твоего».
- ¹⁵ «Нет, матушка, не надо о муже толковать.
Хочу, любви не зная, я век провековать.
Уж лучше одинокой до самой смерти жить,
Чем, потеряв любимого, потом о нем тужить».
- ¹⁶ «Не зарекайся, дочка, — так Ута ей в ответ. —
Без милого супруга на свете счастья нет.
Познать любовь, Кримхильда, придет и твой черед,
Коль витязя пригожего господь тебе пошлет».
- ¹⁷ Сказала королевна: «Нет, госпожа моя,
Любви конец плачевный не раз видала я.
Коль платится страданьем за счастье человек,
Ни с кем себя венчанием я не свяжу вовек».
- ¹⁸ И вот, любви чуждаясь, прекрасна и юна,
Покоем наслаждаясь, жила она одна
И сердце не дарила ни одному бойцу,
Покуда витязь доблестный с ней не пошел к венцу.

- ¹⁹ То был тот самый сокол, что снился ей во сне.
И страшно отомстила она потом родне,
Кем у нее был отнят супруг и господин:
Погибли многие за то, что принял смерть один.

(О красоте Кримхильды прослышал молодой витязь — королевич нидерландский Зигфрид — и приехал ко двору Гунтера (авентюры II и III). Гунтер принимает радушно Зигфрида; прожив при дворе его год, последний принимает участие в походе против короля саксов, объявившего Гунтеру войну; IV авентюра повествует о том, «как он бился с саксами» и, одержав победу, вернулся в Вормс, где его удерживает любовь к еще не виданной им Кримхильде.)

А в е н т ю р а V

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ КРИМХИЛЬДУ

-
- ²⁷¹ В день троицын, с зарею, сошлись со всех концов
На берег Рейна толпы приезжих удалцов.
Собралось их пять тысяч иль более того,
На шумное, нарядное, честное торжество.
- ²⁷² Разумен был хозяин: давно заметил он,
Что нидерландский витязь в его сестру влюблен,
Хотя еще ни разу не видел Зигфрид той,
Что затмевала всех девиц своею красотой.
- ²⁷³ Неустрашимый Ортвин дал королю совет:
«Чтоб удался ваш праздник и было все как след,
Велите, пусть немедля пожалуют сюда
Красавицы, чьей прелестью Бургундия горда.
- ²⁷⁴ Отрады нет мужчине и скукой он томим,
Когда прекрасных женщин не видно рядом с ним.
Дозвольте и сестрице с гостями сесть за стол».
В восторг немало витязей такой совет привел.
- ²⁷⁵ Ответил славный Гунтер: «Я так и поступлю».
Признательны все были за это королю.
Он приказал, чтоб Ута и с ней сестра его,
Равно как все их женщины, пришли на торжество.
- ²⁷⁶ Подоставали дамы из скрын и кладовых
Немало пышных платьев, уборов дорогих,
Запастья, серьги, кольца понадевали все —
Пусть витязи приезжие дивятся их красе.

- ²⁷⁷ А юноши — те тоже мечтали, осмелев,
Привлечь к себе внимание бургундских знатных дев,
Которых не случилось им видеть до сих пор.
Трон отдал бы любой из них за нежный женский взор.
- ²⁷⁸ Сто родичей приставил король к сестре своей,
Чтоб стражею почетной они служили ей.
Вкруг юной королевны с мечами шли они,
Как у владык Бургундии ведется искони.
- ²⁷⁹ У то утро дочку Ута на пир сопровождала,
И следовало с нею придворных дам немало —
Сто или даже больше — в одежде дорогой.
Не меньше шло и девушек с Кримхильдой молодой.
- ²⁸⁰ Едва они успели с крыльца во двор сойти,
Как выстроились гости стеной вдоль их пути:
Любой воитель тешил себя надеждой сладкой,
Что сможет на красавицу взглянуть хотя б украдкой.
- ²⁸¹ Как луч зари багряной из мрачных облаков,
Предстала королевна пред взором смельчаков,
И все свои печали забыл мгновенно тот,
Кто по прекрасной девушке томился целый год.
- ²⁸² Камнем драгоценным наряд ее сверкал,
А лик, как роза утром, был нежен, свеж и ал.
Когда б ей повстречался хулитель самый злобный,
И тот изъяна б не нашел в красавице подобной.
- ²⁸³ Как меркнут звезды ночью в сиянии луны,
Когда она на землю взирает с вышины,
Так дева затмевала толпу своих подруг,
Не диво, что у всех мужчин забилося сердце вдруг.
- ²⁸⁴ Шла пред Кримхильдой стража, ей расчищая путь,
А витязи теснились, чтоб только как-нибудь
Увидеть ту, чья прелесть слепила все глаза.
Взор Зигфрида туманили то счастье, то слеза.
- ²⁸⁵ Он сокрушенно думал: «Напрасные мечты!
Меня своей любовью не осчастливишь ты,
А без тебя в могилу сведет меня тоска».
То в жар, то в дрожь от этих дум бросало смельчака.

- ²⁸⁶ У Зигмунда на диво пригожий сын возрос.
Казался он картиной, которую нанес
Художник на пергамент искусною рукой.
Мир не видал еще красы и статности такой.
- ²⁸⁷ Учтиво оттесняла толпу с дороги стража,
И гости расступались, не возмущаясь даже:
Такой восторг и радость в сердца бойцов лихих
Вселяла поступь чинная красавиц молодых.
- ²⁸⁸ Возвысил голос Гернот: «Мой господин и брат,
Здесь тот, кто всей душою вам услужить был рад,
И вы при всех за это должны воздать ему.
Вот мой совет, и слов своих назад я не возьму.
- ²⁸⁹ Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится.
Подобная учтивость сторицей возместится.
Такую честь впервые сестра бойцу окажет,
И нас со славным витязем навеки дружба свяжет».
- ²⁹⁰ За нидерландцем Гунтер послал своих людей,
И был отыскан ими герой в толпе гостей.
«Ступайте к государю — перед лицом двора
Сегодня вас приветствием почтит его сестра».
- ²⁹¹ Возрадовался Зигфрид, услышав эту весть.
Теперь он был не скорбью, а счастьем полон весь
При мысли, что Кримхильда с ним говорить должна.
Приветствовала дружески воителя она.
- ²⁹² Когда предстал пред нею прославленный смельчак,
Дочь Уты, вся зардевшись, ему сказала так:
«Неустрашимый Зигфрид, примите мой привет».
И духом богатырь воспрял, надеждою согрет.
- ²⁹³ Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу, и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.
- ²⁹⁴ Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой.
Но не могу поверить, что скрыть ей удалось
Любовь, которую в нее вселил отважный гость.

- ²⁹⁵ Ни ярким летним утром, ни в светлый день весенний
Не испытал воитель столь сладостных волнений,
Как в миг, когда бок о бок шел с тою наконец,
Кого с такой охотою повел бы под венец.
- ²⁹⁶ И каждый витязь думал: «Я был бы счастлив тоже
Пройтись с Кримхильдой рядом иль разделить с ней ложе».
Но в жизни не сумел бы никто среди гостей
Служить учтивей Зигфрида владычице своей.
- ²⁹⁷ Дружинники простые и гордые князья,
Все на чету смотрели, дыханье затая.
Поцеловать героя велел сестре король^а,
И тут еще счастливее стал гость, чем был дотоль.
- ²⁹⁸ Увидев это, молвил в сердцах король датчан:
«Привет Кримхильды куплен ценою многих ран —
Нанес их Зигфрид в сече мне и бойцам моим.
Не приведи нас бог опять войну затеять с ним».
- ²⁹⁹ Вновь королевне стража очистила дорогу.
Направилась Кримхильда в собор молиться богу,
А с нею и вельможи, и много знатных дам,
Но разлучен был с девушкой герой при входе в храм.
- ³⁰⁰ Торжественно и чинно за нею свита шла,
И так была Кримхильда нарядна и мила,
Что всех мужчин при виде подобной красоты
Тревожили напрасные, но сладкие мечты.
- ³⁰¹ Всю службу нетерпенье терзало удалца,
Хоть и благословлял он свой жребий без конца
За то, что благосклонность и нежность прочитал
Во взоре и пожатье той, о ком весь год мечтал.
- ³⁰² В конце обедни первым покинул церковь он
И был, дождавшись девы, к ней снова подведен.
Вот тут героя стала Кримхильда в первый раз
Благодарить за то, что он бургундов в битве спас^б.

^а Речь идет о «поцелуйном обряде» как выражении особого уважения: по указанию домовладыки дочери и жена его приветствовали поцелуем особо почетных гостей.
^б Т. е. в битве с саксами.

³⁰³ Красавица сказала: «Пусть по заслугам вам
Воздаст господь за храбрость и преданность друзьям,
А мы вас будем, Зигфрид, всегда любить душевно».
И нидерландец с нежностью взглянул на королевну.

³⁰⁴ Он пламенно воскликнул: «Слугой везде и всюду
Я вплоть до самой смерти вам, госпожа, пребуду.
Что б вы ни приказали, свершить готов и рад
Я все для той, чьи милости мне слаще всех наград».

А в е н т ю р а VI

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПОЕХАЛ В ИСЛАНДИЮ ЗА БРЮНХИЛЬДОЙ

³²⁵ Молва распространяла в прирейнских странах весть, —
А в странах тех немало девиц пригожих есть, —
Что хочет славный Гунтер обзавестись женой.
Король и впрямь любовь питал к красавице одной.

³²⁶ Царила королева на острове морском,
Была она прекрасна и телом, и лицом,
Но женщины сильнее не видел мир досель,
Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель.

³²⁷ И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.
В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
Но, проиграв хотя б одно, он головы лишился.

³²⁸ Вот так она сгубила немало удалцов.
Узнали и на Рейне о ней в конце концов.
И славный vormский витязь о деве возмечтал.
Союз их брачный роковым потом для многих стал.

³²⁹ Сказал правитель рейнский: «Я отправляюсь в путь
И счастья попытаю, а там уж будь что будь:
Иль за морем Брюнхильду добуду в жены я,
Иль скатится до времени с плеч голова моя»,

³³⁰ Возвысил голос Зигфрид: «Вам уезжать не след.
Все знают, сколь жестокий Брюнхильдой дан обет.
Нет, голову не стоит терять из-за нее,
Оставить вам разумнее намеренье свое».

- ³³¹ «Коль ехать, — молвил Хаген, — и вправду вам охота,
Просите, чтобы с вами опасность и заботы
Неустрашимый Зигфрид по дружбе разделил.
Ведь он обычаи и нрав Брюнхильды изучил»¹.
- ³³² Король воскликнул: «Зигфрид, надеюсь, ты не прочь
Отправиться со мною и в сватовстве помочь?
Коль за морем Брюнхильду добыть удастся нам,
Я за тебя — лишь пожелаю — и жизнь, и честь отдам».
- ³³³ Сын Зигмунда ответил: «Тебе помочь я рад
И от тебя за службу не попрошу наград,
Коль ты готов мне в жены отдать сестру свою.
Уже давно я к ней любовь в душе своей таю».
- ³³⁴ «Готов, — уверил Гунтер, — и в том тебе клянусь.
Коль я, добыв Брюнхильду, в Бургундию вернусь,
С Кримхильдой в брак ты вступишь, разделишь с нею ложе
И будешь жить да поживать с супругою пригожей».
- ³³⁵ Герои дали клятву, что слово соблюдут.
Их ждал в стране заморской безмерно тяжкий труд.
Немало пережили они опасных дней,
Пока с Брюнхильдой сладили и в Вормс вернулись с ней.

(Окончив сборы, бойцы сели на корабль и поплыли вниз по Рейну; при этом Зигфрид уговорил всех выдавать его за вассала Гунтера. Скоро прибыли они в прекрасный замок Брюнхильды. Неприветливо, однако, встретила Брюнхильда гостей.)

А в е н т ю р а VII

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ДОБЫЛ БРЮНХИЛЬДУ

- ⁴¹⁹ ...Теперь я, правды ради, поведаю сполна,
Что Зигфрида увидев, промолвила она:
«Приветствую вас, Зигфрид, в моем родном краю.
Зачем пожаловали вы в Исландию мою?»
- ⁴²⁰ «Передо мною первым такую речь держа,
Ко мне не по заслугам добры вы, госпожа,
Мой господин — пред вами, и вам при нем не след
К его вассалу скромному свой обращать привет.

- ⁴²¹ Он уроженец Рейна, но бросил край родной,
Чтоб за морем Брюнхильду назвать своей женой.
В намерении этом он непоколебим.
Подумайте, разумно ли вам состязаться с ним.
- ⁴²² Он Гунтером зовется, король могучий он.
Одной любовью только сюда он приведен.
Что мне еще добавить? Я здесь лишь потому,
Что в путь угодно было взять меня с собой ему».
- ⁴²³ Она в ответ: «Коль скоро ты лишь простой вассал
И господин твой вправду моей любви взалкал,
В трех состязаньях должен он победить меня,
А проиграет — вас казнят до истечения дня».
- ⁴²⁴ Владелец Тронье молвил: «Нам, госпожа, ответьте,
В чем будут заключаться три состязанья эти.
Ужель они и вправду столь трудны могут быть,
Что мой король откажется от мысли вас добыть?»
- ⁴²⁵ «Он бросить должен камень, догнать его прыжком,
Затмить меня в уменье цель поражать копьем.
С решением не спешите, — добавила она, —
Не то вас ждет бесчестие и смерть вам суждена».
- ⁴²⁶ Отвел отважный Зигфрид в сторонку короля,
Его не падать духом вполголоса моля:
«Спокойствие храните и будьте посмелей.
Ручаюсь вам, что хитростью возьму я верх над ней».
- ⁴²⁷ Сказал державный Гунтер: «На все пойти я рад.
Пусть будут состязанья труднее во сто крат,
Без колебаний жизнью я, госпожа, рискну,
Коль этою ценой могу в вас обрести жену».
- ⁴²⁸ Увидев, что на гостя ей страху не нагнать,
Брюнхильда состязанья решила начинать
И свите приказала, пусть та ей поспешит
Дать панцирь раззолоченный и добрый звонкий щит.
- ⁴²⁹ Под панцирь королевой надет подлатник был.
Ничей клинок ни разу его не прорубил.
Пошли на тот подлатник ливийские шелка,
И золотом расшила их искусная рука,

- ⁴³⁰ Смутила гордость девы гостей отважных дух.
Был Хаген нем и мрачен, взор Данкварта потух.
Что станет с государем? Как Гунтера спасти?
«Домой, — так оба думали, — нам нет уже пути».
- ⁴³¹ Меж тем на берег Зигфрид отправился тайком.
Там их корабль качался, колеблем ветерком.
Плащ-невидимку витязь из тайника достал,
Надел его и в тот же миг незрим для глаза стал.
- ⁴³² Вернувшись спешно в замок, увидел удалец,
Что все для состязанья готово наконец,
Через толпу прокрался и подошел к друзьям,
По-прежнему невидимый тем, кто собрался там.
- ⁴³³ Был круг для игр очерчен, а за его чертою
Семьсот исландцев встали железною стеною.
Звенели их доспехи, оружие блестело.
За состязаньем наблюдать им госпожа велела.
- ⁴³⁴ Вступила в круг Брюнхильда, но вооружена
Была скорей для боя, чем для игры она.
Сияло золотое, блестящее шитье
На пышном платье шелковом, надетом на нее.
- ⁴⁴⁰ Затем велела дева копьё себе подать.
Она его умела без промаха кидать.
Огромно было древко тяжелого копья
И остры наконечника каленые края.
- ⁴⁴¹ На то копьё железа истратили немало —
Четыре с половиной четверика металла.
Три воина Брюнхильды несли его с трудом,
И горько пожалел король о сватовстве своем.
- ⁴⁴² Державный Гунтер думал; «Да что же здесь творится?
Сам черт живым не выйдет из рук такой девицы.
И окажись я чудом в Бургундии моей,
Поостерегся б докучать я вновь любовью ей».

- 449 Безмерной силой дева была наделена.
Внести металлический камень велела в круг она,
А этот тяжкий камень размером был таков,
Что подняли его с трудом двенадцать смельчаков.
- 450 Вслед за копьем метала она его всегда.
Почуяли бургунды, что им грозит беда.
«Вот горе! — молвил Хаген, — Король влюбился зря:
В мужья ей нужно дьявола, а не богатыря».
- 451 Проворно засучила Брюнхильда рукава
И щит на левый локоть повесила сперва,
Затем рукою белой схватилась за копье.
Испуг король почувствовал, увидев прыть ее.
- 452 Бой начался, и Гунтер простился б с головою,
Когда бы друга Зигфрид не подменил собою.
Он за плечо бургунда украдкой тронул вдруг
И этим пуще прежнего привел его в испуг.
- 453 «Да кто ж это коснулся оплечья моего?» —
Подумал муж отважный, не видя никого.
И тут услышал шепот: «Мой друг, воспрянь душой!
Я — Зигфрид, и с Брюнхильдой мы выиграем бой.
- 454 На локоть незаметно повесь мне щит свой прочный
И повторяй за мною мои движенья точно.
Ты только притворяйся — все сделаю я сам».
Король, душою вновь воспряв, внимал его словам.
- 455 «Коль никому не скажешь ты о моем обмане,
Ты избежишь бесчестья, которому заране
Обречь тебя сегодня воительница мнит.
Смотри, какой уверенный у королевы вид!»
- 456 Тут дева-богатырша копье метнула в цель.
Столь страшного удара в сражениях досель
Могучий сын Зиглинды не отбивал щитом.
Из стали искры брызнули и вверх взвились столбом.
- 457 Конец копья каленый сквозь щит прошел, звеня,
И грянул в прочный панцирь, исторгнув сноп огня.
Толчок поверг бы наземь воителей лихих,
Но спас от верной гибели плащ-невидимка их.

- ⁴⁵⁸ Кровь хлынула струею из Зигфридова рта.
Отпрыгнул нидерландец и вырвал из щита
Застрявшее в наверхье Брюнхильдино копье,
Чтоб отплатить противнице оружием ее.
- ⁴⁵⁹ Но жалость к королеве вдруг овладела им,
И он копье направил вперед концом тупым,
С такою силой древко в исландку он метнул,
Что издала ее броня протяжный звонкий гул.
- ⁴⁶⁰ Столбом взметнулись искры, сверкнула сталь, как жар,
И ощутила дева чудовищный удар.
На землю им Брюнхильду сын Зигмунда свалил:
У Гунтера для этого не доставало сил.
- ⁴⁶¹ Вскричала королева, вскочив с земли сырой:
«Спасибо, Гунтер знатный, вам за удар лихой!»
Она ведь полагала, что с нею бьется он.
Нет, ей другим, кто посильней, удар был нанесен.
- ⁴⁶² Затем огромный камень, лежавший рядом с ней,
Взметнула богатырша над головой своей
И вдаль его швырнула, придя в великий гнев,
И прыгнула вослед ему, кольчугой зазвенев.
- ⁴⁶³ В двенадцати саженьях упал он на песок,
Но королеву дальше уже унес прыжок,
Тогда за камень Гунтер схватился для того,
Чтоб все подумали, что сам он и метнул его.
- ⁴⁶⁴ Был витязь нидерландский высок, силен и смел.
Он бросить камень дальше, чем девушка, сумел
И обогнал в полете его одним прыжком,
Хотя и прыгал не один, а вместе с королем.
- ⁴⁶⁵ Когда же пал на землю тот камень необхватный,
То близ него, как прежде, стоял лишь Гунтер знатный.
Отважный нидерландец его вторично спас.
От гнева лик красавицы зардел в последний раз.
- ⁴⁶⁶ Решив, что перепрыгнул король почти весь круг,
Брюнхильда объявила толпе вельмож и слуг:
«Ко мне, мои вассалы, ко мне, моя родня!
Вы — подданные Гунтера с сегодняшнего дня».

- ⁴⁷⁰ Меж тем отважный Зигфрид опять сумел схитрить,
Успев в надежном месте плащ-невидимку скрыть,
Затем вернулся в замок, вошел в приемный зал
И там, при дамах, Гунтеру такую речь сказал:
- ⁴⁷¹ «Король, что ж не спешите вы игры начинать?
Мне, вашему вассалу, не терпится узнать,
Что ждет — венец иль плаха владыку моего?»
И все подумали, что он не видел ничего.
- ⁴⁷² Спросила королева: «А по какой причине
Вы, Зигфрид, пропустили те игры, в коих ныне
Ваш господин победу стяжал своей рукой?»
И Хаген из Бургундии ей дал ответ такой:
- ⁴⁷³ «Нас так смутил сначала суровый ваш прием,
Что в час, когда тягались вы с рейнским королем,
Ушел на берег Зигфрид и наш корабль стерег.
Вот почему он, госпожа, на играх быть не мог».
- ⁴⁷⁴ Отважный Зигфрид молвил: «Признаюсь откровенно,
Я рад, что смелый витязь сломил ваш нрав надменный,
Что и на вас управа нашлась среди мужчин
И увезет вас, госпожа, на Рейн мой властелин».

(Опасаясь предательского нападения со стороны родичей Брюнхильды, бургунды посылают Зигфрида за подкреплением: он приводит тысячу бойцов из подвластного ему края Нибелунгов, после чего спешит впереди свадебного поезда гонцом в Вормс (VIII и IX авентюры). Пышная встреча ожидала Брюнхильду в Вормсе; Зигфрид же получил от Гунтера обещанную награду, и обе молодые пары сели за пиршественный стол.)

А в е н т ю р а X

О ТОМ, КАК БРЮНХИЛЬДУ ПРИНЯЛИ В ВОРМСЕ

-
- ⁶¹⁸ Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит,
Надменная Брюнхильда почувствовала стыд,
И горестные слезы, одна другой крупней,
На щеки побледневшие закапали у ней.
- ⁶¹⁹ Спросил король бургундский: «Что огорчает вас?
Чем омрачен нежданно блеск ваших ясных глаз?
Вам радоваться б надо, что вы приобрели
Так много новых подданных, и замков, и земли»,

- ⁶²⁰ Ответила Брюнхильда: «Могу ль не лить я слез,
Коль тяжкую обиду мой муж сестре нанес,
За своего вассала ее решив отдать?
Как, видя рядом с ней его, от горя не рыдать?»
- ⁶²¹ Сказал державный Гунтер: «Я объясню позднее,
Зачем мне было нужно, чтоб в брак вступил он с нею.
Покамест же об этом и думать не должны вы,
Тем более что проживут они свой век счастливо».
- ⁶²² Она ему: «И все же Кримхильду жалко мне.
Не будь я в вашей власти — ведь я в чужой стране,
Не подпустила вас бы я к ложу ни на шаг,
Пока б вы не ответили, зачем вам этот брак».
- ⁶²³ Державный Гунтер молвил: «Тогда вы знать должны,
Что благородный Зигфрид — король большой страны.
Богат он и землею, и замками, как я.
Вот почему он избран мной моей сестре в мужа».

(Однако объяснение Гунтера не смогло унять слез Брюнхильды. После свадебного торжества ей чуть было не открылся обман: в первую брачную ночь Гунтер не смог совладать с неприступной богатыршей, и лишь с помощью Зигфрида в плаще-невидимке одолел он ее во вторую ночь. Зигфрид же незаметно снял с Брюнхильды пояс и перстень и скрыл их у себя (X авантюра). Девять лет счастливо прожили Гунтер и Зигфрид со своими женами; на десятый год Зигфрид, по приглашению Гунтера, приехал с Кримхильдой погостить в Вормс (XI, XII, XIII авантюры).)

А в е н т ю р а XIV О ТОМ, КАК КОРОЛЕВЫ ПОССОРИЛИСЬ

- ⁸¹⁴ В тот день, перед вечерней, потехой ратной вновь
Погорячить решили себе герои кровь.
От топота и кликов гудел дворцовый двор,
А из дворца на витязей бросали дамы взор.
- ⁸¹⁵ Сидели королевы бок о бок у окна,
И вдруг о двух героях пришла им мысль одна.
Промолвила Кримхильда: «Супруг мой так силен,
Что мог бы подчинить себе и вашу землю он».
- ⁸¹⁶ Брюнхильда возразила: «Напрасные мечты!
Вот если б пережили всех нас твой муж да ты,
Наш край и прямо достался б супругу твоему,
Но раз мой Гунтер здравствует, вовек не быть тому».

- ⁸¹⁷ Ответила Кримхильда: «Ты лучше посмотри,
Насколько Зигфрид краше, чем все богатыри,
Меж ними он — как месяц меж звезд порой ночной.
Горжусь я тем, что он меня назвал своей женой».
- ⁸¹⁸ Брюнхильда не смолчала: «Как Зигфрид ни хорош,
Ни храбр, ни прям душою, признать должна ты все ж,
Что Гунтер, брат твой смелый, — знатней и удалей.
С ним не идет в сравнение никто из королей».
- ⁸¹⁹ Воскликнула Кримхольда: «Поверь, сестра моя,
Превозношу супруга не без причины я:
Себя он так прославил в дни мира и войны,
Что Зигфрид с Гунтером твоим величием равны».
- ⁸²⁰ «Тебя я не хотела, Кримхильда, оскорбить,
Но с Гунтером не может супруг твой равней быть.
Об этом я узнала от них самих в те дни,
Когда искать моей руки приехали они.
- ⁸²¹ Тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал,
И Зигфрид мне признался, что он — простой вассал.
А коли так, вассалом он должен и считаться». —
Красавица Кримхильда ей: «Как это может случиться?
- ⁸²² Не верю я, чтоб братья и вся моя родня
За подданного выдать осмелились меня,
А потому покорно прошу тебя, подруга,
Не говорить подобных слов про моего супруга».
- ⁸²³ «Я говорить их буду, — Брюнхильда ей в ответ. —
Мне с мужем отречься от подданных не след:
Пусть и впредь нам служат, как долг и честь велит». —
Тут на невестку кинула Кримхильда гневный взгляд:
- ⁸²⁴ «Придется все же отречься тебе от одного;
Мой муж слугою не был вовек ни у кого.
Знатнее, чем твой Гунтер, его отважный зять,
И ты должна свои слова назад немедля взять».
- ⁸²⁵ Вот что еще мне странно: коль впрямь он ленник твой
И ты повелеваешь по праву им и мной,
Как он посмел так долго вам дани не платить?
Тебе надменный свой язык пора б укоротить».

- ⁸²⁶ Воскликнула Брюнхильда: «Свой чванный нрав уйми!
Ведь мы еще посмотрим, кто больше чтим людьми —
Ты или я, чьей воле покорен каждый здесь».
И тут уж вовсе королев объяли злость и спесь.
- ⁸²⁷ «Пусть будет так, Брюнхильда, как ты сейчас сказала.
Ты моего супруга считаешь за вассала,
А я при всех, кто службой обязан вам и нам,
Перед тобою, первая, войду сегодня в храм.
- ⁸²⁸ Сегодня ж ты увидишь, что выше родом я
И что славней, чем Гунтер, тот, кто мне дан в мужья.
Отучишься ты думать, что я — твоя раба.
А коль воображаешь ты, что это похвальба,
- ⁸²⁹ Я повторяю снова, что первой в храм войду
У всех твоих вассалов и женщин на виду,
Чтоб моему величью дивился вормский двор».
Вот так меж королевами и начался раздор.
- ⁸³⁰ Брюнхильда заключила: «Коль ты убеждена,
Что верностью вассальной пренебрегать вольна,
Ты от меня отдельно со свитой в храм пойдешь».
И ей вдогонку бросила Кримхильда: «Ну, так что ж?»
- ⁸³¹ Затем велела дамам: «Оденьтесь сей же час.
Пушай в восторг бургунды придут, увидев вас,
И знают, что не в меру их госпожа горда,
И я от чванства отучу Брюнхильду навсегда».
- ⁸³² Принарядились дамы, и, свиту оглядев,
Из всех на праздник в Вормсе прибывших с нею дев
В собор взяла с собою Кримхильда сорок три.
Шли с ними люди Зигфрида, бойцы-богатыри.
- ⁸³³ Шелк яркий аравийский на женщинах сверкал,
Но даже он, казалось, бледнел и померкал,
Как только на Кримхильду бросали вормсцы взгляд —
Так царственно роскошен был в тот день ее наряд.
- ⁸³⁴ Народ давался диву: знать, что-нибудь стряслось,
Коль обе королевы идут к вечерне врозь —
Ведь раньше их, бывало, не разольешь водой.
Увы, кто знал, что их раздор для всех чреват бедой!

- ⁸³⁵ Тем временем Брюнхильда со свитою своей
Направилась к собору и встала у дверей.
Беседа завязалась у витязей и дам,
А тут и гостья подошла ко входу в божий храм.
- ⁸³⁶ Наряд ее прислужниц был сказочно хорош —
Таков вовек не снился и дочерям вельмож.
За Зигфридом не бедно жила его жена:
Богатством тридцать королев могла затмить она.
- ⁸³⁷ Вам подтвердил бы каждый, кто был в тот миг у храма,
Что в жизни он не видел пышней одетой дамы,
Чем спутницы Кримхильды, пришедшие в собор.
Она принарядила их невестке вперекор.
- ⁸³⁸ Итак, столкнулись свиты обеих королев,
И тут хозяйка гостье, от злобы побелев,
Надменно приказала не преграждать пути:
«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти».
- ⁸³⁹ Разгневанно Кримхильда воскликнула в ответ:
«Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред.
Как саном королевским кичиться может та,
Кто подданным своим была в наложницы взята?»
- ⁸⁴⁰ «Кого же ты, Кримхильда, наложницей зовешь?» —
«Тебя, и ты не смеешь сказать, что это ложь.
Впервые наслаждался твоею красотой
Не Гунтер, твой законный муж, а милый Зигфрид мой.
- ⁸⁴¹ Ужель тебе рассудок в ту ночь не подсказал,
Что, к хитрости прибегнув, возлег с тобой вассал?
Уймись и грех свой тайный не ставь себе в заслугу».
Брюнхильда ей: «Твои слова я передам супругу».
- ⁸⁴² «Изволь! Ты не уронишь меня во мнение брата.
Сама ты возгордилась, сама и виновата.
Коль подданной своею ты смела счесть меня,
Меж нами больше дружбы нет с сегодняшнего дня».
- ⁸⁴³ Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней,
Вошла в собор Кримхильда со свитою своей.
Вот так вражда меж ними и началась с тех пор,
И помутнел от горьких слез у многих ясный взор.

- ⁸⁴⁴ Какою благолепной вечерня ни была,
Брюнхильда с нетерпением конца ее ждала.
В надменной королеве кипели желчь и злость,
Из-за которых многим смерть потом принять пришлось.
- ⁸⁴⁵ Из церкви божьей выйдя, подумала она:
«Бранчливая гордячка мне объяснить должна,
За что меня дерзнула наложницей назвать.
Коль Зигфрид впрямь расхвастался, ему не сдобровать!»
- ⁸⁴⁶ Тут вышла и Кримхильда с толпою удальцов.
Брюнхильда ей: «Постойте! Из ваших бранных слов
Мне видно, что назвали наложницей меня вы.
Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?»
- ⁸⁴⁷ Кримхильда ей: «Дорогу! Ответ на ваш вопрос
Дает вот этот перстень*, что Зигфрид мне принес
В ту ночь, когда на ложе вы с ним взошли вдвоем».
Да, для Брюнхильды этот день стал самым черным днем.
- ⁸⁴⁸ Она в ответ сказала: «Не спору, перстень — мой,
Но у меня украден он чьей-то злой рукой,
И кем он был похищен, теперь я вижу ясно».
Тут обуял обеих гнев, безмерный и ужасный.
- ⁸⁴⁹ Воскликнула Кримхильда: «Нет, не воровка я.
Умолкни, иль навеки погибла честь твоя.
Да, ты принадлежала супругу моему,
И пояс, что на мне надет, — порукою тому».
- ⁸⁵⁰ Из шелка Ниневии был этот пояс свит,
Каменьями унизан и жемчугом расшит.
Заплакала Брюнхильда при взгляде на него
И так сказала подданным супруга своего:
- ⁸⁵¹ «Пускай властитель рейнский сюда придет сейчас
И от меня услышит, как я вот здесь, при вас,
Его родной сестрою была оскорблена.
Наложницею Зигфрида я ею названа».

* Речь идет о поясе и перстне, которые Зигфрид в плаще-невидимке снял у Брюнхильды в брачную ночь, когда помогал Гунтеру совладать с нею.

Кнехты, вооруженные луком и копьем.
Рисунок пером из французской
рукописи.

⁸⁵² Пришел державный Гунтер
и с ним весь цвет страны.
Король спросил с участием
у плачущей жены:
«Кто вам посмел обиду
любовь моя, нанести?»
В ответ Брюнхильда:
«У меня для слез
причины есть.

⁸⁵³ Твоей сестрой бесчестью
я предана при всех.
Она твердит, что тайно
я совершила грех
И что не ты, а Зигфрид
со мною первый лег».
Король вспылil:
«Несправедлив и лжив
ее упрек». —

⁸⁵⁴ «Она бесстыдно носит
мой перстень золотой
И драгоценный пояс,
что был потерян мной.

От горя и обиды мне белый свет не мил,
И я молю, чтоб ты с меня пятно позора смыл».

⁸⁵⁵ Сказал ей муж: «Мы зятя к ответу призовем
Коль он в бахвальстве грешен, пусть повинится в том;
А нет, пусть опровергнет слова жены своей».
И повелел он Зигфрида позвать к нему скорей.

⁸⁵⁶ Явился нидерландец, в слезах увидел дам
И молвил удивленно собравшимся мужам:
«Что заставляет женщин так горько слезы лить
И для чего меня король просил к нему прибыть?»

⁸⁵⁷ В ответ державный Гунтер: «Скрывать не стану, зять.
Осмелилась невестке сестра моя сказать,
Что ты Брюнхильду первым познал в обиду мне
И этим не побрезговал похвастаться жене».

- ⁸⁵⁸ Вскричал могучий Зигфрид: «Коль ты, мой шурин, прав,
Поплатится Кримхильда за свой сварливый нрав,
А я великой клятвой при всем дворе готов
Поклясться, что не говорил супруге этих слов».
- ⁸⁵⁹ Сказал властитель рейнский: «С тобою мы согласны.
Не будет эта клятва ни лишней, ни напрасной.
Она тебя очистит от подозрений в лжи».
Тут окружили Зигфрида бургундские мужи,
- ⁸⁶⁰ А Зигфрид поднял руку и смело клятву дал.
Тогда воскликнул Гунтер: «Теперь я увидал,
Что мне не причинили вы никакого зла
И что моя сестра на вас напраслину взвела».
- ⁸⁶¹ Отважный Зигфрид молвил: «Весьма жалею я
О том, что оскорбила в сердцах жена моя
Пригожую Брюнхильду, чей муж — мой верный друг».
Переглянулись витязи, стоявшие вокруг.
- ⁸⁶² Он продолжал: «Мой шурин, обязанность мужчины —
Укоротить супруге язык не в меру длинный.
Ты дай урок Брюнхильде, а я Кримхильде дам.
Из-за ее бесчинств меня постигли стыд и срам».
- ⁸⁶³ Но гордых женщин было уже не укротить.
Брюнхильда продолжала по целым дням грустить,
И жалость все вассалы почувствовали к ней,
И Хаген доблестный пошел к владычице своей.
- ⁸⁶⁴ Он расспросил, в чем дело, о чем скорбит она,
И ей поклялся смело, что Зигфриду сполна
Воздаст за поношение, бесчестье и позор,
Иль в жизни радости ему не видеть с этих пор.
- ⁸⁶⁵ Он с Гернотом могучим и Ортвином втроем
Лишить героя жизни задумали тайком.
Но Гизельхер услышал, о чем ведется речь,
И молвил заговорщикам, чтоб друга оберечь:
- ⁸⁶⁶ «Вам, витязи, об этом неуместно рассуждать.
За что хотите смерти вы Зигфрида предать?
Ужель заплатит жизнью прославленный герой
За то, что вздорят женщины по пустякам порой?»

⁸⁶⁷ Ответил Хаген: «В поле траве не место сорной.
Держать чужих ублюдков в своем доме зазорно.
Погибнет тот, кто клевет на нашу госпожу,
И пусть не жить мне самому, коль слова не сдержу».

⁸⁶⁸ Тогда вмешался Гунтер: «От зятя никогда
Я с братьями не видел бесчестья и вреда.
За что же ненавидеть и убивать того,
Кто, кроме блага, мне и вам не сделал ничего?»

⁸⁶⁹ На это Ортвин Мецкий дал королю ответ:
«Хоть он силен безмерно, ему спасенья нет,
И лишь мигнуть вам стоит, чтоб я его убил».
Так ими обречен на смерть безвинно Зигфрид был.

⁸⁷⁰ От слова к делу, правда, не перешел никто.
Лишь Хаген государю нашептывал про то,
Как много стран захватит по смерти зятя он.
Молчал король, но явно был расстроен и смущен.

(Порешив убить Зигфрида, Хаген хитростью выманил у Кримхильды признание об уязвимом месте на теле Зигфрида.)

А в е н т ю р а XV О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ПРЕДАН

⁸⁹⁹ «Мой муж, — она сказала, — и храбр, и полон сил.
Однажды под горою дракона он сразил,
В его крови омылся и стал неуязвим.
Не взять супруга моего оружием никаким.

⁹⁰⁰ И все ж, когда я знаю, что Зигфрид бой ведет,
Что каждый миг в героя летит копье иль дрот,
Безумный страх за мужа испытываю я
И от предчувствий тягостных болит душа моя.

⁹⁰¹ Лишь ты один узнаешь, как родственник и друг,
Куда быть может ранен мой дорогой супруг,
Но за доверье, Хаген, мне верностью воздай
И неотступно Зигфрида в бою сопровождай.

- ⁹⁰² Когда в крови дракона он омываться стал,
Листок с соседней липы на витязя упал
И спину меж лопаток на пядь прикрыл собой.
Вот там, увы, и уязвим супруг могучий мой».
- ⁹⁰³ Владелец Тронье молвил: «Нашейте, коли так,
На пышную одежду ему условный знак,
Чтоб видел я, где мною прикрыт быть должен он».
Вот тут и был герой на смерть женою обречен.
- ⁹⁰⁴ Ответила Кримхильда: «Я твой совет приму
И шелковою нитью супругу своему
Едва заметный крестик на месте вышью том,
А ты в сражение прикрывай его стальным щитом».
- ⁹⁰⁵ Сказал на это Хаген: «Прикрою, госпожа», —
И распростился с нею, от радости дрожа.
Вот так, спасти желая супруга своего,
Кримхильда помогла сама врагам сгубить его².

А в е н т ю р а XVI О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ УБИТ

- ⁹¹⁶ С веселым видом Гунтер и Хаген удалой
Заутра отправлялись из Вормса в лес густой
Лосей, медведей, зубров и кабанов травить.
Что может истым витязям милей охоты быть?
- ⁹¹⁷ С собой везли бургунды съестных припасов много.
Без опасений Зигфрид собрался в путь-дорогу,
Но у ручья лесного лишился жизни он:
На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречен.
- ⁹¹⁸ Навьючили поклажу бойцы на лошадей.
За Рейном очутиться хотелось им скорей.
Пошел к супруге Зигфрид и с ней прощаться стал,
Но сердце королевы страх томил и угнетал.
- ⁹¹⁹ Кримхильду витязь обнял и начал утешать
«Даст бог, с тобою скоро мы свидимся опять.
Я должен отлучиться на три-четыре дня,
А ты куда здесь побудь с роднею без меня».

- ⁹²⁰ Тут страшная догадка ей разум озарила.
Припомнила Кримхильда, что Хагену открыла,
И, Зигфриду признаться в своей вине боясь,
Слезами покаянными бессильно залилась.
- ⁹²¹ «Не езди на охоту, — промолвила она. —
Мне сон дурной приснился: гнались два кабана
По лугу за тобою, и все цветы вокруг
Внезапно стали красными. Не езди, мой супруг!
- ⁹²² Рыдаю я от страха — мне кажется, что здесь
Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.
Он нам из мести может наделать много бед.
Останься и не уезжай — вот мой тебе совет».
- ⁹²³ Он молвил: «Дорогая, назад вернусь я скоро.
Здесь у меня к тому же ни с кем не вышло ссоры
И все без исключения благоволят ко мне —
Ведь я, Кримхильда, лишь добра желал твоей родне».
- ⁹²⁴ «Поверь, не зря слезами мой отуманен взор.
Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор,
И вдруг они упали, и ты раздавлен был.
Останься, чтобы твой отъезд мне сердце не разбил».
- ⁹²⁵ Супругу витязь обнял, прижал к груди своей,
Лобзаннями утешил, потом простился с ней
И поспешил вдогонку за шурином своим,
И больше мужа увидеть ей не пришлось живым.
- ⁹²⁶ Героев в лес дремучий помчали скакуны.
Взял Гунтер на охоту с собой весь цвет страны.
Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там —
Не шло веселие на ум двум младшим королям.
- ⁹⁴² Зверей понастреляли богатыри немало —
Ведь каждому хотелось во что бы то ни стало
Охотничьей удачей пред всеми отличиться,
Но с Зигфридом не удалось ни одному сравниться.

- ⁹⁴³ Однако постепенно сморил героев зной,
И потянулись к стану они тропой лесной.
Обильную добычу вез каждый зверолов,
И повара без отдыха трудились у костров.
- ⁹⁴⁴ Распорядился Гунтер гостей поторопить —
Пора уж им вернуться и силы подкрепить,
И громко рог призывный разнес повсюду весть
О том, что хочет государь за стол с друзьями сесть³.
- ⁹⁶³ Тут пригласил хозяин охотников за стол,
И на лугу зеленом они уселись в круг,
И потянулась с яствами к ним вереница слуг.
- ⁹⁶⁴ Любое угощение в достатке было там,
И если б не забыли вина подать гостям,
Чему виной не скупость, а умысел дурной,
Гордиться бы хозяин мог, что задал пир такой.
- ⁹⁶⁵ «Дивлюсь я, — молвил Зигфрид. — Еды довольно тут,
А вот вина упорно к столу не подают.
Коль этак принимают охотников у вас,
Не буду вам товарищем я в следующий раз.
- ⁹⁶⁶ Такого обхожденья никак я ждать не мог». —
С прискорбием лицемерным король в ответ изрек:
«Придется, видно, чем-то нам заменить вино.
По небреженью Хагена отсутствует оно».
- ⁹⁶⁷ Сказал владетель Тронье: «Да, я виной всему.
Мне, государь мой, мнилось, не знаю почему,
Что в Шпессарт на охоту мы повезем гостей.
Туда я и послал вино, но буду впредь умней».
- ⁹⁶⁸ Серdito молвил Зигфрид: «Вы удружили всем.
Сюда б доставить надо вам было व्यюков семь
С кларетом³ и медами, а если уж их нет,
Вдали от Рейна разбивать нам было стан не след».

³ *Кларет* — красное вино, процеженное с разными пряностями и травами.

- ⁹⁶⁹ Ответил хитрый Хаген: «Не гневайтесь, друзья.
К ручью с водой студеной дорогу знаю я
И, если вам угодно, туда вас отведу».
Сколь многим витязям принес его совет беду!
- ⁹⁷⁰ Измучен смелый Зигфрид был жаждою вконец.
Поэтому поспешно поднялся удалец,
Чтоб за водой студеной отправиться к ручью.
Ах, внял совету Хагена он на беду свою!
- ⁹⁷¹ Зверей, которых Зигфрид успел понастрелять,
Велели на телегах в столицу отослать.
Всяк, кто добычу видел, охотника хвалил.
Лишь Хаген изменил ему и кровь его пролил.
- ⁹⁷² Пошли герои к липе, стоявшей над ручьем,
И тут промолвил Хаген: «Наслышен я о том,
Что в беге верх над всеми берет наш знатный гость.
Пусть скажет, правду или ложь мне слышать довелось».
- ⁹⁷³ Ответил смелый Зигфрид: «Разумней в этом вам
Воочью убедиться, чем доверять словам:
Бежим наперегонки, коли желанье есть.
Кто первый будет у ручья, тому хвала и честь».
- ⁹⁷⁴ «Согласен, — молвил Хаген. — Размяться мне в охоту».
«Тогда, — воскликнул Зигфрид, — получите вы льготу:
Я дам, улегшись наземь, вам убежать вперед».
Был Гунтер, слыша это, рад, что все на лад идет.
- ⁹⁷⁵ Добавил нидерландец: «За вами гнаться сзади
Я собираюсь в полном охотничьем наряде,
На руку щит повесив, с колчаном за спиной».
С собою взял он также лук, копье и меч стальной.
- ⁹⁷⁶ С себя одежду Гунтер вплоть до сорочки снял.
Примеру государя последовал вассал.
К ручью, как две пантеры, бургунды понеслись
И все же позже Зигфрида до цели добрались.
- ⁹⁷⁷ Что бы ни делал витязь, был первым он везде.
Отставших поджидая, спустился он к воде,
Приставил к ближней липе тяжелое копье
И меч с колчаном положил на землю близ нее.

- ⁹⁷⁸ Свой щит отбросил Зигфрид, от жажды еле жив,
Но даже здесь остался любезен и учтив:
Дал королю бургундов сперва напиток он.
Ах, плохо был за вежливость храбрец вознагражден!
- ⁹⁷⁹ Звенел ручей студеной, вода была чиста,
И Гунтер с наслаждением в ней омочил уста.
Напившись, он поднялся и отошел опять,
И наклонился к роднику его отважный зять.
- ⁹⁸⁰ Вот тут-то за сердечность ему и воздал друг.
Отнес подальше Хаген меч Зигфрида и лук,
Схватил копьё героя и, напрягая взгляд,
Всмотрелся в крестик, что нашит был на его наряд.
- ⁹⁸¹ Как только Зигфрид воду рукою зачерпнул,
Бургунд, нацелясь в крестик, копьё в него метнул.
Кровь брызнула из раны на Хагена струей.
Никто досель не совершал такой измены злой.
- ⁹⁸² До сердца через ребра прошло копьё его.
Не бегал в жизни Хаген ещё ни от кого
Быстрее, чем в этот полдень по зарослям лесным.
Едва лишь Зигфрид раненый сообразил, что с ним,
- ⁹⁸³ Вскочил он и, неистов, метнулся вдоль ручья
С засевшим меж лопаток в спине концом копья:
Сыскать пытался витязь свой лук иль добрый меч,
Чтоб смерти, как и надлежит, предателя обречь.
- ⁹⁸⁴ Но из-за тяжкой раны он не нашел меча.
Лишь щит лежал, как прежде, у звонкого ключа.
Помчался с ним вдогонку за Хагеном смельчак,
И приближенный Гунтера уйти не смог никак.
- ⁹⁸⁵ Был Зигфрид ранен насмерть, но жаждал отомстить.
Он так сумел в убийцу своим щитом пустить,
Что лопнул щит и наземь посыпались дождем
Каменья драгоценные, сверкавшие на нем.
- ⁹⁸⁶ От мощного удара свалился с ног злодей
И разом загудела земля в округе всей.
Будь меч у нидерландца, изменнику б конец —
Так, даже в миг предсмертных мук, был страшен удалец.

- ⁹⁸⁷ Но вот он пошатнулся, внезапно ослабел,
Глаза его померкли, стал лик прекрасный бел,
И смерть на нем незримо поставила печать.
Ах, скольким женщинам пришлось о Зигфриде рыдать!
- ⁹⁸⁸ Всем богатырским телом пал на цветы герой.
На мураву из раны струилась кровь рекой.
Но от тоски и боли уже лишаясь сил,
Он все-таки успел проклясть тех, кто его сгубил.
- ⁹⁸⁹ Сказал боец сраженный: «Вы низки и трусливы,
Коль за мои услуги мне так воздать могли вы.
Я был всегда вам верен и вами же убит.
Но ждут за это весь ваш род позор и вечный стыд,
- ⁹⁹⁰ Предательски и подло заколот вами я
На вас и ваших детях пребудет кровь моя.
Что из того, что ею вы утолили месть,
Коль все, кто честен, вправе вас изменниками счесть?»
- ⁹⁹¹ Охотники сбежались туда, где он лежал.
Днем гнева и печали тот день для многих стал.
Всяк, кто не чужд был чести, рыдал над храбрецом.
Грех было бы не горевать о витязе таком!
- ⁹⁹² Стал и король бургундский оплакивать его,
Но раненый промолвил: «Что пользы от того,
Что слезы о злодействе льет сам виновник зла?
Не скроет скорбь притворная постыдные дела».
- ⁹⁹³ Сказал жестокий Хаген: «Скорбеть и впрямь не след
Ведь мы теперь свободны от всех забот и бед.
Отныне не опасен нам ни один боец.
Я рад, что вас от гордеца избавил наконец».
- ⁹⁹⁴ «Легко теперь хвалиться! — чуть слышно Зигфрид рек. —
Когда б друзей в измене я заподозрить мог,
С лица земли давно бы вы были сметены.
Но полно! Думать должен я лишь о судьбе жены.
- ⁹⁹⁵ И участь сына также в меня вселяет страх.
Господь да не допустит, чтоб он в людских глазах
Безвинно опорочен был с детства до могилы
За то, что низость некогда его родня свершила».

- ⁹⁹⁶ Возвысил голос слабый смельчак в последний раз:
«Коль честности хоть капля, король, осталась в вас
И вы еще способны кого-нибудь любить,
Я вас молю моей жене во всем опорой быть.
- ⁹⁹⁷ При вас, по-королевски, Кримхильда жить должна.
Защитником ей будьте — ведь вам сестра она,
А я уж не увижусь ни с бабушкой, ни с ней.
Всем милых нелегко терять, а ей всего трудней».
- ⁹⁹⁸ Цветы вокруг покрылись багряною росой.
Со смертью неминучей вступил в борьбу герой,
Но бой недолго длился — утратил речь храбрец,
И дням его земным пришел безвременный конец.
- ⁹⁹⁹ Когда все убедились, что вечным сном он спит,
Был труп его положен на золоченый щит,
И стали вормсцы думать, как им ловчей схитрить,
Чтоб преступленье Хагена от посторонних скрыть.
- ¹⁰⁰⁰ «Повинны мы в злодействе, — промолвили вельможи.
Поэтому нам надо твердить одно и то же —
Что Зигфрид в одиночку охотиться любил
И, заблудясь в лесу, убит разбойниками был».
- ¹⁰⁰¹ Сказал владетель Тронье: «Труп отвезу я сам.
Пусть все Кримхильда знает — не страшно это нам.
Гордячка честь Брюнхильды осмелилась задеть.
С какой же стати мне ее жалеть теперь и впредь?»

А в е н т ю р а XVII

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ОПЛАКАН И ПОГРЕБЕН

- ¹⁰⁰² Назад за Рейн вернулся лишь с сумерками двор.
Едва ль охота хуже бывала до сих пор:
Пролились из-за зверя, убитого на ней,
И слезы женщин горькие, и кровь богатырей.
- ¹⁰⁰³ Теперь мы вам расскажем, как мститель вероломный,
Высокомерный Хаген, под кровом ночи темной
Владыку нибелунгов, заколотого им,
К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.

- ¹⁰⁰⁴ Положен у порога был труп богатыря.
Знал Хаген, что Кримхильда, едва сверкнет заря,
Наткнется непременно на тело мужа там:
К заутрени она всегда ходила в божий храм.
- ¹⁰⁰⁵ Как только в церкви стали звонить в колокола,
Своих девиц придворных Кримхильда подняла.
Ей подали одежду и принесли ночник,
И труп один из спальников заметил в этот миг.
- ¹⁰⁰⁶ Забрызган кровью Зигфрид был с головы до ног,
И своего владыку слуга узнать не смог,
Хотя зажженный факел в руках его дымил.
Кримхильду о несчастьи он и уведомил.
- ¹⁰⁰⁷ Готовы были дамы в собор идти уже,
Когда явился спальник и молвил госпоже:
«Лежит убитый витязь у вашего порога».
Кримхильда плакать начала — проснулась в ней тревога.
- ¹⁰⁰⁸ Она еще не знала, что это муж ее,
Но чуяла, что счастье утратила свое.
Нет, не случайно Хаген склонял ее к тому,
Чтоб тайну Зигфрида она доверила ему!
- ¹⁰⁰⁹ Была догадкой этой Кримхильда сражена.
Не вымолвив ни слова, лишилась чувств она,
Но тут же с громким воплем пришла в себя опять,
И стали приближенные бедняжку утешать:
- ¹⁰¹⁰ «Быть может, к вашей двери чужой подброшен труп».
Кровь брызнула от горя у королевы с губ.
«Нет, нет, — она вскричала, — там Зигфрид мой лежит,
Брюнхильде в угождение он Хагеном убит».
- ¹⁰¹¹ За дверь Кримхильда вышла на мертвеца взглянуть,
И голову герою приподняла чуть-чуть,
И мужа опознала, хоть мукой искажен
И весь в крови был лик того, кто Зигмундом рожден.

- ¹⁰¹² Кримхильда застонала, кляня судьбу свою:
«О, горе мне, злосчастной! Сражен ты не в бою,
А пал от рук убийцы — ведь добрый щит твой цел.
Ах, если б только знала я, кто сделать это смел!»

(Схоронив Зигфрида, овдовевшая Кримхильда осталась жить у братьев, внешне примираясь с ними, но затаив в душе ненависть против убийц мужа. Из земли Нибелунгов привезли несметный клад, который Зигфрид дарил ей как брачный дар. Но воспользовавшись отъездом Гунтера в поход Хаген погрузил в воды Рейна сокровище Нибелунгов, обездолив вдову. Так прожила она у братьев тринадцать лет, непрестанно горя об убитом муже (авентюры XVIII—XIX). Тогда к Кримхильде посватался овдовевший языческий король Этцель (Аттила); не хотелось Кримхильде идти за него, но братья уговорили ее, и пышно была сыграна свадьба (авентюры XX, XXII). На тринадцатый год своего брака уговорила Кримхильда Этцеля пригласить к себе ее родичей; гонцам же она наказала обязательно пригласить и Хагена (XXIII авентюра). Доверчиво последовали братья зову сестры, как ни отговаривал их от поездки Хаген (XXIV авентюра). Не удержал их и злоевший сон матери Уты.)

А в е н т ю р а XXV О ТОМ, КАК НИБЕЛУНГИ ЕХАЛИ К ГУННАМ

- ¹⁵²² Заколыхались стяги, ряды пришли в движенье.
Следили за бойцами в тревоге и волненье
Их земляки-бургунды с обоих склонов гор,
А витязи ликующе неслись во весь опор.
- ¹⁵²³ Так вместе с королями отправились в поход
Вассалы-нибелунги — их было десять сот,
И всех, вдали от ближних, у гуннов смерть ждала:
Кровь Зигфрида по-прежнему Кримхильде сердце жгла.
- ¹⁵²⁴ Взял Данкварт, смелый воин, дружину под начал,
А Хаген, муж бывалый, пред строем первый мчал
И выбирал дорогу для спутников своих.
В восточную Франконию вдоль Майна вел он их.
- ¹⁵²⁵ Оттуда к Швальбенфельду герои поскакали.
Был вид их так отважен, доспехи так сверкали,
Что всюду им немало дивился люд честной.
К Дунаю подошел отряд с двенадцатой зарей.

- ¹⁵²⁶ Владелец Тронье первым спустился вниз к воде —
Бессменно нибелунгов он охранял везде.
На землю прыгнул Хаген с поводьями в руке
И привязал коня к ветле, от волн невядалеке.
- ¹⁵²⁷ Была пора разлива, на всей реке — ни судна,
Смекнули нибелунги, что им придется трудно:
Не переплыть Дуная — он чересчур широк,
Попрыгали они с коней в тревоге на песок.
- ¹⁵²⁸ «Король, — воскликнул Хаген, — опасность перед нами,
Седой Дунай разлился, он весь покрыт волнами,
И если вы решите переправляться тут,
Боюсь, что многие на дно сегодня же пойдут».
- ¹⁵²⁹ В сердцах ответил Гунтер: «Я это вижу сам,
И вы нас не страшайте, а помогите нам.
Ступайте, поищите — авось, найдется брод,
Где люди переправятся, да и обоз пройдет».
- ¹⁵³⁰ «Ну, нет, — промолвил Хаген, — тонуть не склонен я.
На кое-что получше сгодится жизнь моя.
Сведут меня в могилу лишь дорогой ценой —
Сначала гунны силою померятся со мной.
- ¹⁵³¹ На поиски пойду я, а вы побудьте здесь.
Наверно, перевозчик тут где-нибудь да есть.
В край Гельфрата доставит он всех нас, короли».
И поднял Хаген удалой свой добрый щит с земли.
- ¹⁵³² Герой на левый локоть надел его затем,
До глаз на лоб надвинул стальной блестящий шлем
И меч поверх кольчуги на пояс привязал.
Тот обоюдоострый меч любой доспех пронзал.
- ¹⁵³³ По зарослям прибрежным бродя туда-сюда,
Воитель вдруг услышал, как плещется вода,
И вскоре ключ прохладный предстал его глазам.
Купались сестры вещие со звонким смехом там.

- 1534 Подкрадываться Хаген к ним стал, держась в тени,
Однако различили его шаги они
И вовремя отплыли, и он их не настиг,
Хоть их одеждой^a завладел за этот краткий миг.
- 1535 Сказала Хадебурга, одна из вещих жен:
«Коль вами будет, Хаген, наряд наш возвращен,
Мы вам, достойный витязь, откроем сей же час,
Чем празднество у Этцеля закончится для вас».
- 1536 Носясь, как птицы, сестры едва касались волн,
И, видя это, Хаген был нетерпенья полн:
Коль скоро им проникнуть в грядущее дано,
У них обязан вызнать он, что стать с ним должно.
- 1537 Промолвила вещунья: «Ручательство даю,
Что с вами не случится беды в чужом краю.
Без страха отправляйтесь и знайте наперед —
Окажут вам у Этцеля неслыханный почет».
- 1538 Словам ее был Хаген так неподдельно рад,
Что сразу отдал сестрам волшебный их наряд.
Когда ж его надели провидицы опять,
Они решились витязю всю правду рассказать.
- 1539 Воскликнула Зиглинда, вторая из сестер:
«Сын Альдриана Хаген, мы лгали до сих пор,
Боясь, что, рассердившись, уйдешь ты с нашим платьем.
Знай, угрожает смерть тебе и всем твоим собратьям.
- 1540 Вернись, пока не поздно, иль ждет тебя конец.
Не с доброй целью к гуннам ты зазван, удалец.
Вы едете на гибель, а не на торжество.
Убьют вассалы Этцеля вас всех до одного».
- 1541 «Не лгите, — молвил Хаген, — вам это ни к чему.
Не может быть, чтоб пали мы все лишь потому,
Что нам одна особа мечтает навредить».
Тут попытались сестры вновь пришельца убедить.

^a Северные и германские сказанья изображают оборотничество: надевание особой (вороньей, лебяжьей) одежды. Такими надо представлять себе одежды, похищенные Хагеном; судя по названию местности (Сванфельд), это были «лебяжьи одежды».

- ¹⁵⁴² Одна из них сказала: «Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою.
Нам ведомо, что только дворцовый капеллан
Вернется в землю Гунтера из чуждадных стран».
- ¹⁵⁴³ Отважный Хаген вспыхнул: «Довольно слов, всезнайки!
Того сочту я смелым, кто скажет без утайки
Трем нашим государям, что перебьют всех нас.
Ответьте лучше, как попасть нам за Дунай сейчас».
- ¹⁵⁴⁴ Она ему: «Коль скоро стоишь ты на своем,
То знай: вверх по теченью есть за рекою дом.
Живет в нем перевозчик, и тут другого нет».
Заторопился Хаген прочь, чуть выслушал ответ.
- ¹⁵⁴⁵ «Постойте! — закричала из вещей дев одна. —
Вам, Хаген, на прощанье совет я дать должна,
Чтоб вац отряд в дороге не потерпел урон,
Страной владеет здесь маркграф, зовется Эльзе он.
- ¹⁵⁴⁶ Брат Эльзе Гельфрат правит баварскою землей.
По ней вам ехать надо с опаскою большой.
Всего же пуще бойтесь рассориться в пути
С тем, без кого вам ни за что Дунай не перейти.
- ¹⁵⁴⁷ Так вспылчив перевозчик, что худо вам придется,
Коль с ним у вас размолвка иль ссора заведется.
Пусть ему заплатит за труд владыка ваш.
Слуга он верный Гельфрату и переправы страж.
- ¹⁵⁴⁸ Коль ждать он вас заставит, кричите что есть сил:
«Я — Амелрих злосчастный» — такой боец тут жил,
Но родину покинул, спасаясь от врагов.
К вам перевозчик приплывет, услышав этот зов».
- ¹⁵⁴⁹ Признательность воитель ей выразил кивком
И, с сестрами расставшись, в кустах исчез молчком.
Он берегом песчаным пошел вверх по реке
И вскорости увидел дом за нею вдалеке.
- ¹⁵⁵⁰ Он крикнул так, что голос донесся за Дунай:
«Живее, перевозчик, мне лодку подавай.
Коль на баварский берег меня перевезешь,
Получишь золотой браслет — взгляни, как он хорош».

- 1551 Богат был перевозчик, ни в чем не знал нужды.
Не очень-то прельщался он платой за труды
И слуг держал надменных, хозяину под стать,
Долгонько Хагену пришлось на берегу стоять,
- 1552 Тогда, перекрывая шум волн и ветра вой,
Герой возвысил снова могучий голос свой:
«Я — Амелърих, служивший у Эльзе вплоть до дня,
Когда изгнали с родины мои враги меня».
- 1553 Браслет он в воздух поднял на острие клинка,
Чтоб золото увидел гордец издалека
И низменную алчность оно в нем разожгло.
Тут перевозчик наконец схватился за весло.
- 1554 Для молодой супруги решил он взять браслет.
Кто обуян корыстью, тому спасенья нет.
На золото польстился по жадности глупец
И в стычке с грозным Хагеном нашел себе конец.
- 1555 Проворно перевозчик Дунай преодолел,
Но за рекой не встретил того, кого хотел,
Чем был в такую ярость и злобу приведен,
Что Хагену отважному свирепо бросил он:
- 1556 «Хоть Амелърихом тоже, быть может, вас зовут,
Другого человека я мнил увидеть тут.
Мы с ним родные братья, а вы солгали мне.
Сидите в наказание на этой стороне».
- 1557 «Свой гнев, — ответил Хаген, — уймите, бога ради,
И знайте: не придется вам нынче быть в накладе,
Коль вы перевезете товарищей моих,
С которыми приехал я сюда из стран чужих».
- 1558 Воскликнул перевозчик: «Не трать напрасно слов.
У тех, кому служу я, немало есть врагов.
И к ним я не намерен возить бог весть кого,
Коль жизнь твоя тебе мила, прочь с судна моего!»
- 1559 «И все же браслет возьмите, — сказал герой ему. —
Придете вы на помощь отряду моему.
Коней в нем десять сотен да столько ж человек».
Но перевозчик закричал: «Не быть тому вовек!»

- ¹⁵⁶⁰ Веслом своим тяжелым спесивец что есть сил
С размаху чужестранца по голове хватил,
И Хаген на колени упал, ошеломлен.
Гневливей перевозчика еще не видел он.
- ¹⁵⁶¹ Затем, чтоб не поднялся пришедший в ярость гость
И взяться за оружие ему не удалось,
Силач врага ударил по темени багром,
Но это для него, увы, не кончилось добром.
- ¹⁵⁶² Багор о шлем разбился, а Хаген вынул меч,
И голова скатилась у грубияна с плеч,
И витязь, вслед за телом, швырнул ее на дно,
О чем бургундам было им потом сообщено.
- ¹⁵⁶³ Едва вассала Эльзе бургунд успел сразить,
Как лодку тут же стало течением сносить.
Встал на корме воитель и на весло налег,
И все же повернуть назад отнюдь не сразу смог.
- ¹⁵⁶⁴ Вверх по Дунаю судно в конце концов пошло,
Но тут переломилось широкое весло.
Хоть не нашлось другого, не оробел смельчак.
Ремнем подшитным он связал обломки кое-как.
- ¹⁵⁶⁵ И к берегу причалить с большим трудом сумел.
Над самою водою так лес густой шумел,
И ждал вассала Гунтер с дружиною своей.
Сбежалась Хагена встречать толпа богатырей.
- ¹⁵⁶⁶ Бургунды были рады, что витязь с ними вновь.
Когда же увидали они на судне кровь
Спесивого невежи, чью голову он снес,
Друзьями задан Хагену был не один вопрос.
- ¹⁵⁶⁷ Шел пар от свежей крови, и Гунтер угадал,
Как завладел ладьею его крутой вассал.
Спросил он: «Где же судно вы, Хаген, раздобыли
И где же перевозчик сам? Знать, вы его убили?»
- ¹⁵⁶⁸ Отперся хитрый Хаген: «Нашел я этот челн.
Он кем-то был привязан к ветле у самых волн,
А перевозчик даже не встретился со мною,
И если вправду он убит, не я тому виною».

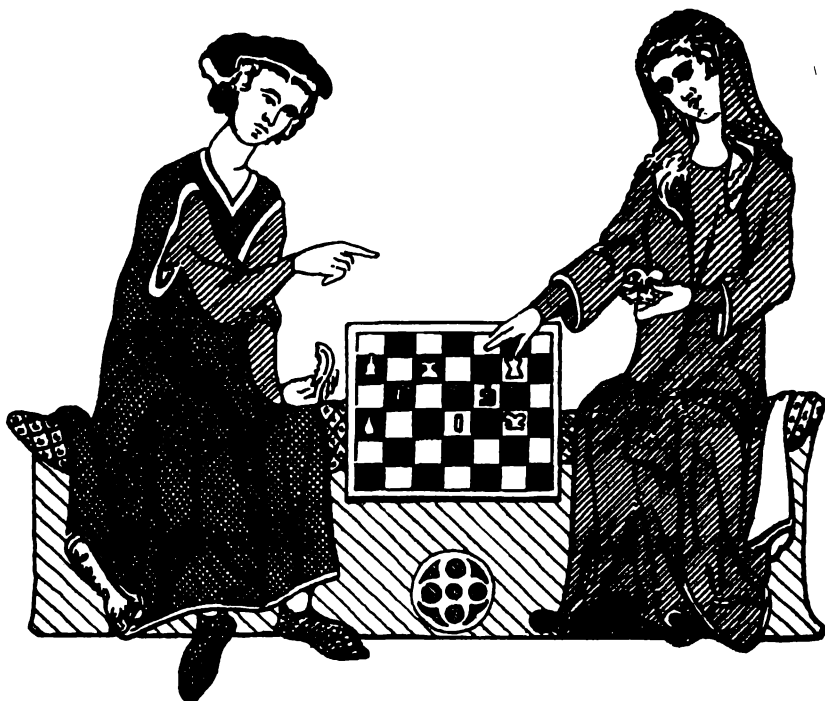
- ¹⁵⁶⁹ Король бургундский Гернот прервал беседу их:
«Я сильно опасаюсь за жизнь друзей своих—
Вдруг опрокинет лодку волною невзначай.
Как мы без перевозчиков переплывем Дунай?»
- ¹⁵⁷⁰ Воскликнул Хаген: «Слуги, поклажу снять с коней!
Служил на перевозе я в юности своей
И равного мне было на Рейне не найти.
Даст бог, сумею к Гельфрату я вас перевезти».
- ¹⁵⁷¹ Коней загнали в воду ударами кнутов,
Чтоб вплавь они пустились одни, без седоков,
И реку переплыли лихие скакуны,
Хоть многие и были вниз теченьем снесены.
- ¹⁵⁷² На судно погрузили затем казну и кладь,
И стал владетель Тронье друзей переправлять.
Когда б он не работал весь этот день веслом,
Не быть бы многим витязям на берегу другом.
- ¹⁵⁷³ Он десять сотен вормсцев сперва отвез туда,
Потом своих вассалов — красавцев хоть куда,
А после девять тысяч простых бойцов и слуг.
Трудился Хаген допоздна, не покладая рук⁵.
- ¹⁵⁸¹ Едва была поклажа на сушу снесена,
Владетель Тронье в щепы разнес борты челна
И отогнал подальше от берега его,
К большому изумленью отряда своего.
- ¹⁵⁸² Спросил в смятенье Данкварт: «Что ты наделал, брат?
На чем же мы поедem, когда на Рейн назад
Из королевства гуннов нас Гунтер поведет?»
Но Хаген не сказал ему, что за удел их ждет.
- ¹⁵⁸³ Он только молвил: «Судно я изломал сейчас,
Чтоб ни один предатель, коль есть такой меж нас,
Покинуть не решился товарищей в беде.
Пусть знает: трусу всюду смерть — и в сече, и в воде».

(После нескольких приключений (авентюры XXVI—XXVII) бургундские витязи, не послушавшись предостережений Дитриха Бернского, явились ко дворцу Этцеля. Однако они держались настороже: не сдали оружия, в отведенной им для ночлега палате поставили часовых у дверей (авентюры XXVIII—XXX), а на следующий день в церковь пошли в полном вооружении. Предосторожность оказалась не лишней: во время пира действовавшие по наущению Кримхильды гунны напали на палату, где пировали бургундские кнехты, и перебили их; тогда уцелевший от побоища маршал Данкварт пробился в залу, где пировали князья, и объявил им об измене. Началась в чертоге страшная резня; первым ударом Хаген убил младенца Ортиба, сына Этцеля. Лишь благодаря Дитриху Бернскому удалось спастись из залы Этцелю и Кримхильде (авентюры XXXI—XXXIII). Отдельные перипетии боя рисуют авентюры XXXIV—XXXV.)

А в е н т ю р а XXXVI

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВА ПРИКАЗАЛА ПОДЖЕЧЬ ЗАЛ

- ²⁰⁸⁵ Покуда ночь над миром не распростерла тень, —
А летом отступает пред ней не скоро день, —
Вели сражение 'вормсцы, как витязям к лицу.
Пришел от их мечей конец не одному бойцу.
- ²⁰⁸⁷ Встревожились бургунды, когда спустился мрак.
Им думалось: не лучше ль, чем маяться вот так,
Самим напасть на гуннов и доблестно почить
Иль все же попытаться мир с врагами заключить.
- ²⁰⁸⁸ И Этцеля решились три короля позвать.
Кто им в стране враждебной вонмет скорей, чем зять?
От свежей крови красны, от панцирей черны,
Спустились братья вниз во двор и стали у стены.
- ²⁰⁸⁹ На зов явился Этцель, Кримхильда с ним пришла.
Весь край им был подвластен, и рать их все росла.
Король бургундам бросил: «Зачем я зван сюда?
На мировую не пойду я с вами никогда.
- ²⁰⁹⁰ Вы нанесли мне нынче такой большой урон,
Что он лишь вашей кровью быть может искуплен.
Мой сын сражен был вами, истреблена родня.
Ни мира, ни прощенья не ждите от меня».

Знатная дама и рыцарь за игрой в шахматы
Из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

²⁰⁹¹ «Ты нас, — промолвил Гунтер, — напрасно не кори.
Убили нашу челядь твои богатыри.
Скажи, в чем пред тобою мы провинились вдруг.
Ведь я тебе доверился и мнил, что ты мне друг».

²⁰⁹² Млад Гизельхер Бургундский спросил врагов своих:
«Пусть Этцелевы люди, те, что еще в живых,
Поведают открыто, чем я их оскорбил.
К ним едуци, руководим я добрым чувством был».

²⁰⁹³ Ответствовали гунны: «От доброты твоей
Немолчный стон сегодня стоит в округе всей.
К нам занесло из Вормса тебя не в добрый час.
Ты со своими братьями осиротил всех нас».

- ²⁰⁹⁴ Державный Гунтер снова воскликнул с раздраженьем:
«Куда разумней дело закончить примиреньем.
Полезно это будет обеим сторонам.
Несправедлив ваш государь, вреда желая нам».
- ²⁰⁹⁵ Гостям хозяин молвил: «И сравнивать смешно
Обиды ваши с горем, что мне причинено.
Я из-за вас лишился достоинства и чести
И ни за что не допущу, чтоб вы избегли мести».
- ²⁰⁹⁶ Сказал могучий Гернот на это королю:
«Тогда я вас и бога лишь об одном молю —
Чтоб, вам же к чести, дали вы нам во двор сойти:
На воле легче погибать, чем сидя взаперти.
- ²⁰⁹⁷ Коль нам конец назначен, пускай скорей придет.
Дружины ваши свежи, число их все растет,
А мы жестоким боем утомлены смертельно.
К чему свои страдания затягивать бесцельно?»
- ²⁰⁹⁸ Заколебались гунны, и Этцель был готов
Согласием ответить на просьбу пришлецов,
Но примириться с этим Кримхильда не могла
И так вассалам молвила, желая братьям зла.
- ²⁰⁹⁹ «Не отвергайте, гунны, мой дружеский совет.
Вам хитрости бургундов потворствовать не след.
Коль вырвутся из зала у вас во двор они,
Опять не досчитаетесь вы многих из родни.
- ²¹⁰⁰ Ведь если даже смерти вы предадите их,
Но дети Уты чудом останутся в живых,
Да на ветру остынут и дух переведут,
Такие витязи урок вам и втроем дадут».
- ²¹⁰¹ Млад Гизельхер ответил: «Пригожая сестра,
Я вижу, ты желала мне зла, а не добра,
Когда меня просила прибыть на торжество.
За что грозит мне смертью рать супруга твоего?
- ²¹⁰² Тебе хранил я верность, и не чинил вреда,
И лишь по той причине отправился сюда,

Что твердо был уверен в любви сестры ко мне.
Умерь свой гнев, иль смертный час пришел твоей родне».

2103 «Пощады вам не будет, — ответила она. —
Я Хагеном из Тронье была оскорблена,
Да так, что до могилы обиды не прощу
И все, что он мне задолжал, с вас, родичи, взыщу.

2104 Однако не останусь я к просьбам безучастна,
Коль вы его назначить заложником согласны.
Тогда я буду с вами о мире толковать
И вспомню, что дала нам жизнь одна и та же мать».

2105 Сказал могучий Гернот: «Да не попустит бог,
Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.
Мы тысячею братьев пожертвуем скорей,
Чем предадим хоть одного из верных нам людей».

2106 Млад Гизельхер воскликнул: «Друзья, мы все падем,
Но с недругами счеы по-рыцарски сведем.
Пусть трус ценой измены спасает жизнь свою,
А я уж лучше с гуннами померяюсь в бою».

2107 Как подобало, Данкварт прибавить не преминул:
«Вовек того не будет, чтоб брата я покинул.
Любую участь, Хаген, разделим мы с тобой,
А те, кому не нужен мир, пусть получают бой».

2108 Воззвала королева: «Богатыри, вперед!
Кто за меня оплатит и Хагена убьет,
Того вознагражу я, как долг и честь велят.
Штурмуйте лестницу, чтоб в зал врагов загнать назад.

2109 Во двор не выпускайте проклятых пришлецов.
Велю поджечь строенье я с четырех концов
И вормсам по заслугам воздам на этот раз».
Охотно люди Этцеля исполнили приказ.

2110 Они мечи и копья пустили в ход опять
И со двора бургундов сумели в зал прогнать,
Как ни сопротивлялись три брата-короля,
С дружинниками верными опасности дея.

- ²¹¹¹ Чтоб побыстрее на гибель сородичей обречь,
Жена владыки гуннов велела дом поджечь,
А тут пахнуло ветром, и зданье занялось.
Кому изведать больше мук, чем рейнцам, довелось?
- ²¹¹² «Увы! — они кричали. — Наш смертный час настал.
Уж лучше б полегли мы, рубясь у входа в зал.
Да сжалится над нами всевидящий творец!
Готовит королева нам мучительный конец».
- ²¹¹³ Один из них промолвил: «Мы все умрем, друзья.
Нас Этцель нам на горе зазвал в свои края.
Такая жажда сушит и жжет нутро мое,
Что, кажется, сойду с ума я скоро от нее».
- ²¹¹⁴ Ответил Хаген: «Витязь, коль жажда вас томит, —
Не погнушайтесь кровью тех, кто в бою убит, —
Она в подобном пёкле полезней, чем вино.
К тому ж, других напитков тут не сыщешь все равно».
- ²¹¹⁵ С одним бургундом рядом валялся мертвый враг.
Склонил колени воин, снял с головы шишак
И к свежей ране трупа припал иссохшим ртом.
Впервые кровь он пил и все ж доволен был питьем.
- ²¹¹⁶ Он Хагену промолвил: «Да наградит вас бог!
Совет ваш мудрый жажду мне утолить помог.
Вам за него я буду признателен по гроб.
Быть даже лучшее вино вкуснее не могло б».
- ²¹¹⁷ Поняв, что был их другу совет разумный дан,
Пить кровь бургунды стали у мертвецов из ран,
И это столько силы прибавило бойцам,
Что отняли они потом друзей у многих дам.
- ²¹¹⁸ Вокруг героев пламя ревело все сильнее.
Спасались под щитами они от головней,
Но их невыносимо терзали зной и дым.
Нет, не бывало никому трудней, чем было им.

- ²¹¹⁹ Воскликнул Хаген: «К стенам! Прикроют нас они,
И нам на шлемы падать не будут головни,
А упадут — втопчите их сразу в кровь ногой.
Эх, знатный же нам задан пир хозяйкой дорогой!»

(Убедясь в невозможности одолеть бургундов мечом и огнем, гунны и их союзники стали посылать против них лучших из бойцов: благородного графа Рюдигера, павшего в том бою (авентюра XXXVII), старого Хильдебранда (авентюра XXXVIII) и, наконец, Дитриха Бернского, который не может не отомстить за гибель всей своей дружины.)

А в е н т ю р а XXXIX

О ТОМ, КАК ДИТРИХ БИЛСЯ С ГУНТЕРОМ И ХАГЕНОМ

- ²³²⁴ Поднялся Дитрих с места, доспехи сам достал⁶,
И в них ему облечься помог старик вассал.
Так сокрушался бернец и в горе был таким,
Что от стенаний витязя дрожмя дрожал весь дом.
- ²³²⁵ Но, с силами собравшись, он овладел собой,
Надел на левый локоть свой добрый щит стальной
И вместе с Хильдебрандом отправился туда,
Где с бернскою дружиною произошла беда.
- ²³²⁶ «Спешит, — промолвил Хаген, — к нам Дитрих через двор,
И у него от гнева огнем пылает взор.
Он был обижен нами и мщенья вожделеет.
Вот мы сейчас и поглядим, кто в схватке одолеет.
- ²³²⁷ Хотя правитель Берна на вид несокрушим,
Известен повсеместно бесстрашием своим
И нам за смерть вассалов мечтает отомстить,
Я все ж отважусь с ним в бою оружие скрестить».
- ²³²⁸ Той речи бернцы вняли еще издалека —
Во двор из зала вышли два рейнца-смельчака
И там, к стене прижавшись, стояли у дверей.
Поставил Дитрих наземь щит и глянул на гостей.
- ²³²⁹ Затем возвысил голос: «Я знать хочу, король,
За что же причинили вы мне такую боль.
Изгнанник я бездомный, живу в краях чужих,
А вы меня лишаете всех радостей моих.

- 2330 С вас, вормсцев, было мало, что Рюдегер, наш друг,
Наш давний благодетель, погиб от ваших рук.
Вы всех моих вассалов убили сверх того,
Хотя не сделал вам, король, я ровно ничего.
- 2331 А вы ведь испытали и сами на себе,
Как тяжело и горько друзей терять в борьбе.
Как после их утраты душа у нас болит.
Ах, до чего же грустно мне, что Рюдегер убит!
- 2332 Людей, меня несчастней, еще не видел свет,
Но до чужой печали вам, рейнцы, дела нет.
Моих бойцов отборных вы в сече истребили,
И перестану слезы лить о них я лишь в могиле».
- 2333 «Не так уж мы виновны, — вскричал владетель Тронье. —
Нас вынудили бернцы сегодня к обороне —
Они вломились сами с оружием в этот зал.
Вам кто-то о случившемся неправду рассказал».
- 2334 «Но Хильдебранд клянется, что амелунги* вас
Труп Рюдегера выдать просили много раз,
А вы лишь насмехались над слезной их мольбой.
Могу ль я допустить, что лжет мне мой вассал седой?»
- 2335 «Нет, с вами он был честен, — признался Гунтер смело, —
Но верьте, что не выдал я вашим людям тело, —
Чтоб Этцеля — не бернцев задеть и оскорбить.
Все б обошлось, когда б не стал ваш Вольфхарт нам грубить».
- 2336 «Пусть так, — ответил Дитрих, — но долг и честь велят,
Чтоб за беду платился тот, кто в ней виноват,
И если ты со мною желаешь примиренья,
Изволь сейчас же, Гунтер, дать мне удовлетворенье.
- 2337 Коль ты с вассалом вместе согласен сдаться мне,
За вашу безопасность ручаюсь я вполне.
Не подпущу я гуннов к заложникам моим,
Надежнейшим защитником и другом буду им».

* Амелунги — вассалы и сородичи Дитриха Бернского.

- 2338 Воскликнул Хаген: «Боже, спаси нас и помилуй!
Пока мы невредимы, не оскудели силой
И дать отпор достойный способны всем врагам,
Два столь могучих воина в плен не сдадутся вам».
- 2339 На это Дитрих молвил: «Не говорите так.
Ведь по вине бургундов, хотя им был не враг,
Всего лишился в жизни я с нынешнего дня,
И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.
- 2340 Ручаюсь головою и честью вам клянусь,
Что лично вас доставить на Рейн не поленюсь,
Что раньше сам погибну, чем вред вам дам нанести,
И не взыщу с вас за ущерб, мне причиненный днесь».
- 2341 Владетель Тронье бросил: «Не тратьте время даром.
Здесь не возьмете пленных вы с Хильдебрандом старым.
Постигнет нас бесчестье, коль разнесется слух,
Что убоялись мы врагов, притом всего лишь двух».
- 2342 Тут Хильдебранд вмешался: «Клянусь творцом небесным,
Мой государь явился к вам с предложеньем лестным.
Пойти на мир почетный должны вы, Хаген грозный,
Пока уладить все добром еще отнюдь не поздно».
- 2343 «Да, — усмехнулся Хаген, — куда почетней сдаться,
Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться,
Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор,
Хоть смельчаком вас, Хильдебранд, считал я до сих пор».
- 2344 «Вот вы, — старик ответил, — смеетесь надо мной,
А кто под Васкенштайном, забыв свой долг прямой,
В бой с Вальтером Испанским вступить не захотел,
На щит уселся и с него на смерть друзей глядел?» ⁷
- 2345 «Молчите! — крикнул Дитрих седому удалцу. —
Браниться, как старухам, мужчинам не к лицу.
Вы, Хильдебранд, отныне не раскрывайте рот —
С меня довольно и без вас печали и забот».
- 2346 А Хагену он молвил: «О чем, у зала стоя,
Вы с королем беседу вели между собою,

И правильно ль расслышал я, подходя к дверям,
Что силами померяться со мной угодно вам?»

2347 «Я впрямь, — признался Хаген, — так говорил недавно.
Пока мне верно служит меч нибелунгов славный,
Я с вами потягаться согласен хоть сейчас.
Гневлюсь я, что в заложники вы взять хотели нас».

2348 Увидев по ответу, что схватка предстоит,
Проворно бернец поднял с земли свой добрый щит,
И Хаген тут же прыгнул на недруга с крыльца.
Меч нибелунгов засверкал в руках у храбреца.

2349 Сметнул могучий Дитрих, что сильно Хаген зол,
И с превеликим тщаньем опасный бой повел,
Стараясь понадежней стальным щитом прикрыться.
Он знал, как страшен враг его, коль скоро разъярится.

2350 Сообразив, сколь Бальмунг^{*} широк, тяжел, остер,
Он избегал сходитьсь с противником в упор,
И лишь когда почуял, что тот не сладит с ним,
Бургунду рану тяжкую нанес мечом своим.

2351 «Тебя, — подумал бернец, — усталость доконала.
С тобой покончить просто, да чести в этом мало.
Хочу я, чтоб достался ты, Хаген, мне живой,
И ради этого рискну, пожалуй, головой».

2352 Отбросив щит, он вормсца руками обхватил;
Тот стал сопротивляться, собрав остатки сил,
Но скоро рухнул наземь под натиском его,
К безмерному отчаянью владыки своего.

2353 Был Хаген бернцем связан и отведен потом
Туда, где находились Кримхильда с королем.
Она повеселела, увидев, что в плену
Храбрец, который столько зла ей сделал в старину.

2354 В поклоне королева склонилась до земли.
«От смерти и позора вы, Дитрих, нас спасли.

^{*} Бальмунг — меч Зигфрида, которым завладел его убийца Хаген.

Пусть счастье вам за это сопутствует вовек,
А я по гроб у вас в долгу, бесстрашный человек».

2355 В ответ герой промолвил владычице надменной:
«Прошу вас, королева, чтоб жив остался пленный.
Теперь его бояться причины больше нет.
Пускай живет и возместит вам причиненный вред».

2356 Она врага велела в темницу отвести,
Чтоб там, от всех сокрытый, сидел он взаперти.
Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал:
«Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»

2357 К нему вернулся Дитрих, услышав этот зов,
Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов.
Отважно устремился навстречу бернцу он,
И тотчас огласил весь двор клинков булатных звон.

2358 Как ни был бернский витязь могуч, проворен, смел,
Он лишь каким-то чудом остался жив и цел —
Так беззаветно Гунтер рубился в том бою, —
Так вымещал на недруге тоску и боль свою.

2359 Мир не знал доселе подобных силачей.
Гудел дворец огромный от стука их мечей.
Старались друг на друге бойцы рассечь шишак,
И Гунтер доказал, что он доподлинный смельчак.

2360 Но был король измучен, а бернец бодр и свеж.
Он Гунтера осилил, как Хагена допрежь.
Пробил кольчугу вормса клинок его меча,
И хлынула из раны кровь, красна и горяча.

2361 Связал бургунду руки победоносный враг,
Хоть с государем пленным не поступают так.
Но Дитрих знал: коль рейнцев освободить от пут,
Всех, кто к ним ни приблизится, они вдвоем убьют.

2362 Потом правитель бернский, прославленный храбрец,
Отвел свою добычу к Кримхильде во дворец.
При виде скорби брата, забыв печаль и боль,
Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!»

- ²³⁶³ Он молвил: «Поклонился б я вам, моя сестра,
Когда бы вы хотели сородичам добра.
Но приуготовляли вы нам не встречу — месть.
Недаром плохо приняты и я, и Хаген здесь».
- ²³⁶⁴ Возвысил голос Дитрих: «Вам, госпожа моя,
Заложников презнатных привел сегодня я.
Доныне в спорах ратных никто не брал таких.
Прошу в награду за труды — оставьте их в живых».
- ²³⁶⁵ Взяв с королевы слово, что пленных пощадят,
В слезах пошел воитель куда глаза глядят.
Но клятве оказалась Кримхильда неверна —
У двух бургундских витязей жизнь отняла она.
- ²³⁶⁶ Велела их Кримхильда держать в темнице врозь,
И больше им друг друга узреть не довелось,
Покуда брата смерти сестра не предала
И с головою короля к вассалу не пришла.
- ²³⁶⁷ Когда владетель Тронье был отведен в тюрьму,
Явилась королева и молвила ему:
«Верните то, что взяли вы у меня когда-то,
А не вернете — я велю казнить и вас, и брата».
- ²³⁶⁸ Лишь усмехнулся Хаген: «Не след меня страшать.
Поклялся вашим братьям о кладе я молчать,
Покамест не узнаю, что умерли все трое,
И где он — этого я вам до гроба не открою».
- ²³⁶⁹ Она в ответ: «От клятвы освобожу я вас».
И обезглавить брата велела сей же час,
И к Хагену обратно вернулась поскорей,
Отрубленную голову влача за шелк кудрей.
- ²³⁷⁰ На государя глянул в последний раз вассал,
К Кримхильде повернулся и с вызовом сказал:
«Напрасно ты ликуешь, что верх взяла в борьбе.
Знай: я поставил на своем благодаря тебе.
- ²³⁷¹ Погиб державный Гунтер, король моей страны.
Млад Гизельхер и Гернот врагами сражены.

Где клад — про это знаем лишь я да царь небес.
Его ты, ведьма, не найдешь — он навсегда исчез».

2372 Она в ответ: «Остались в долгу вы предо мной.
Так пусть ко мне вернется хоть этот меч стальной,
Которым препоясан был Зигфрид, мой супруг,
В тот страшный день, когда в лесу он пал от ваших рук».

2373 Из ножен королевой был извлечен клинок,
И пленник беззащитный ей помешать не смог.
С плеч голову Кримхильда мечом снесла ему.
Узнал об этом муж ее, к прискорбью своему.

2374 «Увы! — воскликнул Этцель с горячими слезами —
Убит рукою женской храбрейший меж мужами,
Превосходил отвагой он всех, кто носит щит,
И смерть его, хоть он мой враг, мне совесть тяготит».

2375 А Хильдебранд промолвил: «Себе я не прощу,
Коль за бойца из Тронье сполна не отомщу.
Пусть даже я за это погибну в свой черед,
Та, кем был обезглавлен он, от кары не уйдет».

2376 Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.
Мечом своим тяжелым взмахнул он что есть сил.
Она затрепетала, издав короткий крик,
Но это ей не помогло — удар ее настиг.

2377 Жenu владыки гуннов он надвое рассек.
Кто обречен был смерти, тот смерти не избег.
Стенал в унынье Этцель и Дитрих вместе с ним,
Скорбя по славным ленникам и родичам своим.

2378 Бесстрашнейшим и лучшим досталась смерть в удел.
Печаль царила в сердце у тех, кто уцелел.
Стал поминальной тризной веселый, пышный пир.
За радость испокон веков страданьем платит мир.

2379 Сказать, что было дальше, я не сумею вам.
Известно лишь, что долго и дамам, и бойцам
Пришлось по ближним плакать, не осушая глаз,
Про гибель нибелунгов мы окончили рассказ.

КУРТУАЗНЫЙ ЭПОС

Гартман фон дер Ауэ

Гартман фон дер Ауэ (около 1170—1210 гг.) — швабский рыцарь, вассал владельца замка Ауэ, участник крестовых походов, один из наиболее видных куртуазных эпиков и лириков средневековой Германии. Стремясь воспитать немецкое рыцарство в духе новой куртуазной морали, покоящейся на принципе «меры», Гартман переводит на немецкий язык романы Кретьена де Труа («Эрек», около 1190 г., и «Ивейн», около 1200 г.). При этом он требует, чтобы в основе рыцарского подвига лежали не эгоистические, но гуманные побуждения, вступая, таким образом, в противоречие с реальной действительностью, основанной на частном феодальном интересе и жестоком кулачном праве. Стремясь преодолеть это противоречие, Гартман переносит вопрос о рыцарском долге в сферу религиозных представлений, видя в благочестии и христианском смирении путь к преодолению феодального эгоизма. Но, конечно, путь, избранный Гартманом, был чисто иллюзорным, поскольку христианство никогда не препятствовало утверждению феодального своекорыстия чувств.

Под пером Гартмана куртуазный роман приближается к религиозной житийной литературе, а житийная литература облекается в куртуазные формы. Об этом свидетельствуют духовная поэма «Григорий Столпник», а также наиболее самобытное создание Гартмана — стихотворная повесть «Бедный Генрих» (90-е годы XII в.). В этой повести рассказывается о знатном рыцаре Генрихе, которому при всех его куртуазных добродетелях недоставало благочестия. Он был счастлив, однако счастье свое он приписывал не богу, но только своим личным достоинствам. За это «высокомерие» бог поразил Генриха проказой. Вынужденный покинуть дом и близких, Генрих находит приют в хижине своего арендатора-крестьянина, юная дочь которого самоотверженно ухаживает за больным. Она даже решает отдать жизнь за Генриха, когда узнает, что врачи обещают прокаженному выздоровление, если его тело будет омыто кровью невинной девушки. Генрих уже готов принять эту жертву. Но в самый последний момент его охватывает глубокое раскаяние. Он познает греховность своего поведения, отказывается от жертвы и решает терпеливо сносить уготованные ему страдания. За это бог прощает его прегрешения, Генрих чудесным образом исцеляется и женится на самоотверженной девушке. Как видим, повесть Гартмана очень близка к религиозной легенде. Вместе с тем в основе «Бедного Генриха» лежит вполне мирская мысль о безобразии себялюбия и красоте альтруизма. Простая крестьянская девушка, способная на великую жертву, является подлинной героиней произведения. Вопреки всем сословным традициям Гартман ставит эту простолюдинку выше представителей феодального мира, что придает повести необычный для куртуазного эпоса демократический оттенок.

Другая особенность повести заключается в том, что в ней почти полностью отсутствует фантастический элемент, столь излюбленный в куртуазном эпосе. Повесть носит в значительной мере «бытовой» характер. По ясности изложения, легкости ритма и богатству рифмы Гартмана фон дер Ауэ из немецких куртуазных поэтов превосходит только Готфрид Страсбургский.

БЕДНЫЙ ГЕНРИХ

...«Отчаиваться рано,—
сказала девушка в ответ.—
На то причин особых нет.

Спасение возможно, —
я говорю не ложно, —
коль все зависит от меня!..
Я не хочу терять и дня
и, к вашему же благу,
под нож в Салерно лягу!
И к вам вернется жизнь тогда.
Все остальное — не беда.
Ведь вы, избавясь от болезней,
намного лучше и полезней
способны жизнь прожить, чем я...»
Граф, восхищенья не тая,
с глазами, влажными от слез,
благоговейно произнес:
«Моя возлюбленная жена!
Жизнь нам обоим равно нужна,
а смерть — не такая уж сладкая штука,
но еще ужасней предсмертная мука.
Все не так просто, как ты полагаешь,
когда мне помощь свою предлагаешь.
Я твой порыв оценил вполне...
Немалое счастье выпало мне
с подобной встретиться чистотою,
с безгрешным сердцем, с верой святою
в великую силу любви и добра...
О, я бы со смертного встал одра,
когда бы это приказала
ты, кто святость свою доказала.
Чудо господь сотворил:
сердце твое отворил
чужому страданию, чужой печали...
Но кем бы люди меня считали,
если б я принял жертву твою?
Пред страшным выбором я стою!..»
.....
Граф и девушка скачут в Салерно.
Оба счастливы неимоверно,
хоть ее огорчает немного,
что так далека дорога.
Графа нужно быстрее спасти,
но мешает дальность пути.

В Салерно они прискакали,
врача того отыскиали:
«Вот она, кем я буду спасен!..»
Врач узнал его. Врач потрясен.
А затем, состраданием влекомый,
к бедной девушке незнакомой
он подходит и молвит: «О дочь моя,
расскажи, ничего не тая,
что здесь: чистой любви побужденье?
Иль угроза? Приказ? Понужденье?
Хочешь верность ему доказать
иль не можешь ему отказать,
повинуясь мольбам господина?..
Мне должна быть известна причина
решенья страшного сего».
«Веленье сердца моего», —
не замедлила дева с ответом.
От нее не скрылось при этом,
как врач на нее дивился.
Он в сторону с ней удалился
и свой вопрос повторил:
«Не твой ли граф подговорил
в преступном бессердечье
тебя на эти речи?!
Достаточно тебе чуть-чуть
себя, меня ли обмануть,
хотя бы и под страхом, —
как все пошло бы прахом:
мое искусство, подвиг твой;
ты не останешься живой,
и сердце изничтожишь,
и графу не поможешь!
Как говорят: сто раз отмерь!
Все взвесь, себя спроси, проверь,
нет ли в душе сомненья
и не нашло ль затмения!..
И слушай, что произойдет,
как в силу договор войдет.
Воображаешь сцену?
Вот я тебя раздену,
и ты, раздевшись догола,
уже не встанешь со стола,
но, стыд превозмогая,

несчастливая, нагая,
начнешь кричать беззвучным ртом.
Сказать, что ждет тебя потом?
По правилам науки
тебе свяжу я руки,
и ноги я тебе свяжу,
и прямо в сердце нож всажу,
и, грудь пронзив и спину,
живое сердце выну!
Еще одно узнать изволь:
страшна не смерть. Ужасна боль!..
Что! Ты в ответ ни слова?!
Ты лечь на стол готова?!
А дух тебя не подведет,
когда дыхание сведет?
А при упадке духа —
полнейшая проруха!
О, эта боль! О, этот ад!
При этом нет пути назад.
О, сколь я сам несчастен,
Что к этому причастен!
Нет, в жизни мне не повезло:
Избрал я злое ремесло...
Ах, погоди хоть малость!..»
Но дева рассмеялась:
«Спасибо вам, великий врач!..
Мне тоже не везет, хоть плачь.
Сомнение тревожит,
и спасенье гложет.
Поди, и вправду откажусь,
не от того, что не гоюсь:
не я оказалась слабой,
вы оказались бабой!
Да ведь у вас наверняка
от страха задрожит рука.
Вы — первый врач Салерно
и трусите безмерно!
Вы зайцу серому родня!
Но только жаль вам не меня,
не смерти моей ранней,
своих вам жаль терзаний!
А может быть, давно мертво

былое ваше мастерство
и силы в вас иссякли?
Ну! Я права! Не так ли?!
Я женщина — и я сильна,
и в действиях своих вольна,
и я на стол ваш лягу,
но вы — назад ни шагу!
А что наслушалась от вас
я всяких ужасов сейчас,
то это все не ново:
я к ним давно готова.
Поймите же, что никогда
я б не приехала сюда,
коль с самого начала
я главного не знала:
не струшу и не отступлю,
а господину жизнь куплю,
себе же — доступ в царство божье!
Так не тряситесь мелкой дрожью!
Час избавленья чуя,
сейчас плясать хочу я!
Граф исцелится наконец,
меня к себе призовет творец,
и не во сне, а наяву
я в царстве божьем заживу,
увенчана короной,
господом даренной...»
И понял мудрый врач тогда,
что она в решение своем тверда,
что не может она поступить по-иному,
и ее повел он к графу больному.
«Счастливейший из людей земли,
о чем и мечтать нельзя, вы нашли!
Все сомненья отпали. И вскорости
от своей вы избавитесь хворости!...»
Он повел ее в комнатку тайную,
где все мраком покрыто и тайною,
а графу за дверью велел остаться,
в тайную комнату не врываться,
сколько б это ни длилось часов,
и запер дверь на тяжелый засов.
Там, где стояли различные склянки,

он велел раздеться юной крестьянке,
и она, повинувшись приказу,
охотно и сразу
платье сняла, обнаженной осталась,
но не стеснялась...
И врач увидал: на диво
это юное тело красиво.
И так жаль врачу ее стало, —
прямо сердце стучать перестало
и рассудок чуть не отказал...
И он сам ей об этом сказал.
Но она его умоляла,
вновь и вновь повторяла,
чтоб он продолжал свое дело
и скорее разрезал ей тело.
Вот и стол она видит высокий,
где обряд свершится жестокий.
Лекарь девушку за руку взял,
взобраться на стол приказал.
Она легла без тени тревоги.
Он связал ей руки и ноги,
а потом стал подыскивать нож:
который из них хорош?
(Их здесь много, широких и длинных,
для дел отнюдь не невинных.)
Пусть вявшая голосу долга
хотя бы страдает недолго
и легко и быстро умрет...
Лекарь камень точильный берет,
и точит свой нож, и точит,
к делу все приступить не хочет!
А Бедный Генрих, за дверью стоя,
чувство испытывает не простое.
Он удручен, озадачен,
великим смятением охвачен.
Ах, ужель не увидит он снова
черты лица дорогого?
А если он их увидит,
то здоровым отсюда не выйдет.
Но ему исцеление обещано?..
Вдруг в стене замечает он трещину
и, прильнувши к ней, видит сквозь щель

этот стол, что похож на постель,
а вернее, на смертное ложе,
на котором, — господи боже, —
связанная, нагая, лежит его дорогая.
«О, как же ты глуп! — сказал он себе. —
Ты ждешь перемен в своей скорбной судьбе
и требуешь избавленья
без божьего соизволенья!
Ты небом страдать осужден навек,
а хочешь, чтоб спас тебя человек?
Глумясь над господним словом,
надеешься быть здоровым?!
На что ты девушку подговорил?
Да сам ли ведал ты, что творил?
Смерть ее будет лишней,
ибо все решает всевышний!
Исцелит — ликуй, не простит — страдай.
Только девушке умереть не дай,
кровью чистой своей твой позор оплатить!..»
И, не выдержав, начал он в дверь колотить.
«Отворите скорее, я вам говорю!» —
«Господин, как закончу, так и отворю:
ни мгновенья нельзя в этом деле терять!» —
«Отворите же! Сколько вам раз повторять!
Надо кое-что нам обсудить непременно!» —
«Говорите... Мне слышно вас и сквозь стену».
«Нет! Сквозь стену я не хочу говорить!»
Что поделать? Пришлось ему отворить.
И Генрих в комнату вошел,
увидел тот высокий стол,
где связанная дева,
нагая, словно Ева,
исхода сладкого ждала...
Тут он, схватясь за край стола
вскричал: «Дитя невинное!
Не буду я причину
ужасной гибели твоей!
Врач, развязать ее! Скорей!
Да будет освобождена
та, что для жизни рождена
и столь собой прекрасна.
За что ей гибнуть понапрасну!

Спасибо за твое добро.
А золото и серебро,
согласно уговору,
ты, врач, получишь скоро!»
(И мы заметим мимоходом:
врач счастлив был таким исходом.)
Но когда спасенная поняла,
что судьба ее жертву не приняла,
то, свой стыд позабыв девичий,
против всяких правил приличий
принялась она истошно рыдать,
на себе в исступлении волосы рвать,
так что все, что это видали,
сами также рыдали.
И металась она, и кричала она:
«Боже мой! Я отныне всего лишена!
Развеялся сон мой чудесный!
Не владеть мне короной небесной!
Если бы мне удалось пострадать,
то и впрямь корону небесную дать
должны были б мне за страданья.
Ах, напрасны, напрасны старанья!
О ты, кто благ на небеси,
меня, несчастную, спаси
и господина со мною вместе.
Какой великой лишились мы чести:
он — плоть спасти, я — дух спасти
и, не ропща, свой крест нести!..»
Так она голосила,
о смерти просила,
охвачена безграничной тоской,
к доброте взывая людской.
Но в столь необычном и страшном деле
ей люди, конечно, помочь не хотели.
Нет, никто ей, никто не помог.
И молчали и люди и бог..
И тогда господину пенять она стала:
«Сколько я всего из-за вас испытала!
Как глумились вы надо мной!
А всему ваша слабость виной.
Это вы меня к жизни вернули!
Да и люди меня обманули:

«Рыцарь! Мужествен! Неустрасим!..»
Ах, зачем я поверила им
и разгневала господа бога?
Мне совсем оставалось немного
до конца, но в решающий миг
вы отчаянный подняли крик.
Вы за горе мое в ответе.
Вы трусливее всех на свете.
Я ведь на смерть пошла. А вы?
Потерпеть не решились, увы!
Что ж вас так напугало, узнать нельзя ли?
Может, то, что меня связали?
Но ведь, стоя за толстой стеной,
как вы видеть могли, что со мной?
Может, вы бесстрашнейший витязь,
просто смерти чужой боитесь,
потому и вбежали к врачу?
Ну, так я вас заверить хочу,
что, если меня не будет,
вас никто не осудит,
не обвинит в преступлении.
А, напротив, вас ждет исцеленье».
Все тщетно — деве быть живой!..
А Генрих тяжкий жребий свой
как рыцарь набожный принял,
он твердости не потерял
и чистоты душевной,
назло судьбе плачевной...
Не выполнив обета,
вновь девушка одета
и снова жить обречена.
Врачу заплачено сполна.
И Генрих с грустью необъятной
тотчас пустился в путь обратный,
при этом был вполне готов
услышать гогот наглых ртов,
и вопль, и рев толпы презренной
на родине благословенной.
Что ж! Пусть толпа гогочет!
Все — как господь захочет!..

А дева так измождена была,

так много слез горячих пролила,
что силы ей внезапно изменили:
и впрямь она близка к могиле.
И тогда помог ей в беде
тот, кто с нами всегда и везде,
кто людские сердца отворяет,
радостью их одаряет,
кто диво дивное свершил
и этих двоих испытать решил,
как Иова когда-то:
тверда ли их вера иль слабовата?..
И то был Иисус Христос,
кто избавление им принес
за то, что душа в них жила человечья,
за милосердие и добросердечье...
Чем ближе к отческому дому,
тем легче делалось больному.
Проказа с Генриха сползла —
господня милость его спасла.
Господь своей любовью
вернул ему здоровье.
И Генрих снова жизни рад,
как двадцать лет тому назад.
Слух о чудесном исцеленьи
шел из селения в селенье,
народ о чуде узнавал
и непритворно ликовал:
ведь милосердие и пощада
и есть небесная услада...

Меж тем высокородные князья —
всё Генриха ближайшие друзья
(которые в беде с ним не встречались) —
ему навстречу мчались.
Не веря слухам и словам,
любой хотел увидеть сам,
что исцеляет наш господь
не только дух, но также плоть
от хвори беспощадной.
И вот — пример наглядный!
А хуторянину с женой
казалось: сгинул сон дурной,

свершилось чудо божье!
(Скажу: была бы ложью
попытка разуверить вас,
что оба не пустились в пляс
при первом извещеньи
о дивном возвращеньи
их дочери родимой,
живой и невредимой,
и графа дорогого,
здорового, живого.)
Нет, не могли отец и мать
ни слез, ни смеха удержать,
в них все перемешалось,
что в сердце умещалось.
Как будто сняли их с креста!..
И хоть смеялись их уста,
из глаз текли на щеки
горячих слез потоки.
Вновь слезы хлынули из глаз,
когда не три, а тридцать раз
они поцеловали
ту, что уже не ждали
(и в этом я поверю
старинному поверью).
Явился в каждый швабский дом
желанный праздник. Все кругом
шумело, веселилось,
веселие вселилось
в сердца воспрянувших людей.
Свидетели тех давних дней
в преданьях рассказали,
что в Швабии едва ли
встречали так кого-нибудь,
цветами устилая путь...
Но вы узнать хотите
дальнейший ход событий?
Что Генрих? Как его дела?
Недурно, господу хвала!
Он вновь здоров, и вновь силен,
и вновь почетом окружен,
он стал еще богаче...
Но жить он стал иначе:

достойней, чище, строже,
в согласие с волей божьей.
А хуторянину тому,
который дал приют ему,
он отписал именье
в вечное владенье.
Не позабыл он и о ней,
кто всех была ему верней...

.....
Но вот мудрейшие страны
сказали графу: «Вы должны
в конце концов решиться
на ком-нибудь жениться.
Быть холостым вам не к лицу.
Так поведите же к венцу
достойную подругу,
грядущую супругу!..»
Созвав друзей в огромный зал,
граф Генрих попросту сказал:

.....
«Друзья мои, в сей светлый час,
должно быть, многие из вас
еще хранят воспоминанье
о том, как я страдал в изгнанье.
Болезнью тяжкой удручен,
я был от мира отлучен,
люди меня избегали,
детей своих мною пугали.
Так чем же мне ответить той,
чьей ангельскою добротой
и бескорыстнейшей любовью
мне вновь возвращено здоровье?»
На сей раз общим было мнение:
«С ней, кто принес тебе спасенье,
жизнь и богатство раздели —
и свадьбу праздновать вели!
Но кто счастливейшая эта?..»
И вот перед лицом совета,
свою красавицу обняв,
ответствовал спасенный граф
весьма прекрасными словами:
«Смотрите, вот она — пред вами,

кто от гибели и зла
меня, несчастного, спасла.
И я вам повторяю:
ее я выбираю!
Но, впрочем, ей решать самой:
быть ей со мной иль не со мной?
Но в случае отказа
клянусь: умру я сразу!..»
И богат, и беден, и стар, и мал
воскричали: «Истинно он сказал!..»
Священники их обвенчали.
И до старости, без печали,
в согласие свои они прожили дни,
и в небесное царство вступили они...
Пусть и нам дарует господь эту участь:
мирно жить, умирать не мучась.
О господь, пощади нас и не покинь,
ниспошли нам свое милосердьё. Аминь!

Вольфрам фон Эшенбах

Для уроженца Баварии, рыцаря Вольфрама фон Эшенбаха (около 1170—1220 гг.), так же как для Гартмана фон дер Ауэ, светский рыцарский идеал неотделим от идеала религиозного. Об этом свидетельствует крупнейшее произведение Вольфрама — роман «Парцифаль» («Parzival», около 1200—1210 гг.), примыкающий к эпическому циклу св. Грааля. Роман повествует о судьбе простодушного рыцаря Парцифалья, воспитанного матерью в лесу. Пройдя целый ряд испытаний, он становится хранителем таинственного Грааля и главой рыцарского братства тамплиеров (храмовников).

Мотив Грааля, видимо, почерпнут Вольфрамом у Кретьена де Труа («Персеваль»). У последнего Грааль — это священный сосуд, у Вольфрама же — это драгоценный камень, который, как скатерть-самобранка в народной сказке, насыщает каждого по его желанию, дает людям силы и блаженство. Используя народные сказочные мотивы, Вольфрам вместе с тем заметно усиливает мистическое звучание легенды о Граале. Однако главное внимание поэта сосредоточено на истории простака Парцифалья, которая раскрывается как история духовного роста героя романа, поставленного между условностями феодально-рыцарского этикета и требованиями естественной человечности. Парцифаль проходит извилистый жизненный путь, пока не достигает высшей степени духовного совершенства. Источником этого совершенства является человеколюбие. В апофеозе осознанной естественной человечности и заключается главная мысль романа Вольфрама. Еще будучи ребенком, живя вместе с матерью в лесу, Парцифаль обнаруживал добрые чувства (см. приводимый отрывок). Но это был только голос сердца, не подкрепленный доводами разума. Лишь соприкоснувшись с миром людей, созрел он как человек. Увидев людское страдание, он уразумел, что есть в мире нечто более высокое, чем заветы рыцарской куртуазии.

Значительную роль в духовной истории Парцифалья отводит Вольфрам религиозному элементу. Однако религиозные взгляды Вольфрама вовсе не совпадают с официальной

церковной идеологией. Он не стоит на почве аскетического мировоззрения, подчас его религиозные взгляды окрашиваются в пантеистические тона, ему присуща также широкая веротерпимость, не знающая расовых предрассудков средних веков. В 1882 г. Р. Вагнер по мотивам романа написал свою оперу «Парцифаль».

Н. Г. Чернышевский, говоря о выдающихся поэтах далекого прошлого, устарелый язык которых не позволяет нам «наслаждаться» их творениями «так свободно, как наслаждались их современники», называет Вольфрама наряду с Данте и Шекспиром («Эстетические отношения искусства к действительности». Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 50).

Приводимый ниже отрывок из третьей книги романа рисует детство Парцифалья и его первую встречу с рыцарями. Парцифаль — сын короля Гахмурета, погибшего в рыцарском бою. Желая уберечь сына от подобной участи, мать воспитывает Парцифалья в лесу, вдалеке от рыцарских замков.

ПАРЦИФАЛЬ

Скорблю душою я о том,
Что стольким имя жен даем.
Их голоса равно звучны,
Но многие ко лжи склонны,
Немногие от лжи свободны:
Порядок так велит природный.
Что всем дают им имя жен,
Я этим тяжко устыжен.
О женственность, обычай твой —
Быть в дружбе с правдою святой!

От бедности, — так
мыслит свет, —
Нам никакого прока нет.
Кто ради правды бедным стал,
Тот пламя ада избежал.
Так сделала одна жена,
И ныне в небесах она
Богатство вечное стяжала.
Я думаю, на свете мало
Таких, кто ради горних благ
Быть предпочел и нищ, и наг.
Равно и жены, и мужи
Живут обычно в тине лжи, —
Других не видел я, по чести.

Стать гостьей всех своих
поместий

Решила Херцелойд^a и бремя
Уныния нести все время.
Ты б не открыл ни капли лжи
В душе сей знатной госпожи.
Ей солнце было — что туман,
Мирские радости — обман.
Равняла с ночью день она
И скорбью лишь была полна.
И вот она, скорбя душой,
В лес удалилась вековой
И стала жить в глуши Солтаны.
Не разноцветные поляны
Ее пленяли; их узор
Не радовал печальный взор
Жены, отрекшейся от света.
С собою сына Гахмурета
Она в пустыню привела.
Дворня тем занята была,
Что корчевала и пахала,
Она же с самого начала
Дитя воспитывать взялась
И сразу же дала приказ,
Чтоб не довел до слуха сына
Никто — ни дева, ни мужчина, —
Что рыцари на свете есть.
«Коль мальчик мой услышит

весть

^a Вдова Гахмурета и мать Парцифалья.

Он раз на просеку попал
И ветвь себе там оборвал,
Чтоб пожевать ее листочки.
Тропа вилась на бугорочке.
Вдруг слышно цоканье копыт.
Он сжал копье и говорит:
«Что слышу? Верно с Сатаной
Сегодня путь скрестился мой.
Но одолею я, наверно,
Владыку тьмы и всякой скверны.
Не так уж страшен он, хоть мать
Меня старалась напугать».

И он стоял, готовый к бою.
Вдруг видит: подскакало трое
Нарядных рыцарей в броне,
И каждый на лихом коне.
Он не на шутку был готов
Тотчас признать их за богов.
Недолго так он простоял,
Потом пред первым ниц упал
И крикнул: «Помоги мне, боже!
Ты в силах сделать все, похоже».

Но мальчик, заградивший путь
Тому наполнил гневом грудь.
«Валлийский увалень вперед
Продвинуться нам не дает».
В том, что в баварцах ценит свет,
Валлийцам отказать не след.
Их важность более груба,
Но столь же им мила борьба.
Никто средь них, как и средь нас,
Не дрогнет в боя грозный час.

Но вскачь тут рыцарь прискакал,
Который панцирем сверкал
И очень, видно, торопился.
Двух рыцарей нагнать стремился
Он на своем коне лихом,
А те уж скрылись за бугром,
И в их руках добычей дева.

Был рыцарь сам не свой от гнева,
Затем, что из его земли
Они девицу увезли.
К своим подъехал он дворянам,
Красуясь чудным каштеляном.
Был щит его весь исщерблен.
Карнахкарнанцем звался он
И был владыкой Ультерлека.
В пыли увидев человека,
Он громко крикнул: «Прочь
с дороги!»

А мальчик вспомнил, что о боге
Ему рассказывала мать, —
Так мог лишь он один сверкать!
Блестели под росой уздцы,
И золотые бубенцы
На стремях его звенели.
Такие ж бубенцы висели
На правом рукаве брони;
Рукой махнет он — и они
Звенят, встревожены рукою.
Всегда готов был рыцарь к бою.
И так он ехал на коне
В своей сверкающей броне.

Мужской красы блестящий
цвет,
Карнахкарнанц сказал: «Ответ
Мне, отрок, я прошу вас дать.
Не довелось вам повстречать
Двух рыцарей в пути своем?
Они стакнулись и вдвоем
Забрали девушку в полон,
Им чужд наш рыцарский закон».
И мальчик, полный восхищенья,
Решил, что это без сомненья
Пред ним всевышний бог
предстал,

И он от всей души вскричал:
«Мне помоги, господь благой,
Спаси меня от силы злой!»
Тут Гахмурета юный сын

Молиться стал, но господин
Ему сказал: «Не бог я, нет,
Но чту его святой завет.
Ты пелену сними-ка с глаз;
Четыре рыцаря тут нас».

А мальчик вновь вопрос ему:
«Что значит рыцарь, не пойму?
Мне разъясни, мой господин,
Кто рыцарский дарует чин?»
«Король Артур. К нему свой путь
Направь ты и уверен будь:
Вернешься рыцарем назад
И жизнь твоя пойдет на лад.
Ты рыцарской как будто крови».
Взглянули все при этом слове
Тут с восклицаньем на него,
Ценя в нем божье мастерство
(Об этом в книгах я читал).
Никто из смертных не сверкал
Такой красой неотразимой,
Он женщин был кумир любимый.

Тут мальчик так еще спросил
И всех вопросом рассмешил:
«Узнать я был бы очень рад,
Зачем колечек целый ряд
Ты нацепил и там и здесь?
Покрыт колечками ты весь».
И до кольчуги раз-другой
Слегка коснулся он рукой.

С нее не мог отвести он глаз.
«Колечки нигде и у нас
Девушки часто, но таких
Рядов не видел я густых».
Не унимаясь, он опять
Спросил: «Я не могу понять,
Зачем они тебе нужны,
Зачем так крепко сцеплены?»

Граф показал ему свой меч:
«Те, кто со мною ищут встреч,
Всегда вот с ним имеют дело,
Но и от их ударов тело
Я должен защищать, и вот
Щит и кольчуга — мой оплот».
А мальчик, выслушав ответ:
«Когда бы в шкуру был одет
Олень в такую вот густую,
То я б охотился впустую».

Но графа стали торопить
Беседу с дурнем прекратить,
И он сказал: «Тебя все дни
Господь преблагостный храни!
Когда б имел от бога ты
Ума не меньше красоты,
Ты был бы чудом из чудес».
И рыцари свернули в лес...

(Книга III, стихи 1—258)

Готфрид Страсбургский

Горожанин Готфрид Страсбургский (умер около 1220 г.) в отличие от Вольфрама является представителем чисто светского течения немецкой куртуазной поэзии. Он решительно выступает против «темного», насыщенного мистическими образами и мотивами стиля Вольфрама, называя автора «Парцифалья» «слагателем диких сказаний». Он не ищет путей к богу, его не привлекают «таинственные» легенды о Граале. В своем единственном романе «Тристан и Изольда» он обращается к истории двух молодых людей, отстаивающих свое право на земное счастье.

Под пером Готфрида старинное народное сказание превращается в волнующую повесть о пылкой любви, на пути которой стоят обычаи и представления феодального обще-

ства. В его истолковании любовь Тристана и Изольды не адское наваждение (как у более раннего поэта Эйльхарта), но великое чувство, естественно овладевающее всем существом человека. И трагическая вина молодых любовников коренится не в греховной природе человека, которую издавна третировала церковь, но в бесчеловечности феодального общества, в котором взаимная любовь возможна только в форме незаконной связи. Предвосхищая выступления гуманистов против феодально-церковной морали средних веков, Готфрид ратует за право человека на земное счастье, за право естественной любви, не скованной феодальными нормами. В этом уже ясно сказываются веяния новых воззрений на жизнь, зарождавшихся в городах. Привлекает Готфрида также чувственное великолепие земного мира. Он любит женскую красоту, нарядные одежды, цветущую, радостную природу. Ясность и изящество составляют характерную особенность его куртуазного стиля.

Готфриду не удалось закончить роман. Недостающие главы были написаны последователями Готфрида — поэтами Ульрихом фон Тюргеймом и Генрихом фон Фрейбергом. Опираясь на роман Готфрида, Р. Вагнер написал свою оперу «Тристан и Изольда».

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

.....
И струги двинулись в поход.
Попутный ветер их гнал вперед,
И тихо рокотали воды.
Однако плаванья невзгоды
Изольде непривычны были
И скоро утомили
Ее и женщин остальных.
Невыносимым стал для них
Шум ветра и вспененный вал
Тристан матросам приказал
К земле пристать скорей,
Чтоб отдохнуть на ней.
Они причалили, и вот
Спустился на берег народ,
Чтоб побродить часок-другой.
Тристан же к женщинам в покой
Вошел с приветным взглядом
И, сев с Изольдой рядом,
Повел с ней речь о том, о сем
И скоро попросил потом
Ему чего-нибудь
От жажды дать глотнуть.
Служанки, молодые девы,
Вкруг ложа королевы
Гурьбой стояли, и одна
Воскликнула: «Бокал вина
Стоит вот в этой скрыне».
То не было, — мы знаем ныне, —
Вино, хоть было схоже с ним.
То был огонь, что несравним
Ни с чем по страшной силе:
Он их привел к могиле.
Ей это было невдомек,
И тотчас ядовитый сок,
Налитый до краев бокала,
Она ему достала.
Тристан, приняв из рук бокал,
Отпить Изольде дал.
Глотнула нехотя она,
Тристан же выпил все до дна.
Вином напиток был в их мненье.
Вошла Брангэна в то мгновенье
И, увидав сосуд,
В миг поняла, в чем дело тут.
Она всем телом задрожала,
И кровь от сердца отбежала.
Бледна, как труп, она прошла
И, взявши кубок со стола,
Что ими выпит был на горе,

Тристан играет на арфе. Из мюнхенской рукописи «Романа о Тристане».

Его метнула в волны моря.
 «Отныне мне спасенья нет!
 Зачем я родилась на свет? —
 Она в отчаянье вскричала. —
 Навек я потеряла
 Честь и доверье госпожи.
 Зачем — о господи, скажи! —
 Я в путь пустилась роковой?
 Зачем жестокий жребий мой
 Меня с Изольдой в даль пустил?
 Ах, лучше б он меня убил!
 Увы, Изольда и Тристан,
 Вам смертный яд был в кубке
 дан».

И вот, когда и муж и дева,
 Тристан и королева,
 Напиток выпили, пришла

И та, кто муки без числа
 Вселяет в мир, — пришла
 Любовь,
 Воспламеняющая кровь.
 Им был ее не слышен шаг,
 Но миг — и свой победный стяг
 Она в сердцах их водрузила.
 То, что двойным и розным было,
 Единым сделалось тотчас,
 И долгий их раздор погас,
 Его как не бывало.
 У девы ненависть пропала.
 Любовь, крепительница уз,
 Сняла с их душ тяжелый груз,
 Который накопила злоба,
 И вот почувствовали оба,
 Что каждый для другого стал
 Прозрачней, чище, чем кристалл.
 У них одно лишь сердце билось,
 Обоих боль соединилась,
 Страдал он тем, что и она.
 У них душа была одна.
 Но, мучимы одним недугом,
 Они таились друг пред другом.
 Тому причиною был стыд
 И недоверье, что велит
 Скрывать желаний выраженье,
 Хоть страстной воли напряженье
 К единой цели их влекло,
 Обоим было тяжело
 Признаться в чувствах, и вначале
 Таились оба и молчали.

Когда почувствовал Тристан,
 Что он любовью обуян,
 Решил он не сдаваться,
 Чтоб с честью не расстаться.
 «Нет, — думал он в душе
 своей, —

Тристан, опомнись же скорей,
 Дай искушению отпор!»

И с сердцем вел он долгий спор,
Упорно с волей воевал
И нежеланного желал.
Стремясь Любовь преодолеть,
Накинутую ею сеть
Он разорвать пытался
И долго не сдавался.
Двойную муку он терпел:
Когда в глаза он ей глядел,
И сладкая любовь
Ему мучила ум и кровь
Пленительным Изольды взором,
Тогда, терзаемый укором,
Он Верность призывал и Честь,
И от него удар отвесьть
Им удавалось на мгновенье.
Но вновь свершала нападение
Его владычица Любовь
И он ей покорялся вновь.
Хоть Честь и Верность причиняли
Немало боли и печали,
Но от Любви в стократ сильней
Терзался он в любви своей:
Он мук таких не видел вместе
От Верности и Чести.
Взор сердца он в нее вперял,
Очей же взоры отвращал,
Но, отвращая взор очей,
Он мучился всего сильней.
Подобно узнику в тюрьме,
Имел он часто на уме
Бежать, ища спасенья,
И предавался размышленью:
«Любви перемены пути,
Свои желанья обрати
Еще к чему-нибудь на свете!»
Но нет, порвать не мог он сети.
В свой ум и сердце он вникал,
В них перемен искал,
Но находил там вновь и вновь
Изольду только и Любовь.

Таков же был Изольдин рок,
С такой же силою увлек
Ее Любви водоворот.
Увидев, что ее несет
Он в омут, чар опасных полный,
Что уж захлестывают волны,
Что вся она погружена,
На берег выбраться она
Пыталась стала из стремнины.
Но липкие объятья тины
Изольду обхватили так,
Что не пускали ни на шаг.
Отбиться от нее руками
Она старалась и ногами,
Но тщетно: все сильней, сильней
Запутывалась в ней,
Вот-вот готовая упасть
В чарующую сласть
Мужской любви и обаянья.

Ее плененное сознание,
Из липких вырываясь пут,
Напрасный полагало труд.
Чуть ступит шаг иль полушаг,
Любовь за ней следит, как враг.
Все, что на ум ей приходило,
И все, что в смутных чувствах
жило,
К Тристану и Любви несло,
Тоской пронизано насквозь.
Но был немой ее язык,
И неожиданно возник
Меж сердцем и глазами спор.
Стыд отвращал Изольды взор,
А сердце от любви пылало.
Друг с другом ссорились немало
Муж, девушка, Любовь и Стыд,
На мужа дева не глядит,
Хотя, не ведая покоя,
К нему стремится всей душою,
А Стыд лишь о Любви мечтает
И ото всех мечту скрывает.

Однако девушка и Стыд —
Так молвь людская говорит —
Недолговечны, к сожаленью;
Слабеет их сопротивление
День ото дня, от часа час.
Изольда бедная сдалась
И покорилась грозной силе.

Направлены отныне были
Все помыслы и жар в крови
К Тристану и Любви.
Она украдкой то и дело
Ему в лицо глядела,
Раздора сердца и очей
Не возникало в ней.
И сердце и глаза согласно
Глядели с лаской страстной
В лицо Тристану, и в ответ
Его глаза лучистый свет
Изольде посылали.
Стал понимать он, что едва ли
Удастся превозмочь Любовь.
В глаза друг другу вновь и вновь
Они глядели с восхищеньем,
Удобным пользуясь мгновеньем,
Когда их не видал народ.
Все больше неземных красот
Они друг в друге находили.
Таков закон, что в силе
Был испокон веков;
Он и теперь таков:
Для душ, влюбленностью
томимых,
Все краше взор очей любимых,
День ото дня Любовь растет,
И цвет ее приносит плод,
Исполненный сладчайших чар, —
Любви созревший дар.
Плодоносящая Любовь
Все молодеет вновь и вновь;
Она любимой красит лик,
И ей неведом смерти миг.

И струги вновь по глади вод
Поплыли весело вперед.
Лишь двум сердцам на них сойти
С привычного пути
Пришлось, Любви свершая волю.
Свою блаженную недолю
Они несли, полны забот,
Терпели муку, что дает
Переживать нам чудеса,
Но чья сжигает нас роса,
Чей горше желчи мед,
Чья сласть отраву льет,
Чья ласка сердце ранит,
И что вовек не перестанет
Безумием терзать людей.
Теперь Любовь велела ей
Терзать Изольду и Тристана.
У них одна горела рана,
И странный мучил их недуг.
Им беспокойно стало вдруг
Друг с другом быть не рядом!
Однако наполнял разладом
И взор взаимный душу им;
Был каждый мукою томим,
Что он не в состоянии
Унять огонь желанья,
Который в сердце скрыт.
Их счастьем был помехой стыд.
Когда друг друга ненароком
Они встречали нежным оком,
Их лица покрывал багрец —
Цвет их пылающих сердец.
Красильщица-Любовь
Гнала им по ланитам кровь.
Ей мало было, что она
От глаз людских ограждена,
В душе хранится благородно.
Нет, было ей угодно,
Чтоб власть ее была видна,
И заставляла их она
В лице меняться каждый миг,
Был каждый миг другим их лик;

Вдруг побледнеют, а потом
Лицо зальет огнем,
И побледнеют оба вновь,
Меняла краску им Любовь.

И вот обоим стало ясно
(Скрывать такое — труд
напрасный!),

Что им обоим в кровь
Какой-то яд влила Любовь,
И, жертвы общего недуга,
Они теперь всегда друг друга
Искали, чтобы что-нибудь
Наедине шепнуть.
Охотники Любви, они
Друг другу западни
Охотно ставили и сети.
Порой в вопросе иль в ответе
Был скрыт коварнейший силог,
Старались оба, кто как мог,
Друг друга изловить на слове.

Изольда в этом лове
Девичий проявила нрав.
С Тристаном разговор начав
Издалека — о том, как он
Волной был занесен
На струге в Девелин,
Весь в ранах и один,
О том, как королева-мать
Его решила в дом принять,
Чтоб излечить от тяжких ран,
И как потом учил Тристан
Изольду письма чертить,
Рукою по струнам водить,
А также и латыни.
Она ему призналась ныне,
Что он давно ее пленил
Отвагой и избытком сил,
Тем, что у змея вырвал жало,

И сообщила, что узнала
Она его в яру лесном
И в час купания потом^а.
Так шел меж ними разговор,
И вот, подняв к Тристану взор,
Она воскликнула: «Увы!
Тогда, когда купались вы,
Напрасно вас я не убила!
О, если бы тогда мне было
Все так же ясно, как сейчас!»
«Что мучает, Изольда, вас? —
Тристан промолвил: — Что
вам ясно?»

«Мне ясно то, что я несчастна.
И море и небес простор
Мне больно ранят взор,
И жить на свете мне не мило».
Она тихонько прислонила
К Тристану локоть вдруг.
Началом это было мук,
Приведших их к могиле.
Тут слезы взор ее затмили,
На сердце лег истомы гнет,
Стал набухать прекрасный рот,
Склонилась голова на грудь,
И обхватил чуть-чуть
В смущении Тристан
Изольды милый стан.
Его ланиты побледнели,
И губы прошептали еле:
«Изольда, что терзает вас?
Поведайте мне, не таясь».

Изольда бедная в ответ?
«Мне от *lameig*^б покоя нет.
Lameig мне душу извело,
Lameig мне причиняет зло».
Не разобрал Тристан сперва,
Что б эти значили слова.
Он был в недоуменье,

^а Краткий перечень основных эпизодов начала романа.

^б Игра слов, заимствованная, вероятно, у Томаса.

Основной формой куртуазной лирики, культивировавшейся миннезингерами XII—XIII вв., является строфическая п е с н я (Lied). Песня может состоять из одной или из ряда одинаковых строф. По тематическим признакам среди песен выделяются:

1. П л я с о в ы е п е с н и (Reigen, Winterlied, Tanzlied), по своим сюжетным компонентам во многом соприкасающиеся с пасторелей (см. раздел «Провансальская литература») и рисующие веселье, споры крестьянских девушек и парней и столкновение с ними рыцаря-поэта;

2. У т р е н н я я п е с н я (Tagelied), совпадающая с провансальской альбой;

3. К р е с т о в а я п е с н я (Kreuzlied), призывающая к участию в крестовых походах и изображающая переживания крестоносца.

Наличие диалогической формы изложения выделяет так называемый Wechsel, представляющий обычно обмен строфами рыцаря и его дамы.

Другим особенно культивировавшимся миннезингерами жанром является нестрофический ш п р у х (Spruch—изречение), усвоенный ими от шпильманов и становящийся излюбленной формой политической и поучительно-сатирической поэзии.

Меньшее значение имеет так называемый л е й х (Leich), представляющий сложное объединение различных по строению строф и связанный по происхождению с латинским гимном.

Большая часть лирических произведений, дошедших до нас, приписывается определенным миннезингерам — как знатым рыцарям, так и незнатым министериялам и шпильманам.

KUME, KUM, GESELLE MIN...

Одна из анонимных песен, записанная среди латинских стихотворений знаменитого собрания вагантской поэзии — рукописи, известной под названием «Carmina burana» (начало XIII в.), но воспроизводящей тексты более ранней поры.

Приходи, мой друг, ко мне —	Словно роза — алый рот,
Так тоскую по тебе.	Дай забвенье от забот,
Так тоскую по тебе,	Дай забвенье от забот,
Приходи, мой друг, ко мне!	Словно роза — алый рот!

DU BIST MIN, ICH BIN DIN...

Стихи, приведенные в конце латинского любовного письма, написанного неизвестной монахиней монаху Верингеру из Тегернзе (XII в.). Два первых стиха представляют собой форму обручения.

Я с тобой,	Замкнулась дверца
Ты со мной,	Моего сердца,
Этому	Потерян ключик — не найти:
Верь, друг мой!	Век ты будешь взаперти.

Кюренбергер

Образцы миннезанга начинаются песнями, дошедшими под именем Кюренбергера (вторая половина XII в.). Засвидетельствовано несколько лиц с этим именем среди служилых дворян в Австрии и Баварии, но ни с одним из них не удается бесспорно отождествить поэта. Однако и тематика (использование фольклорных мотивов — I, ироническое отношение к служению даме — II), и форма (эпическая строфа, неточная рифма) свидетельствуют о далеко не достаточном знакомстве поэта с требованиями куртуазной поэзии.

I

Я сокола кормила год и много дней.
Когда его взрастила я по прихоти моей
И перья чистым золотом ему увила я,
Он взмыл высоко в небо, умчался в дальние края.
Затем я увидала: летел он снова;
Висел, к ноге привязан, шнурок шелковый;
И перья красным золотом горели ярко вновь.
Соедини, о господи, тех, кто в душе хранит любовь!

II

«Стояла поздно ночью я у бойницы
И слышала, как дивно пел песню рыцарь
Размером Кюренберга пред сборищем большим.
Иль он страну покинет, иль вдоволь я натешусь с ним». —
«Поддай, поддай скорее коня и панцирь мой:
Теперь по воле дамы я расстаюсь с страной:
Меня заставить хочет, чтоб ласков был я с ней.
Но ей вздыхать придется до скончания дней...»

Дитмар фон Айст

Самая ранняя из дошедших до нас утренних песен (Tagelied), разрабатывающая тему еще не по канонам куртуазной альбы (влюбленных будит не друг или страж своей песней, а птичка), приписывается Дитмару фон Айсту (имя Дитмара фон Айста встречается в документах середины XII в.).

I

«Спишь ли, мой друг ясноокий?
Ах, будит нас жестоко
Птичка-певунья злая,
Среди веток липы порхая».

— Был сладок сон мой прекрасный.
Не горюй, дитя, понапрасну!
Нет любви без терзанья.
Лишь скажи — я исполню желанье.

Безутешно дама рыдает:
«Милый мой меня покидает.
Друга увижу ли вновь я?
Он уводит всю радость с моею любовью».

Как и утренняя песня Дитмара, его женская песня тесно соприкасается с фольклором.

II

Бедняжка среди луга,
Все поджидая друга,
Стояла одиноко...
Вдруг видит: вьется сокол.

«О сокол, хорошо тебе!
Летать запрета нет нигде,
Избравши дерево в дубраве,
Полет к нему свободно править.

Я так же сделала как раз:
Тому всем сердцем отдалась,
Кого мои избрали очи.
Но зависть женам душу точит.

Ах, пусть мне милого вернут!
Мне ни один чужой дружок не люб!»

Генрих фон Фельдеке

Сатирическая песенка о женском легкомыслии принадлежит основоположнику куртуазного стиля в немецкой и нидерландской литературе фламандскому рыцарю Генриху фон Фельдеке (вторая половина XII в.), автору эпоса «Энеида», разрабатывающего тему, заимствованную из античного эпоса.

Уже не первый год
Молва идет:
«Пропал у старости почет».

Меня гнетет,
Что даме седина
Не по сердцу: к юнцу она,

К глупцу нежна.	Коль тускнет злата цвет...
Не в том моя беда,	«Старца любить, — она
Что голова седа.	в ответ, —
Мне в даме суетность горька:	Терпенья нет!»
На медь она падка,	

В отличие от более ранних миннезингеров, охотно заимствующих свои сравнения из фольклора, Фельдеке обращается к образам куртуазного эпоса.

II

Королеве верен был
 Потому Тристан, что к страсти
 Роковой его склонил
 Кубок ядовитой сласти.
 Я такого не испил,
 Но Тристана я затмил
 В подчиненье сладкой власти.
 Лишь тоской любви гоним,
 Друг желанный, необманно
 Быть хочу твоим;
 Светом будь моим!

Все тускнеет солнца свет,
 Холода наступят скоро,
 Малых птах простыл и след,
 Не слышать их разговора.
 Ах, поры грустнее нет!
 Луг почти совсем раздет,
 Омрачают наши взоры
 Бедные цветы в саду,
 Побледнели, дышат еле.
 За бедой беду
 От зимы я жду.

Фридрих фон Хаузен

Куртуазная обработка мотивов крестовой песни (Kreuzlied) представляет собой подражание песне французского трувера Конона де Бетюна (см. раздел «Французская литература») и принадлежит рыцарю Фридриху фон Хаузену, занимавшему видные должности при дворе императоров Генриха VI и Фридриха I. Он принял участие в крестовом походе и погиб в сражении с турками в мае 1190 г., по свидетельству хроники.

Ах, плоть и сердце спорят меж собою,
Что так согласно жили много дней.
И жаждет плоть с язычниками боя,
А сердце льнет к избраннице своей,
Что краше всех... Скорблю я всех сильнее:
Никак я распри их не успокою.
Меня глаза измучили тоскою!
Пусть судит бог, кто из двоих правей.

Не чуялось мне быть в такой кручине,
Как в честь Христа взялся я крест нести.
Теперь я рад бы биться в Палестине;
Но верность даме встала на пути.
Как должно, душу мог бы я спасти,
Когда б желанье сердца смолкло ныне.
Но все равно ему в его гордыне,
В рай или в ад придется мне идти.

Но раз ты, сердце, глухо к уговору
И даже скорбь моя тебе чужда,
Молю, чтоб бог тебя отправил скоро
В места, где злая ждет тебя беда.
Как ты одна дерзнешь идти туда,
Бедняжка, в дом печали и укора?
И в ком найдешь ты верную опору,
Какою я служил тебе всегда?

Генрих фон Морунген

Обработка мотивов утренней песни (Tagelied) в форме так называемого Wechsel — «обмена» строф, произносимых по очереди рыцарем и дамой, — принадлежит рыцарю Генриху из рода Морунген в Верхней Саксонии, имя которого засвидетельствовано в документах начала XII в.

«Увы, еще когда-нибудь
Узрю ль во тьме ночей
Белее снега грудь
Возлюбленной моей?
Ночь пронизав до дна,
Сверкала так она,
Что думал я: луна!
Уже светало.

— Увы, когда-нибудь опять
Мне б до рассвета с милым
Лежать и не вздыхать
С предчувствием унылым:
«Увы, уж день настал»,
Как он в ту ночь вздыхал,
Когда со мной лежал:
Уже светало».

«Увы, лобзанья без конца
Я чувствовал во сне;
Текли с ее лица
Потоки слез по мне.
Но я их смог унять,
Проси меня обнять,
К себе тесней прижать.
Уже светало».

Увы, хотел желанный мой
С зари до поздних пор
Моей простой красой
Свой жадный тешить взор.
Готов был каждый раз,
Не отрывая глаз,
Глядеть хоть целый час.
Уже светало

Рейнмар Старый

Типичный образец тематики «высокой любви» (*höhe minne*, провансальской *fin amor*), эта песня принадлежит Рейнмару, австрийскому рыцарю из рода Хагенау, участнику третьего крестового похода (жил во второй половине XII — начале XIII в.).

Когда ее узрел впервые я,
Любовью так наполнился мой взор,
Что сделалась блаженной жизнь моя.
Свершилось чудо дивное с тех пор:
Себя не рая в глаз моих теснине,
Она тихонько в сердце мне вошла
И бедное навеки заняла;
Черты ее храню я там поныне.
О госпожа моя! Постой, постой!
Как вторгнуться сумела ты туда,
Куда доселе женщине другой
Войти не удавалось никогда?
Пощаду окажи мне бога ради.
Над сердцем собственным не властен я;
Там власть мою сменила власть твоя,
Взывать могу я только о пощаде.

Гартман фон дер Ауэ

Песня Гартмана интересна своим осуждением «высокой любви» — куртуазного служения даме. Восхваляя любовь к простой, но преданной девушке, поэт выступает, таким образом, от своего лица с теми же мыслями, которые он вложил в уста «Бедного Генриха».

Друзья мне часто говорят
(Я слушать их не очень рад):
«Пойдем-ка, Гартман, с нами

Под окна к знатной даме!»
Раз навсегда ответ им дан:
«Друзья, не по дороге нам».

Соколиная охота. Миниатюра из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

Что видел я от знатных дам?
Служил им лишь на срам.
Для дам я грубый нелюдим;
Не лучше отношусь я к ним.
Нет, женщин, мне приятных,

Ищу я среди незнатных,
Везде, куда ни прихожу,
Прелестных женщин нахожу;
Там избираю госпожу,
А к звездам путь свой не держу.

Однажды, искренний простак,
Я к даме обратился так:
«И мыслью и мечтами
Всегда, везде я с вами!»

Она взглянула вдруг в упор
И оборвала разговор.
Ищу я женщину с тех пор,
Чей ласков неизменно взор.

Вальтер фон дер Фогельвейде

Приводимые далее семь произведений принадлежат крупнейшему из миннезингеров — Вальтеру фон дер Фогельвейде (около 1160—1230 гг.), профессиональному поэту, переходившему от одного княжеского двора к другому и деятельно участвовавшему в основных политических распрах того времени — в споре претендовавших на самостоятельность германских епископов с папой и в борьбе вельфов и гогенштауфенов.

Начав как ученик миннезингера Рейнмара фон Хагенау с воспевания «высокой» рыцарской любви, Вальтер впоследствии сблизился с народной песенной лирикой, а также с жизнерадостной поэзией вагантов. Вальтер стремится спустить любовь с заоблачных высот на землю. Для него любовь — это «блаженство двух сердец», одно сердце не может ее вместить. При этом простое слово «женщина» (*wîp*) он предпочитает слову «госпожа» (*frouwe*). И героиней его песен подчас выступает не знатная, надменная дама, заставляющая страдать влюбленного, но простая девушка, сердечно отвечающая на чувства поэта. Лучшие лирические стихотворения Вальтера отличаются ясностью и простотой выражения, безыскусным изяществом, музыкальностью стиха, непосредственностью и теплотой чувства.

Но Вальтер проявил себя не только в области любовной лирики. Он был также выдающимся политическим поэтом, откликнувшимся на различные злободневные события того времени. Он резко нападал на папский Рим, обличая его необузданное корыстолюбие, его стремление обобрать немцев и подчинить их своему господству. Он восставал также против феодальных междоусобий, разгоревшихся в Германии после смерти единственного сына Фридриха Барбароссы Генриха VI. Он горячо любил свою отчизну и с горькой иронией описывал, как коварный папа Иннокентий III втихомолку смеется над немцами, наполняящими свою страну раздорами, а папскую казну деньгами (см. стих V). Инвективы Вальтера отражали рост антипапских настроений в широких общественных кругах Германии, которая со временем пришла к Реформации.

Стихотворение I — образец тематики чувственной любви (провансальской *fol amog*), обработанный в форме монолога героини (так называемая женская песня — *Frauenlied*).

Вальтер фон дер Фогельвейде. Миниатюра из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

II—III—образцы тематики «высокой любви».

Следует отметить, что любовные песни относятся в большинстве к раннему периоду творчества Вальтера, связанному с его пребыванием при венском дворе герцога Фридриха Католического.

IV—VII—образцы политического шпруха.

Шпрухи IV и V связаны с борьбой гогенштауфена Филиппа Швабского и вельфа Оттона IV. В этой борьбе Вальтер поддерживал гогенштауфенов, и шпрух IV имеет своей целью доказать законность претензий Филиппа. Дело в том, что Оттон короновался на три месяца раньше, чем Филипп (в июле 1198 г.), но в Аахене, где не было подлинных имперских клейнодов; Филипп же короновался в Майнце в сентябре 1198 г. подлинной короной. Таким образом, восхваляя венец Филиппа, Вальтер подчеркивает законность его коронования. В шпрухах V—VI ответственность за междоусобную войну в Германии поэт, не без основания, возлагает на папу.

Шпрух VII направлен против сбора пожертвований на крестовые походы, организованного папой Иннокентием III в 1213 г. Пожертвования должны были собираться в особые ящики, ключи от которых находились на хранении у двух представителей духовенства — белого и черного — и у одного мирянина. Разоблачительная речь поэта и адресована на такому ящику (в подлиннике—Stock).

I

Под липой свежей,
У дубравы,
Где мы лежали с ним вдвоем,
Найдете вы те же
Цветы и травы:
Лежат, примятые, ничком.
Подле опушки соловей —
Тантарадей! —
Заливался все нежней.
Когда пришла я
На лужочек,
Уж и прием устроил мне —
Мать пресвятая! —
Мой дружок:
Я и доселе как во сне.
Поцеловал? Да раз пятьсот —
Тантарадей!
Ведь красен до сих пор мой рот.

Убрал он ложе
Необычайно:
Сложил цветы и там и тут...
Досель прохожий
С улыбкой тайной
Глядит на тихий наш приют;
Поймет: где розы без числа —
Тантарадей!
Там голова моя была.
Мне б стыдно было,
Когда б молвою
Любовь ославилась моя.
Нет! То, как милый
Играл со мною,
Никто не знает, лишь он и я.
Да пташке видеть довелось —
Тантарадей!
Она не выдаст нас, авось.

II

Благословляю день знакомства с тою,
Что душу мне покорила и тело;
Она мое сердце своей добротою
Приворожить к себе сумела.

Меня навек отныне полонил
Образ ее, благой и прекрасный,
И алый рот с улыбкой ясной.

Я мысли и чувства направил к ней —
К милой, чистой и доброй безмерно;
Нас много ждет счастливых дней,
Если будет она милосердна.
Жизнь полюбить меня научил
Образ ее, благой и прекрасный,
И алый рот с улыбкой ясной.

III

Я думал, сидя на лугу,
Терзаем пыткой сомненья:
«Служить ей больше не могу!»
Но вдруг обрел я утешенье.
Не утешеньем это было, впрочем, — нет!
А только утешеньцем, не боле.

Вам рассказать, — вы посмеетесь поневоле,
Но беспричинной радости не знает свет.
Я весел от былинки стал,
Она мне счастье предсказала;
По ней, как дети, я гадал:
Всю смерив, начинал сначала.
Теперь посмотрим, улыбнется ль мне она?
«О да, о нет, о да, о нет, о да!»
Конец благоприятным был всегда, всегда.
Утешен я... Нет слов, и вера тут нужна!

IV

Корона старше, чем король Филипп годами,
Но посмотрите все, не чудо ль перед нами?
Кузнец сковал ее как будто для него!
Она пришлася так к его главе державной,
Что мысль их разлучить считаю я бесправной.
Никто из них величья своего
Не потерял. Ее камней сиянье
Сливается с его чудесной красотой.
Любуются князья картиной дивной той,
Что представляет нам его коронованье!

V

Как набожно, небось, смеется папа в Риме,
Своим монахам говоря: «Я все устроил с ними».
Что так он вправе утверждать, позор для нас!
«Двух алеманнов, — говорит он, — я венчал зараз
С тем, чтоб помочь немецким землям разоряться,
Казне же нашей быстро наполняться.
К церковным ящикам своим я их согнал, как скот;
Их серебро в сундук мой скоро перейдет.
Вино и кур, попы, гоните в рот!
А немцы пусть... постанут».

VI

Дал римскому престолу встарь
Царь Константин^a — прещедрый царь! —
Копье и крест и к ним венец в придачу^b.
Восплакал ангел в оный час:
«Увы, увы и в третий раз
Увы!^c О мире христианском плачу.
Яд на него дождем излился,
В желчь мед его преобразился,
Повис над ним тяжелый рок».
У всех князей в избытке слава,
А величайший — в умаленье, —
То рук поповских преступленье^d.
Благой господь, им дай урок!
Они мирское извращают право.
Да, ангел правду нам предрек!

VII

К нам, сударь Ящик, вы от папы не затем ли,
Чтоб разорять, с поживой для него, немецкие земли?
Как и всегда, замыслил он коварный план
Еще по-новому обогатить свой Латеран^e,

^a Как все люди средневековья, поэт верит в подлинность Константинова дара.

^b *Копье и крест* — орудия казни Христа — символизируют духовную власть, венец же — власть светскую, якобы завещанную римскими императорами папам.

^c Образ, взятый из «Апокалипсиса», VIII, 13, XI, 12.

^d Папа Иннокентий III отлучил Филиппа и его приверженцев от церкви в 1201 г.; к этому времени и относится, вероятно, шпрух Вальтера.

^e *Латеран* — папский дворец в Риме.

Кричит: «Дела имперские невыносимы!»
 И вот в приходах — сборы в пользу Рима.
 Но до Святой Земли дойдет немного серебра:
 Рука поповская не очень-то щедра.
 От вас нам, сударь Ящик, нет добра.
 Но знайте, что в Германии не все ведь дураки мы!

Вольфрам фон Эшенбах

Утренняя песня Вольфрама фон Эшенбаха разворачивает типичную ситуацию альбы в форме Wechsel — спора стража (ст. 1, 3) и дамы (ст. 2, 4), за которым следует короткий рассказ поэта (ст. 5). Глубоко своеобразным, характерным для Вольфрама является образ рассвета в виде страшного чудовища, рассекающего своими когтями-лучами тучи, которым начинается утренняя песня.

¹ «Прорвав когтями
 Густое покрывало тучи,
 Взбирается на небосвод
 Там за холмами
 Своею поступью могучей
 Рассвет, который не дает
 Длить радости любви тому,
 Кого я сам сюда впустил.
 Я должен весть подать ему!
 Он преданность и дружбу
 заслужил».

² «То, что поешь ты,
 О страж, приносит муку мне.
 Мне ненавистна песня эта!
 Весть подаешь ты
 О приближающемся дне
 Всегда задолго до рассвета.
 Будь другом, страж,
 И нам не пой,
 Что все светлеет неба круг,
 Чтоб мог еще побыть со мной
 В моих объятиях мой друг».

³ «Пускай спешит он!
 Пора расстаться вам, поверь;
 Не лгу я, подавая весть.

Пусть затаит он
 Свою любовь к тебе теперь,
 Чтоб сохранить и жизнь,
 и честь.
 Мой долг сказать ему о том,
 Что час разлуки наступил.
 Уж день, а ночь была кругом,
 Когда вас поцелуй соединил».

⁴ «Пой, что угодно,
 О страж, но друга
 не тревожь,
 Его отсюда не зови!
 Твой клич бесплодный
 Нас может только бросить
 в дрожь,
 Но не прервать часов любви.
 Еще не вижу я денницы,
 Еще не блещет солнца свет,
 А ты велишь нам
 разлучиться
 Сердца не разлучатся наши,
 нет!»

⁵ Но дрожь испуга
 В ней все же вызвала заря,
 Пришедшая в окно взглянуть,

И к груди друга,
Волненьем за него горя,
Она нежней прижала грудь.
А рыцарь, услыхав призыв,

Что к расставанью торопил,
Ей нежности своей прилив
В прощальных ласках
выразить спешил.

Нейдгарт фон Рейенталь

Образец плясовой песни — «хоровода» (Reigen) — принадлежит баварскому рыцарю Нейдгарту фон Рейенталю (около 1180—1250 гг.), крупнейшему представителю так называемого сельского миннезанга (höfische Dorfpoesie).

Это направление миннезанга, возникшее в период начинающегося упадка немецкого рыцарства и его культуры, порывает с традициями «высокой» куртуазной любви. Оно вводит в миннезанг грубоватые картины повседневной крестьянской жизни, а также использует народную плясовую песню, однако жизнь народа представителями сельского миннезанга изображается обычно с антидемократических феодальных позиций, народная же плясовая песня охотно пародируется ими.

Диалогическая форма изложения — спор матери с дочерью, старухи с молодой или двух подруг — типична для этого жанра лирики. Выпады против крестьян, довольно частые в «Зимних песнях» («Winterlieder») Нейдгарта, послужили основой для создания в XIV в. авантюрно-сатирической стихотворной повести «Нейдгарт с мужиками» («Neidhart mit den Bauern»).

Май, окруженный славой,
Привел с собой дубравы,
И в них листвою новой
Покрыты все деревья вновь.
Конец зиме суровой!

«Тебя, о дочь родная,
Одну ведь родила я,
Подумай о позоре,
Не бегай за парнями, ты,
не причиняй мне горя!»

«Как я лужайкам рада!..
Весенняя отрада
Томит меня все боле! —
Сказала девушка-краса. —
Скорей, скорее в поле!

«Но он ведь тоже с ними.
Назвать мне стоит имя,
Его ты вспомнишь, верно:
Зовут его фон Рейенталь,
и он мне мил безмерно.

Мать, отпусти меня ты,
Уж пляшут там ребята;
Что может быть чудесней?
Я не слыхала так давно
веселых новых песен».

Он все по мне вздыхает
И, знаешь, уверяет,
Что нет в баварском крае
Такой красавицы, как я.
Пусти меня, родная!»

Готфрид фон Нейфен

Поэт середины XIII в. Готфрид фон Нейфен выступает как представитель так называемого сельского миннезанга, продолжая манеру Нейдгарта. В своих песнях он еще шире, чем Нейдгарт, привлекает бытовые мотивы из крестьянской жизни, как показывает приводимая здесь песенка.

Все-то лето напролет
 Быть мне при ребенке, —
 Няня, это ль не беда?
 Там под липой хоровод,
 А меня пеленки
 Не пускают никуда.
 До рассвета я пою:
 Баюшки-баю,
 Спи, любовь, не плачь! Тоску
 укачаю я твою.

Няня, ты помочь должна.
 Дитяtko баюкай,
 Как баюкала меня.
 Можешь только ты одна
 Разделить докуку,
 Дать мне свет увидеть дня.
 До рассвета я пою:
 Баюшки-баю,
 Спи, любовь, не плачь! Тоску
 укачаю я твою.

ЛИТЕРАТУРА ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ

Штрикер

Штрикер (XIII в.) — странствующий поэт, проявил себя в различных литературных жанрах. Его самым значительным созданием, оставившим глубокий след в истории немецкой литературы, является сборник веселых, насмешливых шванков «Поп Амис» («Pfaffe Amis»), в центре которого стоит фигура ловкого смышленного попа, одного из предшественников неугомонного Тилия Эйленшпигеля. Повествуя о похождениях Амиса, Штрикер изображает различные стороны европейской жизни XIII в.

Подчас книга приобретает сатирический оттенок. Поэт осмеивает алчность высшего католического клира, кичливость феодальных кругов, средневековые суеверья, схоластические мудрствования и т. п. При этом из всего умеет извлечь для себя пользу смышленный Амис. Книга Штрикера представляет собой апофеоз смекалки, находчивости и лукавства, этих новых бюргерских добродетелей, ведущих человека по пути материального успеха. В мире плутовства Амис чувствует себя столь же легко и уверенно, как герои куртуазных романов чувствовали себя в мире рыцарских авантур.

В известной мере книга Штрикера является и своего рода вызовом, брошенным бюргерским поэтом куртуазному рыцарскому роману. Рыцарской романтике, куртуазной героике и культу изящного противопоставлена здесь реальная жизнь в ее повседневном обличии, шутовской юмор, трезвый, практический взгляд на мир. Многие проделки попа Амиса были впоследствии приурочены к другим литературным героям (например, к Тилию Эйленшпигелю).

ПОП АМИС

[НЕВИДИМАЯ КАРТИНА]

Как только поп разбогател,

В своих мечтах безмерно смел,

Он возымел стремленье
Без усталы, без лени
Богатства большего добиться.
И к Каролингам быстро мчится
На скакуне наш поп Амис.
Огни Парижа вдруг зажглись
Пред ним. Вошел он в тронный зал

И прямо королю сказал:
«Коль помощь вам нужна моя,
Помочь вам буду счастлив я».
Король изрек: «Мы знать
должны,
В каком искусстве вы сильны».
«Я так рисую, — поп в ответ, —
Что труд мой хвалит целый свет.

Я изобрел, признаюсь вам,
Искусство рисованья сам.
Лишь я один владею им —
Оно неведомо другим.
Отлично я б нарисовал
И ваш дворец, и этот зал,
Нарисовал бы ряд картин,
Каких не видел ни один
Из смертных. Только
прикажете, —
Я покажу их вам и свите,
Чтоб каждый рыцарь
благородный

И дама, если им угодно,
Могли их видеть. Пусть на миг
К ним подойдет дитя, старик,
Пусть будет честен и умен,
И добр, и простодушен он, —
Удастся увидеть картину
Такой лишь дочери иль сыну,
Что в честном браке рождены
От мужа и его жены.
Кого ж бесчестит их рожденье,
Те ничего в моем творенье,
Клянусь, вовек не разберут.

И, коль угоден вам мой труд,
Я буду счастлив мастерство
Открыть искусства моего».
«Охотно», — властелин сказал.
Потом в великолепный зал,
Где был высокий белый свод,
Правитель мастера ведет,
Велит все осмотреть, измерить,
Чтоб мог король расчет
проверить:

Во сколько обойдется дело,
Коль зал распишет он умело.
И поп Амис сказал тотчас:
«Король мой, так возносят вас,
Так хвалят жизненный ваш
путь,

Что выдать мне каких-нибудь
Три тысячи решите вы.
К тому ж, поверьте мне: увы,
Они покроют лишь расход —
И грош в карман мой не
пойдет».

Король сказал: «Клянусь —
я вам,
Коль захотите, больше дам,
Лишь только б стоил труд
награды.

Но буду строг — немедля надо
Работу вам начать свою:
Я даром денег не даю!»
И весело ответил поп:
«Согласен я, но только чтоб,
Пока я все не распишу,
Никто — я вас о том прошу —
Не заглянул ни разу в зал.
Коль будет все, как я сказал,
Так в шесть недель или
быстрей

Заказ исполню. У дверей
Велите вывесить приказ, —
За роспись я возьмусь тотчас».
«Все будет так, — король
в ответ,

Как вы сказали, спору нет.
Заприте двери на запор,
Двум часовым — нести дозор,
Чтоб до меня моих картин
Вассал не видел ни один.
На шесть недель я удалюсь
И вновь с придворными
вернусь.

Когда приеду я домой,
То обещаю, мастер мой,
Что каждый рыцарь, как я сам,
Вручит свою награду вам,
Едва приблизится к картине.
Коль буду я здоров, как ныне.
Все те, над кем я властелин,
Прибудут на осмотр картин,
Чтоб каждый был осведомлен,
В законе ль он святом рожден
И отберу я лен у тех, —
Бог видит! — чье зачатъе
грех».

Король дворец оставил,
Со свитой путь направил
Далеко, в глубь страны спеша
А поп, с собою взяв пажу,
Чтоб был помощник под рукой,
Пошел расписывать покой.
Я вам скажу, как начал он:
Велел ряды больших окон
Закреть, позволив одному
Пажу остаться своему.
Всем прочим запрещен был
вход.

Вино и рыбу, мясо, мед
И все, в чем поп нуждаться
мог,
В покой внесли на долгий срок.
А что ж он делал целый день?
Сидел, лежал, бродил, как тень,
Но двери в зал не открывал,
Хотя совсем не рисовал.

Так срок прошел, и наконец
Король вернулся во дворец.
По королевскому веленью,
Хотя не без сопротивления,
С ним рыцари вошли толпою —
Все те, кого он взял с собою,
С кем говорил, в пути

встречая, —
Ну, словом, свита пребоольшая.
Тут мастер наш покинул зал
И, встретив короля, сказал
Любезно: «Вам открыт мой
труд,
Но рыцари пусть подождут,
Пока все покажу я вам —
Согласно вашим же словам».
Король был рад, и дверь

в покой
Закрыв он собственной рукой.
Потом, весельем окрылен,
Взор устремил на стены он:
Там нет рисунков никаких,
И оттого король на них
Не видит ровно н и ч е г о.
Так это потрясло его,
Что он упал на светлый пол
И взором весь покой обвел.
Тут в бóльшую тоску он впал...
В том, что расписан был весь
зал,

Король поклясться бы решился.
«Да, чести я вдвойне лишился
(Так он подумал про себя), —
Честь матери своей сгубя:
Сказав, что нет здесь ничего,
Я тем, кто больше моего
Увидит, буду обвинен,
Что вне закона я рожден.
Я слеп, не вижу ни штриха, —
Ужель я впрямь дитя греха?
Нет, лучше, правду утая,
Скажу, что роспись вижу я,

Но каждый, умный и простак,
Свой в этом усмотрел позор
И, разуму наперекор,
Считал, что видит все сосед.
И вот, во избежанье бед,
Заверил каждый, что видны
Ему картины. Но полны
Все гнева на родную мать,
Что честь свою могла поправить.

Все в зале осмотрев пустом,
Двор королю сказал о том,
Что поп искусство проявил.
А поп немедля объявил,
Что отпустить его он просит
И королю мольбу приносит
О награждение. В ту же ночь
Все получив, он скачет прочь.
Поп щедро счастьем выскан был:
Две тысячи себе добыл
Он марок при дворе чужом
И отослал в родной свой дом:
Он наказал — до возвращенья
Истратить все на угощенье.
А рыцари весь день с тоской
Осматривали тот покой,
И поутру, с постели прямо,
Явились с королевой дамы.
Не меньший, даже больший

страх,

Затрепетал у них в сердцах,
Когда увидели они
Лишь стены голые одни.
Но, как мужи, и дамы все
Дивилися картин красе.
За ними в зал вошли пажы.
Стыдясь бесчестья, но не лжи,
Все расхвалили, как один, —
Сюжет и мастерство картин.
Никто не рисовал-де так.

Но тут заговорил дурак:
«Глаза мои не из стекла,
Клянусь, их не застлала мгла:

Коль видишь ты, так вижу я».
Тут все, что лгали, стыд тая,
Сказали: «Бойся слепоты, —
Увы, рожден в бесчестье ты».
Однако был настойчив он:
«Я знаю, как я был рожден.
Про честь мою чтоб ни сказали,
Картин не вижу в этом зале,
И вам не видно ни одной.
Коль не согласны вы со мной
Так доказательств я прошу:
Ведь никуда я не спешу».

И вспыхнул меж пажами
спор

И он тянулся до тех пор,
Покамест все, друг другу вслед
Не крикнули: «Картин здесь нет!»
А если кто твердил упорно,
Что роспись видит он бесспорно,
Другие поднимали шум.
Тут умники взялись за ум
И заявили, кончив с ложью,
Что ничего не видят тоже...
Так правду в полной силе
Пажи восстановили.
Тут и вассалы друг за другом
Явились также к юным слугам.
И снова загорелся спор,
В котором гнусный ложный вздор
Был славной правдой побежден.
Теперь был каждый убежден,
Что роспись — выдумка и ложь.
Один король молчал, но все ж
И он признался наконец,
Что лжец проник в его дворец:
Раз, бедный и богат равно,
Твердили все вокруг одно —
Что нет на стенах ни штриха, —
Он также не свершит греха
И скажет: ничего там нет!
Тут во дворце ему в ответ
Послышался веселый смех.
Единым было мнение всех:

«Пройдоха-поп хитер и смел,
Коль так добро стяжать сумел».

(Стихи 491—804)

[АМИС-ЧУДОТВОРЕЦ]

О городке он слышал много
И за добычей в путь-дорогу
Пуститься через сорок дней
Решил. Сначала двух пажей
Послал он в город — побираться
И меж людьми прослыть стараться
Слепыми и хромыми там.

Когда ж он в город прибыл сам,
То о святынях в тот же миг
Великий поднял шум и крик:
Мол, чудеса творить он может,
И, если боль кого тревожит,
Пусть лишь попросит: «Исцели».
Вот два пажа к нему пришли,
Чтоб выполнить его наказ.
И что же — каждый был тотчас
Реликвиями исцелен.

Тут в городке пошел трезвон:
До всякого, кто не был глух,
Дошел о чуде громкий слух,
Болтали и жужжали,
Чтоб все к попу бежали.

Итак, пошел с дарами всяк,
Будь он богач или бедняк.

И горожан надуть толпу
Не стоило труда попу.
Дарами щедро награжден,
Покинул быстро город он.

(Стихи 1289—1316)

Фрейданк

Фрейданк (XIII в.) — странствующий поэт, наиболее значительный представитель немецкой бюргерской дидактической поэзии XIII в. Между 1225 и 1240 гг. он составил сборник рифмованных изречений «Разумение» («Bescheidenheit»). Черпая из различных

источников, Фрейданк с особой охотой обращался к мудрости народа, облакая свои мысли в форму метких пословиц и поговорок, из которых многие стали достоянием последующих поколений. Свою задачу Фрейданк видел в том, чтобы бичевать пороки современного ему общества, исправлять нравы и откликаться на злобу дня. Высоко ставя бескорыстную дружбу, прямодушие, верность, филантропию и искреннюю любовь, он в то же время решительно выступал против брака по расчету, против своекорыстия чувств, лжи, алчности, лицемерия, зависти и других людских пороков.

Нередко Фрейданк затрагивал вопросы, имевшие большое общественное значение. Так, он обрушивался на князей, которые свои личные интересы ставят выше интересов государства, наполняют страну смутами, грабежом и насилием. Не ограничиваясь критикой князей, Фрейданк обращал свои удары против всех сильных мира сего; он был твердо убежден, что если бы высокое общественное положение основывалось на личных достоинствах человека, то «многие господа стали бы холопами, а многие холопы превратились бы в господ». Ведь истинное благородство заключено не в знатности рода, но в добродетели. Фрейданк сетует на то, что феодалы сооружают замки, чтобы «душить бедных людей», что под блестящими одеждами нередко таятся пороки и преступления. Он ясно видит также, что дурные нравы свили себе гнездо в монастырях, что папская курия превратилась в рассадник всевозможных пороков. В период, когда папство вело борьбу с империей, Фрейданк страстно обрушивается на папский Рим, интригующий против светской власти, выкачивающий из Германии огромные богатства.

ИЗ КНИГИ «РАЗУМЕНИЕ»

О РИМЕ

Ручьи сокровищ в Рим бегут,
Здесь вечный находя приют.
Но, на дыру без дна похож,
Безбожный Рим неполон все ж.
Ручьи грехов сюда стекают,
И здесь их людям отпускают,
Где ж прячут зол так много, —
Известно только богу.

Кто нравы Рима узнает,
Охладевает к вере тот.
А римский суд, его закон —
Невежд, попов издёвка он...
Здесь отлучение за мзду
Снимают вопреки стыду:
Прости нас, божий суд,
Но все продажно тут!
Коль клятва ложная нужна,
Ей пфенниг^{*} — красная цена.
Где населявший Рим народ?

^{*} Пфенниг — мелкая монета.

В его дворцах трава растет.
Вот вашей славы образец,
Князья, — такой вас ждет конец!
Владык великих древний Рим
Поработил мечом своим,
Но за неправду осужден
Принять поверженных закон.

Апостол Петр туда пришел,
Где жил хромым, и бос, и гол.
К нему, простертому в пыли,
Слова апостола дошли:
«Я с золотом не дружен, брат,
Но дам тебе все, чем богат».
Благословив калеку, он
Сказал: «Восстань — ты исцелен».
Будь папа свят на этот лад,
Мир христианский был бы рад.

Слыхал я, в книгах есть другое:
В них папа — существо святое.
Чтоб ни творил он, умирая,
Святым он входит в двери рая.
Избавленный от преисподней,
Как хочет, он живет сегодня.

Но что вопросом задаваться,
Способны ль папы заблуждаться?
Раз папа человек, ему
Уловки, хитрость ни к чему:
Как человек, всем людям равный,
Являть пример он может славный
Иль худшей жизни образец.
Подвигни пап к добру, творец!
Кто скажет: грех им незнаком,
Того я назову лжецом.
Коль хочет папа, может всласть
Жить во грехе, имея власть.

Приходит нынче в Рим и тот,
Кто сам награбленным живет,
Твердя, что папа дал прощенье
Ему за эти прегрешенья:
Хоть злой поступок не исправлен,
Но грешник от греха избавлен.

Кто скажет так, тот судит ложно
И папу оболгал безбожно^{*}.

Раскаянье в грехах приняв,
Как папе надлежит, он прав:
Ведь этим папы облегчали
Раскаившимся их печали.
Но бесполезно отпущенье,
Коль не исправить прегрешенье.
Дари любовь и милость,
Чтоб все тебе простилось!

К тому, кто мне простил бы зло,
Что вред другому принесло,
Я б безоружный прискакал,
Его бы за морем сыскал!
Но грех лишь господом простится, —
К нему и должен ты стремиться.
А милости к лицу ослу:
Пусть он прощает грех — волу.
Лишь дураки в том смысл найдут,
Что плуту грех отпустит плут.

Дай крупную монету
Иль мелочь — ты за это
Свободен будешь от грехов:
Вот милостей размах каков!..

...Всесильный папа в состоянии
Грех отпустить без покаянья,
И камень бросим мы в него,
Коль он хотя бы одного
Христианина среди нас
От мук чистилища не спас.
Но в этом правды нет ни слова:
Ведь в Риме оболгут любого!

Пусть бы кто рукой своей
Жег и земли, и людей, —
Все ж папа властью облечен
За зло, что совершает он,
Ему грехов дать отпущенье
И за раскаянье — прощенье.
Кто по закону пап живет,
Безгрешен перед богом тот.

^{*} Фрейданк иронизирует.

Ведь папа — бог земной, хоть Рим
И насмехается над ним.

Хромает в Риме папы честь, —
Чужим он грозен лишь. Бог весть,
Как пустовал бы папский кров,
Не будь чужих в нем дураков.

Кривое стало бы прямым,
Так стал бы справедливым Рим.

Ведет нас неустанно

Рим путем обмана.

Ты в нем найдешь святых отцов, —
Добра не сыщешь образцов.

Вдоль дорог и улиц гулких,
На тропинках, в переулках
Жадный Рим поймать готов
Нас на тысячу крючков.

Стань, папа, правым без изъятия
В благословенье и в проклятье
И помни: будет папский меч
Во имя правды лучше сечь!

Два меча^{*} в ножнах единых
Ржаветь будут, быстро сгинут!
Лишь папы к власти устремятся,
Мечи их сразу притупятся.

Так Рим той сети изменил,
Которой рыбу Петр ловил:
Та сеть давно пропала,
А в римскую попало
Земель немало, серебра,
Столь чуждых святости Петра.
С т е р е ч ь овец поставлен богом,
Петр правды рыцарем был строгим.
С т р и ч ь бог не позволял овечек,
А нынче не хотят беречь их.

Рим неправдой лишь силен,
Правый суд в нем упразднен.
Но к чести папы утверждаю:
Не смеет клика пресвятая
При нем творить неправый суд,
И много есть гнилого тут,

^{*} Два меча — власть папы и власть императора.

В чем папа сам не виноват:
Рим — подкупов крошечный ад,
Рим, — хоть создатель права он, —
Давно в бесправье погружен.

Хотел бы очень папский клир,
Чтоб кувырком пошел весь мир:
Стригущим это все равно,
Лишь только б получить руно.

Где шерсть хорошая нужна,
Овца без шерсти негодна.
Власть пап простерлась далеко,
Но Риму было б нелегко
Насильем править в дальнем крае,
Бесправий худших не свершая.
Был бы Рим в земле германской, —
Конец всей вере христианской!
Кто стонет т а м от горьких бед,
До нитки был бы з д е с ь раздет.

Коль в Риме что купить пойдешь,
Везде найдешь подвох и ложь.

Трудней у Рима взять кусок,
Чем у ростовщика залог.

Жизнь в Риме — женам да попам:
Ни в чем не упрекнешь их там.
Подобной чистоты и чести
Я в ином не видел месте^{*}.
В одной Мессине женский пол
Столь скромным, чистым я нашел.

Что в Риме надобно хулить,
Я не желаю зря хвалить,
Но то добро, что в нем знавал,
Достойно всяческих похвал.
К тому ж неправда в Риме есть,
Что не пятнает папы честь:
Здесь тьма людей живет сейчас, —
Всех не усмотрит папы глаз.
Они в соблазнах тонут вечно
И, душу проиграв беспечно,
Теряют свой достаток весь, —
Власть римских пап бессильна здесь!

* Фрейданк снова иронизирует.

Ведь папе запретить невмочь
И красть, и грабить день и ночь:
Хоть много стригли дураков,
Попастся в сеть любой готов.

Вернер Садовник

Об авторе первой немецкой крестьянской повести Вернере Садовнике ничего неизвестно. Вероятно, он был баварцем или австрийцем. Вряд ли он принадлежал к рыцарскому сословию. Во всяком случае в своей стихотворной повести, написанной во второй половине XIII в., он резко осуждает моральную деградацию современного рыцарства и высоко поднимает крестьянский труд. В историко-литературном плане «Крестьянин Гельмбрехт» является своего рода вызовом, брошенным куртуазному роману с его далеко идущей идеализацией рыцарства, сказочной фантастикой и изысканностью поэтической формы. В повести Вернера Садовника жизнь изображена без прикрас. Симпатии автора всецело на стороне честного и трудолюбивого крестьянина Гельмбрехта, отца молодого Гельмбрехта, который презирает все крестьянское и хочет во всем походить на рыцарей. С этой целью он покидает отчий дом и, примкнув к свите рыцаря-разбойника, сам занимается разбоем. Сестру свою Готлинду, прельстившуюся «роскошной» жизнью, он уговаривает выйти замуж за разбойника Лемберслинда, по прозвищу Глотай Ягненка. Однако похождения молодого Гельмбрехта вскоре заканчиваются весьма бесславно. Палач лишает его зрения, а крестьяне, которым он причинил много зла, вешают его на дереве.

КРЕСТЬЯНИН ГЕЛЬМБРЕХТ

Один рассказывает нам,
Что пережил и видел сам,
Другой твердит о счастье,
Богатстве, пылкой страсти,
Тот славит доблесть, этот — долг,
И дорог всякому свой толк.
А я хочу вам рассказать,
Что мне случилось повидать,
Сказать про это дальше,
Без выдумки и фальши.
Крестьянский сын в деревне жил,
Он чудо-кудри отрастил,
Они вились до самых плеч,
Чтобы волной на плечи лечь.
Как шелк, был каждый локон,
Под шапкой их берег он.
А шапка дивной красоты,

На ней и птицы, и цветы.
К лицу та шапка молодцу,
Он Гельмбрехт звался по отцу,
Ведь старый майер*, как и он,
Был тем же именем крещен.
О том крестьянском сыне
Я начал повесть ныне...

(Стихи 1—24)

.....
«Отец, скажу тебе одно:
Ты воду пей, а я — вино.
Питайся кашей, словно нищий,
Я буду сыт иною пищей,
Что птицей жареной зовут.
Меня учить — напрасный труд.
Мякину есть считай за честь,
А я калач отважусь есть.
Вот так и доживем до гроба —
Возьмем, что заслужили оба.
Доказано то римским правом,
Что дети доблестью и нравом,
Подобьем духа, не лица
Выходят в крестного отца.
Мой крестный рыцарь был, и с детства
Я благородство взял в наследство,
Благослови его Христос
За то, что я таким возрос».
«А мне, — сказал отец, — ей-ей,
Кто справедливей, тот милей,
Достойней сын простого рода,
Чем трутень рыцарской породы,
Пусть род его не знаменит,
Народ им больше дорожит,
Чем тем наследником поместья,
Кто выбрал леность и бесчестье.
Приди в чужую землю оба,
Бедняк и знатная особа,
Там, где не знают их родни,

* Майер — крестьянин-арендатор.

За добродетели одни
Простого в образец поставят,
Другого только лишь ославят.
Ты быть стремишься благородным,
Сумей же оказаться годным
На благородные дела,
Они для замка и села
Единый истинный венец.
Так говорит тебе отец».

(Стихи 471—508)

.....
И с тем уехал налегке
Он от отца во весь опор,
Перемахнув через забор.
О том, что встретил он в пути,
Мне слов и в три дня не найти,
Сказать о всем, что было,
Недели б не хватило.
Но в некий замок прибыл он,
Там чтит хозяин не закон,
А грабежи и драки
И жил, как на биваке.
Ну, а себя он окружил
Лишь теми, кто ему служил, —
Толпой головорезов,
Никто там не был трезов.
Попав в дружину, наконец,
Стал лихо грабить наш юнец,
В мешок, не брезгуя, совал
Все, чем другой пренебрегал.
Он и пустяк считал добычей,
Таков уж был его обычай.
Все без разбора брал он в дань:
И новый скарб, и хлам, и дрянь
Хватал направо и налево.
Он угонял коров из хлева,
Он брал козу, он брал козла
И в том, что крал, не видел зла,
Он в доме не оставил ложки,
Он брал горшки, пустые плошки,
Он брал кафтан, и плащ, и меч,
Снимал рубаху прямо с плеч,

Он женщин не щадил и даже
Не оставлял на них корсажа.
За все он после заплатил!
Он бы с охотой возвратил
Все, что награбил и украл,
Когда палач его пытал.
Святая правда, в первый год
Счастливым был его поход,
Он к цели плыл, и ветры сами
Несли корабль под парусами.
И стал таким он дерзким скоро,
Что у разбойников без спора
Он долей львиною уже
Завладевал при дележе.

(Стихи 646-689)

(Отец вспоминает о благородных рыцарских обычаях недавнего прошлого.)

.....
«Вот это было мне по нраву!
Все умножало честь и славу.
Как подменили всех людей!
Когда-то лжец или злодей,
Желавший кривдой жить на свете
И на закон накинуть сети,
Друзей всесильных не имел
И при дворе не пил, не ел.
Теперь же тот богатство множит,
Кто льстить и лгать бесстыдно может,
И при дворе ему почет,
И больше он успел, чем тот,
Кто честно выбрал путь-дорогу
И угодить старался богу.
Так жили встарь. А как на свете
Живут сегодня наши дети,
Какой обычай ныне чтут?
Скажи, не посчитай за труд». —
«Отец, я вам ответить рад.
У нас в чести один обряд:
«Пей, сударь, пей! Лакай до дна:
Ты выпьешь, — я налью вина».

Нет ничего приятней в мире
Веселья бражников в трактире.
Когда-то знатым господам
Случалось быть в гостях у дам,
Мы не воспитаны так тонко,
Найдешь нас около бочонка.
Нас опечалит лишь одно,
Что в бочке высохло вино.
Тут будешь думать день и ночь,
Как горю этому помочь,
Для нас похуже всякой пытки
Нужда в живительном напитке.
Ведь от него мужает дух!
Один девиз любовный вслух
Твердим: «Трактирщицу-сударку
Налить полнее просим чарку,
Осел и дурень, кто бочонку
Шальную предпочел девчонку!»
Кто лгать умеет, — молодец!
Зерцало вежливости — лжец,
Обидят словом — сам не мешкай,
Другому рот заткни насмешкой,
Ведь богохульник и ругатель —
Пиров достойный председатель.
Кто рассуждает по старинке,
Глупей выносливой скотинки,
Нам этот ветхий бородач
Еще несносней, чем палач.
Пусть нас объявят вне закона,
Нас все равно не скинешь с кона,
В ответ на папские проклятья
Смеется только наша братья». —
«Помилуй бог, — сказал старик,
Насилу повернув язык —
Здесь плакать надо! И не снилось,
Что кривда так распространилась». —
А сын смеется: «В самом деле,
Турниры дедов устарели.
Тогда кричали: «Хей, хей!
Вперед за славой, веселей!»
А нынче: «Рыцарь, не робей,
Гони, коли, руби, добей!»

Глаз вон тому, кто зазевался,
Чтоб он без рук, без ног остался.
Беднягу вздернуть прикажи,
Ну, а богатого — вяжи:
Он даст сто фунтов отступного,
Вот нравов нынешних основа...»

(Стихи 967—1036)

(Ватага головорезов справляет свадьбу Готлинды и Лемберслинда.)

И вот должны Готлинду
Дать в жены Лемберслинду.
Чтобы взяла Готлинда
В супруги Лемберслинда,
Пусть оба станут рядом.
Соединить обрядом
Намерен их седой старик.
Он знал слова священных книг
И молвил Лемберслинду:
«Хотите вы Готлинду
Себе взять в жены навсегда?»
И Лемберслинд ответил: «Да!»
Еще раз задал он вопрос,
«Охотно!» — рыцарь произнес.
«Так вы согласны?» — в третий раз
Спросил старик, возвыся глас,
И тот откликнулся: «Клянусь,
На ней охотно я женюсь».
Спросил старик: «Готлинда,
Хотите Лемберслинда
Себе взять мужем навсегда?» —
«Когда господь позволит — да!» —
«Согласны?» — снова он спросил.
«От всей души», — ответ гласил.
Спросил еще раз громогласно,
И третий был ответ: «Согласна».
И вот он дал Готлинду
В супруги Лемберслинду,
Дал — и взяла Готлинда
В супруги Лемберслинда.
Тут все запели славу

По старому уставу.
Готлинде муж не уступил,
На башмачок ей наступил.
У новобрачных для услуг
Почетных было девять слуг:
Конюший — братец Живоглот, —
Коням он корму задает,
Быть кравчим вышло Быкоеду,
Гостей рассаживал к обеду
Дворецкий, Дьявольский Мешок,
Он от усердия сбился с ног.
Трясикошель, завзятый вор,
Стал казначеем с этих пор,
А на поварне Овцеглоту
Большую задали работу,
Ему как повару пришлось
Следить за всем, что там пеклось.
Там должность исполняли твердо
И Волчья Пасть, и Волчья Морда,
Взяв в помощь Волчию Утробу,
С жарких и вин снимали пробу.
А Острый Ключ, хоть был свиреп,
На этой свадьбе резал хлеб.
За трапезой трудился каждый,
Воюя с голодом и жаждой,
Не отказался ни один
От пирогов и сладких вин.
Они очистили посуду,
Как будто ветром сдуло блюда,
И дичь, и мясо съели гости,
Так чисто обглодали кости,
Что нечем поживиться псам.
Но истинно, — я слышал сам, —
Как говорил старик почтенный:
«Есть распорядок неизменный,
Которым ведает господь.
Пока живущий тешит плоть,
Без меры ест, спешит напиться,
Глядишь, — и смерть за ним тащится».
Так было с ними в этот час.
Не знали, что в последний раз
Они на пиршестве сидели,

И пили весело, и ели...

(Стихи 1503—1576)

.....
Дары раздали скрипачам.
Но что явилось их очам?
Кого послал злодеям бог?
Судья явился к ним врасплох
И, сапогами грохоча,
Вошли четыре палача.
Тотчас разбойную десятку
Они связали по порядку.
Кто не успел забраться в печь,
Под лавку ухитрился лечь,
Тесня товарищей безбожно,
Но скрыться было невозможно.
Их брал, за космы волоча,
Один подручный палача,
А раньше каждый из десятки
Мог четырех осилить в схватке.
Скажу вам истину без спора,
Что у отъявленного вора
Есть дерзость, чтоб убить троих,
Но с палачом грабитель тих,
Он беззащитен и покоен,
Как дуб, подрубленный под корень...

(Стихи 1607—1628)

Испанская литература

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕСНЬ О МОЕМ СИДЕ

На протяжении веков (VIII—XV вв.) испанский народ вел упорную борьбу против арабских завоевателей, утвердившихся на Пиренейском полуострове. Особенно интенсивный характер эта национально-освободительная война (так называемая реконкиста) приобрела в XI—XIII вв., когда испанцам удалось овладеть почти всем полуостровом (под властью арабов осталось лишь Гранадское королевство, просуществовавшее до 1492 г.). Патриотическим порывом были охвачены широкие общественные круги Испании. Успехи реконкисты вдохновляли народных поэтов. Герои реконкисты заняли прочное место в народном испанском эпосе.

В атмосфере большого патриотического подъема сложился и величайший памятник испанского героического эпоса «Песнь о моем Сиде» (середина XII в.), дошедшая до нас в единственной рукописи начала XIV в., значительно попорченной. В «Песни» изображены подвиги знаменитого испанского воителя (el Campeador) XI в. Руя (Родриго) Диаса де Бивар, прозванного Сидом (арабское *sidi* — господин). Исторический Сид (около 1043—1099 гг.) оставил по себе память как один из наиболее выдающихся деятелей реконкисты. Он отнял у мавров область Валенсии, но главная его заслуга заключалась в том, что ему удалось наголову разбить грозные полчища альморавидов, которые из Африки явились на помощь мавританским царькам Испании и уже нанесли ряд поражений войскам Альфонса VI.

В «Песни» Сид Кампеадор становится воплощением народного нравственно-героического идеала. В связи с этим автор «Песни» кое в чем отходит от исторических фактов. Так, герой поэмы рисуется пламенным патриотом, все свои силы отдающим на борьбу с маврами (в то время как Руй Диас не пренебрегал службой у мавров). В отличие от исторического Сиды, который, будучи типичным феодалом, стремился стать вполне самостоятельным властителем, герой поэмы ставит интересы Испании выше своих частных интересов. Именно на этом основана его вассальная преданность королю, который для него является символом национального могущества и единства. В условиях реконкисты проповедь политической централизации имела, разумеется, глубоко прогрессивное значение. Следует также указать на известную демократизацию Сиды. В отличие от Руя Диаса, который, как мы знаем, принадлежал к высшей кастильской знати, герой поэмы рисуется инфансоном, т. е. рыцарем, не принадлежащим к феодальной аристократии. Он всем обязан только своей личной доблести и храбрости. Зато представители родовой феодальной знати в лице инфантов Каррионских изображены в поэме в резко отрицательных тонах. Они высокомерны, коварны, трусливы и жестоки. В поэме их постигает заслуженная кара.

Начало «Песни» утеряно. Оно должно было излагать причины изгнания Сиды королем. По указаниям хроник, причины эти заключались в следующем: по поручению Альфонса VI Сид отправился собирать ежегодную дань в Севилью; он не только собрал ее, но и захватил в плен графа Гарсиа Ордоньеса, сражавшегося в союзе с маврами; однако, когда Сид вернулся ко двору Альфонса, враги оклеветали его перед королем в присвоении части добычи. Альфонс, уже таивший злобу на Сиду (Сид осмелился требовать от короля присяги в том, что он непричастен к убийству брата своего Санчо), приговорил его к изгнанию (1087 г.). С удаления Сиды в изгнание и начинается сохранившаяся часть «Песни».

«Песнь» написана четырехударным дольником, разделенным цезурой; стихи объединяются ассонансами в тирады разной величины. Первые несколько строк представляют прозаическое переложение тирады. Буквами (14а, 14б и т.д.) отмечены стихи, восстанавливаемые из других памятников.

Послал он за своими родичами и вассалами¹ и объявил им, что король повелел ему выйти из своей земли, что дал он ему срок не более девяти дней и что теперь хочет он узнать, кто из них пойдет с ним, а кто останется.

^{1а} «И тем, что со мной отправятся, дай, господи, награду,
И от тех, что останутся, уйду я без досады».

Тут молвил Альвар Аньес, родич его ближайший:

«С вами пойдем мы, Сид, степью и городами.

^{5а} Никогда вас не оставим, пока живы и здоровы.

И лошадей и мулов с вами загоним насмерть,

С вами мы разделим одежду и достаток.

Служить вам будем вечно, как друзья и вассалы».

Тут все подтвердили, что молвил дон Альвар.

^{10а} Благодарил их мой Сид за привет и за ласку.

Выехал мой Сид на Бургос из Бивара^а.

Безлюдно, сиротливо стоит его замок.

1

¹ Жгучими слезами так горестно плача,

Назад он обернулся, взглянул на палаты.

Видит двери без запоров, и ворота все настежь,

И пустые наместы^б без шуб и без платья,

⁵ И без соколов и ястребов слинявших.

Вздохнул мой Сид от великой печали,

Молвил мой Сид разумными словами:

«Господи-отче, в небесах тебе слава!

Вот что учинили лихие супостаты».

^а *Бивар* — в настоящее время маленькая деревушка километрах в 10 к северу от Бургоса — города в старой Кастилии.

^б Наместы употреблялись не только для охотничьих птиц, но и для развешивания платья.

Мавры в походе. Из испанской рукописи XIII в.

2

- ¹⁰ Вот опустили поводья, вот пришпорили смело,
 Под Биваром ворона направо летела;
 Как под Бургос пришли, полетела налево^a.
 Пожал мой Сид плечами, голову поднял дерзко.
 «Поздравляю, Альвар Аньес! Изгнанник теперь я.
^{14a} Но вернемся мы в Кастилью, говорю я вам верно,
¹⁴⁶ С почетом и поживой, с божья соизволенья».

3

- ¹⁵ Мой Сид Руй Диас под Бургос приходит.
 А с ним шесть десятков всадников отборных.

^a Полет птицы толкуется как доброе или злое предзнаменование.

Вышли взглянуть и мужчины, и жены,
Горожане, горожанки облепили окна;
Плачут неутешно от великого горя,
²⁰ И на устах повсюду такое у них слово:
«Вот добрый был бы вассал, будь сеньор его добрым».

4

Приют они б ему дали, да от страха не смеют:
Король дон Альфонс — в превеликом гневе.
Пред вечером грамота в Бургос доспела,
²⁵ За крепкою печатью и со строгим запретом:
Руй Диасу Сиду не давать ночлега;
А если кто даст, пусть знает он верно,
Что лишится именья и зениц своих обеих
И еще напридачу и духа и тела¹.
³⁰ Все люди-христиане — в печали непомерной.
Попрятались от Сиды, отвечать ему не смеют.
Выбрал мой Сид подворье для ночлега.
Поровнялся с дверями, видит: заперты крепко,
Короля убоявшись, сговорились соседи:
³⁵ Не откроют ему, пусть хоть выбьет двери.
Те, что с Сидом пришли, снаружи зашумели.
А те, что внутри, не молвят ни словечка.
Дал шпоры мой Сид, к воротам он подъехал,
Выпростал ногу, ударил по двери.
Не открылась она: заложена крепко.
⁴⁰ Показалась тут девочка, годочков ей девять:
«О Кампеадор, в добрый час вы меч надели!
Запретил нам король, вот грамота доспела,
За крепкой печатью и со строгим запретом,
Чтоб впускать вас не смели ни за что на свете,
⁴⁵ А не то мы лишимся домов и именья
И еще напридачу зениц своих обеих.
Вам, о Сид, не прибудет добра от нашей смерти.
Да хранит вас творец со всем воинством небесным». —
Так девочка сказала и в доме исчезла.
⁵⁰ Видит Сид: от короля пощады ему нету.
Повернул от ворот, по Бургосу поехал.
У церкви святой Марии сошел он на землю,

¹ Суровое наказание, полагавшееся лишь за самые тяжелые преступления; даже при изгнании имущество преступника не всегда конфисковывалось.

Колени склонил, помолился от сердца.
Молитву окончив, поскакал он, не медля,
⁵⁵ Вышел из ворот, Арлансон пересек он,
Против самого города стал станом на щебне.
Поставил шатер и сошел он на землю.
Мой Сид Руй Диас, — в добрый час он меч привесил,
На щебне стоит — раз закрыты все двери;
⁶⁰ Вокруг себя видит дружинников верных.
Лагерь он раскинул, как в пустынном ущелье.
Закрыт ему рынок в Бургосе-местечке;
Не может он купить ни вот столько из снеди;
Продать ему не смеют ни на денежку хлеба.

5

⁶⁵ Тут бургосец отменный, Мартин Антолинес*,
Прислал хлеба и вина и Сиду и дружине.
Все дает он свое, ничего не купил он,
Всяческой снедью их вдоволь снабдил он.
Рад был мой Сид, отменный воитель,
⁷⁰ И прочие все, что ему служили.
Рек Мартин Антолинес, — услышьте, что говорил он:
«О Кампеадор, в добрый день вы родились!
Проспим эту ночь и двинемся с денницей.
Опорочен я буду за то, что вам служил я.
⁷⁵ У короля дона Альфонса впаду я в немилость.
Но если мы с вами будем здоровы и живы,
Рано или поздно он вновь меня примет;
А нет, — так все именье мне не дороже фиги».

6

⁸⁰ Промолвил мой Сид (в добрый час надел он шпагу);
«Мартин Антолинес, копейщик удалый!
Если буду я жив, удвою вам плату.
Я роздал серебро и все свое золото;
Видите вы сами, что нет у нас клади²:
Пищи на всю дружину нужно достать нам.
⁸⁵ Не хочется мне, но, видно, так надо.
С вашего согласия два сундука мы сладим.

* *Мартин Антолинес* — верный друг Сиды; историческая его личность не установлена.

Наполним их песком и весу им прибавим,
Обошьем тисненой кожей и запрем их на славу».

7

⁹⁰ «Пунцовая кожа, золоченые запоры.
К Рахилью и Иуде² — скачите вы скоро:
В опале-де я, нет мне в Бургосе торго,
А ларей не сvezти; больно весу в них много.
Под сходную ссуду пусть возьмут их для залога,
⁹⁵ Чтоб не знали христиане, нынче ночью, втихомолку.
Знает сам господь и святые у бога,
Что плутую по нужде, не своею охотой».

8

Ни мало не мешкал Мартин Антолинес,
.....
Проехал сквозь Бургос, и в замок вступил он.
¹⁰⁰ Рахилья и Иуду громко он кличет.

9

Рахиль и Иуда вдвоем сидели в лавке,
Считали барыши, нажитые достатки.
Вошел Мартин Антолинес, окликнул с опаской:
«Где вы, Рахиль и Иуда, друзья мои давние?»
¹⁰⁵ «Говорить я с вами хочу с глазу на глаз».
Заперлись втроем, не мешкая ни мало.
«Рахиль и Иуда, оба в том руку мне дайте,
Что не скажете об этом ни христианам, ни маврам.
Навек вас обеспечу, будете вы богаты.
¹¹⁰ Мой Сид Кампеадор поехал за данью,
Взял большое добро, великое богатство;
Все, что получил он, у Сида осталось.
За это он был очернен врагами.
Захватил он два ларца, полных чистого злата;
¹¹⁵ Но у дона Альфонса впал он в опалу.
Покидает он вотчину, и дома, и палаты,
Но ларцов не может взять, чтоб не вышло огласки.
Хочет он теперь в ваши руки отдать их

² Рахиль и Иуда — еврей-ростовщики в замке Бургос.

- Под пристойную ссуду под видом заклада.
¹²⁰ Возьмите вы ларцы под свою охрану,
С великою клятвой на веру и на правду,
Что в них не заглянете за год ни разу».
Рахиль и Иуда советовать стали:
«Как-нибудь наживать все равно нам надо.
¹²⁵ Хорошо нам известно, что и Сид тут нажил:
В землю мавров он вторгся, большое взял богатство.
Не спит беззаботно, кто спит над деньгами.
Эти два ларца возьмем мы в охрану,
Припрячем подальше, чтоб не вышло огласки.
¹³⁰ Но скажите нам о Сиде: сколько дать ему надо
И какой барыш нам сулит он за год?»
Мартин Антолинес разумно отвечал им:
«Мой Сид не запросит больше, чем надо.
Мало он возьмет, лишь бы было сохранно.
¹³⁵ Захудалый народ к нам валит громадой:
Требуются Сиду шесть сотен марок»^{*}.
Молвят Рахиль и Иуда: «Ссудить мы их рады». —
«Но торопится мой Сид: вот уж ночь наступает.
Нужно, чтоб марки сейчас вы отсчитали».
¹⁴⁰ Молвят Рахиль и Иуда: «Не ведется так продажа:
Сначала — товар, а потом уже плата».
Тут Мартин Антолинес: «Мне это по нраву.
Так поедem же туда, где теперь Сид наш славный,
И мы вам поможем, как по совести надо,
¹⁴⁵ Ларцы увезти и укрыть невозбранно,
Чтоб их не видали ни мавры, ни христиане».
Молвят Рахиль и Иуда: «Мы этому рады.
Привезете ларцы — получите марки».
Мартин Антолинес поскакал неустанно
¹⁵⁰ С Рахилем и Иудой охотно и согласно.
Не по мосту едут, а в брод на переправу,
Чтоб их не увидели из Бургоса-града.
В шатре своем сидит Кампеадор преславный.
Вошли они в ставку, руку поцеловали.
¹⁵⁵ Усмехнулся мой Сид, разговор с ними начал:
«Эх, дон Рахиль и Иуда, давненько мы не видались.
Видно уж, на мне нажиться вам удастся:
До самой своей смерти вы не будете нуждаться».
Рахиль и Иуда руки ему поцеловали.

^{*} *Марка серебра* — полфунта серебра, *марка золота* — полфунта золота.

- ¹⁶⁰ Мартин Антолинес с ними запись составил,
Что ларцы, залог за шесть сотен марок,
Сохранят они год, замков не отпирая,
Ибо так они клялись по вере и по правде;
А коль раньше отопрут, так будут лжецами
¹⁶⁵ И не даст им мой Сид ни денежки ржавой.
Рек Мартин Антолинес: «Грузите же заклады.
Возьмите их, Рахиль и Иуда, держите сохранно.
Поеду я с вами; отсчитайте мне марки,
Чтоб мой Сид мог уйти до петелов ранних».
¹⁷⁰ Грузят они ларцы с радостью несказанной,
Хоть оба купца едва их поднимают.
Рады Рахиль и Иуда великому кладу:
Теперь, мол, до смерти проживут они богато.

10

- Рахиль целует руку у Сиды.
«О Кампеадор! В добрый час вам меч вручили.
¹⁷⁵ Из Кастильи вы идете сквозь народы чужие.
Такова у вас удача, велика у вас пожива.
Алый кафтан сарацинский отличный,
Сид (целую вам руку), мне в дар привезите».
¹⁸⁰ «Хорошо, — молвил Сид, — обещаю нерушимо,
Иль цену его я к долгу прикину».
^{182a} Увозят купцы лари в свое жилище.
^{182b} Поскакал за деньгами Мартин Антолинес.
-
- Посреди палаты одеяло расстелили,
А поверх простыню из белейшей холстины.
¹⁸⁵ Сперва серебром отсыпали триста;
Сосчитал дон Мартино, без веса их принял.
А прочие триста червонцами платили;
Пять оруженосцев нагрузил дон Мартино.
Все это сделав, снова заговорил он:
¹⁹⁰ «Эй, Рахиль и Иуда! Вы сундуки залучили.
Вам сделку устроив, на чулки заслужил я»^a.

11

Рахиль и Иуда в сторону отходят оба.
«Наградим его на славу, ибо он нам их добыл.
Мартин Антолинес, почтенный бургосец,

^a На чулки — равноценно русскому «на чай».

- ¹⁹⁵ Вы от нас заслужили, мы дар вам подносим
На чулки, и на шубу, и на плащ добротный.
Даем мы вам в дар тридцать марок червонных.
Отслуживать не надо, ибо это законно,
Лишь будьте порукой в крепости уговора».
Взял их дон Мартино с благодарственным словом,
²⁰⁰ С обоими простился и вышел из дома.
Из Бургоса он скачет через брод Арлансона
Прямо к ставке того, что родился в час добрый.
Принял его мой Сид, простер он руки обе:
²⁰⁵ «Вот вы, Мартино, вассал мой предобрый!
Вам за все воздам я с помощью божьей». —
«Вот я, Кампеадор! Все слажено-готово:
Нажил я три десятка, а вы-то — шесть сотен.
Сверните шатры, поскачем, что есть мочи.
²¹⁰ В Сан-Педро де Карденья³ с петухами нам отворят.
С женой вашей свидимся, разумной, высокородной,
Покинем королевство, пробыв с ней недолго;
Надобно спешить, ибо близко до срока».

12

- Едва сказал он это, как шатер они сложили.
²¹⁵ Быстро скачет мой Сид со всею своей дружиной.
Обернулся к церкви святой Марии.
Поднял правую руку и лоб перекрестил он:
«Слава тебе, боже, земли и неба властитель!
Приснодева Мария, да поможет мне твоя сила!
²²⁰ Прогневил я короля, ухожу из Кастильи.
Не знаю, вернусь ли во дни своей жизни,
О пресвятая! В изгнание да поможет мне твоя сила,
Будь мне ночью и днем спасеньем и защитой.
Ты мне счастье пошли, услышь мою молитву,
²²⁵ Я ж одарю твой алтарь богато, изобильно
И тысячу обеден отслужу до единой».

13

- Поскакал безупречный, с охотой и отвагой.
Отпустили уздечки и шпорят без пощады.
Рек Мартин Антолинес, бургосец удалый:
²³⁰ «Погляжу на жену, в ком вся моя отрада,
Как жить без меня, семью я наставлю.
Пусть все король отнимет, я плакать не стану.
Солнце не взойдет, как вернусь я обратно».

14

- Мартин вернулся в Бургос, а Сид не жалеет шпор;
235 До Сан-Педро де Карденья скакал во весь опор,
Скачут, ему на радость, с Сидом люди его.
Громко пели петухи, забелелся восток,
Когда прибыл в Сан-Педро наш добрый Кампеадор.
Аббат дон Санчо, служитель господень,
240 К заутрени ударил рано до восхода.
Была там донья Химена^{*}, с ней пять дам благородных;
Молят Петра святого и создателя-бога:
«О ты, что правишь миром, помоги Кампеадору!»

15

- Ударили в ворота, окликнули монахов.
245 О боже, как рад был аббат дон Санчо!
Кинулись на двор с огнем и со свечами;
Рожденного в час добрый с весельем встречали.
«Слава богу, мой Сид, — сказал аббат дон Санчо, —
Раз вижу я вас здесь, у меня вы останьтесь». —
250 «Спасибо, дон аббат, от сердца вам благодарен,
Припасов я наберу для себя и для вассалов.
Ухожу я в изгнание; пятьдесят даю вам марок,
И если буду жив, удвою эту плату,
Монастырь убытку не потерпит нимало.
255 Вот за донью Химену я даю вам сто марок,
На год дайте ей кров, дочерям ее и дамам.
Двух дочек-малолеток даю вам под охрану;
Вам их препоручаю, вам, аббат дон Санчо.
О них и о супруге пекусь, как надо.
260 Коль будет в деньгах или в чем недостача,
Ублажите их всем, а я вам обещаю:
За истраченную марку четыре дам я храму». —
Согласился аббат с охотой и отрадой.
Вот и донья Химена: с дочерьми она предстала;
265 Ведут их к нему и приводят их дамы.
Пред Сидом донья Химена на колени упала,
Горестно плача, ему руки целовала.
«Смилюсь, Кампеадор, в добрый час надевший шпагу!
Из-за сплетников подлых из страны вас изгнали.

^{*} *Химена* — жена Сиды, дочь графа астурийского Диего и внучка короля Леона Альфонса V.

16

- ²⁷⁰ О Сид, бороною славный^а, нас троих пожалейте.
Здесь я перед вами с дочками вместе, —
Малолетки они, несмышленные дети;
Со мной мои дамы, что служат мне верно,
Видю я сама: уходите за рубеж вы;
²⁷⁵ Будем мы с вами в этой жизни раздельны.
Наставьте же нас ради девы пресветлой». .
Сид бороною славный смягчился сердцем,
В объятия взял дочерей-малолеток,
К сердцу их прижал: любил он их крепко.
Горестно плачет и вздыхает с сокрушеньем:
²⁸⁰ «Любезная супруга, о донья Химена!
Как душу свою, люблю я вас верно.
Вы видите, мы будем в этой жизни раздельны,
Я вдаль ухожу, — вы останетесь при детях.
²⁸⁵ Пошли нам господь и пресвятая дева,
Чтоб своими руками обвенчал дочерей я.
Коль будет мне удача и спасусь я от смерти,
Вам, супруга честная, послужить я сумею».

(Сид проводит шесть дней в монастыре, собирая дружину; на седьмой, прослушав мессу и оставив в великой горести жену с детьми в монастыре, Сид направляется к границам Кастилии.)

- ⁴⁰⁴ Добрался до Альковъехи, кастильского рубежа.
⁴⁰⁵ Кинейскую дорогу^б пересек он с утра.
Выше Навас-де-Палос Дуэро он миновал.
У Фигеруэлы мой Сид заночевал.
Отовсюду к нему стекалась толпа.

19

- Там прилег мой Сид, чуть надвинулась ночь,
⁴¹⁰ Так сладко заснул он, объял его сон.
Архангел Гавриил в видении к нему сошел:
«Скачите, мой Сид, о добрый Кампеадор!
Никогда с такой удачей не выезжал еще никто:
Покуда вы живы, все пойдет хорошо».
⁴¹⁵ Пробудился мой Сид, перекрестил он лицо.

^а Славной борода Сиды называется потому, что ее ни разу не касалась рука врага.

^б *Кинейская дорога* — старинная римская дорога, пересекающая Дуэро на несколько километров выше Сан-Эстебан.

20

Осенил лицо крестом, поручил себя богу.
Тем сном, что приснился, он доволен премного.
Наутро чуть свет пустился он в дорогу.
Знайте, что лишь день остался им до срока.
В сьерре де Мьедос^{*} остановился на отдых.
⁴²⁰ Слева — башни Атьенсы, мавританского оплота.

21

Еще день не промчался и солнце не зашло,
Как созвал свою дружину мой Сид Кампеадор.
Помимо пехоты и главных удальцов,
Триста пик насчитал он, и каждая — с флажком.

22

⁴²⁵ «С утра коней кормите, да спасут вас небеса!
Кто хочет, пусть поест; а кто нет, — на скакуна!
Перевалим через сьерру, что дика и велика.
Земли дона Альфонса покинем мы до утра.
А после кто нас поищет, найдет без труда».
⁴³⁰ За ночь прошли сьерру; вот и зорька взошла.
Скачут без остановки, сбегают по холмам.
Среди горной громады, что грозна и велика,
Сид кормить приказал и устроить привал.
Всю ночь, говорил он, не сходить нам с седла.
⁴³⁵ Рад от сердца тому всякий добрый вассал:
Все должен он исполнить, что сеньор приказал.
Снова поскакали, чуть спустилася тьма:
Так сделал мой Сид, чтоб никто не видал.
Всю ночь они скачут без отдыха и сна.
⁴⁴⁰ Кастехоном зовется над Энаресом град.
Залегли там в засаду мой Сид и весь отряд.

23

Всю ночь пролежал мой Сид в своей засаде.
Тут подал им совет Альвар Аньес Минайя:
«О Сид, в добрый час прицепили вы шпагу!

^{*} *Сьерра де Мьедос* — горная цепь.

- ⁴⁴⁵ Возьмите поскорее вы сотню из наших.
Когда на Кастехон^a мы ударим из засады,
^{448a} Вы там останетесь для тыльной охраны.
^{448b} Со мной отрядите две сотни для удара.
^{448a} С богом и вашим счастьем наживем мы немало».
^{448г} Молвил Кампеадор: «Хорошо сказал Минайя.
Возьмите вы две сотни для этого удара.
С вами — Альвар Альварес, и Вальвадорес Альвар,
И Галинд Гарсиас, копейщик удалый;
⁴⁵⁰ Вот добрые рыцари, что будут у Минайи,
Чтоб смело налетать, поживу брать без страха.
Вниз дальше Иты и дальше Гвадалахары
До самой Алькалы грабьте их без пощады.
Всю свою поживу доvezите вы сохранно,
⁴⁵⁵ Ничего не бросайте из страха перед мавром.
А я с этой сотней в тылу вашем стану,
Удержу Кастехон, оплот наш и охрану.
Если станет дело трудным и опасным
Весточку в тыл пошлите мне сейчас же.
⁴⁶⁰ Об этом налете заговорит вся Испания».
Поименно всех назвали, кто выйдет на мавров,
И тех, что с Сидом пойдут в тыловую охрану.
Пробивается зорька, и утро засверкало,
Солнце взошло, о боже, как прекрасно!
⁴⁶⁵ Все в Кастехоне поднимаются рано,
Отпирают ворота и выходят за ограду,
Чтоб взглянуть на работы, на сады и на пашни,
Все повыходили, и ворота — настезь.
Немного народу в Кастехоне осталось,
⁴⁷⁰ А те, что снаружи, разбрелись, как попало.
Сид Кампеадор выходит из засады,
Вокруг Кастехона поживу собирает.
В добычу ему достались мавританки и мавры
И весь тот скот, что пасется вкруг града.
⁴⁷⁵ Мой Сид дон Родриго до ворот добрался.
Те, что их сторожат, как его увидали,
Оставили ворота, разбежались со страху.
Мой Сид Руй Диас в ворота въезжает,
Держит он в руках обнаженную шпагу.

^a Кастехон на реке Энарес, Толедская крепость.

- ⁴⁸⁰ Убил пятнадцать мавров из тех, что повстречал он.
Захватил Кастехон с серебром и со златом.
Рыцари его с поживой прискакали.
Все отдали Сиду, без утайки и досады.
Вот двести три всадника, что поехали на облаву.
- ⁴⁸⁵ Скачут без страха, всю округу грабят.
Пронес свое знамя до Алькалы Минайя,
Назад возвращается с поживой немалой.
Вверх по Энаресу и мимо Гвадалахары^а
Ташат они с собою поживы на славу —
- ⁴⁹⁰ Коров и баранов огромное стадо
И всякое платье и прочее богатство.
Высоко развевается знамя Минайи;
Не смеет никто даже в тыл им ударить.
Со всем этим добром дружина пришла обратно.
- ⁴⁹⁵ Вот она в Кастехоне — и Сиды там застала.
Замок он захватил, и к ним поскакал он,
Спешит им навстречу, и с ним его вассалы.
С распростертыми объятиями принимает он Минайю;
«Вот вы, Альвар Аньес, копейщик удалый!
- ⁵⁰⁰ Всюду добрая надежда, куда бы вас ни послал я.
Пусть сложат это с тем, что добыто нами.
Даю я вам пятину, коль хотите вы, Минайя».

24

- «Славный Кампеадор, большое вам спасибо!
Эту пятину, что вы мне присудили,
- ⁵⁰⁵ Пусть ее получит Альфонс Кастильский.
С вас ее не возьму я; считайте, что заплатили.
Обещаю я богу, тому, что правит миром:
Покуда я тешусь на коне своем ретивом,
С маврами сражаясь по полям и по нивам,
- ⁵¹⁰ Пока держу копье, и меч мой не притупился,
И кровь у меня вниз по локтю струится,
При вас клянусь, Руй Диас, достославный воитель,
Денежки ржавой не возьму из пятины.
Вы чем-нибудь путным для меня разживитесь,
- ⁵¹⁵ А прочее все в свои руки возьмите».

^а Гвадалахара — город на реке Энарес.

(Опасаясь преследований Альфонса, Сид спешно продает пленных мавров жителям окрестных городов, очищает захваченный замок и уходит дальше, продолжая грабить и разорять страну. Взяв хитростью город Алькос, разбив войска мавританских царей, вышедших на помощь алькосерцам, собрав богатую добычу, Сид отправляет посольство к Альфонсу.)

40

...«Слушайте, Минайя, десница моя в сраженьях!
Из этих богатств, что послало нам небо,
Своею рукою берите без помехи.
⁸²⁵ Хочу я вас послать в Кастилью с вестью
Об этой битве, где досталась нам победа.
Королю Альфонсу, что так сильно разгневан,
Тридцать коней посылаю отменных,
Все — под седлом, со сбруей драгоценной,
⁸³⁰ И немало мечей у арчаков^{*} седельных».
Рек Минайя Альвар Аньес: «Исполню от сердца».

41

«Вот вам серебра и золота много;
Вот целый сапог, он доверху полон.
Закажите тысячу месс святой Марии Бургосской,
⁸³⁵ А остаток отдайте жене моей и дочкам,
Чтоб за жизнь мою молились и денно и ночью.
Коль смогу, они будут богатые доны»⁴.

47

Над Руй Диасом Сидом будь милость господня!
Вот уж Альвар Аньес в Кастилье благородной,
⁸⁸⁵ Тридцать коней к королю он приводит.
Встретил его король с улыбкой довольной:
«Чей дар у вас, Минайя? Пусть господь вам поможет!»
«Мой Сид Руй Диас (в добрый час он шпагу носит!),
^{888a} С тех пор как впал в опалу, взял хитростью Алькосер,
^{888b} В Валенсию к царю пошли о том доносы;
^{888a} Осадить велел он Сиду и отрезать ему воду.
^{888c} Мой Сид из замка вышел, сразился с ними в поле,
Двух царей мавританских победил он в этом споре.

^{*} *Арчак* — передняя и задняя луки седла с соединяющими их поперечинами.

- ⁸⁹⁰ Хороша его пожива, сеньор, и огромна,
Прислал он вам подарок, король высокородный.
Ноги он вам целует и руки обе.
Вашей милости он просит, пусть господь вам поможет».
Молвил король: «Не слишком ли скоро?»
⁸⁹⁵ Человека в опале, неугодного сеньору,
Можно ль через три недели принять благосклонно?
Но подарок я возьму, раз у мавров он отобран.
Даже нравится мне, что нажил он так много.
Вас же, Минайя, прощаю я охотно,
⁹⁰⁰ Возвращаю вам ныне и земли и феоды;
Идти и возвращаться даю вам свободу,
Но о Сиде Кампеадоре не скажу вам ни слова.

48

- А сверх всего того, сказать я вам желаю:
Коль в моем королевстве из смелых и удалых
⁹⁰⁵ Придет кому охота, чтоб к Сиду податься,
Даю я им свободу, не трону их недостатков».
Целует ему руки Минайя Альвар Аньес.
«Вам слава и спасибо, сеньор наш богоданный!
Раз милостивы сейчас вы, так лучше будет дале».

(Тем временем Сид продолжает свои походы, облагая данью и грабя города; против него выступает дон Ремонд, граф Барселоны, но терпит повторное поражение. Наконец, после ряда побед Сид осаждает Валенсию, овладевает ею и посылает новое посольство к Альфонсу с просьбой отпустить к нему жену и детей, укрывавшихся до того времени в монастыре Сан-Педро де Карденья. С согласия короля жена и дети уезжают к Сиду, который устраивает им пышную встречу. Тем временем мавританские войска осаждают Сиду в Валенсии.)

89

- ¹⁶⁵⁰ Приходят под Валенсию, что Сидом взята.
Раскинули лагерь неверные племена.
Сразу новость эта до Сиды дошла.

90

- «Хвала тебе, создатель и отец наш небесный!
Все — здесь предо мной, все, что нажил я честно.
¹⁶⁵⁵ С трудом я взял Валенсию и держу ее крепко.
Ее не отдам, разве только по смерти.
Спасибо творцу и святой приснодеве,

- Что вовремя Минайя привез мое семейство:
Теперь сюда арабы из-за моря подоспели.
¹⁶⁶⁰ Придется сражаться, раз битвы не избежать.
Пусть жена моя и дочки увидят нас в деле,
Пусть знают, как живут на чужих этих землях,
И увидят глазами, как трудятся для хлеба».
Повел он на вышку и дочек и Химену.
¹⁶⁶⁵ Видят: ставят шатры этой рати несметной.
«О! Что это, мой Сид? Спаси вас царь небесный!»
«О супруга милая, то радостные вести.
Идет к нам казна, великая и чудесная,
Готовится подарок к вашему приезду.
¹⁶⁷⁰ Приданое везут дочерям вашим, невестам». —
«Спасибо вам, мой Сид, и силе небесной!»
«Здесь на вышке, супруга, стойте вы смело,
Не бойтесь, что иду я на ратное дело:
Со мной милость бога и святой приснодевы,
¹⁶⁷⁵ Оттого, что вы здесь, мое сердце окрепло,
С божьей помощью в битве одержу я победу».

91

- Раскинули лагерь. Вот и солнце восходит.
Гремят барабаны частою дробью.
Веселится мой Сид: «Денек будет добрый!»
¹⁶⁸⁰ Сердце доньи Химены рвется от тревоги.
Страшно ей, и служанкам, и двум ее дочкам.
Подобного страха не знавали сроду.
Бороду мой Сид погладил и молвил:
«Не бойтесь ничего: это — ваши доходы;
¹⁶⁸⁵ Ровно чрез две недели, коль господа угодно,
Эти барабаны^a пред вами мы положим,
Чтоб вы посмотрели, из какой они кожи.
А затем их получит епископ дон Жероме —
Поставит их в соборе, у матери господней».
¹⁶⁹⁰ Таково обещанье Сиды Кампеадора.
Развеселились женщины, не боятся нисколько.
Скачут во весь опор те мавры из Марокко,
Беззаботно въезжают в сады и огороды.

5

^a Речь идет о барабанах мавританских войск, своим грохотом наводивших ужас на христианских рыцарей.

94

Вот день угасает, на землю ночь сошла,
Снаряжаются быстро христианские войска.
Под утро, чуть раздались петушинные голоса,
Епископ дон Жероме обедню прочитал.
1725 Как закончил обедню, отпущенье всем дал:
«Кто погибнет в сраженье лицом к врагам, —
Грехи с него снимаю, и к богу пойдет душа.
А от вас, дон Родриго, рожденный в добрый час,
За то, что нынче утром служил я для вас,
1730 Прошу я подарка, чтоб был он мне дан, —
Чтоб за мной в этой битве был первый удар».
Промолвил мой Сид: «Отдаю его вам».

95

На кастильскую дорогу все вышли в латах,
Мой Сид своих вассалов выстроил на славу,
1735 У ворот оставляет надежнейшую стражу.
На коне Бабьеке^a Сид едет из града.
Блестит его оружие, крепок его панцирь.
Вот вышли из Валенсии и вынесли знамя
Без тридцати четыре тысячи храбрых,
1740 Спешат ударить на пятьдесят тысяч мавров.
А с другой стороны — Альвар Альварес с Минайей.
Господь им помог, и врагов они погнали.
Колет Сид копьем, орудует шпагой.
Столько мавров убил, что нельзя сосчитать их.
1745 Кровь их по локтю на землю стекает.
Юсуфу-царю^b он нанес три удара,
Но спас добрый конь от Сиды араба.
Убежал царь в Гухеру, в замок богатый.
Гнался за ним до замка мой Сид из Бивара,
1750 А следом за ним его добрые вассалы.
Рожденный в добрый час вернулся обратно,
Удачным уловом доволен он немало.
Хвалит он Бабьеку за повадку и стати.
Несметная пожива Кампеадору досталась.

^a Бабьека (букв.: «дурачок») — имя коня Сиды.

^b Царь Юсуф (эмир Юсуф) — ибн Тешуфин, основавший свою столицу в Марокко. Он действительно четыре раза переплывал Гибралтар, чтобы помочь мавританским царям Испании в их борьбе с Альфонсом VI, сам он не сражался с Сидом, но войска его были два раза разбиты последним.

- ¹⁷⁵⁵ Пятьдесят тысяч мавров на поле осталось,
Всего сто четыре спаслось и убежало.
Дружина Кампеадора разграбила их лагерь:
Взяла серебром и золотом три тысячи марок.
А прочей поживы — не окинуть глазами.
¹⁷⁶⁰ Был весел мой Сид и все его вассалы,
Что по милости божьей победа им досталась.

(Снова посылает Сид посольство с дарами Альфонсу.)

99

- ...Чело перекрестил король дон Альфонсо.
Бермудес и Минайя подскакали проворно,
¹⁸⁶⁵ На землю поспешно соскочили с седел,
Колени преклонили пред Альфонсом-сеньором,
Землю целуют и ноги его обе:
«Смилуйтесь, Альфонсо, король высокородный!
Ноги ваши мы целуем за Сида Кампеадора.
¹⁸⁷⁰ Вассал он ваш верный и чтит вас как сеньора,
За честь оказанную благодарит глубоко.
Недавно, о король, поражение нанес он
Нечестивому Юсуфу, царю над Марокко.
Пятьдесят тысяч мавров осталось на поле.
¹⁸⁷⁵ Добыча, что взял он, хороша и огромна;
Стали богачами вассалы Кампеадора.
Вам он руки целует и коней шлет две сотни».
Молвил король: «Принимаю их охотно.
За эти дары благодарен я премного.
¹⁸⁸⁰ Уже близится час примиренья с Кампеадором».

(Видя милость короля к Сиду и слыша о его несметных богатствах, наследники графа Каррионского—инфанты* из Карриона — решают посвататься к дочерям Сида. За посредничеством они обращаются к королю.)

102

- ¹⁹²⁰ ...«Минайя и Бермудес, слушайте, что я молвлю.
Доволен я службою Сида Кампеадора,
За заслуги его я помилую скоро.
Предо мной пусть предстанет, коль так ему угодно.
Но здесь при дворе другая есть новость:

* *Инфанты* — наследники; ограниченное применение названия «инфант» к наследнику испанского короля относится к более позднему времени.

- 1925 Диэго и Феррандо, инфанты из Карриона,
Хотят нынче взять дочерей его в жены.
Будьте добрыми гонцами, и прошу вас обоих,
Чтоб сказали вы об этом доброму Кампеадору:
Возрастет его слава и честь его рода,
- 1930 Коль он породнится с инфантами Карриона»⁶.
Минайя в согласие с Бермудесом молвил:
«О том, что вы сказали, у Сиды мы спросим,
И пусть он решает, как душа его хочет». —
«Передайте Руй Диасу, рожденному в час добрый,
- 1935 Что навстречу ему приду по уговору,
Назначим мы место, где Сиду угодно,
Явить ему желаю я свою благосклонность».
Простились посланцы с королем Альфонсом,
В Валенсию едут знакомой дорогой.
- 1940 Чуть вести об этом дошли до Кампеадора,
Он выехал навстречу к вассалам своим добрым.
Улыбнулся мой Сид и крепко их обнял:
«Вы ли, Минайя и Бермудес, предо мною?
Не всюду найдешь двух таких баронов!
- 1945 Как здоровье Альфонса, моего сеньора?
Принял ли дары и остался ли доволен?»
Ответил Минайя: «И сердцем и душою
Доволен он остался и вернул вам благосклонность».
Промолвил мой Сид: «Благодарение богу!»
.....⁷
- «А сверх всего того говорит вам Альфонсо,
Что встретится он с вами, где будет вам угодно:
Видеть вас он хочет и взыскать своей любовью.
- 1970 Как лучше поступить, сговоритесь вы оба».
Тут промолвил мой Сид: «Сердечно я доволен.
Это свиданье где назначить нам должно?»
Тут молвил Минайя: «Где будет вам удобно». —
«Не худо бы знать решение короля Альфонса:
- 1975 Туда, где он будет, и мы придем охотно,
Чтоб честь ему воздать, как королю и сеньору.
Но раз он так хочет, то мы ему покорны:
У берега Тахо, той реки полноводной,
Встретить готов я моего сеньора».
- 1980 Написали письмо, запечатали плотно,
Отправили с ним двух рыцарей конных:
Исполнит Кампеадор желание дона Альфонса.

103

- Принял ту грамоту король достопочтенный.
Как только прочел, возрадовался сердечно:
1985 «Кланяйтесь Сиду (в добрый час свой меч надел он).
Назначаем мы встречу отсель чрез три недели.
Если буду я жив, так приду непременно».
Гонцы вернулись к Сиду, ни мало не помедлив.
С обеих сторон снаряжаются к отъезду.
1990 Кто видел в Кастилье столько мулов бесценных,
Столько коней для хорошего бега,
Холеных лошадей, скакунов безупречных,
Столько пестрых флажков, на копья надетых,
Щитов с золотой и с серебряной отделкой,
1995 Шелков александрийских и мантий и меха!
Велит король отправить много всяческой снеди
На побережье Тахо, где условлена встреча.
Скачет Альфонс с дружиной отменной,
Инфанты из Карриона едут за нею.
2000 Кое-что взяли в долг, а иное за деньги.
Думают, ждет их пожива без сметы,
И злато, и серебро, и всякое имение.
Король дон Альфонс скачет поспешно.
А графы и вельможи со свитою — следом.
2005 Инфанты из Карриона с большим конвоем едут.
С королем галисийцы, и леонцы в доспехах,
И кастильцы, которым и счета там нету,
Отпустив поводья, спешат к месту встречи.

104

- В городе Валенсии — мой Сид Кампеадор;
2010 Он не мешкает нисколько, готовится в поход.
Сколько мулов холеных и коней на подбор,
Сколько доброго оружия и добрых скакунов,
Сколько добрых плащей, епанчей и мехов!
Большие и малые — все в платье цветном.
2015 Минайя Альвар Аньес и Пер Бермудес лихой,
И Мартин Муньос, что держит Монте-Майор,
И Мартин Антолинес, бургосец удалой,
И отважный дон Жероме, епископ святой,
И Альвар Сальвадорес, и Альвар другой,

- 2020 И Муньо Густииос, этот рыцарь удалой,
И Галинд Гарсиас, что покинул Арагон, —
Все они снарядились с Руй Диасом в поход,
И все вассалы, сколько было их у него.
Но Альвару Сальвадоресу велит Кампеадор
- 2025 И Галиндо-арагонцу приказывает он,
Чтоб Валенсию хранили и сердцем и душой.
Под начало их он отдал весь прочий народ.
Ворота алькасара^a (так повелел сеньор)
Должны быть на запоре весь день и всю ночь:
- 2030 Там его супруга и две дочери его
(За них душу и сердце отдать он готов)
И прочие женщины, что служат им давно.
Следить приказал он, как добрый барон,
Чтоб не вышла ни одна из дворцовых ворот,
- 2035 Пока тот не вернется, что в час добрый рожден.
Вот ушли из Валенсии и скачут во весь опор.
Сколько ратных коней, холеных скакунов!
Мой Сид взял их с бою: не дарил ему никто.
Так он едет на место, где ждет его король.
Как завидел его тот, что в час добрый рожден,
Позади оставляет он весь свой конвой,
- 2045 Едут с ним лишь пятнадцать вернейших бойцов,
Вместе с ними с коня сошел Кампеадор.
Вот как сделал рожденный под счастливой звездой:
Ладони и колени прижал к земле сырой,
Зубами грызет он ковыль полевой,
- 2050 Горячо он плачет от радости большой.
Так умел поклониться сеньору герой.
Распростерся мой Сид у королевских ног,
И сильно опечалился король дон Альфонс.
«Встаньте немедленно, о Сид Кампеадор!
- 2055 Целуйте мне руки, но ноги — ни за что.
Коль сейчас же не встанете, опалы ждите вновь».
Но все на коленях стоит Кампеадор:
«Милости прошу я, природный мой сеньор!
Вот так пред вами стоя, пусть буду я прощен,
- 2060 Чтоб слышали все, что стоят здесь кругом».
Молвил король Альфонс: «Всей душой я готов.
При всех я вас прощаю, возвращаю вам любовь.
В пределы своей державы принимаю вас вновь».
Ответил мой Сид, так вымолвил он:

^a *Алькасар* — самая высокая башня в крепости или в укрепленном замке.

- 2065 «Прощенье принимаю, о Альфонс, мой сеньор!
Спасибо богу в небе, а вам после него,
И всем этим дружинам, что стоят здесь кругом».
Руку Альфонсу целуя, Сид с земли не встает.
Наконец, поднявшись, в уста лобзает его.
- 2070 Всем это было любо и по сердцу пришлось,
Лишь Альвар Диас и Гарсия Ордоньес⁸ в душе затаили зло.
Тут вымолвил слово мой Сид Кампеадор:
«Благодарю тебя, боже, отче всеблагой!
Коль милость вернул мне Альфонс, мой король,
- 2075 Значит, денно и нощно поможет нам бог.
Так будьте же сегодня моим гостем, сеньор».
Король отвечает: «Обычай не таков.
Вы только что явились, мы прибыли в ночь.
На нынешний день вы мой гость, Кампеадор,
- 2080 А завтра по-вашему сделать я готов».
Сид руку целует, согласен он на то.
В ту пору инфанты отвесили поклон:
«Кланяемся Сиду, что в час добрый рожден.
Все готовы мы сделать, что будет вам впрок».
- 2085 Отвечал им мой Сид: «Да поможет вам бог».
Мой Сид Руй Диас в час добрый рожден!
Весь этот день угощал его король,
Полюбил его сердечно, наглядеться не мог,
Изумляясь, как быстро бородой Сид зарос.
- 2090 Дивится Кампеадору собравшийся народ.

(Примирившись с королем, Сид выдает своих дочерей за предложенных ему тем же-
нихов. Но браки эти оказываются несчастными. Знатные зятья Сиды обнаруживают всю
свою подлость и трусость и в стычках с маврами, и при встрече с ручным львом, убежав-
шим из клетки. Наконец, они просят Сиды отпустить их с женами в наследственные поме-
стья.)

- 2599 ...От зла не уберется мой Сид Кампеадор:
2600 «Отдаю вам наших дочек и прибавлю кой-что.
2601 Вы отводите поместья, как дар для ваших жен.
А я даю вам, в помощь три тысячи серебром.
Дам коней подседельных и рослых лошаков,
И крепких быстроногих боевых скакунов,
2605 И множество платья, и шелк, и сукно,
Коладу и Тисону⁹ забирайте с собой.

⁸ В героическом эпосе мечи, как и кони, носят особые имена.

Эти шпаги взял я с бою, как истинный барон.
Раз я отдал вам дочек, вы мне — вместо сынов;
Но с собой мое сердце вы увозите прочь.
2610 Пусть знают Галисия, и Кастилия, и Леон,
Что богатыми едут зятья мои в свой дом.
Наших дочек берегите, законных ваших жен,
Коль их убережете, не раскаетесь в том».
Обещали ему это инфанты де Каррион.
2615 Тут дочек вручил им мой Сид Кампеадор,
Принимать они стали дареное добро.
Когда же они вдосталь понабрали всего,
Грузить стали мулов инфанты де Каррион.
В Валенсии великой взволновался народ,
2620 Все надели доспехи, поскакали верхом
Провожать дочек Сиды, что едут в Каррион.
Вот в путь снарядились, прощаются с отцом.
Тут обе сестры, донья Эльвира и донья Соль⁹,
Сиду Кампеадору ударили челом:
2625 «Помилуйте, отец наш, да поможет вам бог!
Наша мать нас породила, и мы — ваша кровь.
Вот мы перед вами, сеньора и сеньор.
Вы нас отсылаете далеко в Каррион;
Мы ваше повеленье исполним как закон.
2630 Но как милости только, вас просим об одном:
Посылайте нам вести в ту землю, в Каррион».
Сид у уста целовал их, и обнял их он.

125

Обнимал их отец, а мать их миловала:
«Идите вы, дочки, господь вам охрана,
2635 А моя и отцовская милость — над вами.
Поезжайте в Каррион, в ваши земли и замки.
В добрый час, мне сдается, я вас выдала замуж».
У отца и у матери руку лобызали,
А те их благословили с любовью и лаской.
2640 Мой Сид и другие тут стали собираться.
Роскошна их сбруя, и лошади, и латы.
Из Валенсии светлой уходят инфанты,
Обняли дочки Сиды своих служанок.
Быстрой рысью миновали валенсийские ограды,
2645 Бодро едет мой Сид, и вассалы все рады.
Хоть видел по птицам в добрый час надевший шпагу,

Что не будет добра им от этого брака,—
Но раз выданы замуж, не возьмешь их обратно.

(Отделавшись от охраны, посланной Сидом их провожать, и улав вперед свою челядь, инфанты из Карриона жестоко расправились с нелюбимыми женами.)

128

- ...Вот они — вчетвером, а другие — далече.
Замыслили инфанты недоброе дело.
2745 «Донья Эльвира и донья Соль, да будет вам известно:
Среди гор этих диких вы вкусите бесчестье;
Мы бросим вас здесь, а сами уедем;
На земле Каррионской не видать вам наследья.
До Сиды Кампеадора дойдут эти вести;
2750 За шутку со львом дождались мы мести».
Не оставили ни плаща, ни шубейки на теле,
До исподнего платья и рубах их раздели.
Носят острые шпоры изменники-злодеи,
В руках у них крепкие и прочные плети.
2755 Видит это донья Соль и говорит смиренно:
«Дон Диэго и Феррандо! Ради бога на небе!
Вот два меча у вас, что и остры и крепки.
Коладой и Тисоной зовет их отец наш.
Нам головы отрежьте, венец мы примем в смерти.
2760 И мавры и христиане осудят вас, поверьте:
Не за наше прегрешенье эту муку мы терпим.
Не явите на нас столь дурного примера,
Если нас избыете, унижитесь навеки.
Вас же будут корить на сходках за это».
2765 Сколько ни просили, не вняли им злодеи.
Каррионские инфанты их бьют, не жалеют,
Бьют ременною плетью, жестоко их хлещут,
Изодрали рубахи и мясо на теле,
2770 На платье исподнем кровь светлая рдеет,
А обида проникла до самого сердца.
Вот было бы счастье, кабы дал царь небесный,
Чтоб Сид Кампеадор объявился в том месте.
Так тяжело их избили, едва не до смерти.
2775 Окровавлены рубашки и нижние одежды.
Примахались у братьев и руки и плечи:
Ведь они состязались, кто ударит крепче.
Донья Эльвира и донья Соль от боли онемели.
Замертво их бросили в лесу меж деревьев.

129

- ²⁷⁸⁰ Горностаевые шубки забрали у избитых,
Оставили без плащей, в рубахах, полунагими.
Среди птиц этих горных, среди зверей этих диких
Полумертвы лежат, поймите, полуживы.
Вот было бы счастье, если б прибыл Руй Диас!

130

- ²⁷⁸⁵ Замертво их бросили каррионские инфанты;
Не помогут друг дружке, лежат бездыханны.
А мужья по горам, похваляясь, скачут:
«Мы за нашу женитьбу отдали им подарок.
Никогда и в наложницы не взяли б мы их сами,
²⁷⁹⁰ Не принудь нас король к неравному браку.
За шутку со львом мы сполна расквитались».

(Несчастных спасает племянник Сиды Фелес Муньос. Оскорбленный отец требует от короля созыва кортесов* для разбора дела. Альфонс исполняет его просьбу.)

137

- ...Король дон Альфонс встал на ноги в ту пору:
«Слушайте, вассалы, господь вам опора!
³¹⁶⁰ Дважды кортесы созывались мною:
Первые в Бургосе, вторые в Каррионе,
На третьи в Толедо я прибыл сегодня
Из почтения к Сиду, рожденному в час добрый,
Чтоб призвал он к ответу инфантов Карриона.
³¹⁶⁵ Он ими обижен, как знаем мы бесспорно.
Судьями я ставлю дону Энрике и дону Района¹⁰
И прочих всех графов, не родных каррионцам.
Все вникните в дело, — вам известны законы;
По правде решайте — я кривды не дозволю.
³¹⁷⁰ Стороны пусть держатся мирно и скромно,
Клянусь святым Исидором! Кто затеет здесь ссору,
Будет в изгнание и опале до гроба.
Я вступлюсь за того, чье дело законно.
Пусть же Сид Кампеадор говорит свое слово.
³¹⁷⁵ Услышим, что ответят инфанты Карриона».

* *Кортесы* — сословно-представительные собрания в средневековой Испании.

Руку ему Сид целует, на ноги встал он скоро:
«Большое вам спасибо, король и сеньор мой,
Что ради меня созвали вы баронов.
Так вот вам мой иск к инфантам из Карриона:
3180 С дочек моих покинутых смыть желаю позор я;
Вы их выдали, король; это — ваша забота.
Когда из Валенсии вышли каррионцы,
И душе моей и сердцу они были угодны;
Коладу и Тисону, два меча я им отдал
3185 (Оба с бою я взял, как следует барону),
Чтоб прославились зятя и служили сеньору.
Но дочек моих бросив в Корпесской дуброве,
Надругались они над моею любовью.
Пусть мечи возвратят: не зятя они мне боле».
3190 Судьи рассудили: «Так будет по закону».
Молвил граф дон Гарсия:^a «За нами будет слово».
Отошли тут в сторонку инфанты Карриона
Со всей своей свитой и со всем своим родом,
Быстро порешили, совещались недолго:
3195 «Большая нам милость от Сида Кампеадора,
Что в вину он нам не ставит дочернего позора.
Легко поладим после с королем Альфонсом.
Вернем мы Сиду мечи и тяжбу закончим.
Когда он их получит, разойдутся бароны.
3200 Не сыскать на нас управы Сиду Кампеадору».
С этими словами вернулись они к сбору.
«Смилуйтесь, дон Альфонс, король и сеньор наш!
Отрицать мы не можем: мечи он нам отдал.
Если с нас он их ищет и так ему угодно,
3205 Возвратим их охотно перед вашею особой».
Коладу и Тисону тут вынули оба.
Вложили их в руки короля и сеньора.
Мечи обнаженные сверкают, как солнце:
Эфес до клинка весь из золота скован.
3210 Дивится им немало весь люд этот добрый.
3210a Подозвав Кампеадора, ему король их отдал.
Тот принял мечи и к руке подошел он.
На прежнюю скамейку возвратился он снова.
Держит он мечи, не спускает с них взора:

^a *Граф Гарсия Ордоньес* — заклятый враг Сида. Он выступает здесь как представитель феодальной знати.

- 3215 Приосанился телом, улыбнулся широко,
Чтоб за бороду взяться, руку он поднял:
«Клянусь я бородой (никто ее не тронул):
За донью Эльвиру и донью Соль отомстите вы скоро».
- Позвал он Бермудеса, племянника родного,
3220 Руку протянул и Тисону ему отдал:
«Вот, возьмите! Нашла она лучшего сеньора».
- К Мартину Антолинесу, отменному бургосцу,
Руку протянул он и Коладу ему отдал:
«Мартин Антолинес, вассал вы мой добрый,
3225 Я добыл тот меч у хорошего сеньора,
У Раймунда Беренгера¹¹ из высокой Барселоны.
Затем его даю, чтоб владели вы им мощно,
Чтоб принес он честь и славу вам в урочную пору».
- Тот руку целует, меч принял без спора.
3230 Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Слава богу и вам, королю и сеньору!
Рад я мечам, Коладе и Тисоне.
Но не все еще взыскал я с инфантов Карриона.
Когда взяли они в Валенсии дочерей моих кровных,
3235 Дал им златом и серебром я три тысячи ровно,
И за эту мою ласку оплатили они злобой.
Пусть вернут мне добро: не зятя я им боле».
- Видеть бы вам, как взвыли инфанты из Карриона.
Молвил граф дон Рамон: «Да иль нет? Ваше слово!»
3240 Отвечали в ту пору инфанты из Карриона:
«Для того вернули мечи мы Сиду Кампеадору,
Чтоб больше он не требовал и суд был закончен».
- 3242a Тут граф дон Рамон на это промолвил:
«Коль дозволит король, таково наше слово:
Отвечайте немедля на иск Кампеадора».
- 3245 Молвил добрый король: «И мне так угодно».
- Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Верните мне деньги, что тогда я вам отдал,
Иль себе в оправданье приведите вы довод»,
Каррионские инфанты в сторонку отходят,
3250 Никак не сговорятся: ведь деньги огромны;
Порастратили их инфанты из Карриона.
Вернулись в кортесы, говорят в один голос:
«Покоритель Валенсии прижимает нас жестоко;
Коль до нашего добра охоч он настолько,

- 3255 Угодьями заплатим из земель каррионских».
Так долг они признали, и судьи им молвят:
«Не препятствуем мы, если Сиду угодно;
Но так мы решаем и велим по закону,
Чтоб вы здесь на суде заплатили Кампеадору».
- 3260 Отвечал им на это король дон Альфонсо:
«Все это дело известно нам подробно,
Мой Сид Кампеадор с них ищет законно.
Из трех тысяч долга две сотни за мною:
Их дали мне оба инфанта из Карриона».
- 3265 Возвращаю им деньги, раз их дело так плохо.
Пусть расплатятся с Сидом, рожденным в час добрый.
Коль платить им придется, не нужны мне их червонцы».
Услышьте, что Феррандо^а в ответ ему молвил:
«Чеканною монетой платить мы не можем».
- 3270 Тут граф дон Рамон сказал такое слово:
«И злато и серебро растратили вы оба.
Но так мы решаем пред лицом дона Альфонса:
Вам натурой платить, а принять Кампеадору».
Тут видят инфанты, что платить придется.
- 3275 Видеть бы вам, как ведут скакунов быстроходных,
Сколько крепких коней, сколько мулов надежных,
Сколько несут мечей и доспехов отборных!
Принял их мой Сид по оценке законной.
Кроме двух сотен, что за доном Альфонсом,
- 3280 Все отдали инфанты рожденному в час добрый.
Своего не хватило, так признали чужого.
Эта тяжба, знайте, пошла им не на пользу.

138

- Все это добро Сид Руй Диас принял,
Отдал под охрану и присмотр дружине.
- 3285 Но покончив с одним, о другом говорит он:
«Смилуйтесь, король, сеньор благочестивый!
С ума мне нейдет эта худшая кривда.
Слушайте, кортесы, сострадайте моей обиде:
От инфантов каррионских в большой я обиде;
- 3290 Не могу без боя расстаться с ними.

^а Феррандо Гонсалес — инфант де Каррион.

139

Скажите, что я вам сделал, инфанты Карриона,
В шутку ль, взаправду, иль поступком, иль словом?
По решению кортесов все исправить готов я.
3295 Но зачем меня в сердце вы ранили глубоко?
Увезти из Валенсии я вам дочек позволил
С превеликою честью и именем огромным.
Если вы их не любили, собаки и воры,
Зачем вы их вывели из Валенсии высокой?
3300 За что вы их избили и плетью и шпорой,
Одних их оставили средь дремучего бора,
Средь диких зверей и коршунов горных?
Да покроет вас срам за дело такое.
Если мне не ответите, пусть решают бароны».

140

Тут граф дон Гарсия на ноги поднялся:
3305 «Смилуйтесь, король, о лучший в Испании!
Вот он, мой Сид, на кортесы эти званый
Отрастил себе бороду и ходит косматый.
Одни его боятся, другим нагнал он страха.
3310 Но из знатного рода каррионские инфанты:
Они бы этих дочек, рождением им неравных,
Не взяли и в наложницы, а в жены — и подавно.
Если бросили их, поступили по праву.
А все, что говорит он, не ценим мы ни мало».
3315 В ту пору мой Сид начал бороду гладить:
«Слава богу, что небом и землею правит!
Бороду себе я отрастил на радость.
Что же вам, граф, от нее теперь надо?
До сих пор за нее не краснел никогда я:
Никто из людей не дернул ее ни разу,
3320 Не рвал ее рожденный ни христианкой, ни арабкой,
Как я вам ее дергал в крепости Кабра.
Когда Кабру я брал с бородой вашей графской,
Драл ее по шепотке каждый мальчик плюгавый.
До сих пор в ней проплешины видит каждый.
3324a А ключья ношу в кошельке я сохранны»¹².

141

3325 Феррандо Гонсалес тут на ноги встал,
Голосом громким, услышьте, что он сказал:

«Эту тяжбу, мой Сид, пора вам кончать.
Все мы вам вернули из вашего добра.
Пусть не будет между нами ни разлада, ни свар.
3330 От графов Каррионских порода в нас пошла:
И король, и император нам бы дочь свою дал;
Но дочери идальго никак нам не чета.
Оттого, что по праву мы бросили их там,
Мы собою гордимся еще больше, чем всегда».

142

3335 На Педро Бермудеса Сид глянул с усмешкой:
«Что ж, Педро Немой, ты муж, молчащий вечно?
Хоть мне они дочери, да ведь сестры тебе-то.
Меня бранят инфанты, но в тебя они метят.
Не будешь ты биться, если я им отвечу».

143

3340 Тут Педро Бермудес ответ ему держал
(Он туг на язык и на речи не тароват,
Но начнет, так за словом не полезет в карман):
«Скажу вам, Кампеадор, уже таков у вас нрав:
Немым вы на сходках меня дразните всегда.
3345 Хорошо вам известно: не моя в том вина;
Но дело за мною не станет никогда. —
Лжешь ты, Феррандо, вздор ты наболтал,
Из-за Сида Кампеадора возросла вам цена.
Про все твои ухватки расскажу я сполна.
3350 Припомни, как битва под Валенсией была.
У честного Кампеадора просил ты первый удар.
Увидел ты мавра и к нему поскакал,
Но еще не подъехав, обратно удрал.
Кабы я не подвернулся, тебе бы пропадать,
3355 Я встал между вами и на мавра напал,
После первых ударов свалил его с седла.
Передал тебе лошадь, и никто не видал!
До нынешнего часа я об этом молчал.
Ты ж пред Сидом и пред всеми похвалялся и врал.
3360 Будто мавра убил ты, как отважный вассал.
Каждый верил тебе, ибо правды не знал.
Пригож ты собою, но трус и нахал,
Ты речист, да безрук! Как ты смеешь болтать?»

144

Промолви, Феррандо, и признайся мне в том:
3365 Неужели ж позабыл ты все, что было со львом,
Как с цепи он сорвался, когда спал Кампеадор?
А ты, о Феррандо, что сделал притом?
Под скамью Кампеадора с перепугу заполз,
Заполз ты, Феррандо, и цена тебе грош!
3370 На защиту сеньора все мы стали кругом.
Тут проснулся мой Сид, что Валенсию поборол.
Со скамьи своей встал он, поровнялся со львом.
Тот голову потупил, ожидая его.
Взял Сид его за гриву, посадил под замок.
3375 Когда к нам воротился честной Кампеадор,
Всех своих вассалов увидал он кругом.
Стал искать своих зятьев, не нашел ни одного.
На бой тебя зову я, изменник ты и вор!
Пред королем дон Альфонсом здесь я биться готов.
3380 За дочерей Кампеадора, донью Эльвиру и донью Соль,
За то, что вы их бросили, цена вам будет грош.
Хоть женщины они, вы же — мужеский пол,
Больше вас они стоят везде и во всем.
На этом поединке, коль допустит господь,
3385 Все это ты признаешь, как изменник и вор.
Во всем, что я молвил, не солгал я ничего».
Между этими обоими окончен разговор.

145

Диего Гонсалес^a ответил горделиво:
«Мы из графской породы, из самой родовитой.
3390 О, если бы не было всей этой женитьбы!
С моим Сидом Руи Диасом невместно нам родниться...
Не каемся мы в том, что с женами разлучились,
Но они пусть вздыхают до самой могилы,
К стыду им послужит то, что сделали мы с ними.
3395 Смело и отважно я выйду на поединок.
Тем, что бросили их, мы прославили наше имя».

^a Диего Гонсалес — инфант каррионский.

146

Мартин Антолинес тут на ноги встал:
«Молчи ты, предатель, лживые уста.
Ты бы лучше вспомнил валенсийского льва.
³⁴⁰⁰ За дверь убежал ты, укрылся средь скота,
Под балкой в давяльне ты спрятался тогда.
Не надел ты со страху ни камзола, ни плаща,
С тобою мы сразимся, не уйдешь ты никуда.
Дочерей Кампеадора ты бросил без стыда.
³⁴⁰⁵ Больше вас они стоят, вы им не чета.
Под конец поединка признаешь ты сам,
Что вор ты и предатель и во всем ты солгал».

147

Между этими обоими нет больше разговора.

(Король и кортесы назначают судебный поединок. Инфанты из Карриона и их боец терпят поражение от бойцов Сиды, который вновь выдает замуж своих дочерей за королей Арагона и Наварры. Переписчик заканчивает свою работу словами):

Аминь. Кто писал эту книгу, пусть от бога дождется рая
Писал ее Петр Аббат среди месяца мая,
В год нашей эры тысяча триста сорок пятый^a.
Эта песня прочтена,
Дайте нам вина;
А коль денежки нету,
Снимайте, во что одеты,
И дадут вам под это^b.

РОДРИГО

Поэма «Родриго», сложенная, видимо, в XIV в. (текст начала XV в.), повествует о юности Сиды (Родриго). В ней, между прочим, рассказывается о том, как юный Родриго на поединке убивает графа Гомеса де Гормаса, совершившего грабительский набег на владения его престарелого отца, а затем по настоянию короля женится на дочери убитого им графа донье Химене (см. приводимый отрывок). Действие поэмы происходит не при Альфонсе VI (как в «Песни о моем Сиде»), а при его отце Фернандо I. При этом эпический Сид выступает перед нами в новом свете. Родриго во многом отличен от героя «Песни». Если последний даже в изгнании не забывал того, что он вассал короля Альфонса, то юный Родриго относится к королю с недоверием и даже с неприязнью. Вопреки обычаю

^a 1345 г. — по староиспанскому летосчислению, т. е. 1307 г. н. э.

^b Приписка, сделанная в XIV же веке, но другой рукой.

он отказывается отдать королю пятую долю добычи, захваченную им в боях с маврами. Он пылок и дерзок, свободолюбив и бесстрашен. Когда же могущественные враги (французский король, германский император, патриарх и папа) обрушиваются на Испанию, Родриго становится ее верным и несокрушимым оплотом.

Дух неукротимого свободолюбия, наполняющий поэму «Родриго», свидетельствует о возросшей оппозиции широких кругов Испании деспотизму феодальных владетелей и князей церкви (в поэме — папа, патриарх). Родриго — патриот, Родриго — непокорный свободолюбец воплощает в себе вековые мечты испанского народа о свободе и национальной независимости Испании. Характерно, что испанские народные романсы о Сиде, высоко оцененные Н. Г. Чернышевским, примыкают в основном к поэтической версии «Родриго». Почти все темы названной поэмы мы находим в поздних романсах. Поэма состоит из длинных строф, разделенных цезурой и ассонирующих по тирадам.

РОДРИГО И ГРАФ ГОМЕС ДЕ ГОРМАС

Граф дон Гомес де Гормас Дьего Лаинеса ограбил^a:
Избил его пастухов и угнал его стадо.
В Бивар приехал Лаинес, велел скликать он вассалов,
Созвал он всех своих братьев, и вот они уже скачут.
Пошли набегом на Гормас, едва заря заблестала.
Начали бить и грабить, и все кругом поджигают,
И тащат его вассалов, сколько под руку попало,
И тащат его скотину, сколько паслось за оградой,
И тащат прачек от речки для бесчестья и срама.
Навстречу выехал граф с сотней рыцарей-идальго,
Громким голосом бесчестит он сына Лаина Кальво^b:
«Отпустите моих прачек, сын городского алькальда.
Вы не посмеете выйти с равною силой на равных».
Эти слова говорил он, распалясь великим жаром.
Отвечал Руй Лаинес, что был сеньором над Фаро:
«Сто на сто на вас мы выйдем в рукопашную без страха».
Тут назначили день, чтобы сойтись в поле ратном.
Вернули ему вассалов и прачек его обратно;
Но только не вернули захваченного стада:
Забрали его в отместку за уведенное графом.
Чуть девять дней миновало, вновь верхом они мчатся.
Там — Родриго, сын Дьего и внук Лаина Кальво.
.
.
.
Вот войска вооружились; готовы битву начать.
Убил Родриго графа, не мог ретивое сдержать.
Прискакала сотня Гомеса и битву начала.

^a Дьего Лаинес — отец Родриго.

^b Лаин Кальво — дед Родриго, один из двух первых кастильских судей (алькальдов), освободивших Кастилию от подчинения Леону в судебных делах.

На нее ударил Родриго, вздохнуть он не дал врагам,
Графских сынов полонил он на их досаду и срам,
Эрнана Гомеса и Альбонео Гомеса, и отвел их в Бивар.

ЖЕНИТЬБА РОДРИГО

Три дочери были у графа, и все — невесты хоть куда.
Когда узнали, что братья взяты и что родитель их пал,
Оделись в черное платье, поверх глухая фата
(ее тогда носили в скорби, а теперь — для забав).
Из Гормаса вышли дамы и направились в Бивар.
Завидел их дон Дьего, у дверей он их встречал:
«Откуда эти монашки и о чем их мольба?»
«Все, сеньор, мы вам скажем, скрывать не станем от вас.
Мы — дочери графа де Гормас, что по воле вашей пал.
Вы наших братьев полонили и отвели их сюда,
А мы, женщины, остались, и нет защиты у нас».
В ту пору молвил дон Дьего: «Не моя в том вина.
Просите их у Родриго: захочет он, так отдаст.
А я о них не заплачу, клянусь во имя Христа».
Услышал это Родриго, сказал такие слова:
«Нехорошо, о сеньор, глаза на правду закрывать,
Ибо я — ваш сын, и норовом — в мать.
Подумайте об этом, сеньор, ради Христа:
Не отвечают дочери за прегрешенье отца.
Отдайте же им братьев: велика их нужда.
Соблюдать нужно меру и уважить этих дам».
Тут промолвил дон Дьего: «Сын, велите их отдать».
Освободили тех братьев и отдали в руки дам.
Придя в надежное место, они промолвили так:
«Щадить мы будем две недели Родриго и старика,
Затем сожжем мы их ночью в биварском замке дотла».
Молвит младшая, Химена Гомес: «Умерьтесь, братья,
ради Христа:
В Самору к дону Фернанду, к королю, я пойду сперва,
Вам будет здесь безопасно, охранит он ваши права».
Вот едет Химена Гомес, трех девиц с собой взяла,
И еще оруженосцев, чтоб ей защита была.
Вот стоит она в Саморе средь королевского двора:
Горькими плачет слезами, просит милости она:
«Король, я, скорбная дева, просить о милости пришла.
Осталась я сиротою: графиня-мать умерла.
Сын дона Дьего Лаинеса много сделал мне зла:

Полонил моих братьев, убил моего отца.
Я к вам, как к властелину, с челобитной пришла.
Сеньор, по милости вашей, у вас я прошу суда».
Огорчился король, сказал такие слова:
«В землях моих неспокойно; Кастилья смуты полна;
А коль восстанут кастильцы, учинят мне много зла».
Услыхала Химена Гомес, к его руке подошла:
«Смилуйтесь, — молвит, — сеньор! Не осердитесь со зла.
Знайте, смирить кастильцев вы можете без труда:
В мужья мне дайте Родриго, что убил моего отца».

.....
Слышит ее граф Осорио, наставник дона Фернандо.
Отвел короля он за руку, тайный вопрос ему задал:
«Сеньор, что скажете вы о просьбе этой дамы?
Всемогущему богу должны вы быть благодарны.
Сеньор, пошлите за Сидом и за отцом его знатным».
Быстро грамоту скрепили, не стали мешкать нимало,
Вручили ее послу, и в дорогу поскакал он.
Прибыв в Бивар, дон Дьего за отдыхом застал он.
Сказал: «Поклон вам, сеньор, везу вам весть на отраду,
За вами и вашим сыном послал король дон Фернандо.
Вот я грамоту привез за крепкой его печатью.
С помощью господней ожидает Родриго слава».
Взглянул на грамоту дон Дьего, лицо его бледным стало.
Думал, что хочет король погубить его за графа.

.....
«Услышьте, — молвил он, — сын мой, и поглядите сюда.
Боюсь я грамоты этой, что вероломства полна.
В таких делах у властителей повадка больно плоха.
Если служишь государю, служи ему без греха,
А сам его опасайся, как смертельного врага.
Поезжайте, сын мой, в Фаро: Руй Лаинес, наш дядя, — там,
А я ко двору отправлюсь, раз добрый король меня звал.
И если бы так случилось, что меня ожидает казнь,
Месть за себя я вручаю своим братьям и вам».
Тут промолвил дон Родриго: «Вовек тому не бывать.
Куда б нам ни ехать, и я поеду при вас.
Хоть вы мне и родитель, совет хочу вам подать.
Триста рыцарей с собою, сеньор, возьмите туда.
А как подъедем к Саморе, их мне отдайте тогда».
В ту пору молвил дон Дьего: «Сбирайтесь в путь, господа».
Пустились они в дорогу и в Самору спешат.

Вот подъехали к Саморе; течет Дуэро-река;
Вооружиться всей свите Родриго дал приказ.
Увидав ее под оружием, такое слово сказал:
«Слушайте, мои родичи, друзья и вассалы отца!
Вы охраняйте сеньора без обмана и до конца.
Коль придут за ним альгвасилы³, пощады им не давать.
Пусть черный день король узнает, как и все, что будут там:
Чтоб вам не слыть предателями, пусть будет убит он сам.
Ведь вы ему не вассалы, и не дай бог ими стать.
Худшим предателем он будет, коль убьет моего отца —
За то, что врага сразил я в честной битве, в поле ратном».
В сердцах он едет ко двору, где был добрый король Фернандо.
Все говорят: «Это он — убийца доброго графа».
Как поднял Родриго очи, придворные разбежались:
Вид его в трепет привел и перепугал их насмерть.
К королю пошел дон Дьего, и руку поцеловал он.
Но сыну его Родриго это пришлось не по нраву.
Не преклонил он колени, руки не поцеловал он.
Увидев меч его длинный, король весьма испугался.
Громким голосом вскричал: «Уходи отселе, дьявол!»
Тут говорит дон Родриго: «Мне дороже гвоздик ржавый
Чести назвать вас сеньором и быть вам верным вассалом.
Я считаю себе позором, что отец вам руку лобзает».
В ту пору графу Осорио молвит король дон Фернандо:
«Приведите-ка мне девицу: пора оженить забияку».
Еще не верит дон Дьего, что зря он набрался страху.
Тут явилась девица, выходит об руку с графом.
Приподняла она веки и Родриго увидала:
«Сеньор, большое вам спасибо: вот это граф мой желанный».
Тут венчали донью Химену Гомес с Родриго из Бивара.
Сказал Родриго в сильном гневе на кастильского государя:
«Сеньор, меня вы обвенчали, не в угоду мне, а назло.
Но клянусь Христом, что вам целовать руки не стану
И что с женой не увижусь ни в чистом поле, ни в замке,
Пока врага не одолею я пять раз на поле бранном».
Услышал это король, дивился он несказанно:
«Ведь это — не человек, а сущий дьявол по нраву!»
Молвил граф дон Осорио: «Узнаем скоро мы правду.
Пусть сам в одиночку воюет, коль придут в Кастилию
мавры.

³ *Альгвасил* — полицейский.

Увидим, правду ль сказал он иль только хвастался даром».
Отец и сын распростились и поехали обратно
Чрез Бивар в Сан-Педро де Карденья, чтоб там на весну
остаться.

(Стихи 280—429)

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА XIV ВЕКА

Хуан Руис

Хуан Руис (? — 1351?) — протопресвитер из Иты, автор стихотворной «Книги о хорошей любви» («Libro de Buen Amor»). Сведения о его жизни весьма скудны. Он был клириком. За какую-то провинность был по повелению архиепископа Толедского заключен в темницу, в которой провел много лет. Как это явствует из его творений, Хуан Руис отнюдь не являлся примерным сыном католической церкви. В «Книге о хорошей любви» он весьма откровенно повествует о своих любовных похождениях, набрасывая попутно выразительные картины современной испанской жизни. Жизнерадостного клирика не привлекает суровый аскетизм. Его манит пестрая череда земного бытия. Самый разнообразный и яркий материал наполняет книгу испанского поэта. История рассказчика обрамляет многочисленные рассуждения на различные темы, занимательные реалистические повестушки, аллегории, басни и апологи. Мы находим здесь и описание войны Масленицы с Постом, и пародии на церковные гимны, и пастушеские песенки, и сатирические выходы против монахов, и обличения папского двора или губительной власти денег, и беседу автора с доном Амуром и доньей Венерой, и цитаты из Катона и Аристотеля, и многое другое. Разнообразие содержания соответствует и разнообразие метрических форм, используемых автором. «Книга о хорошей любви», подобно «Графу Луканору» Хуана Мануэля, уже проторяла путь литературе эпохи Возрождения. Она свидетельствовала о том, что в Испании XIV в. в связи с развитием городов складывалась новая культура, тяготевавшая к реальной жизни и далекая от сумрачной, аскетической доктрины средних веков.

КНИГА О ХОРОШЕЙ ЛЮБВИ

ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ

Здесь повествуется о том, как протопресвитер просил бога, чтобы он даровал ему свою милость для сложения этой книги.

Обращение автора к читателю.

Господь мой бог, создатель всей вселенной!
Протопресвитер, раб твой неизменный,
К тебе с мольбою обращается смиренной:

Чтоб о Любви «хорошей», а не «тленной»
Рассказ сложить ему бы ты помог;
Чтоб из веселых и печальных строк
Читатель получил забаву и урок;
Чтоб к автору он не был слишком строг.

Коль лучшего, сеньоры, нету на примете,
Прочтите в добрый час страницы эти.
Во лжи не грешен я иль в злом навете:
Описано все так, как есть на свете.
Рассказ — чтоб лучше слушали кругом —
Веду рифмованным я языком,
Провинности большой не видя в том, —
А мне приятней говорить стихом.
Найдешь, что кое-что шероховато,
Так не спеши судить меня предвзято,
Читатель мой, и вспоминай всегда ты,
Что и в простом мешке хранится золото,
Под мшистым камнем — ясность родника,
И сладкий сахар — в коже тростника,
И в отрубях — чистейшая мука,
За тернью — нежный лепесток цветка,
В жестянке — радость винной влаги,
И почерком, неровней, чем зигзаги,
Выводят часто мудрецы и маги
Слова, что полны мысли и отваги.
Итак, за совершенством не гонись,
С иной моей обмолвкой примиришь
И не смотри, читатель, сверху вниз
На книгу, что сложил Хуан Руис...

Здесь говорится о том, что каждый человек, если его угнетают печали, должен искать веселья, и повествуется о споре, происшедшем во время оно между греками и римлянами.

Сказал Катон уже давным давно:
Коль сердце злою скорбью стеснено,
Так выпей смеха звонкое вино, —
Печаль и скорбь тотчас зальет оно.
Катон и те, кто с ним, конечно, правы:
Веселый смех, и шутка, и забавы
Излечат вмиг от скорби — злой отравы.
Вот почему во многие я главы —

От шутовства дешевого далек —
Вложил и шутку, и смешной намек.
Не ставь мне то, читатель мой, в упрек:
Не раз смешным я важное облек.
Вникай умом в оттенки слов и фраз,
Чтоб не было с тобой, как вышло раз
У Рима с Грецией; про то сейчас
Прослушай назидательный рассказ.

У римлян не было, во время оно,
Ни высшей мудрости, ни твердого закона.
Чтоб их народ не потерпел урона,
Хотелось им вступить в познания лоно.
Хоть римлян ум и был в ту пору зелен,
Но все ж известно было им, что мудр эллин;
Его познаний кладезь — беспределен;
Закон его страны — и тверд, и целен.
И шлет посольство к мудрым грекам Рим:
Ключ мудрости Элладю храним;
Но с тем, кто жаждой знания томим,
Она поделится, быть может, им?
Смущенье вызвал римлян и досаду
Ответ, что им дала тогда Эллада:
Познанием с ними поделиться рада,
Но только раньше доказать им надо,
Что Рим созрел для этого умом.
Пусть лучший их мудрец уверит в том:
Пусть он с Эллады лучшим мудрецом
Спор проведет особым языком.
Условье ставит Греция сурово:
Будь знак немой для спора их основа, —
Коль сможет спорить Рим, не молвив слова,
В него поверить Греция готова.
Тоскою сжались римские сердца:
Ну где же взять им мудреца,
Чтоб спор немой доведши до конца,
Сподобился победного венца?
Тут предложил один из римлян так:
Из нас, увидев молчаливый знак,
И самый умный попадет впросак.
Не лучше ль здесь какой-нибудь дурак?
Быть может, боги сжальются над нами?

Иной ведь раз они не брезгают глупцами:
Безумцев жалких говоря устами,
Вещают нам священными словами.
Решенье то одобрил весь народ.
Отыскан был веселый идиот
Из тех, кто открывает только рот,
Чтоб вздор молоть, какой на ум взбредет.
Ему условия спора объяснили,
Судьбу народа целого вручили,
А за исход счастливый всех усилий
Чего-чего ему ни насулили!
Спор римлян с греками решится просто.
И вот превыше человеческого роста
На площади воздвигли два помоста:
Один — для мудреца, другой же — для прохвоста.
Одетый в тогу, будто доктор прав,
И голову безмозглую задрав,
Пред страшным диспутом не задрожав,
Явился римский шут, спокоен и лукав.
И ко второй трибуне основанью
Подходит эллин в светлом одеянии.
Назначен Грецией на состязанье
Краса премудрости и светоч знания.
Внизу народ толпится между тем:
Увидеть странный спор хотелось всем.
Каких же мудрецы коснутся тем,
Когда тот и другой, как рыба нем?
Вот мудрым греком диспут начат чинно:
Шуту он показал свой палец длинный,
Молчал, как гроб, и в позе ждал картинной.
Не понял ничего народ невинный.
Но на трибуне римский дуралей
Уразумел все сразу без речей.
Вмиг отогнул он — всяких слов ясней —
Три средних пальца на руке своей.
Трезубцем этим помахал немного
И сел, оправив горделиво тогу.
Тут эллин вновь, не проронивши слова, —
Уставы спора соблюдал он строго —
Ответил новою ему загадкой:
Он руку протянул ладонью гладкой.
Плуту все сразу ясно без остатка.

Поднялся вновь он на трибуне шаткой,
И вот готов его ответный знак:
Он крепко сжатый показал кулак.
В толпе дивиться мог иной простак,
Но мудрый эллин рассудил не так:
Умом соперника тогда плененный,
Сошел он вниз с улыбкой благосклонной.
Признал, что он был в споре побежденный,
А просьба римская — вполне законной.
Один такой мудрец — ценнее клада.
Гордиться им могла бы и Эллада.
Что просят римляне, исполнить надо,
И по заслугам будет им награда.
Эллады мудрецам в венце седин
Изрек ума и знания исполин:
«Я палец показал ему один,
Сказавши этим знаком: бог — един.
В его уме кто мог бы усомниться?
Загнув три пальца на своей деснице,
Блюдя устава нашего границы,
Ответил он, что бог — в трех лицах.
Я показал ему открытой дланью,
Что держит бог-творец все мирозданье.
И вот опять я восхищенья данью
Плачу его уму и понимаю:
Мудрец в ответ кулак немедля сжал,
И этим лишний раз мне доказал,
Что ум его острее всяких жал:
Бог всемогущ — тем знаком он сказал».
А римляне той самую порою
Вокруг шута стеснились толпою:
Хотелось им узнать, что он такое
Ответил греку, на трибуне стоя.
Сказал им шут: «Все объясню сейчас.
Едва немая речь зашла у нас,
Как пальцем с ногтем острым, как алмаз,
Он пригрезился ткнуть мне прямо в глаз.
Возможно ли понять тот жест иначе?
Ответил я, что он получит сдачи:
Проткнуть ему два глаза — не задача,
Приплюснув третьим пальцем нос в придачу.
Моей угрозою совсем не уstraшен,

Всей пятерней грозить принялся он.
Тогда рассвирепел я, как дракон,
И обещал ему со всех сторон
Так кулаком разбить его ланиты,
Что взвыл бы псом мудрец тот знаменитый.
Тут он бежал к своим просить защиты.
В молчанье кончен спор, и мы с ним — квиты».

Прослушав этой басни изложение,
Читатель, согласишься без сомненья,
Что умное лишь тот поймет реченье,
Кто сам имеет ум и разуменье.
Не будь в суде поспешен и суров.
Услышишь много здесь шутивых слов,
Но не забудь: веселый их покров
Скрывал не раз реченья мудрецов.
Ищи в словах зерна, отбрось скорлупы.
Не виноват портной, коль иглы тупы,
И лучший врач не воскрешает трупы.
Причем поэт, когда читатель — глупый?
Хоть «Книга о любви» обращена
Ко всем, однако всякому ль дана
Способность исчерпать до дна
То, что таят иные письма?
Вложить старался в «Книгу» смысл сокрытый
Хуан Руис, протопресвитер Иты.
Читатель милый, смысл тот разыщи ты
И не спеши захлопнуть том сердито,
И, автора смиренного браня,
Когда не сразу все яснее дня
Поймешь, что здесь услышишь от меня,
Не книгу эту, а себя виня,
Ты должен будешь с ней проститься,
Когда не сможет для тебя раскрыться
За шуткою иной иль небылицей
Серьезный смысл, что в них таится.
Будь книга — лютия, слов и мыслей орды
То струны, мной натянутые твердо.
Так извлеки, уверенно и гордо,
Из этих струн согласные аккорды!..

О том, как Амур (Любовь) пришел к протопресвитеру, и о ссоре, происшедшей между ними.

Однажды ночью — спало все вокруг —
В моих дверях раздался тихий стук
И гость вошел: «Как звать тебя, мой друг?» —
«Любовь. Пришла поговорить с соседом».
Ну кто же будет рад таким беседам?
В тот день вина не пил я за обедом,
И не был лихорадкою томим иль бредом,
И все ж не призрак этот гость, а явь! —
Тебя я знаю, как ты ни лукавь! —
Воскликнул я. — Уйди, меня оставь
И лук коварный свой в других направь!
Ведь ты стрелой из своего колчана
Неисцелимые наносишь раны.
Ты пеленой безумного тумана
Умы людей окутываешь рьяно.
И для того, кто был прельщен тобой,
Прощайте сон, и пища, и покой!
Кто только стал твоим, Любовь, слугой,
Погиб навек и телом, и душой.
Никто тебя не превзойдет в обмане.
Откуда ты придешь, не знать заране:
То налетишь, как буря в океане,
То медлишь, долго не взимая дани
С того, кто власть твою признал.
Но ни один покорный твой вассал
Жестокой участи не избегал —
Испить до дна отравленный фиал:
Узнать, что все твои посулы ложны,
Что радость, данная тобой, ничтожна
И что дышать спокойно, бестревожно,
Пока тебе он верен, — невозможно,
Будь молод он иль очень стар.
Где ключ, Любовь, что твой зальет пожар?
Где щит, что сдержит мощный твой удар?
Где слово тайное от лживых чар?
На свете книг уж сложено немало
Про то, как ты, спустив свое забрало,
На брань с сердцами грозно выступала
И в битвах тех всегда ты побеждала...
Любовь, ты как коварный ростовщик,

Что мало даст, а долг меж тем велик...
Я не коснусь тебя, отравленный родник,
Чтоб страшный яд мне в сердце не проник!..

Протопресвитер приводит Любви пример о кроте и лягушке.

Подчас, Любовь, рабы твои и слуги
Страшнее терпят от тебя недуги,
Чем крот, лягушку выбравший в супруги.
Про этот брак послушай на досуге.
На самом берегу реки жил крот.
В земле сухой был тверд его оплот,
Но в час весеннего разлива вод —
Того гляди — его в норе зальет.
И вдруг пред ним из тины самой вязкой,
В наряде изумрудном, будто в сказке,
Лягушка прыгнула и, строя глазки,
Так говорит, вся исходя от ласки:
— Отшельник милый! Здесь спасенья нет:
Норы твоей исчезнет всякий след.
Но я спасу желанного от бед.
Люблю тебя, о мой анахорет!
Ты видишь сам: я плаваю отменно.
Любовь к тебе — крепка и неизменна.
Я не страшусь пучины этой пенной
И вмиг тебя, жених мой драгоценный,
Доставлю вплавь к высоким тем холмам.
Их не достать губительным волнам.
Связать лишь ножки вместе надо нам;
Я помогу, а плыть ты будешь сам.
Лягушка обольстила лживым ядом.
Пленился крот и речию, и взглядом,
И грацией прыжков, ее нарядом, —
Решил по жизни плыть с женою рядом.
И злополучный совершился брак.
Супруге прыткой вверясь, крот-простак
Пытался с нею плыть и так и сляк,
Жена же тянет вниз, где ил и мрак.
Какой конец имел бы спор бесплодный,
Не знаю я, не будь судьбе угодно,
Чтоб в это время над равниной водной
Свирепый ястреб пролетал голодный.

Заметил зорким взглядом молодых,
И вот уже в когтях его стальных
И лживая невеста, и жених.
Голодный ястреб съел обоих их.
Тому мы видели не раз примеры:
Тобой, Любовь, клянутся лицемеры,
И будь то человек иль крот лишь серый,
Обману нежному он внемлет с верой.
Привел я басню эту неспроста:
И кто обманут был, и самого плута
Судьба подчас сжирает дочиста,
Как ястреб ту лягушку и крота.

Рассказов много знаю, посвященных
Судьбе сердец, тобой испепеленных.
Но я молчу, чтоб не сердить влюбленных,
Любовью — злой обманщицей — плененных.
Рассказом были бы уязвлены
Все, кто еще тобой ослеплены
И чьи сердца невинней целины,
Кому еще о счастье снятся сны.
Щадя тот рай, что жив у них в груди,
Молчу о том, что ждет их впереди.
Я пощадил, ты тоже пощади.
Молю, Любовь! Оставь меня, уйди!

Хуан Мануэль

Инфант дон Хуан Мануэль (1282—1349) — наиболее видный испанский прозаик XIV в. Он был внуком Фернандо IV и племянником Альфонса X Мудрого. С ранних лет он воевал с маврами, был правителем Мурсии, деятельное участие принимал в междоусобицах, возникших после смерти короля Фернандо, восставал против Альфонса XI, с которым, однако, помирился в 1335 г. С этого времени он обращал свое оружие только против мавров. Он был участником ожесточенной битвы при Саладо (1340 г.), которая кончилась решительным поражением мавров, стремившихся использовать в своих интересах шаткое внутреннее положение Кастилии. Но столь кипучая деятельность дон Хуана Мануэля на военном и политическом поприще не помешала ему написать ряд литературных произведений преимущественно дидактического характера («Трактат об охоте», «Книга о рыцаре и оруженосце», «Советы сыну» и др.).

Наиболее значительным созданием Хуана Мануэля, занявшим прочное место в истории испанской литературы, является сборник назидательных рассказов и апологов, изречений и афоризмов «Граф Луканор, или Мудрость Патронио» («Conde Lucanor o el libro de Patronio», 1342). Все рассказы (примеры) этого сборника объединены следующей но-

велической рамкой: могущественный сеньор граф Луканор то и дело спрашивает совета у своего мудрого приближенного Патронио. Последний облекает свой ответ в форму назидательного рассказа или басни. Используя самые различные как устные, так и письменные источники, Хуан Мануэль создает произведение, которое заметно возвышается над всеми другими памятниками дидактической повествовательной литературы средневековой Испании. Живость рассказа, гибкость и точность языка, выразительные картины испанской или восточной жизни, вполне светский, далекий от церковного ханжества взгляд на мир — все это позволяет рассматривать «Графа Луканора» как произведение, непосредственно подготовлявшее развитие испанской реалистической новеллистики эпохи Возрождения.

ГРАФ ЛУКАНОР, ИЛИ МУДРОСТЬ ПАТРОНИО

ПРИМЕР VI

*О том, что произошло между ласточкой и другими птицами,
когда ласточка увидела, что люди сеют лен*

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим советником, и сказал ему:

— Патронио, мне передали, что некоторые из моих соседей, более могущественные, нежели я, объединились и замышляют против меня разные козни, чреватые для меня большим вредом. А я не верю этому, и мало меня это беспокоит. Но поскольку вы очень благоразумны, я хотел просить вас сказать мне, не считаете ли вы нужным, чтобы я предпринял какие-либо меры.

— Сеньор граф Луканор, — сказал Патронио, — чтобы вы поступили так, как, по моему мнению, вы должны поступить, мне хотелось бы поведать вам о том, что произошло между ласточкой и другими птицами.

И граф попросил его рассказать, что между ними произошло.

— Сеньор граф Луканор, — сказал Патронио, — однажды ласточка увидела, как человек сеял лен, и благодаря своему хорошему рассудку она поняла, что, если этот лен вырастет, люди смогут сделать из него сети и тенета и ловить ими птиц. И ласточка тотчас же полетела к другим птицам, собрала их и сказала им о том, что человек сеет лен и что, если этот лен вырастет, они могут быть уверены, что ждать им от этого большой для себя беды и что она им советует, еще до того, как лен вырос, полететь на поле и вырвать его, ибо легче предотвратить опасность в самом начале, а позже — очень трудно.

Но птицы не придали значения ее словам и не послушались ее совета. Ласточка долго уговаривала их, пока не убедилась, что все бесполезно и птицы никак не хотят ее послушаться. А лен между тем вырос настолько, что птицы уже не смогли бы вырвать его ни коготками, ни клювами, даже если бы и захотели. И когда птицы увидели, как вырос

лен и что им уже больше не под силу предотвратить угрожавшую опасность, они горько раскаялись, что не послушались ласточки. Но раскаяние пришло, когда было уже слишком поздно.

Однако еще до этого ласточка, убедившись, что птицы не хотят обращать внимания на надвигающуюся опасность, полетела к человеку, отдала себя в его распоряжение и получила за это безопасность для себя и для своего рода. И с тех пор ласточки мирно живут около людей и не боятся их. А остальных птиц, не пожелавших принять мер предосторожности, люди каждый день ловят в сети и тенета.

И вы, сеньор граф Луканор, если хотите предохранить себя от опасности, которая, как вы говорите, может вам угрожать, примите меры против нее заранее, ибо не тот благоразумен, кто видит беду, когда она уже совершилась, но тот, кто по каким-нибудь признакам и намекам предвидит ее и принимает меры для ее предотвращения.

И графу очень понравился этот совет, и он поступил, как посоветовал Патронио, и все было хорошо.

Но поскольку дон Хуан нашел, что это очень хороший пример, он поместил его в эту книгу и сложил к нему стихи, которые гласят:

Когда б тебе опасность угрожала,
Преодолей ее уже сначала.

ПРИМЕР XI

*О том, что произошло между каноником из Сантьяго
и доном Ильяном, великим магистром из Толедо*

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим союзником, и так говорил ему:

— Патронио! Один человек просил моей помощи и обещал мне за это сделать все, что только мне будет нужно. И я помог ему, как только сумел. Но еще до того, как закончилось его дело, которое он уже считал законченным, случилось так, что и мне понадобилась его помощь, но когда я за ней к нему обратился, он под разными предлогами отказался мне помочь. Скоро представился один случай, когда он мог бы быть мне полезен, и он опять уклонился, как и в первый раз. И так он поступал во всем, о чем бы я его ни попросил. Однако дело, в котором он просил меня ему помочь, еще не доведено до конца и не будет доведено, если я этого не захочу. Так вот, полагаясь на вас и на ваш здравый смысл, я прошу теперь у вас совета, как мне поступить в этом затруднении.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — для того чтобы вы поступили, как вам надлежит поступить, мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали о том, что произошло между одним каноником из Сантьяго и доном Ильяном, великим магистром, жившим в Толедо.

И граф спросил, что между ними произошло.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — в Сантьяго жил один каноник, которому очень хотелось научиться искусству черной магии, и он прослышал, что дон Ильян, великий магистр из Толедо, понимал в ней больше, чем кто-либо другой из людей, существовавших в то время на свете. И он отправился в Толедо, чтобы научиться этой науке. И в тот же день, как он туда прибыл, он пошел к дону Ильяну и застал его в уединенной комнате его дома, погруженного в чтение. Дон Ильян принял его очень хорошо и сказал ему, что не хочет говорить с ним о деле, ради которого тот к нему явился, пока они не пообедают. И дон Ильян угостил его отличным обедом и велел отвести ему прекрасную комнату и все, что ему нужно, и дал ему понять, что очень рад его приезду.

И после обеда они заперлись в комнате, и каноник сообщил магистру цель своего посещения и очень настойчиво просил научить его черной магии, которую ему так хотелось познать, и обещал за это отблагодарить его, как он только пожелает.

И дон Ильян отвечал ему на это, что он, будучи каноником, сможет достичь высоких ступеней в церковной иерархии, но что люди, достигшие высокого положения, часто забывают хорошее, что сделали для них другие, и что касается его, магистра, то он очень опасается, чтобы каноник, выучившись у него, чему он хочет, не отблагодарил бы его, как эти люди, и не забыл бы своих теперешних обещаний. Тогда каноник принялся уверять его и пообещал, что какого бы блага он ни достиг, он не воспользуется им иначе, как согласно желанию дона Ильяна.

В этой беседе они провели все время от обеда до ужина. И когда они обо всем договорились, дон Ильян сказал каноннику, что науке черной магии можно учиться лишь в очень уединенном месте и что он сегодня же вечером сведет его туда, где ему предстояло пробыть до тех пор, пока он не выучится тому, чему хочет выучиться. И, взяв каноника за руку, он уже собрался вести его в уединенную комнату, но, прежде чем туда удалиться, велел своей служанке достать к ужину двух куропаток, но не начинать их жарить, пока он ей этого не прикажет.

И распорядившись таким образом, он позвал каноника, и они ступили на каменную лестницу очень крепкой кладки и спускались по ней очень долго, так что можно было допустить, что воды реки Тахо текут над их головами. И спустившись до самого низа лестницы, они очутились в очень хорошо обставленной комнате, где находились книги и приборы для изучения черной магии. Они сели и готовились приступить к занятиям. Но пока магистр решал вопрос, с какой книги начать, открылась дверь вошли два человека и подали каноннику письмо, которое оказалось от архиепископа, его дяди. В письме архиепископ извещал его, что он очень болен, и просил, если он хочет застать его еще в живых, приехать без промедления. Каноника сильно огорчило это извес-

тие: во-первых, болезнь дяди, а во-вторых, необходимость отказаться от только что начатого изучения черной магии. Но он решил не прерывать теперь занятий, написал ответное письмо и отправил его архиепископу, своему дяде. Прошло три или четыре дня, и явились два новых скорохода и принесли канонику новые письма. В этих письмах ему сообщали, что архиепископ скончался и что все церковные чины единодушно желают избрать его, каноника, архиепископом и рассчитывают с божьей помощью произвести это избрание, что избрание удобнее осуществить в отсутствие каноника, и поэтому он может не торопиться с возвращением.

Прошло еще семь или восемь дней, и явились два гонца, очень нарядно и пышно одетые; представ перед каноником, они поцеловали ему руку и подали письма, из которых он узнал о своем избрании архиепископом.

И когда дон Ильян это услышал, он подошел к новоизбранному архиепископу и сказал ему, что он благодарит бога за то, что эти счастливые вести застали избранника в его, дона Ильяна, доме, и раз бог оказал ему такую милость, то он просит его отдать его приход, остающийся теперь незанятым, его, дона Ильяна, сыну. Но избранник ответил, что он просит дона Ильяна позволить ему отдать этот приход своему родному брату, но что при первом же благоприятном случае он устроит и для его сына хорошее назначение в церковной иерархии, и просил его отправиться вместе с ним в Сантьяго и захватить с собой и сына.

И они отправились в Сантьяго и по прибытии туда были встречены с большими почестями. И после того как они прожили там некоторое время, к архиепископу явились посланцы от папы с грамотой, которой папа назначал его епископом Тулузским^{*} и оставлял за ним свободу самому назначить себе преемника по архиепископству Сантьяго.

И когда дон Ильян это услышал, он настойчиво напомнил епископу Тулузскому об их уговоре и просил отдать архиепископство его сыну. Но епископ просил его позволить отдать архиепископство своему дяде — родному брату его отца. Дон Ильян ответил, что это его очень огорчает, но что он готов согласиться, с тем, однако, что в дальнейшем он будет за это вознагражден каким-нибудь иным назначением его сына. И епископ обещал ему обязательно это сделать и просил его отправиться вместе с ним в Тулузу и захватить с собой и сына.

И прибыв в Тулузу, они очень хорошо были приняты тамошним графом и всей знатью. И после того как они прожили там два года, явились посланцы от папы с грамотой, которой папа назначал его кардиналом и предоставлял ему милость отдать епископство Тулузское, кому он пожелает.

^{*} Епископат Тулузский имел большее значение, чем архиепископат Сантьяго.

И тогда явился к нему дон Ильян и сказал, что поелику он столько раз не выполнял своего обещания, то теперь не может быть места ни для каких отговорок и что он должен отдать епископство его сыну.

Но кардинал просил его позволить ему отдать епископство своему другому дяде — родному брату его матери, который был уже в очень преклонных летах. Но поскольку он теперь кардинал, то он просит дона Ильяна отправиться вместе с ним к папскому двору, где он найдет случай оказать ему милость. Дон Ильян был очень опечален и горько роптал, но все же согласился исполнить просьбу кардинала и отправился вместе с ним в Рим.

И по прибытии туда они были очень хорошо приняты кардиналами и всеми, кто состоял при папе, и прожили там очень долго. И изо дня в день дон Ильян просил кардинала оказать какую-либо милость его сыну, и изо дня в день кардинал просил его извинить.

И вот во время их пребывания у папского престола папа скончался, и все кардиналы избрали папой этого кардинала. И тогда пришел к нему дон Ильян и сказал, что больше не может быть отговорок и он должен исполнить обещание. Но папа ответил, что незачем спешить, так как всегда предоставится возможность оказать ему милость сообразно разумности.

Но тут дон Ильян начал очень горько роптать и напомнил папе о всех его обещаниях, из которых он ни одного не выполнил, и сказал, что он подозревал, что так оно и будет еще с первой же их беседы, и что если он на той ступени могущества, на которой он ныне находится, ничего не исполняет из обещанного, то, значит, не на что ему, дону Ильяну, больше надеяться. И эти слова очень разгневали папу, и он начал поносить дона Ильяна и пригрозил ему, что, если он не перестанет, он заключит его в тюрьму как еретика и чернокнижника и что ему хорошо известно, что у себя в Толедо он только и занимался черной магией.

И когда дон Ильян увидел, как плохо вознаградил его папа за все для него сделанное, он простился с ним, и папа даже не дал ему перед дорогой поесть. И тогда дон Ильян сказал папе, что раз ему даже отказано в пище, то он воспользуется куропатками, заказанными им в вечер их первого знакомства, и он позвал служанку и велел ей зажарить куропаток.

И едва проговорил дон Ильян эти слова, как папа вновь очутился в Толедо и вновь оказался каноником из Сантьяго, каким он туда прибыл, и он почувствовал себя настолько пристыженным, что даже не знал, что сказать дону Ильяну. Дон же Ильян сказа ему, что все вышло к лучшему, он хорошо его испытал и что он очень плохо распорядится своими куропатками, если поделится ими с каноником.

И вам, сеньор граф Луканор, если вы видите, что за все вами сделанное для человека, обратившегося к вам за помощью, он со своей стороны ничего для вас не хочет сделать, незачем, я думаю, особенно стараться, чтобы не поставить его в то положение, в котором он смог бы отблагодарить вас, как каноник отблагодарил дона Ильяна.

И граф почел это за хороший совет и поступил согласно ему, и все вышло хорошо.

И поскольку дон Хуан нашел, что это очень хороший пример, он поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Кто с первого откажет раза,
Всегда найдет причины для отказа.

ПРИМЕР XVII

*О том, что произошло с одним голодным человеком,
которого другой очень неохотно пригласил обедать*

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим советником, и так сказал ему:

— Патронио, ко мне пришел один человек и сказал мне, что сделает для меня одну вещь, которая для меня очень важна, но, хотя он и обещал ее для меня сделать, я по той неохоте, с какой он это говорил, хорошо понял, что он весьма был бы не прочь, чтобы я отказался от предлагаемой им помощи.

А я, с одной стороны, очень нуждаюсь в том, что он предлагает для меня сделать, но, с другой стороны, мне очень не хочется принимать его помощь, раз он предлагает ее так неохотно. И зная вашу разумность, я прошу вас сказать мне, как, вы считаете, я должен поступить в таких обстоятельствах.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — чтобы вы поступили здесь, как, я нахожу, вам нужно поступить, мне бы очень хотелось чтобы вы узнали о том, что произошло с одним человеком, которого другой пригласил обедать.

И граф попросил его рассказать, что с ним произошло.

— Сеньор граф Луканор, — сказал Патронио, — один честный человек, некогда бывший очень богатым, впал в большую бедность, но ему было очень стыдно унижаться и просить себе на пропитание, и потому он часто претерпевал великие голод и нужду. И однажды, когда он шел очень печальный, потому что ничего не мог добыть себе поесть, ему пришлось проходить мимо дома одного своего знакомого, который в это время как раз обедал. И увидя его проходящим мимо, этот знакомый спросил его, но очень неохотно, не хочет ли он с ним пообедать. И бед-

ный человек, которому ничего так не хотелось, как именно этого, тотчас же пошел, принялся мыть руки — в знак своего согласия — и сказал:

— Поистине, сеньор такой-то и такой-то, раз вы так просите и настаиваете, чтобы я с вами пообедал, с моей стороны было бы большой неучтивостью не принять вашего приглашения и не исполнить вашего желания. — И он сел обедать и утолил свой голод, а вместе с тем — и свою печаль.

А в дальнейшем бог помог ему, и он сумел найти выход и из своей нищеты.

И вы, сеньор граф Луканор, раз вы считаете, что предложение того человека вам очень на пользу, дайте ему понять, что вы принимаете его предложение, чтобы не обидеть его отказом, и не обращайтесь внимания на то, что он предлагает вам неохотно, и не дожидаетесь повторного предложения. Потому что может случиться, что он не станет повторять его еще раз, и вам будет гораздо неприятнее просить тогда у него о том, о чем теперь он просит вас сам.

И граф почел это за очень хороший совет и поступил согласно ему, и все получилось у него хорошо.

И дон Хуан, сочтя это за очень хороший пример, поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Хорошее прими ты предложение,
Его не дожидаясь повторенья.

ПРИМЕР XXXVII

*О том, что ответил граф Фернан Гонсалес своим вассалам
после победы в битве при Фасинас*

Однажды граф Луканор возвратился с одного дела очень усталый, печальный и измученный, и прежде чем он успел отдохнуть и набраться сил, пришло к нему известие, что готовится новая серьезная встреча. И большинство приближенных графа советовало ему сначала немного отдохнуть и потом только приступить к новому делу. И граф спросил у Патронио, как бы он поступил при таких обстоятельствах. И Патронио сказал ему:

— Сеньор, для того чтобы вы выбрали в этом случае наилучший выход, мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали об ответе, данном при похожих обстоятельствах графом Фернаном Гонсалесом^{*} его вассалам.

^{*} *Фернан Гонсалес* (932—970 гг.) — кастильский граф. Он вел борьбу за политическую эмансипацию Кастилии от власти леонского короля. Ему удалось подчинить своей власти других кастильских графов и расширить пределы Кастилии за счет мавританских владений. В средневековом испанском эпосе Фернан Гонсалес изображается неутомимым бойцом, ведущим войны с хаджибом (везиром) кордовского халифа Альмансором и другими.

И граф попросил Патронио ему об этом рассказать.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — когда граф Фернан Гонсалес победил в битве при Фасинас мавританского короля Альмансора, полегло великое множество его людей в той битве, а он сам и все, кто остался в живых, вышли из нее, покрытые тяжелыми ранами. Но прежде чем они успели оправиться от этих ран, граф получил известие, что король Наваррский вторгся в его пределы, и он тотчас же приказал своим людям готовиться к бою с наварцами.

Но тут его рыцари стали говорить ему, что если он не хочет считаться с тем, что и люди его, и кони измучены, то пусть посчитается с тем, что многие из его людей ранены, и потому отложит новое бранное дело и даст им немного оправиться.

Но когда граф увидел, что таково единодушное мнение его рыцарей, он, пешась более о чести, нежели о теле, сказал им:

— Друзья мои! Давайте не допустим, чтобы раны, уже нами полученные, помешали нам в новой битве получить новые раны, которые заставят нас забыть о ранах, полученных в предыдущей битве.

И когда его люди увидели, что он ради отчизны и чести готов пренебречь телесными страданиями, они пошли за ним в бой. И граф одержал новую победу, и все у него было очень хорошо.

И вы, граф Луканор, если вы хотите поступить согласно тому, что требует от вас защита земель ваших и людей ваших, а также ваша честь, никогда не устрашайтесь ни усилий, ни опасностей и поступайте так, чтобы новые опасности заставили вас позабыть предыдущие.

И граф нашел, что это очень хороший совет, поступил согласно ему, и все у него вышло очень хорошо.

И считая, что это очень хороший пример, дон Хуан поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Поверь, что малодушия и чести
Нигде и никогда не встретишь вместе.

Итальянская литература

ПРОЗАИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА XIII ВЕКА

НОВЕЛЛИНО, ИЛИ СТО ДРЕВНИХ ПОВЕСТЕЙ

Составленный на рубеже XIII и XIV вв. сборник повестей самого разнообразного содержания, почерпнутых из самых разнообразных источников, начиная от библии и житий святых и кончая куртуазным эпосом и фабльо, «I Novellino» является первым образцом итальянской повествовательной прозы.

Из приводимых ниже новелл первая взята из флорентийской рукописи, изданной Biaggi в 1880 г., обе остальные — из старопечатного издания Gualteruzzi, 1525 г.

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ¹

У некоего царя родился сын. И предсказали мудрецы-астрологи, что ежели не пребудет он десять лет, не видя солнца, то потеряет зрение. Посему царь приказал его беречь, когда же истекли десять лет, приказал он показать ему свет и небо, море, золото и серебро, и животных, и людей; среди прочих вещей приказал показать ему прекрасных женщин. Отрок спросил, кто они, и царь приказал сказать ему, что это — демоны. Тогда отрок сказал: «Демоны полюбились мне больше всех прочих вещей». И царь сказал: «Из сего явствует, сколь дивная вещь — красота женщин».

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

повествует о том, как был обвинен попик Порчеллино²

Некий приходский поп, по прозванию поп Порчеллино³, во времена некоего сластолюбивого епископа был обвинен пред епископом, что плохо управляет приходом из-за женщин. Епископ, расследовав дело о

¹ Порчеллино — поросенок.

нем, признал его виновным. И когда он пребывал в епископском доме, ожидая на другой день отрешения, челядь епископская, желая ему добра, подучила его бежать. На ночь спрятали его под кроватью епископа. А в ту ночь епископ пригласил к себе одну свою подружку. И когда они были в постели и он хотел ее коснуться, подружка не позволила ему, говоря: «Много обещаний вы мне давали и ни разу не сдержали ни одного». Епископ отвечал: «Жизнь моя, обещаю тебе это и клянусь». «Нет, — говорит она, — я хочу денежки чистоганом». Поднялся епископ, чтоб пойти за деньгами и дать их подружке; тогда попик вылез из-под кровати и сказал: «Мессир, на том же они и меня ловили. Да и кто смог бы поступить иначе?» Епископ устыдился и простил его. Но перед прочими клириками всячески угрожал ему.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ³

*о том, как султан, нуждаясь в деньгах, хотел засудить
одного иудея*

Султан, нуждаясь в деньгах, послушался совета затеять тяжбу с неким богатым иудеем, проживавшим в землях его, и затем отобрать у него все богатства его, коим счету не было. Султан позвал этого иудея и спросил его, какая вера лучше всех, помышляя: «Ежели он скажет иудейская, то я скажу ему, что он хулит мою веру, а ежели скажет — сарацинская, то я скажу: тогда зачем ты придерживаешься иудейской?» Иудей, услышав вопрос сеньора своего, отвечал так: «Мессир, был некогда отец, у которого было три сына, и был у него перстень с камнем драгоценным, лучшим в мире. Каждый из них просил отца, чтобы по кончине своей оставил ему тот перстень. Отец, видя, что каждый из них его хочет, позвал превосходного золотых дел мастера и сказал ему: «Маэстро, сделай мне два перстня точь-в-точь как этот и вставь в каждый из них камень, который был бы подобен этому». Мастер сделал перстни так точно, что никто не мог узнать подлинного, кроме отца. Призвал он сыновей порознь и каждому отдал перстень втайне, и каждый почитал свой подлинным, и никто не ведал настоящего, помимо отца их. И так же говорю тебе о верах, коих три. Отец всевышний ведает, какая лучшая; сыновья же, сиречь мы, полагаем каждый, что обладаем хорошей». Тогда султан, поняв увертку его, не знал, что сказать, чтобы затеять тяжбу с ним, и отпустил его с миром.

ЛИРИКА «НОВОГО СЛАДОСТНОГО СТИЛЯ»

«Новый сладостный стиль» («Dolce stil nuovo») — литературное направление, возникшее на грани средних веков и эпохи Возрождения в городах Тосканы и Романьи (Флоренция, Болонья и др.). Представленный лирическими произведениями многочисленных поэтов XIII—XIV вв. (Гвидо Гвиницелли, Онесто да Болонья, Гвидо Кавальканти, Лапо Джанни, Чекко Анджольери, Данте Алигьери, Чино да Пистойя и др.), «новый сладостный стиль» характеризуется своеобразным разрешением центральной проблемы средневековой лирики — взаимоотношения «земной» и «небесной» любви. В то время как религиозная поэзия прославляет в терминах земной страсти мадонну, призывая к отречению от плотского греха, в то время как куртуазная поэзия, восхваляя рыцарское служение даме, воспекает радость физического обладания, поэзия «нового сладостного стиля» находит разрешение конфликту обоих мировоззрений в сложной символике образов. Образ земной владычицы не устраняется, но превращается в символ — в доступное чувственно-му восприятию воплощение и откровение божества. Так освящается любовь к женщине — «земная» любовь сливается воедино с любовью «небесной».

Этой «философией любви» определяются все особенности содержания и формы «нового сладостного стиля». Для него характерен величавый образ возлюбленной, «благородной и пречестной», «одеянной смирением» (Данте), «сияющей паче звезд» (Гвиницелли). Не менее типичен и образ возлюбленного — поэта и философа, проникшего во все тонкости хитросплетенной любовной схоластики, умеющего уловить и запечатлеть глубочайшие извивы тайной любви. При этом любовь, воплощаемая обычно в образе прекрасного юноши, мыслится поэтами как стихийная сила, «проникающая через взоры в сердце» и воспламеняющая его желанием той, «что с небес сошла на землю — явить чудо» (Данте). Но любовь эта в то же время проникнута чисто земным вежеством, она влечет за собой столь чуждые монашескому аскетизму и мистическим экстазам добродетели радости и веселья. Новые формы любовных отношений, чуждые реминисценций феодального строя, отсутствие в образе возлюбленной черт знатной дамы — супруги сеньора — и вознесение ее путем сложной символики, искренность лирической эмоции, обусловленная свободным выбором героини, углубление философского содержания лирики — все это являлось порождением новой итальянской городской культуры, стоявшей на пороге эпохи Возрождения.

Важнейшими формами, культивировавшимися поэтами «нового сладостного стиля» (XIII — начало XIV в.), являются:

к а н ц о н а (canzone) — строфическое произведение с одинаковыми по своей структуре строфами;

с о н е т (sonetto) — твердая в своей структуре форма, объединяющая 14 стихов четырьмя рифмами по одному из типов: для первых двух четверостиший — abba или abab, для последних двух трехстиший cdd dcd или (с допущением пятой рифмы) cde cde, или cse dde;

менее распространенная **б а л л а т а** (ballata) — произведение из неодинаковых строф, более свободное по своему строению, чем старофранцузская баллада XIV—XV вв.

Приводимые ниже сонеты принадлежат Гвидо Кавальканти (Guido Cavalcanti, около 1259—1300 гг.), флорентийскому философу и поэту, сыну гвельфа Кавальканте Кавальканти и другу Данте. Сонеты эти типичны для тематики «нового сладостного стиля» с его превращением любви к земной возлюбленной в преклонение перед воплощением божественного начала. В первом сонете особенно характерно прославление изысканных переживаний радости (allegrezza) и благоговения, во втором — самый образ Амоге — образ, созвучный видению первого сонета из «Vita nova» Данте.

Гвидо Кавальканти**СОНЕТ**

Красавиц обольстительные взоры,
Нарядных всадников блестящий строй,
Беседы о любви и птичьи хоры,
Корабль, бегущий по волне морской,

Прозрачность пред зарей, что вспыхнет скоро,
Снег, падающий тихо над землей,
Журчание ручья, лугов узоры,
Каменьев блеск в оправе золотой

Что это все пред дивной красотой
И благородством госпожи моей?
Презренный тлен, не стоящий и взгляда!

Как перед небом меркнет все земное,
Так все, что видишь, меркнет перед ней,
Добру соединиться с ней — отрада.

СОНЕТ

Ты не видала, госпожа моя,
Того, кто сердце мне сжимал рукою,
Когда, боясь, что мук своих не скрою,
Тебе отвечивал чуть слышно я.

То бог любви, далекие края
Покинувший, встал грозно предо мною
Сирийским лучником, готовым к бою,
В колчане стрелы острые тая.

Он из твоих очей извлек стенанья
И с яростью такой метнул в меня,
Что я бежал, утративши сознание.

И я вступил в круг тех, чья злая доля —
В слезах тонуть, не видя света дня,
И умереть от несказанной боли.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Данте Алигьери (1265—1321) — первый европейский писатель, к которому по праву применимо определение «великий». Данте родился во Флоренции и в период правления в городе партии белых гвельфов (отделившихся от партии черных гвельфов — сторонников папы Бонифация VIII) занимал престижные должности.

К 1292 или началу 1293 г. относится завершение работы Данте над книгой «Новая жизнь» — комментированным поэтическим циклом и одновременно первой европейской художественной автобиографией. В нее вошли 25 сонетов, 3 канцоны, 1 баллада, 2 стихотворных фрагмента и прозаический текст — биографический и филологический комментарий к стихам. В книге (в стихах и комментариях к ним) рассказывается о возвышенной любви Данте к Беатриче Порнари, флорентийке, вышедшей замуж за Симоне де Барди и умершей в июне 1290 г., не достигнув 25 лет. Так в творчестве Данте возникает образ Беатриче. После того, как в «Божественной комедии» Данте обессмертил имя Беатриче, она становится одним из «вечных образов» мировой литературы.

В 1302 г., когда в результате измены черные гвельфы пришли к власти, Данте вместе с другими белыми гвельфами был изгнан из города.

В пору изгнания Данте, готовясь к созданию поэмы о Беатриче, пишет трактаты «Искусство поэзии на народном языке», «О монархии», «Пир». В неоконченном «Пире» изложено учение о четырех смыслах произведения (см. приводимый фрагмент). В изгнании он пишет свое величайшее произведение — «Божественную комедию» (1307—1321).

В 1315 г. власти Флоренции, опасаясь усиления гибеллинов, даровали белым гвельфам амнистию, под которую подпал и Данте, но он вынужден был отказаться от возвращения на родину, так как для этого должен был пройти унижительную, позорную процедуру. Тогда городские власти приговорили его и его сыновей к смерти. Данте умер на чужбине, в Равенне, где и похоронен.

Выдающийся английский искусствовед Д. Рёскин называл Данте «центральным человеком мира». Ф. Энгельс нашел точную формулировку для определения особого места Данте в культуре Европы: он «последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени». «Божественная комедия» принесла Данте бессмертную славу, оказала огромное воздействие на литературу последующих веков, поставила его имя в один ряд с именами величайших гениев человечества*.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Написанная Данте на двадцать шестом году жизни «Vita nova» представляет собой собрание его лирических стихотворений периода 1283—1290 гг., расположенное поэтом по определенному сюжетному заданию и снабженное им автобиографическим и философско-эстетическим комментарием. Прозаическая часть повествования отчасти соприкасается с вымышленными биографиями провансальских трубадуров, неизмеримо превосходя их, однако, мастерством изложения и глубиной психологического анализа; стихотворные же вставки, представляя в более ранних по времени написания своих частях лучшие образцы лирики *dolce stil nuovo*, в более поздних частях (произведения на смерть Беатриче) уже приближаются к стилю «Божественной комедии».

* Вступ. ст. В. А. Лукова.

I. В этом разделе книги моей памяти¹, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: *incipit vita nova*². Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность.

II. Девятый раз³ после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении⁴, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие, — не зная, как ее зовут, — именovali Беатриче⁵. В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса⁶. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я же увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту. В это мгновение — говорю по истине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении. И дрожа, он произнес следующие слова: «*Ecce dens fortior me, qui veniens dominabitur mihi*»⁷. В это мгновение дух моей души⁸, обитающий в высокой горнице, куда все духи чувств несут свои впечатления, восхитился и, обратясь главным образом к духам зрения, промолвил следующие слова: «*Apparuit iam beatitudo vestra*»⁹. В это мгновение природный дух, живущий в той области, где совершается наше питание, зарыдал и, плача, вымолвил следующие слова: «*Neu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps*»¹⁰. Я говорю, что с этого времени Amor стал владычествовать над моею душой, которая вскоре вполне ему подчинилась. И тогда он осмелел и такую приобрел власть надо мной благодаря силе моего воображения, что я должен был исполнять все его пожелания. Часто он приказывал мне отправляться на поиски этого юного ангела; и в отроческие годы я уходил, чтобы лицезреть ее. И я видел ее, столь благородную и достойную хвалы во всех ее делах, что, конечно, о ней можно было бы сказать словами поэта Гомера: «Она казалась дочерью не смертного, но бога»¹¹. И хотя образ ее, пребывавший со мной неизменно, придавал смелости Амору, который господствовал надо мною, все же она отличалась такой благороднейшей добродетелью, что никогда не пожелала, чтобы Amor

¹ Начинается новая жизнь (лат.).

² *Беатриче* — букв. «дарующая блаженство».

³ Вот пришел бог сильнее меня, дабы повелевать мною (лат.).

⁴ Ныне явлено блаженство ваше (лат.).

⁵ О, я несчастный, ибо отныне часто буду встречать препятствия (лат.).

управлял мною без верного совета разума в тех случаях, когда совету этому было полезно внимать. И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращаюсь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами.

III. Когда миновало столько времени, что исполнилось ровно девять лет после упомянутого явления благороднейшей, в последний из этих двух дней случилось, что чудотворная госпожа предстала предо мной, облаченная в одежды ослепительно белого цвета среди двух дам, старших ее годами. Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении, и по своей несказанной куртуазности, которая ныне награждена в великом веке^а, она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось — я вижу все грани блаженства. Час, когда я услышал ее сладостное приветствие, был точно девятым этого дня. И так как впервые слова ее прозвучали, чтобы достигнуть моих ушей, я преисполнился такой радости, что, как опьяненный, удалился от людей; уединясь в одной из моих комнат, я предался мыслям о куртуазнейшей госпоже. Когда я думал о ней, меня объял сладостный сон, в котором мне явилось чудесное видение. Мне казалось, что в комнате моей я вижу облако цвета огня и в нем различаю обличье некоего повелителя, устрашающего взоры тех, кто на него смотрит^б. Но такой, каким он был, повелитель излучал великую радость, вызывающую восхищение. Он говорил о многом, но мне понятны были лишь некоторые слова: среди них я разобрал следующие: «Ессе dominus tuus»^б. В его объятиях, казалось мне, я видел даму, которая спала нагая, лишь слегка повитая кроваво-красным по-

Данте Алигьери. Портрет, приписываемый художнику XIV в. Джотто.

^а Т.е. в вечной жизни на небесах.

^б Я твой повелитель (лат.).

крывалом. Взглянув пристально, я в ней узнал госпожу спасительного приветствия, соизволившую приветствовать меня днем. И в одной из рук своих, казалось мне, Амор держал нечто, объятное пламенем, и мне казалось, что он произнес следующие слова: «Vide cor tuum^{*}». Оставаясь недолго, он, казалось мне, разбудил спящую и прилагал все силы свои, дабы она ела то, что пылало в его руке; и она вкушала боязливо. После этого, пробыв недолго со мной, радость Амора претворилась в горькие рыдания; рыдая, он заключил в свои объятия госпожу и с нею — чудилось мне — стал возноситься на небо. Я почувствовал внезапно такую боль, что слабый мой сон прервался, и я проснулся. Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это виденье мне предстало, был четвертым часом ночи; отсюда ясно, что он был первым из последних девяти ночных часов. Я размышлял над тем, что мне явилось, и наконец решился поведать об этом многим из числа тех, кто были в это время известными слагателями стихов. И так как я сам испробовал свои силы в искусстве складывать рифмованные строки, я решился сочинить сонет, в котором приветствовал бы всех верных Амор, прося их высказать то, что думают они о моем видении. И я написал им о сне. Тогда я приступил к сонету, начинающемуся: «Влюбленным душам».

Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их — привет!
Всем благородным душам шлю посланье.
На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет —
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

Этот сонет делится на две части: в первой я шлю приветствие, испрашивая ответа, во второй указываю, на что я жду ответа. Вторая часть начинается: «На небе звезд не меркнуло сиянье».

^{*} Взгляни на сердце твое (лат.).

Мне ответили многие, по-разному уразумевшие мой сонет. Мне ответил и тот, кого я назвал вскоре первым своим другом⁷. Он написал сонет, начинающийся: «Вы видели пределы упования». Когда он узнал, что я тот, кто послал ему сонет, началась наша дружба. Подлинный смысл этого сна тогда никто не понял, ныне он ясен и самым простым людям.

IV. С тех пор как мне предстало это видение, мой природный дух стал стеснен в своих проявлениях, так как душа моя была погружена в мысли о благороднейшей. Таким образом по прошествии краткого времени я стал слабым и хилым, так что многим моим друзьям было тяжело смотреть на меня, а иные, полные зависти и любопытства, стремились узнать то, что я хотел скрыть от всех. Но я, заметив недоброжелательность их вопросов, по воле Амора, руководившего мною сообразно с советами разума, отвечал им, что тот, кем я столь измучен, — Амор. Я говорил об Аморе, так как на лице моем запечатлелось столько его примет, что скрывать мое состояние было невозможно. А когда меня спрашивали: из-за кого тебя поражает этот Амор? — я смотрел на них, улыбался и ничего не говорил им⁸.

XIX. Через некоторое время, когда я проезжал по дороге, вдоль которой протекала быстрая и светлая река, меня охватило такое сильное желание слагать стихи, что я принялся думать, как мне следует поступать, и я решил, что говорить о совершенной даме надлежит, обращаясь к дамам во втором лице, и не ко всем дамам, а лишь к тем из них, которые наделены благородством. И тогда мой язык заговорил как бы сам собой и произнес: «Лишь с дамами, что разумом любви владеют». Эти слова я удержал в памяти с большой радостью, решив воспользоваться ими для начала. Возвратившись в упомянутый город, я размышлял несколько дней, а затем приступил к сочинению канцоны с этим началом, сложенной так, как будет ясно ниже, когда я приступлю к ее делению. Канцона начинается: «Лишь с дамами».

Лишь с дамами, что разумом любви
Владеют, ныне говорить желаю.
Я сердце этой песней облегдаю.
Как мне восславить имя госпожи?
Амор велит: «Хвалений не прерви!»
Увы! я смелостью не обладаю.

⁷ Гвидо Кавальканти.

Людей влюблять я мог бы — не дерзаю,
Не одолев сомненья рубежи.
Я говорю канцоне: «Расскажи
Не столь возвышенно о несравненной,
Чтоб, устрасясь, ты сделалась презренной,
Но стиль доступный с глубиной свяжи.
Лишь благородным женщинам и девам
Теперь внимать моей любви напевам!
Пред разумом божественным воззвал
Нежданно ангел: «О творец вселенной,
Вот чудо на земле явилось бренной;
Сиянием пронзает небосвод
Душа прекрасной. Чтоб не ощущал
Неполноты твой рай без совершенной,
Внемли святым — да узрят взор блаженной».
Лишь Милосердье защитит наш род.
Ее душа с землею разлучится;
Там некто утерять ее страшится
Среди несовершенства и невзгод.
В аду он скажет, в царстве злорожденных —
Я видел упование блаженных»⁹.
Ее узреть чертог небесный рад.
Ее хвалой хочу я насладиться.
И та, что благородной стать стремится,
Пусть по дорогам следует за ней.
Сердца презренные сжимает хлад.
Все низменное перед ней смутится.
И узревший ее преобразится
Или погибнет для грядущих дней.
Достойный видеть — видит все ясней,
В смирение он обиды забывает.
Ее привет все мысли очищает,
Животворит в сиянии огней.
Так милость бога праведно судила —
Спасется тот, с кем дама говорила.
«Как воссияла эта чистота
И воплотилась в смертное творенье!»
Амор воскликнул в полном изумленье:
«Клянусь, господь в ней новое явил».
Сравнится с ней жемчужина лишь та,
Чей нежный цвет достоин восхищенья.

Она пример для всякого сравненья,
В ее красе — предел природных сил,
В ее очах — сияние светил,
Они незримых духов порождают,
Людские взоры духи поражают,
И все сердца их лик воспламенил.
И на лице ее любовь алеет,
Но пристально смотреть никто не смеет.
Канцона, с дамами заговоришь
Прекрасными, как, верно, ты хотела.
Воспитанная мной, иди же смело
Амора дочь, пребудешь молодой.
И тем скажи, кого ты посетишь:
«Путь укажите мне, чтоб у предела
Стремления хвалить я даму смела».
Незамедляй полет свободный твой,
Где обитает подлый род и злой¹⁰,
Откройся тем, кто чужд забаве праздной,
К ним поспеши дорогой куртуазной.
Тебя немедленно приведут в покой,
Где госпожа твоя и твой вожатый,
Замолвить слово обо мне должна ты».

XXI. После того как в предыдущем стихотворении я говорил об Аморе, я решил восхвалить благороднейшую даму и в словах моих показать, как благодаря ее добродетели пробуждается Amor, и не только там, где он дремлет. Даже там, где нет его в потенции, она, действуя чудесным образом, заставляет его прийти. И тогда я сложил этот сонет, начинающийся: «В ее очах».

В ее очах Амора откровенье.
Преображает всех ее привет.
Там, где проходит, каждый смотрит вслед;
Ее поклон — земным благословенье.
Рождает он в сердцах благоговенье.
Вздыхает грешник, шепчет он обет.
Гордыню, гнев ее изгонит свет;
О дамы, ей мы воздадим хваленье.
Смиренномудрие ее словам

Присуше, и сердца она врачует.
Блажен ее предвозвестивший путь.
Когда же улыбается чуть-чуть,
Не выразить душе. Душа ликует:
Вот чудо новое явилось вам!

..¹¹

XXIII. Случилось по истечении немногих дней, что тело мое было поражено недугом, так что в продолжение девяти дней я испытывал горчайшую муку. Недуг столь ослабил меня, что я должен был лежать, как те, кто не может двигаться. И когда на девятый день моей болезни я ощутил почти нестерпимую боль, во мне возникла мысль о моей даме. И так, думая о ней, я вернулся к мысли о моей немощной жизни, и видя, сколь она недолговечна даже у людей здоровых, я стал оплакивать в душе моей столь печальную участь. Затем умножая вздохи, я произнес про себя: «Неизбежно, что когда-нибудь умрет и благороднейшая Беатриче». И столь великое охватило меня смущение, что я закрыл глаза и начал бредить, как человек, охваченный умопомрачением, и предался всей фантазии. В начале этого заблуждения моей фантазии передо мной явились простоволосые женщины, мне говорящие: «Ты умер». Так начала блуждать фантазия моя, и я не знал, где я находился. И мне казалось, что я вижу женщин со спутанными волосами, рыдающих на многих путях, чудесно скорбных; и мне казалось, что я вижу, как померкло солнце, так что по цвету звезд я мог предположить, что они рыдают. И мне казалось, что летящие в воздухе птицы падают мертвыми и что началось великое землетрясение¹². Страшась и удивляясь, во власти этой фантазии, я вообразил некоего друга, который пришел ко мне и сказал: «Разве ты не знаешь, твоя достойная удивления дама покинула этот век». Тогда я начал плакать, исполненный величайшей горести, и не только в моем воображении, но истинные слезы омывали мои глаза. Затем я вообразил, что следует мне посмотреть на небо, и мне показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались на небо, а перед ними плыло облачко необычайной белизны. Мне казалось, что эти ангелы пели величальную песнь и что я различаю слова их песни: «*Osanna in excelsis*»¹³, и ничего другого я не слышал. Тогда мне показалось, что сердце, в котором заключалась столь великая любовь, сказало мне: «Поистине мертвой покоится наша дама». И после этого мне показалось, что я иду, чтобы увидеть тело, в котором обитала благороднейшая и блаженная душа. Столь сильна была обманчивая фантазия, что

¹³ Слава в вышних (лат.).

она показала мне мою даму мертвой. И мне казалось, что дамы покрывают ее голову белой вуалью; и мне казалось, что на лице ее отобразилось такое смирение, что слышалось — она говорила: «Я вижу начало умиротворения». И в этом мечтании, когда я увидел ее, меня охватило чувство такого смирения, что я призывал Смерть, говоря: «О пресладостная Смерть, приди ко мне, не поступай со мною недостойно, ты должна быть благородна, в таком месте была ты! Приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри — уже ношу твой цвет». Когда же я увидел завершение скорбных обрядов, которые надлежит совершать над телом умерших, мне почудилось, что я возвращаюсь в мою комнату. Там привиделось мне, будто я гляжу на небо. И столь сильно было мое воображение, что истинным своим голосом, плача, я произнес: «О прекраснейшая душа, блажен видевший тебя!» Произнося эти слова скорбным голосом, прерываемым приступами рыданий, я призывал Смерть. Молодая и благородная дама, бывшая у моего ложа, думая, что мои рыдания и мои слова были вызваны лишь моим недугом, также начала плакать. Другие дамы, бывшие в комнате, по ее слезам заметили, что и я плачу. Тогда они удалили молодую даму, связанную со мной ближайшим кровным родством, и подошли ко мне, чтобы меня разбудить, полагая, что я вижу сны. Они сказали мне: «Не спи» и «Не отчаивайся». От этих слов прервалось сильное мое мечтание как раз, когда я хотел воскликнуть: «О, Беатриче, будь благословенна!» И я уже сказал «О, Беатриче», когда, придя в себя, я открыл глаза и увидел, что заблуждался. И хотя я назвал это имя, мой голос был прерван приступом рыданий, так что эти дамы не смогли, как я полагаю, меня понять. Несмотря на мое великое смущение и стыд, по совету Амора, я повернулся к ним. Увидев мое лицо, они сказали сначала: «Он кажется мертвым»; затем, обращаясь друг к другу: «Постараемся утешить его», и произнесли много слов утешения, порою спрашивая меня, чем я был так испуган. Несколько успокоенный, я понял, что был охвачен ложным мечтанием, и ответил им: «Я вам поведаю, что со мной случилось». Тогда — от начала до конца — я рассказал им о том, что видел, скрыв имя благороднейшей. Излечившись от этой болезни, я решился сложить стихи о том, что случилось со мной, ибо я полагал, что тема эта достойна Амора и приятна для слуха; и об этом я сочинил следующую канцону, начинающуюся: «Благожелательная госпожа».

Благожелательная госпожа,
Младая и прекрасная собою,
Случилась там, где смерть я ожидал,
В моих глазах увидела, дрожа,

Отчаянье; от тщетных слов со мною
Заплакала — ей сердце ужас сжал.
И старших дам невольно я призвал.
Ушла, их увещаниям внимая,
Сеньора молодая.
Старались дамы мне вернуть сознание;
Одна — «Оставь мечтанье!»
Другая — «Отчего ты духом пал?»
Владычицы моей, еще рыдая,
Назвал я имя, бред мой покидая.
Столь скорбен и столь тих был голос мой,
Переходящий в шепот заглушенный,
Что в сердце это имя уловил
Лишь я один, измученный мечтой.
И к дамам повернуть мой лик смущенный
Тогда Амор печальный поспешил.
Их бледностью я, верно, поразил,
Казалось, смерти видели явление.
Вновь облачась в смирение,
Меня, склоняясь, дамы утешали
И часто повторяли:
«Что видел ты во сне, лишившись сил?»
Преодолев душевное волнение,
Сказал: «Исполню ваше повеленье».
Когда о брэнной жизни думал я
И видел, как близка моя могила,
Сам бог любви омыл свой лик слезой.
Столь смущена была душа моя,
Что в мыслях так, вздыхая, говорила:
«Покинет дама грешный мир земной».
И мыслию терзаемой одной,
Сомкнул глаза. В неизъяснимой дали
В отчаянье блуждали
Сознания духи. И в воображение,
Прервав уединение,
Обличья скорбных жен передо мной
Вне истины, вне знания предстали.
«И ты, и ты умрешь!» — они зывали.
И страшное увидел я вдали,
Входя все глубже в ложное мечтанье,
Был в месте, чуждом памяти моей.

С распущенными волосами шли
Там дамы, слышалось их причитанье;
Они метали пламя злых скорбей.
Мерцало солнце, мнилось, все слабей,
И звезды плакали у небосклона,
Взойдя из ночи лона.
И птиц летящих поражала смерть,
И задрожала твердь.
Вот некий муж предстал среди теней,
И хриплый голос рек, как отзвук стона:
«Сей скорбный век покинула мадонна».
И очи, увлажненные слезой,
Возвел — казалось, ниспадает манна, —
То возвращались ангелы небес,
И облачко парило над землей;
К нам доносилось райское «Осанна!»
И звук иной в моей душе исчез.
Амор сказал мне: «Горестных чудес
Не скрою. Посмотри, лежит средь зала».
Мадонну показала
Фантазия мне мертвой, бездыханной.
Вот дамы лик желанный
Сокрыли мраком траурных завес.
Она, поправ смиреньем смерти жало,
Казалось, молвит: «Я покой познала».
Я скорбь мою смиреньем одолел,
Смиреномудрия познав начала,
И говорил: «Должно быть, ты нежна,
О смерть, и благороден твой удел;
Сойдя к мадонне, благородной стала,
Не гневаться, но сострадать должна.
Моя душа, желания полна
Твоею стать! Тебя напоминаю.
«Приди» — к тебе зываю!»
И я ушел, душа моя томилась.
В уединенье, мнилось,
Взглянул на небо и сказал средь сна:
«Кто зрит тебя, достоин тот спасенья».
Спасибо вам, прервавшим сновиденья.

XXVI. Благороднейшая дама, о которой говорилось в предыдущих стихотворениях, снискала такое благоволение у всех, что, когда она проходила по улицам, люди бежали отовсюду, чтобы увидеть ее; и тогда чудесная радость переполняла мою грудь. Когда же она была близ кого-либо, столь куртуазным становилось сердце его, что он не смел ни поднять глаз, ни ответить на ее приветствие; об этом многие, испытавшие это, могли бы свидетельствовать тем, кто не поверил бы моим словам. Увенчанная смирением, облаченная в ризы скромности, она проходила, не показывая ни малейших знаков гордыни. Многие говорили, когда она проходила мимо: «Она не женщина, но один из прекраснейших небесных ангелов». А другие говорили: «Это чудо; да будет благословлен господь, творящий необычайное». Я говорю, что столь благородной, столь исполненной всех милостей она была, что на видевших ее нисходили блаженство и радость; все же передать эти чувства они были не в силах. Никто не мог созерцать ее без вздыхания; и ее добродетель имела еще более чудесные воздействия на всех. Размышляя об этом и стремясь продолжить ее хваления, я решился сложить стихи, в которых помог бы понять ее превосходные и чудесные появления, чтобы не только те, которые могут ее видеть при помощи телесного зрения, но также другие узнали о ней все то, что в состоянии выразить слова. Тогда я написал следующий сонет, начинающийся:

Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет
Дрожа, и все покорно ей одной.
Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.
Узрев небесное, благоговеет.
Как перед чудом, этот мир земной.
Для всех взирающих — виденье рая
И сладости источник несравненный.
Тот не поймет, кто сам не испытал.
И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: «Живи, вздыхая!»

То, что рассказывается в этом сонете, столь понятно, что он не нуждается в разделении на части. Оставляя его, я скажу, что моя дама снискала такое благоволение людей, что они не только ее восхваляли и почитали, но благодаря ей были хвалимы и почитаемы всеми многие дамы.

Видя это и стремясь сообщить об этом тем, кто не видел ее своими глазами, я начал складывать благовествующие слова и написал второй сонет, начинающийся: «Постигнет совершенное спасенье»; он повествует о ней и о том, как ее добродетель проявлялась в других, что и станет ясно из его разделений.

Постигнет совершенное спасенье
Тот, кто ее в кругу увидит дам.
Пусть воздадут Творцу благодаренье
Все сопричастные ее путям.
Ты видишь добродетели явленье
В ее красе, и зависть по следам
Мадонны не идет, но восхищенье
Сопутствует ее святым вестям.
Ее смирение мир преобразило.
И похвалу все спутницы приемлют,
Постигнув свет сердечной глубины,
И вспомнив то, что смертных поразило
В ее делах, высоким чувствам внемлют, —
Вдыхать от сладости любви должны.

3.

XXVIII. ...Я только начинал эту канцону и успел закончить лишь вышеприведенную станцу, когда Владыка справедливости призвал благороднейшую даму разделить славу его под знаменем благословенной королевы Девы Марии, чье имя столь превозносилось в словах блаженной Беатриче¹³...

XXXI. Глаза мои изо дня в день проливали слезы и так утомились, что не могли более облегчить мое горе. Тогда я подумал о том, что следовало бы ослабить силу моих страданий и сложить слова, исполненные печали. И я решился написать канцону, в которой, жалуясь, скажу о той, оплакивая которую я истерзал душу. И я начал канцону: «Сердечной скорби...». И чтобы канцона эта, когда она будет закончена, еще более уподобилась неутешной вдовице, я разделю ее прежде, чем запишу; так я буду поступать и впредь.

Я говорю, что несчастная эта канцона имеет три части: первая служит вступлением; во второй я повествую о моей даме; в третьей я говорю, преисполненный сострадания, обращаясь к самой женщине. Вторая часть начинается так: «На небе Беатриче воссияла», третья: «Рыдая, скорбная, иди, канцона». Первая часть делится на три: в первом разделе я объясняю, что побудило меня высказаться; во втором я говорю, к

кому я обращаюсь; в третьем открываю, о ком я хочу поведать. Второй начинается так: «Лишь дамам благородным до разлуки», третий же: «Той, чье сердце благородно». Затем, когда я произношу: «На небе Беатриче», — я говорю о ней в двух частях: сначала я показываю причину, по которой она была взята от нас; затем, как люди оплакивают ее уход; эта часть начинается так: «Покинула». Она делится на три: в первой я говорю о тех, кто о ней не плачет; во второй о тех, кто плачет; в третьей открываю мое внутреннее состояние. Вторая начинается так: «Но тот изнемогает»; третья: «Рыдая, скорбная, иди, канцона», — я обращаюсь к самой канцоне, указывая ей тех дам, к которым я хочу, чтобы она пошла, чтобы остаться вместе с ними.

Сердечной скорби тайные рыдания
Глаза омыли. Жизнь свою казня,
Я слышу только горестные звуки.
И чтоб освободиться от страдания,
Что к смерти медленно влечет меня,
Пусть прозвучит мой голос, полный муки.
Лишь дамам благородным до разлуки
Я рассказал, как даме я служил.
О дамы благородные, я с вами
Не говорил словами
Иными, чем я в честь нее сложил.
Еще промолвлю с влажными глазами:
Рассталась дама с участью земною,
И ныне бог любви скорбит со мною.
На небе слышны ликованья звуки,
Где ангелов невозмутим покой.
И позабыли мы об утешенье.
Не холод был причиною разлуки,
Не пламя — как случилось бы с другой —
Но таково ее благоволение.
Благовествуют кротость и смирение
Ее лучи, пронзив небес кристалл.
И, с удивленьем на нее взирая,
Ее в обитель рая
Владыка вечности к себе призвал,
Любовью совершенною пылая,
Затем, что жизнь так недостойна эта,
Докучная, ее святого света.

Покинуло прекрасное светило
Наш мир, исчезла радость первых дней,
В достойном месте пребывает ныне.
В том сердце каменеет, в том застыло
Все доброе, кто, говоря о ней,
Не плачет в одиночестве пустыни.
Не может сердце, чуждое святыне,
Хоть что-либо о ней вообразить,
Умильным даром слез не обладает.
Но тот изнемогает
В рыданиях, утончая жизни нить,
И утешенья в горести не знает,
Кто видел, как земным она явилась
И как на небесах пресуществилась.

Я изнемог от тяжких воздыханий,
И в отягченной памяти встает
Та, что глубоко сердце поразила
Мое. Я думаю о смерти ранней,
Она одна надежду мне дает,
Она мой бледный лик преобразила.
Когда фантазии жестокой сила
Меня охватывает, мук кольцо
Сжимается, невольно я рыдаю,
Мне близких покидаю,
Стремясь сокрыть смущенное лицо.
И к Беатриче, весь в слезах, взываю:
«Ты умерла? Ты позабыла землю!»
И благостному утешенью внемлю.

И вновь один, оставив все земное,
Источник жизни в сердце я пресек.
Услышавший меня лишь муки множит.
Забыл, мне кажется, я все иное
С тех пор, как дама в обновленный век
Вступила. И никто мне не поможет.
Напрасно, дамы, голос ваш тревожит
Меня. Как странный облик мой возник,
Не ведаю. Живу наполовину
И в лютой муке стыну.
Увидя этот искаженный лик,
Мне каждый скажет: «Я тебя покину!»
И пусть отвержена моя унылость,
Владычицы я ожидаю милость!

Рыдая, скорбная, иди, канцона!
Девиц и дам ты обретишь благих.
Дари сестер твоих
Гармонией, в них радость возбуждай.
А ты, дите певучее печали,
О неутешная, пребудь средь них¹⁴.

КАНЦОНА

Который раз — увь! — припоминаю,
Что не смогу увидеть
Прекрасную. В сердечной глубине
Лишь злую скорбь и горечь ощущаю.
Твержу наедине:
«Ты эту жизнь должна возненавидеть,
Душа, могла бы ты предвидеть
Все треволненья и отсель уйти,
К печальным дням не простирай объятья».
И смерть готов призвать я,
Обитель тихую и цель пути.
«Приди ко мне!» — душа моя взывает,
И тем завидую, кто умирает.
Незримо порождают воздыханья
Рыдающие звуки.
Я Смерти власть, печальный, возлюбил.
Лишь к ней одной летят мои желанья
С тех пор, как поразил
Мадонну гнев ее.
Всю жизнь на муки
Я осужден.
И в горести разлуки
Ее красу не видит смертный взор.
Духовною она красою стала
И в небе воссияла,
И ангелов ее восславил хор.
Там вышних духов разум утонченный
Дивится, совершенством восхищенный.

СОНЕТ

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.

Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.
Не плачете, неведеньем хранимы,
Проходите, все чувства затая,
А всех людей пленила скорбь моя,
Печали их — увь! — неутолимы.
Но если б захотели вы внимать
Тем вздохам сердца, что всечасно внемлю,
Оставили б, рыдая, град скорбей,
Покинуло блаженство эту землю,
Но то, что можем мы о ней сказать,
Источник слез исторгнет из очей.

СОНЕТ

За сферою предельного движенья
Мой вздох летит в сияющий чертог.
И в сердце скорбь любви лелеет бог
Для нового вселенной разуменья.
И, достигая область вожделенья,
Дух пилигрим во славе видеть мог
Покинувшую плен земных тревог,
Достойную похвал и удивленья.
Не понял я, что он тогда сказал,
Столь утонченны, скрытны были речи
В печальном сердце. Помыслы благие
В моей душе скорбящей вызывал.
Но Беатриче — в небесах далече —
Я слышал имя, дамы дорогие.

XLII. После этого сонета явилось мне чудесное виденье, в котором я узрел то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит Тот, кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине¹⁵. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблагенной Беатриче, созерцающей в славе своей лик Того, qui est per omnia saecula benedictus³.

³ Кто благословен во веки веков (лат.).

СТИХОТВОРЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА¹

СОНЕТЫ

ДАНТЕ — К ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ

О если б, Гвидо^а, Лапо^б, ты и я,
 Подвластный скрытому очарованью,
 Уплыли в море так, чтоб по желанью
 Наперекор ветрам неслась ладья,
 Чтобы Фортуна, ревность затая,
 Не помешала светлому свиданью;
 И легкому покорные дыханью
 Любви, узнали б радость бытия.
 И Монну Ладжу^с вместе с Монной Ванной^д
 И той, чье тридцать тайное число^е,
 Любезный маг, склоняясь над волной,
 Заставил говорить лишь об одной
 Любви, чтоб нас течение унесло
 В сиянье дня к земле обетованной.

* * *

Я ухожу. Виновнику разлуки,
 Друзья, извольте оказать почет, —
 Ведь это тот, кто в плен людей берет
 И осуждает ради дам на муки.
 Таится смерть в его упругом луке, —
 Взмолитесь, пусть ко мне он снизойдет,
 Но знайте, убедит его лишь тот,
 Кто, вздыхая, простирает руки.
 Он овладел душой моей и там
 Столь благородный образ воскрешает,
 Что я не властен больше над собой

^а Гвидо Кавальканти — Друг Данте.

^б Лапо — Лапо Джанни, флорентийский нотариус и поэт, современник и друг Данте.

^с Монна Ладжа — возлюбленная Лапо Джанни.

^д Монна Ванна — сокращенно Джованна — избранница Гвидо, воспетая им под условным именем Primavera («Весна»).

^е Та, что значится тридцатой, — одна из шестидесяти прекраснейших флорентийских донн, из имен которых юный Данте сложил сирвенту. Об этом он рассказывает в VI главе «Новой жизни». В этой сирвенте имя Беатриче стояло на девятом месте.

И слышу — голос тихий вопрошает:
«Ужель откажешь собственным глазам
Ты в созерцанье красоты такой?»

БАЛЛАДА

«Красавица молодая, появилась
Здесь для того я, чтобы мог любой
Нездешней насладиться красотой.
Я — дочь небес, и я оттуда вновь
Пролью на мир блаженное сиянье.
Кому при встрече не внушу любовь,
Тому не суждено любви познание.
На то Природы было пожелание,
Чтобы меня Амор, вожатый мой,
Привел во всей красе в предел земной.
Играет звездный благодатный свет
В моих очах; моя краса — чудесна,
И чуда в этом никакого нет,
Затем что красота моя небесна.
И только тот найдет, что я прелестна,
Чьей овладеет бог любви душой,
Пленив ее красавицей другой».
Такие в ангельских чертах слова
Начертаны решительно и ясно.
Я любовался девой, жив едва,
И убоялся смерти не напрасно,
Владыкой ранен, что единовластно
Царит в очах красавицы молодой.
С тех пор и плачу, потеряв покой.

СТАНЦА

Амор замолвит слово
Пусть за меня, кто верен вам давно,
Кому не все равно,
Напомнит ли вам что-то Состраданье.
Надеюсь я, что снова
Увидеться нам с вами суждено,

И это лишь одно
Мне помогло в минуту расставанья.
Недолгим будет это испытанье, —
Желаю верить я.
И вас, любовь моя,
Я вижу мысленно, и расстояние
Не может любящему помешать
К вам, дама благородная, взывать.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ

СОНЕТЫ

ДАНТЕ — К ЧИНО ДА ПИСТОЙЯ'

Затем, что здесь никто достойных слов
О нашем не оценит господине,
Увы, благие мысли на чужбине
Кому поверю, кроме этих строф?
И я молчанье долгое готов
Единственно по той прервать причине,
Что в злой глуши, где пребываю ныне,
Добру никто не предоставит кров.
Ни дамы здесь, отмеченной Амором,
Ни мужа, что из-за него хоть раз
Вздыхал бы: здесь любовь считают вздором.
О Чино, посмотри, с каким укором
Взирает время новое на нас
И на добро глядит недобрым взором.

* * *

Недолго мне слезами разразиться
Теперь, когда на сердце — новый гнет,
Который мне покоя не дает,
Но ты, Господь, не дай слезам пролиться:
Пускай твоя суровая десница
Убийцу справедливости найдет,
Что яд великого тирана пьет,
Который, палача пригрев, стремится

Залить смертельным зельем целый свет;
Молчит, объятый страхом, люд смиренный,
Но ты, любви огонь, небесный свет,
Вели восстать безвинно убиенной,
Подъемли Правду, без которой нет
И быть не может мира во вселенной!

СЕКСТИНА⁴

На склоне дня в великом круге тени¹
Я очутился; побелели холмы²,
Поникли и поблекли всюду травы³.
Мое желанье не вернуло зелень⁴,
Застыло в Пьетре, холодной, словно камень⁵,
Что говорит и чувствует, как дама⁶.
Мне явленная леденеет дама,
Как снег, лежащий под покровом тени.
Весна не приведет в движенье камень,
И разве что согреет солнце холмы,
Чтоб белизна преобразилась в зелень
И снова ожили цветы и травы.
В ее венке блестят цветы и травы,
И ни одна с ней не сравнится дама.
Вот с золотом кудрей смешалась зелень.
Сам бог любви ее коснулся тени.
Меня пленили небольшие холмы,
Меж них я сжат, как известковый камень.
Пред нею меркнет драгоценный камень,
И если ранит, — не излечат травы.
Да, я бежал, минуя доли, холмы,
Чтоб мною не владела эта дама.
От света Пьетры не сокроют тени
Ни гор, ни стен и ни деревьев зелень.
Ее одежды — ярких листьев зелень.
И мог почувствовать бы даже камень
Любовь, что я к ее лелею тени.
О если б на лугу, где мягки травы,
Предстала мне влюбленной эта дама,
О если б нас, замкнув, сокрыли холмы!
Скорее реки потекут на холмы,
Чем загорится, вспыхнет свежесть, зелень
Ее древес; любви не знает дама,
Мне будет вечно ложем жесткий камень,

Ее одежд я не покину тени.
Когда сгущают холмы мрак и тени,
Одежды зелень простирая, дама
Сокроет их, — так камень скроют травы.

ИЗ ТРАКТАТА «ПИР»¹

[ДАНТЕ О СЕБЕ]

...После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, где я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути и в котором я от всего сердца мечтаю, по-хорошему с ней примирившись, успокоить усталый дух и завершить дарованный мне срок — я как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь, показывая против воли рану, нанесенную мне судьбой и столь часто несправедливо вменяемую самому раненому. Поистине, я был ладьей без руля и без ветрил; сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил ее в разные гавани, устья и прибрежные края; и я предстал перед взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином облики. В глазах их не только унизилась моя личность, но и обесценивалось каждое мое творение, как уже созданное, так и будущее. Причины этого, поражающей не только меня, но и других, я и хочу здесь вкратце коснуться... (I, 3).

[ОБ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ]

...Итак, возвращаясь к нашей главной задаче, я утверждаю, что ничего не стоит удостовериться в том, что латинский комментарий был бы благодеянием лишь для немногих, народный же окажет услугу поистине многим...

...Велико должно быть оправдание в том случае, когда на пир со столь изысканными угощениями и со столь почетными гостями подается хлеб из ячменя, а не из пшеницы; требуется также очевидное основание, которое заставило бы человека отказаться от того, что издавна соблюдалось другими, а именно от комментирования на латинском языке...

...Я утверждаю, что самый порядок всего моего оправдания требует, чтобы я показал, что меня на это толкала природная любовь к родной речи; а это и есть третье и последнее основание, которым я руководствовался. Я утверждаю, что природная любовь побуждает любящего:

во-первых, возвеличивать любимое, во-вторых, его ревновать и, в-третьих, его защищать; и нет человека, который не видел бы, что постоянно так и случается. Все эти три побуждения и заставили меня выбрать наш народный язык, который я по причинам, свойственным мне от природы, а также привходящим, люблю и всегда любил...

...Любовь заставила меня также защищать его от многих обвинителей, которые его презируют и восхваляют другие народные языки, в особенности язык «ос»², говоря, что он красивее и лучше, и тем самым отклоняются от истины. Великие достоинства народного языка «си» обнаружатся благодаря настоящему комментарию, где выявится его способность раскрывать, почти как в латинском смысле, самых высоких и самых необычных понятий подобающим, достаточным и изящным образом; эта его способность не могла должным образом проявиться в произведениях, рифмованных вследствие связанных с ними случайных украшений, как-то: рифма, ритм и упорядоченный размер, подобно тому как невозможно должным образом показать красоту женщины, когда красота убранства и нарядов вызывает большее восхищение, чем она сама. Всякий, кто хочет должным образом судить о женщине, пусть смотрит на нее тогда, когда она находится наедине со своей природной красотой, расставшись со всякими случайными украшениями: таков будет и настоящий комментарий, в котором обнаружится плавность слога, свойства построений и сладостные речи, из которых он складывается; и все это будет для внимательного наблюдателя исполнено сладчайшей и самой неотразимой красотой. И так как намерение показать недостатки и злокозненность обвинителя в высшей степени похвально, я, для посрамления тех, кто обвиняет италийское наречие, скажу о том, что побуждает их поступать таким образом, дабы бесчестие их стало более явным... (I, 9, 10).

[О ЧЕТЫРЕХ СМЫСЛАХ]

После вступительного рассуждения в предыдущем трактате мною, распорядителем пира, хлеб мой уже подготовлен достаточно. Вот время зовет и требует, чтобы судно мое покинуло гавань; сему, направив парус разума по ветру моего желания, я выхожу в открытое море с надеждой на легкое плавание и на спасительную и заслуженную пристань в завершение моей трапезы. Однако, чтобы угощение мое принесло больше пользы, я, прежде чем появится первое блюдо, хочу показать, как должно вкушать.

Я говорю, что, согласно сказанному в первой главе, это толкование должно быть и буквальным и аллегорическим. Для уразумения же этого надо знать, что писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах³. Первый называется буквальным (и это тот смысл, который не простирается дальше буквально-го значения вымышленных слов — таковы басни поэтов). Второй называется аллегорическим; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью; так, когда Овидий говорит, что Орфей своей кифарой укрощал зверей⁴ и заставлял деревья и камни к нему приближаться, это означает, что мудрый человек мог бы властью своего голоса укрощать и усмирять жестокие сердца и мог бы подчинять своей воле тех, кто не участвует в жизни науки и искусства; а те, кто не обладает разумной жизнью, подобны камням. В предпоследнем трактате будет показано, почему мудрецы прибегали к этому сокровенному изложению мыслей. Правда, богословы понимают этот смысл иначе, чем поэты; но здесь я намерен следовать обычаю поэтов и понимаю аллегорический смысл согласно тому, как им пользуются поэты.

Третий смысл называется моральным, и это тот смысл, который читатели должны внимательно отыскивать в писаниях на пользу себе и своим ученикам. Такой смысл может быть открыт в Евангелии, например, когда рассказывается о том, как Христос взшел на гору, дабы преобразиться, взяв с собою только трех из двенадцати апостолов, что в моральном смысле может быть понято так: в самых сокровенных делах мы должны иметь лишь немногих свидетелей.

Четвертый смысл называется анагогическим, то есть сверхсмыслом или духовным объяснением писания; он остается (истинным) также и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе... (II, 1).

ТРЕТЬЯ КАНЦОНА

[О БЛАГОРОДСТВЕ]

Стихов любви во мне слабеет сила,
Их звуки забываю
Не потому, что вновь не уповаю
Найти певучий строй,
Но я затем в молчанье пребываю,
Что дама преградила
Мою стезю и строгостью смутила
Язык привычный мой⁵.
Настало время путь избрать иной.

Оставляю стиль и сладостный и новый,
Которым о любви я говорил.
Чтоб я не утаил,
В чем благородства вечные основы,
Пусть будут рифм оковы
Изысканны, отточены, суровы.
Богатство — благородства не причина,
А подлая личина.
Призвав Амора, песню я сложил.
В очах он дамы скрыт; лишь им полна,
В саму себя влюбляется она.
Того, кто правил царством, знаю мненье⁶:
Богатство порождает
Издревле знатность, их сопровождает
Изящных нравов цвет.
Иной же благородство утверждает
Не в добром поведении,
А только в прадедов приобретение —
В нем благородства нет!
Кто злато мерит древностию лет,
Богатство благородством почитая,
Тот заблуждается еще сильнее.
Но в памяти людей
Укоренилась эта мысль простая.
Так ложных мыслей стая
Летит. Себя отменнейшим считая,
Вот некто говорит: «Мой дед был славен,
Кто знатностью мне равен?»
А поглядишь — так нет его подлея,
Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп.

Ошибку императора не скрою:
Неверно, что порода
Важней всего, затем богатство рода
(Так он сказать хотел).
Богатство — благородства не предел,
Не уменьшает и не умножает
Его, затем, что низменно оно.
То примет полотно,
Во что себя художник превращает.
И башню не сгибает

Река, что издалека протекает.
Богатства подлы низкие желанья,
Но где предел стяжання?
Все золотое манит нас руно.
Дух истиннолюбивый и прямой
Все тот же и с мошною и с сумой.
«Не стать мужлану мужем благородным —
Его отец не знатен», —
Твердят всечасно. Этот взгляд превратен.
Вступают люди в спор
Сами с собой, но смысл им не понятен.
Им кажется природным,
Что только время делает свободным
И знатым. Этот вздор
С упрямством защищают до сих пор...

Где добродетель, там и благородство.
(Обратный ход неверен!)
Так, — где звезда, там небо, но безмерен
Без звезд простор небес.

И чтоб никто не смог
Наследным благородством возгордиться
(Как если б воплотиться
Полубожественный в нем дух стремится!) —
Скажу, что благородство нам дарует
Лишь бог, и тот ликует,
Дары приняв, кто низость превозмог,
Но семена бросает божество
Лишь в гармоническое существо...

(Трактат IV)

ПИСЬМО¹

[ФЛОРЕНТИЙСКОМУ ДРУГУ]

Внимательно изучив ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением и с чувством признательности, я с благодарностью душевной понял, как заботитесь вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на ваши

письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу вас тщательно его обдумать и внимательно изучить прежде, чем составить о нем окончательное суждение.

Благодаря письмам вашего и моего племянника и многих друзей, вот что дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигиери приглашает вернуться на родину, после того как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невинность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытывает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы, по примеру Чоло² и других гнусных злодеев, пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытал на себе зло, платил дань, как людям достойным, тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того — обесчещенный в глазах моих сограждан? И, конечно, я не останусь без куска хлеба!

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

«Божественная комедия» (1307—1321) — один из величайших памятников мировой литературы, синтез средневекового мировоззрения и предвестие Возрождения, ярчайшее воплощение «персональной модели» Данте — одной из самых влиятельных в мировой литературе.

Сюжет поэмы развивается в двух планах. Первый — рассказ о путешествии Данте по загробному миру, ведущийся в хронологической последовательности. Этот план позволяет развиваться второму плану повествования — отдельным историям душ тех людей, с которыми встречается поэт.

Данте дал своей поэме название «Комедия» (средневековый смысл этого слова: произведение со счастливым финалом). Название «Божественная комедия» принадлежит Д. Боккаччо, великому итальянскому писателю эпохи Возрождения, первому исследователю творчества Данте. При этом Боккаччо вовсе не имел в виду содержания поэмы, где речь идет о путешествии по загробному миру и лицезрении Бога, «божественная» в его устах означало «прекрасная».

По жанру «Божественная комедия» связана с античной традицией (прежде всего, «Энеидой» Вергилия) и несет в себе черты средневекового жанра видения (ср. с «Видением Тнугдала» в разделе «Латинская литература»).

Черты средневекового мировоззрения обнаруживаются и в композиции «Божественной комедии», в которой велика роль мистических чисел 3, 9, 100 и др. Поэма делится на три кантики (части) — «Ад», «Чистилище», «Рай», в соответствии со средневековыми представлениями об устройстве загробного мира. В каждой кантике по 33 песни, итого вместе со вступительной песнью поэма состоит из 100 песен. Ад подразделяется на 9 кругов в соответствии с тяжестью и характером грехов. На 7 уступах Чистилища (горы на противоположной стороне Земли) наказываются 7 смертных грехов: гордость, зависть, гнев, уныние, корыстолюбие, чревоугодие и блуд (здесь грехи не столь тяжелы, поэтому наказание не вечно). У подножия Чистилища есть его преддверие, а на вершине горы — Земной рай, поэтому снова возникает мистическое число 9. Рай состоит из 9 сфер (Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, звезд, Эмпирея — местопребывания Божественного света).

Число 3 присутствует и в строфике поэмы, которая разбита на терцины — трехстишия с рифмовкой aba bcb cdc ded и т. д. Здесь можно провести параллель с готическим стилем в средневековой архитектуре. В готическом соборе все элементы — архитектурные конструкции, скульптуры, помещенные в нишах, орнамент и т. д. — не существуют отдельно друг от друга, а вместе образуют движение по вертикали снизу вверх. Точно так же терцина оказывается незавершенной без следующей терцины, где нерифмованная вторая строка дважды поддерживается рифмой, зато появляется новая нерифмованная строка, требующая появления следующей терцины.

Учение о четырех смыслах, изложенное Данте в «Пире», применимо к его поэме. Ее буквальный смысл — изображение судеб людей после смерти. Аллегорический смысл заключается в идее возмездия: человек, наделенный свободой воли, будет наказан за совершенные грехи и вознагражден за добродетельную жизнь. Моральный смысл поэмы выражен в стремлении поэта удержать людей от зла и направить их к добру. Анагогический смысл «Божественной комедии», т. е. высший смысл поэмы, заключается для Данте в стремлении воспеть Беатриче и великую силу любви к ней, спасающую его от заблуждений и позволившую написать поэму.

В основе художественного мира и поэтической формы поэмы — аллегоричность и символичность, характерные для средневековой литературы. Пространство в поэме концентрично (состоит из кругов) и в то же время подчинено вертикали, идущей от центра Земли (одновременно центра Вселенной и низшей точки Ада, где наказывается Сатана) в две стороны — к поверхности Земли, где живут люди, и к Чистилищу и Земному раю на обратной стороне Земли, а затем — к сферам Рая вплоть до Эмпирея, местопребывания Бога. Время также двуедино: с одной стороны, оно ограничено весной 1300 г., с другой — в историях душ, находящихся в загробном мире, концентрированно представлены

как античность (от Гомера до Августина), так и все последующие времена вплоть до современности; более того, в поэме есть предсказания будущего. Так, предсказание делает в сфере Марса прапрадед Данте Каччагвида, предрекающий поэту изгнание из Флоренции (тоже ложное предсказание, т. к. поэма писалась уже в изгнании) и будущий триумф поэта. Историзма как принципа в поэме нет. Люди, жившие в разные века, сопоставляются вместе, время исчезает, превращаясь или в точку, или в вечность.

Велика роль «Божественной комедии» в формировании нового взгляда на человека. Путешествующий по загробному миру поэт освобождается от грехов не традиционным церковным путем, не через молитвы, посты и воздержание, а ведомый разумом и высокой любовью. Именно этот путь приводит его к созерцанию Божественного света. Итак, человек не ничтожество, разум и любовь помогают ему достичь Бога, достичь всего. Данте, подводящий итог достижениям средневековой культуры, пришел к ренессансному антропоцентризму (представлению о человеке как центре мироздания), к гуманизму эпохи Возрождения*.

АД^о

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

¹ На полдороге странствий нашей жизни¹
Я заблудился вдруг в лесу дремучем²,
Попытки ж выйти вспять не удались мне.

⁴ О, расскажу ли я о нем, могучем,
О диком лесе, лешей круговерти,
Где бедный ум мой был страхом измучен?

⁷ Такая горечь — вряд ли слаще смерти;
Но через то я к добру приобщился
И мир увидел в небывалом свете.

¹⁰ Не знаю, как в том лесу очутился, —
Во сне ль плутал по его бездорожью,
Когда с пути я истинного сбился, —

¹³ Но близ холма я, подойдя к подножью,
Которым площадь дола ограждалась,
Все с тем же страхом в сердце, с той же дрожью

¹⁶ Воззрился вверх — на небе разгоралась
Звезда, чей яркий луч, во мгле зажженный³,
Весь холм сияньем озарил, казалось.

* Вступ. ст. В.А. Лукова.

^б Поэма представлена здесь в новом силлабическом переводе А. А. Илюшина, воссоздающем стих и стиль оригинала, оцененном у нас (номинация Гос. премии РФ, 1999) и на родине поэта (золотая именная медаль г. Флоренции, 1999).

«Ад» Песнь I (поэт в темном лесу, явление трех зверей, приход Вергилия).
Рисунок итальянского художника XV в. Сандро Боттичели.

- ¹⁹ Тогда страх, не столь уж напряженный,
Ослаб, в сердечной глубине стихая
С исходом ночи, в муках проведенной.
- ²² И как пловец, что, тяжело грудь вздымая,
Из моря вышел и, стоя на бреге,
Глядит назад, где воет буря злая,
- ²⁵ Вот так же дух мой, замедляясь в беге,
Оборотился к пустынному долу,
Где жизнь едва ль не замерла навеки.
- ²⁸ Дав отдых телу, я двинулся в гору,
Давя на землю окрепшей стопой
И твердую в ней чувствуя опору.
- ³¹ Пройдя немного горною тропой,
Вижу: легкая пантера⁴ прыжками,
С пятнистой шкурой, кружит предо мною.
- ³⁴ Пестрая, так и вьется пред глазами.
Путь преграждает — я хотел уж было
Назад вернуться легкими шагами.

- ³⁷ Был ранний час, и солнце восходило,
Сопровождали его те же звезды,
С чьим дивным сонмом сопряглось светило,
- ⁴⁰ Когда любовью этот мир был создан...
Не страшен зверь мне пестрый и нарядный,
И сверх того — как вестник благ осознан
- ⁴³ Рассвета час, столь путнику отрадный.
Но — снова ужас: вижу, возникает
Лев предо мною, злой и беспощадный.
- ⁴⁶ Ко мне вплотную никак подступает...
Взбешенный голодом, взъерошена грива;
Казалось, воздух рыком сотрясает.
- ⁴⁹ За ним волчица, тоща и блудлива;
Чрез ее алчность, которой нет меры,
Жизнь многих стала горька и тосклива.
- ⁵² Так страшен взор был разбойницы серой,
Что, удрученным духом изнемогший,
В то, что взойду, я вмиг лишился веры.
- ⁵⁵ Скупец, всю жизнь над богатствами сохший,
И, как бывает, вдруг расставшись с ними,
Глоток мучений пьет едва ли горший,
- ⁵⁸ Чем я, зверюгой подлою теснимый
И вынужденный отступать бесславно
Туда, где никнет солнца глас гасимый.
- ⁶¹ Я б был низвергнут, силы потеряв, но
Явился некто к моему спасенью,
Немой свидетель сей борьбы неравной⁵.
- ⁶⁴ «О, помоги же мне, внемли моленью, —
Раздался крик мой над долом постылым.
Кем бы ты ни был: человеком, тенью...»
- ⁶⁷ Он отвечал: «Не человек, но был им;
Отец же мой и мать моя — ломбардцы,
Мантую краем звали своим милым.
- ⁷⁰ Рожден sub Julio^a, не пришлось с ним знаться;
Жил в Риме, коим правил добрый Август, —
И лжебогам не мог не поклоняться.

^a Под властью Юлия Цезаря.

- ⁷³ Я был поэтом, воспевавшим благодать
Сына Анхиза^а, что покинул Трою,
Когда сгорела ее величавость.
- ⁷⁶ Почто ж обратной ты спешишь стезею?
Почто вершина сей горы прелестной —
Отрад отрада — презрена тобою?»
- ⁷⁹ «Так ты Вергилий, источник чудесный
Словес, что льются рекою широкой?» —
Стыдась, воззвал я к тени, мне любезной,
- ⁸² «О свет и слава поэтов, премногой
К твоим твореньям проникшись любовью,
Я изучать их честью счел высокой.
- ⁸⁵ Учитель, мастер! Я себя готовлю
К тому, в чем частью преуспел: чтоб стих мой
Твоих стихов был родствен краснословью.
- ⁸⁸ Взгляни: тесним я этою волчихой;
Муж досточтимый, приди на подмогу;
Мне боязно, и трепет не утих мой...»
- ⁹¹ «Ты должен выбрать иную дорогу, —
Он, слезы видя мои, отвечает, —
И к дикому не возвращаться логу.
- ⁹⁴ Зверь, что из уст крик твоих исторгает,
Стал как преграда на этой стезе и
Всех проходящих тут же убивает.
- ⁹⁷ Такой уж нрав: ни хуже нет, ни злее
Ее, томимой ярыми алчбами, —
Чем больше жрет, тем она голоднее...
- ¹⁰⁰ Живет в соитьях с разными зверями,
Многих склонит, но срок беспутств недолог:
Грядый вгрызется Пес^б в нее зубами.
- ¹⁰³ Не хлеб, не злато в сундуках тяжелых —
Но его мудрость, любовь, добродетель
Его всподъемяют чрез Войлок-и-Войлок^г.

^а Сын Анхиза — Эней.

- ¹⁰⁶ Италии он станет благодетель,
Во имя коей погибли Камилла^а,
Турн, Эвриал и Нис^б их сил в расцвете.
- ¹⁰⁹ Из града в град он будет гнать страшило,
Дабы низвергнуть его в бездну Ада,
Откуда зависть его испустила.
- ¹¹² Тебе ж за мною в путь пуститься надо:
В вечное царство тебя поведу я —
Иди ж смелее, заблудшее чад^в!
- ¹¹⁵ Услышишь ты, как вопиют тоскуя
Древние духи, что в беде великой
Громко и тщетно смерть зовут вторую.
- ¹¹⁸ Увидишь ты и огонь алаязыкой,
Где те горят, кто не лишен надежды
Жить в лучшем мире с радостью толикой.
- ¹²¹ Когда же к горним высям возгрядешь ты,
Душа достойней моей тебя примет^с:
Со мной простясь, ты узришь ее вежды.
- ¹²⁴ Творец, чье славить не умел я имя⁹,
Тех не допустит в область благоденства,
Кто был как я, а также тех, кто с ними.
- ¹²⁷ Всем миром правит его совершенство,
Там же, в столице его несказанной
Лишь дети счастья вкушают блаженство».
- ¹³⁰ И я ему: «О поэт увенчанный!
Ради Творца, чьей ты не ведал воли,
От худших зол, из сей глуши туманной,
- ¹³³ Веди меня ко граду вечной боли.
Сподобь стоять у врат Петра святого;
Спешим от этих пустынных юдолий!»
- ¹³⁶ Он двинулся, я вслед, на все готовый.

^а Камилла — дева-вонительница, павшая в битве с завоевателями Италии.

^б Турн, Эвриал и Нис — персонажи «Энеиды» Вергилия.

^с Беатриче — небожительница, возлюбленная Данте.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- ¹ День уходил, и воздух потемневший
Труждающимся сулил отдых сладкий
От их забот; и я лишь, сон презревший,
⁴ Себя готовил к предстоящей схватке
С превратностями тягостной дороги
(Храни их, память, в выпренном порядке!).
⁷ О Музы! Вверю вам свои тревоги;
О разум, в строки рукописи вжатый,
Созидь сей очерк в надлежащем слоге!¹⁰

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- ¹ «Войдите мною в скорбный град мучений,
Войдите мною слиться с вечной болью,
Войдите мною к сонмам падших теней.
⁴ Прав мой создатель, движимый судьбою.
Я сотворен был силой всемогущей,
Мудростью высшей и первой любовью.
⁷ Древней я всякой твари, в мире сущей,
Кроме лишь вечной, и пребуду вечен.
Оставь надежду, чрез меня идущий».
¹⁰ Письмен сих чернью вход туда отмечен;
Я, не поняв их, в смуте и тревоге!¹¹
Сказал: «Учитель, страх мой бесконечен».
¹³ И он, наставник прозорливый, строгий:
«Здесь ты оставишь все свои сомненья,
Здесь ты подавишь трепет свой убогий.
¹⁶ Мы посетим, я говорю, селенья,
Где ты увидишь несчастных страдальцев,
Навек лишенных блага разума».
¹⁹ И, сжав мне руку кончиками пальцев,
С лицом веселым, бодрость мне дарящим,
Меня ввел к скопу бессрочных стояльцев...
²² Вздохам и плачу, возгласам скорбящим,
Что весь беззвездный эфир оглашали,
Ответствовал я рыданьем стенящим.

- ²⁵ Разноязыким был гомон печали,
Ужаса, боли, ярости безмерной:
Хрипы и всхлипы так и клекотали,
- ²⁸ Носясь кругами в полумгле пещерной:
Словно песчинки в воздухе несутся,
Когда взметет их ураган неверный.
- ³¹ В испуге я, не смея шевельнуться,
Спросил: «Учитель, кто это такие?
Каким страданьем так тяжело гнетутся?»
- ³⁴ И он мне: «То ни добрые, ни злые —
Жалкие души; ни хвалы, ни брани
Не заслужили их дела земные.
- ³⁷ Они — в едином с ангелами стане,
С теми, что Богу не были полезны,
Хоть и не смели поддержать восстанье...
- ⁴⁰ И не приемлет их приют небесный,
И отвергают их, брезгуя ими,
Мрачного Ада глубокие бездны»¹².
- ⁴³ И я: «Учитель, горькими такими
Почто слезами страдальцы исходят?»
Ответ — словами краткими, простыми:
- ⁴⁶ «Желая смерти, ее не находят,
И бременит их жизнь сия тягчайше,
И скорби, коих горше нет, изводят.
- ⁴⁹ Не помнит мир их дел, их лжи и фальши;
Нет милосердия к ним, нет правосудья:
Что рассуждать о них — взглянул — и дальше».
- ⁵² И стало видно, лишь посмел взглянуть я, —
Летят по кругу, воздух рассекая,
Чудовищного знамени лоскутья.
- ⁵⁵ А вслед за ними толпа — и такая,
Что диву дашься, глядя на спешащих:
Ужель сразила столькох смерть лихая?

- ⁵⁸ Я кой-кого из сих узнал скорбящих¹³;
Средь них и тот, кто отрекся позорно
От высших целей, благ непреходящих¹⁴.
- ⁶¹ И мне понятно стало, что, бесспорно,
Как богу, так и недругам святыни
Противна сущность этой секты вздорной.
- ⁶⁴ Мертвы при жизни — и казнимы ныне:
Слепни кусают их и жалят осы —
Жалкой ватаги злобные врагини;
- ⁶⁷ Бегут в смятеньи, и наги и босы,
Кровь с них стекает вкупе со слезами,
Ее ж глотают черви-кровососы.
- ⁷⁰ А дальше, вижу своими глазами —
Великий скоп на берегу потока;
Я рек: «Учитель, какими судьбами
- ⁷³ Здесь эти люди и в чем подоплека
Того, что сонм их тесним неуклонно
К реке, столь смутно видной издалека?»
- ⁷⁶ И он: «Узнаешь о том беспрепонно,
Когда мы, к верной устремленны цели,
Вступим на грустный берег Ахерона».
- ⁷⁹ Глаза потупив — стыдно, в самом деле,
Просить так часто всему объяснений, —
Я шел к реке; мы вовремя успели:
- ⁸² Встречь нам, на лодке, средь своих владений
Плыл грозный старец, был он сед и древен,
Кричал: «Будь проклят, сброд преступных теней!
- ⁸⁵ Клянет вас небо, ваш удел плачевен:
К вечному мраку, к холоду и зною
Вас на тот берег увезу я, гневен.
- ⁸⁸ А ты, живой и телом и душою, —
Зачем стоишь здесь, коли ты не мертвый?»
Я был недвижим. Он, тряся брадою:
- ⁹¹ «А ну, давай-ка отсюда поверт(ы)вай!
Найди полегче лодку, и гляди же
Ко мне не суйся, раз конец не скор твой!»

- ⁹⁴ Ему же вождь мой: «Эй, Харон, потише!
То воля тех, кто там, кому открыты
Пути исполнить волю. Так молчи же!»
- ⁹⁷ Сразу застыли шерстисты ланиты
У лодочника сих болот свинцовых;
Огонь глаз, вращаясь, прыскал сквозь орбиты.
- ¹⁰⁰ А мертвецы от слов его суровых
Еще бледнее и страшнее стали,
И раздавался частый лязг зубов их.
- ¹⁰³ Бога и предков своих проклинали,
Весь род людской, день своего рожденья,
Те силы, что им жизнь земную дали.
- ¹⁰⁶ Потом собрались все без исключения,
Громко рыдая возле вод загробных,
Сужденных тем, кто не чтит Провиденья.
- ¹⁰⁹ Харон, бес, блеском глаз углеподобных
И окриками их сзывает властно,
Веслом тяжелым бьет нерасторопных.
- ¹¹² И будто листья осенью ненастной
С дерев слетают в грязь и в лужи прямо, —
Своей навстречу участи злосчастной
- ¹¹⁵ Стремится семя дурное Адама,
Как в сеть приманкой завлеченна птица,
К Харону в лодку, чтоб усесться тамо.
- ¹¹⁸ Средь мрачных волн сей струг унылый мчится,
И не успел свой путь закончить водный —
Уж новых ждущих сонм опять толпится...
- ¹²¹ «Мой сын, — сказал мне вождь мой благородный, —
Все мертвецы, что прогневили Бога,
Сюда влекутся, в сей край безысходный.
- ¹²⁴ И их торопит, манит их дорога;
В том — высший промысл, что в пучину страха
Их гонит смута, толкает тревога.
- ¹²⁷ И нет здесь душ, что созданы для блага, —
Вот почему так Харон и взъярился,
Тебя увидев в сей области мрака».

- ¹³⁰ Едва он кончил, грохот прокатился
Над темной степью, простор сотрясая;
Холодным потом мой лоб увлажнился.
- ¹³³ Дул ветер, землю скорби овевая;
Багровый пламень, вдруг над ней возжженный,
Слепил мне очи, чувств меня лишая;
- ¹³⁶ И пал я ниц, как тяжким сном сраженный.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Мой сон глубокий вскоре был нарушен
Тяжелым гулом; с трудом я очнулся,
Как человек, что насильно разбужен.
- ⁴ Встав на ноги, всем телом вострепнулся
И, чтоб припомнить, что со мной и где я,
По сторонам не медля оглянулся.
- ⁷ Стояли мы, и возле нас, чернея.
Зияла пропасть; из глубин крошечных
К нам неся гул — все громче, все слышнее.
- ¹⁰ Что там творилось, в этих мглах безбрежных, —
Понять пытаюсь, взоры напрягая,
В усилиях я бился безуспешных.
- ¹³ «Мира слепого бездна роковая... —
Начал поэт и стал смертельно бледен, —
Иду туда. Ты ж — вслед, за мной шагая...»
- ¹⁶ Но видел я, что лик его бесцветен,
И рек: «Ну как же пойду за тобою,
Коль мне испуг твой внезапный заметен?»
- ¹⁹ И он: «Печали моей я не скрою
О людях, коих мы вскоре увидим.
Не страх, не думай, скорбь владеет мною.
- ²² Идем, наш долог путь; в круг первый внидем». —
...Так мы сходили в чернь отверзтой бездны,
Чей первый пояс мне пока невидим...
- ²⁵ Не плач, не стон, — там вздох царил бесслезный,
Рождая трепет в извечном эфире,
В разлитой всюду темноте беззвездной.

- ²⁸ Скорбью безбольной страждут в этом мире
Женщины, дети — с мужчинами вместе,
Их тьмы и тьмы, их круг всех сборищ шире...¹⁵
- ³¹ Добрый учитель мне: «Не ждешь известий
О том, какие здесь витают духи?
Узнай же, прежде чем уйти: к их чести,
- ³⁴ Они безгрешны: но не впрок заслуги,
Коль их стяжавший не был окрещенным:
Чуждым сей веры место в первом круге.
- ³⁷ Им, до Христова Рождества рожденным,
Знать не дано, как должно славить Бога.
И я таким же был непосвященным.
- ⁴⁰ Не за иное наказаны строго,
А лишь за это; вопреки желаньям,
Томимся в Лимбе вечною тревогой».
- ⁴³ Стеснилось сердце мое состраданьем:
Славные люди в горести прискорбной
Обречены здесь тяжким воздыханьям...
- .
- ⁶⁷ Недалеко от места отошли мы,
Где спал я, и вдруг зрю: пылает пламя,
И отступает мрак, светом теснимый.
- ⁷⁰ Издалека сей свет чуть виден нами,
Но ясно: место, где мерцают блики,
Занято было славными мужами.
- ⁷³ «О светоч знаний и искусств великий!
Каких, поведай, мастеров маститых
Обращены к нам почтенных лики?»
- ⁷⁶ И он: «Мужей ряд видишь именитых,
Чьей звонкой славы столп вознесся, пышен,
Угодных небу, в мире знаменитых».
- ⁷⁹ Тут некий голос мною был услышан:
«Отдайте почесть лучшему поэту,
Чей дух из мрака к нам грядет, возвышен».
- ⁸² И разглядел я, речь услышав эту:
Четыре тени шествуют степенно,
Сближаясь с нами, направляясь к свету.

- ⁸⁵ Добрый учитель молвил вдохновенно:
«С мечом в руке, из мглистого тумана
Выходит тот, чье имя ввек священно:
- ⁸⁸ Гомер великий, вождь поэтов стана;
За ним Гораций, изощрен в сатире,
Дальше Овидий, впереди Лукана^а.
- ⁹¹ Я связан с ними, их собрат по лире,
И справедливо звучали глаголы,
Почтив хвалою славнейшего в мире^б».
- ⁹⁴ Так, видел я цвет величавой школы.
Творца высоких, дивных песнопений,
Чей несея орлий лет с небес на долы.
- ⁹⁷ Вот поравнялся с нами ряд их теней,
Приблизились ко мне они с приветом,
И улыбнулся мне мой вождь и гений.
- ¹⁰⁰ Я удостоен чести был — к поэтам
Примкнуть, в едином с ними ставши строе,—
И стал шестым я в сообществе этом.
- ¹⁰³ Так шли мы к свету, говоря в покое
Про то, о чем бы молчать надлежало,
Когда б от нас не отошло земное...

ПЕСНЬ ПЯТАЯ¹⁶

- ²⁵ ...Вот слышу, как из скорбных душ излиты,
Несутся пени; вот в предел вступил я,
Где стонут тени, ввек слезами сыты.
- ²⁸ Лучей здесь тщетны зазвучать усилья,
И рокот глух — так воеет хлябь морская
При встречных вихрях, враз скрестивших крылья.
- ³¹ То ветер адский, покоя не зная,
Уносит души страдальцев несчастных,
Их в затемненном пространстве вращая.

^а Лукан — римский поэт I в. н. э.

^б Славнейший в мире — Гомер.

- ³⁴ Летя по кругу в мученьях ужасных,
Они скрежещут, и плачут, и стонут,
В угрозах Богу исходят напрасных.
- ³⁷ В пучине скорби за то они тонут,
Что отдались во власть соблазнам плоти,
Влекшим их разум в грехоблудный омут.
- ⁴⁰ И как скворцов, чуть видимых в полете,
Хлад гонит к югу стаями большими,
Так сих дурных я зрел, теряясь в счете:
- ⁴³ Вверху, внизу, и здесь, и там — что с ними?
И нет надежды им на облегченье,—
Чтоб муки были не такими злыми...
- ⁴⁶ Как журавли, чье так тоскливо пенье,
Когда несутся в поднебесьи клином,
Они стонали в горестном томленьи,
- ⁴⁹ С тем же надрывом — грустным, журавлиным.
Я рек: «Учитель, кто они такие,
Томящиеся в воздухе пустынном?»
- ⁵² «Из них одна — ты такую впервые
Узнаешь здесь,— ответил он солидно,—
Много племен пред ней склоняли выи;
- ⁵⁵ Распутничала так она бесстыдно,
Что блуд был признан всеобщим законом,
Чтоб выглядеть не так неблагоприятно:
- ⁵⁸ Семирамида^a! Ей мужем законным
Был Нин, который край жене оставил,
Что стал Султану краем покоренным.
- ⁶¹ Вот та, чьи дни пыл любовный убавил,—
Была неверной мертвому Сихею^b;
Вот Клеопатра^c, блудшая без правил.

^a *Семирамида* — легендарная царица Вавилона, кровосмесительница.

^b Речь идет о Дидоне (воспетой в «Энеиде»), супруге Сихея.

^c Царица Египта, прославившаяся своим распутством.

- ⁶⁴ Елену^а видишь — много было с нею
Хлопот и тягот, и видишь Ахилла,
Что пал, любовью поражен своею»¹⁷.
- ⁶⁷ И так о многих поведано было
Горестных духах, которым когда-то
Любовь земная жизни погубила,
- ⁷⁰ Сколько имен мне назвал мой вожатый
Донн, кавалеров, скорбями томимых, —
Дрогнуло сердце, состраданьем сжато.
- ⁷³ Я рек: «Поэт мой, средь сонма теснимых
Порасспросить бы двух, летящих рядом,
Порывом ветра легко уносимых»¹⁸.
- ⁷⁶ И он мне: «Ты за ними следуй взглядом;
Как будут ближе, обратись к ним с речью,
Любви вызывая к мукам и отрадам».
- ⁷⁹ Ветер ускорил нашу с ними встречу,
И я воззвал: «О души удрученны,
Что пало вам на долю человечью?»
- ⁸² Как голубочки, зовом привлеченны
Гнезда родного, крылышки расправив,
Летят в свой сладкий приют незабвенный,
- ⁸⁵ Так эти, свиту Дидоны оставив,
К нам устремились на глас мой зовущий,
Мою к ним нежность охотно восславив:
- ⁸⁸ «О благодушный, ласковый живущий,
Ты, снизошедший к томящимся духам,
К нам, обогрившим землю кровью жгучей!
- ⁹¹ Если б вселенной царь был нашим другом,
Ему б молились о твоём покое
За состраданье твое к нашим мукам.
- ⁹⁴ Вещать и слушать нам отрадней вдвое,
Коль просите об этом разговоре,
И смолкло бури завыванье злое.

^а Елена («Прекрасная») была неверна своему мужу, из-за чего началась Троянская война.

- ⁹⁷ Я родилась близ берегов, где в море
С семьей притоков быстрых По впадает,
Стремясь в бескрайнем исчезнуть просторе.
- ¹⁰⁰ Любовь внезапно сердце опалает:
Его пленило прекрасное тело,
Что, в прах повергшись, ныне истлевает.
- ¹⁰³ Любовь любимой возлюбить велела:
Меня пленил он так сильно, что верьте:
К нему я до сих пор не охладела.
- ¹⁰⁶ Любовь к единой привела нас смерти,
Каина^a примет нашего злодея», —
Так говорили духи с нами эти.
- ¹⁰⁹ О скорбных тенях горько сожалел,
Я голову на грудь склонил невольно.
Поэт спросил: «Ты что?» (был как во сне я).
- ¹¹² Я отвечал: «О, как же это больно!
Какой восторг — сколь сладких упований —
Их влек в пучину бедствий своевольно!»
- ¹¹⁵ И, ожидая жалобных признаний,
Сказал: «Франческа, лью с тобою слезы,
Твоих внимая повести страданий.
- ¹¹⁸ Скажи мне, в пору сладостнейшей грезы,
Овеянную негой и любовью,
Тайных страстей вам кто внушил наркозы?»
- ¹²¹ И мне она: «Тот горшей страдает болью,
Кто вспоминает о времени дивном
В несчастьи, — как вождь, что здесь с тобою.
- ¹²⁴ Кто разбудил нас, впервые открыв нам
Зов страсти нежной, — хочешь знать его ты?
Ответ мой будет стоном заунывным.
- ¹²⁷ Как-то читали вместе анекдоты
О Ланчелоте^b, одержимом страстью:
Наедине, без страха, без заботы...

^a *Кайна* (от имени братоубийцы Каина) — участок Ада, где казнятся убийцы и предатели своих родственников.

^b *Ланчелот* — рыцарь короля Артура и любовник его жены.

- ¹³⁰ Тогда не знали — к счастью иль к несчастью
Встречались наши взоры; мы бледнели...
Не устоять пред сладостной напастью:
- ¹³³ Едва мы с ним о том прочесть успели,
Как поцелуем круг любви сомкнулся,
Тот, с кем доныне в этом я пределе,
- ¹³⁶ Дрожа, устами уст моих коснулся.
И Галеотом^а книга эта стала:
В тот день никто из нас к ней не вернулся».
- ¹³⁹ Пока одна тень все это вещала,
Навзрыд другая плакала. Лишенный
Всех сил — настолько душа сострадала, —
- ¹⁴² Упал я навзничь, как смертью сраженный.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ⁹

- ²² ...«Тосканец, градом пламени грядущий,
Живой, в реченьях сдержанный пристойно,
Здесь шаг замедли, вдаль тебя несущий.
- ²⁵ Звучит твой говор над пучиной знойной,
Как эхо славной родины, что мною
Ввергалась в вихри смуты беспокойной».
- ²⁸ Внезапно речью грянула такую
Одна из рак, и, вздрогнув, я прижался
К вождю, затем что оробел, не скрою.
- ³¹ И он сказал мне: «Что ж ты испугался?
То Фарината^б; видишь, он, вставая,
Уже по пояс над ракой поднялся»,
- ³⁴ Я так и замер, взор в него вперяя,
А он чело и грудь вздымал надменно,
Казалось, бездну Ада презирая.

^а Галеот — «сводник», помогавший Ланчелоту встречаться с королевой, женой Артура.

^б Фарината дельи Уберти — знаменитый полководец XIII в., политический противник предков Данте.

- ³⁷ Меня повел мой вождь непринужденно
К нему, минуя могилы другие,
Сказав: «Беседуй ты с ним откровенно».
- ⁴⁰ И тут, взглянувши на меня впервые,
Вопрос из гроба он небрежно кинул:
«А твои предки — кто были такие?»²⁰
- ⁴³ Я, отвечая, истины не минул,
Все рассказал и стремился быть точным.
Он выслушал и брови молча сдвинул.
- ⁴⁶ Потом: «Род этот был вредить охоч нам —
Мне и собратьям моим, и двукратно
Сражен напором был он нашим мощным».
- ⁴⁹ «Но удавалось изгнанным обратно, —
Я рек, — вернуться; и дважды, не мене.
Вот вашим хуже — счастье превратно»²¹.
- ⁵² И тут — соседней явление тени
Рядом из раки глава появилась,
Владелец коей привстал на колени^a.
- ⁵⁵ Он осмотрелся — так, как если б, мнилось,
Хотел увидеть кого-то со мною;
Когда ж надежда на это разбилась,
- ⁵⁸ Рыдая, молвил: «Коль с этой слепую
Тюрьмой тебя свел твой высокий разум,
Скажи, где сын мой? Почто не с тобою?»^b
- ⁶¹ И я ему: «Я здесь, ведом наказом
Того, чей промысл выше разуменья,
Но вашим Гвидо был отвергнут разом».
- ⁶⁴ Его слова, да и способ мученья
Сказали, кто он, что ждет ответа,
И я ответил враз, без промедленья.
- ⁶⁷ Он привскочил и вскричал; «Как же это?
Он был отвергнут? Нет в живых родного?
Глаза не видят сладостного света?»^c

^a Это Кавальканте Кавальканти, философ, отец поэта Гвидо Кавальканти.

^b Гвидо был другом Данте.

^c Кавальканте ошибочно заключил из слов Данте, что Гвидо мертв и душа его отвергнута Богом.

«Ад». Песнь X (в середине — Данте с Фаринатой и Кавальканте Кавальканти; слева — Данте удаляется в печали). Рисунок Сандро Боттичели.

- ⁷⁰ И не успел я вымолвить ни слова,
Как бы запнувшись прежде чем ответить, —
Упал он вниз — и не возник уж снова.
- ⁷³ Но тот, другой, тот гордец^а, кого встретить
Пришлось мне раньше, стоял, возвышаясь,
Все в той же позе, как я мог заметить.
- ⁷⁶ И рек он, к прежней теме возвращаясь:
«Мыслью, что нашим изменило счастье²²,
Хуже, чем мукой здешнею, терзаюсь.
- ⁷⁹ Но не успеет та, под чьей мы властью,
Полсотни раз свой лик возжечь державный²³, —
Ты сам подавлен будешь злой напастью.
- ⁸² Тебе желаю в мир вернуться славный...
Скажи: за что всем моим это горе —
Гнетет их днесь ваш закон своенравный?»

^а Фарината.

- ⁸⁵ И я: «На память о кровавом споре,
Арбию, как ты знаешь, обагрившем, —
Так молимся мы у себя в соборе».
- ⁸⁸ И он со вздохом, унынье явившим:
«Я не один там был, и не напрасно
Пришлось сражаться всем другим, там бывшим.
- ⁹¹ Но я один был, когда ежечасно
Могли Флоренцию превратить в обломки,
И защитил я город в миг опасный»²⁴.
- ⁹⁴ «О, если б ваши мир нашли потомки! —
Воскликнул я, — но, молю вас, снимите
Опутавшие разум мой постромки.
- ⁹⁷ Вы прозорливо в грядущее зрите —
Лишь нынешнее — то, к чему близки мы, —
Рисуется вам в искаженном виде».
- ¹⁰⁰ «Мы, прозорливцы, только вдаль стремимы, —
Сказал он мне, — лишь отдаленным светом
Нам светит в очи наш вождь многотимый»²⁵.
- ¹⁰³ А то, что рядом, что близко, — об этом
Не нам судить; и как вам там живется —
То представляем по чужим наветам.
- ¹⁰⁶ Итак, понятно, что сгинет, умрет все
Знание наше в тот миг предреченный,
Как в будущее дверь навек замкнется».
- ¹⁰⁹ Уколот чувством вины сокровенной,
Я рек: «Скажите упавшему рядом^а —
Жив его сын, жив его незабвенный.
- ¹¹² Молчал про то, что стало с его чадом,
Я потому лишь, что постигнуть тщился
То, что постиг я днесь духовным взглядом».
- ¹¹⁵ Учитель рек, чтоб я поторопился.
Прощаясь с духом, я просил, чтоб он мне
Назвал бы тех, с кем рядом он томился.

^а Упавший — Кавальканте.

- ¹¹⁸ И он: «Их больше тыщи; в этом сонме
Тень Федерико второго сокрыта^a,
И кардинала...^b Остальных не вспомню».
- ¹²¹ Засим исчез. А древний мой пиита,
К кому шаги я обратил в тревоге,
Чуял, что смутой мысль моя повита.
- ¹²⁴ Пошли мы вместе дальше по дороге,
И он спросил: «Ну что ты так потерян?»
Я объяснил. Мне мой наставник строгий:
- ¹²⁷ «Об этом помни! Но и будь уверен, —
Он поднял палец в раздумье глубоком —
Точнее будет жребий твой измерен
- ¹³⁰ В сладчайшем свете всеведущим оком
Той, от кого ты узнаешь наверно
Свой путь земной, что предначертан роком»^c.
- ¹³³ Он взял левее; мы шагали мерно
Вдаль от стены, вниз, круга к середине,
И чувствовалось — пахло смрадно, скверно
- ¹³⁶ Там, куда шли мы, — в мрачной котловине.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ²⁸

- ⁴³ Я рек: «Учитель! — Ты, непобедимым
Прошедший весь путь, подступ исключая
К вратам железным, бесами хранимым^d, —
- ⁴⁶ Кто сей огромный^e, что, пренебрегая
Жаром, лежит, столь мрачный и столь гордый;
Под сим дождем не стонет размякая?»

^a Император *Фридрих II* (XIII в.) — обвинялся в эпикурействе и еретичестве.

^b Кардинал *Оттавиано дельи Убальдини* — безбожник и эпикуреец.

^c Речь идет о Беатриче, от которой Данте узнает о себе больше, нежели со слов Фаринаты.

^d Данте имеет в виду, что бесстрашный Вергилий все-таки один раз растерялся в трудный момент путешествия по Аду.

^e Безбожник *Капаней*, один из семи царей, воевавших с Фивами.

- ⁴⁹ А он, в упорстве нерушимо твердый,
Вопрос поняв мой, прокричал задорно:
«Как жил, таким я и пребуду мертвый.
- ⁵² Зевсов кузнец пусть потеет у горна,
Выделявая стрелы громовые —
Разить меня, как было встарь, упорно;
- ⁵⁵ И пусть потеют мастера другие
На Монджибелло в кузнице померклой
Под крик: "Вулка-ан! Помоги-моги-и!",
- ⁵⁸ Как это было в оны дни над Флегрой^{*}, —
Меня не сломит полновластный мститель,
Сколь ни кидайся он лавой изверглой».
- ⁶¹ Тогда воскликнул страстно мой учитель,
Так громко, как я не слышал доньше:
«О Капаней, ты сам себе мучитель,
- ⁶⁴ Ты непомерной исполнен гордыни,
Нет тебе пытки злей и непристойней,
Чем твоя ярость, — нет такой в помине».
- ⁶⁷ И, повернувшись ко мне, поспокойней
Промолвил: «Был из тех семи царей он,
Что Фивам древле угрожали бойней;
- ⁷⁰ Презирав Бога равно как теперь он;
Сказал ему я, что блюдет он строго
Себя: все так же, мол, высокомерен.
- ⁷³ Иди за мною, старайся дорогой
В песок горячий не ступить ногою,
Держись близ леса — избежишь ожога».

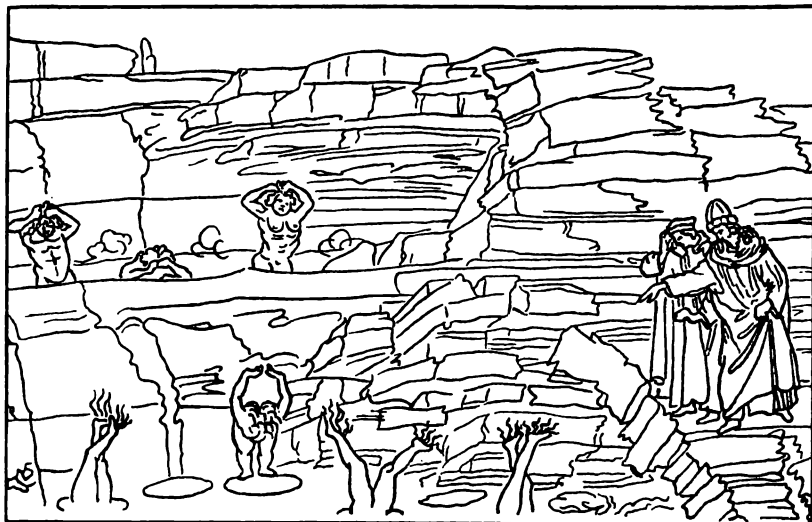
· ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ⁷

- ¹ О Симон маг, о те, что заодно с ним!
Божьи деянья, чистоту святую
Своекорыстьем оскверняя злостным,

^{*} *Монджибелло* — Этна. Зевс взывает к Вулкану (Гефесту), кузнецу-оружейнику, чья помощь была нужна в борьбе с восставшими титанами (Флегра — долина Фессалии) и нужна сейчас, чтобы низвергать стрелы-молнии на строптивого Капанея.

- ⁴ Сребро ль несли вы? Монету златую?
Да грянет трубный глас вам поношенье,
В пазуху третью падшие клятую!
- ⁷ Еще одно под нами углубленье:
Такой же ров, над ним дуга такая ж,
И мы над ней, на самом возвышеньи.
- ¹⁰ О высший разум, как ты проникаешь
В небо, и в землю, и в мир нечестивый,
И как всеблагодать свою проявляешь!..
- ¹³ И дно у рва и берега размыты,
Одеты камнем, дырами пестрели
Вместимостью — коль видеть их могли вы —
- ¹⁶ Как круглые и крупные купели,
Те, что в прекрасном моем Сан-Джованни^{*}
Многим крестимым послужить успели.
- ¹⁹ Одну из них разбил я в год недавний,
Когда тонул в ней тот, кого крестили, —²⁸
Вот документ, мне в оправданье данный.
- ²² Из этих скважин торчащие были
Грешников ноги видны вверх ступнями,
И вглубь тела их, в камень уходили.
- ²⁵ Над каждой пяткой трепыхалось пламя;
Суставы резко дергались: ремни бы
Порвались, если б их стянуть узлами.
- ²⁶ Как если б маслом намазать что-либо
И подпалить лишь, напроць не сжигая, —
Так огонь скользил от пят до пальцев сгиба.
- ³¹ «Кто сей, — спросил я, — кручина какая
Его корежит больше всех жегомых,
И пляшет алый огонь, его кусая?»
- ³⁴ И вождь: «Не стоит допускать нам промах;
Давай спущу я тебя к нему ближе —
Ответит сам, за что в таких он жомах».

^{*} Флорентийская крестильня.

«Ад». Песнь XIX. Рисунок Сандро Боттичели (фрагмент).

- ³⁷ И я: «То благо для меня — ведь ты же
Сам того хочешь, вождь, в решеньях твердый;
Коль склонен ты, то я склоняюсь ниже».
- ⁴⁰ Пошли мы влево по дамбе четвертой
И одолели трудный спуск к ложбине,
В ров дырчатый и тяжким камнем спертый.
- ⁴³ Вождь, пекшись обо мне, словно о сыне,
Меня пустил, чуть только подошли мы
К тому, ногами слезному, мужчине.
- ⁴⁶ «О, кто бы ни был ты, вот так казнимый,
Вбитый, как свая, вниз главою в землю²⁹,
Откликнись, если можешь, дух язвимый!» —
- ⁴⁹ Сказал ему и, что ответит, внемлю,
Как исповедник, преданного казни
Предгибельную исповедь приемлю.
- ⁵² Его ответ был всего несуразней:
«Ты здесь, ты здесь? До срока, Бонифаций?
А что же книга, обманула разве?

- ⁵⁵ Иль, пресыщенный, ты решил расстаться
С прекрасной донной, обманом добившись
Ее и много заставив терзаться?»^a
- ⁵⁸ Тому подобно я стоял, смутившись,
Кто ничего не понял из ответа
И поневоле молчит, устыдившись.
- ⁶¹ Вергилий мне: «А ты скажи на это:
«Не тот, не тот я, чье имя ты крикнул!»»
И я ответил словами поэта,
- ⁶⁴ Неугомонный дух ногами дрыгнул
И вздохнул, и, право, чуть не плача
Сказал: «Зачем же ты меня окликнул?
- ⁶⁷ Если ж узнать, кто я, — твоя задача,
И ты за этим шел тропой тревожной,
Знай: в пышной ризе, в мире много знача,
- ⁷⁰ Медведицы был сын я — то не ложно!
Алчен: да будут в силе медвежата^b!
Ныне сам втиснут в кошель безнадежно...
- ⁷³ Под головою моей в камень вжата
Тьма святокупцев, предтеч моих жадных,
Симонианцев, стяжателей злата.
- ⁷⁶ Туда ж сокроюсь от огней нещадных,
Чуть меня сменит здесь тот, кого жду я
(Думал — дождался) в муках безотрадных.
- ⁷⁹ Но мне здесь дольше, чем ему, танцую
В огне, придется проторчать позорно,
А почему так — тотчас объясню я.
- ⁸² После него к нам тот, с душою черной,
С Запада канет пастырь без закона —
И нас покроет своей тенью вздорной.

^a Говорящий — папа Николай III Орсини — принял Данте за папу Бонифация и удивился, что тот так рано умер. Прекрасная донна, обманутая Бонифацием, — церковь.

^b «Медвежья» фамилия Орсини: orso — медведь.

- ⁸⁵ Новый Ясон^а! Как тот в Книге Закона
(Зри Маккавеев) был царем ласкаем,—
Так нежна с этим Франции корона».
- ⁸⁸ Я не был к смелым речам побуждаем,
Но тем не мене сказал свое слово:
«Скажи мне, был ли богатством прельщаем
- ⁹¹ Господь наш, ждал ли от Петра святого
Сокровищ, когда тот, ключи имея,
"Иди за мною!" — слышал звуки зова.
- ⁹⁴ Петр и другие злата от Матфея
Не брали, когда жребием решалось,
Чьим будет место павшего злодея^б.
- ⁹⁷ Казнись! Вина не зря твоя каралась;
И за деньгами присмотри построже,
Чья сумма против Карла набиралась^с.
- ¹⁰⁰ Когда б ругаться не было негоже
Над высшей властью ключей, обретенных
Тобою в день тот, для тебя погожий,
- ¹⁰³ Излил я б много речей возмущенных;
Дано вам алчным, стяжателям истым,
Угнесть благих и вознести зловонных.
- ¹⁰⁶ Ваш сонм провиден был Евангелистом
В той, что воссела над водами, много
Блудя с царями в торжестве нечистом^д;
- ¹⁰⁹ И семиглавой, и десятирогой,
Ей доставало силы и величья,
Пока супруг был жизни правой, строгой.

^а Ясон (Иасон, библ.) купил сан первосвященника. Таким же святокупцем будет папа Климент V, преемник Бонифация.

^б Христос, возвышая апостола Петра, и Апостолы, принимая в свой круг Матфея на место погибшего Иуды, делали это бескорыстно.

^с Деньги, полученные Орсини для несправой борьбы с неаполитанскими королем Карлом.

^д Имеется в виду Блудница из Апокалипсиса.

- ¹¹² Ваш бог — серебро и золото. Все приличья
Забыты: даже идолопоклонник
Чтит одного, вы ж — сто, как мог постичь я.
- ¹¹⁵ О Константин, не тем ты плох, покойник,
Что обратился, но тем, что даянья
От тебя принял богатый каноник!^a»
- ¹¹⁸ Пока напевны словоизлиянья
Мои текли, он — гневаясь, стыдясь ли —
Чинил все те же ногами ляганья.
- ¹²¹ В очах поэта, мелькнув, не погасли
Искры довольства: был он к справедливым
Моим реченьям отчески участлив.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ³⁰

- ¹ В начале года, совсем молодого,
Солнцевы кудри Водолей^b ласкает
И ночь полсуток охватить готова;
- ⁴ Повсюду иней на земле сверкает,
Белому брату^c своему подобен,
Но, раньше колкий, теперь он сникает;
- ⁷ Крестьянин, тот, чей скудный хлеб несдобен,
И корму нет — глядь: поле побелело;
Плюнет с досады: «Будь ты неподобен»...
- ¹⁰ Бродит по дому, ворчит то и дело,
Растерян, бедный, и кряхтит и стонет;
Ан выйдет снова — все повеселело,
- ¹³ Весь мир нарядный в многоцветье тонет...
Рад и хозяин: берет хворостину —
Гуляйте, овцы! — и пастись их гонит.

^a Император Константин не прав, что учредил светскую власть папы Сильвестра (богатого каноника).

^b Новый год рождается под знаком Водолея.

^c Белый брат инея — снег.

¹⁶ Так мой учитель, впад сперва в кручину,
Меня печалил и очень тревожил,
Но лишь завидел он моста руину...

¹⁹ Приободрился в один миг и ожил,
Мне кинул взгляд — вот таким же он взором
У гор подножья мои силы множил.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

¹ Кто смог бы, даже в вольном изложении,
Всей крови, горю всему и всей муче —
Тому, что видел я, дать исчисленье?

⁴ Любой язык бы споткнулся на звуке,
И речь — на слове, и на мысли — разум;
Вместить такое бессильны науки.

⁷ И пусть сошлись бы все народы разом,
Не забытые Пулийской землею*,
Которых знаем по многим рассказам:

¹⁰ Те, что томили длительной войною
Римлян, плативших дань кольцами павших,
Как Ливий пишет, сильный правотою,

¹³ И толпы грозных бойцов, воевавших
Под знаменами Руберта Гвискара,
И, прах кровавый сонмища топтавших

¹⁶ Близ Чеперано, где, не ждав удара,
Легли пулийцы, и у Тальякоццо
Удался происк старого Алара³¹,

¹⁹ И я б увидел, сколько крови льется,
Зияет ран — все б был не так подавлен,
Как в рве девятом, где побыть придется.

²² Как бочка без дна, насквозь продырявлен —
От рта до туда, где исход фекалий,
Нутром один из них был взору явлен.

* Пулийскую (Апулийскую — юг Италии) землю исстари терзали войны.

- ²⁵ Кишки меж колен отвратно свисали,
Виднелось сердце и мешок желудка,
Набитый жвачкой, выпачканный в кале.
- ²⁸ Вот под моим он взглядом вздрогнул чутко,
Разверз руками грудь, сказав при этом:
«Ты видишь, как я весь разодран жутко!»
- ³¹ Видишь ли ты, что случилось с Магометом?
За мною, плача, вслед идет Али^{*},
Ему весь череп разнесли кастетом.
- ³⁴ А все другие — их ты видишь ли?
Они виновны в раздорах, в расколах
Среди живых, вот их и рассекли.
- ³⁷ Там сзади дьявол, в лапах он тяжелых
Вращает меч и страшно нас калечит —
Уносим раны на телах и челах;
- ⁴⁰ Лишь заживут, он снова нас увечит,
Когда дойдем по кольцевой дороге
К нему опять, — боль нашу вековечит.
- ¹¹⁸ Вот, видел я, к нам близится, шагая,
Туловище без головы — и вскоре
Сравнялось с нами, меж других ступая;
- ¹²¹ И срезанная, с ужасом во взоре,
Глава, рукою за кудри держима,
Вися, как фонарь, восклицала: «Горе!»
- ¹²⁴ Ну и светильник... Нет, непостижимо;
Двое — в одном, и один — в двух; как можно?
То знает тот, кто правит нерушимо.
- ¹²⁷ Остановясь под мостом, осторожно
Он руку поднял с головой своею,
Чтоб лучше были нам речи тревожной
- ¹³⁰ Звуки слышны, и рек: «Ты, разумею,
Жив — и глядишь на меня, неживого,
Истерзанного мукою моею;

* Магомет и его зять Али считались виновными в религиозных смутах и раздорах.

- ¹³⁴ Коль обо мне ты хочешь слышать слово,
Знай: я Бертран де Борн^а, тот, что затеял
Учить дурному короля младого».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ³²

- ¹ Если бы стих мой был резкий и хриплый,
Злобный — весь в эту дыру преглубоку^б,
Куда кругами путь нисходит гиблый,
- ⁴ Я крепче бы и больше б выжал соку
Из содержанья; а так — скажем прямо —
И невпопад, и маловато проку;
- ⁷ Шуточное ли дело? эта ж яма —
Поди опиши ее! — дно вселенной!
Тут не сюсюкнешь: папа, мол, иль мама...
- ¹⁰ Музы, склонитесь к душе вдохновенной,
Как к Амфиону, воздвигшему Фивы^с, —
И да исполню труд, мне предреченный.
- ¹³ О чернь! дурные! Были зря людьми вы:
Во избежанье несказанной муки
Были бы — козы, иль овцы пугливы...
- ¹⁶ Во мгле колодца мы простерли руки
У стоп гиганта и спускались ниже,
И вдруг услышал я странные звуки,
- ¹⁹ Затем слова: «Ты бы топал потише
По головам-то угнетенных братьей
И ноги, что ли, поднимал повыше!»
- ²² Я присмотрелся: просьба ж — как не внять ей?
Озеро вижу под собой лдяное —
Раздолье стклянных, а не водных гладей.

^а Провансальский трубадур и рыцарь, поссоривший английского короля Генриха II с его сыном.

^б Весь в эту дыру — т. е. под статью Аду.

^с Музы помогали Амфиону, строившему Фивы.

- ³⁴ Так, вмерзши в льдину до тайного уда,
Стуча зубами, словно клювом — аист,
Торчали тени скорбные оттуда.
- ³⁷ Они сгибались, лицами склоняясь;
Стужей свело им рты, печаль во взорах —
Видать по всему, горевали, маясь.
- ¹²⁴ Мы отошли. Вот льдяная могила.
Глянул — там двое нераздельно слиты,
Одна голова другую накрыла.
- ¹²⁷ И как голодный в хлеб, им раздобытый,
Так верхний вгрызся нижнему в загривок,
Круша и шею и череп разбитый.
- ¹³⁰ Хрустел дробимый зубами затылок,
Как Меналиппов лоб, когда с Тидеем
Заканчивался смертный поединок³³.
- ¹³³ «Ты, неумным представший злодеем!
Ты, одержимый яростью звериной!
Признайся: твоим жестоким затеям
- ¹³⁶ Что, — спросил я, — явилось причиной?
Если ж ты прав, то я, узнав, в чем дело,
В мире защитник буду твой единый,
- ¹³⁹ Коль дара речи не лишусь всецело».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- ¹ Подняв уста от чудовищной яди,
Свирепый грешник утер их власами
Главы, чей череп изглодан был сзади.
- ³ И молвил: «Хочешь былыми скорбями
Сдавить мне сердце, чтоб несло их бремя,
Прежде чем горе выскажу словами?
- ⁷ Что ж, если повесть прорастет, как семя,
Бесславьем ему, грызому мною, —
И речь услышишь и плач в то же время.

- ¹⁰ Не знаю, кто ты и какой стезею
Сюда пришел — и неторной и длинной,
Но твой тосканский говор... Нет, не скрою —
- ¹³ Ты должен знать: я был граф Уголино³⁴,
Архиепископ здесь со мной Руджьери^а.
Навек соседи мы небеспричинно!
- ¹⁶ Того достало бы, по крайней мере,
Что смертью своей я ему обязан,
Моей в него как в союзника вере.
- ¹⁹ Но никому из людей не рассказан
Весь ужас смерти, мне павшей на долю.
Суди ж обо всем, незнанием не связан!
- ²² В душевной темнице познал я неволю —
С тех пор зовется она Башней Глада,
Других несчастных томит той же болью,—
- ²⁵ В мою тюрьму свет лун несчетных падал
Через решетку... Там, помню, мне снился
Зловещий сон — в нем жребий мой угадан:
- ²⁸ Затравленный волк с волчатами тщился
Бежать от ловчих по дороге горной,
Где вид на Пизу вдруг взору открылся.
- ³¹ С собачьей стаей, бегущей проворно,
Гваланди вместе с Сисмонди, Ланфранки^б
К своей добыче стремились упорно.
- ³⁴ Собак задорил дух живой приманки:
Отца и детей, поймав, умертвили
И растерзали бранные останки...

^а Продолжение эпизода Уголино, начатого в конце первой песни. Он рассказывает что был вместе с детьми заточен архиепископом Руджьери в башню, где сначала дети, а потом он умерли с голоду.

^б Три знатных рода в Пизе.

«Ад». Песнь XXXIV (три лика Саатаны). Фрагмент рисунка Сандро Боттичели.

- ³⁷ Но тут же стоны меня разбудили
 Моих детей; во сне бедняжки мучась,
 Плакали, хлеба у меня просили.
- ⁴⁰ Жесток же ты, коль их горькая участь
 Тебя не тронет: да была ль знакома
 Твоим зеницам слез кровавых жгучесть?
- ⁴³ Но вот прервалась тягостная дрема...
 Дадут ли пищу нам? Я сомневался:
 Дурных предчувствий томила истома.
- ⁴⁶ И вдруг за дверью — слышим — стук раздался.
 Вход забивают... Наши с жизнью счеты
 Прервутся скоро. Разум мой мешался;
- ⁴⁹ К плачущим детям став вполоборота,
 На них глядел я. Ансельмушка бедный
 Крикнул мне: "Папа! Что смотришь так? Что ты?"
- ⁵² Окаменевший, безмолвный и бледный,
 Без слез, без мыслей, уст разжать не в силах,
 Чтоб звук хотя бы проронить ответный,

- ⁵⁵ Я через день лишь очнулся и милых
Сынов увидел, скорчившихся в муке,
Когда луч смутный слабо осветил их.
- ⁵⁸ В тоске я начал кусать себе руки,
Они ж, подумав, что собственным мясом
Себя насытить пытаюсь, в испуге:
- ⁶¹ «Отец, — сказали, — нам легче, коль разом
Ты съешь нас; ты же дал нам плоть земную —
Возьми обратно». Чтоб в тот страшный час им
- ⁶⁴ Не видеть, как я мучусь и тоскую,
Утих я... Двое суток миновали...
О, хоть бы землю разверзло сырую!
- ⁶⁷ Четвертого дня приход мы встречали,
Как губы навзничь упавшего Гаддо;
«Отец, помоги же мне», — прошептали;
- ⁷⁰ Как ты меня здесь, так я в Башне Глада
Видел детей, как гаснули, слабея,
Как каждый мертвым к ногам моим падал.
- ⁷³ Уже ослепший, около двух дней я
Бродил меж ними и щупал их трупы.
Потом... но голод был горя сильнее».
- ⁷⁶ Глаза скосивши, он вновь свои зубы,
Как пес голодный, вонзил с озлобленьем
В тот жалкий череп, истерзанный грубо.
- ⁷⁹ О Пиза, стыд твой покроет презреньем
Страну счастливых, чья речь сладкогласна³⁵.
Тебе сосед не грозит истребленьем —
- ⁸² Так пусть Капрайя с Горгоною^a властно
Со дна восстанут, Арно запрудивши,
Чтоб утонул весь народ твой злосчастный!

^a *Капрайя* — остров при впадении Арно в море, *Горгона* — остров в Тиренском море.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- ²⁸ Князь тьмы, над коим весь Ад громоздится,
Наполовину грудь из льда возвысил;
И гигант в ровню мне скорей годится,
- ³¹ Чем его руке (чтобы ты исчислил,
Каков он во весь рост, и мощь виденья
Явившегося нам вполне осмыслил).
- ³⁴ Древле красив, днесь само отвращенье,
Он на творца свой поднял взор предерзкий —
Он всех пороков и зла воплощенье!
- ³⁷ И нужно ж было вид иметь столь мерзкий —
Его главу три оснащали лика!
Первый, над грудью, красный, изуверский;
- ⁴⁰ И по бокам два, место же их стыка
По-над плечами; взглядом озверелым
Всяк лик окрестность оглядывал дико.
- ⁴³ Правый, казалось, был изжелта-белым,
А левый — как у тех, что долго жили
Близ водопадов Нила, — почернелым³⁶.
- ⁴⁶ Под каждым — пара широчайших крылий,
Как подобает птице столь могучей;
Не зрел ввек щеглы при таком ветриле³.
- ⁴⁹ Без перьев, будто у мыши летучей;
Вращал он ими, и три ветра, вея,
Летели, каждый — струею тягучей;
- ⁵² От этих струй стыл Коцит, леденя.
Шесть глаз рыдали; три пасти сквозь губы
Слюной сочились, кровью розовея.

³ Щегла — мачта; ветрило — парус.

- ⁵⁵ И тут, и здесь, и там терзали зубы
По грешнику; их, значит, всего трое,
И они муки терпят пресугубы.
- ⁵⁸ Из них в особом средний непокое:
Когтями кожу со спины сдирает
Ему грызущий — пытка тяжче вдвое.
- ⁶¹ «Вот этот дух, что больше всех страдает, —
Иуда, — молвил вождь, — Искаротский,
Чью спину коготь, главу — зуб терзает.
- ⁶⁴ Другому ноги разжевал, как клецки,
Сей, черноликий; это душа Брута —
Язык проглотив, корчится уродски.
- ⁶⁷ А это Кассий — вишь, все тело вздуто.
Но смерклося; ты уж видел все, что надо.
Готовся: будет нисхождение крuto».

ЧИСТИЛИЩЕ

(Пройдя Ад, Данте с Вергилием попадают в Чистилище; оно помещается на противоположном земном полушарии, покрытом Великим океаном, и представляет собой остров, на котором возвышается высочайшая гора; гора разделена на семь уступов, или кругов, в каждом из которых происходит очищение от одного из семи смертных грехов: гордости, зависти, гнева, уныния, корыстолюбия, чревоугодия и блуда. Перед вступлением в первый круг путники проходят еще преддверие, пройдя же седьмой круг, они попадают в Земной рай, где Вергилий покидает Данте, и где Данте вновь встречается с Беатриче.)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ¹ Для лучших волн я днесь подъеблю парус
Над скорым в беге челном разуменья,
Оставив воды, коим имя — ярость^а;
- ⁴ Второго царства^б я пою селенья,
Откуда горний мир благих небес не
Заказан душам после очищенья.

^а Воды, коим имя — ярость: Ад.

^б Второе царство — Чистилище.

- ¹³ Сапфирной сини сладостная сила,
Восточной неги чище и нежнее,
Снова мне очи светом упоила, —
- ¹⁶ Кругозор первый тем предстал светлее,
Что выскользнул я из мертвого чада,
Висшего тяжко, как ярмо на шее.
- ¹⁹ Звезда любви, снов утренних отрада,
Так осияла, смеясь, край востока,
Что Рыб затмила, планета их ряда*.
-
- ¹¹⁵ Брезжил рассвет средь мрака негустого —
Угадывался в отдалении смутном
Призрачный проблеск трепета морского.
- ¹¹⁸ Мы одиноко шли в поле безлюдном,
Торя стезю сквозь чуть видные склоны,—
Как бы на прежнем пути многотрудном...
- ¹²¹ И подошли мы к той черте, где росы
Борются с солнцем, где в местах тенистых
Пучки кропимых трав седо-белесы;
- ¹²⁴ Склонив ладони к травам, капель чистых
Набрал учитель в горсти, я ж подставил
Ему ланиты, все в слезах ручьистых,
- ¹²⁷ И он омыв их, навсегда избавил
Мой лик от адской копоты, столь темной,
Что мнилось мне — он у меня заржавел...
- ¹³⁰ И вот пред нами океан огромный:
Отсюда нет для приплывших возврата —
И бегут волны чредой неумемной...

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

- ²⁸ В мельканье лилий, как в облаке белом,
Явленном в блеске ангельского пира,
Очам виденье моим възъяснило, —

* Венера (звезда любви) затмила созвездие Рыб, в котором находилась.

- ³¹ В венке олив, под светлейшей эфира
Фатою — донна^а; плащ на ней зеленый,
Живое пламя — алая порфира.
- ³⁴ И дух мой, ею некогда плененный,
Хоть и прошло то далекое время,
Когда пред нею трепетал, влюбленный,
- ³⁷ Но — разуменьем (не посредством зренья)
Сокрытой силы, от нее исшедшей,
Любви старинной вновь почуял бремя.
- ⁴⁰ Когда ж и взором, наконец, прозревший,
Познал ту силу, что меня пронзила
Впервые в детстве доблестию цветшей,
- ⁴³ Я глянул влево — дрожь меня нудила,
Словно ребенка, что к родимой маме
Бежит в испуге, чтобы защитила,
- ⁴⁶ Сказать Вергилию о сердечной драме:
Мол, «кровь мою в сей миг неизреченный
Дотла сжигает прежней страсти пламя»;
- ⁴⁹ Но тут Вергилий покинул мгновенно
Меня, Вергилий, отец мой сладчайший,
Вергилий, мне во спасенье явленный.
- ⁵² В садах, запретных праматери нашей,
Чиста роса, но черных слез лиется
Из глаз померкших моих ток горчайший.
- ⁵⁵ «Данте, Вергилий больше не вернется,
Но не рыдай, но не рыдай напрасно:
Рыдать тебе от иного придется».
- ⁵⁸ Как адмирал, чье слово в миг опасный
Звучит, эскадру призывая к бою,
И над волнами крепнет голос властный,

^а Беатриче.

- ⁶¹ На колеснице, слева, за рекою,
Та, от кого я слышал свое имя
(Начертанное поневоле мною),
- ⁶⁴ Стояла: донна средь ангелов, с ними
Слитая раньше в общем ликование,
В меня вперялась очами своими.
- ⁶⁷ Под покрывалом ее очертанья
Смутны: листвою Минервы^а повито
Чело — тут тщетным было б созерцанье.
- ⁷⁰ По-королевски сдержанно-сердито,
Чтоб весь свой гнев не вылить в гневном кличе,
Так продолжала, оставаясь скрытой:
- ⁷³ «Вглядись в меня! То я, то Беатриче.
Но как взобрался ты на эти горы,
В обитель счастья, знания и величья?»
- ⁷⁶ К водам потока я потупил взоры,
Но лишь увидел свое отраженье,
К траве отвел их, не стерпев позора.
- ⁷⁹ Как мать, что сына бранит в раздраженье,
Так и она, — и горьким мне казался
Привкус любви в столь жестком изъясненье.
- ⁸² Она умолкла. Тотчас хор раздался
Ангелов: «In te, Domine speravi».
На звуках *pedes meos*^б он прервался.
- ⁸⁵ Подобен снежной, в лед застывшей лаве
В горах лесистых Италии — в пору,
Когда несется Борей по дубраве,
- ⁸⁸ (Но лишь овеет промерзшую гору
Дыханье Юга, лишённого теней,
Как свечке, таять ледяному затору), —

^а *Листва Минервы* — оливы.

^б Ангелы поют псалом: «На тебя, Господи, уповаю»; «Ноги мои...».

- ⁹¹ Без слез и вздохов, без жалобных пеней
Застыв стоял я, пока не услышал
Согласных вечным сферам песнопений.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

- ¹ «О ты, стоящий близ ручья святого», —
Так, острием ко мне речь направляя,
Чтоб ранило, как меч, любое слово,
- ⁴ Заговорила, время не теряя:
«Скажи, скажи мне, верно ль то? Признаться
Во всем ты должен, ежели права я».
- ⁷ Был я смущен, не в силах оправдаться,
Голос мой замер как бы в некой дрожи,
Угас внутри, не смея вслух раздаться.
- ¹⁰ Выждала. После сказала: «Так что же?
Ответь мне: память о минувшем злую
Еще водой не смыло — смоем позже»^a.
- ¹³ Страх и смущенье, смешавшись всплошную,
Такое «Да» из уст моих изгнали,
Что не расслышать было бы вслепую^b.
- ¹⁶ Как лук, что, слишком натянув, сломали, —
Стрелу пошлет он к цели отдаленной,
Но этот выстрел цель сразит едва ли, —
- ¹⁹ Так я крушился, скорбью отягченный,
Весь изнемог от слез и воздыханий,
И ослабел мой голос удрученный...
- ²² Она же мне: «Средь всех благих желаний,
Тебе внушенных во спасенье мною,
Познавший сладость лучших упований,
- ²⁵ Какие рвы и цепи пред собою
Увидел ты, что, робкий, не решился
Прямою дальше следовать стезею?

^a «Память о минувшем злую» смывает Лета (река забвения), в воды которой Данте пока не погружался.

^b «Не расслышать вслепую» — т. е. не понять слов, не всматриваясь при этом в уста говорящего.

- ²⁸ Каким соблазном, суетный, пленился,
Каким посулам вверился поспешно,
Что им навстречу дух твой устремился?»
- ³¹ Вздохнув сквозь слезы — горько, неутешно,
И напрягая голос свой тоскливый,
Чтобы ответить внятно и прилежно,
- ³⁴ Рыдая, молвил я: «Суетны, лживы,
Дела мирские меня увлекали,
После того, как в лучший мир ушли вы».
- ⁴⁹ «Природа, книги — да обрел ли ты в них
Сладость такую, как моего тела
До разрушенья членов его дивных?
- ⁵² И если сладость их прочь отлетела
С моею смертью — какая из смертных
Твоей желанной сделаться сумела?..
- ⁵⁵ Ты должен был при первом же из первых
Судьбы ударов следовать за мною —
К истинным благам, прочь от благ неверных.
- ⁵⁸ Не должен был ты новою виною
Тягчить полет свой — манит ли девчонка,
На миг прельщен ли тщетностью иною.
- ⁶¹ Легко словить иль ранить ястребенка,
Но взрослой птице опыт трудной жизни —
От стрел и сети верная заслонка».
- ⁶⁴ Я, как дитя, что внемля укоризне,
Глазки потупит — бедненькому стыдно,
А стыд любого горя ненавистней, —
- ⁶⁷ Стоял. Она мне сказала: «Хоть видно,
Как ты страдаешь, — ну-ка, вверх бородку!
Страдай взирая, что вдвойне обидно».
- ⁷⁰ Дуб мощный легче в злую непогодку
Крушится бурей — нашей иль летящей
Из края Ярбы^{*} вихрями вразбродку,

^{*} *Край Ярбы* — Африка (где правил Ярба).

- ⁷³ Чем подбородок я поднял дрожащий;
Лицо «бородкой» нареченно было —
Такое слово и яда не слаще^a.

РАЙ

(Примираясь с Данте, Беатриче ведет его через девять небесных сфер в эмпирей — «розу света» высших небес — местопребывание божества. Эта часть произведения особенно много места уделяет богословской схоластике.)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ¹ Слава того, кто всей вселенной движет,
Проникновенно сияя, струится:
Там больший льет, здесь меньшим светом брызжет³⁷.
- ⁴ В небе, где ярче всего он лучится,
Был я и видел то, о чем старанья
Поведать тщетны у смогших спуститься;
- ⁷ Ибо, сближаясь с предметом желанья,
Наш ум стремится к глубинам чудесным,
Лишен обмякших сил заминанья.
- ¹⁰ Однако все, что в царствии небесном
Вобрал рассудок в себя в виде клада,
Даст содержание ныне моим песням.
- ¹³ О Апполон³⁸, мне труд последний надо
Свершить: так будь же со мной с сего часа,
Если сужден мне твой лавр, как награда.
- ¹⁶ Мне до сих пор был из пиков Парнаса^b
Один потребен; теперь нужны оба,
Коль в бег остатний тороплю Пегаса.

^a Беатриче все же простила своего возлюбленного и он «очистился» (песни XXXII, XXXIII).

^b Парнас, как указывает Овидий, имеет две вершины (на одной обитают Музы, на другой — сам Аполлон).

«Рай». Песнь XXX (живые цветы и рой искр над огненной рекой).

Рисунок Сандро Боттичели.

¹⁹ Вниди мне в грудь, чтоб пелось до захлеба,
Как если б Марсий^{*} возжаждал победы,
Тот, чья из кожи вырвана утроба.

²² Божественная доблесть! О всеведый!
Явив мне тени царства пресвятого,
Проясни образ, в мою память вшедый,

²⁵ И стану я под сению лавровой —
Приять венец твой, коего заслужит
Тобой о вечном внушенное слово.

²⁸ Редко срывают — так, что сердце тужит, —
Сей лист к триумфу кесаря ль, поэта;
Редко чью славой голову он кружит.

^{*} *Марсий* — сатир, соперник Аполлона в музыке, с которого последний, победив его, содрал кожу.

- ³¹ И бог дельфийский улыбкой привета
Почтил бы тех, кто прельстился листьями
Пенейскими^а и алчет их, как света.
- ³⁴ Из малой искры возгорится пламя:
Вслед мне, быть может, к отзывчивой Кирре^б
Мольбы внесутся лучшими гласами.
- ³⁷ Смертным грядет из разных точек в мире
Его светильник; но лъзя лишь одною
С тремя крестами слить круга четыре
- ⁴⁰ В лучшем стремленьи с лучшей звездой —
Тогда яснее печать в мирском воске
Отобразится силой неземною^с.
- ⁴³ Свет мягкий утра — к нам, а сумрак жесткий
От нас текли по разным полушарьям;
Нам близ той точки^д дня сверкали блески;
- ⁴⁶ В солнце, на кое зреть возбранно тварям,
Взор Беатриче вонзила: так глянуть
И орлу оком не под силу царьим.
- ⁴⁹ Как луч, рожденный от другого, прянуть
В выси готовый, страннику подобный,
Коего вспять о доме тянет память,
- ⁵² Так взгляд мой, ею возжечься способный
Стремленьем к солнцу, туда же вперился —
Не по-людски, но как в стране загробной.

^а Бог дельфийский — Аполлон, листья пенейские — лавровые.

^б *Кирра* — вторая вершина Парнаса (где Аполлон).

^с Смысл: «Из разных точек» горизонта в разные времена года поднимается «светильник» мира — Солнце и лишь весною круги горизонта, зодиака и экватора пересекаются кругом равноденствия, так что «четыре круга» образуют при этом «три креста». Воздействие светил на землю в это время наиболее благоприятно — Солнце сочетается с «лучшею звездой» (из созвездия Овна), и «в мирском воске» человеческой жизни четче запечатлевается оттиск божества.

^д «Близ той точки» горизонта, о которой шла речь в предшествующих стихах.

- ⁵⁵ Кто в запредельных краях очутился,
Тот может больше и зрит ясновзорней,
Как человек, что в бозе приютился.
- ⁵⁸ Был оком в выси недолго я горней,
Видел лишь искры, вспыхнувшие в зное,
Будто железо раскалилось в горне.
- ⁶¹ Мне показалось, день взъярчился вдвое,
Как если б въяве возжег Всемогуший
В далеком небе вдруг солнце другое.
- ⁶⁴ И Беатриче взор, меня влекущий,
Слала туда, где вечные чертоги;
Я ж — к ней, отведши взгляд от выси жгущей.
- ⁶⁷ Мои целил свет ее глаз ожоги,
И я как Главк^а был, отдававший травки,
После чего с ним власть делили боги.
- ⁷⁰ Этой к людскому высшего прибавки
Не рассказать, но довольно примера —
Всего того, что известно о Главке.
- ⁷³ Была ли в то, что стал я духом, вера
И было ль так — то лишь тебе открыто,
Любовь, чьей волей явлена мне сфера³⁹
- ⁷⁶ Благого неба: с вечною орбитой
Звездовращения ты меня опознала,
С твоей гармоньей миров неизбытой.
- ⁷⁹ А в небе солнце пламенисто-ало
Дождило светом, и его потоки
В его озера лились небывало.
- ⁸² И звон внезапный, и размах широкий
Лучей — все внове было, жгло, томило
Жаждой проникнуть сих чудес в истоки.

^а Главк — рыбак, «отдававший волшебной травки», после чего стал морским божеством.

- ⁸⁵ Та, кому внятно все, что со мной было,
Не дожидаясь моего вопроса,
В успокоенье мне уста открыла
- ⁸⁸ И начала: «Чтоб видеть дальше носа,
Ты с воображеньем расстанься неверным,
Его навек как помеху отбрось.
- ⁹¹ Не на земле ты, как думал, но к сферным
Пределам мчишься стремительней молний,
Встречь им летящий простором безмерным».
- ⁹⁴ И я сомненья откинул, довольный,
Ее короткой радуясь улыбке,
Но тут же, новых недомыслий полный,
- ⁹⁷ Сказал: «В былые не впаду ошибки;
Дивит другое: легче ль мое тело,
Чем сей эфир и пламенный и зыбкий?»
- ¹⁰⁰ Она вздохнула и так посмотрела,
Как смотрит мать, сострадав сыну,
Что захворал и бредит то и дело,
- ¹⁰³ И начала: «Все, на что взор ни кину,
В закономерном зиждется порядке:
В нем мир приемлет божеску личину.
- ¹⁰⁶ В нем обретают вечных сил зачатки
Высшие твари^а, коим в постиженьи
Строя сего быть не должно нехватки.
- ¹⁰⁹ И он^б, о коем мое наставленье,
Един для всех, будь кто ближе, кто дале
От Первосути, воздвигшей строенье.
- ¹¹² Плывут они все — туда ли, сюда ли —
В обширном море бытия и шумном,
Ведет инстинкт их, данный им вначале.

^а «Высшие твари» — ангелы и люди.

^б «Он» — порядок мироустройства.

- ¹¹⁵ Пламя вздымает он! — к пределам лунным;
Землю в единый он! — комок сцепляет;
Сердец шлет трепет он! — тварям разумным.
- ¹¹⁸ Не только тварью низшею стреляет^a
Лук превосходный этот, но и теми,
В ком и рассудок и любовь пылает.
- ¹²¹ И провиденье, что над ними всеми,
Недвижным светом в верхнем небе Рая
Объемлет сферу, быстрейшую в стреми^b.
- ¹²⁴ Нас эта сила, туда увлекая,
Сейчас спустила с тетивы упругой
И мчит, к желанной цели направляя.
- ¹²⁷ Но часто форма и сущность друг друга
Не принимают: многое зависит
От матерьяла, что коснеет туго.
- ¹³⁰ Творец иного, допустим, возвысит,
А тот, хоть ему дан толчок могучий,
С пути собьется и полет свой снизит
- ¹³³ (Видал же ты, как падает из тучи
Огонь небесный), ежели к тому же
Влечет соблазн, хоть лживый, но живучий.
- ¹³⁶ Так не дивись же, что можешь не хуже
Вершить подъем, чем водопад — свергаться:
Все объяснимо, хоть странно снаружи.
- ¹³⁹ Пристало б больше тогда изумляться,
Коль вне препятств, но чувств презрев потребу,
Ты — огонь живой — стал по земле бы стлаться...»
- ¹⁴² — И вновь подъяла чело свое к небу.

^a «Тварью низшею», т. е. животными управляет инстинкт, подобно тому как лук дает направление стрелам.

^b «Сфера, быстрейшая в стреми» (в стремительном кругообращении) — девятое небо Рая, «Объемлемое недвижным светом» Эмпирея.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ^а

- ¹ Так мне явилась в белоснежной розе
Святая рать^а, с кем Христос сочетался
Кровью своею в брачном симбиозе;
- ⁴ Другой же полк^б, что видел, пел, летал, ся
Влюбляя в славу всевышнего, с коим
В столь совершенном благе обретался,
- ⁷ Подобно пчелам, которые роєм
Летят к цветам и оттуда обратно,
К своим — где будет труд им всласть — покоям,
- ¹⁰ Спускался розы в убранство нарядно
Из лепестков и воздымался снова
Туда, где в вечной быть любви отраднo.
- ¹³ Лица все были из огня живого,
Крылья златые, остальное бело
Настолько, что и снега нет такого.
- ¹⁶ В цветок спускаясь, мирно пламенело
Это собрание, неизменно дружно,
И веяло всем тем, что возымело.
- ¹⁹ Оно, меж высью и цветком жемчужной
Массой густея, не застило блеска,
И было зренье напрягать не нужно.
- ²² Всепроницающая, святыня небесска^с
Неодолимый свет струит повсюду,
Так что ничто ей здесь не занавеска.
- ²⁵ Здесь древнему, как и новому люду^д
Дано любить сей край благобесслезный,
Его символу радуясь, как чуду.
- ²⁸ О свет троякий и единоезвездный,
Что нежишь здешних, очам их сияя!
Склони свой взор над нашей бурей грозной!

^а Рать — блаженные души.

^б Другой полк — ангелы.

^с Небесска — небесная (ст.-слав.).

^д Древний и новый люд — праведники ветхозаветные и новозаветные.

- ³¹ Уж если варвар (пришедший из края,
Над коим кружит Гелика^а, дотошно
Следя за сыном — всяк день провожая),
- ³⁴ Увидев Рим, и как в нем все роскошно,
И поднятость над миром Латерана^б,
Разинул рот и дивился всполошно,
- ³⁷ То я, к Сиянью выйдя из тумана,
К предвечному из времени, к народу,
Что здрав и мудр, — из флорентийцев стана,
- ⁴⁰ Как же дивился своему восходу!
И радовался — столбенея прямо,
И был и нем и глух — себе в угоду...
- ⁴³ Как пилигрим у преддверия храма,
Где долг исполнен был его обета,
Рад с вестью сей течь семо и овамо,
- ⁴⁶ Так, погруженный в глубь живого света
Очами, чуял я, как одолели
Волны его — то та меня, то эта.
- ⁴⁹ Я видел — лица милостью светлели,
Лучились ярким приветом улыбок,
Достоинством и честью пламенели.
- ⁵² Общий план Рая усвоил я, ибо к
Сему способным мой взор разомкнулся,
Но на детали — не довольно гибок.
- ⁵⁵ Порасспросить о них я повернулся
К донне моей: мол, чего не заметил,
Что упустил и обо что преткнулся?
- ⁵⁸ Готов ей внять — но мне другой ответил...
Мнил Беатриче увидеть — напрасно:
К ней обращенный взгляд мой старца встретил.
- ⁶¹ Сам он весь в белом, очи светят ясно,
И благ, и рад он, и полон усилья
Быть как отец и помогать всечасно.
- ⁶⁴ «Где Беатриче?» — поспешно спросил я.
И он: «Исполнить твое пожеланье
Я ею зван из пункта изобилья;

^а Гелика — созвездие Большой медведицы; ее сын — созвездие Волопаса.

^б Латеран — дворец в Риме.

- ⁶⁷ Третьего круга^а в верховном пыланье
Ты на престоле ее разглядиши,
Ей по заслугам данном в обладанье».
- ⁷⁰ Я не ответив, поднял взоры выше:
Вижу ее под лучистой короной,
Свет отразившей вечный, в тронной нише.
- ⁷³ Мнилось, от тверди, громом оглашенной,
Сильнее смертный глаз не отдалится,
На дно пучины морской погруженный,
- ⁷⁶ Чем мой отстал от Беатриче; скрыться
Не довелось ей, однако; и вежды
Мои подвиг я на нее воззриться.
- ⁷⁹ «О донна, ты, в ком все мои надежды
Сбылись, коль скоро, помощь мне даруя,
Пресекла Ада роковой рубеж ты,
- ⁸² Где след остался твой! Во всем, что зрю я,
Твоя силы и твоего блага
И доброту и доблесть признаю я.
- ⁸⁵ По твоему, не замедляя шага,
Пути я влекся от рабства к свободе:
Дана тобою мне эта отвага.
- ⁸⁸ Храни меня и впредь в своей щедроте,
С тем чтобы дух мой, исцелен отныне,
Тебе угодным сбросил бремя плоти».
- ⁹¹ Так к ней воззвал я; она издали, не
Близясь ко мне, лишь с улыбкой взглянула —
И повернулась вновь к вечной святыне.
- ⁹⁴ Блаженный старец рек слово посула:
«Твой путь сытожить помогу; об этом
Просьба была и любовь мне шепнула.
- ⁹⁷ Очами свыкнись с сим садовым цветом,
С игрой лучей и лучиков миллиарда,
Ты, осиянный божественным светом.
- ¹⁰⁰ Царица неба, внушившая жар да
Пыл мне любви, нам в помощь, горней братьи
Сочтя достойным верного Бернарда»^б.

^а *Третий круг* — ряд лепестков в розе блаженных душ (описываемой в песнях XXX—XXXIII «Рая»).

^б *Св. Бернард*, сопровождающий теперь Данте взамен отдалившейся Беатриче.

- ¹⁰³ В-точь как пришлец из далекой Хорваты
На поклоненье Веронике нашей^a
Жаждет молиться этой благодати,
- ¹⁰⁶ Которой в мире нет милей и краше;
«Христе Исусе, синьор мой и боже,
Так вот какое обличие ваше?» —
- ¹⁰⁹ Так умиление — со сказанным схоже —
Я ощутил пред тем, для кого в жизни
Дух созерцанья был всего дороже.
- ¹¹² «Сын благодати, — так он начал, — вниз не
Смотри, а то ведь не узришь вовеки
Всего, что славно в радостей отчизне; —
- ¹¹⁵ Но отверзая к высям свои веки,
Увидишь в горнем круге трон царицы,
Чьей это царство вверено опеке».
- ¹¹⁸ И мне открылось, чуть подъял зеницы:
Как ранним утром ярче край востока,
Чем запад, если вспыхнул луч денницы,
- ¹²¹ Так тут, насколько досягало око
(Словно из дола скользя по вершинам),
Зрелся ярчайший свет с одного бока.
- ¹²⁴ И словно там, где, явлен в оны дни нам,
Воз Фазтона вспыхнул, страшно пляня,
Но не довлея небесам пустынным^b,
- ¹²⁷ Так мирное тут развернулось знамя
И осияло самый центр небесный,
Но по краям не разгорелось пламя.
- ¹³⁰ И в центре том сонм ангелов чудесный,
Раскинув тыщи крыл как можно шире,
Различно блеща, пир пирует честный;

^a Именем Вероники, чьим платком Христос утирал с лица пот и кровь, названо запечатлевшееся на этом платке изображение Христова лика, хранящееся в Риме.

^b *Воз Фазтона* — солнечная колесница, которая вспыхнула, «ярко пляня» (пламенея), «но не довлея» (не будучи достаточной) «небесам», ибо выезд закончился катастрофой и свет померк.

- ¹³³ Игры и песни суть на этом пире
Смех красоты, ту отраду сулящей,
Ничего коей нет равного в мире.
- ¹³⁶ И если б слово было даже слаще
Воображенья — и тогда б, уверен,
Не произнес я речи подходящей.
- ¹³⁹ Бернард, узрев, как мой восторг безмерен
Пред тем, что его жгло, туда ж воззрился,
И стал так страстью распален теперь он,
- ¹⁴² Что взор сильнее и мой воспламенился.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- ⁴⁹ И вот Бернард дал мне знак, улыбаясь,
Чтоб поглядел я наверх; но уже я
Туда воззрился сам, в ту высь вперяясь.
- ⁵² И мои очи, дивною яснью,
Глубже и глубже в сиянье вникали,
В горний свет правды — и сливался с ней я.
- ⁵⁵ Теперь виденья мои превышали
Возможность слова; был вписать не в силах
Увиденное в памяти сжимали.
- ⁵⁸ Как снов не помним осияннокрылых,
Проснувшись, — только волнение чуем,
Но не удержим тех видений милых,
- ⁶¹ Так и со мною: страстно был волнуем
Своим прозреньем — и сладки, и милы
Те чувства, но дать форму не могу им.
- ⁶⁴ Вот так на солнце тает снег унылый;
Так ветер сдуул листьев ворох легкий
С пророчествами важными Сибиллы^{*}.

* Пророчица Сибилла делала свои записи на древесных листах, которые затем разносил ветер, так что текста нельзя было восстановить.

- ⁶⁷ О свет верховный и такой далекий
От умства смертных, отдай мне хоть долю
Той прелести, коль так меня увлек ей!
- ⁷⁰ Дай мне мощь слова, и да возглаголю,
И хоть единой искрой твоей славы
Людей грядущих, может, удоволю.
- ⁷³ Вернув мне память, твой блеск величавый
Озвучит стих мой, что братьям и сестрам
Явит победу твоя держава...
- ⁷⁶ А луч живой был, мне казалось, острым:
Так яркость терпим, но если отпрянуть —
Померкнет все и сгаснет *visum nostrum*^a.
- ⁷⁹ Чтoб зренью, думал я, не дать увянуть,
Буду смотреть... И чудо! — бесконечной
Мощи в прообраз довелось мне глянуть.
- ⁸² Щедрa ты, милость, что мне свет предвечный
Дала увидеть, моему позыву
Отзыв готовно посылая встречный!
- ⁸⁵ Дивясь, как диву, видений наплыву,
Книгу я зрел, что сплетена с любовью
Из листов, в мире преданных разрыву^b,
- ⁸⁸ В ней суть я случай с их плотью и кровью
Духовно слиты столь неизреченно,
Что промолчу, не склонный к суесловью.
- ⁹¹ Всеобщностию уз нерасчлененно
Связаны, зрел я (глубь светилась ярко),
Они, и рад был необыкновенно.

^a Виденье наше (лат.).

^b Книга божества, страницы которой рассыпаны по всему миру («преданы разрыву», разрознены), здесь предстала в своем нерасторжимом единстве.

- ⁹⁴ Одно мгновенье тут более марко,
Чем непрозрачны двадцать пять столетий
Со дня, как Нептун заметил тень Арго⁴¹.
- ⁹⁷ Ум мой, попавший в сладостные сети,
Был неподвижен, наблюдающ, чуток,
Воспламенившись, пребывая в свете.
- ¹⁰⁰ И оторваться — я не зря пишу так —
От тех лучей мне было невозможно
Весь времени, что был там, промежутки.
- ¹⁰³ Ибо все то, что есть вне их, — ничтожно;
А в них все то, что возжеланно, — любо,
И совершенно и благонадежно.
- ¹⁰⁶ Но будет моя речь скудна сугубо:
Хоть кой-что помню, а все как младенец,
Кормилицы грудь сосущий беззубо.
- ¹⁰⁹ Свет? о, не то: уж он-то не изменит с
Того, с сего ли свой статус державный —
Равен себе, ни в чем не обновленец.
- ¹¹² Нет, это зренья стала мощь неравной
Самой себе у меня к той минуте,
Слившей его со святостью заглавной,
- ¹¹⁵ И мне глубокой и ясной прасути
Явлен был образ светом сим в трехкруге
О трех цветах, но идентичной крути⁴².
- ¹¹⁸ Два круга в-точь как иридины дуги^а
(Третьим был огонь, от их зажжен накала)
Дивно сияли, отразясь друг в друге.
- ¹²¹ О, хоть бы слово мою мысль вмещало!
Но вижу, что под стать ей ничего нет,
И слов для нее н е т — не просто м а л о.

^а *Ирида* — радуга (дуга).

- ¹²⁴ О свет предвечный, что собой лишь понят
И успокоен своим пониманьем
И в чьих лучах все ликующе тонет!
- ¹²⁷ В коловращеньи, осиян сияньем,
Что так чудесно в тебе отразилось,
Как видел я, с ним упоен слияньем,
- ¹³⁰ Посередине ярко зацветилось
То, чьи подобья суть обличья наши;
Все мое зренье в образ сей вперилось,
- ¹³³ Как геометр, что берет карандаш и,
Стремясь измерить круг^а, взыскует тщетно
Ключа к решению формул в ералаше,
- ¹³⁶ Таков был я близ Троицы трехцветной;
Как же сей образ с кругом слиты? — мнил я,
Но вопрошанье было безответно:
- ¹³⁹ Надежды нет на собственные крылья;
И се — блистанье мысль мою настигло
Во исполнение страстного усилья.
- ¹⁴² Воображенье, мощь теряя, сникло,
Но волю, жажду, иже мя ведоста^б,
Влекла кругами извечного цикла
- ¹⁴⁵ Любовь, что движет и солнце и звезды.

^а Измерить круг — решить задачу квадратуры круга.

^б «Иже мя ведоста» (ст.-слав.) — которые меня вели.

Английская литература

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

БЕОВУЛЬФ

Поэма о Беовульфе (3183 стиха), дошедшая до нас в рукописи начала X в., сложилась, видимо, в VIII или IX столетии. Это единственный известный нам образец англосаксонского героического эпоса на традиционный народный былинный сюжет. В основе «Беовульфа» лежат старинные германские предания, возникшие, вероятно, в языческие времена задолго до VIII—IX вв.

Героем поэмы является геатский (геаты — гауты, скандинавское племя, населявшее южные области Швеции) витязь Беовульф, храбрый, великодушный, всегда готовый прийти на помощь людям. Он бесстрашно вступает в единоборство с кровожадным чудовищем Гренделем, который в течение долгого времени пожирал приближенных датского короля Хротгара. Победив Гренделя, Беовульф побеждает также его свирепую мать, явившуюся во дворец отомстить за гибель сына. Ради этого Беовульфу пришлось опуститься на дно страшного болота, где обитало лютое чудовище. Благодаря самоотверженной доблести Беовульфа Дания была избавлена от смертельной опасности. Во второй части поэмы (начиная с 2223 стиха) рассказывается о новом, на этот раз последнем, подвиге Беовульфа. Став королем геатов, престарелый Беовульф убивает свирепого дракона, который огнем опустошал страну. Однако дракон своим ядовитым зубом успел нанести Беовульфу смертельную рану. Беовульф умирает, оплакиваемый храбрыми дружинниками.

Поэма возникла в период начавшегося разложения родового строя. На это указывают картины дружинного быта, взаимоотношений короля и витязей. Находим мы также в поэме отзвуки языческих сказаний. В то же время на «Беовульфе» лежит явственный отпечаток христианских воззрений (автор называет Гренделя потомком Каина и т.п.), что дало основание многим историкам литературы видеть в авторе этого произведения англосаксонского клирика. Однако христианский элемент отнюдь не играет в поэме ведущей роли, он растворяется в старинных народных былях, в могучих эпических образах, овеянных героическим духом. Поэма написана характерным для древнегерманской поэзии ударным аллитерирующим стихом.

В начале поэмы повествуется о том, как один из потомков легендарного датского короля Скильда Скефинга король Хротгар, сын Хеальфдена, с успехом правил Данией. Он воздвиг обширную, богато украшенную палату для пиров, назвав ее Хеорот, т. е. Оленьей палатой. Однако недолго пришлось дружинникам короля весело пировать в этой палате, ибо вскоре кровожадный Грендель начал совершать свои опустошительные набеги на Хеорот. Никто из датских витязей не мог одолеть могучего людоеда. Тогда из страны геатов в

Данию явился храбрейший витязь геатского короля Хигелака — Беовульф, прослышавший о горе, постигшем датчан. Вместе с Беовульфом приплыли в Данию и другие храбрые геатские воины. С великим почетом принял их король Хротгар. Когда закончился пир, устроенный в честь прибывших, в Оленьей палате остались только Беовульф и его соратники-геаты.

[ГРЕНДЕЛЬ]

.....
Так вождь щитоносцев простился с дружиной
Покинул палату и пир повелитель,
И к милой супруге направился Хротгар¹,
Народов правитель.

И люди узнали,
Кому достается на долю деянье, —
Кому повелел властелинов властитель
От Гренделя датчан в палате стеречь.
Тот витязь геатский великою верой
Исполнен в создателем данную силу:
Желает железную снять он кольчугу
И шлем свой широкий, и меч исполинский —
Дары драгоценные. Дал он доспехи
Немедленно слугам своим на хранение.
Но, прежде чем лечь на широкое ложе,
Соратникам слово сказал Беовульф:
«Я силой себя не слабее считаю,
Чем Грендель, во всех боевых состязаньях.
Мечом в смертный сон погрузить его было б
Мне вовсе не трудно. Но я не желаю
Лишить его жизни оружием: хитер он
И, щит ко щиту, избегает сражаться.
Так будем и мы безоружны, когда он
На нас, безоружный, в ночи нападет.
Создатель премудрый пускай предоставит
Победу и славу из нас одному,
Которого он, всеблагой, избирает».
На ложе улегшись, лицо прислонил он
Удобно к подушке бок о бок с друзьями.
Участники многих сражений на море
Уснули. Но верилось только немногим,
Что снова увидят народ свой и город:
Не раз уже раньше — то знали герои —

В палате для пиршеств страдать приходилось
Достойным датчанам... Но бог изменяет
И пряжу судьбы всех вступающих в битву:
Он шлет утешенье, защиту и помощь —
В отваге героя — всем воинам славным.
Вовеки правдива старинная сага:
Могучий создатель вовек не забудет
Наш род человеческий!

Темною ночью
Шагами чуть слышными шествовал призрак.
А стража палаты спала беззаботно.
Не спал лишь один. Вдруг увидели люди,
Что гнусному гаду без воли господней
Их к теням отправить теперь не удастся,
Что бодрствуя ждет его смелый противник
И верх над врагом он возьмет вероломным.
С туманных высот и с болот опускался
К палате сам Грендель, отверженный богом,
Чтоб многих мужей венценосного дома
Из датского рода опять уничтожить.
И к дому датчан золотому пришел он,
В их тронный роскошно украшенный зал.
Хоть Хротгара залы разбойным набегам
Не первую ночь подвергал ненавистный,
Однако ни разу ни прежде, ни после
Столь стойкий соперник ему не встречался.
И враг вероломный, добра не сулящий,
В палату прокрался. Он вырвал ворота,
Едва их коснулся. И дверь с крепких петель
Сорвал с грозным шумом. Злодей исполинский
По пестрому полу помчался, пылая
Неистовым гневом. И свет заструился
Из глаз его, словно вскипающий пламень.
В палате застал он уснувших спокойно
Героев, в расцвете и счастья, и силы.
И, прежде чем утро проснется, решил он
Дыхание жизни у юношей этих
Навеки исторгнуть:

манил великана
Снеди избыток. Но жребий суровый
Ему запрещает впредь насыщаться

Англосаксонские воины. Рисунки из рукописи начала XI в.

Плотью героев: боец Хигелака^{*}
Храбрый увидел спящих убийцу,
Что умерщвлять их смертью ужасной
Вздумал без жалости и промедленья.
Спящего воина Грендель хватает.
Мышцы порвал, раздробил ему кости,
Высосал кровь... По кускам пожирая,
Он наслаждался, пока торопливо

^{*} Боец Хигелака — Беовульф.

Руки и ноги не съел. Вслед за этим
Дальше он двинулся. Дерзким движеньем
Ложе героя нащупал. Внезапно
Руку к нему протянул победитель.
Быстро схватил он того, кто замыслил
Злое убийство. Чудовище разом
Мощную руку узнало. Вовеки
Хватки железной такой не знавал он
Ни у кого из мужей всей подлунной!
Сразу же в слезы и страх превратилось
Мужество зверя. Но нет отступленья!
Ни ускользнуть, ни упрятаться в угол,
Ни в преисподнюю сгинуть! Был встречен
Он, как ни разу его не встречали:
Верно, сражался с молитвой вечерней
Победоносный боец Хигелака,
Так обхватил великана, что даже
Пальцы его затрещали. И тщетно
Бросился в бегство безбожный: бесстрашно
Ринулся витязь за ним. Тот напрасно
Думал далекой дорогой добраться
Быстро к болоту — он выбрал недобрый
Час для похода в Оленью палату!
Зал загудел. И пролито было
На пол то пиво, что датчане пили
Вместе с гостями: столь грозными были
Оба противника. Дрогнули стены.
Диво, что, выдержав яростный натиск,
Все ж уцелели, не пали в обломках:
Прочно закован зал лучезарный
Весь был в железо, внутри и снаружи.
И устояло строенье. Но только
Скамьи бесценные — так мне сказали —
В битве мужей со ступенек слетели.
Не сомневались датчане, что силой,
Хитростью бранной никто не разрушит
Дом, драгоценным украшенный рогом:
И не ошиблись, — но пылкое пламя
Пожрало палату^а.

Тут снова пронесся

^а Хеорот был сожжен, когда Хротульф, племянник Хротгара, убил своего двоюродного брата Хретрика, сына Хротгара.

Крик жалобный боли. Многих из датчан,
Стоявших на стенах, боязнь охватила,
Когда услышали выть и стенанье
И дикие вопли противника бога,
Исчадия ада: чудовище это
Страшно схватила и сжала сурово —
Рука победителя, первого в мире,
Какому когда-либо солнце светило!
Едва ли желал бы защитник достойных
Живым отпустить погубителя жизни:
Он знал бесполезность для рода людского
Его бытия. И взмахнули мечами,
Наследием предков, мужья Беовульфа,
Надеясь, что станут надежной защитой
Могучему мужу, мужей властелину.
Но в дружном дерзанье друзья и герои,
Что ринуться разом решились на зверя,
Желая отнять у жестокого жизнь,
Не ведали даже, что недруг, к несчастью,
Навеки заклатьем от всех защищенный,
Не мог быть повержен острейшим оружием,
Мечом драгоценным, копьем, лучшим в мире.
Все ж выродку адскому гибель грозила
В назначенный час!

А пока, побежденный,
Противником он принужден к отступленью.
И чудище злое, что прежде так часто
Убийствами жажду злодейств утоляло,
Впервые узнало слабость и немощь,
Едва его стиснул боец Хигелака.
Пока он дышал, Грендель все же казался
Опасным герою. Но грозное горе
Изведал и зверь-людоед: перебиты
У гнусного кости и порваны жилы,
Разодрано было плечо, и победа
Досталась достойному. С дикою дрожью
Отверженный демон в утесы убрался
И в бездне болота безрадостно сгинул,
Почувствовав ясно, что прочь улетела
Годов вереница!..

А после сраженья

Для датчан воскресло блаженное счастье.
Разумный и храбрый, пришелец-спаситель
Хротгара дворец королевский очистил
И победоносно покончил со страхом.
Свой подвиг свершил он и славное слово
Свое не нарушил, отмстивши злодею
За беды, что долго датчане терпели
От злобного духа, свирепого в гневе.
А в знак наказания злодейства он в зале
Кисть вместе с плечом и предплечьем гиганта,
Высоко подняв, бросил на пол палаты:
В бою Беовульф их у Гренделя вырвал.

[ПИР]

Оленью палату могучие руки
Очистили вскоре. И залу для пиршеств
Великое множество жен и мужей
Вновь придали блеск: золотистые ткани
Спускались по стенам, чудесно сверкая
И взоры лаская входящих в палату.
Хоть сильно был дом поврежден и палата,
Железные скрепы внутри сохранились.
Хоть сорваны петли дверные, но крыша
Осталась над домом: в разгаре разбоя,
Спасаясь от смерти, отчаявшись, демон
Бежал, но нелегкой казалась задача:
Кто вырваться может, тиски разрывая!
Уже уготовано отдыха место
Всем жаждущим сна человекорожденным
Земли обитателям, — место, где вскоре
Возлягут они на последнее ложе
Для вечного сна. —

Вот Скильда потомку^{*}

Пора отправляться на пиршество — прямо
В палату правителя датских героев.
Ни разу не видано было такого

^{*} *Скильд* — легендарный родоначальник датских королей; потомок Скильда — Хротгар.

Веселья великого вокруг властелина!
Среди многочисленной свиты сидели
Правителя оба, исполненных счастья
Склонясь над столом, с ликованием вкушали
Усладу мужей, крепкий мед, два героя —
Сам Хротгар и Хротульф^а в палате Оленьей.
Любовь улыбалась на пире, и души
Героев не ложью, а дружбой питались.
Хеальфдена сын^б предложил Беовульфу
В награду за подвиг свой стяг златотканый,
Знак войска богатый, и шлем, и кольчугу.
И меч-победитель, сокровище мира,
Предложен был также спасителю датчан,
Что в зале златом не срамил своей кружки.
Дары дорогие достойны героя;
Ни разу не слышал я, чтоб подносились
На пире столь ценных четыре подарка
Герою с таким дружелюбием отменным!
С высокого гребня на шлеме спускался
Султан, перевитый железною сетью,
Чтоб недруг продажный с враждебным искусством
Мечом вредоносным вовек не сумел бы
Вредить щитоносцу в сраженье геройском.
Король благородных в ограду палаты
Велел привести скакунов две четверки
В роскошном убранстве. На первом лежало
Седло драгоценное, чудо искусства:
То грозного было монарха сиденье.
И нравилось праздновать праздник оружия
Хеальфдена отпрыску: знал он, что даже,
Когда отступали герои, то с ними
Он не отступал никогда. Предлагает
Он, первый из Ингвинов^в, в дар Беовульфу
Коней и оружие с благим пожеланьем
Их в битве проверить. Столь великодушно
Он, клада хранитель, дарует в награду
Коней и оружие герою. А кто же

^а *Хротульф* — племянник Хротгара.

^б *Сын Хеальфдена* — Хротгар.

^в *Ингвины* — датчане.

Отвергнет дары, что даются с любовью?
И князь благородный обрадовал также
Сподвижников смелых героя геатов
Дарами — из предков наследства большого.
Он золота много тому выделяет,
Кто был бы растерзан — возможны ль сомненья? —
Когда б не вмешались судьба, и создатель,
И смелость героя. Ведь смертными всеми
Создатель наш правит, как встарь, и поныне.
Поэтому пользу прямую приносит
Раздумье над каждым поступком: ведь много
Страданий и радостей нас ожидает,
Пока мы живем в этом мире юдоли.
Вот с музыкой вместе слышалось пенье
Пред князем могучим, водителем войска.
И дрогнули струны, и песнь зазвучала,
И Хротгара-князя певец преисполнил
Блаженством мужей, что сидели за медом.

(Певец поет о сражении, в котором пали брат и сыновья королевы Хильдебург, жены фризского короля Финна, и о том, как Хильдебург после гибели своего супруга попала в плен к датчанам.)

...Так сага гласила,
Что спета певцом. И блаженная радость
По залу прошла. Вот из полных кувшинов
Вином наполняются чары. Подходит
К племяннику с дядей Веальхтеов¹. Обруч
На ней золотой. (Да, сердцами все вместе
Держались родные единого рода.)
У ног короля восседал рыцарь Хунферт,
Что дух поднимал, но, от чревоугодья,
Был сам ненадежен в бою.

Королева
Сказала: «Прими этот кубок, властитель.
С дарующим радость пусть радость пребудет!
О друг дорогой, верный долгу мужскому;
Нести о геатах ты должен заботу.
Ты добрых одаривать должен дарами:
Вблизи и вдали уже мир воцарился.

¹ Веальхтеов — королева, супруга Хротгара.

Сражающиеся рыцари. Миниатюра из рукописи начала XIV в.

Я слышала также — ты хочешь, как сына,
 Героя приблизить, что замок очистил.
 Сокровища можешь раздать, повелитель,
 В палате для пиршеств, пока не иссякли,
 Но царство оставь для своих, чтоб в почете,
 Когда будешь призван всевышним, наш Хротульф
 Наследье твое получил, — если с жизнью
 Ты раньше простишься, о вождь щитоносцев!
 Я знаю — воздаст он лишь благодеяньем
 Сынам нашим, вспомнив, что с детства его мы,
 Как милого сына, любя, принимали.
 Затем подошла королева к скамейке,
 Где Хротмунд и Хретрик, сыны королевы,
 Среди своих сверстников смелых сидели.
 Геат Беовульф восседал возле братьев.
 Его попросила принять она кубок
 И перстня из золота два драгоценных^{*}
 Прекрасные два для руки украшения, —
 И пояс, и платье, и обруч богатый,
 Какого не видано в целой вселенной.
 Сокровищ ценнее, прославленных больше

^{*} Золотые перстни носили только воины знатного рода.

Не знали в подлунной, с тех пор как похитил
Клад Брисингов Хама и в замок упрятал,
Эрманрика гнев заслужив похищением
И благословенье народа навеки...

... В палате

Геату меж тем говорит королева:
«Возьми этот обруч, о Беовульф милый.
Ты, храбрый, в наряд оденься драгоценный.
Будь счастлив, обрадован княжеским даром!
Храни себя верно, и детям науку
Свою преподай ты с любовью — награду
Получишь за это. Ведь ты своей силой
Стяжал себе славу, герой благородный,
Повсюду, где волны, гонимые ветром,
У берега бьются... Тебе я вручаю,
Тебе, благородному, благо сокровищ.
Будь счастлив ты в жизни и мальчиков помни,
В великом веселье учи их, достойный!
Здесь каждый друг другу не враг, а товарищ,
К правителю все расположены сердцем,
Бойцы благодушны, и слуги учтивы.
Так пейте же, верные, просьбе внимая!»

И к трону вернулась она. Пир блаженный!
Питье благородных! Но кто угадал бы
Угрозу судьбы, ее поступь в потемках,
Несущую смерть одному из героев,
В то время как доблестный Хротгар вернулся
На отдых.

Палату сейчас, как обычно,
Бойцы без числа берегли после пива.
Полы подмета, положили подстилки,
Поставили ложа и, пьяны от пива,
Сонливые, слабые, все задремали.
Щиты, серебрясь, в изголовьях висели,
Из дерева сделаны светлого. Рядом,
Над ложами, высились шлемы, кольчуги,
Могучие копья — таков был обычай:
И в поле, и в доме, во всем облаченье,
Во всякое время, когда б ни призвал их
Правитель любимый к неожиданному бою,
Нуждаясь в друзьях, — был народ наготове!

БОЙ ПОД БРУНАНБУРГОМ

Отрывок из англосаксонского исторического эпоса, сложенного древним аллитерирующим стихом, вписанный в «Англосаксонскую хронику» (так называемая Винчестерская рукопись) под 937 г.

¹ Тут Эдельстан-кюнинг^а, князь над ратными,
Ближним кольца дарящий, и брат его кровный,
Эадмунд властный вечную славу
Добыли в сече сталью мечей,

⁵ Возле Брунанбурга вал щитов^б разбили;
Сekli липы боя сыном молота^с
Отпрыски Эадвеарда. Это их наследье
От предков и прадедов — чтоб в поле без устали
С вражеским войском — за вотчину биться,

¹⁰ За дом и добро. Дробно валились
Вороги-скотты и викинги с моря,
Падали в поле, почву поили
Кровью павших с тех пор, как под утро
Солнце встало, светило славное,

¹⁵ И скользнуло над сушей светлой свечкой божьей,
Чудом господ вечного, до часа, как вновь
На стол свой воссело^д. Тут сотни легли,
Поколоты копьями, кмети с севера
И трупы скоттов, на тарчи^е наваленных,

²⁰ Изнемогших в сече. И следом вест-саксы
Весь долгий день двигались за ратью,
Гнали грозно гридней супротивных,
Буйно бегущих били с тыла.
Мелют мечи. Мужи мерсийские

^а Эдельстан — внук Альфреда Великого; был королем (кюнингом) Уэссекса, Мерсии и Нортумбрии (924—940 гг.). Описывается битва его с королем скоттов — Олафом (Анлаф в англосаксонском произношении), объединившим в своем войске скоттов (шотландцев) и викингов (норманнов), владевших в то время северной частью Ирландии.

^б Язык эпической поэзии англосаксов так же богат метафорами, как и язык поэзии скандинавской. Так, «вал щитов» — сомкнутый строй воинов.

^с Липы боя — щиты. Сын молота — меч.

^д На стол свой воссело — зашло.

^е Тарч (древнерусск.) — круглый щит.

- ²⁵ Потчевали долго пиром дланей^a
Воинов, что с Анлафом по водам приплыли
На лоне ладейном, лакомы на землю,
Чтоб в поле погибнуть. Пятеро лежали
На боище кинутых кюнинггов юных,
- ³⁰ Статью иссеченных, и семеро с ними
Графов Анлафа, и груды гридней,
Скоттов и викинггов. Вон был выгнан
Вождь варяжский, не по вольной воле
Челн свой отчалил с честью невеликой.
- ³⁵ В море лодки прынули. Поплыл кюнинг
По желтой пучине, жизнь сберег он.
Так из боя мудрый бегством спасся
В дом свой на север древле Константинус^b,
Сивый ратоборец; не смел похвалиться
- ⁴⁰ Вечем мечей^c; не выручил отпрыска,
Родичей бросил на бранном соборе^d,
В сече сраженных, сына оставил,
От ран погибшего, в ратном поле,
Юное чадо. Чваниться не смел
- ⁴⁵ Стуком стали^e старец седовласый,
Древний и злобный. Не должен и Анлаф
С разбитою ратью рьяно кичиться,
Будто они в битве буйными были,
При трепете стягов средь строя бойцов,
- ⁵⁰ Под скрежет сулиц на сретенье смелых^f
Под грохот оружия, когда грозные вышли,
Чтоб с семенем Эадвеарда силой мериться.
Сѣли викинги в струг^g, сбитый гвоздями,
Недоедки дротов^h. По Динговым водам,

^a *Пир дланей* — бой.

^b Ссылкой на Константинуса-императора поэт стремится показать свою книжную ученость.

^c *Вече мечей* — битва.

^d *Бранный собор* — битва.

^e *Стук стали* — битва.

^f *Сретенье смелых* — бой.

^g *Струг* (русс. народн.) — ладья с острыми концами.

^h *Недоедки дротов* — оставшиеся в живых воины.

- ⁵⁵ По бездонному морю мчатся в Дублин,
Снова в землю иров^а со срамом великим.
Так воины-братья вместе воротились,
Кюшгаг и эделинг^б, в край родной
Весело с битвы, в веси вест-саксов.
- ⁶⁰ На трупах оставили темносермяжных
Воронов мрачных мясо делить
Крепкими клювами, и в корзнях смурых
Орлов на поле, падких на пададь,
И соколов хищных, и серого зверя,
- ⁶⁵ Волка в чаще. Ввек не валилось
На острове этом под острою сталью
Больше бойцов в буйной битве
(Как молвили нам мудрые мужи,
Что помнят древность), с тех пор как приплыли
- ⁷⁰ Англы и саксы смело с востока
По вольным волнам в волости бриттов
И, войн ковачи^с, веалов^д осилили,
Достославные ратники родину добыли.

Л Е Н Г Л Е Н Д

Вильям Ленгленд (около 1332 г.—около 1377 г.), автор аллегорической поэмы «Видение о Петре-Пахаре» («Vision of Piers the Plowman», первая редакция — около 1362 г., вторая — около 1377 г.), был выходцем из крестьянской семьи. Получив образование в монастырской школе, он, однако, не стал клириком, но, перебравшись в Лондон, разделит тяжелую долю столичных бедняков. Он никогда не заискивал перед богатыми и знатными. По его словам, он был «слишком длинен, чтобы низко нагибаться».

В то время Англия вступала в полосу социальных потрясений. Быстрое развитие товарно-денежных отношений порождало усиленную эксплуатацию крестьянства и город-

^а *Земля иров* — Ирландия.

^б *Эделинг* — высокородный, муж знатного рода.

^с *Войн ковачи* — витязи.

^д *Веалы* — Weales, Wales — общее название кельтских, а иногда и вообще иноземных племен.

ского плебейства. В стране царило всеобщее брожение. Все более грозный характер принимало народное антифеодалное движение, приведшее к восстанию 1381 г.

Ленгленд явился одним из выразителей этого народного протеста против несправедливых социальных порядков. Его «Видение о Петре-Пахаре» представляет собой широкую картину общественной жизни Англии второй половины XIV в. Поэт глубоко сочувствует угнетенным массам и негодует на высокомерие и пороки сильных мира сего. Переключаясь с лоллардами (последователями английского реформатора Джона Виклифа), он горячо протестует против алчности, тунеядства и эгоизма католического клира во главе с самим римским папой. В лице Петра-Пахаря, знающего путь в царство Правды, он прославляет трудовой люд, который, по мнению Ленгленда, составляет естественную здоровую основу всякого общества. И хотя Ленгленд не призывал к коренной ломке существующих социальных отношений, переноса вопрос о социальной справедливости в плоскость нравственных идеалов, его поэма в немалой мере содействовала революционизированию народного сознания. Недаром идеологи и вожди народного восстания широко использовали «Видение о Петре-Пахаре» в своей пропаганде.

Как поэт, Ленгленд еще довольно тесно связан с традициями средневековой литературы. Типично средневековой является, например, форма видения, сна, в которую облечена поэма. Однако образы видения взяты не из загробного мира, как это обычно было в памятниках культовой литературы (ср. «Видение Тнугдала», раздел «Латинская литература»), и не из галантного мира куртуазного любовного романа (ср. «Роман о Розе», раздел «Французская литература»), но из повседневной английской жизни XIV в., и это придает аллегорической поэме Ленгленда реалистический характер, тем более что многие аллегорические образы воплощены в такую типично житейскую форму, что читатель подчас забывает об их иносказательной природе. В этом отношении особенно примечательна колоритная галерея пороков, например изображение Чревоугодия, выведенного в образе пьяницы-ремесленника, который шел в церковь, а попал в кабак (см. приводимый отрывок).

Поэма Ленгленда имела большой успех у демократического читателя. Она вызвала ряд подражаний. Имя Петра-Пахаря стало нарицательным. Накануне английской буржуазной революции XVII в. о Ленгленде как о мастере антифеодалной сатиры с большим сочувствием отзывался Мильтон.

ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ-ПАХАРЕ

ПРОЛОГ

Однажды летней солнечной порою
Облекся я в одежду пилигрима —
Хоть по делам я вовсе не святой —
И странствовать пошел по белу свету,
Узнать, какие в мире чудеса,
И майским утром на холмах Мальвернских
Прилег, дорогой длинной утомленный,
Я отдохнуть на берегу ручья.
Склонившись вниз, я стал глядеть на воду;
Приятный плеск поверг меня в дремоту,
И я, заснув, увидел странный сон.
Мне снилось, будто я в неведомой пустыне,
Где никогда дотоле не бывал.

К востоку от меня стояла башня;
В долине перед ней была тюрьма,
И страшны были рвы темницы мрачной.
Меж башней и тюрьмой в красивом поле
Увидел я огромную толпу.
Был всякий люд там: знатный и простой.
Кто странствовать пускался, кто трудился,
Как издавна на свете повелось.
Одни тянули плуг, копали землю,
В труде тяжелом взращивая хлеб;
Другие ж их богатства истребляли.
И были, кто, объятые гордыней,
В наряды дорогие облеклись.
Иные ж предавались покаянью,
Молитвой жили и постом в надежде
Сподобиться небесного блаженства.
Они закрылись в одиноких кельях
И в мир не шли за ублаженьем плоти.
И были, кто избрал себе торговлю:
Известно, — процветают торгаши.
Другие ж в менестрели подрадились
И добывали хлеб веселой песней,
За это их никто не обвинит.
Шуты, жонглеры — сыновья Иуды —
Болтали вздор, ломали дурака,
Однако ж, как и всем, в поту трудиться
У них вполне достало бы ума.
Про них сказал еще апостол Павел,
Что сквернослов — угодник Сатаны.
Кругом все попрошайками кишело;
У них набиты брюхо и мешки;
По сердцу им, как нищим, побираться
И пьянствовать, и драться в кабаках.
Нажравшись, пьяные они ложатся
И с дикой бранью поутру встают;
Проводят жизнь свою во сне и лени.
Там меж собой решили пилигримы
Идти к святому Якову^а и в Рим.

^а Рака св. Якова в Компостела в Галисии (Испания) была знаменитым местом паломничества. *Рака* — гробница, в которой находятся мощи (останки) святого.

Когда ж из странствий возвратятся,
Каких понарасскажут небылиц!
Я слышал тех, что у святынь бывали:
Что ни рассказ, то лжи нагроможденье,
И с ложью, видно, свылся их язык!
Шли в Уолсингем на поклоненье Деве
Паломники, а с ними — девки их.
Работать лень болванам долговязым;
Куда вольготней, в рясы нарядившись,
Бездельников блаженных жизнью жить!
Всех орденов бродячие монахи
Народу там Писанье толковали:
И вкривь и вкось евангельскую правду
Они вертели, только бы щедрей
Им заплатил доверчивый мирянин.
Есть щеголи среди господ монахов.
Ведь их товар и деньги — неразрывны;
И стало мелким торгашом Прощенье:
Отпустит знатным лордам грех любой,
Лишь только бы они ему платили.
Когда не станут церковь и монахи строже,
Великих бедствий ждать нам на земле!
Торговец индульгенций ходит с буллою^а,
На булле той епископа печать.
Хоть нету у плута святого сана,
Но отпустить грехи он всем сулит.
И люд мирской, колени преклоняя,
Целует с верой буллу продавца.
Ему кто брошкой платит, кто кольцом.
Так золотом мирян обжоры сыты
И, как святой, у них в почете плут.
Носи епископ митру по заслугам,
Печатью не скреплял бы он обман.
Епископ сам с обманщиком в ладу.
Приходский поп с торговцем индульгенций
Разделят полюбовно серебро.
Не будь бы их, на эти деньги можно
Всю бедноту прихода накормить.
Попы из сел епископа молили

^а *Булла* — папская грамота. Здесь: грамота, дающая отпущение грехов.

Позволить в Лондон перебраться им, —
С тех пор как по стране прошла зараза,
Приходы их погрязли в нищете.
Всем в Лондон им хотелось бы забраться,
За мессы там побольше получать.
Епископы, магистры, бакалавры,
Священники, носящие тонзуру^{*},
Все те, кому Христос препоручил
Радеть о душах грешных прихожан,
Их исповедовать, за них молиться, —
Они живут все в Лондоне отлично.
Кто состоит на службе короля,
Казну его считает в казначействе,
Ему долги взывает с горожан,
Берет имущество и скот в уплату
С кварталов королевских должников.
Другие ж знатым лордам служат,
Как стюарды, хозяйство их ведут.
Не до заутрен им, не до обеден,
Делами светскими поглощены.
В день Страшного Суда их всех, наверно,
Христос, прокляв, низринет прямо в ад.

.....
Еще я видел там в нарядных шапках
Судейских стряпчих целую толпу.
Они закон отстаивать готовы
За фунт иль пенсы, а не ради правды.
Измеришь ты мальвернские туманы
Скорей, чем их заставишь рот раскрыть,
Не посулив вперед хорошей платы.
И видел я баронов, горожан
(О них я вам поведаю позднее),
Варильщиц пива, женщин-пекарей,
И шерстобитчиц видел, и ткачих,
Портных, и пошлин сборщиков на рынках,
И медников, и множество других.
Из всех работников на белом свете
Трудятся всех ленивей землекопы:

^{*} *Тонзура* — выбритый кружок на голове, отличительный признак католических священников, символ их отречения от мирских интересов.

«Пусть Эмму бог хранит!» — поют.
Там повара и слуги их кричали:
«Горячих пирожков кому угодно!
Гусей отменных, уток, поросят!»
Им вторили хозяева таверн:
«У нас есть вина Рейна и Рошели,
Эльзаса белое и красное Гаскони;
Жаркое славно будет им запить!»
Так снилось мне и больше семейюкрат.

(Сон автора прерывается, но затем он засыпает опять, и ему снится, что Разум призывает грешников покаяться. Следует описание исповеди семи грешников — семи смертных грехов. Один из них — чревоугодие.)

И з г л а в ы V

[ЧРЕВОУГОДИЕ]

Собрался раз Обжора в божий храм,
Грехи свои излить в исповедальне.
Шинкарка «Добрый день» ему сказала,
Спросив, куда он держит путь.
«Иду на исповедь, — сказал Обжора, —
Чтоб отпущенье получить грехам».
«Зайди ко мне, — шинкарка предложила, —
Каким тебя я элем угощу!»
«А к элю есть ли острые приправы?» —
«Пиона семя, перец и чеснок,
И есть укроп, коль вздумаешь поститься».
Вошел Обжора к ней, забыв обеты.
Кого-кого он там ни увидал!
Сидела Сис-башмачница на лавке,
И сторож Уотт там был с своей женою,
И был там медник Тимм, и подмастерья,
Извозчик Хикк, разносчик Хью, Кларисса,
Церковный клерк и Доу-землекоп,
Сэр Питер Прайд, фламандка Перонелла,
Бродяга-музыкант, канатный мастер,
И крысолов, и мусорщик с Чипсайда,
И чей-то конюх, и торговка Роза,
Гриффин из Уэльса, Годфри с Гарликхайса,
Старьевщики и множество иных.
И все они приветствуют Обжору,
И рады добрым элем угостить.

Сапожник Клемент сбрасывает плащ,
Готов продать его на Новом рынке;
Извозчик Хикк свою снимает шляпу
И, отойдя с сапожником в сторонку,
Вступает с ним в предлинный торг.
Они никак не могут столковаться,
Пока канатный мастер Робин
Себя судьей им не предложил.
И Робин вынес мудрое решение:
Извозчик Хикк получит плащ Клемента,
Он за него отдаст Клементу шляпу,
А тот Обжоре кубок поднесет.
Но если кто о торге пожалеет,
Тот должен встать, Обжоре поклониться
И эля поднести ему галон.
Ах, сколько смеха было там и крика!
И пели хором «Чашу круговую»;
Так до вечерни время провели.
Там не один галон Обжора выпил,
Покуда брюхо у него раздулось
И, как свинья, вдруг принялось ворчать.
За время, нужное для «Отче наш»,
Он напрудить успел мочи две кварталы
И на рожке своем играть принялся,
Который был внизу его спины.
Все за носы свои скорей схватились,
Едва слышали его рожок,
И все Обжору попросили
Рожок хотя бы чем-нибудь заткнуть.
Обжора на ногах едва держался,
Но, палку взяв, отправился домой.
Он брел, как пес бродяги-музыканта,
То шаг вперед, то вдруг подается вбок;
А то, как птицелов, присядет,
Чтоб на земле силки установить.
У дома же глаза ему застлало;
Споткнувшись о порог, свалился он.
Сапожник Клемент взял его за пояс
(Обжора очень тучный был детина),
Хотел поднять, поставить на колени.
Клементу фартук тут он облевал.
И не нашлось бы в целом Герфордшире

Таких голодных псов, чтоб согласились
Всю эту мерзость с голоду сожрать!
Жена с любовницей, стена гонимая,
Кладут тогда Обжору на кровать.
Он, пиршеством измученный безмерным,
Проспал два дня и только на закате
Второго дня стал протирать глаза.
Очнувшись, он тотчас спросил про миску.
Жена тут принялась его корить.
Раскаянье явилось и ему сказало:
«Грешил всю жизнь ты словом и делами,
Так устыдись и каяться спеши?»
«Во многом грешен я, — сказал Обжора, —
Я имя бога все поминал.
Без толку клялся богом и святыми
Раз девятьсот, когда не больше.
В обед ли, в ужин так я нажирался,
Что здесь же яства извергал назад.
И в пост я вкусно ел и сладко пил,
А за столом подчас от пресыщенья
Впадал я в сон и сонный все жевал.
Любил в тавернах слушать всякий вздор
И пировал под вздорные рассказы».
Раскаянье Обжору похвалило:
«Твое чистосердечье грех уменьшит».
Тут стал Обжора горько сокрушаться
И соблюдать посты пообещал:
«Готов снести и голод я, и жажду,
А в постный день к себе в утробу
И рыбу даже я не допущу,
Пока от Воздержанья — тети строгой —
Не получу на это позволенья.
Ах, как я Воздержанье не любил!»

Из глав V и VI

[ПЕТР-ПАХАРЬ]

.....
И там толпились тысячи людей,
К Христу и к богородице взывая,
Прося помочь им Правду отыскать.
Никто из них не знал туда дороги.

По берегам ручьев, среди холмов
Они блуждали долго и бесплодно,
Пока не повстречали наконец
В восточном одеянье пилигрима.
Дорожный посох был его обвязан
Широкой лентой, вьющейся, как плющ;
Мешок и кружка на боку висели,
А шляпу, точно гроздь, отягчали
Святой водой наполненные склянки;
И галисийских раковин немало,
Кресты и ладанки, ключи из Рима,
И образ на груди, чтоб знали все,
Каким святыням странник поклонился.
«Откуда ты?» — они его спросили.
«Я на Синае был, — он им в ответ, —
«Я также посетил и гроб господен,
И Вифлеем, и дальний Вавилон,
Я был в Армении, в Александрии,
О чем вам знаки эти говорят.
И в дождь, и в зной я шел к святыням дальним,
Ища своей душе небесных благ». —
«Не знаешь ли ты одного святого,
Чье имя Правда? Где его жилище?
И не укажешь ли к нему дорогу?»
И им тогда ответил пилигрим:
«Свидетель бог, я не встречал доныне
Ни разу странника, чтоб вопрошал
Меня о Правде. Нынче — в первый раз». —
Но здесь заговорил смиренный Пахарь:
«Клянусь святым Петром, я Правду знаю,
Как знает книгу мудрый грамотей!
Благоразумие и Совесть часто
Меня к жилищу Правды провожали,
А я себя связал обетом твердым,
Что буду Правде с верностью служить.
Так пятьдесят уже минуло зим,
Как я слугой у Правды-господина.
Пашу и сею, жну и молочу,
Иль на лугах стада его пасу.
Так Правде будучи слугою верным,
Я выполняю труд его любой:
Я медник иль портной, коль Правда скажет,

Прядильщик, ткач — когда он мне велит.
Но господину ревностно служа,
Я сам никак не остаюсь в убытке:
На свете нет плательщика исправней,
Своих он щедро награждает слуг.
Как агнец, кроток, речь его приветна.
И если впрямь к нему идти хотите,
Я укажу вам к Правде верный путь».
«Да, милый Петр!» — вскричали пилигримы
И обещали славно заплатить,
Лишь бы привел он их к жилищу Правды.
«Клянусь души моей спасеньем — нет! —
Ответил Петр. — Я платы не возьму,
Хотя бы вы Фомы святого раку,
Пообещали мне за это дать!
И Правда меньше бы меня любила.
Когда ж вы в дальний путь идти готовы,
Я расскажу, как Правду вам найти».

(Петр-Пахарь перечисляет пилигримам добродетели, через которые ведет путь к Правде: кротость, скромность, воздержание и т. д.)

«Твой путь хорош, — сказали люди, — только нужен
На нем всегда надежный проводник».
«Клянусь святым Петром! — воскликнул Пахарь, —
Вспахать земли пол-акра должен я.
Когда я их вспашу, потом засею,
Тогда смогу указывать вам путь».
«Но нам пришлось бы долго дожидаться! —
Тут леди под вуалью возразила, —
Нам, женщинам, как время скоротать?»
«Пускай мешки зашьют, — ответил Петр, —
Чтоб не просыпалась из них пшеница.
Да, ваши пальцы, леди дорогая,
Привыкли шить по шелку и сендалу
И ризы капелланам мастерить.
Прядите лен и шерсть вы, жены, вдовы,
И шейте одеянья холстяные;
Тому ж учите ваших дочерей.
Нагих и сирых здесь лежит немало,
И Правда их одеть повелевает.
Моя же, Пахаря, забота — пища.
Богатый, бедный ли — все будут сыты,

Пока я жив по милости господней.
А вы, кто хочет есть и пить, придите
Помочь тому, кто возвращает хлеб!»

.....
«Пока я жив, служить я буду Правде!
Как пилигрим, на пользу беднякам
Отправляюсь в странствие за плугом;
Мне плуг да служит посохом дорожным
И землю предо мною бороздит!»
Тут отошел Петруша-Пахарь к плугу,
А пилигримы верные — за ним:
Ему помочь вспахать его пол-акра.
И начали они, Петру в угоду,
Копать межи, выпалывать сорняк;
Трудился каждый там, как только мог.
Петру по сердцу странников усердье.
Кто всех прилежнее меж них трудился,
Богаче всех тот будет награжден,
Когда пора наступит урожая.
Но там нашлись меж странников лентяи:
Тянули эль и пели «Тролли-лолли»,
И в этой песенке вся помощь их была.
«Клянусь душой! — воскликнул гневно Петр, —
Коль вы тотчас не приметесь работать,
Вам ни одно зерно не станет впрок,
И если скосит вас жестокий голод,
Тому сам дьявол будет только рад!»
От слов таких обьял испуг лентяев.
Одни тогда прикинулись слепыми,
Другие же хромыми притворились,
И стали плакать горько и стенать.
Они к Петру с мольбою обратились:
«Помилуй боже нас, но мы — калеки,
Работать нам совсем не вмоготу.
Мы за тебя молиться станем, Петр,
Чтоб бог тебе умножил урожай
И наградил тебя за милосердье;
Куда ж трудиться нам самим, несчастным!»
«Увидим, так ли это в самом деле, —
Ответил Пахарь им. — Я только знаю,
Что вы добро привыкли расточать.
Я Правде верно издавна служу

И расскажу ему, кто здесь трудился,
А кто здесь жил плодом трудов чужих.
И Правда вас тогда труду научит,
Не то — ячменным хлебом вам питаться
Да воду ключевую только пить!
Слепой, хромой, закованный в колодки,
Пускай со мной пшеничный хлеб вкусят,
Пока господь не дал им исцеленья.
А вы, притворщики, работать в силах:
Пасти ли скот иль охранять посевы,
Копать ли рвы иль молотить на гумнах,
Месить известку и возить навоз.
Но вы погрязли в лени и обмане
И лишь по милости вас терпит бог!..»

ЧОСЕР

Джеффри Чосер (около 1340—1400 гг.) — крупнейший английский писатель XIV в., называемый «отцом английской поэзии». Родился в Лондоне в семье виноторговца. Деловые связи отца открыли будущему поэту доступ ко двору. Чосер был пажом, королевским камердинером, а затем королевским курьером (дипломатические поездки во Фландрию, Францию и Италию между 1370—1378 гг.). В 1374 г. он получил место таможенного контролера при лондонском порте. В 1386 г. был избран депутатом в парламент. Когда же придворная партия во главе с герцогом Глостером захватила власть, Чосер оказался не у дел. Вскоре, однако, материальное положение его вновь начало поправляться. В 1389 г. он получил надзор за рядом казенных построек. Новый король Генрих IV назначил ему пенсию.

Творчество Чосера очень ярко отразило сдвиги, наметившиеся в английской культуре второй половины XIV в. Уже начали шататься устои феодальной системы. Народное восстание 1381 г. с огромной остротой поставило вопрос об упразднении крепостнических порядков. Поднимались города.

Заметно потускнел ореол католической церкви. Англия стояла на дороге большого исторического перелома. Поэзия Чосера проторгает путь литературе английского Возрождения. Правда, Чосер еще довольно тесно связан с традициями средних веков. Он переводит на английский язык французский аллегорический «Роман о Розе». Его продолжает привлекать столь излюбленная в средние века форма «видения» («Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент»). Характерно, однако, что сквозь аллегории и символы у Чосера уже начинают проступать образы вполне реальной жизни. Его влечет все земное, осязаемое, человеческое. С большим интересом следит он за успехами передовой итальянской гуманистической литературы XIV в., с которой он тесно соприкоснулся в бытность свою в Италии. Особенно близок ему Боккаччо. Поэма Чосера «Троил и Крессида» (1382) представляет собой вольную обработку поэмы Боккаччо «Филострато». По-

Джеффри Чосер. С рисунка его ученика
Томаса Окклива. Из английской
рукописи XV в.

эма Боккаччо «Тезеида» и новелла о Гризельде из «Декамерона» (X, 10) того же автора появляются в «Кентерберийских рассказах» (рассказы рыцаря и студента).

Но Чосер отнюдь не был рабоплежным подражателем иноземных авторов. У него был широкий литературный кругозор. Он вовсе не скрывал своей склонности к ряду древних и новых европейских поэтов. Однако всегда оставался он самобытным английским писателем. Его главным источником всегда оставалась жизнь современной Англии. Из года в год внимательно наблюдал он ее течение. И в лучшем своем создании, в «Кентерберийских рассказах» («*Canterbury Tales*», 1386—1389), он создал удивительно яркую, красочную панораму этой жизни. По силе реалистического письма, острой иронии и свободному взгляду на вещи это произведение не имеет себе равных во всей английской литературе до XVI в. Не случайно М. Горький назвал Чосера «основоположником реализма». Правда, будучи представителем переходной эпохи, Чосер и в данной книге еще не свободен от ряда средневековых предрассудков. Однако вовсе не эти предрассудки составляют ведущую тенденцию рассказов. Его творение уже про-

низано жизнерадостным вольномыслием, столь характерным для эпохи Возрождения. Чосер смело ломает вековые традиции. Он отрекается от средневекового схематизма, противопоставляя ему новый эстетический принцип, воплощенный в требовании жизненной правды. Он верит в право человека на земное счастье. Он хочет, чтобы человек не был рабом судьбы.

Он всегда готов прославить его энергию, ловкость, ум, находчивость и жизнелюбие. Вслед за лоллардами^{*} он ядовито осмеивает клеветников папского Рима, высасывающих из английского народа последние соки. При этом Чосера, как впоследствии Шекспира, вовсе не страшит плебейская простонародная стихия. Он отдает дань скоромной шутке, площадным анекдотам, грубоватому комизму, хотя, когда это необходимо, умеет быть изысканным и даже галантным. Он любит разнообразие. Для каждого рассказа находит он особый тон.

Стремление к разнообразию, к богатству характеристик проявляется уже в новеллистическом обрамлении книги. Его рассказы, встречающиеся на большой дороге, это люди из различных уголков Англии, представители различных профессий и социальных групп, с различными интересами, вкусами и пристрастиями. Объединяет их чисто внешний бытовой мотив: все они идут в городок Кентербери на поклонение гробу средневеко-

^{*} Лолларды — «Бедные братья», религиозная секта, ведшая пропаганду социального равенства. Лолларды участвовали в пропаганде Уота Тайлера (1381).

вого английского святого Фомы Бекета, убитого при Генрихе II. На пути в Кентерберии они сближаются и, чтобы скоротать путь, сговариваются рассказывать каждый по две новеллы.

Чосер по неизвестным причинам не закончил своего лучшего произведения. Всего им написано двадцать четыре новеллы. Книга открывается «Общим прологом», в котором дана характеристика всех рассказчиков, вместе с тем каждой новелле предпослан особый пролог, включающий в себя беседы и споры богомольцев или же откровенные признания рассказчика о его обычаях и привычках. Избранная Чосером метрическая форма, резко отличаясь от аллитерирующего стиха англосаксонской поэзии, закладывала основы тонико-силлабического английского стиха. Велика роль Чосера в создании единого английского литературного языка, в основу которого поэт положил лондонский диалект.

КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

ОБЩИЙ ПРОЛОГ

Когда Апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти^а,
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стан,
Так сердце им встревожил зов весны,—
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремилась истоиво; но многих влек
Фома Бекет^б, святой, что им помог
В беде иль исцелил недуг старинный,
Сам смерть прияв, как мученик безвинный.
Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард», в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентерберии по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту

^а Из созвездия Овна солнце выходило, по вычислениям самого Чосера, во второй половине апреля.

^б *Фома Бекет* (1118—1170) — архиепископ Кентерберийский, канцлер Генриха II; боролся с королем за независимое положение церкви и был убит слугами короля; позднее канонизирован католической церковью.

Компанию. Их двадцать девять было.
Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они — пример всем нам —
Шли поклониться праведным мощам.

Конюшен, комнат в «Табарде» немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился.

И вот, покуда скромный мой рассказ
Еще не утомил ушей и глаз,
Мне кажется, что было бы уместно
Вам рассказать все то, что мне известно
О спутниках моих: каков их вид,
И звание, и чем кто знаменит,
Иль почему в забвенье пребывает;
Мой перечень пусть рыцарь открывает.

Тот рыцарь был достойный человек,
С тех пор как в первый свой ушел набег,
Не посрамил он рыцарского рода;
Любил он честь, учтивость и свободу:
Усердный был и ревностный вассал,
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещеные и даже басурмане
Признали доблести его во брани.

Он с королем Александрию брал^а;
На орденских пирах он восседал
Вверху стола; был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву^б, ходил на русских,
А мало кто — тому свидетель бог
Из рыцарей тем похвалиться мог.
Им в Андалузии взят Алжезир
И от неверных огражден Алжир...
...Не раз терпел невзгоды он и горе
При трудных высадках в Великом море^с.
Он был в пятнадцати больших боях;

^а Взята королем Кипра Петром Лузиньяном в 1365 г.

^б Вероятно, имеется в виду поход против литовцев, предпринятый Генрихом Болин-броком (позднее королем Генрихом IV) в союзе с Тевтонским орденом в 1390 г.

^с Так в средние века, по библейской традиции, именовалось Средиземное море.

В сердца язычников вселяя страх,
Он в Тремиссене^а трижды выходил
С неверным биться, — трижды победил.
Он помогал сирийским христианам
Давать отпор насильникам-османам,
И заслужил повсюду почесть он.

Хотя был знатен, все ж он был умен,
А в обхожденье мягок, как девица;
И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
Он бранью уст своих не осквернял, —
Как истый рыцарь, скромность соблюдал.

А что сказать мне о его наряде?
Был конь хорош, но сам он не параден;
Потерт кольчугой был его камзол,
Пробит, залатан, в пятнах весь подол.

Он, воротясь из дальних путешествий,
К мощам отправился со всеми вместе.

С собой повсюду сына брал отец.
Сквайр был веселый, влюбчивый юнец
Лет двадцати, кудрявый и румяный.
Хоть молод был, но видел смерть и раны:
Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел;
Во Фландрии, Артуа и Пикардии^б
Он, несмотря на годы молодые,
Оруженосцем был и там сражался,
Чем милостей любимой добивался.

Стараньями искусных дамских рук
Наряд его расшит был, словно луг,
И весь искрился дивными цветами,
Эмблемами, заморскими зверями.
Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний.
Был в талию камзол, и по колени

^а *Тремиссен* — ныне Тлэмсен, город в Алжире.

^б Основные поля сражений Столетней войны.

Висели рукава. Скакал он смело
И гарцевал, красуясь, то и дело.
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.

Он был приятным, вежливым соседом:
Отцу жаркое резал за обедом.

Не взял с собою рыцарь лишних слуг,
Как и в походах, ехал он сам-друг,
С ним йомен^а был — в кафтане с капюшоном.
За кушаком, как и наряд, зеленым
Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья йомен сохранять умел,
И слушалась стрела проворных рук.
С ним был его большой, могучий лук,
Отполированный, как будто новый.

Был йомен кряжистый, бритоголовый;
Студеным ветром, солнцем опален,
Лесной охоты ведал он закон.
Наручень шитый стягивал запястье,
А на дорогу из военной снасти
Был меч, и щит, и на боку кинжал.

На шее еле серебром мерцал,
Зеленой перевязью скрыт от взора,
Истертый лик святого Христофора;
А на боку охотничий был рог —
Был лесником, должно быть, тот стрелок.

Была меж ними также аббатиса —
Страж знатных послушниц и директриса.
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: «Клянусь святым Элуа».
И вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню;
И по-французски говорила плавно¹,
Как учат в Стрэтфорде, а не забавным

^а Йомен — лично свободный хлебопашец, обязанный службой своему сюзерену, которого он сопровождал на войну.

Парижским торопливым говорком.

Она держалась чинно за столом:
Не поперхнется крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку,
Не оботрет их о рукав иль ворот,
Ни пятнышка вокруг ее прибора.

Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством черед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала.
Сидеть с ней рядом было всем приятно —
Так вежлива была и так опрятна.

Усвоив нрав придворных и манеры,
Она и в этом не теряла меры
И возбуждать стремилась уваженье,
Оказывая грешным снисхождение.
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — игуменья заплачет:
Тот песик околел, того прибили —
Не все собак игуменьи любили.

Искусно спloенное покрывало
Высокий, чистый лоб ей облегало.
Точеный нос, приветливые губки
И в рамке алой крохотные зубки,
Глаза прозрачны, серы, как стекло, —
Все взор в ней радовало и влекло.

Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки
Расцветчивал зеленый малахит.
На фермуаре золотой был щит
С короной над большою буквой «А»,
С девизом: *Amor vincit omnia*^{*}.
Была черница с нею для услуги
И трое капелланов; на досуге
Они вели с монахом важным спор.

^{*} Любовь все покоряет (лат.).

Монах был монастырский ревизор,
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких монахов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками бренчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.

Он не дал бы и ломаной полушки
За жизнь без дам, без псарни, без пирушки.
Веселый нравом, он терпеть не мог
Монашеский томительный острог,
Уставы Мавра или Бенедикта²,
И всякие проскрипты и эдикты.

А в самом деле, ведь монах-то прав,
И устарел суровый сей устав:
Охоту запрещает он к чему-то
И поучает нас не в меру круто:
Монах без кельи — рыба без воды.
А я большой не вижу в том беды.
В конце концов монах — не рак-отшельник,
Что на спине несет свою молельню.
Он устрицы не дал бы за тот вздор,
Что важно проповедует приор.
Зачем корпеть средь книг иль в огороде?
Зачем тощать наперекор природе?
Труды, посты, лишения, молитвы —
На что они, коль есть любовь и битвы?
Пусть Августин печется о спасенье,
А братии оставит прегрешенья.

Был наш монах лихой боец, охотник.
Держал борзых на псарне он две сотни:
Без травли псовой нету в жизни смысла.

Он лебеда любил с подливкой кислой.
Был лучшей белкой плащ его подбит,
Богато вышит и отлично сшит.
Застежку он, как подобает франтам,
Украсил золотым «любовным бантом»³.

³ *Любовный бант* — сложный бант в виде розетки (упоминается и у Шекспира).

Зеркальным шаром лоснилась тонзура,
Свисали щеки, и его фигура
Вся оплыла; проворные глаза
Запухли, и текла из них слеза.
Вокруг его раскормленного тела
Испарина, что облако, висела.
Ему завидовал и сам аббат —
Так представителен был наш прелат:
И сам лицом упитанный, румяный,
И сапоги из лучшего сафьяна,
И конь гнедой, артачливый на вид

С ним рядом ехал прыткий кармелит³.
Брат-сборщик был он — важная особа.
Такой лестью вкрадчивою кто бы
Из братьи столько в кружку мог добыть?
Он многим девушкам успел пробить
В замужство путь, приданым одаря;
Крепчайшим был столпом монастыря.
Дружил с франклинами он по округе,
Втирался то в нахлебники, то в други
Ко многим из градских почтенных жен;
Был правом отпущенья наделен
Не меньшим, говорил он, чем священник, —
Ведь папой скреплено то отпущенье.
С приятностью монах исповедал,
Охотно прегрешенья отпускал.
Епитимья его была легка,
Коль не скупилась грешника рука.
Ведь щедрые на церковь приношенья —
Знак, что замолены все прегрешенья,
И, покаянные дары прияв,
Поклялся б он, что грешник чист и прав.
«Иные, мол, не выдают слезы
И не заставят каяться язык,
Хотя бы сердцем тайно изнывали
И прегрешений скверну сознавали.
Так, чтоб избежать плача и поста,
Давай щедрее — и душа чиста».

Он в капюшоне, для своих подружек,
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.
Был влюбчив, говорлив и беззаботен.

Умел он петь и побренчать на роте^{*}:
Никто не пел тех песен веселей.
Был телом пухл он, лилии белей,
А впрочем, был силач, драчун изрядный,
Любил пиров церемониал парадный,
Трактирщиков веселых и служанок
И разбитных, дебелых содержанок.
Возиться с разной вшивой беднотою?
Того они ни капельки не стоят:
Заботы много, а доходов мало,
И норову монаха не пристало
Водиться с нищими и бедняками,
А не с торговцами да с богачами.

Коль человек мог быть ему полезен,
Он был услужлив, ласков и любезен.
На откуп отпущения он брал,
К стадам своим других не подпускал.
Хоть за патент платил в казну немало,
Но сборами расходы покрывал он.
Так сладко назидание свое
Вещал вдовице, что рука ее
Последнюю полушку отдавала,
Хотя б она с семьею голодала.
Он, как щенок, вокруг нее резвился:
Такой, да своего бы не добился!
В судах любви^б охотно он судил,
И приговоры брат сей выносил
Так, словно был он некий кардинал.

Он рясою своею щеголял —
Не вытертой монашеской реднины,
А лучшего сукна, и пелерина
Вокруг тверда, как колокол, торчала.
Чуть шепелявил он, чтобы звучала
Речь английская слаще для ушей.
Он пел под арфу, словно соловей,
Прищурившись умильно, и лучи
Из глаз его искрились, что в ночи
Морозной звезды. Звался он Губертом.

^{*} *Рота* — инструмент вроде скрипки.

^б *Суды любви*, или *дни любви* — дни, установленные для полюбовного разрешения всяких споров без обращения в суд и без применения насилия. Судьями были обычно духовные лица.

Купец с ним ехал, подбоченья фертот,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландского бобра,
И сапоги с наборным ремешком,
Да бороду. Он толковал о том,
Как получать, как сберегать доходы.
Он требовал, чтоб охранялись воды
В пути из Миддльбурга в Оруэлл*.
Он курс экую высчитывать умел
И знатно на размене наживался,
И богател, а то и разорялся,
Но ото всех долги свои скрывал.
Охотно деньги в рост купец давал,
Но так искусно вел свои расчеты,
Что пользовался ото всех почетом.
Не знаю, право, как его зовут.

Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.
Он ни прихода не сумел добыть,
Ни службы канцелярской. Выносить
Нужду и голод приучился стойко.
Полено клал он в изголовье койки.

Ему милее двадцать книг иметь,
Чем платье дорогое, лютню, снедь.
Он негу презирал сокровищ тленных,
Но Аристотель — кладезь мыслей ценных —
Не мог прибавить денег ни гроша,
И клерк их клянчил, грешная душа,
У всех друзей и тратил на ученье.
И ревностно молился о спасенье
Тех, щедрости которых был обязан.

* *Путь из Миддльбурга в Оруэлл* — одна из главных дорог морской торговли того времени из голландского порта Миддльбург (на острове Вальхерен), где находилась шерстяная биржа с 1384 по 1388 г., в Оруэлл (на месте теперешнего Гарвича на восточном побережье Англии).

К науке был он горячо привязан,
Но философия не помогала
И золота ни унца не давала.

Он слова лишнего не говорил
И слог высокой мудрости любил —
Короткий, быстрый, искренний, правдивый;
Он сыт был жатвой с этой тучной нивы,
И, бедняком предпочитая жить,
Хотел учиться и других учить.

Был с ними важный, чопорный юрист.
Он как искусный, тонкий казуист
Коллегами был очень уважаем
И часто на объезды назначаем^a.
Имел патент он на свои права.
И ширилась о нем в судах молва.
Наследство от казны он ограждал,
В руках семьи именье сохранял.
Клиенты с «мантией»^b к нему стекались;
Его богатства быстро умножались,
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый —
Он оправдать умел любую плату.
Работник ревностный пред светом целым —
Не столько был им, сколько слыть умел им.
Он знал законы со времен Вильяма^c
И обходил — уловкой или прямо —
Любой из них, но были неоспорны
Его решенья. Он носил узорный
Камзол домашний с шитым пояском,
Пожалуй, хватит говорить о нем.

^a Периодически от короны назначались особые судьи на объезды провинциальных городов рассматривать накопившиеся и кончать нерешенные дела.

^b *Клиенты с «мантией»*. — «Мантия» — дорогостоящая судейская тога. Здесь как обозначение повышенного гонорара, который давали юристу, чтобы обеспечить себя от подкупа его противной стороной.

^c То есть все законодательство со времен Вильгельма Завоевателя. Еще в XIX в. в ходу был юридический термин: «*A temp. Reg. Will*».

С ним разговаривал, шутя, франклин^а.
Не знал он отроду, что значит сплин.
Не мог бы он на жизнь коситься хмуро —
Был в том достойным сыном Эпикура,
Сказавшего, что счастлив только тот,
Кто, наслаждаясь, весело живет.

Белее маргаритки борода
Была холеная. И не вода —
Вино с утра седины обмывало,
Когда на завтрак в чашу хлеб макал он.

Франклин хозяином был хлебосольным.
Святым Юльяном слыл он сердобольным:
Всегда его столы для всех накрыты,
А повара и вина знамениты.
Как зной сменяют дождь и непогода —
И стол менял он с временами года.
Был у него в пруду садок отличный,
И много каплунов и кур на птичье.
И горе повару, коль соус пресен,
А кастеляну, если стол чуть тесен.
На сессиях^б франклин держался лордом,
В парламенте отстаивал он гордо
Свои права, обиды не спускал,
Не раз в палате графство представлял.

Он выделялся дорогим нарядом:
На белом поясе висели рядом
Богатый нож и шитый кошелек,
А в нем заморский шелковый платок.
Он был шериф^с и пени собирал;
Ну, словом, образцовый был вассал.

Красильщик, плотник, шапочник и ткач,
Обойщик с ними — не пускались вскачь,
Но с важностью, с сознанием богатства,
В одежде пышной цехового братства

^а *Франклин* — представитель зажиточных земельных собственников, главным образом из старых деревенских англосаксонских родов. Наследственные поместья франклинов были свободны от налогов и феодальных повинностей, которыми король облагал поместья, дарованные им своим норманнским вассалам.

^б *Сессии* — в данном случае судебные.

^с *Шериф* — представитель королевской власти в графстве.

Могучего, молясь все время богу,
Особняком держались всю дорогу.
Сукно добротное, ножи в оправе —
Не медной, а серебряной. Кто равен
Богатством, мудростью таким мужам
Совета и почтенным старшинам,
Привыкнущим к труду, довольству, холе?
Они не тщетно заседать в Гилдхолле^{*}
Надеялись — порукой был доход,
Заслуги, честность, возраст и почет.
И жены помогали в том мужьям,
Чтоб величали их самих «мадам»,
Давали в церкви место повидней
И разрешали шлейф носить длинней.

Они с собою повара везли,
Чтоб он цыплят варил им, беф буйи,
И запекал им в соусе румянном
С корицей пудинги иль с майораном.
Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал.
Но в нем болезнь лихая угнездилась —
Большая язва на ноге гноилась.
Жаль! вкусные изготавлял он яства.

Был шкипер там из западного графства
На кляче тощей, как умел, верхом
Он восседал; и до колен на нем
Висел, запачканный дорожной глиной,
Кафтан просторный грубой парусины;
Он на шнурке под мышкою кинжал
На всякий случай при себе держал.

Был он поистине прекрасный малый
И грузов ценных захватил немало.
Лишь попадись ему купец в пути,
Так из Бордо вина не довезти.
Он с совестью своею был сговорчив,

^{*} Заседать в Гилдхолле, т. е. быть олдермэном, членом лондонского самоуправления. Гилдхолл — гильдейский дом, ратуша.

И, праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмиг по доске спроваживал домой^а.
Уже весной он был покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром,
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения, любой маяк
Мог различить, и отмель, и утес,
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его; он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.
Корабль он вел без карт и без промера
От Готланда до мыса Финистера^б,
Все камни знал Бретонских берегов,
Все входы бухт испанских и портов;
Немало бурь в пути его встречало
И выцветшую бороду трепало;
От Гулля и до самой Картахены^с
Все знали капитана «Маделэны».

Был с нами также доктор медицины.
С ним в ремесле врачебном ни единый
Врач лондонский соперничать не мог;
К тому ж он был искусный астролог;
Он лишь когда звезда была в зените
Лечил больного; и связав все нити
Его судеб, что гороскоп дает,
Недуга он предсказывал исход, —
Выздоровления иль смерти сроки.
Прекрасно знал болезней он истоки;
Горяч иль холоден, мокр или сух
Больного нрав, а значит, и недуг.
Как только он болезнь определял,
Он тотчас же лекарство назначал,
А друг-аптекарь эту рецептуру

^а Распространенный в XIV в. и позже способ расправляться с пленными, которых заставляли с завязанными глазами проходить по доске выставленной за борт.

^б *Готланд* — *Финистер*, т. е. рейс: ганзейские города в Балтийском море — северо-запад Испании.

^с *Гуль* — *Картахена*, т. е. рейс: Восточная Англия — средиземноморское побережье Испании.

Вмиг обращал в пилюли и микстуру.
Они давно тем делом занимались
И с помощью взаимной наживались.
Ученостью и знаньем был богат он.
Он Эскулапа знал и Гиппократа,
Диоскорида, Цельса, Гильбертина;
Знал Руфа, Аверройса, Константина,
Дамаскина, Гали и Галнена;
Знал Авиценну, также Гатисдена^{*}.

Был осторожен он, во всем умерен,
Раз навсегда своей диете верен:
Питательный, но легкий рацион.
В Писании не очень был силен.
Носил малиновый и синий цвет,
И шелковый был плащ на нем надет.
А впрочем, тратился он неохотно,
Со дней чумы — сберег мешочек плотный;
И золото — медикамент целебный^б —
Хранил, должно быть, как припас лечебный.

А с ним болтала батская ткачиха,
На иноходце восседая лихо;
Но и развязностью не скрыть греха —
Она была порядочно глуха.
В тканье была большая мастерица —
Ткачихам гентским впору подивиться.
Благотворить ей нравилось, но в храм
Пред ней протиснись кто-нибудь из дам, —
Вмиг забывала, в яростной гордыне,
О благодущии и благостыне.

Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь, фунтов десять,
И все из шелка иль из полотна.
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна.
Лицом бойка, пригожа и румяна,

^{*} Список знаменитых врачей древности, христианского и мусульманского средневековья начинается с самого бога врачевания Эскулапа, что вскрывает иронический характер перечня.

^б Средневековая медицина применяла золото в качестве одного из лекарственных снадобий.

Жена завидная она была
И пятерых мужей пережила,
Гурьбы дружков девичьих не считая
(Вокруг нее их увивалась стая).

В Булонь, и в Бари, в Кельн, в Сант-Яго, в Рим
И трижды в град святой — Иерусалим
Ходила на поклон святым мощам,
Чтобы утешиться от горя там.

Она носила чистую косынку;
Большая шляпа, с виду что корзинка,
Была парадна, как и весь наряд.
Дорожный плащ обтягивал ей зад.
На башмачках она носила шпоры,
Любила шутки, смех и разговоры
И знала все приманки и коварства
И от любви надежные лекарства.

Священник ехал с ними приходской^а,
Он добр был, бледен, изнурен нуждой.
Его богатство — мысли и дела,
Направленные против лжи и зла.
Он человек был умный и ученый,
Борьбой житейской, знаньем закаленный.
Он прихожан евангелию учил
И праведной, простою жизнью жил.
Был добродушен, кроток и прилежен
И чистою душою безмятежен.
Он нехотя проклятью предавал
Того, кто десятину^б забывал
Внести на храм и на дела прихода.
Зато он сам из скудного дохода
Готов был неимущих наделять,
Хотя б пришлось при этом голодать.
Воздержан в пище был, неприхотлив,
В несчастье тверд и долготерпелив.

^а По контрасту с развращенным монашеством и епископатом Чосер идеализирует фигуру бедного приходского священника, «младшего брата» пахаря (см. ниже). Образ жизни и воззрения священника совпадают со взглядами современника Чосера, знаменитого реформатора английской церкви Виклифа, и его последователей — «бедных проповедников».

^б *Десятина* — налог, взимавшийся в пользу церкви, размером в $\frac{1}{10}$ дохода.

Пусть буря, град, любая непогода
Свирепствует, он в дальний край прихода
Пешком на ферму бедную идет,
Когда больной иль страждущий зовет.

Примером пастве жизнь его была:
В ней перед проповедью шли дела.
К чему вещать слова евангелиста,
Коль пастырь вшив, а овцы стада чисты?
Ведь если золота коснулась ржа,
Как тут железо чистым удержать?

Он не имел прихода на обroke,
Не мог овец, коснеющих в пороке,
Попу-стяжателю на откуп сдать,
А самому в храм лондонский сбежать:
Там панихиды петь, служить молебны*,
Приход добыть себе гильдейский, хлебный.
Он оставался с паствою своей,
Чтоб не ворвался волк в овчарню к ней.
Был пастырь добрый, а не поп наемный;
Благочестивый, ласковый и скромный,
Он грешных прихожан не презирал
И наставленье им преподавал
Не жесткое, надменное, пустое,
А кроткое, понятное, простое.
Благим примером направлял их в небо
И не давал им камня вместо хлеба:
Но коль лукавил грешник закоснелый,
Он обличал его в глаза и смело
Епитимью на лордов налагал.

Я лучшего священника не знал.
Не ждал он почестей с наградой купно
И совестью не хвастал неподкупной;
Он слову божью и святым делам
Учил, но прежде следовал им сам.

С ним ехал пахарь — был ему он брат.
Терпением, трудолюбием богат,
За век свой вывез в поле он навоза

* Для таких священников, промышлявших отхожим промыслом, в лондонском соборе св. Павла было отведено 35 приделов, и число кормившихся там священников доходило до 50—55 человек одновременно.

Паломники в Кентерберии. Из английской рукописи XV в.

Телег немало; зноя иль мороза
Он не боялся, скромн был и тих
И заповедей слушался святых,
Будь от того хоть прибыль, хоть убыток.
Он рад был всякого кормить досыта,
Вдовице брался землю запахать:
Он ближнему старался помогать
И десятину нес трудом иль платой,
Хотя имел достаток небогатый.
Его штаны кругом в заплатках были,
На заморенной ехал он кобыле.

И мельник ехал с ними — рыжий малый
Костистый, узловатый и бывалый.

В кулачных схватках всех он побеждал
И приз всегда — барана — получал.
Был крепок он и коренаст, плечом
Мог ставню высадить, вломиться в дом.
Лопатой борода его росла
И рыжая, что лисий мех, была.
А на носу, из самой середины,
На бородавке вырос пук щетины
Такого цвета, как в ушах свиньи;
Чернели ноздри, будто полыньи;
Дыханьем грудь натужно раздувалась,
И пасть, как устье печки, разевалась.
Он бабник, балагур был и вояка,
Кошун, охальник, яростный гуляка.
Он слыл отчаянным луном и вором:
В мешок муки умел подсыпать сора
И за помол тройную плату взять.
Но мельник честный — где его сыскать?
Взял в путь он меч и щит для обороны;
В плаще был белом с синим капюшоном.
Он на волынке громко заиграл,
Когда поутру город покидал.

Был рядом с ним, удачливый во всем,
Судейского подворья эконо́м,
На всех базарах был он знаменит:
Наличными берет он или в кредит —
Всегда так ловко бирки^{*} он сочтет,
Что сливки снимет и свое возьмет.
Не знак ли это благости господней,
Что сей невежда богу был угодней.
Ученых тех, которых опекал
И за чей счет карман свой набивал?

В его подворье тридцать клерков жили,
И хоть меж них законоведы были,
И даже было среди них с десяток

^{*} Эконом забирал товар в кредит «by taille», т. е. на бирки. При этом палочки с определенными нарезками, обозначающими количество купленного товара, раскалывались по длине на две части и при расчете предъявлялись продавцом и покупателем, которые часто бывали неграмотны. Совпадение нарезок при наложении бирок свидетельствовало о правильности расчетов.

Голов, достойных ограждать достаток
Знатнейшего во всей стране вельможи,
Который без долгов свой век бы прожил
Под их опекой вкрадчивой, бесшумной
(Будь только он не вовсе полоумный), —
Мог экономя любого околпачить,
Хоть научились люд они дурачить

Понуро ехал желчный мажордом^а.
Он щеки брил, а волосы кругом
Лежали скобкою, был лоб подстрижен,
Как у священника, лишь чуть пониже.
Он желт и сух, и сморщен был, как мощи,
А ноги длинные, что палки, тощи.

Так овцам счет умел вести он, акрам
И так подчистить свой амбар иль заком,
Что сборщики все оставались с носом.
Он мог решать сложнейшие вопросы:
Какой погоды ждать? И в дождь и в зной
С земли возможен урожай какой?
Хозяйский скот, коровни и овчарни,
Конюшни, птичник, огород, свинарни
У мажордома под началом были.
Вилланов^б сотни у него служили.
Он никогда не попадал впросак.
Пастух ли, староста, слуга ль, батрак —
Всех видел он насквозь, любые плутни
Мог разгадать: лентяи все и трутни
Его страшились пуще злой чумы:
За недоимки не избыть тюрьмы,
В уплату ж все имущество возьмет,
В своем отчете дыры тем заткнет.

Он сад развел, свой двор обнес он тыном:
В усадьбе пышной жил он господином.
Милорда своего он был богаче.
Да и могло ли быть оно иначе?
Умел украсть, умел и поживиться,
К хозяину умильно подольститься.

^а Управитель богатого поместья.

^б Поселянин, обязанный барщинными повинностями помещику.

И лорда деньги лорду он ссужал,
За что подарки сам же получал.
А впрочем, ревностный он был работник
И в молодости превосходный плотник.
Коня он взял за стать и резвый ход,
Конь серый в яблоках, а кличка «Скотт».
Жил в Норфолке почтенный мажордом,
Под Болдсуэллом, коль слышали о нем.
Был меч на поясе, хотя и ржавый.
Он синий плащ, изношенный на славу,
Как рясу, подобрал, в седле согнулся
И всю дорогу позади тянулся.

Церковного суда был пристав с нами.
Как старый Вахх, обилен телесами,
Он угреват был, глазки — словно щёлки,
И валик жиру на багровой холке.

Распутен и драчлив, как воробей,
Пугал он красной рожею детей.
И весь в парше был, весь был шелудивый;
А с бороды его, с косматой гривы
Ни ртуль, ни щелок, ни бура, ни сера
Не выжгли бы налета грязи серой,
Не скрыли бы чесночную отрыжку
И не свели бы из-под носа шишку.
Чеснок и лук он заливал вином
И пьяным басом грохотал, как гром.
Напившись, он ревел в своей гордыне,
Что изъясняется-де по-латыни.

А фраз латинских разве три иль две
В его тупой застряли голове
Из формул тех, что много лет подряд
В суде при нем твердили и твердят
(Так имя Вальтер повторяет бойко
Хозяином обученная сойка).
А вот спроси его и, кроме дури,
Одно услышишь: «*Questio quid juris*»^{*}.
Прожженный был игрок он и гуляка,

^{*} А что говорит закон? (лат.).

Лихой добытчик, дерзкий забияка.
За кварту эля он бы разрешил
Блудить пройдохе, да и сам грешил
Напропалую. С простака ж он шкуру
Сдирал, чтоб рот не разевал тот сдуру.
Найдя себе приятеля по нраву,
Его учил церковному он праву:
Как отлучением пренебрегать,
Коль в кошельке не думаешь скрывать

Свои деньжонки. «Каждому понятно,
Что рай никто не обретет бесплатно.
И ты себя напрасно, друг, не мучь.
От райских врат найдешь всегда ты ключ
В своей мошне». Он в этом ошибался:
Насколько б человек ни заблуждался,
Но хоть кого на верный путь направит
Викарьев⁴ посох иль «Significavit»^a.

Знал молодежь во всем он диоцезе^b
И грешникам бывал не раз полезен:
Им в затруднениях давал совет.
Был на челе его венок надет
Огромный, словно с вывески пивной
В руках не щит был — каравай ржаной.

С ним продавец был индульгенций папских,
Он приставу давно был предан рабски.
Чтобы его получше принимали,
Он взял патент от братства Ронсевалья⁵.
Теперь, с товаром воротясь из Рима,
Он, нежной страстью к приставу томимый,
Все распевал; «Как сладко нам вдвоем!»
Своим козлиным, жидким тенорком.
И друг его могучим вторил басом,
Что был сравним по силе с трубным гласом.

Льняных волос безжизненные пряди
Ложились плоско на плечи, а сзади
Косичками казались; капюшон
Из щегольства давно припрятал он

^a «Указал нам досточтимый отец» — первые слова формулы, произносимой при за-
точении отлучаемого от церкви грешника.

^b Диоцез — епископский округ.

И ехал то совсем простоволосый,
То шапкой плешь прикрыв, развеяв косы.

С изображением Христова лика
В его тулье виднелась вероника.
Он индугенций короб с пылу, с жару
Из Рима вез по шиллингу за пару.
Глаза его, как заячьи, блестели.
Растительности не было на теле,
А щеки гладкие — желты, как мыло,
Казалось, мерин он или кобыла,
И, хоть как будто хвастать тут и нечем,
Об этом сам он блял по-овечьи.

Но что касается святого дела —
Соперников не знал, скажу я смело.
Такой искусник был, такой был хват!
В своем мешке хранил чудесный плат
Пречистой девы и клочок холстины
От савана преславных кончины.
Еще был крест в цветных камнях-стекляшках,
Была в мешке и поросычья ляжка.
С их помощью, обманщик и нахал,
В три дня он денег больше собирал,
Чем пастырь деревенский за полгода
Мог наскрести с голодного прихода;
И, если должное ему воздать,
Умел с амвона петь он, поучать,
Умел и речь держать пред бедным людом,
Когда по церкви с кружкой шел иль с блюдом.
Он знал, что проповедью, поученьем
Народ склонить нетрудно к приношеньям,
И на амвоне, не жалея сил,
Он во всю мочь акафист голосил.

Теперь, когда я рассказал вам кратко,
Не соблюдая должного порядка,
Про их наряд, и званье, и причину
Того, что мы смешались не по чину,
Расположась просторно и привольно
В таверне, возле старой колокольни, —
Пора сказать, как время провели
Мы в этот вечер, как мы в путь пошли
И чем досуг в дороге заполняли.

Чтоб в озорстве меня не упрекали,
Вас попрошу я не винить меня
За то, что в точности припомню я
Все речи вольные и прибаутки.
Я это делаю не ради шутки:
Ведь знаю я, что, взявшись рассказать
Чужой рассказ, не надо выпускать
Ни слова из того, что ты запомнил,
Будь те слова пространны иль нескромны,
Иначе все неправдой извратишь,
Быль в небылицу тотчас обратишь...

Хочу, чтоб слово было делу братом...
Но коль не смог в сем сборище богатом,
Где знать, и чернь, и господа, и слуги,
Всем должное воздать я по заслуге, —
Что ж, видно было это не под силу,
Ума, уменя, значит, не хватило.

Хозяин наш, приветливо их встретив,
За ужин усадил и, чтоб согреть их,
Сготовил снедь и доброе вино
На стол поставил, и текло оно
Весь вечер за веселым разговором,
Шутливой песней, дружелюбным спором.

Вы не нашли б, харчевнику в замену,
И в Чипсайде^а достойней олдермэна.

Хозяин наш — осанкой молодецкий
С ним не сравнялся б ни один дворецкий —
Был обходительный, видать, бывалый,
Смекалистый мужик и добрый малый.
Начитан был он, и во всяком деле
Сноровист, весел и речист. Блестели
Его глаза, и речь была смела.
И только что мы все из-за стола
Успели встать и заплатить за ужин,
Как он сказал, смеясь, что хоть не нужен
Нам тост ответный, но он даст совет,
Который помогал от многих бед,
Первей всего от скуки: «Вас всегда,

^а Чипсайд — главная торговая улица старого лондонского Сити.

Друзья почтенные и господа, —
Так молвил он, — я видеть рад сердечно:
Такой веселой и такой беспечной
Беседы я давно уж не слышал,

И целый год мой дом не принимал
Таких веселых и простых гостей.
У радости я не хочу в хвосте
Плестись и ваши милости делить —
Я мысль одну хочу вам подарить.

Идете в Кентербери вы к мощам,
И благодать божия воздастся вам.
Но вижу, что — на отдыхе ль, в дороге ль —
Не будете вы чопорны и строги:
Свой дух рассказом будете бодрить.
Кому веселость может повредить?
Коль с рожей постной едет путник бедный,
Вот это плохо, это даже вредно.
Но вы, друзья, послушавшись меня,
По вечерам, слезаячи с коня,
Свежи, и веселы, и не усталы
Спать ляжете — и дня как не бывало!
Так соглашайтесь! Если ж не удастся
Мой замысел, пусть гром с небес раздастся
И прах отца из гроба пусть встает,
Меня ж земля пусть тотчас же пожрет».

Недолго все и в этот раз чинились,
И выслушать мы Гарри согласились.

ПРОЛОГ ПРОДАВЦА ИНДУЛЬГЕНЦИЙ

Когда я отпущенья продаю,
Как можно громче в церкви говорю,
Я проповедь вызваниваю гордо,
Ее на память всю я знаю твердо,
И неизменен текст мой всякий раз:
«*Radix malorum est cupiditas*»^{*}.
Сказав сперва, откуда я взялся,
Патенты все выкладываю я,

^{*} *Алчность* — корень всех зол (лат.).

Сначала от владельцев мирских —
Защитою печать мне служит их,
Чтобы не смел никто мне помешать
Святые отпущенья продавать.
Затем раскладываю булл немало,
Что дали папы мне, да кардиналы,
Да патриархи всех земных концов;
Прибавлю несколько латинских слов
И проповедь я ими подслашу,
К усердью слушателей обращу.
Затем их взор прельщаю я ларцами,
Набитыми костями да лоскутами, —
Что всем мощами кажутся на вид.
А в особливом ларчике лежит
От Авраамовой овцы плечо.

«Внемлите, — восклицаю горячо, —
Коль эту кость опустите в родник,
То, захворай у вас овца иль бык,
Укушены собакой иль змеей, —
Язык обмойте ключевой водой,
И здравы будут. — Дале молвлю я: —
От оспы, парши, гною, лишая
Излечится водою этой скот.

Внимай словам моим, честной народ.
Пускай владелец тех овец, быков
Встает, что день, с зарей, до петухов,
И каждый раз из родника напьется,
И с Авраамовых времен ведется,
Что приумножится добро и скот.
От той воды и ревность пропадет:
Коль муженек ревнив, несносен, груб,
Из родника воды прибавьте в суп —
И ревности его как не бывало,
Хотя б жена при нем же изменяла,
Хотя бы путалась с тремя попами.

А вот еще перчатка перед вами:
Сию перчатку кто наденет, тот
Неслыханную жатву соберет
Ржи, ячменя, овса или пшеницы,
Лишь только бы не вздумал он скупиться.

Но слушайте, что я скажу сейчас:
Коль в церкви этой ныне среди нас

Есть человек, что отягчен грехом
И все ж покаяться не хочет в том,
Иль если есть тут грешная жена
И мужа оброгатила она, —
Ни благости, ни права да не имут
Вносить свой вклад, зане их дар не примут;
Но кто свободен от греха такого,
Пускай дарит он по господню слову,
И будет отпущение дано,
Как буллой этой мне разрешено».

Так каждый год на хитрой этой ловле
Я марок* сто собираю сей торговлей.
На кафедре стою я поп попом,
Простой народ рассядется кругом —
И вот я с ним переважно говорю
И неподобнейшую чушь порю.
Вытягиваю шею, что есть силы,
По сторонам раскланиваюсь мило,
Как голубок, сидящий на сарае;
Руками я и языком болтаю
Так быстро, что и поглядеть-то любо.
Им скупость, черствость я браню сугубо,
Лишь только б их мошну растормошить
И мне их денежки заполучить.
Мне дела нет, пускай, когда схоронят,
Душа иль плоть в мученьях адских стонет.
Стремлюсь к тому, чтоб прибыль получать,
А не к тому, чтоб грешным помогать.

Что говорить, иные поученья
Исходят от дурного побужденья:
Чтоб к грешнику вернее подольститься,
Успеха лицемерием добиться, —
Иль из тщеславия, иль из вражды.
Но если враг мой шатнет труды,
Его я проповедью уязвлю
Так, что назвать не сможет речь мою
Он клеветой — достойная расплата,
Коль оскорбил меня ль, другого ль брата.
Я имени его не называю,
Но всяк поймет, кого я обличаю,
По описанью, — я уж постараюсь,

* Марка — монета стоимостью 13 шиллингов 4 пенса.

С любым врагом мгновенно расквитаюсь.
Я для народа праведен на вид:
Мой яд под видом святости сокрыт.
Я мысль свою вам вкратце изложу:
Стяжання ради проповедь твержу,
И неизменен текст мой всякий раз:
«Radix malorum est cupiditas».

Да, алчность — мой испытанный конек
И, кстати, мой единственный порок.
Но если в алчности повинен я,
Ее врачует проповедь моя,
И слушатели горько слезы льют.
Вы спросите, зачем морочу люд?
Ответствую: затем, чтобы стяжать.
Достаточно об этом рассуждать.

Так вот, я им рассказываю ряд
Историй, бывших много лет назад;
Такие рассказы простой народ
И слушает, и сам передает.

Я даром проповеди наделен,
К стяжанию привержен и смышлен —
Мне что ж, по-вашему, жить бедняком?
Им никогда не стану нипочем,
И, проповедуя по всем краям,
Рукам своим работать я не дам.
Корзины плести и тем существовать?
Нет! Я умею деньги собирать.
К чему мне пост, евангеля заветы,
Покуда есть вино, еда, монеты?
Пусть прибыль мне от бедняка идет,
Пусть мне вдова последний грош несет,
Хоть дети впроголодь сидят давно, —
Я буду пить заморское вино,
Любовниц в каждом заведу селенье.

Вот что скажу, о други, в заключение:
Хотели слышать вы рассказ правдивый,
Так вот, когда напьюсь я вдосталь пива,
Вам расскажу историю на славу,
Которая придется всем по нраву.
Пускай я и развратен, и порочен,
Но проповедовать люблю я очень,
Ведь этим я и деньги собираю,
Прошу вниманья. Повесть начинаю.

ТОМАС МЭЛОРИ

Томас Мэлори (Malory, ок. 1417—1471), дворянин, был членом парламента, принимал участие в феодальных междоусобицах, известных под названием «Войны алой и белой розы» (1455—1485). В тюрьме написал обширный роман «Смерть Артура» (*La mort d' Arthur*, 1469), изданный английским первопечатником Вильямом Какстоном в 1485 году и являющийся наиболее значительным памятником английской художественной прозы XV в. В романе Мэлори широко использованы старинные сказки о рыцарях круглого стола. Перед читателем проходят король Артур и его супруга королева Гвинивера, прославленные рыцари Ланселот, Ивеин и другие воители бретонского цикла. Они служат сюзерену и прекрасным дамам, сражаются, участвуют в турнирах, разыскивают св. Грааль. Но, пожалуй, наибольшую силу обретает Мэлори, когда он описывает феодальные распри, кровавую борьбу феодальных кланов. Ведь он сам был активным участником подобной борьбы и окончил свои дни в темнице.

ИЗ РОМАНА «СМЕРТЬ АРТУРА»

Книга 21

КАК СЭР МОРДРЕД НАГЛО ЗАДУМАЛ СТАТЬ КОРОЛЕМ АНГЛИИ И ПОЖЕЛАЛ ЖЕНИТЬСЯ НА КОРОЛЕВЕ, СУПРУГЕ ОТЦА СВОЕГО

Оставшись правителем всей Англии, сэр Мордред повелел составить письма, которые пришли словно бы из-за моря, а в письмах тех значилось, что король Артур убит в бою с сэром Ланселотом^{*}. И тогда сэр Мордред назначил парламент и созвал баронов и принудил их провозгласить его королем. И был он коронован королем в Кентерберии и устроил там пир на пятнадцать дней.

А после прибыл он в Винчестер, захватил королеву Гвиниверу и открыто объявил, что намерен на ней жениться (а она была сестрой его дяди и женой отца).

Стали готовиться к празднеству, и назначен уже был день, когда должны были они повенчаться; и тяжело было на душе у королевы Гвиниверы. Но печаль свою она открыть не осмелилась, говорила речи любезные и согласилась поступить по желанию сэра Мордреда.

И для того испросила она у сэра Мордреда позволения отправиться в Лондон и закупить там всякой всячины, потребной к свадьбе. Сэр же Мордред из-за речей ее любезных ей поверил и отпустил. А она, лишь только прибыв в Лондон, удалилась в Лондонский Тауэр^б и, со всей по-

^{*} Король Артур в угоду племяннику своему Гавейну отправился в поход против сэра Ланселота.

^б Старинная крепость на берегу Темзы.

спешностью запасшись всевозможным провиантом, засела там с надежным гарнизоном.

Когда узнал об этом сэр Мордред, жестока и безмерна была его ярость. И говоря коротко, он обложил Тауэр могучей ратью, то и дело пускаясь на штурмы, наставляя стенобитные машины и паля из тяжелых пушек. Но все было напрасно, ибо королеву Гвиниверу ни добром, ни угрозами не удавалось склонить довериться сэру Мордреду и вновь отдаться ему в руки. И прибыл к сэру Мордреду епископ Кентерберийский, муж ученый и святой, и сказал ему так:

— Сэр, что задумали вы? Или вы хотите оскорбить господа бога, а затем еще опозорить себя и все рыцарство? Ибо разве король Артур вам не дядя родной, и не далее как брат вашей матери? И разве не от него же она и родила вас, его родная сестра? И потому как можно вам взять себе жену вашего собственного отца? Потому, сэр, — сказал епископ, — оставьте этот замысел, а иначе я прокляну вас книгой, колоколом и свечой^{*}.

— Делай, что хочешь, — отвечал ему сэр Мордред. — Я же знать тебя не желаю!

— Сэр, — сказал епископ, — да будет вам ведомо, что я не побоюсь исполнить мой долг. К тому же, вы пустили слух, будто господин мой Артур убит, а это ложь, и потому черное дело затеяли вы на этой земле!

— Молчать, лживый поп! — вскричал сэр Мордред. — Если ты еще будешь меня попрекать, я отсеку тебе голову!

Епископ удалился и предал его самому грозному проклятью, какое только можно произнести. Тогда сэр Мордред решил разыскать епископа Кентерберийского и предать его смерти. Пришлось епископу бежать, захватив с собою часть своего добра, и скрылся он в окрестностях Гластонбери. Там жил он отшельником в часовне, пребывая в бедности и в святых молитвах, ибо он хорошо понимал, что близится усобная война.

А сэр Мордред меж тем пытался письмами и посольствами, добром или хитростью выманить королеву из Лондонского Тауэра; но все его усилия были тщетны, ибо королева отвечала ему кратко и на открытые его послания и на тайные, что она охотнее убьет себя, чем станет его женой.

^{*} Старинная формула церковного отлучения по католическому ритуалу, согласно которому читается текст библии («Книга»), звонят колокола и гасятся свечи.

Но вот прибыло к сэру Мордреду известие, что король Артур снял осаду с сэра Ланселота и возвращается домой с большим войском, дабы отомстить сэру Мордреду. И тогда сэр Мордред разослал письма ко всему баронству нашей страны. Собралось к нему множество народу, ибо среди баронов общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войны и усобицы, а при сэре Мордредё — веселие и благодать. Так был ими король Артур подвергнут хуле и поруганию, а между ними были многие, кого король Артур возвысил из ничтожества и наделил землями, но ни у кого не нашлось для него доброго слова.

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь ты был величайший из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остались довольны англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не отстали от этого обычая. Увы! это у нас, англичан, большой порок, что долго нам ничто не мило.

Так было с людьми и в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не благородный король Артур, и много народу стеклось к сэру Мордреду, и они объявили ему, что будут стоять за него и в беде, и в удаче. И вот с большим войском сэр Мордред подошел к Дувру, ибо там, он слышал, должен был высадиться король Артур, и потому он задумал силой не допустить родного отца на родную землю. И почти вся Англия была на стороне сэра Мордреды, ибо люди так падки до перемен.

**КАК, УЗНАВ ОБ ЭТОМ, КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕРНУЛ ВОЙСКО
И ПРИБЫЛ В ДУВР, ГДЕ СЭР МОРДРЕД ПОДЖИДАЛ ЕГО, ДАБЫ
ПОМЕШАТЬ ВЫСАДКЕ, И О СМЕРТИ СЭРА ГАВЕЙНА**

И вот, когда сэр Мордред со всем войском был уже в Дувре, прибыл туда король Артур с большим флотом кораблей, галеонов и карак, но сэр Мордред уже наготове поджидал его на берегу, дабы воспрепятствовать родному отцу высадиться на землю, на которой тот был королем.

Стали спускать на воду суда большие и малые, полные славных воинов; и немало благородных рыцарей тут было побито, и немало высокомерных баронов повержено в ничтожество с обеих сторон. Но король Артур был так храбр, что никто из рыцарей не смог помешать ему высадиться на берег, и его рыцари бесстрашно пробились вслед за ним. Так высадились они вопреки сэру Мордреду со всем его могуществом и обратили в бегство его и его войско.

А когда окончился бой, король Артур повелел разыскать всех своих рыцарей, кто был ранен или убит. И был найден сэра Гавейн лежащим замертво на дне большой лодки. Когда услышал король Артур про такую беду, он пошел к нему и нашел его при смерти. Горько заплакал король, убивался жестоко, он заключил сэра Гавейна в свои объятия и трижды лишился чувств. А когда пришел в себя, то сказал так:

— Увы! сэра Гавейн, сын сестры моей, вот лежишь ты, кого я всех более на свете любил! Не видать мне больше радости! Ибо теперь племянник мой сэра Гавейн, я открою тебе, что в тебе и в сэре Ланселоте была вся моя радость, на вас — все мое доверие. И теперь я лишился вас обоих, и потому не видать мне уж больше радости на этом свете!

— Ах, мой дядя, — сказал сэра Гавейн, — знайте же, что наступил мой смертный срок. И все это через собственную мою нетерпимость и ненависть, ибо моею ненавистью я навлек на себя же гибель; ведь нынче я принял удар по старой моей ране, которую нанес мне сэра Ланселот, и чувствую я, что к полудню должен буду умереть. Это из-за меня, из-за моей гордыни терпите вы такой позор и урон, ведь будь благородный рыцарь сэра Ланселот сейчас с вами, как бывал он прежде и был бы и в этот раз, эта злосчастная война никогда бы не началась; ибо он рыцарским своим благородством вместе с рыцарями его благородной крови всех ваших злобных врагов держал в страхе и повиновении. И вот теперь, — молвил сэра Гавейн, — вы пожалеете, что нет с вами сэра Ланселота. Увы! зачем я не примирился с ним! И потому прошу, любезный дядя, пусть мне дадут бумагу, перо и чернила, дабы я мог написать письмо сэру Ланселоту, начертанное моею собственной рукой...

...Тут он заплакал, и король Артур тоже, и они оба лишились чувств. А когда они пришли в себя, то король распорядился, чтобы дали сэру Гавейну последнее причастие, а потом сэра Гавейн стал просить короля послать за сэром Ланселотом и принять его с лаской и почетом как ни одного из рыцарей.

А в час полудня сэра Гавейн испустил дух. И повелел король похоронить его в часовне в стенах Дуврского замка. Там и сейчас все люди могут видеть его череп, и видна та рана, что нанес ему в поединке сэра Ланселот.

Вскоре король узнал о том, что сэра Мордред опять расположил войска свои для боя на взгорье Бархем-даун. Ранним утром король Артур поскакал туда со своей ратью, и там был у них великий бой, и много людей было побито и с той, и с другой стороны. Но под конец войско короля Артура одержало верх, и сэра Мордред со своими людьми бежал в Кентерберии...

**КАК ИЗ-ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ С ГАДЮКОЙ
СРАЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ, В КАКОВОМ СРАЖЕНИИ СЭР МОРДРЕД БЫЛ
УБИТ, А КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН**

И на том они сговорились, что король Артур и сэр Мордред встретятся на глазах у обеих армий, каждый в сопровождении четырнадцати человек. С тем и возвратились они к королю Артуру. И сказал он:

— Я доволен, что дело удалось.

И отправился на поле.

Но уходя, король Артур наказал своему войску, что, если где-нибудь блеснет обнаженный меч, пусть нападают, не мешкая, и убьют этого предателя сэра Мордреда.

— Ибо я вовсе ему не доверяю.

Точно так же и сэр Мордред наказал своему войску:

— Если только заметите вы блеск меча обнаженного, нападайте, не мешкая, и рубите всех, кто будет перед вами, ибо я вовсе не доверяю этому перемирию.

Ибо я, — сказал сэр Мордред, — знаю наверное, что мой отец захочет мне отомстить.

И вот встретились они, как было условлено, и обо всем сговорились и согласились. Принесли вино, и они выпили друг с другом. Но в это самое время из кустика вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ногу. Почувяв боль, взглянул рыцарь вниз, увидел гадюку и, не чая зла, выхватил меч свой, чтобы ее убить. Но в тот же миг оба войска, заметив блеск обнаженного меча, затрубили в рога, трубы и горны и с грозными возгласами ринулись навстречу друг другу. Тогда вскочил король Артур на коня, молвил: «Увы, несчастный этот день!» — и поскакал к своим; и так же поступил и сэр Мордред.

С тех пор не видел свет ни в одной христианской земле битвы ужаснее, — разили пешие, кололи конные, носились воины по полю, и немало страшных слов было произнесено между врагами; и немало обрушено смертоносных ударов. Но король Артур скакал сквозь ряды Мордредова войска, свершал славные подвиги, какие подобает столь благородному королю, и не дрогнул ни разу. Так же и сэр Мордред поступал в тот день по долгу чести, идя навстречу жестоким опасностям.

Так бились благородные рыцари целый день без передышки, покуда не ложились костями на сырую землю. И продолжалась битва до самой ночи, а к тому времени уже сто тысяч человек полегло мертвыми на холмах. И жестоко разгневался король Артур, видя, сколько народу его перебито.

Вот огляделся он вокруг себя и от всего его славного войска и ото всех его добрых рыцарей лишь двух рыцарей увидел в живых: один был

сэр Лукан-Дворецкий, а второй — брат его сэр Бедивер. Но и они оба были тяжко изранены.

— Иисусе милостивый! — молвил король, — куда же делись все мои благородные рыцари? Увы! зачем дожил я и увидел этот горестный день! Ибо теперь, — сказал король Артур, — наступил мой конец. Но клянусь, хотелось бы мне знать, — сказал он, — где сейчас этот предатель сэр Мордред, по чьей вине случилась вся эта беда?

Тут король Артур оглянулся еще раз и увидел сэра Мордреда — он стоял, опираясь на меч свой, а вокруг него была большая груда мертвых тел.

— Дайте мне мое копье, — сказал король Артур сэру Лукану, — ибо вон там я вижу предателя, который навлек на нас все это горе.

— Сэр, оставьте его, — сказал сэр Лукан, — ибо он несчастен. И если только вы переживете этот злосчастный день, вы еще будете отомщены. Ибо вспомните, мой господин, сон, что приснился вам минувшей ночью, вспомните, о чем предупреждал вас дух сэра Гавейна, и все же господь в милости своей сохранил вас от смерти. Потому, господа бога ради, оставьте это, ибо, благословенье богу, победа ныне осталась за вами, ведь нас с вами в живых здесь трое, тогда как у сэра Мордреда в живых нет больше никого. И потому если теперь вы прекратите бой, этот недобрый День Рока с тем и минет.

— Нет, смерть ли, жизнь ли будет мне дальше уделом, — отвечал король, — но я вижу его там одного, и он не уйдет из моих рук! Ибо больше он мне, быть может, уже никогда не попадетсЯ.

— Помогите вам бог! — сказал сэр Бедивер.

Вот взял король копье обеими руками и побежал на сэра Мордреда, крича так:

— А, предатель! Пришел твой смертный час!

Но сэр Мордред, увидя бегущего на него короля, устремился ему навстречу с обнаженным мечом в руке. Король Артур достал сэра Мордреда из-под щита и пронзил его насквозь острием своего копья. Но почуввав смертельную рану, из последних сил рванулся сэр Мордред вперед, так что по самое кольцо рукоятки вошло в его тело копье короля Артура, и при этом, держа меч обеими руками, ударил он отца своего, короля Артура, сбоку по голове, и рассек меч преграду шлема и черепную кость. И тогда рухнул сэр Мордред наземь мертвый.

Но и благородный король Артур повалился без чувств на землю. И много раз он падал без чувств, а сэр Лукан с сэром Бедивером его поднимали, и так, потихоньку, из последних сил, довели они его до маленькой часовни у самого моря, и когда король очутился там, ему словно бы сразу полегчало. Вдруг слышат они крики на поле.

— Пойди, сэр Лукан, — сказал король, — и узнай мне, что означает этот крик на поле.

Сэр Лукан с ними простился, ибо был он тяжело изранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений.

Разглядев все это, поспешил сэр Лукан, как мог, к королю и поведал ему обо всем, что видел и слышал.

— И потому мой совет, — сказал сэр Лукан, — чтобы мы доставили вас в ближайший город*.

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ XIV-XV ВВ.

Джон Барбор

Джон Барбор (1316—1396) — выдающийся шотландский поэт. Родился в Эбердине, обучался в Оксфордском университете, был клириком, дипломатом и королевским чиновником. Его самое значительное произведение — обширная (около 14 000 стихов) поэма «Брюс» (1376 г.), прославлявшая освободительную борьбу шотландцев под предводительством Роберта Брюса с английскими завоевателями (начало XIV в.). Поэма эта, встретившая живой отклик в широких кругах, стала национальным эпосом Шотландии.

БРЮС

[Начинается патриотическое творение Барбора с прославления свободы, с призыва восстать против полчищ английского короля Эдварда I.]

Свобода, ты одна даешь
Нам смысл и радость в жизни, кто ж
Тебя захочет потерять,
Рабом и трусом подлым стать?
...Уж лучше смерть в бою принять,
Чем в рабстве черном увядать...

* В последующих главах повествуется о том, как король Артур покинул здешний мир.

[Далее говорится о самоотверженной борьбе патриотов, руководимых национальным героем шотландцев — Робертом Брюсом — против безжалостных захватчиков — английских феодалов и их короля — Эдварда I (а затем и его сына Эдварда II).

Разбитый при Метвине, травимый собаками и преданный шотландскими феодалами, потеряв в борьбе жену и 14-летнюю дочь, Брюс бежит в Ирландию, дабы переждать «эпидемию измен». Когда король шотландцев ступил на почву Ирландии, к нему подошла простая крестьянка:]

...Герой

На землю Эрина ступил,
Но вид его не веселил
Ни зеленеющих лужаек,
Ни лебедей прекрасных стаяк,
Ни горных пастбищ пестрота...
Была на сердце маята —
Утрат, сомнений горьких плод...
А как поймет вождя народ?
Печальны думы короля...
К нему крестьянка подошла,
И, поклонившись, изрекла:
— Пожалуй, государь, сюда,
У нас изменников здесь нет,
Любовь Вас ждут лишь и совет;
Унынью воли не давайте,
Утраты тоже не считайте,
Теперь не время горевать,
Свой дом нам нужно защищать:
Горит, пылает край родной,
Грозят нам смертью и бедой
Эдвард и армии его,
Не пожалеем ничего,
Чтоб рать захватчиков отбить,
И скот и дом я заложить
Велю, чтоб воинов снабдить.
Тебе же ныне отдаю
Я кровь, и плоть, и честь мою:
Я двух взрастила сыновей,
Возьми же их, они смелей,
Чем гордый сокол, и сильней,
Чем лев нумейский, — их стрелять,
Мечом владеть, верхом скакать
Мой муж покойный научил,
Свою он голову сложил
В бою с жестоким супостатом,
С английским латником проклятым...

(Кн. III)

[Брюс возвращается снова на родину и после тяжелой борьбы изгоняет английских захватчиков за пределы Шотландии. Ему остается взять только замок Стирлинг, где находился сильный английский гарнизон. Из-за Стирлинга разгорелась решающая битва при Баннокберне, вошедшая в историю как пример шотландской доблести и славы.

Целых пять книг своего эпоса посвящает Джон Барбор описанию этой битвы (кн. IX—XIII).

Брюс и его свита заранее подготовили оборонительную полосу в долине шириной 8—10 миль, имеющей всего одну твердую узкую дорогу, в то время как вправо и влево от нее располагались болота, почти непроходимые. Воины Брюса искусно замаскировали ловушку для вражеской конницы: железные колючки, старые морские якоря, неглубокие канавки, прикрытые дерном, волчьи ямы...

23 июня 1314 г. Брюс выслал навстречу приближающемуся войску англичан конную разведку под командой маршала Кейта и генерала Дугласа:]

...Кавалеристы залегли...
И вот увидели они,
Как, извиваяся змеей,
Ползет вдаль за строем строй;
Сверкают шлемы золотые,
Щиты, топорики литые,
И копий целый лес встает,
Знамен потерял даже счет...
Вот едут рыцари стальные,
Блестят доспехи дорогие,
Пехоте, видно, нет числа,
Там — артиллерия вползла...
Как вражья сила велика,
О, чьи б не дрогнули сердца!

[Английский король Эдвард II въезжает на холм, чтобы оглядеть перед битвой вражеские полки.]

...Король и маршалы его
На холм поднялись высоко,
Оттуда Стирлинг виден был,
Но фронт шотландцев заслонил
Полнеба, — храбрые сыны
Гористой, маленькой страны —
Они, казалось, смирились,
Все на колени опустились,
Знамена, копы и щиты
Склонили до сырой земли...
Король английский ликовал:
«Они сдаются, сенешал,
Они раскаялись, и мы

Охотно их простим...» — «Но Вы
Неверно оценили их,
О, мой король, на тех двоих
Босых монахов посмотрите,
Свое вы мнение измените.
Аббат Морис с своим слугой
Молебен служит там простой,
Он патриотов вдохновляет,
На подвиг их благословляет,
Они клянутся победить
Иль умереть, но честь добыть...»
Король с досады покраснел
И битву начинать велел...

По знаку маршала Джильберта
Вперед все лучники ушли,
Присев, позицию нашли,
Учили и ветра вольный лет,
И десять тысяч стрел в полет
Послала тетива тугая,
А йомен, отдыха не зная,
Звенел упрямой тетивой
И поражал за строем строй...

...Английских лучников отряд
Стрелял без промаха, назад
Уж пятиться шотландцы стали,
А стрелы длинные хлестали
И сыпались, как град иль дождь,
И стало уж бойцам невмочь,
Как перед молнией небесной
Был беззащитен латник честный,
И храбрый горец падал ниц,
И крики ужаса неслись
Со всех сторон — им отвечали
Протяжным ржаньем кони — звали
Они отважных седоков —
Росли все горы мертвецов...
Но Брюс предвидел это зло:
Знаком он был уже давно
С ужасным йоменов искусством.
...Растет в болоте вереск густо,

Гнилая топь пугает взор,
Но через эту топь дозор
Отважный маршал Кейт послал...
Он сам с отрядом вслед шагал...
Близка так твердая земля,
Надеждою манит она,
Болото многих погубило,
Но главная прорвалась сила:
«Вперед! За Брюса, за народ!»
Отряд насел — за взводом взвод —
На арбалетчиков врага,
Колол, рубил их без конца,
Их луки грозные сломал,
Стальные стрелы притоптал...
Погибли меткие стрелки,
У речки Баннок все легли,
Им не гулять с рожком и луком
В лесу Шервудском, где под буком
Они беспечно пировали,
Оленьи туши свеживали...
Невесты выйдут за других,
И только в песнях вспомнят их.

[Впервые в истории шотландские войска наголову разгромили огромную английскую армию, состоявшую из отборных арбалетчиков, рыцарской конницы, многочисленной пехоты.

Английский король Эдвард II едва не попал в плен. Его лучшие рыцари и гвардия — все погибли. При жизни Брюса англичане не дерзали больше нападать на Шотландию.]

Генрисон

Роберт Генрисон (1425—1508) — шотландский поэт предренессансной поры. Был школьным учителем, позднее стал магистром, преподавателем университета в Глазго. Его перу принадлежат дидактические стихи и поэмы, пастораль в октавах «Робин и Макейл», поэмы на сюжеты античных сказаний: «Орфей и Евридика» и «Завешание Крессиды». Последняя из названных поэм представляет собой продолжение поэмы Чосера «Троил и Крессиды». Значительный интерес представляют «Нравсучительные басни» Генрисона, принадлежащие к лучшим образцам этого жанра в европейской литературе позднего средневековья. Написанные живо и остроумно, они содержат жанровые зарисовки, изобилующие выразительными бытовыми деталями. В этом отношении примечательна басня «О городской и сельской мышах», приобретшая значительную известность. Басня осуж-

дает богатую праздную жизнь, превращающую человека (а в басне — городскую мышь) в черствого себялюбца, способного покинуть ближнего в трудную минуту. Написана басня семистрочной «королевской» строфой (*ав ав всс*), впервые введенной в литературный обиход шотландским королем поэтом Яковом I (начало XV в.).

БАСНЯ О ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЫШАХ

1

Две серых мышки, две сестры
В разлуке много лет прожили...
Сбылись у старшенькой мечты:
Ее в столицу пригласили...
А младшую, случилось, били
За воровство с чужих полей:
Землицы не было своей...

2

Ей приходилось голодать,
От лютой стужи погибать,
Нередко жизнью рисковать...
Сестра ж ее забот не знала:
Налогов, пошлин не платила,
Богатство нагло наживала,
Куда ей вздумалось — катила...

3

Но, нахватав добра чужого,
Внезапно мышка захандрила:
Уж сколько лет лица родного
Она вокруг не находила —
И вот, внезапно заспешила,
К себе в деревню собралась,
С клюкой, босая поплелась

4

По тайным путаным тропинкам,
Через болота, через лес,
Кололи лапки ей былинки,
И мех весь на боках облез,
Когда зверек сквозь вереск лез.
Но вот знакомая нора:
— О, милый друг, проснись, пора!

5

Сестра навстречу ей спешит,
Ее в объятия заключает,
Смеется, плачет, тормошит,
То захохочет, то вздыхает;
Дары ей старшая вручает,
Затем, обнявшись, входят в дом,
Вернее, в норку под полом.

6

Родительский был домик мал —
Из вереска и торфа сделан, —
Сухой и чистенький подвал,
В жару прохладный. Был он вделан
В огромный камень — в дождь там смело
Укрыться можно было, но
Мороз кусал их все равно:

7

Ни дров, ни печки не имели,
Всю зиму, бедные, дрожали...
За шаткий столик сестры сели,
Меньшая бойко угощала,
Бобы, орехи предлагала;
Но старшая скривила рожу:
И это — хлеб насущный? Боже!

8

— Смеешься над сестрой ты милой?
— Жалею просто. Пища — яд.
— Мадам, — тут младшая вспылила, —
Мне мама часто говорила,
Что девять месяцев подряд
Она обеих нас носила
Под сердцем, — вот, дружок, в чем сила!

9

Тогда богачка улынулась:
— Прости, сестрица, не ругай,
Но, понимаешь, я втянулась,
Живу как Лорд (о чем узнай,

Но, чур, соседям не болтай!)
Орехом — зубы поломаю,
А от бобов — умру, я знаю!

14

Да пятница моя страстная
Роскошней вашей скудной пасхи!
И ждет тебя беда большая:
Ты и теперь совсем больная
От голодовок; без опаски
Идем со мной: в моих домах
Ты вечный свой забудешь страх...

15

По-королевски станешь жить,
Так при дворе не угощают:
Как Леди будешь есть и пить;
Нас мышеловки не терзают,
Ленивый кот не замечает,
Кухарки мясом закормили,
Его свирепость укротили...

16

Они лишь ночью в путь пускались,
А днем спокойно отдыхали
В глухом леске: они старались
Поменьше спать — все избегали
Опасных встреч. Они страдали
От грязи, голода... но вот
Громада города встает...

17

Вот городская мышь ведет
Сестру на главную квартиру,
Их изобилие тут ждет:
Бочонки с маслом, формы с сыром,
Колбасы, кейки и пломбиры,
Севрюга, тёша и икра —
Кладовка доверху полна

18

Была. Вот стол они накрыли,
И стали вольно пировать...
Сестра хозяйку все хвалила:
— Подобных кушаний подать
Сам Лорд не смог бы... благодать
Тебя здесь божья осенила,
Спаси тебя Христос, друг милый...

19

И мышки вдруг развеселились:
То потанцуют, то споют;
Смеялись, прыгали, резвились,
Не чуя, что уже их ждут
Несчастья, слезы, что идут
На смену счастью: дверь открылась,
Фигура грозная явилась...

20

То был дворецкий — он спешил
И пир мышиный не заметил;
Гремя ключами, ворошил
В углу мешки и что-то метил;
Тут старшая, что было сил,
К норе секретной побежала,
Сестра же — в обморок упала.

21

Дворецкий вскоре вышел вон,
Оставив двери нараспашку,
И старшая, услышав стон
Сестры, приподняла бедняжку.
Рыдая, та стонала тяжко,
И, вздрогнув, друга отстранила,
И дико вдруг заголосила.

22

«Не надо, милая, молчи, —
Сестра ей ласково сказала, —
И слезы все свои утри» —
И блюда новые достала.

Но пить и есть сестра не стала:
— Твоих даров я не приму,
В деревню лучше побреду...

23

Но все ж сестра ее склонила
К столу роскошному присесть,
На милость гнев она сменила
И собралась уже отъесть
Кусок от окорока — честь
Сметанке также оказать,
Затем, урча, медок слизать;

24

Как вдруг игрун наш, Гил-мурлыка,
Мякнув, грозный, к ним вбежал;
В одну секунду, пискнув дико,
Хозяйка юркнула в подвал,
(О щели той никто не знал)
Сестру покинув вновь в беде,
И та, в предсмертной маяте,

25

Кота напрасно умоляла,
И гордый род его хвалила;
Усатый рыцарь для начала
Ее подбросил вверх в полсилы;
Как бы готовя ей могилу,
Он лапой после придавил,
И вдруг (возможно ль) отпустил!

26

Тут мышка бросилась бежать, —
Кот — прыг — опять ее поймал,
Он мог бы вмиг ее сожрать,
Но от кухарки получал
Он столько мяса, требухи,
Яичек, сыра, шей, ухи,
Что есть он вовсе не желал,

27

Но думал только об игре...
Фортуна мышке улыбнулась,

Ее забросив в щель в стене;
Коту ж проказнику взгрустнулось,
Зевнув, он прочь пошел; на дне
Убежища лизала раны
Страдалица. Хозяйке ж странной

28

Вдруг показалась тишина.
Покинув свой тайник надежный,
Зовет вновь гостюшку она:
— Жива ль? Откликнись! Осторожно
На свет вновь показаться можно,
Гроза прошла, давай играть
И вновь беспечно пировать!

29

Со стоном младшая явилась,
Вся исцарапана, избита,
С насмешкой старшей поклонилась:
— Ну, угодила мне сестра ты!
— Здесь жизнь — как райские мечты!
— Но за такое изобилие
Беднягу до смерти прибили.

30

Чем так с опаской пировать,
Уж лучше нищенствовать дома,
Лишь богачам тут благодать,
А беднякам — не сдобровать;
Спокойней будет на соломе
В убогой хижине им спать
И жизнью зря не рисковать...

Чешская литература

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА XIV ВЕКА

Нижеследующие три стихотворения по всем признакам принадлежат поэтам XIV в. (Рукопись стихотворения «Деревья оделись листвою...» хранится в Вене, рукописи двух других стихотворений — в Праге.) Попытки некоторых современных литературоведов (В. Черный) установить зависимость этих стихотворений от западноевропейских образцов (провансальских и итальянских) не могут быть признаны убедительными: и свободная форма, и содержание этих стихотворений в достаточной степени самобытны, чтобы воспринимать их как самостоятельные образцы чешской национальной поэзии. В стихотворении «Деревья оделись листвою...» очень характерен свойственный чешскому жизнерадостному мироощущению неожиданный переход от любовной грусти к совершенно шутиливой концовке.

ДЕРЕВЬЯ ОДЕЛИСЬ ЛИСТВОЮ...

Деревья оделись листвою,
И в рощах поют соловьи...
О ласковый май! Пред тобою
Открою печали мои!

Я сам отошел от любимой
И сердце на муки обрек,
Но даже далекой, незримой
Неверным я стать бы не мог.

Дивлюсь, что так сердце
упрямо,
Забвенья ему не дано.
Одною, все тою же самой,
По-прежнему полно оно.

Зачем называть ее имя?
Любовь я, как тайну, храню.
Она поделилась с другими
И выдала тайну свою.

Любовник нескромный,
болтливый
Недолго любовь сохранит,
Какой бы он ни был счастливый,
Любовь все равно улетит.
И женщин на свете нет краше,
Чем та, что любила меня.
Не выдадим тайну мы нашу
Мы оба: ни сердце, ни я.
С раскрытием тайны на свете

Приходит и счастьем конец.
Так пусть же не ведает третий
Про счастье двух верных сердец!
Совет мой вам, пани и панны,
Он сможет вам очень помочь:
Коль станет болтлив ваш
желанный,
Гоните немедленно прочь!

СКОРБИ ТАЙНОЙ И ГЛУБОКОЙ...

Скорби тайной и глубокой
У меня на сердце след;
Разлучен я с сероокой,
И конца разлуки нет.

Мне бы с нею повидаться,
На нее взглянуть разок,
Перестал бы я терзаться,
Успокоиться бы смог.

Мне б узнать, что не забыла,
Что никто еще другой
Не владеет сердцем милой,
Что она всегда со мной.

Но сказала как-то слово,
И его мне не забыть,
Вечно свеже, вечно ново
В сердце бедном будет жить.

Обещала неизменно
Оставаться мне верна,
И залогом драгоценным
Вся душа моя полна.

Сероглазой соколицей
Я навек заполонен.
Неужели только снится
Мне любви чудесный сон?

СТРАЖА ЗОРКАЯ ЛУКАВА...

Стража зоркая лукава...
На коне через дубраву
Я до милой доскачу,
Эту ночь с ней быть хочу!

Стража сонная дремала...
Эту ночь меня ласкала,
Верность сердца сохраня,
Панна нежная моя.

На деревьях зазвенели
Птичьи песни, свисты, трели,

Панна встала ото сна,
И промолвила она:
— Мои любимый! Утро скоро,
И проснется злая свора
Беспощадных сторожей.
Уезжай же прочь скорей!

Им на радость наша мука —
Наша горькая разлука.
— Нет! Разлука не страшна,
Если будешь мне верна!

ЛЕКАРЬ

«Лекарь» («Mastičkář», точнее — «Продавец мазей») является наряду с мистерией о «Гробе господнем» самым старым из дошедших до нас образцов чешской драматической поэзии. Автором пьесы был, вероятно, кто-либо из «жаков», т.е. студентов, или вообще человек ученый; это явствует хотя бы из того обстоятельства, что все ремарки к тексту написаны по-латыни и, кроме того, частично написаны по-латыни и роли трех жен-мироносиц. Поэтому можно допустить, что пьеса была создана студентами и разыгрывалась ими в большие церковные праздники. Однако особенности языка и орфографии указыва-

ют на ее принадлежность к периоду более раннему, чем 1348 г. (год основания в Праге постоянного университета), а именно — к последним десятилетиям XIII столетия. Известно, что в 90-х годах названного столетия король Вацлав II уже пытался создать в Праге университет, по-видимому, «Лекарь» и разыгрывался студентами этого «предварительного» университета.

Комедия дошла до нас в форме большого, но незаконченного отрывка. Наличие среди ее действующих лиц библейских и евангельских персонажей, затрагиваемые ею темы умашения христового тела и воскресения Исаака дают основание предположить, что «Лекарь» был чем-то вроде веселой интермедии, разыгрываемой между эпизодами главной пьесы религиозного содержания.

Ценность пьесы для современного читателя заключается главным образом в том, что в ней с вольной и безудержной веселостью получил выражение чешский народный юмор. В пьесе вышучивается очень много элементов современного ей быта: наука, представленная медициной и фармакологией, религия (жены-мироносицы и Авраам), кичливость своей родовитостью (хвастовство Пустерпалка и Рубина), супружеские отношения (ссора лекаря с женой), легковерие людей, лечащихся у шарлатанов, и т.п. Многие шутки не лишены сатирической заостренности, делающей пьесу интересной и в качестве своеобразного социального документа о быте эпохи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Северин Гиппократ, лекарь.
Его жена.
Рубин из Бенатка (Венеции), шут.
Пустерпалка, слуга лекаря.

Три Марии.
Авраам.
Исаак.

Рубин

Рубин

Разбежавшись сгоряча
Я приветствую врача,
Северина Гиппократа!
Заживем мы с ним богато.

Киселю мне дай немножко,
А к нему — три новых ложки.
Расплатись такой ценой,
Буду верным я слугой.

Северин

Северин

Мой привет, веселый шут!
Как, скажи, тебя зовут?

По цене такой вольготной
Я найму тебя охотно, —
Ты ее назначил сам.
А теперь найти бы нам
Место, где расположиться
И на снадобьях разжиться.

Рубин

Звать Рубином из Бенатка.
Целиком и без остатка
Пред тобой я для услуг.

Рубин

Северин

Что возьмешь с меня, мой друг?

Далеко ходить — зачем?
Ведь лекарства нужны всем.
Здесь разбей свою палатку,

И пойдет наш торг прегладко.
Вот тебе и стул складной,
Отдохни на нем с женой.

Рубин и Пустерпалк
(поют).

Вы узнайте, стар и млад,
К вам приехал Гиппократ,
Врач *de gratia divina*^a,
Mag in arte medicina^b,
У кого здесь что болит,
Он вас вмиг оздоровит.

Рубин (к публике).

Люди добрые, по чести
Приношу такие вести,
Что послушать их не грех, —
Радость будет здесь для всех.
Бросьте, бабы, там шептаться,
Клеветою заниматься.
Помолчать вам в самый раз
И послушать мой рассказ.
К вам приехал мудрый, славный
Врач великий, что исправно
Исцелит любой недуг:
Равных нет ему вокруг.
Не стяжали столько славы
Никогда врачи — моравы,
Чехи, венгры, австрияки,
Ни баварцы, ни поляки,
Не лечил так ни один
Врач коринтец иль русин.
От захода до востока
Так никто не чтим глубоко,
Как великий Северин —
Мой искусный господин.
Из далекого он царства
Захватил с собой лекарства —
Дивных снадобий набор.
Не встречалось до сих пор

Раны, язвы или шрама,
Чтоб от действия бальзама
Не стянулись бы тотчас.
Если кто-нибудь из вас
Палкой бит, иль розгой сечен,
Иль клеймом каким отмечен, —
Все пожалуйста сюда!
Не останется следа
От клейма или дубины,
Стоит только господину
Раз взмахнуть своим мазком.
Если кто лежал пластом,
Тот от мази чудотворной
Вскочит вмиг, как пес

проворный,

И завертится юлой.
Вы же, пани, кто красой
Дорожит лица и тела,
Покупайте мази смело:
Очень кстати наш товар
Для продленья ваших чар!

(Закончив монолог, Рубин убегает в публику.)

Северин

Эй, Рубин! Рубин!

(Рубин не откликается.)

Эй, Рубин! Рубин!

Рубин (из публики).

Что прикажешь, господин?

Северин

Ну, Рубин, скажи, куда
Звать тебя напрасно буду?

^a Божьей милостью.

^b В медицинском искусстве.

Р у б и н (*из публики*).

Я спешил к тебе с товаром
Да попался бабам старым.
Мази я тебе волок,
Разорвали мне мешок.
Глупым бабам в том потеха,
Мне же, право, не до смеха.
Приведу к тебе с собой
Покупателей толпой.

С е в е р и н

Эй, Рубин! Рубин!

(*Р у б и н не откликается.*)

Эй, Рубин! Рубин!

Р у б и н (*из публики*).

Что прикажешь, господин?

С е в е р и н

Ну, Рубин, скажи, куда
Звать тебя напрасно буду?

Р у б и н

Ах, хозяин, ты напрасно
Так разгневался ужасно.
От учености большой
Ослабел ты головой.

С е в е р и н

Говорят о том преданья
И священное писанье:
Коли свяжешься с глупцом,
Мало проку будет в том.

Р у б и н

Вот что помнить хорошо бы:
Нету пользы нам от злобы.
Только ласка и привет
Ласку вызовут в ответ.

С е в е р и н

Так смирим наш гнев
ненужный,
Впредь с тобою будем дружны.
Торг лекарствами начнем
И богато заживем.

Р у б и н

Так-то лучше, милый врач!
Гнев подальше ты запрячь.
Будет все у нас, как надо,
Назло дьяволу и аду.

С е в е р и н

Эй, Рубин! Рубин!

Р у б и н

Что прикажешь, господин?

Северин

Ты для нашего базара
Добывай скорей товара.
Не пора ль нам начинать
И народ сюда сзывать?

Р у б и н

Убедится каждый вскоре;
Нет болезни или хвори,
Пусть внедрившейся глубоко,
Чтоб не смог в мгновение ока
Северин их излечить,
Стоит мази применить.
Исчезают без остатка
Кашель, насморк, лихорадка,
И тотчас же пропадут
Сыпь, чесотка или зуд.
Кроме разных болей тела,
Лечит также он умело

Червоточину души, —
Вот как мази хороши!

Северин

Где же мази? Где составы?
Чудодейственные травы?

Рубин

Вот лекарств тебе мешок
Я с собою приволок.

Северин

Я горю от нетерпенья
Начинать скорей лечение.

Рубин

Гиппократ наш знаменитый,
Сам о них теперь суди ты!
Распишу тебе их вслух,
Помогай святой мне дух!
Много разной здесь посуды,
В каждой склянке — просто чудо!
В банке первой, например,
Мазь такая, что размер
Изменить способна зоба:
Раз мазнуть довольно, чтобы
Зоб разросся вглубь и вширь.
Но возьми второй пузырь,
И от бешеного роста
Он излечит очень просто.
Для душевного веселья
В банке третьей скрыто зелье:
Кто применит этот сорт,
Станет резвым, словно черт.
В этой склянке порошок
Будет тоже очень впрок:
И составлен он неглупо, —
Воскрешать им сможешь трупы.
А состав из банки пятой
Сделан ведьмою проклятой,

Хоть та ведьма и стара,
Но из жира комара
Умудрилась мазь сварить,
Чтобы недуги лечить.
А от этого раствора
Хромоногий очень скоро,
Распростившись с костылем,
Вскачь припустится козлом.
Вот еще здесь два флакона,
Эликсир из Вавилона
Заклучен за их стеклом.
Кто страдает животом,
Не найти ему, бедняге,
В самой Вене или в Праге
Средства лучше и верней.
И еще один елей:
Эту мазь красotka-пани
Замесила на сметане,
Пересыпавши слегка
Нежной пылью мотылька.
Возбудит любви томленье.
Этой мази применение.
Средством дивным дорожи
И в сохранности держи.
Вот лекарство — сущий страх!
Смастерил его монах.
В одинокой мрачной келье
Составлял он это зелье,
И в него он заключил
Нерастрченный свой пыл.
Истаскавшийся повеса
Станет вдруг живее беса, —
Как бы ни был раньше слаб,
Разохотится на баб.
Клад лекарств здесь
непочатый, —
Так торгуй и будь богатый!
Но, пожалуй, в самый раз
Увеличить их запас:
Покупателей немало, —
Надо, чтобы всем достало.
Так вели-ка Пустерпалку,

Взявши пестик или палку,
Натолочь уже заране
Порошков из всякой дряни,
И, набрав погуще грязь,
Запасную сделать мазь.

*(Выложив лекарства, Рубин убе-
гает в публику.)*

Северин

Эй, Рубин! Рубин!

(Рубин не откликается.)

От Рубина — ни следа.
Занесло бы к нам сюда
Хоть ворону или галку!
Мне товара, право, жалко,
Что без пользы он лежит.
Эй, Рубин! Опять молчит,
Непокорное ты чадо!
Сколько звать тебя мне надо?

Рубин

Слишком ты, хозяин, строг.
Погоди же, дай мне срок.
Я, в бегах или на месте,
О твоей пекусь лишь чести.

Северин

Нет, Рубин, слуга мой верный!
Убираться нам, наверно,
В самый раз из этих мест —
Поискать другой насест.
Знать, разгневался создатель —
Не идет к нам покупатель,

Рубин

Не мели, хозяин, вздора.
Покупатель очень скоро

За лекарством будет к нам:
Лысый старец Авраам.
Сам не болен он, однако,
А с собою Исаака,
Сына хворого, везет,
Коль заплатит старец тот
С той же самой широтою,
На башке его с какою
Ярко лысина блестит, —
Он тебя озолотит,

Северин

А еще, Рубин ты мой,
Я прослышал стороной,
Будто бродят по округе
Три красивые подруги,
Ищут мазей и помад —
Так здесь люди говорят.
Не нашел их почему ты?
Не теряя ни минуты,
Тех паненок раздобудь,
Укажи ко мне им путь,

Рубин

(женам-мироносицам).

Добрый день, красотки-пани!
Что вы робки, словно лани,
И в унынии глубоком?
Я проведал ненароком,
Что как будто нужны вам
Благовонья и бальзам?
Вы пришли сюда недаром:
Здесь хозяин мой с товаром.

1-я Мария (поет).

Omnipotens pater altissime!
angelorum rector mitissime!
quid faciemus nos miserrimae,
heu quantus est noster dolor!

Сонмов ангельских водитель!
Наш заступник и спаситель!
Ты покинул нас в юдоли,
И не зрим тебя мы боле!

2-я М а р и я (поет).

Amisimus omne solatium,
Jesum Christum, Marie filium;
ipse erat nostra redemptio:
heu quantus est noster dolor!

Пастырь ласковый и кроткий!
Ах, зачем такой короткий
На земле ты пробыл срок
И от нас теперь далек!
Прегрешения все наши
Искупил ты горькой чашей —
Смертной мукою креста,
Мы утратили Христа!

3-я М а р и я (поет).

Sed eamus unguentum emere
cum quo bene possumus ungere
corpus domini sacratum.

Наша радость и отрада!
Как овечек бедных стадо,
Позабывших пастухом,
Мы покинуты Христом!
Наших скорбей утешенье,
Всех болящих исцеленье,
Отряхнувши смертный прах,
Ты теперь на небесах!

Т р и М а р и и (поют).

Die nobis mercator juvenis,
unguentum si tu vendideris?
die pretium, quod tibi dabimus.

С е в е р и н

Подходите посмелее,
Угодить я вам сумею.

(Р у б и н у)

Ты, Рубин, скорей беги,
Старику там помоги:
К нам волочит кое-как
Тело мертвое бедняк.
Смазан мазью чудотворной,
Оживет мертвец бесспорно.
А паненки поглядят,
Мази что мои творят.

(Авраам и Рубин вносят
Исаака.)

А в р а а м

Я спрошу у Северина,
Не излечит ли мне сына.
За целебный эликсир
Я бы дал грибов и сыр

(С е в е р и н у).

Здравствуй, лекарь знаменитый!
Злою скорбью убитый,
Я являюсь пред тобой.
Здесь со мною сын больной.
Он — как мертвый, без движе-
нья.
Сделай чудо воскресенья!
Хоть лежит он распростертый,
Но капризный хуже черта:
Хлеб не ест совсем простой,
Лишь пшеничный, дорогой,
И воды не пьет строптиво,
А лакает только пиво.

С е в е р и н

Так узнай же, Авраам,
Что имею я бальзам:
Он излечивает дивно.
За лечение три гривны
Золотых я взять хочу.

Пастух. Миниатюра XV в.

А в р а а м

Врач великий, заплачу,—
Сын мне золота дороже.

С е в е р и н

Помоги мне, правый боже,
Совершить благое чудо!
Исаак, скажи, куда
Будешь ты отца терзать
И вот так пластом лежать?
Это средство чудотворно:
Так вскочи скорей проворно.
И молися небесам,
Чтоб подействовал бальзам!

(С е в е р и н натирает Исаа-
ку мазью задницу. Исаак тот-
час же вскакивает.)

И с а а к

Ах и ох и ох и ах!
Спал я долго — просто страх!
Так, наверно, спят в гробах.
И еще раз; ох и ах!
Мудрый врач, тебе спасибо!
Ну, видал когда кто-либо
Чудодейственной бальзам?
Обращался я к врачам,
Надо мной они мудрили,
Только голову лечили,
И все было невпопад.
Ты ж, мудрец, натер мне зад!

Северин
(женам-мироносицам).

Мой привет, красотки-пани!
Нужно вам — я знал заране —
Разных мазей и помад.
Вам служить сердечно рад.
Прошлой пятницей страстною
Я сюда привез с собою
Из заморских дальних стран
Мазей, кремов и румян.
Угодить таким товаром
Я бы мог и бабам старым,
Применив его к лицу,
Им под стать идти к венцу:
Все морщины и все складки
Исчезают без остатка.
Мазь полезна и для лиц
Юных пани и девиц:
Смазав щечки или шею,
Заблестят они своею
Только ярче красотой.
Выбирайте крем любой!

Три Марии

Милый лекарь, до того ли
Нам, чтоб лица в холе
Наши скорбные держать?
Мы пришли тебе сказать
Про великую утрату:
Умер наш Христос распятый,
Погребен без умащенья.
Оберечь хотим от тленья
Мы его священный прах.
Так за совесть, не за страх,
Отпусти ты нам составы,
Чтобы в них входили травы,
Ладан, мирро, тимиан.
И, омывши кровь из ран,
Умастим мы труп священный,
Сохраним его нетленным.

Северин

Вам скажу без лишних слов:
Тот состав уже готов.
Так, я в день святого Яна
Смастерил из тимиа́на,
Примешав к нему шалфей,
Чудодейственный елей.
В нем — особые коренья:
От распада и от тленья
Сохраняют мертвецов.
Вам продать его готов.

Три Марии

А за средство против тлена
С нас возьмешь какую цену?

Северин

Знайте, пани! Продаю я
Мазь чудесную такую
За три гривны золотых,
Для печальниц молодых,
Не боясь себе убытка,
Я пойду теперь на скидку,
И отменный мой бальзам
За две гривны вам продам.

Жена лекаря

Милый муж мой, это что же
И на что оно похоже?
Молодых зазвав паненок,
Продаешь им за бесценок
Ты, ничтоже усомнясь,
Драгоценнейшую мазь!
Позаботься о жене ты!
Не накормлены, раздеты,
Мы скитаемся с тобой.
Пригодился б золотой...
Пренебречь ли нам достатком?
На дешевку, видно, падким,
Этим пани краткий сказ:
Ваши цены не по нас!
Я и муж не так богаты,
Чтобы за две гривны злата
Уступить могли бы вам
Этот редкостный бальзам.

Северин

Позабыв закон приличий,
Есть у пьяных баб обычай:
Распускать вовсю язык.
Подняла с чего ты крик?
Это, верно, с перепою
Помыкать взялася мною.
Ты уймись, вот мой совет!
Марш на место; если ж нет, —
Я разделаюсь с тобою,
Злой, сварливою женою!

Жена лекаря

Не умея накормить,
Он еще грозит бить!
Вместо ласки и ухода
Ждать побоев от уroda,
Нет! Довольно издеваться,
Мы должны с тобой расстаться.
Я потребую развод,
Пусть с тобою черт живет!

Пустерпалк
(женам-мироносицам).

Пани дивные! Ваш вид
И пленяет, и томит!

Рубин (Пустерпалку).

Не молол бы здесь ты вздора, —
Не годишься в ухажеры.

Пустерпалк
Если б род ты мой узнал,
Ты меня бы почитал.

Рубин
Что ж! Послушать мне не жалко
Про семейство Пустерпалка!

Пустерпалк.

Средь родни моей, Рубин,
Славен дядя не один.
Дядя Соба, дядя Коба
Торговали долго оба

И торговлею своей
Честь стяжали у людей.
Хрен и лук, грибы и груши,
Хворостины, да посуше,
Для метения полов —
Вот, Рубин, их торг каков.

Рубин

Чем он хвалится, бедняга!
Непутевый ты бродяга!
Хороша твоя родня!
Есть две тети у меня.
И, замечу мимоходом,
Не чета твоим уродам,
Собе, Кобе дуракам,
Продававшим разный хлам.
Тетя старшая Вавржена
Продавать не стала б хрена,
Разной дряни и грибов.
Но она, без лишних слов,
Пренебрегши божьим страхом,
Спать легла с одним монахом
Под стеной монастыря.
И горжуся я не зря
Тетей младшею Годавой,
Киселем стяжавшей славу.
Был кисель — один восторг!
Им вела Годова торг.
А варен кисель чудесный
Из простой коры древесной.
Так молчи, хвастун ты
жалкий!

А не то вот этой палкой
Я тебя измолочу,
Быть скромнее научу!

Северин
(женам-мироносицам).

Добродетельные пани!
Не внимайте этой брани...

.....

СМИЛЬ ФЛЯШКА

Пан Смиль Фляшка из Пардубиц (Pan Smil Plaška z Pardubic), замечательный чешский деятель своего времени, родился в середине XIV столетия (год рождения точно неизвестен), погиб в 1403 г. в разгар междоусобных распрей между королями Вацлавом IV (он же германский император Венцель) и Зигмундом (Сигизмундом), представлявшим интересы чешских патриотов, сторонником которых и являлся Смиль Фляшка. В периоды, когда у власти находилась партия Зигмунда, Смиль Фляшка назначался этим последним «паном городов» (т. е. градоправителем) Старого и Рихенберга. В 1396 г. он был назначен на должность «высшего писца» чешского королевства (нечто вроде государственного летописца). Кроме того, был бакалавром Пражского университета.

Политическая, административная и историографическая деятельность не помешала Смилю Фляшке заниматься и поэтическим творчеством. Его литературное наследие значительно и по объему, и по содержанию. Ему принадлежит заслуга составления первого собрания старейших чешских поговорок («Sbírka nejstarších přísloví českých») — сокровищница народной мудрости и юмора.

В своих оригинальных произведениях Фляшка, преследуя дидактические цели, зачастую осуществляет их средствами веселой шутки; немало бытовых сатирических зарисовок в его сатирической поэме «Конюший и школяр» («Podkoni a žák»), где эти два лица стараются доказать друг другу превосходство своей профессии и своего общественного положения; высмеивая дурные стороны профессии и положения оппонента. Такого же и самое значительное по объему его произведение — «Новый совет» («Nowá Rada») (имеется в виду совет зверей), где за масками выступающих с речами зверей ясно обозначаются черты разных сословий и классов. Элемент сатиры отсутствует лишь в поэме «Советы отца сыну» («Rada Otce Synowi»), представляющей собой пространный, в несколько сот стихов, монолог, в котором «мудрый добродетельный отец» поучает сына всем мирским и духовным добродетелям.

Характерна по своеобразному сочетанию морализации с юмором и шуточная поэма Фляшки «Спор воды с вином» («Swar Wody s Winem»), приводимая ниже с незначительными сокращениями. Спор как будто бы кончается вничью, но внимательный читатель сразу заметит, что симпатии автора все же больше склоняются на сторону веселого вина, чем добродетельной и полезной воды. Симпатиям этим автор, как средневековый христианский моралист, не может дать полного простора, но заключительные слова поэмы не оставляют на этот счет никаких сомнений: лишь тот человек не станет пить вина, «у кого пуста мошна».

Литературное наследие Смиля Фляшки ценно и еще в одном отношении: строя свои поэмы в форме живых диалогов или даже монологов («Советы отца сыну»), автор старался воспроизводить, насколько это позволяла стихотворная форма, современную ему разговорную бытовую речь; в результате его поэмы являются незаменимым подспорьем для изучения живого чешского языка той эпохи.

СПОР ВОДЫ С ВИНОМ

.....
Муж ученый жил когда-то,
Жил привольно и богато;
И хотя немного скуп,
Но покушать был не глуп.

За обедом неизменно
Ел он вкусно и отменно,
Яства разные притом
Запивал всегда вином.

И однажды так напился,
Что сознанием помутился,
Погрузился в странный сон
И проспал так долго он,
Что друзья и домочадцы
Допустили: может статься,
Богу душу он отдал?
Нет, он только крепко спал.
В этой длительной дремоте
Увидал себя в полете:
Ангел светлый без усилия
Подхватил его на крылья
И тотчас же с ним взлетел
В неба третьего предел.
Впечатления своими,
Пробудившись, он с родными
Поделиться тот же час,
Все поведал без прикрас.
Пред собой я видел бога.
Опишу ль мою тревогу?
Задрожал какой я дрожью,
Увидав фигуру божью!
Грозен был великий бог.
Заключить я сразу мог,
Что попал на суд небесный:
Ведь давно нам всем известно, —
Рано ль, поздно ль призовут
Наши души в страшный суд.
Оказалось, к счастью, скоро,
Что иное для разбора
Было дело на суде:
Предстояло там воде
В этот час с вином судиться,
Спор их должен был решиться,
У кого побольше есть
Прав на славу и на честь.
Решено самим судьей,
Чтоб был начат спор водой.
Получивши первой слово,
Говорит вода: «Основы
Света божьего какие —
Первозданные стихии?

Пламень, воздух и земля,
А четвертая — то я.
С мира самого начала
Я уже существовала,
Богом мудрым создана.
Благородней я вина».

«Как бы там оно ни было, —
Здесь вино вдруг перебило, —
У людей я в большей чести.
Собираясь люди вместе
Для торжественного дня,
Пьют не воду, а меня.
В знак успеха, в знак ли роста
Надо мной звучат их тосты.
А что ты сотворена
Раньше пенного вина,
В том большой заслуги нету, —
Ведь всему известно свету,
Что все ценное творец
Припасает под конец.
Так, начав с воды творенье,
Он всю радость завершения
Воплотил затем во мне:
В благороднейшем вине».

Вновь вода вино прервала,
И ему она сказала:
«Было так: в земную плоть
Претворял себя господь;
Наравне со смертным родом
Он подвергся тем невзгодам,
Что составили удел
Человеческих всех тел.
И случилось так однажды,
Что Христос страдал от жажды.
Он сказал одной девице:
«Из ручья мне дай напиться».
Не побрезговал водой
Царь небесный и земной.
Не из райского ли корня
Я взялась из выси горней?

«Чтоб взялася ты из рая
Речь воды перебивая,
Говорит тогда вино, —
Мне сомнительно оно.
На земле, земным в уладу,
В сладком соке винограда
Я была заключена —
Сила чудная вина.
Из того возникнув сока,
Чтимо я людьми глубоко.
И скажу без всякой спеси,
Человек не любит смеси,
Где водой разжижено
Было б крепкое вино.
Лишь плуту или уроду
В ум придет добавить воду
К благородному вину.
И теперь, и в старину
За такую б он затею
Получил себе по шее...»
.....
«А в тебе была ли сила,
Здесь вода вино спросила —
Муки тела утолять
И болящих исцелять?
Как гласит одно преданье
Ты прочтешь о нем в Писанье —
Над прудом в полночный час
Реял ангел как-то раз.
Над уснувшею водою
Он прошел своей стопою,
Освятил ее крылом.
С той поры на пруде том
Совершались исцеленья,
Всех страданий утоленья».

Ей вино тогда в ответ:
«Что так было, спору нет.
Ангел мог спуститься к пруду;
Повторится ль это чудо
Хоть бы раз еще в веках?
Но другую на прудах

Видим вечно мы картину:
Свиньи жирные щетину
Моют в илистом пруду,
И с тобой они в ладу.
А теперь ответь ты мне:
Кто купается в вине?
Я — напиток драгоценный
И моею влагой пенной
Веселю сердца людей,
Не купаю в ней свиней.
Век останешься собою —
Глупой, пошлою водою.
Кто тебя усердно пьет,
Раздувает лишь живот».
«Нету лучшего ответа,
Как сказать тебе вот это, —
Без смущенья и стыда
Отозвалась вода, —
После злого перепоя
Люди лечатся водою.
От тебя жестоко страждя,
В утоленье лютотой жажде
И самих себя браня,
Пьют всегда они меня».
У вина в одно мгновенье
Вновь готово возраженье:
«Вспомни лишь, в какой посуде
Нас с тобою держат люди.
Ведро, бочки и ушат —
Вот где воду все хранят.
А с вином иное дело:
Золотилось и алело
Я в стекле уж с давних пор,
И подчас златой узор
Украшал края бокала,
Где кипела и играла,
В тот бокал заключена,
Влага пьяная вина.
А бывало ль так с тобою?
Кто приходит к водопою?
Бессловесный всякий скот
Сколько хочет воду пьет.

Сбор урожая. Миниатюра из Библии Вацлава IV, ок. 1390—1400 гг.

И воды любые дозы
Кони, телки или козы
Добывают без труда.
Я ж, вино, служу всегда
Человеческому роду:
Человеку я невзгоду,
Как начнет меня он пить,
Помогу всегда забыть.
Тешу сердце не одно
Я — веселое вино».

«Что ты этим доказало? —
Тут вино вода сказала. —
Будешь спорить ли о том,
Что нигде не сыщешь дом,
Где могли бы обходиться
Без меня, простой водицы?
Как готовили бы пищу,

Как бы вымыли почище
Люди горенки свои
Без моей живой струи?
А в лесу под пышной сенью
Наслаждались ли бы тенью,
Если б влагою своей
Не питала я корней?
И цветок нарядный сада —
Эта глаз людских отрада —
Без меня бы цвести не мог,
А засохнул и поблѣк».

Говорит вино сердито:
«Человеческого быта
Ты коснулася удачно.
Как уныло и как мрачно
Прозябает всякий дом,
Если беден он вином.

Коль вина к обеду нет,
Так не мил и божий свет, —
Веселее на погосте.
Зазывать друг друга в гости;
Не снискав себе стыда,
Люди могут лишь тогда,
Если есть вино к обеду,
Что всегда живит беседу,
Услаждает всем сердца.
Где, скажи, найдешь глупца,
Кто бы вздумал вдруг простою
Угощать гостей водою?..»

Тут вода в ответ вину:
«А теперь упомяну
Про совсем другую сферу:
Про религию и веру.
Не в воде ли Иордана
От Предтечи-Иоанна
Дар крещения получил
Сам Господь превышних сил?
Был во мне, воде смиренной,
Совершен обряд священный.
А когда на муке крестной
Умирал наш царь небесный,
Не вода ль текла из бока,
Что проткнул копьем глубоко
Злой языческий солдат?
Согласись, что во сто крат
Больше жалкого вина
Я от бога почтена».

Не смутилось вино,
И сказало так оно:
«Я оспаривать не стану;
Это ты текла из раны
В теле Господа Христа,
И прозрачна, и чиста.
Но ответь ты мне на это:
Кровью нового завета
Сам Христос кого назвал?
Не вино ли он призывал,

Силой божеского чуда,
Заменить земному люду
Кровь небесную его?
Бога выбор самого
Указал, чего мы стоим:
Было выбрано вино им».

Возразила так тогда
Раздраженная вода;
«Ты сказало многократно,
Будто пить тебя приятно,
Будто ты сердца людей
Влагой радуешь своей.
Ах, хвастливое ты зелье!
Иль забыло, что похмелье
Всякий раз к тому придет,
Кто тебя, злодейка, пьет?
Никаким, вино, заразам
Не удастся людям разум
Так плачевно помутить,
Как тебе, коль станут пить
Чарки пьяного дурмана.
Будь то поздно, будь то рано
Но отравит винный яд:
Пеленой подернет взгляд,
А язык, вину покорный,
Речью дикою и вздорной,
Что страшней, чем всякий бред,
Доведет до многих бед».

Эта речь вино задела,
В нем обида закипела;
Чтобы гнев свой утолить,
Воду принялось язвить:
«Не в тебе ли, мутной луже,
Мерзким тварям — нет их
хуже —

И раздолье, и приют?
Жабы там всегда живут,
И в тебе, воде болотной,
Гаду всякому вольготно.
Про себя ж скажу тебе я,

Что на свадьбе в Галилее
Средь гостей веселых пира
Сам Христос, спаситель мира,
Находился как-то раз.
Вдруг иссяк вина запас.
Он, на радость новобрачным
Из тебя, воды прозрачной,
Сделал крепкое вино.
Так, самим Христом дано
Спору нашему решение.
Ну, останется ль сомненье,
Кто из нас двоих ценней:
Я ли — божеский елей,
Или ты — вода простая?
И была б беда лихая,
Сила будь кому дана,
Делать воду из вина.
Сотрапезники за чудо
Чудотворца, как Иуду,
Чтоб унять свою тоску,
Удавили б на суку».

Не смутясь, вину тогда
Отвечала так вода:
«Вспомни только, как когда-то
На вершине Аларата
Прародитель древний Ной,
Всласть упившийся тобой,
Пьяной дремой одоленный,
Спать улегся обнаженный,
Не прикрыв хотя бы срам;
И как сын, что звался Хам,
Силой движимый бесовской,
Осмеяв позор отцовский,
Кликнул Сима, Иафета
Посмотреть картину эту.
Только Иафет и Сим
Над родителем своим
Не глумились, вроде Хама.
Оберечь его от срама
Братья добрые спешат,
И прикрыли Ною зад.

И, наверно, неохота
Вспоминать тебе про Лота,
Как когда-то Лот-отец,
Перепивши под конец
Естеству на поруганье,
Вдруг почувствовал желанье
В жены взять родную дочь.
И могла бы я, поверь,
Рассказать еще немало,
Что с людьми ты вытворяло,
Принесло какой им вред,
В сколько горьких ввергло бед».

.....
Длились долго эти пренья.
Муж ученый в изумленье
Молчаливо им внимал.
Первый страх его пропал,
Он владел теперь собою,
И, боясь, как бы бедою
Не был кончен этот спор,
Длань к противницам простер,
Сделать им решил внушенье,
Пусть хотя бы в нарушенье
Норм небесного суда.
Он боялся, чтоб вода,
Перейдя от слова к делу,
Там залить бы не успела,
Распрей злой разъярена,
Влагу ценную вина.
Это знают даже дети,
Что вина всегда на свете
Было меньше, чем воды,
И когда б его следы
Вдруг исчезли из вселенной,
Что бы делал муж почтенный?
За обедом в свой бокал
Что тогда б он наливал?
И, страшась исхода злого,
Он спешит тогда взять слово:

«Пани милые! В молчанье
Не под силу пререканья

Ваши долгие мне сносить!
Как могли вы позабыть —
Это вспомнить вам не лишне, —
Что обеим вам Всевышний
Дал на жизнь святое право;
Для своей вас создал славы
И для блага всех людей?
Без живой струи твоей
Не прожить, вода, ведь людям.
Но давай же не забудем,
Им нужна не ты одна, —
Жить им скучно без вина.
Повелось с начала мира,
Что для праздника иль пира
Лучше всякого подарка
Кружка, кубок или чарка
До краев полна вином.
Вспомните и о том,
Что в церковном ритуале
Обе вы всегда играли
Благороднейшую роль.
И не только сыпят соль.
На младенца при крещение
Но свершают погруженье —
Так велось оно досель —

В освященную купель.
Но и таинство причастья
Не бывает без участия
Освященного вина.
И выходит, что равна
Сила ваша в очень многом
Пред людьми и перед богом.
Тут спрошу вас: почему бы
Спор не кончить этот грубый,
Вновь его не затевать,
В мире жить да поживать?
Ты, вино, не будь надменно
Пред сестрой своей смиренной
И насмешкой не язви,
В дружбе с ней всегда живи.
Не считай, вода, обидой
И вину ты не завидуй,
Коль заметишь там и тут
Что его побольше чтут
Чем тебя — простую воду.
Кто бы стал, тебе в угоду
Вдруг тобою упиваться
Я за то могу ручаться, —
Потому не пьет вина,
Что пуста его мошна!

Польская литература

РАЗГОВОР МАГИСТРА СО СМЕРТЬЮ

«Разговор магистра со смертью» — самый значительный памятник польской средневековой поэзии. Он дошел до нас в рукописи, хранящейся в библиотеке Плоцка. Рукопись относится к началу XV в., но, как было установлено, является списком более древнего памятника, и дату создания поэмы следует отнести по меньшей мере на столетие раньше.

Разрабатывая сюжет, широко распространенный в средневековой Европе (пляски смерти; *Danses macabres* во французской средневековой поэзии; *Totentänze* — в немецкой), неизвестный польский автор проявляет значительную самобытность и оригинальность. Он порывает с общеевропейской традицией, подающей эту тему как трагическую аллереорию, и создает произведение, которое, несмотря на мрачность своей основной мысли — о всемогуществе смерти, — оказывается юмористическим, обнаруживая даже в некоторых местах тенденцию к бытовым комическим зарисовкам. Характерно, что смерть

все время иронизирует, подшучивает над своим уstraшенным собеседником — мудрецом, «ставшим похожим на глупца». Подчас юмор поэмы перерастает в социальную сатиру. Автор проходит по всем ступеням современного ему общества: в «школе смерти» мы видим короля, воевод, шляхту, мастеров (т. е. городских ремесленников), «крестьян, простой народ». Так же полно представлена и иерархия церковная: папа, епископы, кардиналы, прелаты, «смирненные пономари», монахи — добрый и злой. При этом особенно громко звучат сатирические мотивы, когда речь в поэме заходит о пороках католического клира. По словам смерти, многим прелатам уготовано место в аду; со злой издевкой говорит она о чванливой пышности кардиналов и епископов, о беспутной жизни недостойных монахов.

Основная мысль поэмы, отразившей оппозиционные искания демократических кругов тогдашнего польского общества,

Польский рыцарь XIII—XIV вв.

это мысль о природном равенстве людей, облеченная в характерные для средних веков фантастические религиозные формы. Смерть выступает в поэме в роли великого уравнителя. Для нее не существует никаких сословных отличий. Феодалы не имеют для нее преимуществ перед смердами. Смерть представлена в поэме как одно из проявлений мудрой природы, делающей ее неразлучной спутницей жизни. В поэме очень ярко выступает местный элемент, придающий поэме своеобразный реалистический оттенок. Даже перечисляя зверей, смерть называет только тех из них, которыми кишели леса и пуши средневековой Польши, и у читателя возникает представление об охотах и ловитвах той эпохи.

То обстоятельство, что автор особенно тщательно останавливается на характеристике двух монахов, доброго и злого, дало повод некоторым современным исследователям предположить, что и сам автор был монахом. Частые реминисценции из священного писания, используемые смертью в качестве иллюстративного материала, как будто бы тоже подтверждают такое мнение. Однако не следует упускать из виду, что в ту эпоху всякая образованность неизбежно была связана с церковной тематикой, и потому наличие такой тематики в литературном произведении еще никак не доказывает, чтобы автор его обязательно был и сам церковником.

Поэма полностью до нас не дошла: она обрывается на разговоре о женах-великому ченицах, но сохранился русский ее перевод, относящийся к XVI в. Из него мы узнаем конец поэмы.

DE MORTE PROLOGUS

Всемогущий бог-отец,
Господин наш и творец!
Дай мне силы, чтоб умело
Я поведал это дело,
К славе, Господи, твоей,
К исправлению людей.
Люди, слушайте, внимайте,
Про могущество узнайте
И про власть жестокой смерти.
И никто еще, поверьте, —
Кто б он ни был, где б ни жил, —
От нее не уходил.
Неминуем горький рок:
В школе смерти взят урок.
В школе той косой своею
Всем сворачивает шею.
Широка земная твердь,
Но парит повсюду смерть,
Без границы и без меры
Смерти власть, — тому примеры
Приведу я вам сейчас
Так послушайте мои сказ.

Поликарпус жил мудрец —
Всей учености венец.
Изучив науки быстро,
Возведенный в сан магистра,
Об одном он тосковал:
Что он смерти не видал.
Раз молился он в костеле
И просил у божьей воли
Увидать на миг единый,
До своей еще кончины,
Смерть хоть раз лицом к лицу
(Что не страшно мудрецу).
Так молился он в костеле,
Оставаясь там дотолé,
Что костел весь опустел.
Встать с колен он не успел,
Как увидел пред собою
Существо невесть какое:
Чуть прикрыто пеленой,
С длинной, острою косой.
Тоще, бледно, желтолице,
Кровь из глаз росой струится,
Сгнил его почти весь нос,

И без кожи, без волос
Череп в сумраке блестит.
Страшный образ, жуткий вид!
И казалось, тело это,
Тонким саваном одето,
Кое-как набравшись силы,
Встало прямо из могилы.
И взглянув на то виденье,
Наш мудрец пришел в смятенье.
Рассмотревши саван, косу,
Увидав, что смерть без носа,
Устранюсь ее зениц,
Застонал и пал он ниц.
Страх объял так мудреца,
Что, похожий на глупца,
На полу он распростертым
Там застыл с дыханьем спертым.
Подождав над ним немного,
Смерть промолвила не строго:

С м е р т ь

Ах, магистр, но что с тобой?
Ты здоровый, не больной.
Отчего же помертвелый
Ты лежишь от страха белый?
Сам ведь к богу ты взывал,
Чтоб меня он показал.
Так напрасно не волнуйся,
На меня теперь любуйся.
Здесь за тем я, чтоб ты мог,
От макушки и до ног,
Рассмотреть мое обличье,
Про мое узнать величье.
Эту страшную личину
Видит каждый в час кончины,
Но вошла, магистр, теперь
Не за тем я в эту дверь.
Задавай ты мне вопросы,
Раз нам встретиться пришлось
До того, как вышел срок
Взять тебя за хохолок.
Но беседа бы иная
Здесь была, когда тебя я

За собой пришла бы звать.
Вот тогда бы задрожать
Впору было бы всем телом,
Простереться онемелым.
Сжал бы сердце лютый страх,
Хлад в крови и мрак в глазах.
Смерть взяла бы мимоходом
Чашу жизни с сладким медом,
Заменив ее другою —
С ядовитою росой;
Осушить ее до дна
Заставляет всех она.
Отняла б неумолимо
Все, что было здесь любимо,
И косы б зловещий звон
Заглушил последний стон.
В этот раз ты будешь цел.
Отчего ж ты онемел?
Ни к чему твоя тревога.
Посмотри-ка, я немного
Ведь похожа на крестьянку,
Что до ночи спозаранку
Над душистою травой
В поле трудится косою.
Встань, магистр, и будь смелее.
Не хочу вреда тебе я.
Или польский ты язык
Позабыл от страха вмиг?
Так возьми в пример Сократа.
Тот мудрец меня когда-то,
Не колеблясь ни минуты,
Принял в образе цыкуты.
Не дрожи, ученый трус, —
За тебя я не возьмусь:
Не пришли твои ведь сроки
В школе смерти брать уроки.

Тут, подняв лицо от плит,
Так магистр ей говорит:

М а г и с т р

Сам не знаю, что со мной.
Затянуло очи мглой.
Все в душе оледенело,

Хладный пот покрыл мне тело.
Умоляю, ради бога,
Отодвинься хоть немного.
Вид твой страшный не снесу...
Ну, отбрось хотя б косу.

С м е р т ь

Вся мольба твоя напрасна, —
Поступить так не согласна.
Для чего б, магистр ты мой,
Расставаться мне с косою?
Без нее — собой не буду.
Чем грозить я стану люду?
Я косою кошу в избытке
Мудрецов таких вот прытких.
Да не бойся, ты мне верь:
Не скошу тебя теперь.
Говори со мной, коль скоро
Я пришла для разговора.

И магистр тогда, как мог,
Поднялся, не чуя ног,
И промолвил осторожно:

М а г и с т р

Смерть-голубка, если можно,
О себе поведай кратко:
Кто отец твой и кто матка
И живешь ли долгий век?

С м е р т ь

Сотворен был человек
Для бессмертья и для счастья;
Бог его могучей властью
Наделил над всем живым
Птицей, рыбой и лесным
Зверем он повелевал.
И когда Адам раз спал,
Из ребра его мгновенно,
В красоте еще нетленной,
Еву создал добрый бог.
Без забот и без тревог
Мог вкушать бытия отраду

Человек под сенью сада
Рая дивные плоды,
Не страшася божьей мзды,
Есть могли Адам и Ева.
И одно лишь только древо
Бог им трогать приказал
И при этом так сказала:
«Тот, кто вкусит этот плод,
Смерть познает и умрет».
И случилось, в светозарный
Рай проник, как змей коварный,
Искуситель — темный дух.
И склонивши Евы слух,
Пробудил он в ней желанье
Плод вкусить от древа знанья.
Но едва лишь Евы рот
Откусил запретный плод,
Как урочный пробил час
И на свет я родилась.
И плодом все тем ж самым
Ева делится с Адамом.
Божьим гневом тут проклятью
Обречен был без изъятия
Весь злосчастный род людской:
Стал бессилен предо мной.

М а г и с т р

Смерть-голубка, мне неясно,
Пред тобою чем несчастный
Провинился род людей?
Непокорностью своей
Прогневили люди бога, —
Для чего же ты столь строго
Все орудуешь косою,
Истребляя род людской?
Может, видишь мало чести?
А когда б на лучшем тесте
Для тебя калач испечь,
И просить тебя не сечь
Вкривь и вкось своей косою, —
Ты не стала бы другою?

Польские изразцы позднего средневековья.

С м е р т ь

Ну, магистр, ты свой калач,
 Цел пока, подальше спрячь.
 Не нуждаюсь я в почете.
 Я верна моей заботе:
 Все живое истреблять.
 И могу тебе сказать,
 Что такой Создатель властью —
 Вам на горе и несчастье —
 С той поры меня облек,
 Что кошу любой я срок
 И усталости не знаю.
 Я от края и до края
 Исходила этот свет,
 И нигде преград мне нет.
 Через реки, через воды
 Я хожу, не зная брода.
 Край закатный иль восток —
 Всюду будет смерти прок,
 И везде, где есть живое,
 Я явлюсь с моей косою.
 Это праздник, а не бремя —
 Истреблять людское племя.
 Я не делаю различий,
 И таков уж мой обычай:
 Будь здоров кто иль больной,
 Очень умный иль шальной,

Молодой иль очень старый, —
 Не жалею я удары,
 И кошу их всех подряд,
 Будь он беден иль богат,
 Шляхту, графов, воевод
 И крестьян, простой народ.
 С короля собью корону,
 Совлеку его я с трона,
 Подниму за волоса —
 Тут как тут моя коса.
 К императора чертогу
 Я найду всегда дорогу.
 Мудрецы и звездочеты
 И еще народ без счета —
 Пекарь, мастер иль купец —
 Всех один их ждет конец.
 Завелось еще так встарь:
 Воду в пиво льет корчмарь.
 И у бочки я нередко
 Бью плутов косою метко;
 Отправляю прямо в ад,
 Где им глотку просмолят.
 От велика и до мала
 Все живое, чтоб дрожало
 Предо мной, — я так хочу.
 Всех косою проучу.
 Я сразила Голиафа,

Тоже Анну Каиафу;
И предателя Иуду
Я повесила, паскуду;
И распяты были мной
Добрый вор, а также злой.
Лишь один-единный раз
Я косою осеклась:
На Голгофе мной когда-то
Был сражен Христос распятый;
Власть моя была лишь тень:
Он воскрес на третий день.
Бью я доброго и злого,
Но охотнее — второго.
И тому, кто полон злости,
Я легко ломаю кости.
Коль тебя не убедила
И в мою не веришь силу,
То тебе я прямо к носу
Поднести готова косу.
Ты попробуй, как остра.
Мать, супруга и сестра
Будут плакать над тобою
Лишь коснусь тебя косою.
От меня спасенья нет, —
Ты покинешь божий свет.
Мной когда-то поражен
Царь премудрый Соломон;
И могучего Самсона,
И красавца Абсолонна,
И еще премного мужей
Что по славе их не хуже.
Теодориха-остгота,
Рима вечного оплоты —
Полководцев и царей,
Без числа косою своей
До сих пор я покосила,
Но совсем не утолила
Ни охоту и ни прыть —
Все косить бы да косить.

Магистр

Смерть-голубка, а когда ты
Злополучный и проклятый

Истребишь весь род людской,
Что же станет с тобой?
Ведь застыв, сложивши руки,
Изведешься ты от скуки.
Перестань, пока не поздно,
Ты свирепствовать так грозно.
Хоть немного отдохни,
Для себя людей храни.

С м е р т ь

Ах, магистр мой, глупой речью
Не нажил бы ты увечья!
Терпеливо до сих пор
Я сносила весь твой вздор.
Не испытывай терпенья,
Не вводи во искушенье.
А не то я в час неровный
На холодный пол церковный
Уложу тебя опять,
И не сможешь больше встать,
Вижу я, что ты не быстр
Разуменьем, мой магистр.
В мире грех царит покуда,
Без работы я не буду.
И милей отрад мне всех
Этот древний плотский грех.
Так во власти вожделенья
Без конца творит рожденья
В нем погрязший человек.
Пусть течет за веком век,
Без конца проходит время,
Но живет людское племя,
И всегда большой улов
Для косы моей готов.

Магистр

Смерть-голубка, попрошу я,
Объясни мне вещь такую:
Ведь, наверно, не напрасно
И умелых и прекрасных
В свете много докторов?
У тебя отнять улов

Не под силу ль врачеванью —
 Медицинскому их знанью?
 Не грозят ли смерти царству.
 Их отменные лекарства?
 Будет, верно, по плечу
 Знаменитому врачу
 Показать свое проворство:
 Жизнь спасти от смерти
 черстой?

С м е р т ь

Повидала их немало, —
 Пустозвонные бахвалы.
 Врач колдует так и сяк,
 И надеется чудак,
 Распростерт на смертном ложе,
 Что ему еще поможет
 Из толченых разных трав
 Благодетельный состав,
 Что врачи в железных ступах
 Для доверчивых и глупых
 Умирующих толкут.
 А глядишь — я тут как тут!
 Наступили, значит, сроки,
 И без всякой проволоки
 В черный ад иль в небеса
 Здесь пошлет моя коса
 Легковерного больного.
 Нет спасенья никакого!
 Пусть хоть целый огород
 В ступке врач своей столчет, —
 Не возросло еще донине
 Ни ромашки, ни полыни,
 Что могли бы излечить
 Иль кончину отдалить.
 Все врачебные проказы
 Пресеку косою я сразу.
 Пусть запасы всех аптек
 Принимает человек,
 Все их льет себе в утробу —
 Не уйти ему от гроба.
 Час пробьет, я и врача

Крестьяне платят чинш. Миниатюра
 из рукописи XIV в.

Как хвачу косою с плеча,
 Так что докторскую шею
 Не спасти тогда шалфею.
 Нерушимо смерти царство, —
 Что поделают лекарства?

М а г и с т р

Смерть-голубка, молвлю слово,
 Если выслушать готова.
 Признаю: твоя коса
 Может делать чудеса.
 В край блаженных иль до ада
 Отправляет без пощады
 Мужика иль дворянина —
 Для тебя оно едино.
 Неужели, в самом деле,
 От тебя бы не сумели
 Скрыться люди как-нибудь —
 Отыскать к спасенью путь?
 Смастерить какое зелье,
 Закопаться в подземелье,

Запереться в бастион,
Чтоб его со всех сторон
Стража вечно сторожила
И тебя не подпустила?

С м е р т ь

С непонятием упрямым
Все твердишь о том же самом!
Пробу сделать я готова:
Запирайся на засовы,
Хоронись в глухих стенах, —
Распадутся тотчас в прах,
Лишь явлюся за тобою
С необорною косою.
И по правде, хорошо бы
Не откладывать нам пробы.
Вот сейчас, мудрец ты мой,
Я взмахну моей косою...

М а г и с т р

Смерть-голубка, нет, не надо!
Эта речь — страшнее ада.
Все во мне вновь задрожало,
Пеленой глаза застлало...

С м е р т ь

Так о чем же разговор
И зачем ты мелешь вздор?
Все живое мне подвластно;
Проникаю я прекрасно
В глубину звериных нор.
Не спасались до сих пор
От меня еще лисицы,
Волки, зайцы и куницы,
Горностай в нарядном мехе,
Было белкам на орехи,
Уток, цапель, журавлей
Я кошу косою своей,
От нее же не укрыться
Зверю, рыбе или птице.

В поднебесье иль в пучине
Не скрывался ведь до ныне
От меня еще живой,
И всегда его косою,
Где б он ни был, я поддену.
Так помогут ли тут стены,
Подземелья, бастион,
Вечной стражи легион?

.....

Не одних мирян лишь грешных
Я косою кошу успешно.
Весь синклит отцов

церковных —

Ваших пастырей духовных —
Пред косою моей дрожит,
От нее не убежит.
И молитвою своею
Не спасутся иереи,
Пусть хоть прячутся в алтарь.
Как смиренный пономарь,
Так и сам святейший папа,
Попадутся к смерти в лапы.
Зачастую прямо в ад
Угодит иной прелат.
Распроститесь кардиналы
С мантией пышною и алой,
А епископ — с очень хитро
Изгибающейся митрой.
Ждет одежда вас одна:
Гробовая пелена.
И проникну, если надо,
В монастырскую ограду.
Инок спрятан, как в ущелье
За стеною узкой кельи.
Доберуся все равно,
Постучу косою в окно.
Инок добрый не страшится,
Если смерть к нему стучится.
Отрешившись от соблазна,
Просидел он невылазно
В темной келье много лет,
Так не жаль покинуть свет.

И к предвечному престолу
Он отправится веселый:
Лучше почестей и злата
Получить от бога плату.
За земные совершенства
Рая ждет его блаженство.
Потому-то не смущен,
Он косы внимает звон.
Злой монах — иное дело.
Он подчас осатанело
За обители порог
В полуночный выйдет срок,
И как будто бы для пляса,
Подоткнув бесстыдно рясу,
Сразу прынет на коня
И, сквозь ночь его гоня,
Как стрела, грешить помчится,
И блудить, и веселиться.
Под ночью мрачной мглою
Я гонюсь за ним с косою.
Но быстрее, чем огонь,
Ошалелый мчится конь.
По дороге я лукаво
Забегаю слева, справа
И отстать могу нередко,
Но в конце концов все ж метко
Поражу его косою.
И отправлен инок мой,
Где давно ему быть надо:
К черным бесам, в царство ада.

М а г и с т р

Смерть-голубка, а те пани,
Что сносили истязаний
И мучений череду, —
Не бывать ведь им в аду,
Хоть суди ты их и строго,
Души их — в чести у бога.

С м е р т ь.

Разве в «Житии святых»
Не читал ты сам про них?
Как с жестокости избытком
Этих дев всем лютым пыткам
Подвергали палачи?
Истрепав о них бичи,
Волокли их обнаженных
И железом обожженных
В черный мрак глухих темниц,
И морили там девиц
Жаждой, голодом и хладом.
Но страдалиц этим адом
Не могли они склонить
Божьей вере изменить.
Эта стойкость, эта сила
Самое меня пленила.
Право, дивно: без стенанья
Претерпеть все истязанья.

[На этом обрывается польский оригинал. Конец поэмы известен нам из русского перевода XVI в.: магистр спрашивает смерть о страшном суде и втором пришествии, и она рисует ему картину в апокалиптическом стиле и в заключение наставляет его, как ему следует жить, чтобы сподобиться вечного блаженства.]

ПЕСНИ САНДОМИРЯНИНА

Три песни сандомирянина дошли до нас в рукописи, относящейся к началу XV в. В двух первых песнях автор, «смирренный капеллан из Сандомира», как он сам себя называет, говорит о божьем всемогуществе, о человеческом грехе и о загробной каре. В третьей песне автор рассказывает о событии из истории Польши: в 1259 г. татарские полчища

напали на Сандомир, сожгли его, перебили множество жителей, остальных увели в плен. В этой песне автор, наверно и сам того не желая, разоблачает тех, кто должен был нести ответственность за судьбу города. Так, король Болеслав, назначив воеводой Петра Кремпу, сам при приближении врага поспешил уехать в Серадз. Малодушный наместник без боя раскрыл перед врагом ворота Сандомира. Декан и каноник отправляются в Рим к «папе милому» Бонифацию VIII, но получают от него вместо помощи отпущение грехов пострадавшему городу «на столько лет вперед, сколько дней в году», как гласила папская булла.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Боже правый, что же стало
С Сандомиром знаменитым!
Рать татарская напала,
От велика и до мала
Сколько люда перебито!

Вражьей злобе нет предела,
Непостижно это мысли, —
И от крови заалела,
И от трупов обмелела,
Стало тесно нашей Висле!

Был поставлен воеводой
Петр из Кремпы в Сандомире:
Быть оплотом для народа,
Защищать его свободу
И заботиться о мире.

Но ошибкой роковою
Был тот выбор Болеслава:
Дрогнул Кремпа пред грозой,
Сандомир отдал без боя
Он татарам на расправу.

Наш декан тогда любимый
Взял каноника с собою,
И они, как пилигримы,
В путь отправились до Рима
Рассказать про горе злое.

Бонифаций, папа милый,
Внял плачевному рассказу;
И страданий наших сила
Папу доброго склонила

Отпустить грехи нам сразу.
«Сандомиру это кара,—
Рассудил наместник бога,—
Эти страшные татары —
Грома божьего удары;
Вы грешили, видно, много.

Так покаемтесь, христьяне,
О господней вспомним муке;
И приняв из божьей длани
Чашу горькую страданий,
Меч возьмем теперь мы в руки.

Из родного дай нам края
Выгнать, боже, супостата;
Дай нам жить, беды не зная,
И татар орда чтоб злая
Не нашла бы к нам возврата».

Этот сказ о страшной яви,
Эту песню лихолетья,
С чистым сердцем, не лукавя,
И к твоей, Исусе, славе
Постарался здесь пропеть я.

Дар мой скромный не отринь,
Слава господу, аминь.

ОТРЫВКИ ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

До нас, к сожалению, дошли только скудные остатки польской народной поэзии средних веков. Это объясняется прежде всего тем, что католическая церковь, усиленно насаждая в Польше латинскую письменность, с пренебрежением и неприязнью относилась к народному творчеству, тем более что в народных творениях подчас громко звучала насмешка над католическим клиром и светскими феодалами, как это явствует из приводимых ниже отрывков. Запись народной сатиры на ксендзов, сделанная в 1414 г., находится в краковской библиотеке. Любопытно отметить, что этот отрывок был обнаружен приложенным к трактату по теологии. Сатира на Стшелецкого дошла до нас в записи 1483 г. (там же). Сатира на сватовство представляет собой фрагмент, реконструированный по нескольким вариантам (один из них в прозе) Александром Брюкнером.

ИЗ НАРОДНОЙ САТИРЫ НА КСЕНДЗОВ

Когда вы сами, капелланы,
Хотите в рай быть званы,
То не просите столь ретиво,

Чтоб наливал шинкарь вам пиво.
Заботьтесь о душе своей, —
Ведь пиво — дьявольский елей.
Пусть не твердит про вас холоп:
«Опять наш нализался поп!»

ИЗ САТИРЫ НА ВОЕВОДУ СТШЕЛЕЦКОГО

(Перифраз церковного
пасхального песнопения.)

Встал из мертвых наш создатель,
Смертью смерть поправ,
Но Стшелецкий — вор, предатель,
Чтоб он умер и не встал!
Аллилуйя! Аллилуйя!

ИЗ НАРОДНОЙ САТИРЫ НА СВАТОВСТВО

Юный хлопец, ты невесту
Не ищи себе на глаз.
Уши, думаю, здесь к месту,
И помогут в самый раз.
Пусть бела и пусть румяна
Панна статная лицом,
Но беда, коль эта панна
С очень длинным языком.

Фольклор ЮЖНЫХ СЛАВЯН

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЮЖНЫХ СЛАВЯН

В статье «Песни разных народов» Н. Г. Чернышевский писал: «Не у всех младенческих народов есть прекрасная и богатая парадная поэзия. Чем же обуславливается ее расцвет? Энергиею народной жизни. Только там является богатая народная поэзия, где масса народа (нет надобности прибавлять, что слово народ мы здесь принимаем в смысле нации, племени, говорящего одним языком) волновалась самыми сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события. Такими периодами жизни были у испанцев войны с маврами, у сербов и греков — войны с турками» (Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 295). Слова Н. Г. Чернышевского в полной мере могут быть отнесены также к болгарам, которые на протяжении веков вели героическую борьбу против турецких завоевателей. Эта борьба оставила неизгладимый след в поэтическом творчестве южнославянских народов. Она нашла свое яркое отражение в юнацких (т. е. богатырских) песнях, посвященных злополучной для болгар и сербов битве на Косовом поле (1389 г.), результатом которой явилось падение болгарского царства (1394 г.) и присоединение большей части Сербии к Турции. Из века в век пели народные певцы о героизме, бесстрашии и любви к родине славянских богатырей (царь Лазарь, Милош Обилич и др.), отдавших свою жизнь за свободу отчизны. Их стойкость в борьбе, их пламенный патриотизм не могли не вдохновлять на борьбу с иноземными поработителями лучших людей Болгарии и Сербии. Из века в век осуждали также народные певцы предателей-феодалов, изменивших на Косовом поле славянскому делу (Вук Бранкович). Н. Г. Чернышевский высоко оценил песни Косовского цикла (две из них, отмеченные великим русским критиком, мы приводим ниже).

С песнями Косовского цикла связан другой обширный южнославянский эпический цикл, героем которого является могучий юнак Кралевиц Марко. У Марко (как и у большинства героев Косовского цикла) есть свой исторический прототип. Это «князь, царь или деспот Болгарии», бывший сыном македонского владетеля краля Волкашина (по-сербски — Вукашина). Когда турки направились на Македонию, Марко признал их власть и в Косовской битве принимал участие (как турецкий вассал) на стороне турок. В 1394 г. он погиб во время похода в Валахию. Трудно сказать, чем мог привлечь исторический Марко народных поэтов. Как бы то ни было, Кралевицу Марко суждено было стать наиболее популярным героем южнославянского эпоса. В народных песнях образ Марко приобрел ряд новых черт. К нему было приурочено множество самых разнообразных легенд, зачастую языческого происхождения. Он оказывается то сыном реки Вардара, то сыном какого-либо фантастического существа (вилы, самовилы, змея). Согласно одной из поэтических версий, Марко — крестьянский сын, чудесным образом приобретший богатырскую силу. Ему верно служит шестикрылый конь Шарко, Шарец или Шаркулия. Служба Марко турецкому султану оказывается роковым следствием отцовского проклятия. При этом Марко отнюдь не изображается как покорный вассал повелителя правых. Ему ничего не стоит в порыве гнева убить султана визиря или нагнать страху на

самого султана. Дерзкий юношеский задор — отличительная черта характера Марко. Он всегда готов вступить за обиженного и угнетенного, честного бедняка предпочесть высокомерному феодалу, прийти на помощь людям, изнывающим от произвола иноплемennых насильников. Во всем этом проявляется глубокая народность образа Кралеви́ча Марко, который и в сербских, и в болгарских песнях выступает в качестве борца за справедливость, непримиримого врага турецкого деспотизма и тирании власть имущих.

Наряду с многочисленными юнацкими песнями (т. е. богатырским героическим эпосом) у южных славян есть еще песни сказочного содержания, сохранившие отзвуки древнейших языческих верований, песни лирические (так называемые женские песни), обрядовые, овчарские (пастушеские), потешные и др. Особой разновидностью юнацких песен являются гайдуцкие (хайдутские) песни, воспевающие героическую борьбу народных мстителей гайдуков против невыносимого гнета турок и их приспешников. Эта борьба приняла особенно широкий размах с XVI в., когда в период упадка турецкого государства на Балканском полуострове воцарился полный произвол, когда правительственные чиновники и солдаты (янычары) превратились в банду вымогателей и разбойников, посягавших на честь, имущество и самую жизнь местного населения. В связи с этим, начиная с XVI в., гайдучество становится главным содержанием южнославянского, преимущественно болгарского, эпоса. Безыменные поэты воспевают подвиги народных мстителей и мстительниц, их ненависть к поработителям и эксплуататорам, их любовь к угнетенной отчизне.

Нет сомнения в том, что южнославянский эпос зародился во времена глубокой древности. Однако на протяжении веков он существовал только в устной форме. Лишь в начале XIX в. Вук Караджич издал сборник сербских народных песен (1814—1815), положивший начало более систематическому собиранию и изучению сербской народной поэзии. К середине XIX в. относятся первые более или менее обширные сборники болгарских народных песен. В отличие от эпоса западноевропейских народов, который угас еще в средние века, южнославянский эпос, подобно русским былинам, продолжал оставаться замечательным памятником живого народного творчества. При этом одной из его характерных особенностей является то, что он не подвергся сколько-нибудь заметным воздействиям со стороны церковной идеологии (в отличие, например, от средневекового французского эпоса, испытавшего довольно сильное влияние христианских воззрений). По словам М. Горького, «религиозных мотивов в русском — и вообще в славянском — эпосе вы найдете очень мало. Можно думать, что славянский эпос меньше засорен влиянием церкви, больше сохранил отзвуков языческой древности» (М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних).

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

ВУК КЛЕВЕЩЕТ НА МИЛОША

Славу славит сербский князь — царь Лазарь,
Во Крушевце, во городе крепком*.
За столом сидит уж вся господа,
Вся сидит господа с сыновьями:

* Крушевце — главный город Сербии во времена князя Лазаря.

Старый Юг^а от Лазаря направо,
Рядом с Югом — Юговичей девять;
Слева рядом Вук сидит Бранкович^б.
По порядку гости разместились,
На конце же воевода Милош^с,
Рядом с ним два сербских воеводы:
С ним Иван Косанчич воевода
И Милан Топлица воевода.
Золотой царь кубок поднимает:
Говорит своей\господе сербской:
«За кого мне чашу эту выпить?
Если пить за старшинство, то надо
Выпить чашу за Богдана-Юга;
Если пить за знатность рода, надо
Выпить чашу мне за зятя Вука;
Если ж выпить за родство, то надо
Выпить чашу за шурьев мне милых
Девять братьев Юговичей храбрых;
Если ж пить за красоту, то надо
Выпить за Косанчича Ивана;
Если ж пить за рост, то прежде надо
Выпить чашу за Милан Топлипу;
А когда за храбрость и за удаль, —
Надо выпить чашу за Милоша.
Не хочу я выпить за другого,
За Милош Обилича я выпью.
Будь здоров, и верный, и неверный!
Прежде верный, а теперь неверный!
Завтра ты на Косове изменишь,
Перейдешь к турецкому султану...
Будь здоров и выпей на здоровье.
Пей вино, возьми себе и кубок!»
Тут вскочил на легки ноги Милош,
До земли он черной поклонился:

^а *Князь Юг-Богдан* — отец княгини Милицы, жены Лазаря.

^б *Вук Бранкович* — правитель старой Сербии. В народных песнях изображается предателем, изменившим своему народу на Косовом поле. Вук старается оклеветать лучшего сербского богатыря Милоша. Князь Лазарь верит наветам Вука.

^с *Милош Обилич* — приближенный князя Лазаря, выходец из народа (в противоположность знатному аристократу Вуку). Погиб на Косовом поле, убив турецкого султана Мурада.

«Честь-хвала тебе,
Наш славный Лазарь!
Честь-хвала тебе и за подарок,
За одно лишь не скажу спасибо...
Видит бог, клянусь своею верой:
Никогда изменником я не был,
Не был им и никогда не буду!
Завтра в битве на Косовом поле
За христову веру я погибну.
А изменник здесь с тобою рядом,
Пьет вино холодное с тобою;
А проклятый это Вук Бранкович!
Завтра утром Видов день настанет*,
Завтра мы на Косовом увидим,
Кто изменник, кто из нас и верный.
И клянусь я богом всемогущим:
Будет битва на Косовом завтра,
В ней зарежу я царя Мурада,
Наступлю ногой ему на горло.
Если ж бог и счастье мне даруют
Вновь в Крушевец здоровым возвратиться,
Ухвачу изменника я Вука,
Привяжу его к копью стальному,
Как кудель привязывают к прялке,
И сведу на Косово злодея».

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА

(Б и т в а н а К о с о в о м п о л е^б)

Лазарь-царь садится за вечерю,
Рядом с ним жена его Милица.
Говорит Милица: «Царь наш Лазарь,

* *Видов день* — день св. Вида — 16 июля; в этот день в 1389 г. произошла битва на Косовом поле.

^б В битве на Косовом поле сербскую армию возглавлял князь Лазарь. Во главе турецкой рати (в три раза превосходившей силы сербов) стоял султан Мурад. В разгар битвы сербский боярин Милош Обилич проник в лагерь Мурада и убил его. В турецких рядах началось смятение. Однако сыну Мурада Баязиду удалось окружить отряд князя Лазаря. Последний был захвачен в плен и вместе со многими сербскими боярами обезглавлен над трупом Мурада. Стремительный натиск турок и гибель князя Лазаря заставили дрогнуть сербские войска. Битва закончилась победой турок.

Золотая сербская корона!
 Ты уходишь на Косово завтра,
 Забираешь воевод и войско;
 Никого со мной не оставляешь.
 Лазарь-царь, как я одна
 останусь,
 С кем письмо пошлю я на
 Косово,
 От тебя кто принесет мне вестку?
 Ты с собой моих уводишь
 братьев,
 Девять братьев — Юговичей
 девять,
 Заклинаю я тебя: оставь мне
 Одного хоть брата на утеху».

И царице отвечает Лазарь:
 «Так скажи же мне, моя Милица,
 Ты кого из братьев пожелаешь
 Здесь на белом на дворе
 оставить?»

«Ты оставь мне Юговича
 Бошку».

Отвечает ей на это Лазарь:
 «Госпожа моя Милица! Завтра
 Над землей лишь белый день
 настанет,
 Только в небе солнце засияет,
 И как только ворота откроют, —
 Выходи ты к городским воротам.
 Проходить тут будет наше
 войско —
 На конях с оружием юнаки^{*}.
 Впереди их милый брат твой
 Бошко,
 И в руках его святое знамя.
 Ты скажи ему, что я позволил
 Передать кому захочет знамя
 И с тобою дома оставаться».

А как утром утро засияло

Милош Обилич. Стенопись монастыря
 Хиландара.

^{*} Юнак — богатырь, герой.

И открыли только что ворота,
Отправлялась к воротам Милица,
Становилась в городских воротах.
Вот и войско выступает строем,
На конях, с оружием юнаки,
Перед ними брат царицы Бошко.
Весь его наряд осыпан золотом,
Осняет Юговича знамя —
До седла концы его спадают;
Яблоко на знамени золотое,
Крест золотой над яблоком сияет,
От креста висят золотые кисти,
По плечам раскинулись Бошка.
Бросилась царица, удержала
За узду коня и обхватила
Шею брата белыми руками,
Говорит ему такие речи;
«Дорогой мой брат, Югович Бошко!
Позволяет царь тебе остаться,
Не идти тебе на бой с дружиной.
Не иди ты на Косово поле;
Передай, кому захочешь, знамя
И со-мной в Крушевце оставайся.
Не оставь меня одну, молю я».
Но Милице Бошко отвечает:
«Воротись, сестра, в свой белый терем,
Я домой с тобой не ворочуся,
Знамя я не передам другому,
Если б царь мне дал за то Крушевец,
Чтоб о мне дружина не сказала:
«Посмотрите, вон стоит трус Бошко,
На Косово он идти боится,
Кровь пролить за крест святой до капли,
Положить живот за веру в битве».
И в ворота он коня направил.
Следом едет Юг-Богдан могучий,
А за ним семь Юговичей храбрых.
Едут братья, выстроились рядом,
Ни один не глянет на Милицу.
Ожидает бедная царица.
Вот и Воин, брат ее последний,
За собой ведет цареву лошадь,

Золотой покрытую попоной.
Ухватила за узду Милица,
Шею брата белыми руками
Обнимала, тихо говорила:
«Братец милый, Югович мой Воин:
Посылает царь тебе поклоны,
И тебе царь Лазарь разрешает,
Чтоб коня ты передал другому
И со мною в Крушевце остался.
Не оставь меня одну, молю я».
Так Милице Воин отвечает:
«Воротись, сестра, в свой белый терем!
Никогда юнак не возвращался,
Царский конь в других руках не будет,
Если б даже знал я, что погибну,
А пойду я на Косово поле».
И поехал от сестры в ворота.
Как Милица это увидала,
Она пала на холодный камень,
Пала наземь замертво Милица.
Вот к воротам Лазарь подъезжает.
Как увидел он свою царицу,
Залился горячими слезами,
Посмотрел направо и налево.
Подозвал слугу он Голубана:
«Голубан, слуга любимый, верный!
С лебедя-коня сойди на землю,
Ты возьми царицу в белы руки,
На руках снеси в высокий терем;
Бог тебе простит, что вместе с нами
Ты не будешь на Косовом биться:
Во дворе ты белом оставайся».
Как слуга слышал эти речи,
Залился горячими слезами.
С лебедя-коня сошел на землю,
Взял царицу он на белы руки,
На руках отнес ее в светлицу.
Но он сердце удержать не может,
Что не будет на Косовом поле:
Повернул коня он и поехал
В войско сербов на Косово поле.
А как утром утро засияло,

Ворона два черных прилетали,
Прилетали от Косова поля
И на царском тереме уселись,
А на белу башню они пали —
Черный ворон говорил другому:
«Это ль терем Лазаря владыки?
Что же в нем души живой не видно?»
В терему никто это не слышал,
Только лишь царица услышала,
Из своей светлицы выходила,
Воронам двум черным говорила:
«Ради бога, птицы, расскажите,
Вы откуда утром прилетели?
Не летите ль от Косова поля?
Не видали ль там два сильных войска?
Между ними не было ли битвы?
Чье же войско в битве победило?»
Отвечают вороны Милице:
«Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля.
Так сошлись сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились.
У обоих их цари погибли.
Кое-что осталось от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались».
Не успели речь окончить птицы,
Подъезжают тут слуга Милутин:
В левой держит правую он руку,
А на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:
«Что ты, болен, мой слуга Милутин?
Уж не выдал ли царя ты в битве?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги мне слезть с коня, царица,
Освежи меня водой студеной
И умой вином больные раны.
Я от тяжких ран изнемогаю».
Помогла Милутину царица,
И водой она его умыла,
И вином ему отерла раны.

Как вернулись к Милутину силы,
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой?
Где погибли Юговичей девять?
Где погиб наш воевода Милош?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович?
Где погиб и Банович Страхиня?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове остались.
Где погиб наш славный князь — царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких, — только сербских больше.
Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя — князя.
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —
Восемь братьев — все убиты вместе.
Брат не выдал брата дорогого.
Храбрый Бошко был убит последним:
Он носился с знаменем по полю,
Разгонял один он силу турок,
Будто сокол голубей гоняет.
Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиня;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где немало перебил он турок:
Погубил султана он Мурада
И еще двенадцать тысяч турок.
Бог простит грехи его, а вместе
И его родителей: оставил
О себе он память, долго будут
В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле.
Что ж сказать о Вукe? Будь он проклят
И с отцом и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
Изменил на Косове он сербам.
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица».

КТО ЛУЧШИЙ ЮНАК?^{*}

В Крушевце было в корчме высокой,
Воеводы пили там, гуляли,
А когда вина они напились,
Заводили спор между собою,
Кто юнак меж ними будет лучший?
И решили спяну воеводы:
Лучший будет воевода Янко,
Самый худший — Королевич Марко.
На решение Марко не озвался,
Пьет вино в корчме и пьет спокойно;
Выходил потом во двор корчмы он,
Чтоб и Шарца^б напоить червленим.
А как глянул пред собою Марко
В ровно поле около Крушевца,
А там едет великан какой-то,
На юнацком на коне кауром,
И в руках сосну он с корнем держит,
Тень себе он из ветвей устроил.
Как увидел Королевич Марко,
Возвратился в пьяную корчму он
И сказал так воеводам Марко:
«Юнак едет на Крушевском поле,
Мы такого не видали сроду,
Сюда едет прямо он в Крушевец,
Как придет — скорее все вставайте,
Чтоб уважить силу и юнацтво!»
Воеводы отвечали Марку:
«Не подумаем пред ним вставать мы
Или чашу поднести из чести».
В это время подъезжал Арапин,
На корчму свою опер он елку,
А под ней корчма к земле пригнулась.
Привязал он к воротам гнедого,
И закрыл он за собою двери,
И входил в высокую корчму он.
Все схватились сразу воеводы
И дают Арапу чашу в почесть,

^{*} Эта и следующая песнь примыкают к эпическому циклу Кралевица Марко.

^б Шарц — шестикрылый конь Кралевица Марко.

С ними тоже Королевич Марко.
Не вставал лишь Банович Секула,
Не поднес Арапину он чаши.
Удивился этому Арапин
И сказал тогда Секуле с сердцем:
«Курвин сын ты, Банович Секула!
Встать не хочешь ты передо мною
И вином меня честить не хочешь?
Так пойдем померяемся в поле».
Так сказал он, из корчмы он вышел,
А за ним идет Секула молча,
Он идет, надеется на дядю:
При нужде ему поможет Янко.
Даже глянуть на Арапа страшно!
Как схватил Арап Секулу в руки,
Стиснул он его за бело горло
И ударил о холодный камень.
Крикнул-пискнул Банович Секула,
Раз он крикнул: «Мать моя, беда мне!»
А другой он: «Помогай мне, Янко!»
Рад Иван помочь ему — да страшно.
Говорил ему Кралеви́ч Марко:
«Не помогут тебе мать и дядя,
Разве бог да слабосильный Марко!»
Длинную он саблю вынимает,
Снял он ею голову Арапу,
А назад как оглянулся Марко,
А все двадцать воевод бежали,
По Крушеву полю рассыпались,
И вернул их еле-еле Марко.
А когда в корчму они вернулись,
Они сели, пить вино нача́ли;
А как снова спор пошел меж ними, —
Кто юнак меж ними будет лучший?
Все сказали: «Королевич Марко!»

МАРКО ПАШЕТ

Пьет вино с старухой Евросимой —
Матерью своей — Кралеви́ч Марко.
А как оба подкрепили силы,

Стала Марку говорить старуха:
«Сын мой милый, Королевич Марко!
Ты оставь поездки и походы,
Ведь от зла добра немного будет,
Да и я, старуха, утомилась
Мыть твои кровавые рубашки.
Ты возьми-ка плуг с волами, Марко,
Да паши и горы и долины,
Засевай их белою пшеницей,
Тем и будем мы с тобой кормиться».
И послушал Евросиму Марко:
Взял он плуг с надежными волами;
Но не пашет горы и долины,
Пашет Марко царскую дорогу.
По дороге едут янычары^а
И везут с собой три воза денег.
Говорят они с укором Марку:
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!» —
«Эй вы, турки, не топчите пашню!» —
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!» —
«Эй ты, турки, не топчите пашню!»
Досадили Марку янычары:
Он схватил волов и плуг, и ими
Он побил турецких янычаров.
Взял себе три воза денег Марко
И отнес их к матери-старухе:
«Вот тебе что выпал сегодня».

БОЛГАРСКИЕ ПЕСНИ

ЗОЛОТАЯ ЯБЛОНЯ^б

Отец Георгия умер.
Три ночи плакал Георгий.
Три ночи мать горевала,
Горя, глаз не смыкала

И думала тайную думу
О сыне Георгии смелом:
Чему бы ей выучить сына,
Чтоб стал он самым счастливым,

^а *Янычары* — отборное, особо преданное султану войско.

^б Песня из цикла сказочных (мифологических) песен.

Прославленным и богатым.
 Когда же заря заалелась
 И ясное утро настало,
 Пошла к кузнецу-златобою,
 Свела к нему малого сына.
 Стал день клониться к закату,
 Вернулся домой Георгий
 И старой матери молвил?
 «Не буду ковать запястья,
 Купи мне звонкую флейту;
 Гегату — кованый посох...
 Хочу бродить по нагорьям,
 Зеленым лугам и долинам,
 Пасти курчавых баранов
 И буйволиц круторогих».
 Подумала мать, поглядела,
 Достала последние деньги,
 Купила звонкую флейту,
 И, встав на рассвете, Георгий
 Погнал деревенское стадо
 В густые дубравы, в ущелья,
 На мшистые горные кручи,
 Туда, где на самой вершине,
 Гранитный утес окружая,
 Горело смрадное пламя.
 На том утесе гранитном,
 На камне, от копоти черном,
 Змея, извиваясь, шипела
 И стала просить юнака:
 «Георгий, Георгий смелый,
 Скорей протяни мне флейту,
 Спаси от огненной смерти».
 Георгий змее ответил:
 «Нет, флейту не протяну я,
 Она коротка и от смерти
 Тебе спастись не поможет».
 Змея опять зашипела:
 «Георгий, Георгий смелый,
 Скорей протяни мне гегату —
 Железный кованый посох».
 И в три кольца обвилася

Болгарский золотой сосуд IX в.

Змея вокруг железной гегаты,
 И спас молодой Георгий
 Змею от огненной смерти.
 Сказала змея юнаку:
 «Ступай, Георгий, за мною,
 Уж так и быть, покажу я
 Тебе змеиное древо».
 И вслед за змеею спасенной
 Погнал свое стадо Георгий
 Туда, где змеиное древо,
 Где яблоня золотая
 Росла на зеленой поляне.
 Змея сказала юнаку:
 «Чудесное дерево это
 Три раза в году расцветает,
 Три раза плоды приносит.
 На ветках не листья — червонцы,
 Горят, как солнце, дукаты,
 А на верхушке литое
 Яблоко золотое».
 Змее поклонился Георгий,
 Взял яблоню золотую,

И подле отцовского дома
Он посадил на рассвете
Змеиное дивное древо.
И трижды в году расцветало,
И трижды плоды приносило
Ему змеиное древо —
Яблоня золотая.
Желтели на ветках червонцы,
Как жар, горели дукаты,
Венчало вершину литое
Яблоко золотое.
И к белому устью Дуная
От бурного Черного моря
Пернатой стрелой полетела
Молва о дереве дивном.
И царь прослышал о чуде,
И царь повелел челядинцам
Позвать во дворец его царский
Георгия молодого.
Сказать пастуху-сиротинке,
Чтоб он во дворец явился
Потешить царское сердце
Игрой на пастушеской флейте.
Пришел во дворец Георгий
И, став у резного порога,
Царю поклонился в пояс.
А царь Георгию молвил:
«Георгий, Георгий смелый,
Пастух, сирота безродный,
В деревне своей посадил ты
Змеиное дивное древо,
Ту яблоню золотую,
Что трижды в году расцветает
И трижды плоды приносит.
На ветках не листья — червонцы,
Горят, как солнце, дукаты,
А на верхушке литое
Яблоко золотое,
Негоже тебе, селянину,

Владеть невиданным дивом;
Пусть яблоня золотая
Растет средь зеленого сада,
Зеленого царского сада».
Поник головою Георгий,
Заплакал пастух-сиротинка,
В родное село воротился,
Взял яблоню золотую
И посадил среди сада,
Зеленого царского сада.
Прошло, промчалось три года,
А дерево сохнет и вянет.
И царь повелел челядинцам
Сыскать пастуха-сиротинку,
Привести перед царские очи
Георгия молодого.
Пришел во дворец Георгий.
И царь, нахмурясь, промолвил:
«Георгий, Георгий смелый,
Возьми из царского сада
Яблоню золотую.
Зачахло змеиное древо,
Увяло оно, иссохло,
Владей им, пастух-сиротинка,
Такая судьба тебе вышла».
И смелый юнак Георгий
Ту яблоню золотую
Унес из царского сад
И подле отцовского дома
Опять посадил на рассвете
Змеиное дивное древо.
И сразу расправило ветки,
И сразу покрылось цветами.
Змеиное дивное древо,
Яблоня золотая.
И трижды в году расцветало,
И трижды плоды приносило.
На ветках червонцы желтели,
Как жар, дукаты горели,
Вверху сверкало литое
Яблоко золотое.

* * *

Что ты кличешь, черный ворон, и бьешь крылами?^а
Что тебе, черный ворон, не сидится,
Не сидится, черный ворон, на белом камне?
Или голод тебя, черный ворон, терзает,
Или жжет тебя, черный ворон, злая жажда?
Если голод тебя, черный ворон, терзает,
Ты лети, черный ворон, на Косово поле —
Там наешься ты, Черный ворон, белого мяса,
Мяса белого, черный ворон, с костей юнацких.
Если жжет тебя, черный ворон, злая жажда,
Ты лети, черный ворон, на Косово поле —
Там напьешься ты, черный ворон, воды студеной,
Там ты выпьешь, верный ворон, юнацкие очи,
Очи черные, черный ворон, мертвые очи.

СМЕРТЬ МАРКО-ЮНАКА^б

Загорелась румяная зорька
Над прекрасной Валашской землею.
То не зорька на небо всходила,
Сына Марко родная мать искала.
Трое суток ходит, ищет сына,
Видит вдруг: идет ей навстречу,
Поднимается золотое солнце.
«Будь здорово, золотое солнце!» —
«Мать юнацкая, будь и ты здорова!
Ты зачем гулять так рано вышла?»
Отвечает мать ему негромко:
«Ой, скажи мне, солнце золотое!
Высоко ты в небе синем ходишь,
Далеко моря и земли видишь,
Не видало ль где ты сына Марка?»
Отвечает ей солнце золотое:
«Мать юнацкая, не ищи ты сына!
Храбрый Марко твой теперь далече.
За горами, за темными лесами
С басурманами лютыми он бился,
Откликались гулким эхом горы,
Содрогались в небе синем звезды,

^а Песня из Косовского цикла.

^б Песня из цикла Кралевица Марко.

В этой битве сорок ран кровавых
Нанесли юнаку басурманы
И лежит он, пострелян и порубан,
Под своим узорчатым чилимом.
А летают над ним орлы степные,
Чуют кровь-руды человечесью».
Славный Марко молвит хищным птицам:
«Здесь, орлы, не найти вам добычи,
Не летайте напрасно надо мною,
Моей крови-руды вы не напьетесь».
А орлы в ответ ему клекочут:
«Марко, Марко! Храбрый витязь Марко!
Не хотим твоей руды мы, крови,
За тебя мы небо молим, Марко,
За твою ли жизнь и здоровье!»
Отвечает Марко вольным птицам:
«Ой, летите, орлы, улетайте,
Дальше, дальше, на край белого света.
Напитайтесь вы мясом бусурманов,
Черной крови супостатов напейтесь!»

ТУРОК ШЕЛ ЛЕСОМ*

Турок шел лесом дремучим,
Гнал пред собой невольниц,
Много рабынь-полонянок,
А среди них шла Тодорка,
И на руках у Тодорки
Сын ее милый — Дамянчик.
Крикнул невольнице турок:
«Слушай, рабыня Тодорка,
Брось своего ты сынишку,
Брось ты Дамянчика-сына,
Маленького воеводу.
Вижу, тебе не по силам
С ношей брести по дороге,
Ну-ка, вперед отправляйся
И протопчи мне дорогу
В мокрой траве, чтобы конь мой
Не замочил в ней копыта

И от росы не продрог бы».
И поспешила Тодорка
Мимо деревьев проходит,
Смотрит она на деревья,
Ищет, которые лучше,
Выше других и ветвистей.
Дуб увидала Тодорка,
Дуб молодой и ветвистый.
Пояс сняла свой Тодорка,
Сделала люльку для сына
И, положив туда сына,
Люльку к ветвям привязала,
Стала качать ее тихо:
«Баюшки, спи, мой Дамянчик!
Только меня ты и видел,
Мать-горемыку Тодорку.
Дождик пройдет над землею —
Дождик тебя испугает;

* Из юнацких младших песен.

СОВАЛЬ НВЪЗВРАТИСАІѠАБЫПО
 РАЗНЕДОМЛАВЪДЪБЕРНАЛѠНЕТѢ
 ВІ ТЫСЖШЬ МѠ

ѠРНИЖЛНЫКЕННРАЗРѠУ
 ШНАЛНЫКЕН. РАЗГНѢКАА

Болгарские воины. Миниатюра. Псалтырь Томича XIV в.

Ветер над лесом повеет —
 Ветер тебя укачает;
 Серна пройдет по тропинке —
 Серна тебя и накормит».
 С шеи сняла ожерелье,
 В люльку его положила
 И на прощанье сказала:

«Сын мой, Дамян-воевода!
 Вырастешь, на ноги встанешь,
 Станешь могучим и храбрым,
 Ты обойди все селенья,
 Мать разыщи полонянку,
 Вырви ее из полона
 У басурманов проклятых».

СИРОТКА ГЕНЧО*

Полгода минуло Генчо,
 И он сиротой остался,
 Без батюшки и без матушки.
 Как травка в лесу без солнца,

* Из хайдутских песен.

Растет горемыка Генчо.
Никто не согреет лаской,
Никто не накормит кашей,
Никто сироту не учит,
Как поле возделать плугом,
Как дедовский сад лелеять.

Сел Генчо на камень белый,
На камень, поросший мохом,
Среди клисур самодивских^а,
Где дивы живут в пещерах,
Где горные духи бродят.
Сел Генчо на камень белый,
Стал думу тяжкую думать.
Какую избрать дорогу
Ему, сироте-бедняге?
Пахать ли поле чужое?
Водить ли чужих баранов?
Идти ль на поклон к богатым,
Идти ль к чорбаджиям^б алчным?
Два дня он сидел на камне,
На камне белом, горячем,
Поросшем столетним мохом.
Два дня горевал бедняга,
На третий надумал думу.
Такое дело замыслил:
Пойдет он, Генчо, в хайдуки,
Пойдет воевать за правду,
Пойдет он бить басурманов.
Стал Генчо скликать дружину —
Юнаков храбрых и верных,
Что страха в боях не знают,
Что боли от ран не чуют,
Что смерти злой не боятся.
И вышел Генчо с дружиной
С дружиной своей юнацкой,
Гулять на Витош-планину^в,

^а *Клисура* — ущелье; *самодивы* — сказочные девы (ср. русалок в русском, украинском и белорусском фольклоре).

^б *Чорбаджия* — богач, барин.

^в *Планина* — гора, горная цепь.

Ловить чорбаджиев алчных,
Низамов^а ловить свирепых
И бить янычар проклятых.

Лет девять, а может, больше
Гулял по Витош-планине
С лихой дружиною Генчо.
Никто не ведал о Генчо —
Ни злобный паша, ни кадий^б,
Ни царь Салиман в Стамбуле,
Да только прознал про Генчо,
Про Генчо с его дружиной
Проклятый поп из Софии.
Пошел он к паше с наветом.
«Известно ль паше да банам
Про чёту Генчо-войводы?
Известно ль паше, что Генчо
Юнаков собрал в дружину
И барские жжет хоромы?
Известно ли кадиям мудрым,
Что Генчо ловит заптиев^с
И бьет янычар султанских,
И прячет червонцев груды
В чащобах Витош-планины?
Известно ли паше и банам
Что Генчо богатства копит?
Не счесть у Генчо сокровищ!
Одних лишь червонцев светлых
С полсотни мешков наберется.
Коль ты войводу поймаешь,
Меня не забудь, владыка.
На бедность мою, на верность
Пожертвуй, паша, червонцев,
Не много возьму, не мало —
Две сотни червонцев звонких».

Услышав навет коварный,
Паша разгорелся гневом.

^а *Низам* — солдат турецкого регулярного войска.

^б *Кадия* — турецкий судья.

^с *Заптие* — турецкий полицейский.

Велел он позвать низамов,
Низамов, заптиев лютых
И янычар кровожадных.
Велел он им собираться
Идти на Витош-планину,
Велел им поймать юнака
И смертью казнить беднягу,
Беднягу-сиротку Генчо.
И грохнули громом пищади,
Блеснули острые сабли.
Немало людей побили
На старой Витош-планине,
В ущельях средь скал замшелых.
Немало побил заптиев,
Заптиев, лютых низамов
Тот Генчо, сиротка бедный.
Два дня он с врагами бился,
На третий был ранен Генчо.

Спустился Генчо с планины,
Пришел он в село Габрово,
Жила там девица Йонка —
Посестра добрая Генчо.
Пришел он, залитый кровью,
Пришел он к Йонке, молвил:
«Ох, Йонка, добрая Йонка!
Мне матерью будь родимой!
Омой мои раны, Йонка,
Лечи мои раны, Йонка,
И если раны залечишь,
Тебя награжу я щедро:
Тебе подарю монисто
Венец из турецких рупий
Да меру желтых червонцев».
Ответила Йонка тихо:
«Тебе я посестра, Генчо,
Ой, Генчо, хайдук-бедняга!
Твои я вылечу раны,
Лишь ты отрекись навеки
От жизни своей хайдуцкой.
Купи волов себе, Генчо,
И сей, побратим, пшеницу».

И Генчо поклялся Йонке,
Что купит буйволов черных
И землю пахать он будет;
И Генчо поклялся Йонке,
Что саблю навек забудет
И пахарем станет мирным.
Лечила посестра Генчо,
Лечила жгучие раны.
Ходила за Генчо Йонка,
Как мать за младенцем ходит.
Кормила его, поила,
Поила, травой лечила.

Однажды под Неготином
В горах загремели ружья;
То сербы снова восстали,
Прогнали пашей и банов,
Прогнали пашей и кадий,
Заптивев лютых прогнали
И янычар кровожадных.
Не смог удержаться Генчо:
Схватил со стены кремневку,
Насыпал пороха в сумку,
Привесил к поясу саблю
И крикнул, прощаясь, Йонке:
«Посестра милая Йонка!
Юнаку не жить без боя,
Не дело ходить за плугом
Тому, кто рожден юнаком,
Не дело сеять пшеницу
Тому, кто бился за волю!»

И к Велко-хайдуку Генчо
Направил свою дорогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Басня о Льве и Лисице

¹ Обертывание в шкуру только что освежеванного медведя действительно применялось средневековой медициной в качестве одного из целебных средств.

Эккерхарт I. Вальтарий Могучая рука

¹ В именах героев поэмы сохранились воспоминания об исторических лицах времен нашествия гуннов и гибели бургундского королевства: *Аттила* — предводитель гуннов, *Гунтер* — бургундский король Гундакарий, разбитый Аттилой в 436 г., *Гибихон* — Гибика, король бургундский; другие герои принадлежат сказанию — это *Хаген*, *Вальтер*, *Хильдегунда*.

² *Ворматия* — ныне Вормс.

³ *Вазаг* — ныне Вогеzy.

⁴ Племянник Хагена погиб от руки Вальтера в бою перед пещерой.

⁵ *Сикамбры* — древнегерманское племя, иногда отождествляемое с позднейшими франками.

⁶ *Звонкая цикада* — символ поэта. Традиционный образ в античной литературе.

Кембриджские песни

¹ Припев гласит в подлиннике «Et A et O», т. е. «и А (альфа) и О (омега)» — первая и последняя буквы греческого алфавита.

Архиписита. Исповедь

В переводе опущено несколько строф, которые исследователями считаются позднейшей вставкой.

¹ Отголосок из «Книги Иова».

² Отголосок из «Книги Премудрости Соломона».

³ Отголосок из евангелия от Иоанна, гл. 8 — притча о блуднице.

⁴ Характерно объединение античного и христианского образов: Юпитер обозначает здесь Иегову.

Всепьянейшая литургия

Перевод «Missa in potatoribus» по возможности сохраняет пародию на культовые формулы путем подбора эквивалентов на церковнославянском языке.

¹ Псалом — пародия на псалом 83.

² Послание — в эту пародию на чтение апостола вставлены подлинные стихи из «Деяний апостолов».

³ Взятый в скобки текст вставлен из Лондонской рукописи.

⁴ Градуале — пение, когда священник поднимается на ступени алтаря; здесь дана пародия на псалмы 54 и 117.

⁵ Пародия на гимн «Verbum bonum et suave» («Слово благое и сладостное»).

⁶ Игру слов подлинника: «laus» (хвала) — «frails» (обман) переводчик заменил игрой слов: «хвала — хула».

⁷ В подлиннике — макаронические (написанные на разных языках) стихи: первый стих двуступиши — латинский, второй — немецкий.

⁸ Пародия на «Отче наш».

⁹ В подлиннике — «обогащение»; вероятно, ошибка писца, так как противоречит концу фразы.

Видение Тнугдала

¹ Ангел обращается к душе, употребляя поэтому женский род.

Дидактико-повествовательная проза XIII—XV вв.

¹ Сюжет, широко представленный в поучительной литературе — как устной, так и письменной — почти всех европейских народов. В средневековой литературе он засвидетельствован и в произведениях на народных языках, как во французском фавлю «La Housse partie» («Разрезанная попола»).

² Сюжет, включенный в собрание притч «Gesta romanorum» («Римские деяния»), получивший широкое распространение и в пересказах на народных языках.

³ Сюжет, обработанный Чосером в «Кентерберийских рассказах», — «Рассказ продавца индульгенций».

Саксон Грамматик. Деяния датчан

¹ Т.е. Хорвендиль XIX, король Ютландии, возвратившийся из экспедиции против норвежских викингов.

² Король всей Дании.

³ Т.е. доспехи и вооружение, снятое с побежденных полководцев.

⁴ Гертруда в трагедии Шекспира.

⁵ Гамлет (или Амлед) — исл. Amiodi; в современной Исландии это слово используется метафорически, означая «дурак», «слабоумный» и т.п.

⁶ Дядя Гамлета (у Шекспира это Клавдий).

⁷ Желая как будто прироста жеребцов, Гамлет в действительности желал дяде несчастья, т.е. волков в стаде.

⁸ У Шекспира это Полоний.

⁹ У Шекспира — Розенкранц и Гильденстерн.

¹⁰ Только свободные женщины носили головной убор.

¹¹ Ср. Ливий. I, 56, где Юний Брут несет в дар дельфийскому оракулу полую трость, в которой скрыто золото — символ его ума.

КЕЛЬТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изгнание сыновей Уснеха

¹ *Катбад* — судья и мудрец в доме Конхобара, неизменный советник его в важнейших делах.

² *Эмайн* — столица уладов, ныне Невен-Форт, в трех километрах к западу от г. Армага (остатки древних стен видны там еще сейчас). Согласно хроникам, она была основана королем Кимбайтом в 300 г. до н. э. и разрушена врагами около 330 г. н. э.

³ *Леборхам* — прислужница Конхобара, отличавшаяся верностью и быстротой как вестница.

⁴ *Три цвета будут у человека* — формула красоты, встречающаяся в сказках многих народов, в том числе и русского, но особенно излюбленная у кельтов.

⁵ *Найси* — сын Уснеха от Айльбе, сестры Конхобара; таким образом, *Найси* — племянник короля, своего соперника.

⁶ *Западный Мир* — поэтическое название Ирландии; реже, в расширенном смысле, — всех Британских островов.

⁷ *Фергус* — один из знатнейших уладов, бывший их королем до тех пор, пока Конхобар хитростью не заставил его уступить себе трон.

⁸ ...они не примут никакой пищи в Ирландии... — это должно было дать им моральную гарантию безопасности («закон гостеприимства»).

⁹ *Айлиль и Медб* — непримиримые враги уладов.

¹⁰ ...сына Несс... — Конхобар зовется не по имени отца, а по имени матери своей Несс (след матриархата).

Бой Кухулина с Фердиадом

¹ Здесь опущены эпизоды спора Фердиада с королевой Медб, посулами и подарками склоняющей его вступить в бой с Кухулином, и выезда обоих витязей к броду.

² Эпизод несколько сокращен.

³ Опущены описания второй и третьей встреч витязей у брода, с небольшими вариантами повторяющие первое описание.

⁴ Об этом «чудесном искажении» Кухулина так повествуют саги: «Все суставы, сочленения и связки его начинали дрожать... Его ступни и колени выворачивались... Все кости смещались, и мускулы вздувались, становясь величиной с кулак бойца... Один глаз его уходил внутрь так глубоко, что цапля не могла бы его достать; другой же выкатывался наружу на щеку... Рот растягивался до самых ушей. От скрежета его зубов извергалось пламя. Удары сердца его были подобны лвиному рыканию. В облаках над головой его сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости».

⁵ Вера в духов упорно сохраняется в христианизированных сагах.

⁶ Эпизод с бросанием копья несколько сокращен; самое название копья (может толковаться как «копье-мешок» или «копье из Больг») и устройство его неясны; судя по тексту, оно имело несколько острых концов; его бросали ногой, иногда под водой, так что противник не видел направления удара.

⁷ Опущен диалог Кухулина с Лойгом.

⁸ Плач Кухулина несколько сокращен.

⁹ Опущен эпизод раздевания трупа Фердиада и извлечения копья из тела.

Плавание Брана, сына Фебала

¹ Один из моментов, свидетельствующий о позднем происхождении саги.

² Опушен ряд строф, разрабатывающих мотивы христианской мифологии, явно позднего происхождения.

³ Один из моментов характерного для саги слияния христианской и языческой мифологии.

СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Прорицание Вёльвы

¹ *Вёльва* — прорицательница, колдунья. Вёльвы занимали почетные положения в языческом обществе. Вся песнь вложена в уста вёльвы, которая вещает, выполняя просьбу Одина, причем она то говорит о себе в первом лице («великанов я помню» и т. п.), то в третьем («помнит войну она» и т. п.).

² *Священные роды* — боги.

³ *Дети Хеймдалля* — люди.

⁴ *Древо предела* — ясень Иггдрасиль, мировое дерево. Его ветви раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве.

⁵ *...ни песка, ни моря...* Для исландского пейзажа очень характерен песок (например, для исландской южной равнины).

⁶ *...земли еще не было и небосвода...* — В подлиннике это место почти дословно совпадает с так называемой «Вессобруннской молитвой», древневерхненемецким христианским памятником IX в. Возможно, что это место имело общегерманский прообраз.

⁷ *...трава не росла.* — Трава выделена особо: пастбище для скота — основа исландского хозяйства.

⁸ *Сыны Бора* — Один и его братья — Вилли и Ве.

⁹ *Мидгард* — мир, обитаемый людьми. Буквально — «средняя ограда, среднее огороженное пространство».

¹⁰ *Солнце, друг месяца.* — В подлиннике — «спутник месяца». Луна считалась древней солнца, и счет велся по ночам, а не по дням.

¹¹ Содержание строфы 5 истолковывают как описание полярной летней ночи: солнце катится по горизонту, как бы не зная, где ему зайти, а звезды и луна не светят в полную силу.

¹² Свет считался порождением тьмы, и поэтому день и время дня — отпрысками ночи.

¹³ *Идавёлль-поле* — то ли «поле безудержной деятельности», то ли «вечнозелёное поле», то ли «сияющее поле».

¹⁴ *...тавлеи* — шашки.

¹⁵ *Три великаниши.* — Неясно, кто они, но, видимо, это не три норны, о которых говорится в строфе 20. *Норны* — богини судьбы.

¹⁶ *Етунхейм* — жилище или страна великанов. *Етун* — великан.

¹⁷ *Бримир* — то же, что Имир (древнейший из великанов).

¹⁸ *Бляин* — другое имя Имира(?)

¹⁹ В строфах 10—16 перечисляются имена карликов.

²⁰ *Аск и Эмбля* — первые люди на земле. Буквально — «ясень» и «лоза».

²¹ *Хёнир* — несмотря на десятки попыток истолковать этого загадочного бога, сущность его остается спорной.

²² *Лодур* — фигура еще менее ясная, чем Хёнир.

²³ *Иггдрасиль* — см. примеч. 4.

²⁴ *Урд* — одна из норн. Буквально — «судьба».

²⁵ *Мудрые девы* — норны.

²⁶ *Верданди* — «становление».

²⁷ *Скульд* — «долг».

²⁸ В строфах 21—24 (самых трудных во всей песне) речь идет о войне между двумя группами богов — асами и ванами. Содержание этого мифа, по-видимому, следующее. Ваны (боги Ньёрд, Фрейр и Фрейя) послали асам Гулльвейг (что значит «сила золота») — женщину, воплощающую жадность к золоту. Один пытался ее уничтожить, но она снова рождалась (строфа 21) и, под именем Хейд (обычное имя колдуний), творила еще худшее (строфа 22). Тогда асы стали совещаться, брать ли им выкуп с ванов (по другим толкованиям — платить ли им выкуп ванами или принять их в свою среду, платить ли им выкуп или взять с них выкуп, одни ли асы должны платить выкуп и т. д., строфа 23). Соглашение не состоялось, и Один начал войну с ванами, метнув в них копье (по обычаю вождь должен был перед началом битвы метнуть копье во вражеское войско, тем самым посвящая его богу войны). Асы терпели поражение (строфа 24); но в конце концов между асами и ванами был заключен мир, и они обменялись заложниками, которыми были Хёнир и Мимир от асов, Ньёрд и Фрейр от ванов. Миф о войне ванов и асов истолковывали как отражение борьбы старого и нового культов, межплеменной борьбы или социального расслоения. *Ваны* — явно боги плодородия. *Асы* — все остальные боги и обычно боги вообще.

²⁹ Строфы 25—26 имеют в виду миф, известный по «Младшей Эдде». Боги договорились с одним великаном, что он построит им в определенный срок крепость, неприступную для великанов. В награду он потребовал богиню Фрейю, солнце и луну. По совету Локи боги согласились на его условия. Но когда они увидели, что великан успеет построить крепость в срок, они испугались и стали грозить Локи. Тогда Локи хитростью заставил великана опоздать к сроку. Увидев, что он обманут, великан пришел в ярость. Боги позвали на помощь Тора, и тот убил великана. Таким образом, ступить небосвод и отдать Фрейю великанам покусился Локи. Жена Ода — Фрейя. В «Младшей Эдде» основное в этом мифе — хитрость Локи (он превратился в кобылу и отвлек коня великана от работы). В песни основное — то, что боги нарушили клятвы.

³⁰ *Слух Хеймдалля*. — Многие считают, что речь идет о роге, в который Хеймдалль затрубит перед началом гибели богов (см. строфу 46). Другие считают, что Хеймдалль заложил свой слух, как Один — свой глаз (см. ниже).

³¹ *Залог Владыки* — глаз Одина, который он оставил как залог в источнике мудреца Мимира, получив от него мудрость. Мимир был брат Бестли, матери Одина.

³² *Князь асов* — Один.

³³ *Мимир* — см. примеч. 31.

³⁴ В строфе 29 говорится о том, что Один заплатил вельве за ее прорицание богатыми подарками.

³⁵ *Готы* — воины. Название племени, знаменитого своей воинственностью, стало нарицательным.

³⁶ *Бальдр* — светлый бог, сын Одина и Фригг, брат Тора. Строфы 31—32 имеют в виду миф о его смерти, который сохранился в «Младшей Эдде». Миф о смерти Бальдра связывали и с легендой о Христе, и с различными эллинистическими и восточными сказаниями, и с обрядами культа плодородия, и с засвидетельствованным в Скандинавии ритуальным умерщвлением короля для отвращения несчастья. В строфе 31 специфически исландской чертой является описание *омелы* как дерева, растущего в поле. *Омела* растет только на деревьях, но исландцы могут не знать, как она растет (она есть в Норвегии, но не в Исландии).

³⁷ *Брат Бальдра* — Вали, сын Одина и Ринд.

³⁸ *Фенсалир* — жилище Фригг.

- ³⁹ *Вальхалла* — жилище Одина.
- ⁴⁰ В строфах 34 и 35 речь идет о наказании Локи.
- ⁴¹ *Хвералунд* — «роща горячих источников». Таких источников множество в Исландии.
- ⁴² ...*обликом схожего с Локи зловещим* — т. е. самого Локи.
- ⁴³ *Сигюн* — жена Локи.
- ⁴⁴ *Слид* — «ужасный, губительный».
- ⁴⁵ *Нидавеллир* — «поля мрака».
- ⁴⁶ *Окольнир* — «неохлаждающийся» (?)
- ⁴⁷ *Нидхёгг* — черный дракон (см. строфу 66).
- ⁴⁸ Содержание строфы 39 напоминает христианские описания страданий грешников в аду.
- ⁴⁹ *Железный Лес* — жилище ведьм.
- ⁵⁰ *Фенрира род* — волки. Отсюда начинается описание гибели богов. *Фенрир* — порождение Локи, чудовищный волк, который проглотит солнце. Его когда-то связали боги. Когда он вырвется, начнется гибель богов.
- ⁵¹ *Жилище богов* — небо.
- ⁵² *Гуллинкамби* — «золотой гребешок».
- ⁵³ *Герои Отца Дружин* — эйнхерии, т. е. воины, живущие у Одина. Отец Дружин — Один.
- ⁵⁴ *Гарм* — по мнению одних, чудовищный пес, охраняющий преисподнюю; по мнению других, волк Фенрир.
- ⁵⁵ *Привязь не выдержит — вырвется Жадный*. — См. примеч. 50.
- ⁵⁶ В описании морального разложения, предшествующего гибели богов, усматривают христианское влияние.
- ⁵⁷ *Дети Мимира* — великаны или реки и ручьи.
- ⁵⁸ *Рог Гьяллярхорн* — рог Хеймдалля. Его сопоставляют с трубой архангела в христианской мифологии.
- ⁵⁹ *Череп Мимира*. — В «Саге об Инглингах» рассказывается, что асы послали Мимира заложником к ванам, те отрубили ему голову и послали назад асам, а Один сохранил ее при помощи колдовства, и она изрекала ему тайны. Но ср. строфу 28, где Мимир еще жив, хотя война с ванами уже позади.
- ⁶⁰ *Турс* — великан, т. е. волк Фенрир.
- ⁶¹ *Хрюм* — имя великана.
- ⁶² *Ермунганд* — мировой змей.
- ⁶³ *Нагльфар* — корабль, который будет построен из ногтей мертвецов. В Исландии до сих пор распространено поверье, что у мертвых надо обрезать ногти, дабы их не использовали злые силы.
- ⁶⁴ *Муспелль* — по-видимому, имя мифологического существа. *Люди Муспелля* — те, кто осуществляют гибель богов (?) В древневерхненемецком произведении X в. встречается слово *muspilli* — «конец мира, страшный суд». Неясно, христианского происхождения это слово или языческого.
- ⁶⁵ *Волк* — Фенрир.
- ⁶⁶ *Брат Бюлейста* — Локи.
- ⁶⁷ *Сурт* — подземный великан, правящий огнем, буквально «черный». Предполагают, что он — отражение исландских вулканов.
- ⁶⁸ *Губящий ветви* — огонь.
- ⁶⁹ *Хлин* — Фригг. Ее новое горе — смерть Одина, ее старое горе — смерть Бальдра.
- ⁷⁰ *Убийца Бели* — Фрейр. *Бели* — великан, которого убил Фрейр.
- ⁷¹ *Радость Фригг* — Один.

- ⁷² Отец Побед — Один.
⁷³ Трупный зверь — волк Фенрир.
⁷⁴ Сын Хведрунга — волк Фенрир. *Хведрунг* — Локи.
⁷⁵ Хлодюн потомок — Тор. Хлодюн, или Фьёргюн, — мать Тора.
⁷⁶ Сын Одина — Тор.
⁷⁷ Страж Мидгарда — Тор.
⁷⁸ Фьёргюн — см. примеч. 75.
⁷⁹ Питатель жизни — огонь.
⁸⁰ Пояс мира — мировой змей.
⁸¹ Великий бог — Один.
⁸² Хрофт — Один.
⁸³ ...братьев обоих — Бальдра и Хеда (?)
⁸⁴ Дом ветров — небо.
⁸⁵ В строфе 65 многие видят влияние христианства.
⁸⁶ Ей — вельве, которая говорит прорицание.

Песнь о Трюме

В песни рассказывается о том, как Тор вернул себе молот, который великан Трюм (что значит «грохот») похитил у него. Неясно, что в этом сюжете восходит к мифу. Ни в каких других древних памятниках этот сюжет не представлен. Но он широко представлен в памятниках более поздней эпохи: в исландских римах (около 1400 г.), в норвежских, шведских и датских народных балладах (записанных не раньше XVI в.). Все эти памятники, как предполагают, восходят к «Песни о Трюме». Близкая параллель сюжета есть также в одной эстонской сказке.

- ¹ *Винг-Тор* — Тор.
² Строки 2 и 4 рифмуются в оригинале.
³ *Сын Ёрд* — Тор. *Ёрд* — великанша, возлюбленная Одина. Буквально — «земля».
⁴ *Хлорриди* — Тор.
⁵ ...*Фрейю в жены дадут мне*. *Фрейя* — богиня плодородия и деторождения — привлекала внимание великанов как самая красивая из богинь.
⁶ *Ожерелье Брисингов* — знаменитое сокровище Фрейи (или Фригг), упоминаемое также в «Беовульфе». *Брисинги* — какие-то карлики.
⁷ *Хеймдалль* — см. примеч. 3 к «Прорицанию вельвы».
⁸ *Ваны* — см. примеч. 28 к «Прорицанию вельвы».
⁹ *Голову пышным убором накрою* — остроконечным убором из полотна.
¹⁰ *Ньерд* — бог мореплавания, рыболовства, охоты.
¹¹ *Вар* — богиня, в данном случае освящающая брак. Буквально — «договор» (но неясно, не позднейшее ли здесь осмысление имени этой очень редко упоминаемой богини).

Песнь о Вёлюнде

Песнь эту обычно относят к героическим, хотя в рукописи «Старшей Эдды» она стоит среди мифологических. В сущности, она нечто среднее между мифологическими и героическими песнями. С одной стороны, ее герой — волшебный кузнец Вёлюнд, «властитель альвов», и сказание о нем не имеет никакой исторической основы. С другой стороны, действие песни локализовано в реальном мире. Вёлюнд — сын «конунга финнов», а его противник Нидуд — «конунг в Свитьоде» (Швеция) и «владыка ньяров» (что это за племя, впрочем, совершенно неизвестно). В песни упоминается также Хлёдвер (Хлодвиг?),

Къяр (кесарь, т. е. римский император?), Валлянд (Италия?). Название «Ульвдалир», где происходит действие, встречается в Скандинавии. Есть в песни и скандинавский (норвежский) местный колорит: лыжи, дремучий лес, костер из сухой сосны, медвежатина. Скандинавского происхождения и некоторые личные имена в песни (Хервёр, Эльрун, Хлядгуд). Однако остальные личные имена в песни, скорее, южногерманского происхождения.

В песни явно две фабулы: основная — сказание о мести волшебного кузнеца Вёлюнда — и побочная (начало песни), более поздняя по стилю, — сказка о девушках-лебедях, которые улетают от тех, кто их поймал. Сказание о Вёлюнде известно также по «*Sage o Tidreke*», основанной на несохранившихся нижненемецких песнях, и по древнеанглийской поэме «Сетование Деора». Есть и другие указания на то, что сказание о Вёлюнде было распространено не только в Скандинавии, но и у западных германцев.

Песнь обычно считается одной из древнейших в «Старшей Эдде». В последнее время исследователи склоняются к тому, что песнь имела нижненемецкий прообраз, что само сказание готского происхождения и что сходство этого сказания с греческим сказанием о Дедале не случайно.

¹ *Ульвдалир* — «волчьи долины».

² *Ульвсъяр* — «волчье озеро».

³ *Сванхвит* — «лебязьебелая».

⁴ *Стрелок зоркоглазый* — Вёлюнд.

⁵ ...одно кольцо утаили... — Это кольцо жены Вёлюнда (см. строфу 19). Нидуд отдает его своей дочери Бёдвильд, и поэтому она становится женой Вёлюнда (см. строфы 26—28). Но некоторые исследователи предполагали, что это волшебное кольцо давало Вёлюнду возможность летать и что он не мог подняться на воздух, пока не получил его обратно (ср. строфу 29).

⁶ *Поклажа Грани* — золото. *Грани* — конь Сигурда.

⁷ *Рейна холмы отселе далеко* — Рейн с его золотом отсюда далеко.

⁸ Речь идет о жене Нидуда.

⁹ *Теперь взлечу я на крыльях...* — О крыльях не было речи раньше. Высказывалось предположение, что и здесь речь идет не о крыльях, а о сухожилиях, которые ему подрезали люди Нидуда (см. строфу 17).

¹⁰ Смысл клятвы в том, что ладья, бортом которой Вёлюнд клянется, потонет (щит не будет его защищать, конь споткнется под ним, меч паразит его самого), если он нарушит клятву.

Младшая Эдда

¹ *Фригг* — мать Бальдра.

² *Хель* — преисподняя, царство мертвых, а также и богиня преисподней.

³ *Берсерк* — отборный воин.

Сага о Волсунгах

¹ Текст сокращен.

² Стих взят из «Сказа о Фафни», строфа 21.

³ Из рассказа Брюнхилд ясно, что она была валькирией Одина, по его приказаниям распределяющей победы и поражения.

⁴ *Руны* — древнегерманские письмена, представляющие видоизменение латинского (может быть, греческого курсивного) письма; засвидетельствованы со II в. н. э. у скандинавов, готов, англосаксов и немцев. Руны использовались как знаки собственности и как заклинания.

⁵ Произносимые дальше Брюнхилд стихи взяты из «Сказания о Сигурдрифе-валькирии», входящего в цикл героических песен «Эдды»; строфы 5, 6, 9, 11, 7, 8, 10, 12, 16, 17, 18, 19, 20, 21.

⁶ *Готторм* — убийца Сигурда; в его имени сохранилось воспоминание о последнем короле Годомаре второго бургундского королевства (VI в.).

Сага о Фридтйофе

¹ В историю мировой литературы «Сага о Фридтйофе» вошла благодаря знаменитой поэме шведского романтика Эс. Тегнера (1782—1846) «Сага о Фридтйофе» (1822), в ближайшее же время после своего появления переведенной на немецкий, французский, английский и русский (1841) языки.

² В отличие от других «саг былых времен» сага о Фридтйофе необычайно точна в своих географических и бытовых указаниях. Последние позволяют с большой точностью определить и время действия саги — между завоеванием Оркнейских островов скандинавами (VIII в.) и покорением «областных королей» Харальдом Прекрасноволосым (вторая половина IX в.).

³ Обычай отдавать детей на воспитание в чужую семью известен не только у германских племен, но и у кельтов (ср. ниже, «Бой Фердианада с Кухулином»).

⁴ Игра на доске (древнерусск. *тавлеи*) — ближе всего к игре в трик-трак.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о Роланде

¹ Карл Великий был франкским королем с 768 г. и императором римским с 800 г. Таким образом, во время испанского похода (778) он еще не был императором, как не был, конечно, и седым — ему было только 36 лет. Но героический эпос всегда рисует один статический образ — «императора с седой бородою и белой головою».

² Средневековые грамотеи отождествляли мусульман с язычниками, сведения же о языческих верованиях они черпали из тех книг античных (латинских) писателей, которые были им доступны. Это смешение двух разных эпох четко выступает в «Песни о Роланде».

³ Перечисленные здесь пары, за исключением Жофруа д'Анжу, обречены погибнуть в Ронсевальской битве. Исторические воспоминания живут в именах Роланда и Жофруа. Роланд — это Хруодланд, начальник Бретонской марки, павший во время ночного разгрома басками арьергарда отступавших из Испании франков; племянником Карла он не был. Жофруа, вероятно, анжуйский герцог Джефред I Гризгонель (958—987), бывший знаменосцем в битве при Суассоне и живший, следовательно, на двести лет позднее Роланда. Имена остальных пэров, хорошо известные французскому героическому эпосу, в исторических документах не засвидетельствованы.

⁴ Из перечисленных здесь витязей Карла исторические отголоски живут в именах Турпина, Ришара и Ганелона. *Турпин* — архиепископ реймский (753—794), действительно является современником Карла Великого. *Ришар* — герцог нормандский Ричард I Старый (умер в 996 г.). *Ганелон* — имя перенесено с архиепископа Ганелона (837 — 865), изменившего Карлу Лысому во время аквитанского восстания (856). Некоторые другие имена, ставшие весьма популярными в героическом эпосе, как Ожер (Ожье) Датчанин, не имеют исторических параллелей.

⁵ *Пэр* — буквально «равный»; пэрами называются те вассалы, которые по мощи и доблести могут «равняться» сеньору. Эпос приписывает Карлу 12 пэров — число, быть может, навеянное христианскими преданиями о 12 апостолах.

⁶ Роланд в эпосе приходится племянником Карлу, следовательно, его отчим Ганелон женат на одной из сестер императора. Исторические основы всего этого построения весьма неясны: у Карла было три сестры, но две из них умерли еще в детстве, а третья с юности была пострижена в монастырь.

⁷ Стихи 60-й тирады плохо согласуются с предшествующей и последующей тирадами, в которых Роланд выражает свою радость от поручения Карла. Поэтому некоторые ученые склонны видеть в этой тираде позднейшую вставку.

⁸ Вставлен в рукопись другой рукой, возможно, для того, чтобы сгладить резкое противоречие между двумя предшествующими тирадами.

⁹ Из перечисленных здесь витязей большинство — пэры Карла; не пэры — *Гальтер дель Ум*, вассал Роланда, и *Турпин* — архиепископ реймский. Исторические отголоски живут в именах *Жерара Руссильонского* — графа Парижского (середина IX в.) и *Гайфизра* — герцога аквитанского Вайфария, противника Пипина Короткого (VIII в.).

¹⁰ Автор «Песни о Роланде» переносит на мавров отношения средневекового королевского двора, включая лишь некоторые искаженные арабские слова для «местного колорита».

¹¹ Автор приписывает мусульманам поклонение изображению Магомета, перенося на них свои представления о чудотворных иконах.

¹² Путешествовали рыцари на мулах или на дорожных конях, перед боем пересаживаясь на боевых скакунов.

¹³ Церковь сулила крестоносцам причисление к лику мучеников, если они падут в бою с «неверными». Впрочем, Турпин считает не лишним дать воинам отпущение грехов, замечая, ввиду недостатка времени, исповедь общим покаянием.

¹⁴ Стихи, рисующие бой франков с сарацинским авангардом, нами опущены.

¹⁵ Один из стихов, где жонглер ссылается на письменный источник, желая поднять авторитет своего повествования.

¹⁶ Отдельные эпизоды боя франков с главной ратью Марсилия нами опущены.

¹⁷ Предание о взятии Роландом города Нопля без ведома Карла и о гневе на него Карла разрабатывается в позднейших эпосах.

¹⁸ Стихи, рассказывающие об аресте Ганелона, опущены.

¹⁹ Этот перечень земель, завоеванных Роландом, показывает, как претворяются в эпосе исторические предания. Анжу, Пуатье, Мэн, Прованс, Аквитания, Бавария и Фландрия не были завоеваны Карлом, а достались ему по наследству. Нормандии вообще не существовало во время Карла — норманны завладели северной частью Франции только в 912 г. Бретани Карл не завоевал, хотя одержал победу в 786 г. над бретонцами; Саксонию и Ломбардию он, действительно, завоевал; Романью он закрепил за папой. Завоевание же Карлом Венгрии, Шотландии, Исландии, Англии, Царьграда и Польши — плод воображения жонглера.

²⁰ Приводимые жонглером легенды из евангелия (о воскресшем Лазаре) и из библии (о спасении Даниила) не говорят о книжной его учености; они пользовались широкой популярностью в средние века.

²¹ Исследователи затрудняются раскрыть имя Терваганта, упоминаемого в «Песни о Роланде» в качестве одного из божков язычников-мусульман.

²² Стихи, изображающие бегство Марсилия, прибытие из Африки новых сил, возглавляемых эмиром Балигантом, и решение его вступить в бой с франками, опущены.

²³ Перечень врагов Карла опять соединяет исторические факты разных эпох. В более поздних эпосах уже не фигурируют ни саксы, ни болгары с венграми. Упоминание о Па-

лермо могло быть внесено в эпопею между 831 и 1071 гг., когда город этот был во власти арабов. Название «Калиферн» не раскрыто исследователями.

²⁴ По феодальному праву сеньор не может сам судить своего вассала; последний подлежит суду равных (пэров), который созывается сеньором. В данном случае Карл выступает обвинителем и почти проигрывает дело.

²⁵ Стихи, в которых рассказывается о том, как родичи Ганелона защищали его на суде, опущены.

²⁶ Стихи, повествующие о казни заложников Ганелона, опущены.

²⁷ *Турольдус* (латинизированное окончание указывает на грамотея-клирика) — имя, очень распространенное в нормандских хрониках. Исследователи пытались отождествить Турольдуса с некоторыми исторически засвидетельствованными лицами — аббатами английских и испанских церквей, но общего признания эти попытки не получили. Неясно и отношение Турольдуса к «Песни о Роланде» — был ли он ее составителем, сказителем или переписчиком.

Окассен и Николет

¹ Традиционное в куртуазной поэзии описание красоты.

² Эти резко идущие вразрез с традиционными понятиями церкви и рыцарства места повести заставляют исследователей видеть в ее авторе выразителя воззрений третьего сословия.

³ Опущен эпизод боя с графом Валенским, в котором Окассен опять действует наперекор рыцарской этике.

⁴ Мы опускаем остальную часть повести; в которой рассказывается о новой разлуке влюбленных, об их многочисленных и забавных приключениях, о том, как Николет оказалась дочерью карфагенского короля, и об окончательном соединении влюбленных.

Тристан и Изольда

¹ Жонглерская версия стихотворного романа о Тристане и Изольде сохраняет более архаическую форму эпизода сватовства короля Марка: Марк посылает Тристана отыскать ему ту девушку, с головы которой упал золотой волос, занесенный в клюве ласточкой в королевские палаты.

² Куртуазная версия значительно уменьшает роль любовного напитка в истории Тристана и Изольды, выдвигая на первое место куртуазное служение даме; ср. разработку этого эпизода в «Тристане» Готфрида (раздел «Немецкая литература»).

³ О хитростях, к которым прибегают влюбленные, чтобы скрыть свою любовь от ревнивца мужа и его соглядатаев, повествует эпизод свидания «у проточной воды» и эпизод «рассыпанной муки».

⁴ Жестокая месть короля Марка Тристану и Изольде рисуется только жонглерской версией; в куртуазной версии она заменена изгнанием влюбленных.

⁵ В куртуазной версии король Марк нечаянно находит влюбленных спящими в лесу; их поза (между ними лежит меч Тристана) убеждает его в их невинности, он защищает своей рукавицей лицо Изольды от падающего на него солнечного луча. Проснувшись, Тристан убеждается в том, что король Марк на них более не гневается, и чувствует себя обязанным возратить Изольду ее супругу, сам же удаляется в изгнание.

⁶ Эпизоды этих посещений разрабатываются в лэ Марии Французской «О жимолости» и в двух небольших повестях о Тристане-безумце («*Folie Tristan*»).

Лирика XIV—XV вв.

¹ «Баллада» Карла Орлеанского и «Баллада состязания в Блуа» Вийона начинаются одним и тем же стихом: «Je meurs de soif auprès de la fontaine». Эти баллады и еще десять других, сохранившиеся в рукописи произведений Карла Орлеанского, являются результатом поэтического состязания, организованного в Блуа; двенадцать поэтов должны были написать балладу из противоречивых положений по образцу заданного герцогом стиха: «Я умираю от жажды у источника». По преданию, победителем в состязании оказался Вийон.

² Эта баллада, по преданию, была написана Вийоном в Мёнской тюрьме, куда он был заключен весной 1461 г.

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА*Песнь о Нибелунгах*

¹ В «Песни о Нибелунгах» ничего не говорится о первой встрече Зигфрида с Брюнхильдой (ср. «Сагу о Волсунгах»). Слова Хагена являются одним из немногих указаний на то, что эта часть сюжета была известна автору «Песни».

² Строфы 906—915, описывающие приглашение Зигфрида на охоту, опущены.

³ Строфы 927—941 и 945—962, описывающие отдельные эпизоды охоты и охотничьи подвиги Зигфрида, в том числе забавный эпизод с медведем, опущены.

⁴ Начиная с авантюры XXV нибелунгами в поэме то и дело называют бургундов.

⁵ Строфы 1574—1580 рассказывают о том, как Хаген выбросил за борт капеллана, которому морские жены обещали спасенье; бедный поп благополучно доплывает до берега, и Хаген убеждается в справедливости пророчества.

⁶ Дитрих принужден сам доставать доспехи, так как вся его дружина (кроме Хильдебранда) погибла в бою с бургундами.

⁷ Хильдебранд попрекает Хагена в том, что он не принял участия в битве франков с Вальтером Аквитанским, с которым был связан побратимством (ср. латинскую поэму X в. «Вальтарий могучая рука»).

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА*Песнь о моем Сиде*

¹ Исторические данные «Песни о моем Сиде» несравненно точнее, чем данные «Песни о Роланде», а тем более «Песни о Нибелунгах». Так, из родичей и вассалов Сиды, перечень которых дан в стихах 2015—2025, историческую реальность имеют следующие имена: Альвар Аньес — родственник Сиды, знатный кастильский феодал, неоднократно упоминаемый в грамотах и хрониках, участвовавший во многих походах и погибший в 1114 г. в битве под Сеговией; Пер Бермудос несколько раз упоминается в грамотах времен Сиды; Мартин Муньос — современник Сиды, алгуасил португальского города Монте-Майор, позднее граф Коимбры, сильно враждовавший с зятем короля графом Ремондом; епископ дон Жероме — Иероним, клюнийский монах из Перигора, приехал из Франции в 1098 г. в свите архиепископа толедского, в 1098 г. был избран в епископы; пребывание его в Валенсии — исторический факт; Алвар Сальводорес — современник Сиды, младший брат графа Гонсальво Сольватореса, живший при королевском дворе; его имя стоит среди имен свидетелей в брачном контракте Сиды; Альвар Альварес упоминает

ся в брачном контракте Сиды в качестве его племянника; Муньо Густнос — свояк Сиды, имя его встречается в семейных документах Сиды. Ср. также ниже, примечание 9.

² Подчеркивая нищету Сиды, «Песнь» показывает лживость возведенного на него обвинения (стихи 110—112).

³ В монастыре Сан-Педро де Карденья были похоронены Сид и Химена и хранился ряд реликвий Сиды.

⁴ Стихи 853—882 пропущены; в них повествуется о продаже Сидом захваченного Алькосера и дальнейшем его походе.

⁵ Стихи 1694—1720 — описание первой стычки — опущены.

⁶ Знатный род графов Каррионских, обладавших обширными землями, не вымышлен; не вымышлены даже имена «инфантов Каррионских» — во времена Сиды эти имена носили два младших представителя рода.

⁷ В ответе послов опущено сообщение о сватовстве инфантов де Каррион.

⁸ Гарсиа Ордоньес и Альвар Диас — исторические личности, современники Сиды. Первый — знатный вельможа, породнившийся с королем наваррским и леонским, воспитатель королевского сына и начальник королевских войск; его подпись имеется на брачном контракте Сиды, но предание о вражде этих двух вельмож все же может иметь под собой историческую почву. Второй, имя которого встречается в грамотах, свояк Гарсиа Ордоньеса.

⁹ Дочерей с такими именами у Сиды вообще не было; его дочери назывались Христиной и Марией, и через них Сид породнился с королевскими домами Наварры и Арагона. Но предание, как мы видим, изменяет социальное положение Сиды, и история трагического брака дочерей его служит основой для развертывания социального конфликта.

¹⁰ Граф Энрике и граф Рамон — исторические личности, современники Сиды, знатные вельможи. Граф Энрике — Генрих Бургундский, родственник французского и испанского (леонского) королей, граф Португалии и Коимбры. Граф Рамон — Раймонд Бургундский, зять короля Альфонса IV.

¹¹ Раймунд Беренгер — граф Барселонский, Раймунд Беренгер Старший; здесь «Песнь» ошибочно называет отца вместо сына — Беренгера Братубийцы, дважды сражавшегося с Сидом и дважды им разбитого. Хроники сохранили ругательную переписку Сиды с этим вельможей.

¹² Об этом оскорблении графа Гарсиа при взятии его в плен Сидом древнейшие хроники ничего не знают.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новеллино, или Сто древних повестей

¹ Новелла XVII — сюжет восточного происхождения, получивший в западноевропейской литературе особую популярность как эпизод романа о «Варлааме и Иосафате».

² Новелла LIV — сюжет разрабатывается и во французском фавлье.

³ Новелла LXXII — сюжет разработан впоследствии в «Декамероне» Боккаччо (новела вторая первого дня) и использован Лессингом в «Натане Мудром».

Данте. Новая жизнь

¹ Сравнение памяти с книгой принадлежит к числу довольно распространенных метафор не только в поэзии самого Данте, но и в средневековой поэзии вообще.

² Символика чисел, в частности чисел, кратных девяти, характерна для Данте и в «Vita nova», и в «Божественной комедии».

³ Данте, как и другие средневековые ученые, строит свои представления о Солнечной системе согласно Птолемею; в центре мира для него находится неподвижная Земля, вокруг которой вращаются девять небесных сфер — сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, звезд и приводящая остальные сферы в движение сфера хрустального неба. Над последней находится неподвижный эмпирей — местопребывание божества.

⁴ Звездное небо перемещается с запада на восток на один градус каждые сто лет; $\frac{1}{12}$ градуса — 8 лет 4 месяца.

⁵ Здесь и далее Данте следует учению Фомы Аквинского, восходящему в основном к Аристотелю: человеческая душа образуется взаимодействием трех сил — духа жизни, природного духа и духа душевного. Первый обретается в сердце, второй — в мозгу, третий — в желудке.

⁶ Стих из «Илиады» Гомера («Он казался сыном не смертного человека, но бога» — О Гекторе) мог быть известен Данте только по латинским переводам, так как Данте не знал греческого языка; этот стих цитируется в «Этике» Аристотеля, латинский перевод которой был хорошо известен средневековью.

⁷ Образ любви — Амоге — у поэтов *dolce stil nuovo* не имеет ничего общего с образом Амура позднейших эпох; он изображается не шаловливым дитятей с крылышками, а созревшим юношей, полным силы и величия. Цвет огня — цвет Амора.

⁸ В опущенных нами главах V—XVIII Данте рассказывает о других видениях. В первом Амоге дает ему совет скрыть мнимой любовью к другим доннам свою истинную любовь. Последовав слишком усердно этому совету (ср. сонет, приведенный выше), поэт навлек на себя немилость Беатриче, которая отказала ему в поклоне. Тогда в третьем видении Амоге приказывает поэту поведать в стихах о своей любви к Беатриче. Следующие главы изображают дальнейшие перипетии любви Данте к Беатриче; ее насмешливое равнодушие вызывает ряд поэтических жалоб Данте, но не препятствует ему прославлять ее.

⁹ В этих строках исследователи видят первое указание Данте на замысел «Божественной комедии».

¹⁰ Подлый — в системе воззрений *dolce stil nuovo* — отнюдь не связан с социальными отношениями, но со способностью или неспособностью человека возвыситься до истинного понимания любви и служения ей.

¹¹ Опущена глава XXII, где повествуется о смерти отца Беатриче и приводятся посвященные этому событию сонеты.

¹² В отношении скорби природы при смерти Беатриче широко использованы образы евангелия и «Апокалипсиса».

¹³ Опущены главы XXVIII—XXX, посвященные сложной символике чисел, наличествующих в дате смерти Беатриче.

¹⁴ В дальнейшем мы приводим ряд стихотворений на смерть Беатриче без прозаического комментария.

¹⁵ Заключительный сонет XXV и следующая за ним прозаическая главка образуют как бы переход к «Божественной комедии».

Данте. Стихотворения флорентийского периода и периода изгнания

¹ Стихотворения, связанные с поэзией «Нового сладостного стиля», но не вошедшие в «Новую жизнь».

² *Чино да Пистойя* (род. ок. 1270—1275 — умер в 1336 или 1337 г.) — друг Данте, поэт, юрист и политический деятель. Сонет написан, видимо, в 1304 или 1306 г.

³ Написанный в 1311 или в 1312 г. сонет направлен против папы Климента V, неприязненно относившегося к императору Генриху VII, и покровителя папы французского короля Филиппа IV Красивого, названного поэтом «великим тираном».

⁴ Секстина примыкает к циклу «Стихов о каменной даме», посвященных жестоко-сердцной красавице Мадонне Пьетре (Пьетра — камень). Стихотворение состоит из 6 станц, связанных 6 словами-рифмами, среди которых 6 раз повторяется слово «камень».

Данте. Пир

¹ Трактат «Пир», оставшийся незаконченным (1303—1306 гг.), представляет собой обстоятельный комментарий к трем канцонам, принадлежащим перу Данте. Место прекрасной дамы занимает в них Мадонна (госпожа) философия. Под «пиром» автор подразумевает пиршество мудрости.

² Речь идет о провансальском языке, в котором русскому «да» соответствует «ос» (по-итальянски sì).

³ Если средневековый богослов Фома Аквинский (1225—1274) утверждал, что «ни одному сочинению, написанному людьми, нельзя приписать иного значения, кроме буквального», то Данте, нарушая схоластическую традицию, обращает многомысленное толкование не только к священному писанию, но и к своим собственным поэтическим произведениям.

⁴ «Метаморфозы», XI, 1.

⁵ *Дама* — Мадонна философия.

⁶ Данте полемизирует с Фридрихом II (Швабским).

Данте. Письмо

¹ В мае 1315 г. правительство Флорентийской республики, состоящее из черных гвельфов, объявило амнистию. Однако возвращение на родину было сопряжено с рядом унижительных условий. Изгнанники должны были уплатить штраф, в холщовых рубахах, в бумажных колпаках, с зажженными свечами в руках пройти через весь город и принести в храме публичное покаяние. Письмо адресовано Монетто Донати, брату жены Данте.

² *Чоло дельи Абати* — известный в то время грабитель и убийца.

Данте. Божественная комедия

¹ Средине жизненной дороги — 35 лет; Данте родился в 1265 г., следовательно, он датирует свое видение 1300 годом (время его избрания в приоры — городские старейшины Флоренции). В действительности поэма была написана значительно позже, уже после того, как поэт вместе с другими представителями партии Белых был изгнан правительством Черных из Флоренции (27 января 1302 г.). Таким образом, поэт получает возможность изображать в виде пророчеств все события последующих лет.

² «Темный лес» обычно толкуется как аллегорическое изображение жизни, полной заблуждений и терзаемой страстями; однако один стих Чистилища (XIV, 64) дает основание предположить, что «темным лесом» Данте именуется политическое состояние Флоренции начала XIV в. С этим согласуется и то, что временем вступления в «темный лес» Данте называет время своего избрания в приоры Флоренции.

³ Планета — Солнце, в системе Птолемея тоже причисляемое к планетам. См. выше, примечание 3 к «Новой жизни».

⁴ Аллегорические образы *Пантеры* — Зависти, *Льва* — Властолюбия и *Волчицы* — Корыстолюбия и Распутства становятся у Данте поэтическими символами борю-

щихся сил: Флоренции с ее политическими партиями Белых и Черных (Пантера), Франции и короля ее Карла Валуа (Лев) и Римской курии (Волчица).

⁵ Появление Вергилия; его тихий (в подлиннике — охрипший) голос указывает на недостаточное, по мнению поэта, изучение его творений современниками Данте.

⁶ *Пес* (в подлиннике *Veltro* — «борзой»). Под Псом, уничтожающим волчицу, Данте, вероятно, разумел монарха (императора), которому, как он верил, удастся умиротворить, объединить и осчастливить Италию.

⁷ *Войлок*... — непонятное место.

⁸ Стихи 115—129 дают краткий обзор содержания всей поэмы.

⁹ По представлению Данте, основным средоточием божественной субстанции является эмпирей — высшее неподвижное небо, которым объаты девять вращающихся небес.

¹⁰ Из песни второй здесь приведены начальные три терцины.

¹¹ Чтобы понять дальнейшее, надо представить себе строение Ада по Данте. Под сводом земли расположена воронкообразная пропасть, состоящая из все более узких кругов и упирающаяся в колодезь, на две которого терзается Люцифер. Чем ниже круг, тем ужаснее преступления грешников и тем ужаснее их муки.

¹² Речь идет об ангелах, уклонившихся от участия в битве во время восстания Люцифера против бога.

¹³ Среди отверженных и трусов, заполняющих этот величайший круг ада, Данте находит и своих товарищей по партии, уклонившихся от поддержки ее в трудное время, как Торреджано деи Черки, бывшего сторонника Белых.

¹⁴ Вероятно, это папа Целестин V, избранный в 1294 г. и через несколько месяцев сложивший с себя папство, не имея сил противостоять проискам будущего папы Бонифация VIII.

¹⁵ Данте изображает здесь темную часть Лимба, где пребывают язычники добродетельные, но неизвестные.

¹⁶ Начало песни, изображающее судилище Миноса, опущено.

¹⁷ Герои Троянской войны трактуются Данте в духе средневековых обработок этого сюжета, восходящих к позднелатинским и византийским их обработкам: об этом особенно свидетельствует трактовка образа Ахилла. В средневековых обработках сюжета о Троянской войне значительное место занимает история любви Ахилла, лучшего бойца ахейян, к дочери Приама и сестре Гектора и Париса — троянской царевне Поликсене. Плененный ею Ахилл готов заключить мир с троянцами, но прочие вожди ахейцев настаивают на продолжении войны; в последовавших битвах Ахилл убивает брата Поликсены, Гектора, и гибнет сам от руки Париса, воспользовавшегося любовью Ахилла к Поликсене, чтобы заманить его в засаду.

¹⁸ Эта чета — Паоло и Франческа да Римини, трагическая гибель которых (в 1289 г.) была еще свежа в памяти современников. Боккаччо в своем комментарии к Дантовой поэме так рассказывает трагическую историю Франчески да Римини. «...Она была дочерью мессера Гвидо де Полента, властителя Равенны и Червии, и после того как тянулась долгая и убыточная война между ним и властителем Римини — мессером Малатеста, случилось, что при посредничестве некоторых лиц между ними был улажен и установлен мир. Для того же, чтобы мир имел больше крепости, показалось удобным обеим сторонам породниться и тем закрепить его. Породниться же можно было так: мессер Гвидо должен был отдать свою юную и прекрасную дочь, по имени мадонна Франческа, в супруги Джанчотто, сыну мессера Малатеста. Когда же об этом стало известно некоторым из друзей мессера Гвидо, сказал один из них мессеру Гвидо: «Остерегитесь, ибо, ежели вы не примете каких-либо мер, как бы от этого родства не пришла к вам дурная слава. Вы должны знать вашу дочь, и постоянного ли она нрава, а ежели она увидит Джанчотто до того, как завершен будет брачный обряд, то ни вы и никто другой на заставите ее захотеть его в му-

жя; а потому, ежели будет вам угодно, по мне надлежит держаться вот какого способа: пусть не приезжает Джанчотто венчаться с нею, но пусть прибудет один из братьев его, который, как прокуратор, от имени Джанчотто совершит свадебный обряд». А был Джанчотто человеком весьма проницательным и должен был по смерти отца остаться сеньором, и по той причине, хотя он был гнусен обличием и хром, желал его мессер Гвидо в зятя больше, чем кого-либо из его братьев. И размыслив, что может случиться то, о чем рассуждал друг его, мессер Гвидо приказал поступить так, как друг ему советовал. Посему в подобающее время прибыл в Равенну Паоло, брат Джанчотто, с полномочием повенчаться с мадонной Франческой. Был же Паоло прекрасен собой и любезный человек, и весьма воспитанный; и когда он проходил с другими знатными юношами по двору жилища мессера Гвидо, случилось, что одна из дам, знавшая его, указала его из окна мадонне Франческе, говоря: «Вот тот, кто должен стать вашим мужем». И так и думала эта добрая женщина, а мадонна Франческа тотчас же обратила к нему помышления свои и любовь свою. И была пышно сыграна свадьба, и отправилась дама в Римини, не подозревая обмана, который открылся лишь на утро после брачной ночи, когда она увидела рядом с собой Джанчотто. Принужденная думать, что он заманил ее обманом, она возненавидела его и посему не изгнала из помыслов своих любви, уже обращенной к Паоло. С ним она и соединилась...

...Так Паоло и мадонна Франческа прибывали в близости, а Джанчотто отъехал в соседние земли подестой; и они без всяких подозрений проводили вместе время. И заметил это один из слуг Джанчотто, отправился к нему и рассказал все, что он знал об этом деле, обещая, ежели ему будет угодно, показать их ему и захватить на месте. Взбешенный Джанчотто тайно вернулся в Римини, и слуга его, увидев, что Паоло вошел в горницу мадонны Франчески, провел его к двери горницы, в которую он не смог взойти; ибо заперта она была изнутри. Он в гневе стал звать даму и бить ногой в дверь; по голосу мадонна Франческа и Паоло узнали его, и Паоло попытался быстро скрыться через потайную дверь, говоря даме, чтобы она пошла открыть мужу. Но не вышло так, как он рассчитывал; ибо, когда он бросился прочь, складка платья его зацепилась за железо, торчащее в дереве потайной двери; а дама уже открыла дверь Джанчотто, полагая, что он теперь не найдет Паоло. Джанчотто вошел внутрь — и тотчас же он увидел Паоло, удерживаемого складкой платья, и бросился со шпагой в руке убить его; а дама, заметив это, кинулась еще быстрее и бросилась между Паоло и Джанчотто, уже занесшим на того руку со шпагой, и так подставила себя под удар; и случилось то, чего тот не хотел, — что шпага, которую направлял он в Паоло, сперва вошла в грудь дамы. Приведенный в смятение Джанчотто — ибо больше самого себя любил он даму — вытащил шпагу, снова нанес удар Паоло и убил его; и, оставив их обоих мертвыми, внезапно удалился и вернулся к своим делам. Оба же любовника были с великим плачем погребены на следующее утро в общей могиле».

¹⁹ Опущены песни шестая—девятая, в которых описываются круг третий (обжор и чревоугодников), круг четвертый (скупцов и расточителей), круг пятый (гневных и завистников), круг шестой (ересиархов и еретиков). В круге шестом и застаем мы поэта в песне десятой.

²⁰ В политических расприх Флоренции XII в. род Данте был сторонником гвельфов.

²¹ Во Флоренции гибеллины громили гвельфов дважды — в 1248 и в 1260 гг. В 1265 г. гибеллины, принужденные пойти на некоторые уступки, вернули гвельфов во Флоренцию. Пользуясь поддержкой короля Карла Анжуйского, гвельфы в 1267 г. изгнали гибеллинов.

²² Род Уберти всегда исключался из списков изгнанников, которым разрешалось вернуться во Флоренцию.

²³ Пятьдесят лунных месяцев, т.е. 4 года 2 месяца. Срок, названный Фаринатой, доставляет затруднение комментаторам: видение «Божественной комедии» отнесено поэтом

к 1300 г., изгнан же Данте из Флоренции был в 1302 г. Между тем срок, указанный Фаринатой, приходится на 1304 г.; возможно, что этот год отмечен Данте как год окончательного разрыва его с партией Белых и тем самым утраты всякой возможности вернуться во Флоренцию.

²⁴ После разгрома гвельфов у Арбии гибеллины, по предложению графа Джордано, представлявшего в Тоскане короля Манфреда, организовали совещание в Эмполи; на нем все гибеллины требовали уничтожения Флоренции и срытия ее башен; «но мессер Фарината воспротивился сему с таким мужеством и силой, что защитил ее ото всех, и граф согласился с ним» (Боккаччо).

²⁵ По мнению комментаторов, Данте следует здесь учению Фомы Аквинского о том, что грешникам доступно лишь общее и отвлеченное, но не конкретно существующее, индивидуальное.

²⁶ В этом участке седьмого круга караются насильники над божеством.

²⁷ Опущены песни тринадцатая — восемнадцатая, изображающие прохождение Данте через остальные кольца седьмого круга — круга насильников — и через первые ямы восьмого круга, где терзаются сводники и льстецы. Песнь девятнадцатая рисует третью яму восьмого круга — казнь симонистов. Имя Симона-волхва, пытавшегося за плату получить от апостолов их чудесную силу (Деяния апостольские, VIII, 18—20), становится символическим обозначением продажи духовных должностей и других форм взяточничества духовенства.

²⁸ По объяснению комментаторов, Данте, в бытность свою приором Флоренции, собственноручно разбил топором одну из этих крестильных ям, в которую упал во время игры ребенок; за это враги Данте обвиняли его в нечестии.

²⁹ Во времена Данте убийц зарывали головой вниз живьем в землю; эта ужасная казнь называлась *проаппаге*.

³⁰ Данте вспоминал о мире живых.

³¹ Здесь Данте перечисляет пять величайших войн, опустошавших Италию со времен римлян до начала XIV в. Это: 1) кровопролитные войны в Апулии до начала пунических войн, особенно избиение двух тысяч апулийцев консулом Публием Децием Мусом в 455 г. до н. э.; 2) вторая пуническая война, продолжавшаяся 17 лет; здесь намекается особенно на битву при Каннах, в Апулии, где было убито 50 тыс. римлян, так что ганнибал отправил в Карфаген три меры колец, снятых с убитых римских всадников; 3) войны Робера Гискара; 4) война Карла Анжуйского с Манфредом. Поражение Манфреда произошло при Чеперано, на границе Кампании, благодаря измене апулийцев. Эта измена апулийцев повлекла за собой гибельную битву при Беневенто, где Манфред был побежден и убит; 5) война того же Карла с Конрадином. Победе Карла над юным Конрадином помог только что возвратившийся из Палестины старый французский рыцарь Алар де Валери, давший совет Карлу напасть на неприятеля в ту минуту, когда воины, разбив часть его войск, займутся грабежом.

³² Опущены песни двадцать девятая — тридцать первая, в которых заканчивается описание восьмого круга — ям, в которых терзаются подделыватели. В тридцать второй песни Данте вступает в низший — девятый — круг, в котором терзаются изменники.

³³ Эпизод из «Фиваиды» Стация, вошедший и в ее средневековые разработки. Тидей, один из семи царей, осаждавших Фивы, был смертельно ранен Меналиппом и в свою очередь смертельно ранил его; чувствуя приближение смерти, он приказал отрубить голову трупу и стал с яростью грызть ее. Тогда покровительствовавшая Тидею Афина Паллада в ужасе удалилась от него.

³⁴ Уголино делла Герардеска, граф Донаратико, связанный родственными узами с фамилией Висконти, был вождем гвельфов Пизы; однако, несмотря на это, несколько раз жертвовал интересами партии и города ради своих личных выгод; в 1288 г. пизанские

гвельфы были разгромлены гибеллинами, во главе которых стоял архиепископ Пизы Руджери дельи Убальдини.

³⁵ То есть Италии. В трактате «De vulgari eloquio» Данте отмечает наличие «трех наречий в романском языке: ибо одни народы, утверждая, говорят «hoc», другие «oil», третьи «si», это испанцы, французы и итальянцы».

³⁶ Различие цвета трех лиц Люцифера подвергалось символическим толкованиям; так, в красном лике видели образ гнева, в желтом — зависти, в черном — праздности. Самое представление о тричности дьявольского лика, безусловно, навеяно учением церкви о тричности божества.

³⁷ Данте мыслит божественное начало как источник мирового движения (первый двигатель) и как проникающую весь мир субстанцию. Эта концепция в общем согласуется с учением схоластики. Различна степень восприимчивости вещей к божественному началу. «Простейшая субстанция, каковая есть бог, — пишет Данте в «De vulgari eloquio», — в человеке более отзывается, чем в животном; в животном, чем в растении; в растении, чем в минерале; в минерале, чем в огне; в огне, чем в земле».

³⁸ Характерное включение образа античной мифологии.

³⁹ Здесь Данте отождествляет божественное начало, движущее мир, с любовью.

⁴⁰ В этой песни к высотам Эмпирея (верховного неба Рая) Беатриче расстается со своим возлюбленным Данте.

⁴¹ Данте ссылается на миф о походе аргонавтов. Двадцать пять веков от похода аргонавтов до видения «Божественной комедии» исчисляются следующим образом: от похода аргонавтов до разрушения Трои — 42 года; от разрушения Трои до построения Рима — 431 год; от построения Рима до рождения Христа — 750 лет; от рождения Христа до видения Данте — 1300 лет. Всего 2523 года.

⁴² Три круга — первоисточники света — символизируют христианское учение о тричности божества.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беовульф

¹ Имена действующих лиц эпоса частью засвидетельствованы в исторических хрониках, скандинавских и континентальных, и в северных сагах. Так, имена датских королей (Хеальфдена, его сына Хротгара и ряд других) встречаются в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика; в «Истории франков» Григория Турского и в других франкских хрониках рассказывается о неудачном набеге Хигелака на франкские земли по нижнему Рейну около 520 г. Есть ряд попыток найти исторический прообраз Беовульфа, но общего признания эти попытки не получили.

Чосер. Кентерберийские рассказы

¹ И по-французски говорила плавно — очевидно, на том грубоватом англо-норманском языке, который долго сохранялся в Англии как язык двора, суда и монастырей. Язык этот сильно отличался от живого французского (парижского) говора.

² Устав Мавра и Бенедикта — постановление св. Мавра и св. Бенедикта Нурсийского, основателя ордена бенедиктинцев (V—VI вв.), был старейшим монастырским уставом католической церкви. Здесь мы имеем косвенное указание на то, что перед нами савонный монах-бенедиктинец в отличие от кармелита, монаха нищенствующего ордена. Почти каждая деталь в описании образа жизни и одежды бенедиктинца (охота, пирушки, дорогой мех, золотая застежка, сапоги, уздечка с колокольчиками и пр.) является вопию-

шим нарушением не только монастырского устава, но и многочисленных светских постановлений того времени, направленных против роскоши.

³ *Кармелит* — представитель одного из четырех орденов нищенствующих монахов (кармелиты, августинцы, францисканцы и доминиканцы). Основанные в середине XII в. и в начале XIII в. в целях религиозной пропаганды среди неимущих слоев, ордена эти в первое время требовали от своих монахов выхода из затвора, подвижнической жизни, отречения от всяких земных благ, помощи прокаженным, нищим и больным. Однако очень скоро, и во всяком случае ко времени Чосера (XIV в.), нищенствующие братья выродились в обычных монахов-тунеядцев, прихлебателей и лентяев, не заглядывавших в городские трущобы и больницы, но ставших завсегдатаями богатых купеческих и дворянских домов.

⁴ *Викарий* — здесь: помощник епископа, в частности по дисциплинарным и брачным делам, по вопросам наследования, по вопросам семейного права и всем преступлениям против религии и морали. В Англии эту должность часто занимали так называемые архидиаконы, которых так ненавидели за их вымогательства, что Фома Бекет называл современного ему архидиакона Джеффри Ридели *archidiobolus noster* (наш архидьявол): «Ибо если дьявол крадет душу человека, то архидьявол (архидьякон) крадет его деньги».

⁵ *Братство Ронсевалля* — странноприемный дом для паломников в Ронсевале (Наварра) — имело в Лондоне отделение (госпиталь Ронсевальской божьей матери), которое, как и все заведения этого рода, торговало всякими реликвиями и индульгенциями.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

- Августин А.* Исповедь. СПб., 1999.
- Августин А.* Исповедь. *Абеляр П.* История моих бедствий. М., 1992.
- Бозций.* «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
- Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков. М., 1970.
- Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972.
- Поэзия вагантов. М., 1975.
- Средневековые латинские новеллы XIII в. Л., 1980.
- Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Библиотека всемирной литературы).
- Похищение Быка из Куальнге. М., 1985.
- Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
- Младшая Эдда. Л., 1970.
- Поэзия скальдов. Л., 1979.
- Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы).
- Песни о Гильоме Оранжском. М., 1985.
- Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974 (Библиотека всемирной литературы).
- Прекрасная Дама: Из средневековой лирики / Сост. А. В. Парин, О. В. Смолицкая. М., 1984.
- Жизнеописание трубадуров. М., 1993.
- Средневековый роман и повесть. М., 1974 (Библиотека всемирной литературы).
- Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.
- Флуар и Бланшфлор. М., 1985.
- Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.
- Западноевропейский сонет XIII—XVII веков: Поэтическая антология / Сост. А. А. Чамеев и др. Л., 1988.
- Книга песен: Из европейской лирики XII—XVI веков. М., 1986.
- Английская и шотландская народная баллада. М., 1988.
- Фаблю: Старофранцузские новеллы. М., 1971.
- Роман о Лисе. М., 1986.
- Средневековый бестиарий. М., 1986.
- Средневековые французские фарсы. М., 1981.
- Рютбёф.* Действо о Теофиле // *Блок А.* Театр. Л., 1981.
- Вернер Садовник.* Крестянин Гельмбрехт. М., 1971.

- Данте Алигьери*. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1988.
Данте Алигьери. Новая жизнь. М., 1985.
Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.
Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М., 1996.
Мэлори Т. Смерть Артура: В 3 кн. М., 1991.
Вийон Ф. Лирика. М., 1981.
Вийон Ф. Большое завещание. М., 1982.
Песни южных славян. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы).
Ирано-таджикская поэзия. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы).
Арабская поэзия средних веков. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
Фирдоуси. Шах-Наме. Сказание о Рустаме. М., 1980.
Низами. Стихотворения и поэмы. Л., 1981.
Навои. Стихотворения и поэмы. Л., 1983.
Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Пер. Н. А. Заболоцкого. М., 1962.
Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977 (Библиотека всемирной литературы).
Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
Классическая драма Востока: Индия, Китай, Япония. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы).

В. А. Луков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. А. Луков)	3
ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	
Августин Блаженный (вступ. ст. и сост. В. Лукова)	9
✧ Исповедь (пер. М. Сергеевко)	10
УЧЕНАЯ ПОЭЗИЯ VIII—IX ВВ.	18
Ал ку и н. Алкуин — королю (пер. Б. Ярхо)	20
Словопрение Весны с Зимой (пер. Б. Ярхо)	—
Альбин Коридону (пер. Б. Ярхо)	23
✧ Па в е л Д и а к о н. Во славу Ларского озера (пер. Б. Ярхо)	24
Эпитафия племяннице Софии (пер. Б. Ярхо)	25
✧ Те о д у л ь ф. Об утерянной лошади (пер. Б. Ярхо)	26
В а л а х ф р и д С т р а б о н. К Лиутгеру — клирику (пер. Б. Ярхо)	27
С е д у л и й С к о т т. О дурных правителях (пер. Б. Ярхо)	28
Басня о Льве и Лисице (пер. В. Ярхо)	—
Стих об аббате Адаме (пер. Б. Ярхо)	30
Э к к е х а р т I. Вальтарий Могучая рука (пер. М. Грабарь-Пассек)	31
✧ ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ	42
Кембриджские песни (пер. Б. Ярхо)	43
Сaгmіnа vаgаnа	44
Орден вагантов (пер. Л. Гинзбурга)	—
✧ Нищий студент (пер. Л. Гинзбурга)	46
Беззаботная песня (пер. О. Румера)	—
✧ А р х и п и и т а. Исповедь (пер. О. Румера)	47
Весенняя песня (пер. О. Румера)	50
Праздничная песня (пер. О. Румера)	51
В а л ь т е р Ш а т и л ь о н с к и й. Обличение Рима (пер. О. Румера — строфы 1—5, 7, 12, 14 и М. Гаспарова — строфы 6, 8—11, 13, 15—19)	—
Евангелие от Марки Серебра (пер. Б. Ярхо)	53
✧ Всепянейшая литургия (пер. Б. Ярхо)	55
ВИДЕНИЯ	58
✧ Видение Тнугдала (пер. Б. Ярхо)	59
ДИДАКТИКО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА XIII—XV ВВ.	66
Exemplа (пер. Р. Шор)	67
Из «Римских деяний» (пер. М. Грабарь-Пассек)	69

ХРОНИКИ	70
✓ Саксон Грамматик. Деяния датчан. Сага о Гамлете (пер. Т. Кузнецовой)	70

КЕЛЬТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИРЛАНДСКИЙ ЭПОС	81
САГИ ГЕРОИЧЕСКИЕ	82
✓ Изгнание сыновей Уснеха (пер. А. Смирнова)	82
САГИ УЛАДСКОГО ЦИКЛА	91
✓ Бой Кухулина с Фердиадом (пер. А. Смирнова)	92
САГИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ	103
✓ Плавание Брана, сына Фебала (пер. А. Смирнова)	103

СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СТАРШАЯ ЭДДА	113
✓ Прорицание вёльвы (пер. А. Корсуна, примеч. М. Стеблицна-Каменского)	114
✓ Речи Высокого (пер. А. Корсуна)	121
✓ Песнь о Трюме (пер. А. Корсуна)	127
✓ Песнь о Вёлунде (пер. А. Корсуна, примеч. М. Стеблина-Каменского)	131
МЛАДШАЯ ЭДДА	137
САГИ	140
✓ Сага о Волсунгах (пер. Б. Ярхо)	141
✓ Сага о Фридтйофе (пер. А. Смирницкого)	155

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИРИКА ТРУБАДУРОВ	169
✓ Альба (анонимная) (пер. В. Дынник)	170
✓ Баллада (анонимная) (пер. В. Дынник)	171
✓ Маркабрюн. Пасторела (пер. В. Дынник)	173
✓ Романс (пер. В. Дынник)	174
✓ Бернарт де Вентадорн. Кансона (пер. В. Дынник)	175
✓ Джауфре Рюдель. Кансона (пер. В. Дынник)	177
✓ Бертран де Борн. Плач (пер. В. Дынник)	178
✓ Сирвента (пер. В. Дынник)	179
✓ Сирвента (пер. А. Сухотина)	180
✓ Пейре Видаль. Кансона (пер. В. Дынник)	181
✓ Гираут де Борнейль и Рамбаут. Тенсона (пер. В. Дынник)	182
✓ Гираут де Борнейль. Альба (пер. Ф. де ла Барта)	183
✓ Беатриса де Диа. Кансона (пер. В. Дынник)	184
✓ Кансона (пер. В. Дынник)	185
✓ Ук де ла Баккалариа. Альба (пер. В. Дынник)	186
✓ Альба (пер. В. Дынник)	—

БИОГРАФИИ ТРУБАДУРОВ	187
Маркабрюн (пер. М. Сергиевского)	188
Джауфре Рюдель (пер. М. Сергиевского)	—
Гильом де Кабестань (пер. М. Сергиевского)	—
Бертран де Борн (пер. М. Сергиевского)	189

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о св. Евлалии (пер. С. Пинуса)	193
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС	194
✓ Песнь о Роланде (пер. А. Сиповича)	194
ДУХОВНАЯ ДРАМА	249
• Действо об Адаме (пер. С. Пинуса)	249
ЛИРИКА XII—XIII ВВ.	254
Ткацкие песни I—III (пер. Е. Васильевой)	255
Конон де Бетюн. Песнь о крестовом походе (пер. Е. Васильевой)	258
Песнь о крестовом походе (пер. А. Сухотина)	260
Гас Брюле. Песня (пер. О. Румера)	262
Песнь о заре (пер. О. Румера)	263
Тибо, граф Шампанский. Пререкание (пер. С. Пинуса)	264
Песня (пер. С. Пинуса)	265
Песнь о крестовом походе (пер. С. Пинуса)	266
ЛЭ (LAIS)	266
• Мария Французская. О жимолости (пер. М. Замаховской)	266
КУРТУАЗНАЯ ПОВЕСТЬ И РОМАН	269
• Кретьен де Труа. Рыцарь Льва (пер. М. Замаховской)	269
Мул без узды (пер. Е. Васильевой)	281
Окассен и Николет (пер. М. Ливеровской)	295
✓ Роман о Тристане (пер. Р. Шор)	309
ПОЭЗИЯ ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ	320
• ФАБЛИО	321
• О буренке, поповской корове (пер. С. Вышеславцевой)	321
Завещание осла (пер. С. Вышеславцевой)	323
О виллане, который тяжбой приобрел рай (пер. С. Вышеславцевой)	327
Тытам (пер. С. Вышеславцевой)	331
О сером в яблоках коне (пер. В. Дынник)	333
САТИРИЧЕСКИЙ ЖИВОТНЫЙ ЭПОС	350
• Роман о Лисе (пер. Вик. Масса)	350

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ЭПОС	360
♦ Роман о Розе	362
Гильом де Лорис. Начало романа (пер. С. Пинуса)	—
Жан де Мён. Истинное благородство (пер. А. Сухотина)	367
МИРАКЛЬ	368
♦ Рютбёф. Чудо о Теофиле (пер. А. Блока)	369
ЗАЧАТКИ СВЕТСКОГО ТЕАТРА	376
Адам де ла Аль. Игра о Робене и Марион (пер. А. Сухотина)	376
КОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР XIV—XV ВВ.	381
ФАРС	381
♦ Господин Пателен (пер. А. Арго и Н. Соколовой)	381
ЛИРИКА XIV—XV ВВ.	387
Э. Дешан. Баллада (пер. С. Пинуса)	387
Вирелэ (пер. С. Пинуса)	389
Карл Орлеанский. Песня (пер. С. Вышеславцевой)	390
Рондо: «Проси огня, огня зимой...» (пер. С. Вышеславцевой)	—
Рондо: «Время сбросило одеянье...» (пер. С. Вышеславцевой)	—
Баллада (пер. С. Вышеславцевой)	391
Рондо: «Вы, Старость, мне обузой стали» (пер. С. Вышеславцевой)	392
Вийон. Из «Большого завещания» (пер. Ф. Мендельсона)	—
Баллада о дамах былых времен (пер. В. Брюсова)	393
Баллада примет (пер. И. Эренбурга)	397
Баллада поэтического состязания в Блуа (пер. И. Эренбурга)	398
Баллада — послание друзьям (пер. И. Эренбурга)	399
Четверостишие (пер. И. Эренбурга)	400

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАКЛИНАНИЯ	403
Первое Мерзебургское заклинание (пер. Б. Ярхо)	403
Второе Мерзебургское заклинание (пер. Б. Ярхо)	—
Песнь о Хильдебранде (пер. и вступ. ст. Т. Сулиной)	404
Песнь о Людвиге (пер. и вступ. ст. Т. Сулиной)	408
Вессобрунская молитва (пер. и вступ. ст. Т. Сулиной)	410
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС	411
♦ Песнь о Нибелунгах (пер. Ю. Корнеева)	411
КУРТУАЗНЫЙ ЭПОС	460
Гартман фон дер Ауэ. Бедный Генрих (пер. Л. Гинзбурга)	460
Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль (пер. О. Румера)	472
♦ Готфрид Страсбургский. Тристан и Изольда (пер. О. Румера)	476

МИННЕЗАНГ	482
Kume, kum, geselle min... (пер. <i>Р. Шор</i>)	483
Du bist min, ich bin din (пер. <i>Р. Шор</i>)	483
Кюренбергер. I—II (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	484
Дитмар фон Айст. «Спишь ли мой друг...» (пер. <i>М. Шор</i>)	—
«Бедняжка среди луга...» (пер. <i>О. Румера</i>)	485
Генрих фон Фельдеке. «Уже не первый год...» (пер. <i>Р. Шор</i>)	—
«Королеве верен был...» (пер. <i>Р. Румера</i>)	486
Фридрих фон Хаузен. «Ах, плоть и сердце спорят...» (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	—
Генрих фон Морунген. «Увы, еще когда-нибудь...» (пер. <i>О. Румера</i>)	487
Рейнмар Старый	488
Гартман фон дер Луэ	—
Вальтер фон дер Фогельвейде. I—IV (пер. <i>О. Румера</i>), V (пер. <i>И. И. Иванова</i>), VI—VII (пер. <i>О. Румера</i>)	490
Вольфрам фон Эшенбах. «Прорвав когтями густое покрывало тучи» (пер. <i>О. Румера</i>)	494
Нейдгарт фон Рейенталь. «Май, окруженный славой...» (пер. <i>О. Румера</i>)	495
Готфрид фон Нейфен. «Все-то лето напролет...» (пер. <i>О. Румера</i>)	—
ЛИТЕРАТУРА ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ	496
Штрикер. Поп Амис (пер. <i>М. Замаховской</i>)	496
Фрейданк. Из книги «Разумение» (пер. <i>М. Замаховской</i>)	501
Вернер Садовник. Крестьянин Гельмбрехт (пер. <i>Р. Френкель</i>)	507

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС	517
Песнь о моем Сиде (пер. <i>Б. Ярхо</i> , переработанный <i>Ю. Корнеевым</i> и <i>А. Смирновым</i>)	517
Родриго (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	549
ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА XIV В.	554
Хуан Руис. Книга о хорошей любви (пер. <i>А. Сиповича</i>)	554
Хуан Мануэль. Граф Луканор, или Мудрость Патронио (пер. <i>А. Сиповича</i>)	562

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗАИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА XIII В.	573
Новеллино, или Сто древних повестей (пер. <i>Р. Шор</i>)	573
ЛИРИКА «НОВОГО СЛАДОСТНОГО СТИЛЯ»	575
Гвидо Кавальканти. Сонеты (пер. <i>О. Румера</i>)	576
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ.	577
Новая жизнь (пер. <i>И. Голенничева-Кутузова</i>)	579
СТИХОТВОРЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА.	594
Данте — к Гвидо Кавальканти (пер. <i>И. Голенничева-Кутузова</i>)	594

«Я ухожу. Виновнику разлуки...» (пер. <i>Е. Солоновича</i>)	—
Баллатта (пер. <i>Е. Солоновича</i>)	595
Станца (пер. <i>Е. Солоновича</i>)	595

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ 596

Данте — к Чино да Пистойя (пер. <i>Е. Солоновича</i>)	596
«Недолго мне слезами разразиться...» (пер. <i>Е. Солоновича</i>)	—
Секстина (пер. <i>И. Голенищева-Кутузова</i>)	597
Из трактата «Пир» (пер. <i>А. Габричевского</i> , канцоны — <i>И. Голенищева-Кутузова</i>)	598
Третья канцона (пер. <i>И. Голенищева-Кутузова</i>)	600
Письмо (флорентийскому другу) (пер. <i>И. Голенищева-Кутузова</i> и <i>Е. Солоновича</i>)	602

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ 603

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС 661

• Беовульф (пер. <i>М. Замаховской</i>)	661
Бой под Бруннбургом (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	672

ЛЕНГЛЕД 674

Видение о Петре-Пахаре (пер. <i>А. Сиповича</i>)	674
---	-----

ЧОСЕР 685

• Кентерберийские рассказы (пер. <i>И. Кашкина</i>)	685
--	-----

ТОМАС МЭЛОРИ 714

Из романа «Смерть Артура» (пер. <i>И. Бернштейн</i>)	714
---	-----

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ XIV—XV ВВ. 720

Б а р б о р. Брюс (пер. <i>Б. Колесникова</i>)	720
Г е н р и с о н. Басня о городской и сельской мышах (пер. <i>Б. Колесникова</i>)	724

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА XIV В. 733

«Деревья оделись листвою...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	733
«Скорби тайной и глубокой...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	734
«Стража зоркая лукава...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	—
Лекарь (пер. <i>А. Сиповича</i>)	—

СМИЛЬ ФЛЯШКА 744

Спор воды с вином (пер. <i>А. Сиповича</i>)	744
--	-----

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РАЗГОВОР МАГИСТРА СО СМЕРТЬЮ 753

Песни сандомирянина (пер. <i>А. Сиповича</i>)	761
--	-----

ОТРЫВКИ ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ 763

Ф О Л Ъ К Л О Р Ю Ж Н Ы Х С Л А В Я Н

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЮЖНЫХ СЛАВЯН.	767
СЕРБСКИЕ ПЕСНИ.	768
Вук клеветает на Милоша (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	768
Царь Лазарь и царица Милица (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	770
Кто лучший юнак? (пер. <i>Н. Кравцова</i>)	776
Марко пашет (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	777
 БОЛГАРСКИЕ ПЕСНИ	 778
Золотая яблоня (пер. <i>В. Левика</i>)	778
«Что ты кличешь, черный ворон...» (пер. <i>Э. Ананиашвили</i>)	781
Смерть Марко-юнака (пер. <i>В. Левика</i>)	—
Турок шел лесом (пер. <i>М. Голодного</i>)	782
Сиротка Генчо (пер. под ред. <i>Е. Книпович</i>)	783
Примечания (<i>Б. И. Пуришев</i>)	788
Средневековая литература в русских переводах (<i>В. А. Луков</i>)	808

